Мои останкинские сны и субъективные мысли

Эльхан Мирзоев

SHOUT
SHARE
IT

- Эльхан Мирзоев
  -
  - Послесловие, послемыслие, пробуждение
  - Стакан
  - Прелюдия. Уникальный творческий руководитель
  - НТВшники. Класс обслуживающий
  - Голубой огонек
  - Наркотики и борьба
  - Правда Михаила Трепашкина
  - «Да на.рать мне на ваш поезд». Лицо власти
  - Корпоративная этика без корпоративной солидарности, или Останкинские импотенты
  - Блатные. Теракт на «Рижской»
  - Метаморфозы
  - Беленькая блузочка для президента
  - Господа и холопы, беки и нукеры. Беседы с К***
  - Министры, пресс-конференции и толстая кишка депутатов Госдумы
  - Забастовка рабочих ДОН-Строя, или Как я подставил компанию
  - Бедные киргизы
  - Главное здание в стране, или Show must go on!
  - Мещанское равнодушие
  - Пиво и потрахаться. Будни неорабовладельческого общества
  - Вербальные герои вербальной оппозиции
  - «Любимый руководитель», продюсер Владимир Долин и попугай Филя
  - Смерть Журналиста
  - Квартира от губернатора
  - Ливан. «Не имеющая аналогов эвакуация наших»
  - Кипр. Командировка в рай
  - «Добро пожаловать в Грузию!»
  - Мебель для подвального помещения
  - Газпром-ТВ
  - Цепной пёсик, или Про мальчика на побегушках
  - Кадровая политика как доказательство Теории использованного презерватива
  - «Путин — м.дак!»
  - День выборов
  - От Косова до Якутии
  - Портрет Медведева
  - «Дорого и круто!»

    - Первый канал. В мире зверей
    - Страна-Участок
    - Дети-Алкоголики-Скрипачи
    - Бунт на 6 000. Инструкция к применению
    - Моя борьба. Судьи нашего времени
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38

- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82

- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126

- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170

- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179

Эльхан Мирзоев
МОИ ОСТАНКИНСКИЕ СНЫ
и субъективные мысли

Светлой памяти моего учителя
в профессии Валеха Рзаева

Обратная связь: info.yourruler@gmail.com
Яндекс-кошелек автора: 410011206809019
Source URL: http://ostankino2013.com/

Послесловие, послемыслие, пробуждение

Я — лузер. Самое удивительное — мне не стыдно в этом признаться. Более того, мне даже приятно ощущать это.

Честно. До этого сложно было дойти. Признаться. Я же с Кавказа родом: мужчина — это победитель. Кормилец. Воин. Да, с этим общественным мнением я согласен. Ну что же делать — не получилось… Но мне всё равно почему-то приятно.

Чёрт, почему же мне так приятно, а? Это же странно. Я думал и понял.

Сейчас быть маргиналом — значит, быть человеком *против* враждебного Абсурда. Ничто. Быть против Среды. Быть вне Системы. Внесистемный журналист — априори сейчас это профессиональный лузер. И, очень важно, теперь этот статус — мой сознательный выбор. Я удовлетворён. Да, точно — могу сказать, что я доволен. Это единственно понятный и удовлетворяющий меня мой-экзистенциальный-выбор.

Система. Система… Не хочу служить Системе. Быть её винтиком или даже важным болтом. Вообще, не хочу быть никакой деталью. Я хочу быть. Просто — быть.

Согласен, спокойнее быть винтиком в Системе или в системе. Успокаивать себя — мол, от меня ничего не зависит, мир не изменить, а также — «их не прошибёшь», «мы не готовы», «такой вот народ». Но! Деятельность винтика укрепляет работу Системы. Не так, как большой и важный болт, например, Сурков, или какой-нибудь Михалков, но он тоже приносит пользу *им*.

Лучше лузером, чем винтиком.

Мне говорят — я не разбираюсь в жизни. Ещё мне говорят, что я глупый. Это мне говорят часто, и притом разные люди. Раз в неделю кто-то мне это говорит. В последнее время это перестало меня злить. Теперь это мне нравится. Почему? Потому что это признание в том, что я не такой как та группа людей, к которой относит себя, или к которой хочет принадлежать тот или иной говорящий мне это определение человек. То есть я не такой как он или они и, потому, я глупый. А нравится это мне всё потому, что группа людей, к которой относит себя, или хочет принадлежать к ней тот или иной говорящий это определение человек, мне ой как не нравятся.

Они мне не нравятся! Да, *они* — мне так легче…

Это они успешные? Они хозяева жизни? Разве? Что же они спиваются?! Что же у них взгляд такой потухший?! Что же они

звонят мне, встречаются со мной, напиваются со мной — лузером! — и оправдываются?! Есть такие, которые общаются исключительно под воздействием алкоголя. Когда трезвые — не звонят, тогда даже трубку не поднимают. Вот как напьются — я им нужен… И оправдываются! Перебивают, не слушают и оправдываются! Любимая их мысль: «Мы — заложники времени». И давай — перечислять обстоятельства.

Многие из них нормальные люди… Но мне этого мало.

Сегодня напиваются, жалуются, а утром — на работу. На службу…

Это время — ваш заложник…

Ну, да — побывал я в Системе. Увидел эту кухню изнутри. Иногда мне кажется, что всё это было во сне. Мои кошмары. Останкинские. Они мне уже редко снятся. Всё реже и реже.

«Российское телевидение». Грязно. Дааа. Меня развели как лоха. Я же думал — они серьёзно. Ну, что правила игры не декларативны. Что здесь — лучшие. Я же не понимал, что правила для вида. Всё это пустое. Никто их не собирается по-настоящему выполнять… Вот смысла я не понял. Смысл какой всей этой имитации? Не понимаю смысла… Да, тогда я был слишком наивен. Сейчас по-другому. Сейчас я просто наивен. Не случайно всё это. Не случайно из всех русских святых меня больше восхищает Василий Блаженный. Вот был человек! Идеальный кандидат на статус покровителя профессии… Если уж нужен кумир…

Пусть. Пусть я глупый и несерьёзный. Но никак не могу убедить себя в том, что *они* поступают серьёзно. Эти нахмурившиеся люди думают, что делают важную работу — понимание этого отражено у них на лице. Нет. Они серьёзны в том, что того не стоит. А в том, что по-настоящему важно, ведут себя легкомысленно, трусливо. В их действиях много нелогичного. Неразумного. Двуличного. Слабого. Крысы!

Имитация жизни — бОльшая глупость, чем осознанный выбор статуса лузера.

Коллеги… Или калеки? А это их выбор. Они тоже лузеры? Да? Не соглашусь… Лузеры ли они? Этот статус ещё надо заслужить. Доказать. Защитить. Но они точно не виннеры. Это бесспорно!

Но я многим из них завидую. Способности быть конформистами, жить без волнений, не изъедать своё тело и душу. Я тоже хотел спокойной размеренной жизни. Пытался — не получается. На месяц, на два меня хватает, а дальше снова — пропасть. Это же разные профессии — пропагандиста и журналиста. Информационные выпуски на телеканалах — да весь

их контент — превратились в блоки рекламных роликов, неумеренно расхваливающих и пропагандирующих Систему. В лучшем случае, коллеги оправдывают и прогибаются под неё. Поверит умный человек рекламе? Нет, если она врёт о продукте. А реклама всегда врёт о продукте. В лучшем случае, привирает. Не хочу заниматься последним. Не хочу работать на мифы. Мне интересен реальный мир, окружающий меня. Настоящие люди, которых я вижу. А не мир, который сегодня вдруг увиделся Владиславу *Юрьевичу* Суркову. Пропагандировать поведение, выгодное *им*, подспудно навязываемые ими *их бесценности* — убей, обмани, укради, выживи за счёт другого. Люби хозяина. Убей, прежде всего, себя! *Убей в себя мужчину!* Ответственность, мужество — всё это пустой звук. Не будь человеком слова, будь человеком слов (раньше было ёмкое, чёткое определение — человек слова, теперь для большинства подходит другое — человек слов). Хомячком и «зайкой» — так спокойнее. Стань биомассой. Культурологическим мусором. Люби, люби хозяина! Главное — не думай, главное — воруй, хапай, трать, трать, воруй, хапай. Чтобы с людей резьба соскочила. Крыша поехала. *«Бери от жизни всё!»* И люби хозяина! Жизнь — ради вещей. Во имя вещей. И люби хозяина! Люби, люби хозяина!

Я? Я не лучший! Простоя я есть. Хочу быть.

Мне только это и остаётся. Только быть. Разным. Самим собой. Я хочу быть.

Может, я рефлексирую из-за того, что у меня не получается так, как положено? Может быть. Я вот пробовал украсть однажды — не получилось. Вот лихой разбой — в подростковом возрасте: забава, игра в удаль молодую, с кодексом чести — получался, а кража нет. Не везёт. Лишний я человек. Говорю же — лузер.

Если бы в Системе был смысл, может, я и стал бы её винтиком.

Или… Ну, может *эта* Система быть хотя бы иногда умнее? Обслуживать Систему, видимость работы которой может обмануть только людей, готовых быть обманутыми — или по малодушию, или по наивности?! Или же у них свои интересы — и недовольство Системой заканчивается после приглашения в Систему.

Лучше лузером.

Или ещё один обман Системы. Предлагают создавать какие-то общественные советы, какие-то профсоюзы, подписывать декларации, придумывать новые информационные *позитивные* проекты. Это тоже имитация. Не альтернатива, а имитация. Ну, как Общественная палата, никакими реальными рычагами влияния не обладающая, имитация Госдумы. Зачем дублировать

существующие институты? Никакая декларация не заменит Конституцию и другие законы, никакие общественные советы не заменят ни исполнительную власть, ни судебную. Никакая *альтернативная* информационная система не заменит федеральное телевидение, сейчас служащее Кремлю, а не обществу.

Понимаю. Безопаснее заниматься имитацией. Чем принуждать уже существующие институты работать.

Это тоже ловушка Системы. Я же говорю — не хочу быть винтиком.

Лучше лузером…

Да, и вообще, на огромном постсоветском пространстве от лузера до виннера один шаг… И наоборот.

Жалею ли я, что был в этой Системе? Нисколько. Чтобы понять Систему, надо проникнуть в неё. Иначе, со стороны, можно обмануться — будешь думать, что они ошибаются, что они же хорошие, просто, надо им помочь, *«внести свой вклад, не оставаясь равнодушным»*. Всё становится понятно, когда оказываешься внутри, работаешь на Систему, а потом вдруг прозреваешь. Вдруг. Окончательно.

Изменить Систему изнутри? Это заблуждение! Система отнимет все силы, высосет все соки и выбросит тебя обессиленным на свалку. Систему надо ломать по-другому. Надо быть. Просто — быть. Не сдаваться и быть. Правда, просто быть — не просто…

Вот ещё, что приятно. Мне говорят, что у меня плохой характер. Согласен. Я сам так считаю. Никогда не считал себя супер честным. Вообще, всегда считал себя человеком крайне отрицательным. Честно. Неуживчивым, несдержанным, ненадёжным. В конце концов, просто буйным — с восьми лет у меня периодически звенит в ушах, и я начинаю терять контроль над собой. И характер у меня отвратительный. Мой близкий друг в студенческие годы всем говорил, что отдаст за меня жизнь, но жить со мной в одной комнате в общежитии никогда не согласится. Даже — посредственным. А тут… На фоне этих негодяев и трусов я вдруг оказываюсь принципиальным, честным. Ну, в своих глазах. В своём субъективном мнении. Мир ведь познаётся в сравнении. Вернее, жизнь не просто познаётся в сравнении, она познаётся только в сравнении. В субъективном. Ну, релятивист я.

Ха, я оказываюсь лучше, чем они. Это же смех! Я? Приятно, жуть как…

Правда, приятно лишь на какое-то время…

Они называют себя прокремлёвскими СМИ. Проекремлёвский

телеканал. Прокремлёвская газета. Прокремлёвский журналист. С прокремлёвскими взглядами… Это звучит где-то даже положительно, это даже вызывает уважение в нашем отбросившем логику, а потом принявшем и исповедующем в качестве самой распространенной религии культуру и идеологию бюрократических, неофеодально-неорабовладельческих взаимоотношений обществе. «Прокрёмлевское», «провластное», «пропутинское». Смешно. Всё дело в этой приставке «про-«: значение у которой — сторонник кого- или чего-нибудь. Сторонник? Сторонник имеет позицию, у него есть выбор, он делает (!) выбор. Он разумен — он личность. Прокрёмлёвский — это о партнёре. А партнёрство предполагает равноправие сторон. Равноправие сторон! Они не прокремлёвские, они прикремлёвские. Прокрёмлевским могло быть НТВ 96-го года, или Первый канал (ОРТ) 99-го года, а в 2000-ые всё российское телевидение стало прикремлёвским. Привластным, припутинским, примедведевским. Прикремлевский — значит, примыкающий к Кремлю. Прикрелёвский журналист — это, как минимум, подчиненный, а в нашем историческом контексте — карманный, сервильный. Вот — холопский!

Понимаю, никто не без греха. И что?!

90-е… Какие были надежды. Идеи. Перебесились бы, и всё стало бы налаживаться. Естественный процесс. Засучили бы рукава — и стали бы по-настоящему решать проблемы. Ведь загнанные вглубь болезни вернутся с большей разрушительной силой. Как будто косметический ремонт спас хотя бы одно общество, хотя бы один организм!.. Как будто сейчас не убивают, не стреляют. Ещё циничнее. Не «лихие 90-е» они были, а «свободные 90-е». Куда всё делось? Что произошло? Что? Ради чего? Те годы словно привиделись во сне. Словно их не было. Тоже как сон. Как сновидения.

Свобода — в том числе и свобода слова — это не какая-то абстракция. Это очень конкретное явление; конкретный механизм. Это инструмент самоконтроля и развития общества. Это право на выбор. Это власть. Власть, например, не людей, которые работают в профессии. Это властный инструмент самого общества. Так же и демократия, общность индивидуальностей. Максимум людей имеют право доступа к общественному «пирогу» и реализовывают это право. Но также максимум людей имеют обязанности по созданию этого «пирога».

У кого ни спроси, все это знают. А я, как дурак, всякий раз переспрашиваю — знают ли? помнят ли? Потому что ощущение — что они этой банальной причинно-следственной связи не знают. Не испытывают. Может, не чувствуют? Говорят: «*Это* не в

моей власти». Ну и прочую чушь. Хорошо, что же подыгрывать-то тогда тем, в чей *это* власти? Что же игрушкой в их руках становитесь?

Вот у меня друг-коллега О. — парень очень неглупый, но всю осень 2008 года убеждал меня в том, во что сам искренне верил: «Знаешь, почему случился мировой финансовый кризис?» «Ну, — говорю, — и почему, дружок?» А он: «Да как ты не поймёшь, глупый? Да потому что в августе (имея в виду результаты российско-грузинской Пятидневной войны в августе 2008 года) весь мир понял, что Россия ничего не пожалеет ради защиты своих интересов. Что она будет проводить свою независимую международную политику, исходя из своих целей. Весь мир понял, что с Россией шутить не надо! Вот они этим кризисом пытаются развалить нашу экономику! Отомстить так России! Подонки!» Я хохотал, издевался над ним — а он злится и опять — доказывать. Вот, что делает пропаганда со своими исполнителями. Даа, некоторых журналистов надо защищать от самих себя. Чему удивляться, Путин, небось, в начале кризиса тоже думал, как О. Нет, я знаю чиновников-*государственников*, которые до сих пор так думают. Ну, такие современные русские и нерусские *патриоты-государственники*, которым их главное занятие — например, контрабанда мебели из-за рубежа или же разворовывание федеральных бюджетных денег на развитие спорта — нисколько не мешает их *патриотизму*. Ну, контрабанда — и что? они ещё и наркотики транспортируют — крупными партиями — и что? *Патриоты*…

Это комплексы. КомплексЫ ***не***полноценности. Их количество у человека пропорционально влияет на уровень его адекватного восприятия окружающей действительности. Дааа, мы все в плену своих комплексов. Все на постсоветском пространстве, все страны, общества. Потому и сидим в жопе. Такие все умные, а в жопе. Никак не отбросим лишнее. Все!

Возможно, здесь мой субъективный взгляд. Нет, точно — здесь только мой субъективный взгляд. Я же писал о том, что видел я сам. И что меня волновало, поражало в других. Может, остальных тоже что-то поражало во мне. Я же не могу писать о том, что их изумляло, показывать их субъективный взгляд. Пусть они сами напишут. Пусть. Если все будут писать, что-то изменится… А-то так легко ленью и страхом оправдывать своё равнодушие и чёрствость. И инфантилизм…

А меня сильно всё изумляло. Вот пишу и не могу поверить, что это было в реальности. Как во сне. Мои останкинские сны…

Почему я всё это пишу. Людей сдаю, сор из избы выношу. Ну, во-первых, мне скоро 33 — и мне уже можно. Во-вторых, хочу

отчитаться перед налогоплательщиком — об увиденном на телеканалах с государственным участием. Считаю своим долгом. Хотя последующее чтение не сделает обычного человека лучше. Это точно. Обычного человека это сделает злее. Нормально. В-третьих, ну, может, кто увидит себя со стороны, задумается и изменится. А вдруг кто испугается — изменится. Самое важное — я вижу смысл в том, что делаю. В этом смысл есть!

Но наиглавнейшее — по-моему… Самая массовая современная религия — это не Ислам, Христианство, Буддизм. Самая массовая современная религия — Телевидение. Это — религия постиндустриального человечка, мегаполисного раба, потребляющего самовлюблённого ничтожества, винтика техногенной «цивилизации». У каждого такого ничтожества дома есть идол, божок его религии — телевизионная коробка, «ящик». У одних этот божок дорогой, в виде модного **жидкокристаллического или плазменного**, у других подешевле, у третьих — все ещё черно-белый. Но религия одна. И вера одна — страстная вера, горячая. Не лгите — в этом не стыдно признаться — наверняка, у вас дома «ящик» занимает центральное место в квартире, комнате, как главный член семьи, хозяин семьи. Правильно — главный свой идол современный человечек помещает на постамент. Каждый день — один или вместе с членами своей семьи — спешит на ежедневную проповедь, как настоящий воцерковленный, прилежный верующий. Каждый день поклоняется своему кумиру, молится ему. С молитвой начинает своё утро, и с нею отходит ко сну. Он верит своей религии, своему божку. Обожает — да, да. Часто критикует — это, тем более, модно. Но обожает свою религию. Потому что не может без неё жить. Но, главное, верит, верит подлец в неё. Так вот. Теперь читайте про тех, кто делает эту религию. Смотрите на жрецов вашей религии. Думайте, кому вы поклоняетесь. Неужели, они нравственнее, умнее, честнее, приятнее окружающих вас людей — реальных людей?! И, неужели, стоит тратить хоть какое-то своё время на них?! И стоит ли делиться с ними хотя бы каплей своего доверия?! Ваша религия — сон, мираж, обман. Опиум ваша религия.

Я знаю, что выход есть. Надо не воспринимать Систему всерьёз, надо жить так и поступать так, словно её нет. На их вертикаль класть свою горизонталь. Серьёзно. Кто такой Путин? Никто! Ноль! Медведев? Какой-то шут! Сурков? Озабоченный чинушка! Тля! Кулистиков? Толи бизнесмен, толи алкаш! Добродеев — взяточник и лицемер! Эрнст? Спекулянт и вор! Чиновник из Управы? Потенциальный кандидат на избиение! Они — никто! Не смотреть на них по «ящику», не слушать их по радио,

не читать про них в газетах. Но главное — «ящик». Нельзя серьезно смотреть *в него*, не слушайте эту коробку. Уберите её с постамента. А лучше сломайте этого идола, божка. Избавьтесь от него. Если *они* узнают — то, что они говорят и показывают, никто не слышит и не видит, да Система сама через месяц лопнет. Надоело быть глупым.

Хотя «ящик» это только начало. Те, кто «уже давно не смотрит телевизор», всё равно остаются в *нужном информационном пространстве* — с адаптированными медийными (например, в Интернете) механизмами, с настроенными на *продвинутую аудиторию* тональностями, причёсанными под неё «новостями», «аналитикой», «дискуссиями». Система — она везде. Мы сами создаём Систему. Потому что Она питается нашими слабостями, комплексами…

Только в недостатках человека Её сила. Хочешь быть причастным к империи, сверхдержаве? Ты это можешь получить, но вместе с императором у себя над головой, который будет высасывать соки и кровь не только у колоний, но и твою. Построишь государство на чужом горе? Получи суррогат счастья, но расплачиваться придётся твоим детям, потомкам. Хочешь лелеять свои комплексы, боишься быть таким, какой ты есть? Покупай! покупай! покупай! покупай! владей!.. становись рабом вещей! рабом услуг! рабом рабов! Сила — это слабость.

Так и с телевидением. Лень заставлять себя думать? Страшно брать на себя ответственность? Тогда — добро пожаловать в шерстяные ряды стада: куда поведут, туда и иди; что дают, то и жуй, то и глотай.

И всё же. Отказ от «ящика», отречение от этого божка — первый шаг к выходу из Системы. Первый шаг к разрушению Системы. Чтобы выйти из Системы, надо встать и выйти из Системы. Выйди из Системы! Встань и выйди!

Будут ломки. Будет трудно. Будет страшно. Не все смогут. Вообще-то, *они* на это и рассчитывают… Надеются.

Не знаю, может кому-то и поможет распространяемая мною информация. Знаю, что «*боги умирают, но религиозный дух вечен*». Тем более в России — одного бога-царя сбросят, начинают верить другому богу-царю. Лепить новых кумиров, богов, божков. Из-за лености — лень думать. Делать что-то. Самому отвечать за свою судьбу. Бесконечно. В России. Везде.

Не знаю. Но лучше «*сажать алюминиевые огурцы на брезентовом поле*». Хотя бы для того, чтобы не играть в *их* игры. Хотя бы для того, чтобы нарушить *их* планы.

Source URL: http://ostankino2013.com/posleslovie-poslemyslie-

probuzhdenie.html

Стакан

ФГУП «ТТЦ «Останкино»». По старому — ТТЦ «Останкино» имени 50-летия Октября. Адрес: РФ, г. Москва, ул. Академика Королёва, 12 и 19.

Вы когда-нибудь были в Останкино? Или как правильно надо говорить — в Останкине? Хотя привычнее, распространеннее — в Останкино. Или просто — в Стакане. Ну, так вот, видели этот стеклянный саркофаг, который его авторы-архитекторы считали «грандиозным сооружением, напоминающим океанский лайнер»?

Бывает, некоторые здания ужасны снаружи, но изящны, удобны, логичны внутри. Редко, но бывает. Чаще, *интересные* снаружи строения внутри — *пустые*, убогие. Да, таких зданий много. Но я об Останкино. Здесь убого всё. Особенно, внутренний мир.

Всегда хотел узнать — о чем думал человек, проектировавший эту коробку? А люди, разрешившие строительство этой серости — чем они дышали? Допустим, задумывая контуры и общий вид Останкино, они вдохновлялись архитектурой надгробных памятников. Ну, могильных плит. Но ведь можно было сделать этот объект хотя бы внутри функциональным…

Страшно удручающее зрелище. Философия дзота в железобетоне. Сколько же сюда ушло железобетона! Может, они готовились к ядерной войне? Не понимаю. Разве, у них душа никогда не любила? Разве они ни разу не смотрели на звёздное ночное небо — лежа на снегу в двадцатиградусный мороз? Не танцевали под весенним дождём — открыв ему навстречу лицо и крича от радости? Не видели цветные сны? Не наслаждались сладостью желанных женщин? И жили, не чувствуя себя частью Природы, Космоса? И даже с деревьями ни разу не разговаривали? Неужели, даже к смерти не готовились? Не думали о том, с каким выражением лица уйдут в вечность? Что останется после того, как их тела разложатся, распадутся, рассыпаются?

Нет, люди, придумавшие и построившие *это*, могли быть только духовными рабами. И строили *это* для рабов.

В главном здании ТТЦ «Останкино» — АСК-1 (как и в малом здании телецентра АСК-3) — три проблемы: логика, свет и свободное пространство.

Да, первый этаж создаёт обманчивое впечатление. Потому что первый этаж — это витрина. А ведь известно — с яркими витринами, настырной мишурой, торопливой показухой и

оглушающими фейерверками в стране всё в порядке. Потёмкинские деревни — это наше прошлое, настоящее и будущее. Неизбежное.

На первом этаже сделан хотя бы какой-то ремонт, развешаны рекламные плакаты и большие плоские экраны транслируют эфир разных российских телеканалов, на первом этаже просторно как на футбольном поле, и первый этаж затопляет естественный свет из больших — правда, безнадёжно грязных — стеклянных окон. Это то, что открыто глазу. Но входы в длинные мрачные коридоры — лабиринты, запутанные так, что в них можно пропасть на сутки — захламлённые древние помещения, пахнущие мокрыми мышами, обшарпанные, гниющие стены с затхлыми, нагими коммуникациями обычным посетителям не видны — прямо оттуда, с первого этажа можно пройти, всё рядом, но туда их не пустят. Это настоящее сердце Останкино. Нутро Останкино.

Первый этаж — это праздник. Праздник, который обманывает не только посетителей и гостей, он обманывает работающих здесь сотрудников, обитателей Останкино, рабов Останкино. Каждый день. Всякий раз, как они сюда приходят. Сами приходят.

По утрам все 17 подъездов Останкино, проснувшись, принимаются ненасытно поглощать массу народа. Сотрудники административных подразделений идут самым большим потоком, ближе к девяти-десяти часам — одетые в похожую по стилю одежду, с одинаковым, настырным и жёстким, выражением лиц. Почти все — добираются на общественном транспорте. Некоторые — начальники, босы, хозяева — на собственных автомобилях; с водителем; с охраной; в сопровождении. Но все вместе — одним человеческим стадом, как зомби — просачиваются и растворяются в утробе телецентра.

Коллеги из творческих редакций — приходят кто раньше, кто позже. Их тоже можно узнать по внешнему виду: одеты либо в «строгую классику», но потрёпанную, неглаженную, нестиранную, дурнопахнущую, либо *по-современному* — в джинсах, шарфиках, свитерочках, курточках, грязных кедах; считается, что они следят за модой. На лицах — почти у всех — странный, но стойкий надменно-изучающе-самовлюблённый микст. Добираются по-разному: иногда собственным, но чаще — общественным транспортом, редко на такси, порой даже пешком от метро. Когда как. Подходя к Останкино, почти все начинают разговаривать по мобильному — брезгливо озираясь, уже уставшими от работы голосами спешно выстреливают в трубку отрывистыми, короткими фразами — с коллегами равноценного статуса, с друзьями, с родными, с мамой, либо лебезят — перед кем-то из

вышестоящих.

Для этого подвида останкинских рабов пройти по первому этажу Стакана — это целый ритуал, важнейшая часть рабочего дня. Знаю коллег с НТВ, которые намеренно пользуются центральным входом в здание, хотя им удобнее пройти через 17-й, т. н. «нтвшный», подъезд; ну, чтобы получить утреннюю порцию наркотика — ощущением собственной значимости в общественно-политической системе страны, в её социальной иерархии: вот, мол, где я работаю, имею, мол, причастность к происходящему в мире, мол, зря я о себе этой бессонной ночью так плохо думал — это у быдла *снаружи* жизнь не удалась…

Сотрудники технических служб не похожи ни на тех, ни на других: по-другому одеты — попроще: вязанные жакеты в катышках, в нестиранных джинсах с классическими острыми коленками, растянутые застиранные футболки; это сознательный выбор, не в зарплате дело. Как они попадают в Стакан, почти невозможно засечь — словно живут здесь. Самый ущемлённый в правах останкинский люд. Этих работяг большая часть *местного населения* из двух предыдущих подвидов равными себе не признают, хотя их услугами пользуются. Ну, максимум, при встрече поздороваются — неаккуратным кивком; имён их не запоминают, дружбу с ними не водят, за один стол не садятся. Забастовка — всего на одни сутки — сотрудников технических служб Останкино приведёт к коллапсу и панике во всей избалованной и рыхлой российской телевизионной машине (систему), лишь кажущейся мощной, непобедимой…

Угодив в эти 17 останкинские воронки, людские потоки растекаются по всему телу здания — превращаясь в ручейки, чем выше они поднимаются по лифтам, чем дальше уходят по длинным и узким коридорам-глоткам. И, наконец, разбившись на тысячи единиц, сотрудники забиваются в свои комнатки, как тараканы в щели от солнечного света. И начинают возню — шуршать бумажками, тихо постукивать на клавиатурах, разговаривать по телефонам, одним словом — работать.

Здесь, у большей части останкинских комнат, помещений нет даже окон. В кабинетах начальства, конечно же, они есть. А у остальных… Редакции похожи на мрачные, тёмные кельи в пещерах. Честное слово! Здесь, внутри Стакана постоянно ловишь себя на мысли, что попал в средневековую тюрьму, вырубленную в огромной скале — ходишь по длинным останкинским коридорам и натыкаешься в этих комнатушках, справа и слева, на жалкие бледные существа — толи обитателей, толи узников, лишённых солнечного света. Лишённых свободы. Сидят на своих *рабочих местах,* согнувшись, сжавшись, свыкнувшись, и

копошатся в полутьме — среди старого оборудования, кип свежих или пыльных газет и журналов, уткнувшись в мониторы. Если летом ломаются кондиционеры, то они в этих камерах-кельях задыхаются от спёртого воздуха, от скученности потеющих человеческих тел и аромата промокшей одежды, от жарких прелых стен, от сигаретного дыма. А если не работает система вентиляции останкинских уборных, кельи наполняются ещё и запахом испражнений коллег. Тут все начинают возмущаться, но продолжают массово выполнять естественный процесс очищения организма. Это может длиться по нескольку дней, а останкинские службы цинично предлагают *прогуляться* либо на другие этажи, либо в соседний корпус ТТЦ, либо на Останкинский пруд, либо — если очень тяжело — «в парк через дорогу»… А, может, это запах самого Стакана — ну, такая Его реакция. На то, что мы, люди, с ним делаем…

Но всё-таки воздух — это не самое главное. Главное — свет. Настоящий свет. Живой и тёплый. Солнца. Которого здесь нет. От полутьмы, от мерцания электрических ламп и мониторов оборудования люди-коллеги портят зрение — резь, мутность, внутриглазное давление, дряхлость мышц. С каждым годом… нет, нет ежеминутно оно становится хуже и хуже. Они смотрят и видят уже по-другому. Они смотрят на окружающий мир и видят его уже по-другому. Не таким, какой он есть… Калеки…

Человек здесь меняется. Со временем. И каждое утро. Лишь только переступит-проскользнёт подъезд-воронку — становится другим. Уже не совсем человеком что ли…

В этом его добровольном рабстве есть что-то от зомби, робота. Какая-то сила словно управляет им. Она забирает душу, поглощает человеческие мечты. Силы. Соки. И люди через несколько лет иссыхают внутренней энергией. Любой.

Дух Стакана. Ему нужно, чтобы человек сломался, согласился, потерял волю. Как в концлагере. Но тут человек может уйти. Но не уходит. Как зомби. Или как монстр. Иначе как можно *жить* по собственному желанию в таких катакомбах. А сколько людей сюда сами стремятся. Умоляют, чтобы их сюда взяли.

Даже хорошие люди. Честные. Нормальные люди. Попав в Останкино, они превращаются потом либо в страдающих узников, либо в ужасных монстров. И редко кто может сохранить свою душу чистой, она покрывается копотью цинизма и бесчестия.

Раньше я думал, всё дело всего лишь в архитектуре. В тягостном, выхолащивающем мысль, убивающем жизнь и чувства окружающем пространстве. Ну, в так спроектированном *рабочем месте.*

Да, в архитектуре. Оно же так задумывалось — чтобы люди приходили сюда как на фабрику пропаганды, завод идеологии. Ещё в советское время. Наше прошлое.

Так задумывалось, чтобы люди здесь меньше думали. Архитектурная кульминация духа застоя. Закат системы. Философия самовосхваления советского строя в камне. Нет, в железобетоне. Телевидение — это конвейер. Телевидение — это план. Здесь не место для неконтролируемых эмоций. Эмоций без разнарядки…

Но как же так? Но как же в 90-е? Говорят, в 90-е здесь можно было оставаться человеком. И Останкино было светлее — тут легче было работать, легче было дышать.

Я же был здесь в 90-е — *Оно* было другим.

Может всё дело в останкинском проклятии? Я об этом тоже думал…

Якобы, в раннее средневековье здесь в Останкино находился языческий храм, где совершались жертвоприношения — в том числе, человеческие. Потом тут образовалось кладбище для самоубийц и неопознанных тел — предположительно, на месте АСК-3, Останкинской башни и нескольких близлежащих жилых многоэтажек. А в 19 веке в располагавшихся на месте нынешних двух соседних улиц, Аргуновской и Цандера, прудах — их ещё называли «актёркины пруды» — якобы, постоянно топились крепостные актрисы Шереметевского театра.

Эти легенды почему-то очень нравятся многим работающим в Останкино — ну, как сатанисты считают очаровательной идею отметить свадьбу на городском кладбище, проведя брачную ночь на одной из могильных плит. Может, в этих погостных историях коллеги находят себе оправдание? Легко ведь сослаться на них, на их магическое влияние, а потом с успокоенной совестью самим устраивать некрополь и морг в эфире. И до сих пор не понимаю, почему почти все коллеги, упоминая такое историческое прошлое этой местности, щурятся от блаженства…

Да, кстати, ещё многие в Останкино любят рассказывать про мрачную старуху, горбунью-вещунью с клюкой — якобы, её многие видели: кто у останкинской башни, кто у входа в АСК-1, пару человек в самом телецентре. Иногда эта женщина с кем-то даже разговаривает — может подойти и предсказать надвигающуюся катастрофу, трагедию. Впервые мне про неё рассказывали операторы НТВ утром 1 января 2004 года — они еле-еле держались на ногах, но порывались её отыскать в одном из длинных коридоров недалеко от 2-го подъезда — мол, там старуха точно должна была быть в тот день. Планы в отношении неё у ребят были негуманные, и мне пришлось «спасать» пожилую

женщину.

Это всё смешно. Смешно и несерьёзно. Наверное, эта горбунья-вещунья с клюкой символ апокалипсических ожиданий-настроений, которыми живёт Останкино — как и почти вся Россия — жаждёт Останкино, верит.

Да и название «Останкино» — это не от слова «останки», то есть человеческий прах, а редуцированное от «Осташково». До XVII века так называлось это место…

Потом я понял. Это здание — живое.

Всё, что соприкасается с человеком, любая материя, словно обладает жизнью, начинает существовать. Иногда, кажется, что имеет душу. Испытывает боль. Может чувствовать. Любовь, ожесточение, ненависть.

Особенно созданное человеком. Особенно здания. Они впитывают тепло людей, мысли, страхи, нашу энергию. Добрую. Или злую. И оживают. У них своя аура — мрачная либо жизнерадостная и светлая. Благодушная, трогательная, злобная, зловещая. Разная.

Да, у каждого здания появляется свой характер. Даже у дряхлой хрущёвки, в которой я живу, особый старческий норов.

И Останкино ведёт себя как живое существо. Сейчас — жестокое, нечистое в помыслах. Огромное грозное чудище.

Это можно почувствовать. Это даже можно понять. Надо лишь приложить усилия, захотеть. Не испугаться.

Самая благоприятная возможность сконцентрироваться на этой цели — глубокой ночью, когда в Останкино остаётся очень мало людей. Когда никто не будет мешать…

В опустевших коридорах, комнатках, кабинетах, студиях раздаются зловещие непонятные звуки. Разные, многочисленные. Тихие. Но самое пугающее — это гулкий скрип. Обычно с ощутимым вздрагиванием. Будто кто-то скрежещет — видимо, с затаённой яростью. Кто-то сильный, исполинский.

Внизу в пустынных длинных тоннелях звук шагов разный — либо он звонко отскакивает от массивных толстых железобетонных стен, либо отдается глухим стуком, а бывает (очень часто!) отвечает полной тишиной — словно здание потешается, играется над тобой, словно, Оно разумно. Надо остановиться и вслушаться. Вот оно! Нет, это не ветерок. Это равномерное холодное дуновение — дыхание. Равномерное! С длинными интервалами, но равномерное!

Нередко в этих железобетонных обшарпанных изнутри внутренностях чудища хорошо слышен далёкий глухой, но явный рокот. Неуловимое ощущение, что Оно так ворчит, рычит. Одновременная с этим пульсирующая дрожь этих толстых стен —

и подозрение в одушевлённости Останкино превращается в убеждённость…

Я об этом не сразу догадался…

Сижу однажды у Останкинского пруда — вышел прогуляться, развеять тягость от долгого пребывания в Стакане.

Апрель. Воздух прохладный, но уже с дурманящим весенним привкусом. Запахом почвы, нагой, сбросившей холодное покрывало. Запахом новой и просыпающейся травы. У воды дурачились голуби. Шумно игрались воробьи. А утки, постоянные обитатели пруда, сбивались в пары и бесцельно летали с одного берега на другой. Но, возможно, они так потешались своему отражению на гладкой зеркальной поверхности водоёма…

Тут пахло жизнью, свежестью, пробуждением. А там — в телецентре — этого не чувствовалось. Почему-то не чувствовалось.

Рядом с Останкинским прудом стоит православный храм Живоначальной Троицы XVII века. Очень красивая церковь с прянишными ласковыми окошками, с зелеными куполами-луковичками и забавными курносыми кокошниками. Нарядный, торжественный и пышный — «московский» — и одновременно такой уютный тёплый теремок. Вот ведь тоже люди строили! Душу вкладывали, понимали смысл своего труда. А ведь изначально — усадебная, домашняя церковь князей Черкасских, тогда подмосковная. И строил её крепостной нижегородский мужик-зодчий Павел с *телевизионной* фамилией Потехин [2]. Что мог чувствовать человек, который ходил в этот приветливый храм? Радость предстоящей молитвы, покой душевного откровения перед своим Всевышним.

А это? Поворачиваю голову налево, и в глаза настырно лезет этот промышленный объект, огромный стеклянный сундук. С грязными окнами, с почерневшими за почти 45 лет металлическими рамами и бурым бетоном, ржавым пластиком. Говорят, что когда-то эту грязь всё же отмоют. Не верю я что-то. Деньги потратят, а эти помои снова проступят. Потому что идут изнутри. Эта грязь — материализовавшиеся мысли работающих в Останкино людей, их отрицательная энергия. Ведь по морщинам можно судить о душе человека, значит, внешнее состояние здания говорит о том, кто в нём находится, живёт, работает тут.

Да, Останкинская башня изящнее. Да. Но почему-то ассоциируется с иглой наркомана. Целая страна на этой игле «сидит», никак не «слезет».

Снова смотрю на противоположную сторону. Вот усадьба Шереметевых. Памятник русского классицизма 18 века. Уникальный дворец-театр графа Николая Петровича Шереметева.

Он и классически строгий, и роскошный, даже вычурный. Воздушный. Серьёзный и легкомысленный. Как и вся та весёлая эпоха с её дуэлями, просвещением, изящными париками, благородными правилами войны, идеализмом просвещённой монархии, библиотеками для крестьян и мужскими чулками. А внутри? Внутри это не дворец, это сказка.

Вот тоже ведь создавался дворец для развлечения, для лицедейства, но не для лицемерия. Даже то, что выглядящее каменным здание в действительности целиком деревянное вызывает ещё большее очарование. Видимо, они думали о красоте. Видимо, то, что они делали, сами считали искусством, а не конвейером. Да, на таком *рабочем месте* матом не завопишь гордо, «Бульдог-шоу» тут не поставишь.

Кстати, строили усадьбу тоже крепостные души — под руководством мужика- архитектора Павла Аргунова. Видимо, души у них свободные были, светлые. Не рабы они были…

Перевожу взгляд с белых стройных, но застенчивых ионических колонн Шереметевского «храма искусств» обратно на этот советский «памятник» 20 века. А это что за безвкусица — ну, с торца, который смотрит на пруд — ну, там, где 16-й подъезд?! Приглядываюсь к этим серым грубым столбам перед входом, которые колоннами язык не поворачивается назвать… И вот тут меня осенило! Они же похожи на клыки! Весь торец напоминает разинутую пасть — как щель у рта в маске доктора Лектора!

Мне стало не по себе. А Стакан, мне показалось, тогда словно ещё сильнее оскалил столбы-клыки, подтверждая моё предположение, не скрываясь — зловеще, как хищный зверь перед прыжком.

Может, я сидел слишком далеко, и это был обман зрения…

16-й подъезд. Знаменитый подъезд. Обычно им пользуется Первый канал — тут редакторы встречают экзальтированных девушек и полу-мальчиков для разных кастингов, шоу, «фабрик». Толпятся здесь сотнями — уверенные, что только в Останкино их счастье; трясущиеся и развязные, нарядно-изуродованные, готовые на всё. Хоть продать душу, лишь бы «попасть на ТВ». На праздник!

Тут они и пропадают в ощерённой пасти Стакана. Мотыльки. Новые жертвы, свежая кровь для чудища. Ежедневная порция.

Всё же виноваты сами люди. Носители жизненной энергии. Это они сами отравили отрицательной силой Останкино, сотворили из него монстра. Сотворили из него Стакан.

Ведь сделали, *превратили* же безалаберные, ветреные парижане кучу нагроможденного железа в стройный и кокетливый символ города. В Эйфелеву башню. Немного

положительной эмоции, любви (или влюблённости), несколько лёгких комплиментов, «милый шёлковый шарфик» — и костлявая угловатая девушка обернулась изящной, чувственной дамой. Ветреные, но практичные и весёлые парижане.

Даже уродину, можно превратить в красавицу. И у Останкино был шанс.

Люди, люди. Здесь люди считают, что чем ты хуже, тем ты лучше. Чем циничнее, тем умнее. Мечтать, радоваться жизни, быть откровенным — смешно, неприлично, стыдно. Наивно! Москва, мол, слезам не верит… Вот быть бесстыдным не стыдно.

И здание изменилось. Вновь. Оно стало хуже. Оно стало циничным. Таким же, как и люди.

Инвалиды! С производственными травмами. Душевными травмы. Их не видно глазом — и от этого их последствия ещё опаснее.

Они так долго трудятся над драматургией в своей работе, над «сюжетно-образной основой произведений», что уже даже свою жизнь превращают в постановку, игру. Не могут без драматической, сюжетной линии в обычном общении. Без ярких красок в сером существовании.

Искусственность переживаний. Искусственность взаимоотношений. Искусственные улыбки, искусственные чувства, искусственная дружба.

С шекспировскими страстями из-за свободного компьютера или пустого столика в «Максе».

А ещё мнительность и высокомерие…

Да, принято строить из себя нормального, простого человека — таких self-made man и woman. Мол, какой, старик, тут элитаризм. Мы, мол, обычные люди. Не быдло, конечно. Но и не какая-то там особая каста. Не элита нет, но и не пьянь снаружи… Ага, не надо обманываться. Вот они напьются и всё — пошла откровенная ботва, бери их тёпленькими, все тренировки насмарку.

Со временем приходит опыт — можно и без алкоголя. Немного наблюдательности — и вот они, олимпийцы, как на ладони. Это видно по тому, как они, божества, передвигаются в направлении кулера, дышат этим недостойным воздухом, покачивают бёдрами, по процессу курения, по тому с какой важностью и любовью к своему телу выдавливают прыщи, как двигают мышкой, удаляя спам. И даже во время секса не могут успокоиться и продолжают думать о собственной значимости. О судьбоносности своих движений. Никак не расслабятся.

Болеют они, болеют. Тяжёлый недуг — «Останкинский синдром» называется.

Всякий работающий в Стакане человек уверен — дескать, он объект наблюдения (выслеживания, съёмки, прослушивания). Постоянного, скрытого. Массово распространённый останкинский маразм — невозможно нормально с ними общаться: озираются по сторонам, через фразу переходят на шёпот, используют какие-то специальные шифры в телефонных разговорах, не отводят глаз от зеркала заднего вида…

Да, полстраны заражено такой модой — ведь и прослушку домашнего телефона моих пожилых соседей всё же удалось наладить «жидомасонам из префектуры САО». Только тут, в Останкино на местного обитателя дополнительно влияет эффект гиперболизации собственной значимости. Местный обитатель уверен — его слушают и ФСБ, и ФСО, и МЧС, и «парни из Аль-Каиды», и своё начальство, и служба безопасности ТТЦ, и милиция, и ЦРУ, и турецкие спецслужбы, и королевская разведка Бутана, ну, и — конечно же! конечно же! — «жидомасоны из префектуры САО».

Это не смешно. Это реальность. Все, или почти все, останкинские рабы считают себя избранными, верят в свою героическую судьбу, свою историческую миссию и в активное божественное участие в ней. Конечно, не все признаются в этом, то есть почти никто не признаётся — они же self-made man и woman! — но этот останкинский вирус в каждом. Он передаётся от одного другому — как вирус сифилиса, гриппа. Эффект толпы, массовая истерия — быть в этом и не верить в своё мессианское предназначение невозможно. Ну, хотя бы какой-то период в останкинской жизни переболеешь этим вирусом. А некоторые живут неизлечившимися всю жизнь. Даже когда уходят отсюда.

И вот ведь какая глупость! Да чтобы прослушивать несколько тысяч сотрудников Останкино необходимо такое же количество обученных людей. Но вот, сволочи, верят. Эти *умные*, любящие своё тело, убеждённые в своём мессианском предназначении люди верят в подобную чушь! Говорят, что даже в уборных маленькие объективы камер спрятаны в кафель — якобы, такой туалетный компромат *собирают*. Не знаю, может этот слух специально запускают останкинские техслужбы — чтобы заставить бегать «в парк через дорогу»… Но вот, сволочи в это тоже верят!

Бедное здание…

Меня обычно спасало — и лечило! — то, что две трети рабочего времени на НТВ и на Первом я проводил в «поле»; на съёмках. Вне стен Стакана. А ещё то, что принципиально пользуюсь общественным транспортом. Лечит, лечит.

Искусственность здесь во всём. И во всех! Мир наигранности.

Взаимной. Как же *они* это любят. Вот как *ими* управляют! Их пустили поиграть мелкие, второстепенные роли в спектакле. Второстепенные, но с громкими названиями.

«Макс». О, это центральное, главное место в Стакане для состязаний в притворстве. Небольшое кафе у главного входа в АСК-1, через двадцать-тридцать метров после центрального поста охраны, слева. Раньше называлось «Cafemax», теперь «ТВ-Гурман», но многие по старинке — просто «Макс».

Дно Стакана. Настоящая ярмарка тщеславия. Центральное место в выставке искусственности. На других посмотреть и себя показать. Главное — «себя показать». И «на других посмотреть» — тоже. Чтобы потом с важным видом рассказать знакомым, друзьям, маме, смазливой девушке в клубе: «Вчера с Машей пили кофе, а за соседним столиком сидел Малахов (Новожёнов, Ханга и т. д.). Да. Так вот, кофе не понравился…» Это же надо быть таким дауном.

И вот эти люди реально верят в своё мессианское предназначение! Эти парни, прожигающие жизнь в Максе и *косящие* под геев, эти няшечки, реально — искренне!!! — считают, что они цвет нации.

Посмешище нации.

Нет, конечно, иногда напьются и могут позволить себе «опасные разговоры». Некоторые говорят красиво. Они говорят. Говорят, говорят. Мысли верные. Не все, но встречаются очень правильные. Очень. То есть у некоторых есть убеждения. Хорошие. Чёткие. Но на этом всё заканчивается. Всё! Убеждения — говорят — всё! Убеждения — говорят — всё! Убеждения — говорят — всё! Убеждения — говорят — всё! Убеждения — говорят — всё! Убеждения. Озвученные. У некоторых…

Театр абсурда. Щенкам сказали, что они волки, и бросили их на драку волкодавов. А они только тявкать и умеют.

Предлагаешь действие — они сразу трезвеют. Не от алкоголя — вообще. Превращаются в белых зайчат. В заек. Да, «парни», жизнь ваша проходит. И проходит она в Максе!

Да, посмешище. Посмешище! Да, дауны. Дауны!

А какие здесь, в Максе деньги оставляют! Миниатюрное пирожное стоит больше 200 рублей. А люди здесь пьют бутылками. Дорогие напитки. Спускают зарплаты. Начинается всё с фразы: «Пойдём, кофейку попьём». А потом затягивает — наркотик. Ярмарка тщеславия.

«Макс». Самое прибыльное место в Стакане, главный источник дохода руководства ТТЦ — Хозяина, Шубина М.М. [3] Налоговики-то сюда не ходят.

Вообще, Стакан — это символ государства, нынешнего российского государства.

Вот оно! Стратегический объект. Подлежащий государственной охране.

Захотите снять Останкино снаружи на видеокамеру — будут проблемы. Набегут разные охранники, милиционеры. Даже если снимать на большую профессиональную телекамеру. Даже если вы из телекомпании, расположенной в ТТЦ. Будут проблемы. Мол, страна противостоит международному терроризму. А вдруг, мол, они — террористы — увидят по телевизору систему безопасности важнейшего здания в стране, а? Хорошая логика? А ещё говорят — рядом с подъездом Останкино включать камеру категорически запрещено! Даже если снимать какого-то человека рядом с Останкино — нельзя, мол, «в кадр может попасть кусочек стратегического объекта». Пытаются отнять пропуск в ТТЦ. Бойцы, храбрые стражи правопорядка.

Ну, так бывшие «силовики» оттягиваются — «на интеллигентишках».

Кому надо — снимут на непрофессиональную камеру. Скрытно. Я думаю, террористы не будут страдать, если качество видео «не эфирное». Да и всё здание можно подробно разглядеть в Интернете на спутниковых фото — как на ладони.

Да, страна противостоит международному терроризму…

После 21:00, когда бюро пропусков в ТТЦ закрыто, а провести гостя в здание надо, охрана, эти храбрые стражи правопорядка берут по сто рублей. Или бутылку пива. Недорогого. Но лучше «стольник». Как вахтёры в студенческой общаге. Можно и днём — если пропуск не выписывают, а провести надо.

Знакомый администратор с Первого рассказывал — провёл гостей, а у них боевое оружие, пистолеты. Когда к лифтам подходили, они к администратору — мол, а у нас даже документы не спросили на оружие…

На входе металлоискатели, в каждом коридоре куча маленьких камер висит. Столько денег вложено в эту систему безопасности ТТЦ. А из этих камер слежения работает лишь каждая десятая. В основном — в лифтах [4]. Остальные — муляжи, для вида. Нет людей, чтобы их обслуживали.

Получается — здесь пропадают не только души, но и многомиллионные затраты из бюджета, деньги налогоплательщиков — вещи очень осязаемые.

Но страна противостоит международному терроризму…

Какое скрытое видеонаблюдение в сортирах, какая массовая прослушка в кабинетах?! Если даже с официальной видео-слежкой такая беда.

Да, Стакан — это символ страны.

Деньги арендаторы платят огромные — несколько десятков миллионов долларов в год. Но зарплаты у техслужащих ТТЦ нищенские. Куда же уходят деньги? Ремонт-то дешёвейший, улицы-то вокруг грязные, асфальт-то разбитый.

Где же логика?

Логика. Логика…

Несколько лет назад — сразу, как только зданием овладел Хозяин, Шубин М.М. — огромную территорию вокруг ТТЦ огородили высоким металлическим забором. Мол, для безопасности — страна же противостоит международному терроризму, так? Но, как поставили ограждение, стали использовать эту площадь в качестве платной парковки. Ну, очень дорогой — получилась золотая парковка. Люди не платят, оставляют транспорт за километр, забивают всю проезжую часть улицы Академика Королёва; любое малюсенькое пространство у Останкино забито машинами — как жестянка рижскими шпротами. Руководство вначале боролось с этим, договорилось с ГИБДД — те насажали запрещающие стоянку и остановку знаки, забирали машины на штрафстоянки. Ещё какие-то молодые люди кололи шины, расцарапывали кузовы — ну, такой современный российский менеджмент. Креативный маркетинг…

Года два шли активные боевые действия. Потом, правда, успокоилось. Но цену на парковку так и не снизили. И огороженное пространство — эта золотая парковка — стоит пустым.

Так можно веками противостоять международному терроризму. Этим очень интересным способом…

Бедное здание. Оно живёт нами…

Вот, кто мог бы радовать глаз — это женщины Останкино. И они радуют глаз. До того, как начинаешь с ними общаться.

У каждой из них болезнь — даже у самой отзывчивой и доброй — великой деятельницы. Миссия публичной личности. Молодые, среднего возраста, немолодые. Пожилые, те, что ещё в соку, девушки, совсем девчонки. Некоторые ухоженные, некоторые задерганные. Красивые, длинноногие, толстые, усатые. Разные. Но все с проблемами в личной жизни. Нормальная женщина, которая думает о семейном очаге, о детях, о настоящем мужчине — думает, мечтает и идёт к своей мечте — в Стакане не задержится. Когда их видишь, наблюдаешь за ними, узнаёшь их, не покидает мысль… ммм… в корректном виде такая: если женщину не любят, она принимается не любить окружающий мир.

Бежать. Бежать. Бежать надо от останкинских невест. Лучше

их держать на расстоянии, чтобы потом не страдать. Её душа не будет принадлежать мужчине, её мысли будут о другом — она в лапах этого останкинского злого духа.

Бедное здание. Никакая архитектура не спасёт!

На первом этаже у главного входа, там — рядом с «Максом» сейчас стоит церковь. За год построили. Вернее, соорудили. Освятили в 2010 году.

Зачем? Ну, причина, дескать, чтобы рядом было место, где можно помолиться. Хотя в двух шагах прекрасный действующий храм Живоначальной Троицы. Не знаю, не знаю…

Кстати, по словам Шубина, ещё его по этому поводу просили сами сотрудники Телецентра. «Хозяин» сказав это тележурналистам, тяжело вздохнул, и *взгляд его наполнился грустью*.

Именуют строение домовой церковью в честь святого Порфирия [5]. Гордятся — мол, первый в мире православный храм на телевидении. Не имеющая аналогов церковь.

Думаю, тут другие две причины: одна маленькая, другая большая. Во-первых, это из-за новой тенденции. Мода такая. «Стиль от Светланы Медведевой» — показная православная религиозность.

Да, это лавры. Лавры императрицы Александры Фёдоровны, властной и самонадеянной, мешают хорошему пищеварению [6]. И поползла по стране мода среди чиновников говорить о русском Боге в перерывах между основными мыслями о новом японском автомобиле. Дошла до Стакана. Форма вместо содержания. Корреспондент НТВ Дмитрий Штокал очень точно оценил это строительство риторическим вопросом: «Как можно строить храм в сортире?!», а потом пояснил, что имел в виду Останкино. Считаю, что ему виднее, он в программе «Максимум» работал. Активно…

Но главная причина — в гипсокартоне. В этом строительном материале. Церковь-то построена из гипсокартона.

Ну, для них это нормально! Гипсокортон — это вообще *их* чёткий символ. Гипсокартоновые церкви… А из чего ещё им строить?! Из мрамора, камня, кирпича?! На века?! Да у *этих* всё временное, мишура. Потому что душонки у этих временщиков тоже гипсокартоновые — сегодня церковь, вчера обком, склад, завтра ещё что-то. Бутик, бизнес-центр, гей-клуб, например. В зависимости от того, какая будет новая тенденция, мода.

Раньше люди, конечно, тоже грешили. Люди всегда грешили. Хотите понять их отношение к себе, к своей жизни, к своим грехам — то есть узнать силу их ужаса перед неизбежным, перед всевышней карой? Какой была их жажда замолить грехи? Вообще,

степень критической оценки ими своей жизни? А посмотрите на старые храмы. Они, наши предки, отдавали последнее на их воздвижение. А сами ютились рядом — в мазанках, хижинках, землянках, избах, саклях. Потому что в их собственных глазах грехи их были грехами великими. А всё остальное, земное — ничтожным. Преходящим.

А церковь из гипсокартона — это из-за отсутствия страха за свои проступки, из-за ощущения безнаказанности, условности морали; это свидетельство *просто* моды на религиозность. Потому что искренне верующий понимает, что своего бога не обманешь. А тут? Тут дело даже не в боге. Тут нет веры! Тут — одурачивание начальства, обязаловка, мейнстрим, выслуживание. Интересно, в своих элитных домах они используют гипсокартон? Не уверен.

Людишки. Мелкие мышата. Даже действия нквдэшных палачей, проливших кровь моего рода (расстрелявших моего прадеда вместе со всей его семьёй, кроме моего деда — тогда ребёнка — которого спрятали соседи) можно осмыслить. Потому что они являлись характерами. Потому что они были фанатиками, обладающими надличностной мотивацией. Только сверхидея может заставить стать сверхчеловеком. А такое великое напряжение не может не вызывать уважение.

А эти… Эти заработали лишь презрение с их обожанием своих недорогих шкурок. Вот они и строят гипсокартоновую Москву, гипсокартоновое общество, гипсокартоновую страну, гипсокартоновую геополитику. А тех, кто с ними не одной крови — они больше всего боятся…

У главного входа в Мосгорсуд есть колонны. Под новодел, но такие массивные, высокие — впечатляют на расстоянии, издалека. Однажды шёл дождь, я стоял у входа и курил. Вдруг обратил внимание — как-то странно стали выглядеть эти колонны, какие-то необычно мокрые стали. Потрогал — о, мягко! Поднажал — и мой палец оставил след в стенке колонны. Тут тоже гипсокартон!

Кстати, там у входа в Мосгорсуд тоже есть часовня — наверное, намёк: мол, здесь надейся только на справедливый небесный суд, а не на земной. Так вот, её строили таджики и узбеки. Я их расспрашивал — им не доплачивали, обманывали, у многих не было регистрации и разрешений на работу. На всякий случай спросил — душу они вкладывали в строительство. Ну, в то, что делали…

Цирк! Нет, наш мир не театр. И не спектакль. *Наш* мир — это цирк!

В Стакан я пришёл работать в 2003 году. И на многие годы

стал одним из жителей этого особого, необычного мира.

Source URL: http://ostankino2013.com/stakan.html

Прелюдия. Уникальный творческий руководитель

Но впервые я попал в Останкино раньше. Это было летом 99-го года. А, может, осенью 98-го… Никак не могу вспомнить.

Есть у меня друг С., человек удивительного характера — веселый, импозантный, дружбу ценит. Он «газетчик», хороший талантливый журналист. Или был хорошим журналистом. Не знаю…

В 90-е С. объездил все «горячие точки» на постсоветском пространстве, писал на самые разные темы — от скандалов до геополитики — общался со многими большими ньюмейкерами на равных, запросто мог набрать телефон того или иного губернатора, министра и даже двух глав государств и поговорить — по работе, конечно же — с самим политиком, а не нарваться на его пресс-секретаря.

У меня много знакомых, занимавшихся в 90-е толи журналистикой, толи пиаром, но С. — характерный типаж целого поколения в профессии, тех, которые «выстрелили», попали в журналистику в 90-е, в то весёлое время отчаянных, уверенных в своих силах людей. Как мне однажды охарактеризовал тогдашнюю работу мой коллега Тимофей Баженов (в 90-е корреспондент «новостей» на НТВ): «Я понимал, что от меня, от моей конкретной репортерской работы многое зависит. Понимал, что я тоже участник происходящих событий, не последний участник — то, что я делаю, нужно людям, влияет на их жизнь». Это чудесное чувство сопричастности к происходящему в обществе, ощущение *себя внутри истории*. А сейчас… Удручающая социальная и профессиональная апатия, большинство вокруг ощущают себя аутсайдерами жизни.

То поколение пришло в профессию на смену советским журналистам. Молодые, категоричные, злые и голодные нигилисты. Поколение Yupi. Смена поколений почти везде была революционной, коренной — особенно на телевидении. Как описывал мне однажды С.: «Мы их скинули». «Советские» были образованнее, к профессии относились более ответственно, трепетно, но, считалось, были идеологизированы. А «молодые», как обычно бывает, считали, что новый мир будет очень легко построить, и займет это два-три года, главное — избавиться от старого мышления, от стариков. Помню, в начале 90-х читал редакционную статью в «Комсомольской правде» — тогда это было очень серьезное издание, а не «желтый» таблоид — где,

описывая электорат коммунистов на постсоветском пространстве, делался вывод: с каждым годом популярность левых идей будет падать, по мере физической смерти старшего поколения. Не только «молодые» были виноваты в своей категоричности — это закон революционной смены поколений. Имена старшего поколения журналистов ассоциировались с советским прошлым, с советской властью, которая сама исключила возможность эволюционного развития общества. Как и сейчас — нынешняя власть и работающие на неё журналисты, все те, кто в свое время «скидывали» советское поколение — почти все телевизионное начальство представлено ими — не оставляют другого пути смены поколений, кроме радикального.

А может так кажется? Может это была такая игра, в революционную смену поколений журналистов. Когда начинаешь изучать бэк-граунд многих известных тех самых «молодых» — такое выясняется в их семейных, в студенческих биографиях… Не знаю. Всё иногда кажется большой игрой, далекой от реальности, правды.

Одно бесспорно. Легкость, с которой они, новые, завоевали — вернее заняли оставленное — брошенное — профессиональное место под солнцем, вскружила им головы. Может, в конце 80-х и в 90-е была упорная идеологическая борьба? Да нет. Не называть же борьбой антизюгановскую кампанию в 96-м или же публичные акции самобичевания — постоянные напоминания, что за советские времена остаётся только стыдиться и виновато опускать глаза перед Бушом и Клинтоном.

Мой друг С. как типичный представитель своего поколения журналистов 90-х был очень циничен. Для него журналистика и пиар часто были одним и тем же. Один день писал нормальную статью на социальную тему, например. При этом увлеченно мог мне рассказывать историю героев его материала, возмущаться их проблемами, давлением на них чиновников, несправедливостью. А на другой — мог сесть за «джинсу» [1], нисколько не рефлексируя. С С. дружили многие популярные «газетчики», постоянно прося его подкинуть им подработку — написать какую-нибудь «заказную» статью. Конечно, известные коллеги писали под псевдонимами. Хотя в «газетной» среде все знали, кому конкретное вымышленное имя принадлежит.

Когда мы с ним только познакомились, я, помню, в начале его даже возненавидел за этот откровенный цинизм и характерный для журналистов 90-х профессиональный комплекс *полноценности* — мол, они даже войну в Чечне остановили и на любых выборах главное не избиратели и кандидаты, главное — деньги и пиар-технологии. А люди проголосуют за того, кого

скажут. Деньги, деньги, деньги. Их всех испортили лихие деньги. Хапать, хапать, хапать. Сколько же можно? Зачем столько?

С. относился ко мне как к еще «зелёному», но по-отечески заботливо, и со своей стороны поставил цель убедить меня в своей правоте, как он это называл, «научить тому, чему не научат на журфаке МГУ». Некоторые его уроки пошли мне на пользу.

— Заедем сегодня днем в Останкино, — предупредил однажды меня С. при встрече.

— А что в Останкино?

— Я тебя возьму на одну встречу. Только ты должен всегда молчать. Просто молчи! Всё своими глазами увидишь.

Помню — пока ехали, я, как обычно, затянул свою любимую тему. С. накануне вернулся из поездки в одну из областей, где встречался с местным премьером и губернатором. Уезжая, он мне рассказывал, потирая руки, что ему обещали хороший куш, по его определению, «пакетную джинсу»: статьи в газетах, материалы на телевидении, обсуждения на радио. Руководство области собиралось массированно распиарить на всю страну свою деятельность в тот судьбоносный, 99-й год. Все эти заказные проекты должен был курировать С. — ему дают деньги, объясняют, какой хотят видеть акцию, а он будет платить столичным журналистам за конкретную работу. Такой посредник между крупным игроком и авторами. Работа очень прибыльная. По игривому настроению моего друга понял, что поездка была успешной. И стал над ним подтрунивать.

— Ну что — встретился с этим…? — я назвал фамилию губернатора. — Опять продал свою душу?

— Встретился, — С. самодовольно улыбнулся, закивал и погладил руль машины. — Будешь хорошим мальчиком — пару статей или какое-нибудь интервью дам тебе написать.

Был за мной такой грешок в студенческие годы. Иногда С. давал мне подработку — написать заказную рекламную статью или интервью. Да, я не оговорился — даже интервью бывают заказные. Однажды, мне надо было сделать «интервью» с президентом одной из российских республик, про успехи региона, но так, чтобы было непонятно, что это «джинса». Я вспомнил всё, что мы проходили по курсу «Экономики», про научные либеральные теории, покопался в учебниках, «задавал» критические вопросы и сам на них «отвечал», в двух местах «президент» даже ругался с «интервьюером». Промучился целый день. Материал вышел в одной из центральных газет под другим именем, естественно. И С., помню, мне заплатил 200 долларов — тогда очень хорошие деньги. А после публикации настоящий президент звонил ему и, смеясь, рассказывал, с каким интересом

читал это «интервью», показывал его своим подчиненным, говорил, что некоторые вещи взял на заметку. Даже проронил фразу: «В этом интервью я такой умный». С. в качестве премии доплатил мне ещё 100 долларов.

Конечно, я считал, что эта работа — не журналистика. Более того, мне даже друзьям было стыдно признаться в таком заработке, серьезно комплексовал. Тем более, даже под псевдонимом никогда не брался за «чёрный пиар».

— На этот раз я пас. Про этого губернатора ничего писать не буду. Он мошенник, и вокруг себя таких же собрал.

— Есть захочешь — напишешь, — С. подумал и добавил. — Скоро весь твой максимализм пройдет, студент.

Я не стал продолжать наш давний с ним спор. И спросил его о двух полиэтиленовых пакетах, которые С. держал в ногах. Обычные пакеты, одноцветные, оба наполовину были чем-то набиты, по виду — бумагами.

— Это что — мусор?

— Ага, — захохотал С. — Мусор, мусор.

— Или твоя «пакетная джинса»? Дай мне. Тебе же неудобно водить.

Он еще больше развеселился.

— Не надо, — отвел мою руку. — Здесь важные материалы.

Подъехали к Останкино. Выходя из машины, С. взял какую-то папку и эти пакеты. У центрального входа нас уже ждала девушка. Мы куда-то шли по знаменитым длинным коридорам. Мне было очень интересно — никогда не был прежде в Телецентре. Потом ехали в лифте. Вышли — как потом, спустя несколько лет я понял — на восьмом этаже. Один бы я там заблудился. Даже работая потом на НТВ, долго не мог ориентироваться в этом здании.

Стоял и, как ребёнок в зоопарке, озирался вокруг.

— Только — молчи! — ещё раз предупредил меня С.

К нам подошел какой-то интеллигентного вида — из-за очков — человек, очень просто одетый. Что-то знакомое было в его лице, но сразу его не узнал. Он энергично поздоровался с С. Потом протянул и мне руку и представился:

— Олег.

Я пожал его за руку. И замер. Забыл даже представиться — я узнал его.

— Это мой друг — Эльхан. Он со мной. Вы не против, Олег?

Тот быстро оценил мой глуповатый и пришибленный вид, думаю, приняв его за моё постоянное состояние и подумав, наверное, что ничем не рискует «с этим затарможенным кавказцем». Иначе, был бы против.

— Нет, нет, — замотал он головой и улыбнулся. — Пойдемте.

Это был Олег Борисович Добродеев, генеральный директор и главный редактор информационных программ телекомпании НТВ. Для меня, «зеленого» журналиста это был человек-легенда, «гений информации», «академик телевидения», «отец-основатель НТВ». Встретиться с самим Добродеевым? Да мог бы я о таком мечтать?! Это же как начинающему, но идейному стукачку, мечтающему о чекистском будущем, встретить живого Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Мы прошли на другой этаж. Потом был какой-то коридор. Всё это я смутно помню. Зашли в комнату, видимо, для официальных встреч — большой стол, кресла. Добродеев запер дверь.

Они сели, предложили мне, но я остался стоять. С. сразу поставил пакеты на стол перед Добродеевым. В них были не материалы, в них были деньги. Новенькие североамериканские доллары. В пачках. Только сотенными.

— Сколько? — гендиректор НТВ заглянул внутрь каждого пакета и задумался.

— Как договаривались — 150 тысяч долларов.

Пауза. Добродеев о чем-то думал, а я с жадностью его изучал.

— У вас есть время подождать? — спросил вдруг он для приличия, но, даже не взглянув на кивок собеседника, выпотрошил оба пакета на стол.

Вообще — это завораживающее зрелище… Большая куча денег. Вот они «бабки» — власть, красивая жизнь, уверенность в себе. Прямо на столе. Несколько секунд мы все, молча, смотрели на эту горку — каждый думал о своём.

И тут Олег Борисович, резко откинув оба пакета в сторону, стал пересчитывать деньги. Не разрывая ленты. Иногда слюнявя свои немного пухлые пальцы. Считал про себя. Долго считал. Продолжая пребывать в образе важного начальника. Как ни в чём не бывало. Не смущаясь.

В голове затуманилось от этого зрелища. Я в тот момент испытывал смешанные чувства. Вот мой кумир, человек, создавший новое телевидение России, отец НТВ, «уникального творческого коллектива». И этот человек при мне дотошно, увлечённо пересчитывает деньги, как заправский торгаш. У меня внутри всё бурлило, а я продолжал смотреть на эту сцену, не проронив ни слова. Вид у меня был глуповатый, как потом описывал С.

Очень хорошо помню некоторые детали. Теперь я заметил, что пакеты старые — потертые такие, не раз использованные. Добродеев некоторые купюры вынимал из пачки и придирчиво, слегка нахмурившись, рассматривал на свет — проверял,

сомневался. Пересчитанные пачки аккуратно откладывал в сторону от себе, за спину. Всё увлеченно считал и считал. Поправлял очки и снова считал. И с каждой подсчитанной купюрой моё разочарование росло, крепло.

Получилось столько, сколько заявил С. Деньги вернулись обратно в эти старые пакеты.

— Передайте — всё будет в порядке, — не подавая вида, сказал Добродеев, но было ясно, что он доволен…

— Теперь ты понял? — зло бросил мне С., когда мы были уже в машине.

— Что это за деньги?

— На НТВ должны показать несколько сюжетов в «новостях» об этом губернаторе — ну как всё там хорошо в его области. На неделе туда поедет их съёмочная группа. И один материал в «Итогах» [2] — Добродеев обещал поговорить с Киселёвым.

— Не понимаю — что ты злишься?

— Он мне ничего не дал, даже не предложил. А я ему говорил, что всего лишь посредник. Ничего себе не беру, что я свой процент в этом случае не закладывал. Думал — сам поделится, — С. недовольно махнул рукой. — Я ему такие деньги дал возможность заработать, а он…

Это такие как он виноваты.

Всё взаимосвязано. В конце 90-х стала появляться ностальгия по советским временам. А сейчас пробуждается тоска по 90-м. Время было хорошее, никто не спорит — время, когда каждый второй хотел быть героем, а «*каждый третий им был*». Но вот забывать грехи и ответственность того телевидения нельзя. Ответственность тех людей в профессии. С первых дней своего создания оно взяло на себя миссию формировать действительность, а не информировать о действительности. Помните то навязанное ощущение Апокалипсиса и собственной неполноценности в качестве избирателей и в качестве граждан страны? Или уже забыли? И это благодаря им предыдущее десятилетие прозвали «лихими 90-ми».

Новое телевидение России, к созданию которого приложил руку этот человек, в 90-е стало сливным бачком для разного рода заказных материалов. Информационные войны, в которых на одной стороне участвовало старое НТВ, нанесли сильнейший удар по репутации российского журналиста, в особенности телевизионщика, в глазах общества. Определение «демократическая журналистика» стало ассоциироваться с предательством, продажностью и с презрением к собственным гражданам. Их «бизнес» — бизнес оплаченной политической рекламы — и погубил канал НТВ. Летом 2003 года Владимир

Кара-Мурза, бывший ведущий НТВ признавался мне в интервью: «Мы держались за счёт того, что были частным телевидением, не связанным с государством. В 96-м мои коллеги сделали ошибку, когда дали власти подумать, что нами можно манипулировать. Когда сам Малашенко [3] вошёл в предвыборный штаб Ельцина и превратил НТВ в один из агитационных каналов». Это было очень важное признание.

Они обманули людей — показанная ими свобода оказалась слишком горькой и тяжелой ношей. Не нужной.

Это они, опошлив красивые «*либерально-демократические начинания*», подготовили почву для прихода царя-батюшки, авторитарного правителя, авторитарного мышления.

Всё взаимосвязано. Они и тогда держали людей, свою аудиторию за «быдло» и сейчас так считают. И тогда они были не журналистами, а агитаторами, и сейчас ими остаются. Тогда били в свою *либерально-демократическую* грудь и выкладывались перед Его Величеством Западом (если кто забыл, это Добродеев возглавлял то старое НТВ, из-за которого большая часть российского общества возненавидело профессию), возможно, искренне веря в примат западных ценностей. А теперь агитируют за мессианство, за своеобразный путь России (если кто забыл, это Добродеев теперь возглавляет главный идеологический рупор власти — телеканал «Россия»), возможно, также искренне в это веря. Ни то, ни это с настоящей социально-ответственной журналистикой, журналистикой сострадательной, человечной, чуткой ничего общего не имеет! Только теперь российское телевидение стало сливным бачком одного хозяина — кремлёвского.

Интеллектуал не может быть собачкой власти, собачкой при сильном. Стыдно это. Если коллегу покупают, какой же из него авторитет в профессии?! Для меня. Если Познера можно купить, обласкать и одарить привилегиями, я ему не буду верить.

И Венедиктова можно купить. И купили. И Добродеева. И Боровика — обоих.

А они ещё и обижаются.

Упустившее шанс поколение. Потерявшее себя поколение.

С. сделал огромное состояние в 90-е на «заказных» материалах, предвыборных кампаниях, но почти всё промотал. Сейчас работает в пресс-службе одной компании, занимающейся торговлей земельными участками и строительством. Его имя, а также другие подробности того случая — за пиар какого российского субъекта, имя губернатора — я не могу говорить. Всё станет ясно. Ведь все всё помнят — кто, когда, кому, за что платил, за что получал. Люди так устроены — забывать, вернее,

откладывать на время в потаённые местечки памяти ненужную в данный момент, мешающую сейчас информацию и доставать её оттуда, когда станет необходимо, когда придёт время. Просто, современные политики, «герои жизни» плохо понимают исторические уроки. Они думают, что нынешние взаимоотношения будут продолжаться всегда, что нынешний рай они никогда не потеряют. Ошибаются.

Но С. я благодарен — на многие явления открыл мне глаза.

Source URL: http://ostankino2013.com/preljudija-unikalnyj-tvorcheskij-rukovoditel.html

НТВшники. Класс обслуживающий

На НТВ много забавных людей.

Например, начальство.

Например, Кулистиков. Владимир Михайлович. Сноб, хуже Грызлова.

Однако человек очень яркий. Колоритный. Я бы даже сказал красочный. Не внутренне, нет. Не из-за особенного, ярко-выраженного характера. Просто он так одевается — в одежду насыщенных, сочных красок. Ядовито-сочных красок. Не сочетаемых красок. Даже летом — ну, когда на нём только рубашка, штаны, ботинки и аксессуары — даже в этом минимуме одежды максимум цветов — семь-восемь.

Не знаю, кто ему выбирает такую одежду — *«из особого шелка и мягкого хлопка»*? Не знаю. Не знаю — мне стыдно было спросить — может быть, Владимир Михайлович думает, что генеральный директор НТВ должен и внешне выглядеть как начальник плодоовощной базы? Или просто он хочет походить на цветочный ларёк? А, может, его так надували продавцы бутиков? Ну, пользовались его плохим зрением — результат *тяжёлого хронического заболевания, вызванного злоупотреблением спиртными напитками*. В прошлом, в прошлом…

Или же его знаменитое волосатое пальто. Ну, такое — как из обычной дублёной кожи, но с редкими, длинными-длинными волосиками; так и хочется подойти и потрогать эту шерсть. Погладить… Коллеги утверждают, вещичка от серьёзного бренда — мне говорили название, но я не запомнил. Несомненно, безумно дорогое. Правда, носящему его человеку придаёт вид облезлой собаки.

То есть Владимир Михайлович Кулистиков — большой оригинал…

А? Как начальник? Так, беспринципный самодур. Сноб — хуже Грызлова.

Прозвище у него среди коллег — Кул. Кстати, на моём родном языке «qul» («кул») означает «раб».

Да, например, Миткова.

Миткова. Ооо! Вау! Рррррр! Заместитель генерального директора по информационному вещанию и главный редактор программы «Сегодня». «Таня» для *своих*, для старых, но «Татьяна Ростиславовна» ей больше нравится. И в последнее время почти все делают так, как ей нравится.

Миткову коллеги заочно называют вампиршей, воительницей, «роковой женщиной с НТВ», «звездой балета», «дамой с

собачками» и т. д. И это ей тоже нравится. Бессмыслица, но ей нравится.

Вечно преисполнена драматизмом. Дышит высоким драматизмом. Она не живёт, она не может просто жить, *ибо* должна играть роль. С плакатной наглядностью. Актриса. В трагическом произведении, с гибелью главного героя-мужчины. Лучше с гибелью мужчин. И женщин.

Мадам Декламация. Женщина-Маяковский.

Для неё работа — это борьба. Борьба за привилегии, в первую очередь. Боролась за то, чтобы именно она ездила по пятницам в Кремль на «летучки» — «у Громова» [1]. И завоевала эту льготу. И очень гордится ею… Тяжело. Тяжело ей, бедной. Ну, просто не может справиться с этим чувством. И часто оно вырывается наружу — прорывает плотину созданного образа правильной теле-начальницы. И тогда Миткова может излить эту эмоцию на кого-нибудь первого встречного — например, наброситься в коридоре на одного из водителей телеканала, людей простых, работяг, неискушённых в российской политической системе; или зажать в угол лифта пугливого практиканта с журфака МГУ, для которого настоящее телевидение это МузТВ и ТНТ. И начнёт нести ошарашенному «везунчику» — про то, где она была, что ей там говорили, как её встречали и как она себя там вела, что «Алексей Алексеевич думает по поводу Ахмадинеджада», и почему «окончательно решено с Касьяновым, уже бесповоротно!», да и вообще — «не знаю отчего, но в Кремле воздух лучше, и дышать там легче»… Торопясь, глотая слова, перескакивая с мысли на мысль — скорей, скорей, скорей. А потом, вдруг насытившись, оборвёт монолог и бросится прочь. А встретит на следующий день этого человека, надменно, резко отвернётся от робкого приветствия — запомнит его, сделает несчастному какую-нибудь пакость, отомстит ему за свою слабость.

Да, Татьяна Ростиславовна любит государство. И любит быть там, где «Решается судьба России!», и с теми, кто, по её мнению, этим занимается. Ну не может жить без того, чтобы не поучаствовать в этом процессе. Даже на отдыхе. Зимой замгендиректора НТВ по информационному вещанию ездит в Санкт-Мориц, не потому что ей там нравится — замгендиректора НТВ по информационному вещанию и на лыжах-то кататься не умеет — просто там собирается вся *«политическая элита страны»*. А если *«политическая элита страны»* выберет местом летнего лагеря село Петрово-Дальнее Красногорского района Московской области, замгендиректора НТВ по информационному вещанию с радостью ринется и туда — кормить комаров. И тоже будет в восторге от этого отдыха.

Сильнее любви к пустым тусовкам высоких чиновников, у Митковой только одна страсть — к обществу мужчин. Женщин она терпит с трудом. Красивых женщин она не переносит вообще. Красивых женщин, которых любят мужчины — тем более. Они для неё — конкуренция. Появление такой персоны на телеканале, вынуждает замгендиректора НТВ по информационному вещанию бросить все дела и начать против несчастной боевые действия — вплоть до безоговорочной капитуляции; «звезда балета» на меньшее не согласится. Потому многим сотрудницам на НТВ приходится изображать серых мышек, распространяя слухи о своей фригидности…

Однако красивые женщины в виде высоких чиновниц почему-то вызывают у Митковой противоположные чувства…

Кто ещё? Ах да, Пиво. Алексей Пивоваров. Владимирович. Один из ведущих вечернего выпуска программы «Сегодня» на НТВ. Начальник! Официально — руководитель программы «Сегодня вечером». Мдааа…

Николай Картозия. По прозвищу Картоз. Либо Картон…

Так. Ничего особенного. Неинтересно… Ну, да. Тоже начальник. Директор дирекции праймового вещания — одни директора. Но неинтересно.

Вот!

Пётр Орлов! Исполнительный продюсер Дирекции информационного вещания НТВ. Во как! Мой непосредственный начальник. Бывший — для меня бывший. Заместитель Митковой. Его-то я видел и общался с ним постоянно. Вынужденно.

Занимательнейший человек.

За глаза его называли по-всякому: Петя, Орёл Петров, Петро, «Просто Петя». Я к нему обращался на «ты» и звал «Петя», хотя многие коллеги — на «Вы» и уважительно «Пётр Алексеевич». Не знаю, для него и «Пети» было достаточно — меня постоянно так и подмывало назвать его «Петруша» или «Петрушка» и зевнуть в глаза.

Основное профессиональное качество Пети — приходится пасынком Владимиру Познеру. Главное его профессиональное качество.

Вообще, человек он ничего сам не решающий. Более того, ничего не решать самому — это его жизненная позиция. Единственная чёткая собственная позиция. А сама цель жизни у него — тихо прожить свою жизнь, но при этом — создать в этом процессе как можно больше попутного шума, особенно, в тех случаях, когда сам он ничего не решает.

Любимая его фраза-реакция на любое несанкционированное вышестоящим руководством предложение — «Надо подумать».

Любимое действие после этого — попытаться это «надо подумать» изобразить — лицом или ногами — но ничего не сделать. Когда Миткова физически находилась на работе, Орлов был её человеком — со всеми потрохами. Когда она отсутствовала — была в отпуске, «отдыхала», болела или пропадала в салоне красоты — Орлов становился ничейным и ждал, когда кто-нибудь его подберёт. Да хоть враг Митковой — Пивоваров. Ну, так он понимал свои *должностные обязанности*. Вот, режиссёр эфира отвечает за минимизацию технических сбоев во время выпуска, монтажёр — за безупречно «склеенный» видеоряд и «подогнанный» под него звук, оператор — за качество «картинки»[2], продюсер — за грамотно проработанный и подготовленный телевизионный продукт и т. д. А вот Петя, несмотря на громкое название занимаемой им должности, всегда искал — к кому бы приткнуться и составить свиту и собственное счастье, за кем бы побежать, на ходу заглядывая в лицо и согласно кивая, от кого бы получить *ценные указания*, чтобы можно было куда-то примчаться и перед кем-то их озвучить. Прислуга под видом службы. Может, сейчас по-другому? Сомневаюсь. Такие не меняются и выживают при любой системе.

Петя коллекционирует головные уборы, и всем про это хобби увлечённо рассказывает — по мнению Орлова, самим фактом коллекционирования он ну, хоть как-то выделяется на фоне серо-облачной Москвы. Хотя в демонстрируемой им коллекции всего шесть-семь предметов. Уверен, в детстве Петя собирал марки — вплоть до института — но заполнил лишь две первые страницы в альбоме, и отчим Владимир Владимирович за это его постоянно «пилил».

Вот… Но! У моего бывшего начальника есть мечта. Он мне про неё не рассказывал, но я-то догадываюсь.

Петя мечтает походить на американских теле-менеджеров. На американских менеджеров вообще, и теле-менеджеров в частности. Для начала — он принял решение сидеть в своём кресле, положив ноги на стол. Наверняка, такое он видел в американских фильмах. Однажды Миткова застала Петю в этой его любимой позе. Не знаю, как ведут себя американские теле-менеджеры в таких обстоятельствах, но их российский обожатель в панике попытался сложить руки перед собой на столе, забыв о ногах — в результате с шумом снёс конечностями все предметы со стола и еле удержался в кресле, несколько секунд искусно балансируя только на «пятой точке». При этом он заискивающе улыбался главной женщине НТВ. Я сидел рядом и расхохотался — громко, некорректно, естественно — Миткова сделала вид, что ничего не произошло, а Петя на меня обиделся.

В другой раз Орлов позвонил своему подчинённому Сергею Гудкову и, не здороваясь, прокричал в трубку:

— Статус!

Гудков вначале ничего не понял, но потом испугался.

— Извините, что, Пётр Алексеевич?

— Статус!

— Ааа…я…м…

— Твой статус? Быстро!

— Я? Я продюсер НТВ. Работаю на договоре.

— Блин! Ну…

Орлов был раздосадован.

— Что-то случилось, Пётр Алексеевич?

— Я имел в виду — что ты сейчас делаешь…

Ему ответили, но как рассказывал Гудков, Петя слушал рассеянно. Видимо, смысл звонка был именно в этой фразе: «Твой статус?» Может, он подсмотрел этот эпизод также в каком-нибудь американском фильме — например, про войну во Вьетнаме?.. А его вот не поняли. Наверное, в тот момент он думал, что его сотрудники тугодумы и дураки. А как было бы красиво — он звонит, кричит в трубку — как по рации: «Статус!», и ему — бац, бац, бац: «Такой-то и такой-то. Делаю то-то и то-то. Закончу в такое время. Разрешите продолжить?»

Ещё Петя носит бороду… Ну, да — чтобы выглядеть серьёзнее, солиднее. Обычно, комплексующие взрослые мальчики для этого и отращивают растительность на лице. Ну, чтобы хоть немного, сволочи, уважали.

Но, всё равно, Петя напоминал мне мальчишку — хотя и старше на 16 лет — и временами было жалко его.

Борода у него рыжего цвета…

Это цирк? Это цирк!

Люди, видевшие НТВ и нтвшников только по «ящику» думают, что на телеканале занимаются пропагандой. Я имею в виду людей, не потерявших способность думать и выстраивать причинно-следственную связь. Мол, сидят там днями и ночами какие-то изверги и придумывают — как бы ещё изощрённее извратить реальность и оболванить население страны, «*обмануть Россию*».

Так вот, это не так. То есть так, но отчасти. На нынешнем НТВ сотрудники большую часть времени не занимаются пропагандой. Большую часть времени они занимаются интригами и *понтами*. Особенно начальство.

Вот, например, Кул. Главный эквилибрист нтвшного цирка. Большую часть рабочего времени тратит на лавирование между разными центрами силы на телеканале, не давая усилиться ни

одной из них, сталкивая их — чтобы погасили, истратили свои силы во взаимной борьбе. Почти все (исключая спущенные сверху) озвучиваемые гендиректором НТВ административные и творческие решения подчинены в первую очередь не административным и творческим — или даже пропагандистским — целям, а этой возне.

Кто-то возразит — так во всей России, более того — так устроено человеческое общество, во всем мире, во все времена. Не согласен. Конкуренция — да, это хорошо. Результат конкуренции — это выстраданные изменения, положительные изменения. А интриги? Интриги — это неестественный отбор.

Например, игра Кула в третейского судью в борьбе между Пиво и Митковой. Перед носом Лёши он трясёт одной морковкой — возможность заполучить кресло главного редактора программы «Сегодня», а для Митковой существует другая — сохранение за нею её же кресла. То одного обнадёжит, дав понюхать запах кожи этого заветного символа власти, и напугав другую, то поступит наоборот. А эти двое — вроде бы образованные, ну, хотя бы что-то читавшие и видевшие, люди — и сами рады играть в такие игры. Рады, рады. И чтобы насолить друг дружке, готовы пожертвовать качеством работы…

И так далее — для остальных сотрудников Кул придумывает другие «морковки», «кнуты», «пряники». Да, для нормального менеджера — как и для нормального человека — малоприятное занятие, так как интриги, минимум, нерезультативное для рабочего процесса, а для корпоративного здоровья команды просто разрушительное явление. А вот Кулу процесс демонстрации и трясения перед носом сотрудников связкой «морковок» очень нравится. Сама атмосфера недоверия между коллегами, постоянные стычки и войны, «подставы», заговорщические взаимоотношения его очень устраивают. Не телеканал, а кулуары ПАСЕ — митковские, герасимовские, пивоваровские, парфёновские, те, кто за Дирекцию прайм-тайма и программу «Максимум» против тех, кто за «Итоговую программу», бригады дневных выпусков новостей против вечерних и т. д. и т. д.

Лучше, чтобы сотрудники боролись друг с другом. А то поднимут головы и… Хотя многие из тех, кого я видел, головы никогда не поднимут — готовы пожирать друг друга, но не поднимать головы. Да, лучше, чтобы сотрудники-рабы боролись друг с другом.

Начальники, начальники. Современные российские начальники. Помпезные, пышные, *напыщенные* — особая каста. Вернее, класс. И в то же время трусливые, управляемые, *ручные*,

гибкие, жалкие, раболепные — перед своим начальством.

Начальство. Об этих забавных зверушках можно рассказывать бесконечно. Мне больше интересны были обычные сотрудники на НТВ. Коллеги.

Но обычные сотрудники от начальства мало отличались. Чем дальше, тем меньше отличаются. Чем дальше, тем больше трусят. Управляемые, *ручные*, гибкие, жалкие, раболепные. Принявшие правила Системы.

Силы-то творческие, молодые надо же ведь на что-то тратить. Раньше спасал лозунг «Новости наша профессия». Теперь больше подходит «Интриги наша профессия». А ещё «Сплетни наша профессия» — искать, получать, распространять сплетни.

Кто с кем воюет. Кто с кем спит (с удивительными эксклюзивными подробностями). Кто с кем пьёт. Кто с кем не пьёт. Кто, когда — и как! — сделал аборт. Какие у кого проблемы. Кто кого вечером проводил домой. Кто с кем поехал отдыхать в отпуск — «А теперь на её живот посмотрите». Кто и каким способом списал деньги в командировке. Кто кого удачно подставил, и кто кого планирует подставить. Какой счёт за услуги ЖКХ пришёл в прошлом месяце коллеге за соседним столом — и почему. Кто какую машину купил и даже — у кого сегодня носки какого цвета.

Приходишь на работу — и начинается: бесконечное пш-пш-пш-пш-пш-пш-пш-пш-пш… В каждом углу, в каждом кабинете. От этого кружилась голова. Даже если не хочешь, тебе расскажут эту *«информационную картину дня»*. Добывать и передавать такие «новости», теперь коллегам доставляет большее удовольствие, чем те, к которым обязывает профессия.

Я был очень рад, что большая часть моего рабочего дня проходила вне Останкина. Там, снаружи, была жизнь: реальная, *живая*, «разумная действительность» — естественная, такая, какая есть. А здесь, в редакции — оторванность от действительности, *прожигание* жизни. Пустое. Силы-то надо же ведь куда-то деть! Раз реальной работы не осталось.

На НТВ много *смелых* и *храбрых* людей. Это можно наблюдать в ежедневном эфире телеканала. Бойцов, панчеров. *Мстителей*!

Вообще, современное телевидение — как место работы — это наркотик для людей с глубокими душевными проблемами. А таких в Останкино не то, что большинство, но сейчас они задают тон. Главные действующие лица. Такие хорошо себя тут чувствуют. И мстят.

Парни мстят за то, что их чморили ещё с детского сада; за то, что школьные красотки их динамили; за то, что подрастающие дети не слушают, а жена изменяет. Девушки мстят за плоскую

грудь; за кривые ноги; за не помогающую эпиляцию; за первый аборт, периодически — за свои ежемесячные проблемы. Выбившиеся в начальники — ещё и за свой многолетний *вынужденный* подхалимаж и сервильность. Да, да, «за годы непризнания большого таланта». Постоянная нехватка денег — это повод для мести у всех коллег.

Мстят они друг другу, но чаще зрителю. И особенно — мстят обычным людям, которые оказались участниками событий, по какой-то причине попали в «объектив телекамер». Напористо. Отважно. Без страха.

Так они снимают, облегчают тяжесть своих комплексов неполноценности — «отрываются». Коллеги редко признаются, но мысли их прочесть несложно. Например: «Вот вы считали меня убожеством, а теперь слушаете то, что я говорю. Захочу — этого «героя»[3] опущу, а этого я вообще не переношу. Слушайте меня, сволочи!» Далее: «Этот похож на С., который оставил меня одну беременной. Тоже, небось, урод. Получай[4]». «Ах, в школе меня называли хохлушкой (жидовкой, молдаванкой-давалкой) — вот и получайте, москали (гои, весь мир)». Или ещё: «В армии меня били «чёрные» — ну, держись весь Кавказ!»

Больше закомплексованных психопатов, чем на телевидении, я видел только среди школьных учителей, которые с таким же упорством — и так же бесстрашно — ломают детские души.

Так работает Система — даёт рабу почувствовать себя отомщённым. Рабу, рабу. Нормального человека на такую сделку не купить. Обмануть на какой-то срок — можно. Через некоторое время всё становится понятным. Нормальный человек разрывает этот договор, а раб… Раб продолжает, обманывая себя — или же откровенно — прислуживать Системе.

На время обмануть можно. У всех есть комплексы. У всех.

«Магия мундира». Она в ощущении силы. Ощущении власти. Вернее, в чувстве сопричастности Силе и Власти. И становится неважно — справедлива эта Сила и Власть или цинична, жестока, алогична. Безумна? Не важно. Ты — лучший! Ты — на гребне волны! На острие атаки. И вроде бы смысл жизни появился. Ты уже не тварь дрожащая. Ты существуешь! Ты есть! Сейчас. Вот это важно. Азарт. Наркотик. Вчера ещё ты способен был краснеть, сгорать со стыда. Пугало бесчестие. А сегодня… Неожиданное превращение. Фокус-покус. Словно какой-то рубильник в голове переключился. Ты — сомнамбула. Активная сомнамбула. Вернее, всё, что в тебе есть человеческое — совесть, стыд — впадает в сомнамбулический сон. А всё первобытное выходит наружу. Мистер Хайд — Ваш выход! Начинается работа на Систему — пылко, с цинизмом, с наслаждением маньяка после первого

убийства. Мысли меняются, принципы меняются. Система — бог. Её цели становятся твоими целями. Её удача — твоей удачей. Её ложь для тебя священна. Да! Ты согласен быть пушечным фаршем Системы! Готов отдать даром ей свои силы, напоить её своей кровью. И чужой кровью тоже. Надо? Будешь стрелять в демонстрантов! Прицельно. Из снайперской винтовки. Надо? Будешь лгать и оправдывать её в телеэфире. Надо? Будешь послушно нажимать на кнопки при голосовании в парламенте. Надо? Развалишь любое уголовное дело. Надо? Направишь бульдозер на необследованные до конца развалины жилых домов. Там, под ними, люди могут оставаться? Ха! Не важно! Система приказала! Система не может быть неправа! Ты — лучший! Ты — на гребне волны! Ты уже не тварь дрожащая! Ты есть!

Вот оно — очарование Системы. За дозу наркотика — кратковременное ощущение сопричастности Силе и Власти. Вот, чем она очаровывает. Нет, околдовывает. Пленит.

Пленит и обманывает.

И Система обманывается. Потому что — какой же из раба воин и боец?

На НТВ много тех, кто рефлексирует. Много. Страдают. Страдают. Страдают. И… спиваются.

Много тех, кто рефлексирует для вида. Модно!

По глазам видно — модно. Таких — больше всех.

И те, и другие — просто зайки. Заговори о деле — превращаются в заек. На других *наехать* — в эфире, оторваться на зрителе, на каком-нибудь обычном человеке, «*герое*» — так тут они *мстители*, «смелые и храбрые». То есть хамить, скандалить, быть циничными — это они могут. А заговори о правах — трудовых, конституционных, о праве на свободу слова: ведь за независимую, уважаемую и ответственную работу цеха тоже надо бороться — они тут же скученной толпой превращаются в пугливых заек.

Ну, а задание Системы как они выполняют… Это же псы войны. Фас! И нет Ходорковского. Фас! И нет Березовского. Лукашенко. Касьянова. Лужкова. Фас! И нет простого человека. На любого. Скажет Система — разорвут Путина. Когда придёт его время. Или Медведева и т. д. А тут… Вот сидит он перед тобой — обычный зайка. Среднероссийский русак. Маленький, бедный зайчишка. Которому очень нехорошо. Беленький от страха, пушистенький от ужаса. Ушки дрожат. По сторонам озирается. Носиком уже что-то учуял…

Любимец Системы. Иногда возмущающийся, но быстро сдающийся «маленький человечек». Слабый человечек. Который оправдывает чужим бесстыдством своё бесстыдство. Своё право на

такое же бесстыдство…

Я вот думаю — зачем это всё им? Ну, зачем прожигать жизнь впустую. В стране огромное количество людей на службе сидит и продумывает даже не как решить проблемы, а как усложнить нашу жизнь. А другие работают, чтобы оправдать существование первых. «Работают».

Однажды моё рабочее место определили в «корреспондентской» рядом со столом коллеги-репортёра. *Известного, талантливого* — П.С. Раньше он мне импонировал.

В первый же день случилась история.

Поздняя ночь. В комнате никого. Звонит соседний «городской» телефон. Не реагирую. Снова звонит. На третий раз поднимаю трубку. Слышу плачущий детский голос и прихожу в себя.

— Что с тобой, мальчик? Ты почему плачешь?

— А Вас как зовут? — спрашивает ребёнок.

Отвечаю.

— Дядя Эльхан, а ты можешь моего папу найти?

Отцом мальчика оказывается тот *известный и талантливый* репортёр.

— Ну, придёт папа. Может, он на работе. Ложись спать. А то маму разбудишь.

— Мамы тоже нет дома. Мы с братом одни дома. Нам очень страшно. Помоги, дядя Эльхан.

Смотрю на часы — уже половина второго ночи. По голосу — дети мелкие.

Звоню коллеге на мобильный — отключён. Ищу П. по Останкино. Нахожу его и жену — тоже работает на НТВ — в загулявшей компании бывших «намедневских» в Максе. Напиваются. То ругают Кремль — не зло — то хохочут.

Подхожу к П. Он что-то говорит жене, та бросает на меня равнодушный взгляд, махает рукой. И вместе — продолжают «отдыхать». Мама и папа…

Поднимаюсь наверх, в «корреспондентскую». Дожидаюсь следующего звонка и час общаюсь с детьми: рассказал пару историй из жизни, смешную сказку, по ходу разговора придуманную…

На следующий день повторяется тоже самое. Только дети позвонили раньше, и их родителей я не стал искать в Максе — позвонил пару раз на «мобильный» — отключён — и бросил.

На следующий день встретил жену П. Стараюсь корректно дать знать о вчерашнем звонке — мол, не мог их найти. Обиделась на меня, зашипела: «Я знаю».

Вечером не стал уходить рано домой, хотя дел у меня не

было. Нечестно получилось бы — сказку рассказываю, а потом предаю. Присутствовавший в «корреспондентской» другой коллега услышал мой разговор и стал смеяться — мол, брось это, дети эти постоянно сюда звонят.

Назавтра П. стал со мной холоден. Не здоровается. И дети перестали звонить. Хотя еженощный «семейный отдых» в Максе не прекратился.

«Магия мундира». Даже если захочешь — не можешь выйти из игры. Знаешь, что зависим и не можешь снять этот мундир.

Самая важная программа НТВ — программа «Сегодня», информационная служба, «новости». Её сотрудники сидят на восьмом этаже АСК-1. Там же, на восьмом, и всё руководство телеканала обитает. То есть все эти «автоматчики партии», «бойцы идеологического фронта» — на виду. Под контролем. Это с одной стороны.

С другой стороны — из-за такого расположения рабочего места рядом с начальством, при такой физической близости у коллег-информационщиков начинаются проблемы с оценкой собственной значимости.

И так, бедные, убеждены, что они важные птицы. А тут ещё и с Кулом в уборной приходится сталкиваться. Да, да, общая с Кулом уборная — это тоже очарование Системы.

Каста? Они думают, что они каста привилегированных. Нет, на деле они не каста, а всего лишь класс. Обслуживающий класс. Официанты. Этот выбор предопределяет их судьбу, их действия, их образ мыслей. Их смелость.

Сервис. Обслуживающий сервис. Персонал. Сервис должен прислужничать хозяевам, сервис своё мнение не имеет. Сервис должен. Они должны! Это надо! Не думай! Не размышляй! «Никто кроме нас!»

Каста — это навсегда. Это гарантировано по праву рождения. По праву крови. А из класса обслуги можно вылететь. Можно взлететь выше. Можно. Но чаще — вылететь.

Как и во многих профессиональных сообществах, на ТВ тоже есть свой особый «язык». Толи сленг. Толи теперь уже жаргон, *телеяз*, а в действительности — просто понты.

Например, слова «хрип», «включиться», «прямиться», «синхрон», «тарелка» и т. д. Большую часть из них можно отнести к профессионализмам («петля», «пушка», «наговорить», «хрип», «ВМЗ», «бета», «захлёст», «ухо», «картинка», «стендап», «шапка», «удочка с мохнаткой» и т. д.). Да, обычно, это упрощения, которые помогают быстро и ёмко передать профессиональную информацию, понять её. Но много слов, литературный аналог или более литературные, *честные* синонимы которых намеренно не

употребляются. Например, слово «популярность», очевидно, со стыда заменили на «рейтинг». Нет, нет, это не из-за стыда, это плутовство. Потому что предложение *«Программа «Чета Пиночетов» очень популярна в России»* вызывает смех, за это даже можно получить подзатыльник в лифте от соседей по подъезду. А заявление *«У программы «Чета Пиночетов» «рейтинги» очень высокие»* вызывает равнодушие, классическое российское — как к парламентским и президентским выборам.

Или же непонятным для российских налогоплательщиков словом «формат» можно отбиться от определенного, конкретного российского налогоплательщика — обычного. Вот тема о строительстве Богучанской ГЭС, которое уже привело к катастрофе: экологической — вырубаются уникальные сосновые леса, погибнут дикие животные, редкие породы рыб; социальной, культурологической — население деревень — с родной земли, с природы, с «почвы» — сгоняется в депрессивные моногорода; археологической — под водой окажутся древние захоронения. Да и с экономической точки зрения всё делается через пень колоду: продукция этой ГЭС будет невостребованной. Так вот, оказывается, всё это не подходит под *«тематику, стиль и цели»* (так с телевизионного переводится слово «формат») ни одной из программ НТВ, в том числе программы «Сегодня».

Более того, в последнее время профессиональный теле-язык стал превращаться в жаргон, *телеяз*. Или, снова эвфемистическое — в сленг. Демонстративно используемый при людях, которых считают ниже себя, как минимум — не равными себе.

А как же — у касты должна быть своя коммуникативная система! Современное теле-сообщество ведь полагает себя особой социальной средой, миром — не таким, как окружающий — миром, непонятным и недоступным другим. *Искания и крест*, мол, которого не понять обычным гоям… Аристократия, блин…

Это — понты. Профессиональный теле-язык — это нормально. Теле-жаргон — это понты.

Чем дальше теле-журналист от зрителя, тем больше у него будет понтов. Вот приезжал Путин В.В. на НТВ — так все вдруг заговорили нормальным человеческим языком. Как с ним, так и при нём. А появится настоящий хозяин телеканала НТВ на восьмом этаже АСК-1 — обычный россиянин, обычный зритель, налогоплательщик. Вот тут начнётся… «Слушай, «проходка» по «картинке» не получилась». «Мы без кора ничего не решаем». «Синхрон» твой никуда «не влезает». «Твоя «история» нам по «формату» не подходит». «Да, и вообще, «петли» у нас для тебя нет, а «на пушку» «писать» непрофессионально!». Медведев Д.А. шевельнёт пальцем — это «формат». А посёлки «Речники» по всей

стране — это уже не «формат».

Говорю же, рабство и понты.

Раба, вообще, вычисляют по понтам. Телевизионного раба — ещё и по снобизму, по сленгу-жаргону. Если кто понтится — он раб. Видишь понты — значит перед тобой раб. Понты — раб! Понты — раб! Раб в первую очередь своих комплексов. И вообще — раб.

Понтами раб пытается заглушить изжогу от маргарина, выветрить из носа запах грязных лифтов. А в купленной в кредит дорогущей иномарке раб хочет спрятаться от действительности спального района, где он живёт. Он не станет бороться за чистые лифты — да, в нашей действительности к чистым лифтам приходится идти через настойчивую борьбу. Он не станет бороться вообще. Он начинает понтиться. Чем больше его унижает начальство, хозяин, тем больше он мечтает внешне выделиться. Тем настырнее желание кричать о собственной значимости, гордиться ею — вызывающе громко, с плакатной наглядностью.

И ненавидит раб не Систему, не хозяина. Более всех будет ненавидеть он такого же, как он, раба. Он перегрызёт горло своему «коллеге» по несчастью, но не хозяину. Почему?

Во-первых, в ненависти к своему собрату проявляется его ненависть к самому себе, к своему положению. Стыд за себя. Чем больше он ненавидит самого себя, своё состояние рабское, тем больше он «ломает» своего коллегу по несчастью. Второе. Он хочет стать таким же хозяином и угнетать других. Он думает, так он освободится. Получит свободу. Он не думает, что надо сделать так, чтобы рабов не было. Он хочет угнетать! Угнетать! Потому что он раб.

И такой раб, может стать только «хозяином». Он никогда не станет хозяином. Рабовладельцем — да, но не хозяином. Никогда не получит реального освобождения. Потому что — это лишь внешнее. А внутри он всё равно остаётся рабом. Рабом-рабовладельцем. Рабовладельцем-рабом своих рабов. Сила — есть слабость!

Понты — раб!

Понты — раб!

Понты — раб!

Понты — раб!

Понты — раб!

Да, ещё на НТВ воровали.

И сейчас воруют.

Съёмочные группы подворовывали по мелочи, в командировках. На «суточных», на «транспортных», на

«гостиничных». Особенно расхищались деньги на непредвиденные расходы. Согласен, не очень это хорошо. А как прожить на 300 рублей «суточных» по России? А как отчитываться за мелкие взятки и подарки в поездках? Вот и бегала съёмочная группа в последний день командировки по чужому городу в поисках чеков, поддельных печатей. Помню, однажды я решил честно рассчитаться с бухгалтерией. Так оказался должен 200 долларов из-за кассет. Не было подтверждающих покупку чеков. И где я найду их, условно, в Ираке? Или даже в Иране, где весь мелкий бизнес — например, такси — освобождён от налогов?

Все делали это в командировках. Даже ведущие, у которых зарплаты были немаленькие.

Перехитрить финотдел доставляло удовольствие. Работали *креативно*. С азартом. До сих пор на НТВ существует подпольная «типография» по подделке печатей…

Хотя, борьба с этим мелким воровством для вида велась. Вот если кто почувствует себя слишком независимым, задумает искать справедливости, вот тогда повытаскивает руководство все отчёты бедолаги из его поездок.

Эти деньги там же, в командировках и тратились. На цели командировки…

Да, по-настоящему воровали только по-настоящему избранные.

Вот, например, Олег Адамов первый заместитель гендиректора и, одновременно, главный кассир Кулистикова. Однажды этот пьяный начальник в загулявшей компании громко и бесстыдно хвастался, обращаясь к репортёру телеканала, тем, что он, Адамов, «всего лишь за два года работы здесь*(заместителем генерального директора на НТВ)* сделал *(сделал, а не заработал!)* несколько миллионов долларов, пока ты *(репортёр НТВ)* там в грязи, в горах, на войне бегаешь со своей палочкой». Под «палочкой» он имел в виду микрофон НТВ.

Да, начальство ворует серьёзные суммы.

Их, начальников, тоже держат на крючке. Серьёзном крючке.

Чем меньше у человека потребностей, тем больше свободы. Сколько человек — конкретный индивид — потребляет, настолько он и зависим.

Вот всё остальное время — оставшееся — на НТВ занимаются пропагандой. Да, если в выпусках новостей на НТВ — как и на остальном российском телевидении — и есть какая-то информация то лишь о том, что нового придумала пропагандистская машина.

Хотя её — пропаганду — именуют в профессии по-другому — созданием информационного образа реальности. Или ещё —

информационно-психологическая реальность. То есть важно не то, что происходит, а то, что показывают, описывают, интерпретируют. И как это показывают, описывают, интерпретируют.

Вообще-то, правильно называть это не *созданием* информационного образа реальности, а *организацией* и *поддержанием* информационного образа реальности. Да и не пропаганда это. Не пропаганда в чистом виде. Обман — да. Самообман — да. Беда — да.

Как эта беда происходит.

Как поддерживается-создаётся информационный образ реальности.

Тут работает не только старая, распространённая в профессии, да и в обществе, формула: мол, то, что покажут (расскажут, напишут) в «новостях» (в СМИ) — это новость; не покажут (расскажут, напишут) в «новостях» (в СМИ) — не новость. Происходящие в жизни те или иные события — реальные новости, факты — проходят через сито информационного образа реальности, и только после этого становятся «новостями» во всех СМИ.

Это не только цензура. Это ещё и стереотипный образ действительности.

Мифы не создаются. Они поддерживаются. То есть мифы создаются, но не на пустом месте. Они настраиваются на существующем, укоренившемся в головах находящейся в том или ином информационном пространстве и в том или ином эмоциональном состоянии аудитории фундаменте. Дайте мне пограничную аудиторию и какое-нибудь средство массовой информации — и я переверну их мир. Разрушу один стереотипный образ действительности и создам новый… В теории, в теории. Смысла в том чтобы практически «*перевернуть мир*», я не вижу. Не собираюсь на это тратить жизнь! Да и не имею права. Ну, может быть о стереотипах побеседовать. С тем, кому это нужно (важно, интересно)…

Пример таких стереотипов? В конкретной, конечной форме? Хорошо…

В московском метро ежедневно умирает с десяток человек. По разным причинам. Бывает и больше. Почти ежедневно там кто-то кончает жизнь суицидом. Бывают дни, когда два самоубийства, три, даже пять. Но информация о каком-либо суициде в столичной подземке появляется в «новостях» раз в два-три месяца. И обычный россиянин, обычный житель Москвы уверен, что так и есть — самоубийство происходит там лишь один раз в два-три месяца. А московское метро не ассоциируются у него с

ежедневной смертью, с ежедневной опасностью.

И для сравнения. Смертность на Северном Кавказе меньше, чем в целом по России. Да, да. В том числе, и по показателю «криминальная смерть». Далее. На Северном Кавказе иногда случаются теракты. Далее. От «преступлений террористического характера» в СКФО — с обеих сторон! — в год умирает столько же людей, сколько в результате убийств (!) в Москве всего за три-четыре месяца. При том, что терроризм и нестабильная обстановка на Северном Кавказе выгодны властям, провоцируются ими. При том, что на вооружённое подполье правоохранительными органами часто списываются нераскрытые преступления. Но российский Юг ассоциируется со смертельно опасным местом, с терроризмом, с войной. Не только у остальных россиян, но и у самих местных жителей на Кавказе.

А смертность от алкоголя в России в несколько сотен раз превышает количество жертв террористической войны — от 400 тысяч (по цифрам оптимистов) до 700 тысяч человек в год (у пессимистов). Даже по официальным данным в среднем каждый день в стране убивают около пяти детей — а ведь теракты с такими жертвами редкость…

Хорошо. Ещё пример информационно-культурологической дезинформации. Я не собираюсь выгораживать или рекламировать, например, такую страну, как Саудовская Аравия. Только пример. Большая часть опрошенных на улице россиян скажет, что в этой стране нарушаются права женщин. Коллеги-телевизионщики? Эти вообще будут с умным видом рассуждать, что женщина в исламской стране унижена, поругана — рабыня. А в России? Нет, мол, как можно сравнивать — в России женщина свободна, эмансипирована, *вольна*. Хорошо. А цифры? А то, что в год от рук мужей — в том числе и гражданских — погибает около 10 тысяч женщин? Это данные Национального центра по предотвращению насилия «Анна». 10 тысяч! Целый город — по саудовским меркам. А так — да, свободы у россиянок больше. Свободы… При разводе: «Иди, сама содержи детей, алименты не получишь. И скажи спасибо, что не убил, не увеличил статистику. Всё! Свободна!»

Ещё. В существующем в голове обычного россиянина информационном, стереотипном образе действительности — за Уралом всё плохо. Мол, жизни там нет. Лучшая жизнь — в Москве: столица, «звёзды», шик, возможности и перспективы, развлечения, «высокий стандарт жизни», «высокий уровень образования». А население российских деревень, мол, заживо гниёт — без будущего, «в стороне от цивилизации», «в XIX веке» и т. д.

В это верят почти все. В том, числе и люди, населяющие российские деревни. Молодые комплексуют, бегут в города, в мегаполисы — от «почвы» к «цивилизации»: жить скученно, питаться продуктами из ГМО и нитратами, дышать испорченным воздухом, получать копейки; быть соучастником эпохи потребления и демографически вырождаться в поколениях; превращаться в толпы одиночек, проживающих жизнь в тихом отчаянии; главное — превращаться в массы развращённых людей, которые не хотят работать, *хотят* только развлекаться, наслаждаться… Вам сказали, что Москва процветает. Вас обманули! Да, зато «у нас в квартире газ». Хотя дровяная печь намного лучше, чем любая куча газовых конфорок. Хотя если трудиться на земле, можно *заработать* больше, чем в офисе. И кормить семью лучше. Можно есть качественное, чистое. Вообще, у человека всегда будет, что есть. Но таков уж современный стереотип. Быть винтиком — клёво, модно, современно, *цивилизованно.* В мегаполисе ведь человек всего лишь винтик: он зависит от зарплаты; без зарплаты он — никто. У него нет оружия. У него нет права на справедливость, на суд. У него нет сил. Он винтик. Он никто! А на земле он зависит только от себя. Его жизнь в его руках! Он свободен. У него есть пространство личной, индивидуальной свободы. Ой, не покупают продукцию. Ой, перекупщики. Глупости. Всё это стереотипный образ действительности — раз и оправдание лености — два. «Человек земли», общество сильных мужчин не зависит от покупателей и перекупщиков. Аааа, хочется лёгкой жизни? Сто-сто пятьдесят лет назад у россиян тоже был не лучший стереотипный образ действительности. Но им не мешало жить счастливо и трудиться на земле — на «почве» — отсутствие возможности раз в неделю выпить мохито в «Шоколаднице» у метро «Октябрьская» — да и неважный там делают мохито.

Кстати, житель мегаполиса, этот «глобальный человек», этот винтик — это же любимый объект, персонаж Системы. Потому что со всеми потрохами зависит от Системы. Сам готов быть зависимым. Он готов меньше думать. Он не хочет сильно думать, много думать. Даже задумываться. Он сам хочет быть «зайкой» и способным лишь шуршать на клавиатуре хомячком…

Так вот. Таких мифов, стереотипов — множество. Наша жизнь цедиться между этими стереотипами. От роддома до кладбища. Стереотипы были всегда. Раньше все верили, что Земля плоская и находится в центре Вселенной, а всё остальное вертится вокруг любимого создания Божьего. Что не подходило под информационный образ реальности — отметалось. За утверждение, что Земля круглая и всего лишь одна из

бесконечного множества планет Вселенной, а не какая-то центральная жемчужина мироздания, могли сжечь, могли камнями забить, на кол посадить.

Сейчас кто-то стал умнее. ***Там*** стали умнее, ***там*** не растаптывают ростки альтернативного мнения. ***Там*** поиск нового — это ради самосохранения, это способ избежать Беды. Немного, но умнее.

Там другое отношение к «новостям» — новостям фактов.

Согласен, во многом эта убеждённость также основана на стереотипе! Ещё на каком — Град Китеж и земля обетованная! Во многом. Но не полностью.

В России говорят — мол, классические «новости» сейчас неинтересны, нерентабельны, их никто не смотрит, все хотят развлекаться. Что же вы так врёте, мужики?! Информационная журналистика прибыльнейший бизнес в философии культуры потребления. Люди, которые действуют, хотят принимать и принимают решения, думают сами, для которых время — деньги, хотят быть в курсе объективной и оперативной информации. Чтобы понять это, не нужен никакой аналитический доклад. Вот доказательство — ежегодная многомиллионная прозрачная прибыль CNN. Даже «*ни на что неспособные арабы*» (с таким личным мнением живёт мой бывший начальник, «великий» теле-менеджер Пётр Орлов) создали, например, телеканал «Аль-Джазира», контент которого — исключительно информация. Из-за роста интереса к арабскому миру это СМИ продолжает информационную и политическую (не путать с идеологической!) экспансию глобальной аудитории, и в будущем ещё потеснит гигантов пропаганды CNN и BBC.

И телевидение, поднимающее социально-острые темы, обсуждающее их, перестаёт быть идеологическим средством и становится просто сферой деятельности, обычным бизнесом. Обычным! Как речное судоходство. Как рынок спортивных услуг. Не является же производство обуви идеологическим инструментом, оружием. Как и Ленинградский проспект в Москве.

Именно — обсуждение, а не под видом интерактивного обсуждения проталкивание мнений «хозяина». Обсуждение, а не забалтывание.

Информация — это жизнь. Информация — это деньги, это важнейший коммуникационный ресурс. И он стоит дорого. А «новости», которые *делает* современное российское ТВ, это даже не эпоха потребления, за такой продукт готовы платить только сентиментальные домохозяйки. За этот скучнейший сериал, с неправдоподобным сюжетом. Неправдоподобным! Сказочным.

Мифическим.

В России самое основное, простейшее средство в этом *самомифотворчестве* — телевидение. В первую очередь важен контроль не за газетами, а за ТВ-картинкой. Главное — это телекартинка. «Новости» для показа «картинки».

Газеты умнее — там нужен анализ. Хотя бы какой-то. А по «ящику» показали перекрываемый вентиль газопровода на западной границе, как нахмурился президент — и всё сразу понятно: «Не дадим воровать наш газ!»

Попробуй простым описанием цирка с Кремниевой долиной в Сколково поддержи стереотип о «поднимающейся с колен Родины». Ведь приходится придумывать, потеть, изловчаться. А в «новостях» по НТВ всё просто. Вот Медведев Д.А. ходит гоголем по какому-то залу. Ему что-то показывают, агрегат какой-то. Он его трогает, улыбается. Вокруг тоже все чему-то радуются. Что за агрегат? Какие мощности? Какие иностранные аналоги у него есть? В каком он хвосте у «коллег» болтается? А, может, вообще это имитационное производство, скопировавшее зарубежные технологии из прошлого века? Это не важно, в «ящике» это можно утаить. Важно — смотрите! — «картинка» «Медведев у агрегата». Голос у корреспондента «за кадром»[5] тоже чему-то радуется. И обыватель тоже начинает радоваться: мол, есть ещё порох в пороховницах! могём же ещё! вот Медведев, вот агрегат какой-то! «Президенту чушь не покажут!»

Вера в царя. Сказочная. Всё из сказок. Из прошлого.

У идеологических конструкций с течением времени изменяется лишь форма, а суть остаётся прежней. Мифотворчество в работе с целевой аудиторией опирается на ментально близкие большинству аудитории ассоциации, на т. н. архетипы, образы коллективного бессознательного. По Карлу Гюставу Юнгу «реликты архаического опыта», прописавшиеся в бессознательном современного человека. Всеобщее наследство. Не только общечеловеческое, но и социальное, этническое — господствует обычно над личным «багажом», образами индивидуального. Тем более в такой помешанной на символах и метафизике стране, как Россия.

Эти образы есть — спрятались и живут — в каждом, кто ходил в детский сад и школу, кто смотрел мультики, кому на ночь родители читали сказки. Проще говоря, СМИ создают мифы, используя старые, прежние российские, русские мифы. Например, из народных сказок. Не факт, что мифотворцы отдают себе отчёт в этом, но выходит именно так.

Предлагаю проверить.

Вот фигура царя, «наше всё». Фактологический и

идеологический материал из русских народных сказок использован *по полной программе* — образ главного героя общественно-политической жизни страны Путина В.В., появившегося пред очи российского избирателя в 99-м как чёрт из табакерки, скопирован с сюжета про Иванушку-дурачка, который полжизни спал-спал на печи («все на печке сидел да мух ловил»), а потом, вдруг, прыг — и пошёл Русь спасать. Кто-то спросит: «А почему не Илья Муромец? Он тоже отсыпался на печи». Ну, уж нет. Ну, никак не дотягивает Путяша до богатыря. Не вышел ростом: у этого — 170, а у народного героя — 177 см (если считать прототипом былинного героя святого Илию Печёрского). Для того времени очень высокий. Да и не только в росте дело? Илья — это русский Робин Гуд, власти не искал, в хоромах не жил, страну не разворовывал, из друзей олигархов не делал, даже на княжеских пирах-тусовках редким гостем был. На пике побед и славы ушёл монахом в Киево-Печёрскую лавру — то есть не считал себя незаменимым. Да и, вообще, был человеком оппозиционных взглядов. Нового Илью Система упрямо делает из Ходорковского…

Сказал царь Борис Иванушке-дурачку — вот, мол, напасть двигается на страну — дракон международно-террористический к рубежам нашим дагестанским налетел, по ночам на жилые дома нападает и взрывает. Защитишь, мол, Русь — дам тебе полцарства, станешь преемником. Вот и пошёл Путяша махать мечом, отогнал поганых, получил правдами и неправдами власть — даже не полцарства, а всё царство. Этот сказочный образ нам рисовали привластные СМИ. А то, что с «драконом» у Путяши и компании была договоренность, почему-то современная сказочка молчок.

И вроде бы сказочке конец — Русь «влюбилась» в Путина, «сыграла» с ним «свадьбу». А, нееет, нарушение хронологии: в сказках получением власти и свадьбой — всё заканчивается, а у нас с этого всё и началось. Надо электорат держать в тонусе.

Началась борьба. Прототипы отрицательных героев такие знакомые, родные. Роль Кощея Бессмертного долго играл Шамиль Басаев. Ещё один Кощей, по мнению привластных СМИ, сидит в Лондоне, и зовут его Борис Березовский. Кстати, внешнее сходство есть, «картинка» работает.

Есть ежегодный «Змей Горыныч», «злой дракон» — зима. Воюй, мобилизуй — не хочу. Теперь и лето — «дракон», с его пожарами и смогом. Раздолье.

Ещё один враг — Запад. Тяжело…

Плохие бояре? Конечно. Зурабов, Яковлев, Фрадков, Кудрин, Греф. Да все бояре в России плохие. Всегда бояре были плохие.

Образ.

А вот особый «дракон» — кризис. У которого непонятно сколько волн-голов — одну срубил, другая вырастает. До бесконечности рубить можно. Что тут поделаешь — физиология у этого «дракона» такая. Необыкновенная. Подлая. Нечеловеческая. И налетел он откуда-то оттуда — враги поганые наслали. Завидуют поднимающемуся с колен царству.

Ещё Иванушка-дурачок женат был на лягушке[6]- хитрой, двуличной дамочке… Такая очень стойкая массовая ассоциация — о второй половинке главного и других русских национальных героев. Ни одна в народе не была любима. От зависти, ревности, наверное — не хочет отечественная толпа в своём по-женски эмоциональном естестве делить с кем-то физически *принадлежащий только ей*, толпе общественно-политический идеал. Как с Пушкиным. Кстати жена-лягушка — наиважнейший элемент в коллективно-бессознательной ненависти к герою. Например, к царю, бывшему ещё вчера «наше всё». Такое тоже бывает: как с царем Дадоном, околдованным «Шамаханской царицей», коварной иноземкой, так и с Петром I, Николаем II, Горбачёвым, Ельциным. Да, ненависть к царю тоже коллективно-бессознательная. Сказочная. Говорю же, архетипы. *Самомифотворчество.*

Кстати, ненависть к «нашему всё» в России бывает крайней и иррациональной, как иррациональной и нещадной предшествующая любовь. Насколько сильно любит *русская* женщина — или, вообще, женщина — настолько мощи и вкладывает в последующую ненависть. А далее: вера в нового царя — как в небесного, так и в земного — снова иррациональная. Из-за лености. Лень думать. Делать что-то. Самому отвечать за свою жизнь. Лучше валить на него, царя-батюшку.

Современный человек, помимо того, что уже не Homo erectus — некоторые учёные говорят, что уже и не Homo sapiens — он человек зависимый от СМИ. Как от наркотика. Сегодняшний «*опиум народа», «сердце бессердечного мира».* Суррогатное сердце. Особенно, на постсоветском пространстве. Герой нашего времени — человек, сгорбившийся перед экраном или монитором; шуршащий на клавиатуре человек слов. Homo multiloquus — человек болтливый, человек многих слов.

Сейчас стало модно хвалиться тем, что не смотришь телевизор. «Вот, мол, я такой умный, не включаю ваш «зомбоящик» уже несколько месяцев (или лет)». Ничего. Никуда не денутся. Потому что, например, большинство из них используют в качестве источника информации Интернет. А что —

интернет-ресурсы не работают в этой системе стереотипов?! Люди ведь пользуются определёнными новостными ресурсами? *Серьёзными информационными ресурсами.* Ведь так? Да, информация в большем количестве. Разнообразная. Да. Форма подачи отличается. Да. Да. Да. Но информационная реальность та же. Стереотипы те же. Там тоже изобретают «новости», которые таковыми не являются. У каждого СМИ свои цели и своя аудитория: у Интернета — молодая, максималистская, самодовольная; у РЕН-ТВ как у «Новой газеты» — обиженная, недовольная, интеллигентствующая; у «России» — довольная, согласная, покорная и тёпленькая как домашние тапочки; у «Коммерсанта» и «Ведомостей» — задумывающаяся в рабочее время и по дороге от фитнес-клуба до дома т. д. Всю эту аудиторию надо кормить той пищей, к которой они привыкли. Кормить и управлять ею…

Если современный человек решит пожить где-нибудь в глуши — без всякого «ящика» и интернета; даже радио — через месяц он завоет от тоски без родного информационного образа действительности. Он ведь отвык от *реальности* — ему необходима постоянная инфо-доза, инъекция. Но если продержится три месяца, а потом ещё три — то поймёт, насколько прекрасна, интересна, многогранна жизнь. Другая жизнь. *Другая Россия*. Поймёт, поймёт. Тот, кто продержится шесть месяцев, поймёт.

Живя в информационном пространстве, чтобы уменьшить влияние информационно-стереотипного образа действительности, надо думать постоянно. И сомневаться. Снова стать homo sapiens. Чтобы стать homo moralis.

Говорят — «Цензура, цензура». «Зомбоящик врёт!»

Ну, и пусть врёт. Не понимаю, почему люди в это верят? Почему живут в подчинении, в поклонении перед авторитетом СМИ? Почему якобы ненавидят ТВ, не доверяют газетам, но разговаривают, думают теле-информационными штампами? Как с рекламой. Вроде бы ни один не скажет, что верит рекламе, но покупает раскрученные товары. От того, что человек ругает эпоху потребления, он не перестаёт в этом извращённом потреблении участвовать. *Соучаствовать* в этой «*экономике невинного обмана*».

Вот и очарование Информационной Системы такое же — непонятное, нелогичное. Вот он — обыватель. Толи жертва, толи соучастники эпохи потребления «новостей». Думает, что он свободен. Ан, нет. Беззащитная игрушка.

Зритель. Зритель…

Строящий из себя жертву. Нет, не жертва он.

Почему слушается зритель? Российский налогоплательщик?

Нет, он не молчит. Но слушается! Вот этого я вообще не понимаю. Знает, что врут, как минимум, знает, что привирают. Что же он покоряется?.. Спасение наркомана — это в первую очередь осознанный выбор самого наркомана. Его желание излечиться. Аааа. Устраивает? Ах, устраивает такая правда? Такая информационная реальность?

Раб? «*Герои исчезли — остался хор???*» Массы??? Толпы???

Толпы наркоманов.

Не все. Не все.

Согласен, обобщения часто сомнительны.

Но…

Большинство…

Мажоритаризм…

Exsistentia…

Демократия…

Кто сильный, тот и демократ…

Миллионы. Миллиарды призраков бесполезно топчутся на Земле. Мнут траву. Думают — живут. Иллюзия. Суррогатный мир. Нет, просто удовлетворяют свои капризы и физиологические прихоти — нужду; видят грязь и не видят явного. Богатство, которое — под ногами. Одно чавканье самодовольное. Биомассы. Миллиарды чавкающих ртов. Не приматы, а подотряд жвачных.

Траву жалко.

Землю жалко.

Атмосферу жалко.

Красоту и тепло двух светил жалко.

Людей уже не жалко.

Для чего нужна Система Системе.

Люди Системы и сами беззащитны перед нею. Система раба Системы. Тупой Системы. Глупой. Она забывает, что пропаганда и пиар на пустом месте спасают и помогают до определённого момента. «Ящик» — наркотик как для тех, кто в нём, на телевидении, работает, так и для тех, на кого он работает. А любой наркотик только вначале доставляет удовольствие. А потом — это недуг страшный. Только бы «снять ломки», только бы не «болеть».

Вот ещё один. Медведев Д.А., пытающийся играть роль доброго и современного царя — а всё равно получается дурак дураком. Настоящим Иванушкой-дурачком.

Нашёл себе «работу» — такого же многоголового «дракона» как у Путина. Будет *бороться* с коррупцией. *Бороться* за модернизацию.

А всё равно дурак дураком.

Думаете, сидит ДАМ в кремлёвском кабинете и трудится *в*

поте лица, нуждами народа российского мучается — думу думает, как бы эту коррупцию окаянную одолеть. Так? Вот президент проснулся утром в хорошем настроении — потому что во сне привиделось ему, мол, модернизация вдруг случилась в России — улыбается, блаженно потягивается, конфузливо зевает мелкими зевками. Но, вдруг — о, Боже! — тяжёлая, хмурая морщина проступила на президентском лбу, и рука его потянулась к стопке с донесениями, услужливо подготовленными и оставленными помощниками у ночного горшка. Выбирает он нужный листок, долго рассматривает кривую ежедневного роста коррупции в стране. И тут его чело перекашивается: от ненависти к этим внутренним врагам России — коррупционерам; от чувства (ощущения, сострадания) боли народа, вопиющего рыданиями великими в сжимающихся коррупционных тисках. И, гневно возмутившись, воспламенятся президентское чистое и горячее сердце-юриста на битву с этим лихом тяжким. Срывает ДАМ кружевной бело-сине-красный колпак, сбрасывает с себя одним борцовским приёмом ночную рубашку и, зарычав на весь Кремль, бросается в кабинет — работать, бороться, работать, бороться…

Так? Конечно! Сейчас!

Нет, ДАМ сидит и смотрит телевизор. Да, он *тупо* сидит перед «ящиком» и *тупо* просматривает все новостные выпуски российских телеканалов.

Обычно делает он это в одиночестве — побывает на каких-нибудь мероприятиях в первой половине дня, а потом бежит усесться перед телевизором — и начинает щёлкать пультом.

Так должен был закончиться и исторический день 30 сентября 2009 года…

Утром президент поехал в «Курчатовский институт», который был выбран в качестве декорации к съёмкам главной «новости» в стране на тот день: «Медведев провел совместное заседание Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России». Ну, того, самого судьбоносного заседания, где стране объявили — переходим принудительно на энергосберегающие лампочки. Вся страна. В течение пятилетки. С 2014 года — только они. И для Медведева тема лампочек очень важна. Во-первых, модернизация не может ждать! А после завершения всероссийской операции под лозунгами «Энергосберегающая лампочка — на смену старой!», «Пусти инновацию в свой дом вместе с новой лампочкой!» и «Купи эту лампочку — будь с инновацией!» можно переходить к следующему этапу модернизации. Во-вторых, ДАМ тайно и нескромно предвкушает, что эти забавные и дорогие осветительные приборы в народе ласково нарекут «лампочками

Медведева» или ещё поэтичнее «лампочками Анатолича» — и не только на территории России. В-третьих, ДАМ хочет на второй срок. Очень! Надеется.

И вот приходит президент с такими светлыми мыслями на съёмку. А ему сразу портят настроение: ведут в плохо освещённое помещение, где Михаил Ковальчук[7] на компьютере показывает мозг мыши, которая якобы читает статью «Россия, вперёд!» При этом академик бормочет, что «благодаря соединению нано- и биотехнологий» мозг мыши «стал прозрачным», и через него можно прочесть, например, прославленную статью «Россия, вперёд!»

Медведев стоял перед камерами, смотрел то на директора Курчатовского института, на монитор — на мозг мыши и не мог поверить своим ушам.

Во-первых, он считал Курчатовский институт серьезным заведением и только потому согласился на съёмки тут. Во-вторых, он не доверял этому академику, который кроме того, что он академик, ещё и родной брат друга, кассира и старого бизнес-партнёра Владимира Путина Юрия Ковальчука. В-третьих, его обидела эта мышка, которая читала статью «Россия, вперёд!». «Даже мышка», — загорелась ожесточенная мысль в его голове. Ведь статью «Россия, вперёд!», как известно, написал сам Медведев, чем очень гордился — потому что она получилась гениальная; об этом же все говорят; это же «событие общероссийского масштаба!» А тут по тексту его программная статьи — *его* программной статьи! — ползает обычная серая мышь и делает вид, что читает. Тут был какой-то намёк. ДАМ не понял — на что, но понял, что намёк.

Утро было испорчено. На заседание Комиссии президент пришёл злым и капризным — съёмка едва не провалилась.

А вечер ему испортил телеканал НТВ.

Этот анекдот с мышкой стал главным информационным поводом для всех привластных СМИ — так газеты, радио и ТВ разбавляли скучный официоз. Особенно ДАМ не понравился сюжет в вечерних, 19-часовых новостях — еле-еле успел к началу выпуска — на «четвёртой кнопке». Да нет, он был взбешен.

Сразу после эфира в кабинете у гендиректора НТВ зазвонил специальный телефон. Как потом рассказывал своим подчинённым дрожащий от страха Кулистиков, ДАМ кричал в трубку приблизительно следующий текст: «Что это вы показываете у себя в эфире, а? Почему вы какую-то мышку серую показали больше, чем меня. По хронометражу видео с нею дольше, чем со мной! Я всё записал. Мышь задушить! И делайте выводы! Далее… Почему меня у компьютера показали только с

одного плана, а мышку с нескольких? Неужели вы на НТВ считаете, что мерзкая мышка важнее президента России?! Мне этот ракурс не понравился. Не понравился! Делайте выводы, Владимир Михайлович! Я говорил на заседании Комиссии такие важные вещи об энергоэффективности, о модернизации страны! Вам на НТВ это не важно? Вам важна мышка? А? Переделать к следующему выпуску. Переделать! Мышь задушить! Я сказал! Немедленно! А также добавьте в сюжет ещё больше моих слов про лампочки…» И бросил трубку. А Кул побежал исполнять.

Наркотик. Представляете, главный чиновник страны, потеряв голову, приклеился к «ящику», выслеживает эфир. Измеряет, сколько про него показали и сколько про Путина — чуть ли не с секундомером. Дела забросил, женой не занимается — у него телезависимоть, синдром СМИ.

А для кого-то президент страны — это априори бог и царь. Бог, а не наёмный менеджер, труд которого конечно надо уважать, как уважают хорошую работу дворника со своего двора: чисто, убрано — хвалишь, грязно — критикуешь, ругаешь. Меняешь. Слугой же дворника никто себя гордо не станет называть. А слугой президента некоторые стать не против. Многие стать не против…

Блог собственный, видите ли, у него. Куча айфонов, видеоконференции, рассчитанные на молодёжную аудиторию — а его, президента, меньше мышки какой-то *гадкой* показывают.

Такой вот он ДАМ — лишь на третий год с трудом избавился от лёгкого, но разборчивого и неприятного похрюкивания носоглоткой при выступлениях на камеру. Свадебный президент.

Раб «ящика».

Дурак дураком.

Полстраны болеет интернетом, живёт там — несколько миллионов хомячков, шуршащих клавиатурой, и этот — туда же. В перерывах между «ящиком».

«Магия мундира».

Неужели стоит тратить свои силы, свою жизнь на таких «хозяев»? Оправдывать, восхвалять Систему? Жизнь — на такую мелочь!

Ах, да…

Мне же говорили…

Я же увидел и понял…

Хотя до последнего не верил.

Что всё дело в кредитах и понтах. Да, всё так просто. Да! Просто! В этих жалких вещах, которые счастье не дают, а лишь позволяют прикоснуться к ощущению кратковременного счастья. Суррогатного счастья.

В удостоверении телеканала. В счастье сопричастности Силе и Власти. В комплексе твари дрожащей. В теле-понтах? Да?

Вот как! Ну, тогда — получите!

* * *

Далее всё о том же, но с подробностями.

Source URL: http://ostankino2013.com/ntvshniki-klass-obsluzhivajushhij.html

Голубой огонек

Первое время на НТВ я комплексовал. Да, у меня был опыт работы журналистом. Я побывал в нескольких горячих точках, что считаю необходимым для всех этапом в профессии: зона боевых действий для журналиста как экзамен, как дипломная работа — исследование, переоценка, закрепление своими силами. Философия человеческих взаимоотношений такая же, как и в обычной жизни, но жестче, откровеннее, без условностей мирного времени. Еще работал некоторое время политическим обозревателем. Да и жизненный опыт — мне казалось — у меня был какой-то. Я стал так самонадеянно предполагать после своего однажды путешествия в багажнике мерседеса, закончившегося стрельбой мне под ноги в незнакомой лесной полосе.

Но это же ведь НТВ! Был уверен — здесь работают только лучшие. Лучшие в профессии. Умные, критически мыслящие. Журналистская этика. Объективность. Постоянная рефлексия и самообразование. Репортеры, закалённые в бурной общественно-политической жизни страны. Репортеры, услугами которых в написании президентских речей пользовалась команда Бориса Ельцина. Новости не только их профессия, новости — это их семья, их любовь, их честь — вся жизнь. Школа для любого журналиста!

Но ошибался я недолго. И одна из сильных подножек этому светлому образу сотрудников НТВ в моей наивной голове случилась где-то в августе 2003 года. Помню, что была пятница. Вернулся в Останкино поздно после съемки, часов в десять вечера. В одной из двух «корреспондентских» комнат отмечали какое-то событие — кажется, чей-то день рождения — и пили. По виду участников мероприятия и по запаху — пили уже давно. И пили, уже не закусывая. В комнате душил запах рвоты. Использованных одноразовых стаканов было много, но теперь остались только самые стойкие — человек шесть-семь: директор Дирекции информационного вещания и заместитель главного редактора телекомпании Игорь Сидорович, корреспонденты Илья Зимин, Алексей Веселовский, продюсер Иван Кужельков, администратор вечернего выпуска программы «Сегодня» Саша Девяткин и др.

Только зашёл в «корреспондентскую», как меня стали звать присоединиться к их компании. Я сослался на работу и сел за «расшифровку» отснятого материала — расписать по тайм-кодам видео и интервью для утреннего выпуска новостей. И вдруг ко мне подошёл мой тогда непосредственный начальник Игорь

Сидорович. Из всей группы отдыхающих на рабочем месте он менее всего выглядел пьяным, внешне — человек просто навеселе.

— Ты что — нас не уважаешь? — атаковал меня заместитель Митковой и сделал попытку взять у меня кассеты. — Оставь это! «Утро» (бригада утреннего выпуска новостей на НТВ — Э.М.) сами расшифруют. И так они ни х. я не делают.

Пришлось согласиться и допивать со всеми коньяк, виски, текилу и омерзительное вино из картонного пакета со странным названием — что-то вроде «Сердце ангела». По очереди.

Игорь Сидорович был человеком Татьяны Митковой. Сидор — как мы его все называли — человек спортивного телосложения, хотя тогда ему было уже больше сорока, ширококостный, внешне милый, очень обходительный, с красивым голосом и внешностью балканских славян, которая сразу сшибает с ног российских дам постбальзаковского возраста. Кстати, к женскому полу имел сильное и публичное пристрастие.

У Сидора слабым местом были глаза — они всегда бегали. Как будто, в поисках чего-то. Очень он не любил смотреть человеку в глаза, а если собеседник искал его взгляда — Сидор становился еще более обходительным и смущался. Философия у этого человека простая — он существует, чтобы делать деньги, а потом их тратить на хорошую жизнь. Журналист он был непонятно какой, но сделал такую головокружительную карьеру, которая стала возможна в профессии только в путинские времена, перевернувшие всё с ног на голову. Много лет назад, когда Миткова была ещё ведущей вечернего выпуска программы «Сегодня», Сидор работал у неё в бригаде редактором, отслеживающим новости на лентах информационных агентств. Этот малозначительный сотрудник сидит где-то в углу ньюс-рума и вечно пялится в компьютер, в то время как остальные редакторы пишут «подводки» для ведущего, ищут ньюсмейкеров, перепроверяют информацию, поддерживают постоянную связь со съёмочными группами, принимают видеоматериалы через спутниковую связь — так называемый «перегон», отслеживают работу монтажеров и художников графики, волнуются и все громче матерятся на окружающую действительность по мере приближения времени эфира новостного выпуска. А его главная задача — первым увидеть важную новость «на лентах» и дать всем знать. Работа непыльная, справится с нею даже подросток, но оплачивается по редакторской ставке. Обычно на эту должность «пропихивают» — те, кто имеет полномочия — своих знакомых, бывших одноклассников, старых и новых любовников, а также если «просто, очень просила одна знакомая мамы с ее работы».

Или пришлют с факультета журналистики очень тёмного стажера, не способного и не стремящегося к работе в поле, на съёмках — а место редактора «на лентах» пустует — то его точно посадят за этот компьютер.

Не знаю об уровне личных отношений Митковы с Сидоровичем. Но, как только она после т. н. «развала НТВ» наконец-то добилась кресла главного редактора службы информации телеканала, то сразу же протолкнула его на должность своего заместителя, создав позже под него уютную должность директора Дирекции информационного вещания. У них была общая приемная и общие секретарши. Сидорович получил полномочия ставить визы на всех документах — в первую очередь финансовых — и только после этого они одобрялись главным редактором. Но самое важное — он решал, кто какую зарплату будет получать. И тут скрытые во время редакторской работы «на лентах» таланты Сидоровича повылезали наружу. Такой карьерный рост вскружил Сидору голову. Действовал он грубовато, но со страстью, с размахом. Деньги, которые ежемесячно сотрудники получали в конвертах или в кассе, отличались от сумм, обговоренных при приёме на работу и — как лично я о себе случайно узнал от коллег из финансовых служб во время «ухода» Сидоровича — указанных по бухгалтерским документам и «подтвержденных» поддельными подписями сотрудников. С каждого оставалось в месяц по 300–500 долларов. Сколько людей недополучало точно неизвестно, но можно умножать на сто, двести… И это доход только с зарплат сотрудников. И это начало 2000-ых. Ну ладно — воровать у компании, но не у коллег же. А Сидор сопротивлялся получению всеми сотрудниками пластиковых зарплатных карт, сам решал — каким командировкам быть, каким нет и во сколько они должны обходиться каналу «по бумагам». Его решения могла отменить только Миткова, а она этого делать не любила — потому что «своих» не подставляла.

Вся эта некрасивая история закончилась в октябре 2005 года демаршем ведущих новостей Алексея Пивоварова, Антона Хрекова, Михаила Осокина и одного из редакторов-цензоров из Службы главного сменного редактора по информационному вещанию Алексея Кузьмина, которые потребовали от нового генерального директора НТВ Владимира Кулистикова снять Сидоровича. Миткова долго билась за своего протеже, но была вынуждена его сдать — Кулистикову тоже выгодно было нанести урон позициям главного редактора. Новый генеральный укреплял центральную — то есть свою — власть на НТВ, сильно ослабленную во времена предыдущего руководителя — Николая

Сенкевича.

И Сидорович ушёл. Говорили, что в рай для избранных — в «Газпром-медиа». А «Газпром-медиа» — это такое место, где люди занимаются «управлением медиа-активами компании «Газпром» и другими проектами», то есть ничего не делают, ездят на дорогих служебных автомобилях и получают большие зарплаты. Но потом Сидор вдруг объявился на должности заместителя генерального директора газеты «Известия» по общим вопросам. Название должности ничего не говорит о выполняемой работе, но говорит о том, что она тоже хорошо-оплачиваемая и, опять же, непыльная. Вот так.

Усилия Митковой по защите Сидоровича вызвали слухи среди коллег — якобы, он делился с ней этими грязными доходами. Может быть. Но, все же, это была не главная причина того, что Миткова так держалась за своего распоясавшегося зама. Сидор был полностью ей предан. А таких, кроме него, больше у Митковой не было. Кстати, потом она приложила колоссальные усилия по выдавливанию Михаила Осокина с телеканала, Алексея Кузьмина изжила из информационной службы НТВ, а Пивоварову и Хрекову она ещё припомнит историю с Сидоровичем.

Но вся эта далекая от реального творчества и нормальной профессиональной деятельности развязка одной из нтвшных интриг произошла много позже. А в то время Сидорович был в фаворе. И делал, что хотел. Все — и Пивоваров, и Хреков — поддерживали с ним внешне тёплые отношения.

Сидор никого не отпускал. Все были очень пьяные, но терпели. Разговоры были почти о работе. О происходящем на работе.

— Я вам говорю. Меня слушайте, — решительным тоном делился информацией мой начальник. — Лучше всего — это бабы из аппаратной. Они прямо после работы выходят и трясутся от возбуждения.

— Это в нашей аппаратной? Энтэвэшной? — удивился Илья Зимин и засмеялся.

— Да, да. Что-то такое я замечал, — быстро вставил Ваня Кужельков, а корреспондент Алексей Веселовский захихикал.

— Да нет, — расстроился Сидорович и шлепнул Ваню ладонью по колену. — Да в нашей это… тьфу. Ну бля. Бабы из аппаратной Телецентра. Я про них говорю.

Большая аппаратная Телецентра «Останкино» на пятом этаже главного корпуса (АСК-1), в котором размещался и телеканал НТВ, обеспечивает техническую поддержку для выхода в эфир теле- и радиокомпаний. Там за пультами работает много дам. И у директора Дирекции информационного вещания телекомпании

НТВ была своя теория о влиянии электромагнитных потоков на степень полового возбуждения женщин. Под эту теорию у него была даже собрана научная база.

Сидор стал демонстрировать на себе — раздвинул ноги и поднял руки, изображая сидящего за пультом режиссера.

— Вот они сидят перед этими пультами. Так?

— Ну.

— И эти… бля. Ну как их? — Сидор стал руками делать плавные движения.

— Волны. Волновые потоки, — вставил корреспондент Веселовский и еще сильнее захихикал.

— Во! Своим телом они принимают эти волновые потоки. Они же как бля «тарелка» на пути волн сидят. Правильно? А потоки входят им между ног. Потом идут, блять, по всему телу.

Сидорович говорил и показывал движение волн, энергично поглаживая колени, пах, живот и грудь. Даже покраснел.

— Волны электро… электрифици… бля! ну!

— Наэлектризовывают, — снова нашёлся корреспондент Веселовский.

— В общем, возбуждают им части тела, — Сидор тряс всем телом и показывал на область паха и груди. — И к концу работы они сходят с ума от желания.

Зимин захохотал, а Веселовский перестал хихикать и задумался.

— Я там, на пятом этаже, постоянно баб снимаю, — стал хвастаться начальник. — Караулю их после эфира. Так они на меня сразу бросаются.

— Вот это да! — поверил и загорелся продюсер Кужельков.

— Увожу их куда-нибудь и делаю свои дела, — добил Сидорович.

— Да ладно, Игорь. Неправда это, — расстроил начальника молчавший до этого Саша Девяткин. Этот всегда умел разозлить своими сомнениями, но ему ничего не могли сделать — Девяткин незаменимый супер-администратор.

— Что ты понимаешь?! Да вы знаете — сколько я так баб из аппаратной оттрахал?! — запылал Сидор. — Да вы знаете — сколько я вообще баб у себя в кабинете уложил?!

И тут он стал перечислять имена, в том числе — реальных сотрудниц НТВ. Ну, и немного про групповые оргии рассказал.

Лично я в тот момент слушал, ну как минимум, с интересом. Разве может не подкупить пример чужой безнаказанности, если к тому же ей сопутствует успех. Гордыня — это такая зараза. Гордыню может остановить лишь страх быть пойманным за руку. Раскаяние почти всегда мотивировано страхом наказания — со

стороны сидящего в голове Бога (то есть потусторонних сил) или законов людей — и страхом публичности. По крайней мере, мне так кажется.

Все стали пить за тупой тост о женщинах, мужском детородном органе и — естественно — о необходимости большого количества денег.

Сидорович взял кусок ветчины и стал его посасывать.

— А хохлов я ненавижу, — вдруг поменял он тему.

— Ты что, Игорь? — поперхнулся глотком виски Илья. — Почему?

— А за что мне их любить?! — горячился Сидор. — Они Крым своим считают. Я ещё понимаю — татары возникают, но когда хохлы… Это они кровь за эту землю проливали?.. Хохлосрач, блять.

— Да нормальная страна. Там хорошие люди! — ввязался в спор с ним Илья. — Это всё пропаганда!

— Нет Украины. Там наша земля! — это был уже Веселовский.

Начался спор. С одной стороны Сидорович и Веселовский. Зимин и я были за Украину. Иван Кужельков предсказуемо был на стороне сильных. Не на нашей. Самым умным оказался Девяткин — встал и ушёл.

Сидорович даже договорился до того, что обычно великодержавники вслух не говорят: «Да все эти национальности до нас чуть ли не на деревьях лазили. Это мы русские их всему научили, в люди вывели. А то бы на первобытном уровне так и остались», — но вдруг споткнулся о мой злой взгляд и сразу поправился: «Не все, конечно. Но хохлы точно. А Севастополь мы вернём!»

Алкоголь и мат мог привести наш спор к драке.

— Но бабы у них хорошие! — осенило директора Дирекции, и всё закончилось.

Я собрался уходить. И тут Сидор, как мне показалось, о чём-то вспомнив, попросил меня с ним поговорить. Пошли во вторую «корреспондентскую» комнату. Там никого не было. Начальник начал издалека.

— Не обращай внимания. Мы тут все спорили…

Тут он посерьезнел. Внешность, всё-таки, у него обманчивая.

— Как тебе вообще у нас работается?

— Пока хорошо. Интересно…

Отвечаю, но понимаю, что собеседник меня почти не слушает.

— Есть претензии к моей работе?

— Да нет… Продолжай так же. Ребята к тебе хорошо

относятся. Да…

Сидор в нерешительности покусал растительность под своим носом. Потом осторожно потрогал её, и снова стал покусывать. Я ничего не понимал.

В соседней комнате слышались громкие голоса. И тут Сидор опять стал пьяный. Решительно облизал губы, усы и убил.

— Дай я у тебя отсосу.

— Чтооо? — я почти не услышал своего голоса.

Стою как столб — замер, как мёртвое дерево. Вроде бы я почти не пил.

— Ну, дай я в рот возьму, — повторил просьбу Сидор.

И тут директор Дирекции информационного вещания НТВ начал активные действия — потянул руку к моей рубашке, другой попытался схватить ниже пояса. Только тут я пришел в себя, и резко отшагнул.

— Ты чё, Игорь? Ты что о. ел?

— Пошли ко мне в кабинет, — язык у него стал заплетаться. — Ты боишься, что нас кто-то увидит, дурачок?

Это он меня так успокоил. Пришлось сделать своему начальнику немного больно. Месяц Сидор со мной, слава небесам, не здоровался. И судя по моей зарплате, я стал работать за идею.

Нет, я не последователь Хрущёва. Я не о гомофобии. Здесь другое. Вот предложишь создать на телеканале профсоюз или послать цензуру с Кремлем и нашими начальниками-резидентами Кремля — так на человека начинали смотреть, как на ничего не понимающего дурака. «Ты ещё молод… Это пройдет… Мы вот бились во время «развала» [1] … Но ничего не вышло — люди нас не поддержали, быдло…» И т. д. А не имеющие никакого отношения к работе участие в оргиях и намеренное (!) выставление на показ своей нестандартной интимной жизни — многими остальными коллегами воспринималось не только, как допустимое, а даже как нечто оригинальное. Интересное. Даже многие девушки, слушая или пересказывая эти истории, смущенно улыбались, но по глазам их видно было — восхищались. Мол, «душа поэта в поисках», «настоящий художник». Они, якобы, неординарные личности, им важен не сам факт похоти (или ещё чего-нибудь, например, кражи), низости — а «факт осознания своей низости». Один из *них* на НТВ, описывая мне всю эту грязь, перешёл на пафос: «Понимаешь, грех и сладость распутства — это бегство от однообразия; преодоление стыда — это преодоление страха и т. д.» Тоже мне, Жан-Жак-Руссо, блин. А когда я его спросил: «А как же семья? Дети? Это же самое главное!», он мне искренне удивился: «А *это* тебе зачем?

Семья тебе зачем нужна?» Приехали.

Самым известным таким персонажем на НТВ является Павел Лобков. Специальный корреспондент, ведущий. Ну, человек — так все считают — талантливый. Что, кстати, считалось, якобы, положительным доказательством такого образа жизни. Но трусоватый, скандальный, крикливый.

Всех, кто ему из коллег на НТВ нравился Лобков называл «Медвежонком» и агрессивно, публично преследовал — бегал за ним везде, пытался обнять, потискать, поцеловать. Борис Корчевников, корреспондент программ «Сегодня» и «Намедни», больше всех страдал от ухаживаний Лобкова. Услышав его голос в коридоре, трясся и прятался в «корреспондентской» за шкафы. Даже бегал жаловаться Леониду Парфенову, но ничего не помогало. Художнику можно всё. Художнику не запретишь. У него, дескать, в душе страсти, блин, бушуют.

Особенно Лобкову нравились смазливые, полненькие и робкие, зажатые. Однажды Лобков, обнаружив Никиту Анисимова, пишущим репортаж после съёмки в Кремле за своим столом, с криком «Ах ты мой медвежонок!» бросился его обнимать и тискать за грудь и плотные ягодицы. Зажатый в углу «кремлёвский» корреспондент стал отбиваться со всей мочи.

Между жертвой и злоумышленником произошёл следующий диалог:

— Нет! Я не медвежонок! Я не медвежонок! Нет! — закричал объект домогательства и вдруг отбился.

— А кто же ты? — опешил Павел и ослабил хватку.

— Я — корреспондент! — гордо заявил Никита.

— Да нет же! Корреспондент ты х. ёёёёёвый! А вот медвежонок хорооооший! — протянул Лобков и с еще большим рвением стал тискать жертву…

С Павлом отказывались работать операторы, монтажеры, режиссеры. Несколько раз его били, потому что мог неожиданно броситься и поцеловать в губы — например, оператора А.Д., который после этого несколько дней не мог есть. Но остановить «настоящего художника» никто не мог.

Зашёл я однажды вечером — это было спустя недели две после той истории с Сидоровичем — в бригаду ночных новостей, которые выходили тогда в эфир ровно в полночь. Этот выпуск потому ещё называли «нулями». Тогда там ведущей работала Ольга Волкова. Команда у них была молодая. Волкову привёл на НТВ заместитель генерального директора по информационному вещанию Александр Герасимов, с которым Миткова воевала. Из-за этого большинство сотрудников телеканала не рисковали работать на «нули» — многие корреспонденты отказывались

делать для них материалы, ссылаясь на лень, занятость.

Так вот. Посередине комнаты стоял шеф-редактор бригады Дима Перминов и упрашивал Лобкова поработать в тот вечер на этот выпуск новостей. Павел согласился, но с условием.

— Только за минет! — громко требовал он.

Лобкова даже не смущало присутствие девушек в комнате.

— Сюжет за минет!

Имелось в виду — Лобков делает оральный секс, а потом идёт писать сюжет для «нулей». Я не стал ждать ответа Перминова и вышел из комнаты. В том эфире «Нулей» сюжета Лобкова я не увидел.

Но больше всего этого человека не любили водители. Люди они простые, в основном бывшие таксисты. А главное, Лобков покушался на святое — пачкал им салон автомобиля. Садился на переднем пассажирском сиденье — место корреспондента во время выезда съемочной группы — и начинал ковырять в носу и разбрасывать выковырянное. На себя, на пол машины; «стрелял» скатанными шариками на «торпедо» — верхнюю часть панели приборов. Водители бесились — за такое отношение к святому для них пространству. Лобков тоже на них всегда страшно бранился — за пробки в Москве, за строительные работы вдоль улиц, за медленную езду, за их неумение, как он считал, ориентироваться на дорогах.

Однажды, опаздывая на съёмку, Павел Лобков снова обрушился на одного из них:

— Что же ты за водитель, а?! Кто, вообще, тебе права дал — ты же водить не умеешь! Ну, куда ты едешь, а?! Да я на твоем месте за руль никогда бы не сел, — ругался почти всю дорогу Лобков.

Водитель долго терпел, чертыхался про себя, но всё же взорвался.

— Зато я в жо. у не луплюсь! — заорал он в отчаянии.

Специального корреспондента после этих слов словно выключили. Даже в носу перестал ковырять. Всю дорогу думал.

Но многих — в основном так называемых «творческих сотрудников»: редакторов, продюсеров, корреспондентов, ведущих — весь этот эпатаж Лобкова просто умилял. Мол, художнику можно всё. Дескать, «Пушкину всё простительно». Ага, конечно, у Лобкова стадия третьего превращения духа по Ницше — в ребёнка *свое* вольного.

Так и Сидор. Его воровством все возмущались, а вот его похотливые бисексуальные приключения — выясняли и пересказывали. Как сериал. С интересом. С волнением. Не осуждая. Более того, вседозволенность и безнаказанность

Сидоровича пьянила многим разум, а сердце наполняло жаждой карьерного взлета. Подобного. Веря, что на эту чушь стоит тратить жизнь.

Кстати, в «Известиях» Сидорович своей внешней милой оболочкой никого не обманул. Коллеги из этой газеты сразу его раскусили — говорили, что «этот прохиндей всё время хотел что-то стырить». Там работало много бывших НТВэшников на высоких должностях, а от «Известий» к тому времени остался только бренд, саму газету читать — тратить время и расстраиваться. Но Сидорович чувствовал себя там очень хорошо — почти вся «джинса» (то есть проплаченные, заказные статьи) в газете проходила через его руки. Но если Сидорович где-то чувствует себя хорошо, там должно быть много других, кто чувствует себя плохо. Почти «закон Сидоровича». Недовольны в основном были сотрудники газеты, писавшие эти заказные статьи по указанию начальства — Сидор и компания забирали себе две трети от суммы. Это ещё если повезет авторам. Вот они и возмущались. Однако оргии — как передавали коллеги — стали менее шумными, менее публичными. По сравнению с НТВэшными — даже безобидные.

А в 2009 году Игорь Сидорович вдруг возглавил дирекцию информационной службы МТРК «Мир». Этот телеканал рассказывает только о хорошей жизни на пространстве СНГ, но я не знаю в России людей, которые его смотрят. Кстати, если у человека есть деньги и он хочет, чтобы его хорошую жизнь показали в эфире — на «Мире» самые низкие цены. Свой бюджет там очень хороший. А раз есть бюджет — его необходимо потратить. Будут там лучше работать или не будут работать вообще — бюджет будет до тех пор, пока руководители одиннадцати постсоветских стран имитируют существование Содружества независимых государств и, чтобы нас убедить в этом, ежегодно тратят наши же деньги на этот телеканал. А там, где тратятся чужие деньги, такие как Сидорович не могут чувствовать себя плохо.

Source URL: http://ostankino2013.com/goluboj-ogonek.html

Наркотики и борьба

У Владимира Путина друзей много. Люди они разные. Общее у них одно — все они любят власть. Большинство из них — патологически. Это болезненное отклонение особенно активизировалось у них после 99-го года, когда к ногам ВВП свалилась огромная страна. Может при других обстоятельствах его друзья остались бы — или стали бы — нормальными людьми. Но тут у них поехала крыша. Ведь власть — как деньги. Не заработал потом и кровью, досталась легко — вскружит голову, опьянит, сломает.

Виктор Черкесов — это, может быть, самый характерный тип среди этих друзей. Дружба с Путиным — его единственная реальная заслуга в жизни. Все остальное — несправедливое везение. Серый, не харизматичный, бездарный в тактике, занудливый. Но весь во власти всепоглощающей любви в его душе. Любви к самому себе. При этом он осознает, что большинство окружающих это великое чувство не разделяют, что очень нервирует Черкесова. Более того, от этого он становится невменяемым. Ещё себя он считает «чекистом, что дальше, как говорится, некуда». В обществе людей без погон такие, как он, чувствуют себя неуютно, теряются. Как относиться к собеседнику, если не знать, кто он по званию, к какой касте принадлежит? Кто враг, кто свой, а кто — начальство?

В советское время Черкесов работал в 5-м отделе ленинградского Управления КГБ — боролся с инакомыслием: с диссидентами, правозащитниками, с советскими феминистками, а также за распространение политических анекдотов. Ну, и со шпионами. Многих, правда, потом реабилитировали. Популярность к нему пришла в 1988 году. В разгар перестройки, когда уже всё было понятно с официальной идеологией, он инициировал последнее в Советском союзе уголовное дело по 70-й статье УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда») — дело ленинградского отделения партии «Демократический союз». Черкесов созвал пресс-конференцию — мол, вот он раскрыл заговор антисоветчиков. И в доказательство торжественно показал шпионскую технику — чудо мысли вражеских спецслужб — с помощью которой якобы можно посылать секретные материалы за рубеж. Это был найденный дома у правозащитника Юлия Рыбакова… старенький факс. Было смешно. Первый опыт Черкесова в пиаре был неудачный.

Его постсоветская карьера — мечта любого чиновника. Стать свадебным генералом — ни за что не отвечать, но иметь статус.

Благодаря поддержке друга Черкесов возглавил Управление ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, потом получил должность первого заместителя директора ФСБ. А в 2000 году стал полпредом своего друга Путина в Северо-Западном федеральном округе. Любимое времяпровождение Черкесова в рабочее время — парадные совещания, «круглые столы», выступления ради выступления. Иногда он забывает о дежурных приемах и встречах и бросается искать врагов — внешних, и внутренних. Если даже их нет, он их находит. Враги у него лично-государственные — то есть все его личные враги вдруг становятся и врагами государства. Многие из них тоже «чекисты, что дальше, как говорится, некуда».

Во внерабочее время Черкесов пытается превращать свой статус в деньги. В этом ему помогает его жена Наталья Чаплина, в прошлом — экзальтированная ультралиберальная журналистка, а теперь владелец информационного агентства «Росбалт». Кстати, с ней он познакомился тоже благодаря Путину. Через жену Черкесов получает заказы на лоббирование и оплату. А еще её ребята из «Росбалта» стали известны тем, что могут навязать свои услуги по рекламе той или иной бизнес-структуре. Правда, делают они эту рекламу грубовато, без лишнего креатива, но куда же денешься? В 90-е так действовали крепкие молодые люди — навязывали свои услуги по безопасности бизнеса. Ещё у четы процветает бизнес по торговле нефтью.

Живи и радуйся, что ещё нужно? Но Черкесов с детства мечтал стать главным чекистом в стране. До 90-х в этом он боялся признаться даже самым близким. В 2000-х — стал рассказывать об этом уже всем. Ну, очень хочет человек свою армию.

Обычно в политике удерживают свои позиции, лавируя, сталкивая других игроков, не давая им усилиться. А Путину приходится сталкивать своих друзей, чтобы выжить. Черкесов ведь не один. Чтобы хоть как-то успокоить своего друга, летом 2003 года Путин создал под него Государственный комитет России по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (Госнаркоконтроль). Это был царский подарок за налоги граждан: штат — 40 000 сотрудников, центральный аппарат — почти две тысячи. Потом, кстати, Черкесов добился и переименовал ведомство в ФСКН. Хотя это не ФСБ, не ФСК, но тоже приятно и похоже звучит. Друг на время успокоился.

В День знаний 1 сентября 2003 года у Виктора Черкесова была запланирована выездная пиар-акция. Её жертвами должны были стать дети из школы № 23 подмосковной Балашихи. Рано

утром в семь утра нас, журналистов, собрали перед входом в здание Госнаркоконтроля России на Маросейке, 12. Коллег было много — телевизионщики, газетчики. Ну и, конечно же, сотрудники информагентства «Росбалт». Все зевали и ругались за такое раннее задание. Здесь же стоял и курил со знакомыми операторами Яков Бранд, доктор медицинских наук, завотделением Института им. Склифосовского, известный в народе как Доктор Бранд, ведущий программы «Без рецепта» на НТВ.

Подошла какая-то девушка, небольшого роста и стала нас активно инструктировать. Представилась как Майя Анатольевна. Выяснилось — это глава Управления общественных связей Госнаркоконтроля Майя Иванова, по-нашему «пресс-сек» [1]. Если бы она в тот момент еще и призналась, что в звании полковника (!) полиции, то я бы окончательно проснулся.

— Вот вы с НТВ? Ведь так? А можете снять проезд кортежа Виктора Васильевича? Как он будет ехать по Москве, по Подмосковью? Подъезжать к школе?

— А зачем? — поборол я красивый зевок.

— Как? Вы это покажете по телевизору, — удивился невыявленный полковник. — Людям это интересно! Оператор может высовываться из окна машины во время езды…

— Вы так думаете? — ответил я вместо «Да кому эта хрень нужна?!». — Людям интересно, как Черкесов ездит по Москве?

— Ну, смотрите! — обиделась она. — Потом я не буду просить Виктора Васильевича!

Наконец, из здания вышел и Виктор Васильевич. В принципе, что-то такое я и ожидал увидеть. У него лицо правильного мальчика. Чистенького, аккуратненького, зализанного. Черты хрупкие, нежные. И весь какой-то на взводе, дёрганный. С нами он даже не поздоровался, лишь наградил быстрым пустым и равнодушным взглядом. Вокруг него угодливо засуетились подчиненные и охрана. Черкесов задержался. Видно было — он почти не слушает, что ему говорят, а погружён в себя и наслаждается утренним теплом лести. Вдруг пуп земли высокомерно отмахнулся от свиты, нервно «в никуда» крикнул, чтобы все следовали за ним, и влез в свою машину.

Торжественное начало нового учебного года в балашихинской школе № 23 с углубленным изучением биологии и экологии затягивалось — ждали гостей из Москвы. Нас встречали восторженно. Махали букетами, какими-то флажками, топали ногами, старшеклассники свистели, мамы и преподаватели самозабвенно хлопали — словно Черкесов какая-то рок-звезда, а мы его группа поддержки. Пуп земли заулыбался,

покраснел, приветственно кивал по сторонам, то застегивал, то расстегивал пиджак. Я задумался о причине его народной популярности у местных — ну не двухмесячная же работа на должности главы Госнаркоконтроля, да и за предыдущие три года полпредства он ничего не сделал: ни реального, ни публичного. А потом увидел, как несколько старшеклассниц в гольфах, решившись, завизжали и бросились за автографом к Доктору Бранду. Типажный директор школы Нина Алексеевна Кукина не дала разочароваться Черкесову, продолжавшему радоваться и не видевшему предыдущего эпизода, быстро отогнала от тела теле-врача старшеклассниц и махнула группе маленьких девочек в бантиках, которые запели что-то очень милое, но слова и музыку не помню.

Не удалось выяснить, почему именно в это учебное заведение решил приехать глава Госнаркоконтроля, но, однозначно, местным ребятам очень повезло. В школе № 23 ремонт не делали 23 года. Когда мне это сказали, я подумал, что, видимо, соседняя с этой школа № 26 ждёт ремонта уже 26 лет. Не важно, что все было сделано на скорую руку — всего за месяц — главное, что в День знаний в школе ожидаемо воняло резким запахом краски, либо очень старой, либо очень разбавленной. В тонах превалировал зеленый цвет. Большая часть ребят из младших классов тоже были в зелёных пиджачках.

После бурной встречи нас — школьников и журналистов — погнали в актовый зал, где Виктор Черкесов начал открытый урок «об опасности злоупотребления наркотиками и о борьбе с этим злом». В президиуме сидели помимо него врач из «Склифософского», директор школы и глава местной администрации.

— Дорогие ребята, — начал Черкесов. — Государственный комитет Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ является специально уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Дальше предупредил, что «наркоситуация в России серьёзно изменилась», и треть урока это доказывал — рассказывая о создании Госнаркоконтроля и хваля перед детьми создателя его — дядю Вову.

Все самое интересное было потом. Урок был для школьников, но Черкесов говорил всей стране. Начал он, угрожая — «у страны имеется полный набор средств для борьбы, но эти средства недостаточно хорошо применяются». И, наконец, предложил — ввести в стране обязательное добровольное тестирование на употребление наркотиков для ряда профессий: водителей,

медиков, авиадиспетчеров, педагогов, «тех, от которых зависит наша безопасность и жизнь».

В самом начале, когда мы только рассаживались, нас, журналистов, предупредили, чтобы мы не мешали, вопросов не задавали. Мол, всё лучшее детям. Но только что сказанное — было для наших ушей. Сегодня же коллеги разнесут эту новость — телевидение покажет, газеты напишут, журналы будут анализировать — и, наконец, россияне, обыватели узнают, что есть такая контора Госнаркоконтроль и её руководитель Виктор Черкесов. Это — начало раскрутки, первый шаг в рекламной акции. Черкесову нужно было это где-то сказать. И он использовал День знаний как информационный повод. Это уже не история с факсом, это уже ход конем. Понятно, что никто не станет принимать закон о добровольно-обязательном тестировании на наркозависимость. Понятно, в первую очередь, самому Черкесову. Но шума, шума сколько будет!

Вдруг Черкесов переменил тон с пламенного на елейный, и я забеспокоился за ребят.

— Дети, вы должны и сами принимать участие в борьбе с наркотиками. Как настоящие патриоты! — дядя генерал вытаскивал пряник. — Вот у нас работает круглосуточный «телефон доверия». Вот — 621-43-91. Сообщайте нам. Мы сразу же примем меры!

Послышался смех, а кто-то из детей из задних рядов не выдержал и крикнул:

— Стучать? Мы должны будем стучать?

Определение ребенка задело за живое бывшего чекиста. Но его опередил Доктор Бранд. Он громко, на весь зал, засопел и загремел:

— Кто сказал стучать? Кто это сказал?

Ребята сразу испуганно затихли. Директор школы схватила ручку и стала что-то записывать в блокнот. Потом стала хвалить гостям толи своих учеников, толи себя.

— Наши ребята все хорошие. Не пьют и… не курят. Мы все против наркотиков. Мы все так считаем. Правильно, дети? — сказанное прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

И тут Черкесов показал кнут.

— Надо и в школах начать проводить добровольные тесты на употребление наркотиков. Чтобы родители могли контролировать своих детей, — сказал он, обернувшись к президиуму, и запутался в понятиях. — Не хочет проверяться — есть повод насторожиться.

«Так добровольно или принудительно?»

— Вполне возможно, вполне — скоро день школьника будет начинаться с прохождения теста, — теперь он снова говорил «в

зал», тряся указательным пальцем.

Самые маленькие весело зашушукались, все, кто постарше — затихли ещё больше.

«Да, ребята. Это и есть жизнь».

Все эти предложения были разумные, если бы только работали. Если бы все другие законы в стране тоже всегда работали. А в жизни получится — от результатов этих тестов тоже можно будет откупиться. Этот жизненный урок ребята пройдут позже.

К трибуне подошёл Доктор Бранд, а я решил прогуляться. Я-то знал по своему подростковому прошлому, где пульсирует настоящая школьная жизнь.

На заднем дворе, под школьными окнами, кучковались подростки — смолили и ругались как взрослые. Шёл обмен важной информацией — о старшеклассснице Свете, которая «у всех берёт». Некоторых ребят я уже видел в зале. Отметил себе лидера среди них. Белобрысый худощавый, но жилистый паренек, со стрижкой «под ноль».

— Тебя как звать?

— Саша, — парень стал меня оценивать взглядом. — А ты что — журналист?

— Угу. Здесь учишься?

— Ну, да, — в голосе и во взгляде появился четкий вызов. — Хожу иногда.

— Иногда? Что — подвигов ищешь?

— Да нет, — парень не ожидал, но посмотрел с доверием. — Жизнь такая.

— Не такая уж сложная, — я вспомнил себя и друзей подростками.

— Наверное, — помедлил. — Ты бригаду смотрел?

— Какую бригаду?

— Фильм такой.

— А! ну да.

— Это про меня. Саша Белый это я — про меня сняли.

— Ну, смотри, — не хотелось учить парня. — Не ошибись.

Молча покурили.

— Что-то я тебя в актовом зале не заметил. Был там?

— Да пошли *они* в жопу! — «бригадир» зло кивнул в сторону школы. — Что я — про наркоту не знаю?

— Употребляешь?

— Нет. Ты что? — сразу опешил. — Раз попробовал — не моё героин. Водка лучше. По-мужски. Даже пиво!

— А что — можно здесь героин достать?

— Да легко, — фыркнул парень. — Да везде. Вот прямо на

соседней улице — на Карбышева (улица Карбышева в Балашихе). Ещё тут же! Рядом со школой — на улице Пионерская. Сразу две точки.

— И почем опиум для народа? — вырвалось у меня.

— Опиум для народа — это не здесь, — едва не обиделся на проверку трудный подросток. — А героин для народа дешевый — 300 рублей за чек. Ну, за дозу.

— Что ж ментам не скажете?

— А я что — стукач? — зло и серьезно посмотрел он на меня и уронил сигарету.

— Разве об этом разговор!

— Да пойми ты — менты сами знают, — загорелся он. — Да вот на Фадеева (улица Фадеева в Балашихе [2]) — «ментовка» стоит. А прямо на их улице точка. И что — они не знают?! Они всех барыг объезжают за своей долей.

— А в вашей школе кто-то героин употребляет?

— Человек 10, это только про которых я знаю, «сидят» на игле, — поразил цифрой паренек. — Не каждый день, но «сидят».

— Точно не употребляешь?

— Я же сказал — не моё! План могу покурить. А все остальное — не для меня.

Миссия главы Госнаркоконтроля на сегодня подходила к концу. Не знаю — как мои коллеги, но я так не думал. С оператором и звукооператором заняли позицию во дворе школы. Стоим, ждём. А в голове кружится фраза того парня. Одни верят власти — *их* двойной игре, показухе, лжи, другие терпят: «Да пошли *они* в жопу».

Из дверей школы показался Черкесов. Довольный! Свои-то задачи он решил. Торопится. Преподнесли букет цветов. Взял. Быстренько мимоходом попрощался с учениками и администрацией.

Между дверями школы и своим кортежем глава Госнаркоконтроля напоролся на нашу засаду. Дополнительное общение с журналистами не входило в его планы. Черкесов был очень недоволен. Были бы мы одни, он своей охраной может и отбился бы от нас.

— Ну что? Удачная у Вас была поездка? — я старался не выдавать себя сразу и ждал, пока остальные коллеги подбегут к нам.

Получился брифинг. Последним подошел Доктор Брант, важно и торжественно двигаясь. Черкесов вздохнул и стал отвечать.

— Да, очень удачная. Мы договорились с руководством школы — о наркотиках будут рассказывать на уроках ОБЖ.

«Преподаватели детям или дети преподавателям? — едва не вырвался у меня вопрос, но я не стал сразу ёрничать.

— Вы предлагаете представителям ряда профессий проходить добровольное тестирование…

— Да, да. Я считаю обоснованным и полезным вплоть до законодательного закрепления добровольного тестирования на наркозависимость…

— Но это же нарушение прав. Начнут с ряда профессий, а закончат всеми.

— С чего Вы взяли? Тестирование на наркозависимость не нарушает прав человека, — Черкесов перешёл на государственнический пафос. — Потому что государство обязано защищать общество от наркоугрозы!

— Зачем принимать закон о тестировании, если оно добровольное? Всё-таки! — продолжал я цинично его мучить. — Тестирование — добровольное или принудительное?

У Черкесова задрожали губы, мелко-мелко. Лицо побледнело. Только что это был довольный жизнью, неплохим началом дня человек. Он уже представлял, как его слова будут обсуждать, смаковать, спорить о них. Маховик закружится. А тут… Его ход конем не продержался даже часа, дорогую сердцу пиар акцию топчут сапогами прямо в его присутствии.

— Эти тесты — не станут ли новым источником для коррупции и имитацией борьбы с наркотиками? — допрос продолжался.

— А вам какое дело? — сказал он спесиво и зловеще.

Глава Госнаркоконтроля смотрел на меня и, видимо, с тоской думал — попадись я ему, когда он был следователем 5-го отдела ленинградского Управления КГБ. Конечно, если бы не присутствие коллег, через некоторое время допрашивали бы меня.

— Я сейчас разговаривал со школьниками, говорят, здесь везде продают наркотики.

Это уже было слишком. Теперь Черкесов задрожал всем телом.

Вдруг кто-то мощным толчком с фланга оттеснил меня от жертвы. Это была Майя Иванова. Теперь я понимаю, за что ей дали звание полковника.

— Это заказ? — зашипела она, вцепившись мне в рукав и вытолкнув подальше от начальника.

— Что? Какой заказ?

— Скажите. Ну, пожалуйста, — полковник-пресс-сек попыталась меня завербовать «по-хорошему». — Ну, честно!

Я едва не перешел с ней на «ты», сказав: «Ты что — дура?».

«Плохо, плохо работаете», — подумал я. И тут на мгновение в душе у меня началась борьба. Боролись деликатность и злорадство.

«А что? Почему бы не поиздеваться. Ну, например, над манией преследования Черкесова?» — уговаривало злорадство.

«Не опускайся до уровня этого маньяка в погонах», — пыталась удержать деликатность.

«Они этого не стоят. Не церемонься. Подыграй, он поверит — потому что ждёт что-то в этом роде», — напирало злорадство.

И я «раскололся».

— Майя, только Вам, — зашептал я ей с очень серьезным лицом. — Это — специальное задание от руководства. Вчера вечером получил от начальства — сделать черный пиар Черкесову. Так и сказали: «Надо его с дерьмом смешать!» Вопросы мне специально расписали…

Я помедлил. Убедился в попадании в цель и добавил.

— Но только между нами. Я на Вас рассчитываю.

— Спасибо, — она смотрела снизу вверх мне в глаза и читала в них, надеюсь, я хорошо играл, искренность и честность. — Спасибо.

Осеклась, едва не добавив что-то вроде «Родина вас не забудет».

— Не надо благодарностей, — помог я ей. — Мне самому неприятно это делать.

Майя Иванова протянула мне руку для рукопожатия, пытаясь сделать это как можно крепче. Там, рядом, за нашими спинами, но как будто где-то далеко, продолжалась жизнь — что-то говорил Черкесов, громко сопел Доктор Брандт, слушали и записывали коллеги. А мы, мы на мгновение оказались одни, вдвоем, как два человека, достигших состояния прекрасного человекодружия. Обычный пресс-секретарь и обычный журналист, смотрели друг другу в глаза и пожимали друг другу руки. Одна с благодарностью, другой — с подлыми намерениями.

— Только — ни-ко-му! Майя!

— Честно, — левую руку она положила на свою грудь в области сердца. — Честно! Даю Вам слово… коллега.

Я отвернулся и, понурив голову, медленно пошел в здание школы. Войдя, сразу бросился к окну, выходящему во двор. Осторожно выглядываю. Так и есть! Майя Иванова оттащила своего шефа от журналистов, встала на цыпочки и быстро-быстро что-то шепчет ему на ухо, все время поглядывая в сторону главных дверей школы, где я скрылся. Виктор Черкесов склонился к своему пресс-секретарю, почти присел. Лицо его выражало бурю эмоций, бушующих у него внутри. Мне даже из-за стекла было

видно, как он краснел, бледнел, как у него бегали глаза и, наверняка, снова дрожали губы.

А дальше был цирк. Черкесов драпал. Бросив журналистов, свою пресс-службу во главе с полковником полиции, Доктора Бранта, школу № 23 с углубленным изучением биологии и экологии и даже дружественных сотрудников «Росбалта», глава Госнаркоконтроля России, генерал-полковник драпал. Как заяц. Бросился к машине и был таков.

А я стоял за окном и смеялся. Ну что ещё остается нашему брату журналисту? Вот такие вот маленькие радости. Едет сейчас генерал в машине и думает — кто же его заказал? Волнуется. Путается. Оглядывается. Нет ли хвоста?

Хорошо!

В Москве, в центральной части страны, «борьба» с наркоманией ещё не такая абсурдная. Не такая абсурдная, как в провинции. Чем дальше от столицы — тем хуже, тем трагичнее. Вот мне рассказывали про Туву — вотчину главы МЧС Сергея Шойгу, другого близкого друга Путина. Сбором конопли занимается почти всё сельское население республики. Особенно — дети, школьники. Иногда — целыми семьями, иногда — целыми классами. Вместе со школьными учителями, под их надзором. Во время учебных занятий, вместо них. Выходят на поля цветущей конопли — на сбор «урожая», драгоценной пыльцы. Такой «*урок на природе*». Выполняют школьные задания. Особый раздел педагогики — современной российской. Среднее образование.

Заготовленное сырье потом скупают перекупщики и отправляют крупными партиями дальше по России — не менее трети потребляемой в стране марихуаны «производится» в Туве. А по мнению многих экспертов — вся половина. Говорят, там это нормальный бизнес, народный, *естественный* — единственный общедоступный, прибыльный способ заработка сельских жителей этой бедной, искусственно [3] загнанной в положение дотационной республики. Безработица и спрос за пределами республики — в самой Туве потребление невысокое. Все об этом знают, все с этого имеют свою долю — и центр, и региональные власти, и местные. Вотчина главы МЧС Сергея Шойгу. Владения Сергея Кужугетовича — во всех отношениях. «Борьба» с наркоманией.

Я и сам понимал — шутка с Черкесовым могла мне выйти боком. Такие, как он, мстят жестоко. Ещё долго после этого постоянно обшаривал карманы в поисках наркотиков. Подброшенных наркотиков.

На НТВ всё было предсказуемо — в эфир дали только про

добровольно-принудительное тестирование. Я подбивал коллег сделать и про остальное — на меня зашикали, замахали руками. Ольга Букина, шеф-редактор новостной бригады Кирилла Позднякова стала меня «учить»: «Да ты что? Зачем это нужно было делать? Вот на старом НТВ это можно было…». Хотя была бы тогда неделя Михаила Осокина, было бы по-другому. Наверное.

Может я глупый, не знаю. Но не хочу ходить в розовых очках. Может и верил бы, что наркотиками торгуют только гастарбайтеры. Что тонны этого яда попадают в страну поездом Душанбе-Москва из Таджикистана.

Неужели, необходимо доказывать, что декларируемая борьба с наркотиками — это имитация. Вам будут показывать по «ящику» пойманных мелких торговцев, а вы хотя бы кого-то знаете из реальных руководителей наркомафии? Хотя бы одно имя? А борьба идёт. Деньги из бюджета тратятся. Приедет очередной черкесов в очередную балашиху, попиарится и уедет. А наркотики останутся. Если в 2003 году доза героина в Балашихе стоила 300 рублей, то теперь — специально выяснял — продают только граммами, 1500 рублей за грамм (в грамме где-то 4–5 доз). То есть цены не сильно изменились. Ещё говорят, наркотиков в Балашихе меньше не стало, но её продажа монополизировалась.

В 2008 году главой ФСКН стал Виктор Иванов, тот самый, который на должности замруководителя администрации президента Путина курировал миграционную политику и полностью её провалил. А Виктор Черкесов пошёл на повышение — стал руководить Федеральным агентством по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств (Рособоронпоставки). Вот так.

Понятно, что наркомании — это страшная болезнь. Понятно, что одними полицейскими мерами её не вылечить. Её истоки, главные причины — в цивилизационном развитии человечества. Потому, наркомания — это цивилизационная болезнь, болезнь развития человеческой цивилизации. Даже в странах, где борьба с преступностью ведётся, а не имитируется, наркомания существует. Здесь даже не нужно обращаться к статистике — героин можно купить и в Норвегии, и в Австралии, и в Японии, и даже в Саудовской Аравии. Многие наркоманы — это неприкаянные пассионарии (ну, по крайней мере, сидящие на кокаине, начинающие с него), ошибочно обратившиеся к наркотикам в поисках смысла в нашей цивилизации, из которой осмысленность давно выветрилась. В стремлении, попытках убежать от посредственности. Во многих странах с этой болезнью воюют — кстати, разными методами, комплексно — но

искоренить её окончательно невозможно. У нас же даже минимума борьбы нет. Или вы её видите? ФСКН — это реальность или мираж? По-моему, это очередной цирк.

Да пошли *они* в жопу!

Source URL: http://ostankino2013.com/narkotiki-i-borba.html

Правда Михаила Трепашкина

Разве история Михаила Трепашкина — не урок всем остальным? Не важно, где ты работал, и какие у тебя заслуги — а у бывшего полковника ФСБ, более 20 лет проработавшего в органах безопасности, медали «За отвагу», «За безупречную службу» III и II степени, «За отличие в воинской службе», почетная медаль «70 лет Вооруженным силам». Но если ты посмел сделать шаг в сторону, стал подвергать сомнению действия начальства, посмел иметь собственное высказанное публично мнение — «*Встать и выйти из ряда вон*» [1] — ты получаешь волчий билет. Тебе будут мстить.

Согласен, Михаил Трепашкин — фигура очень противоречивая: мне рассказывали его бывшие коллеги, которым доверяю, что он, как человек Системы, участвовал во многих неоднозначных операциях ФСБ. Но для них он уже не свой. К тому же не молчит. И потому власть его очень боится. И всячески пытается сломать. Чтобы никому неповадно было. По принципу уголовного мира — вход рубль, выход — два.

С Михаилом Тепашкиным я договорился об интервью в октябре 2003 года. Его обвиняли тогда в разглашении сведений, составляющих гостайну, в злоупотреблении должностными полномочиями и в незаконном хранении боеприпасов. Сам он утверждал, что дело против него было сфабриковано после того, как он отказался собирать для спецслужб информацию об Александре Литвиненко, а также за помощь Общественной комиссии Сергея Ковалёва в расследовании взрывов в 99-ом году жилых домов в Москве.

Мой непосредственный начальник Игорь Сидорович — тогда директор Дирекции информационного вещания и первый заместитель главного редактора информационных программ НТВ Татьяны Митковой — не обрадовался моим планам:

— Да ну… Тебе это надо? Нет указаний. Да и дело тёмное, — и отказался выделить мне оператора для съемки.

Но я все же встретился с Трепашкиным. С собой позвал знакомого стрингера с его оператором.

Встретились мы с ним поздно ночью в центре Москвы. Трепашкин попросил пересесть в его машину, поездил в переулках и, наконец, привёз на какую-то квартиру. Она была в очень плохом состоянии, понятно было, что здесь не живут: в комнатах стоял застоявшийся воздух. Мебель старая, потёртая. Трепашкин сел в кресло — такое зеленое мягкое кресло, мечта советской домохозяйки — а у него прямо над плечом оказалась

дырка. «Никак не спрятать, всё равно будет в кадре», — сказал оператор. Так и снимали.

— Теперь и Вы обвиняемый?

— Это всё смешно. Я изымал целые склады боеприпасов — гранатометы, огнеметы и т. д. И не один раз. А тут подкинули несколько патронов, и делают из этого такое страшное преступление. Меня обвиняют по трем составам — это злоупотребление должностными полномочиями, вызвавшее тяжкие последствия. Разглашение сведений, составляющих государственную тайну. И незаконное приобретение, хранение, перевозка боеприпасов. Это всё чистая провокация. Всё дело сфабриковано.

— Что это за государственная тайна?

— В 2002 году примерно где-то с мая месяца из многих источников у меня была информация, что в Москве, в особенности на Западе и Юго-западе — район метро «Юго-Западная», «Университет», проспект Вернадского, гостиница «Салют», улица Академика Анохина, Солнцево, Кунцево, Крылатское — на различных встречах и «стрелках» часто стали появляться чеченцы, которые, никого не боясь, открыто ходили с оружием. Очень тревожная информация. Я их знал. Люди Радуева.

— Радуевцы в Москве?

— Да, да. Я их знаю еще с 95-го году. Мы задержали тогда часть этих бандитов. Так называемая группа Абдуллы. Около двух лет мы с ними работали. Реально тогда осудить удалось лишь троих. Один из них — Новиков Висруди. Мелкая сошка. Новиков — эту фамилию он взял после фиктивного брака, чтобы в Москве легализоваться. Его, не самую крупную фигуру из всей этой группы, Салман Радуев персонально поменял в декабре 96-го года на троих пленных пензенских ОМОНовцев.

Ещё по троим из них мы установили точно, что они полевые командиры, близкие к Салману Радуеву. Это Абдулл — его еще назвали Кровавый Абдулл — Турпал и Иса. Были и конкретные фамилии, я только называю их по каким кличкам они проходили. У них одна из баз была в Вышнем Волочке — это Тверская губерния. Довольно-таки приличная база. И о них знали, они даже находились под покровительством местных правоохранительных органов. Ну, конечно, за деньги.

У членов банды Кровавого Абдулла на руках была кровь — похищения, вымогательства, убийства в Москве, истязания, физическое насилие. В том числе и против российских солдат в Чечне. Было признание конкретно о судьбе одного солдатика, которого эти садисты на куски в подвале в Чечне разрезали. Об

этом давал показания свидетель по фамилии Лернер в здании РУОП на Шаболовке. Вся информация в их уголовных делах есть. Когда уже пошла раскрутка и пошла интересная информация об их делах в Москве, от Патрушева Николая Платоновича [2] — тогда он был начальником Управления собственной безопасности ФСБ — была дана команда не работать, и этих всех лиц отпустить. И все эти бандиты были отпущены. Эти боевики спаслись именно благодаря Патрушеву! Я тогда был крайне возмущён. Два года коту под хвост. Мы не успели даже все раскопать по этому делу. Только начали изымать принадлежащие этой группе склады с оружием в Москве.

Более того, в отношении меня начали служебное разбирательство. 20 декабря 95-го года я получил медаль «За отвагу» именно за изъятия нескольких складов в Москве и ликвидацию ряда группировок. И в тот же день, 20 декабря, служебное разбирательство по этому же делу. Всё это делалось, чтобы заблокировать работу по группе Кровавого Абдуллы. Тогда в 95-м году после заступничества Патрушева он рванул в Турцию, и тут, в мае 2002-го, появился в Москве.

Так вот. В мае 2002 у меня появилась эта информация, а в августе у здания Никулинского суда я встретил одного из своих старых знакомых, бывшего сотрудника КГБ СССР, Евстигнеева Александра. В 90-ые он как раз работал юристом в банковских структурах и фирмах, которые та самая группа Абдуллы крышевала. Помогал им по оформлению документов, по обналичке, по другим юридическим вопросам. Такая мелкая работа. Потом он ушел от них, работал адвокатом. Ну, мы разговаривались. И он мне говорит, что тоже видел вот этого Абдуллу. А он в 95-ом угрожал нам обоим. Ещё и Гагаеву Александру, бывшему сотруднику КГБ, который был внедрён в банду и потом дал подробную информацию о ней. Абдулл однажды сказал — мол, ничего, мы подтянем силы, и вас всех перестреляем.

В это же время ко мне довольно-таки часто приезжал, звонил, очень навязчиво искал встреч Шабалин Виктор [Виктор Шабалин — один из членов группы по ликвидации президента Ичкерии Джохара Дудаева] — это полковник ФСБ, уволенный в 95-м году. Он был на той самой знаменитой пресс-конференции в ноябре 98-го года, когда сотрудники ФСБ, в том числе и я, изобличали своё руководство в использовании неправовых методов в работе, организации убийств и т. д.

— Это тот, который сидел в маске?

— Да, да. Это Шабалин сидел в центре в маске и скомпрометировал саму идею этой пресс-конференции. Потому

что пресс-конференция была направлена против произвола отдельных руководителей ФСБ, а не против всей структуры. Я сам никогда маску не надевал, даже когда работал в спецподразделениях, на спецоперациях — всегда работал только под своей фамилией, даже очки никогда не надевал. Всегда представлялся. Потому что я беспределом не занимался, действовал только правовыми методами. Это была моя работа.

Так вот. После той пресс-конференции начались преследования Александра Литвиненко, поскольку он главный организатор выступления был. Его незаконно осудили. И Шабалин испугался, что он следующий, побежал в ФСБ и предложил своё сотрудничество. Как я понял, в качестве источника информации. Он сам мне рассказывал, что его оформили как негласного сотрудника. И дали команду собирать всё, что только можно по Литвиненко. Шабалин утверждал, что рано или поздно дело доведут до конца, что ледоруб Троцкого Литивиненко не пропустит. Говорил мне, что если будет Литвиненко звонить, передай, что ледоруб Троцкого его ждёт. Еще постоянно меня просил собрать сведения о родственниках Литвиненко. Мол, есть команда, которая всех их перебьёт. Но тут же — что сам он, Шабалин, к этому, мол, непричастен. Это в его характере — сам организовывает, а мне говорит, что к этому не причастен. И в очередной раз мне звонит и спрашивает: «Вот помнишь, ты там встречался с отцом Литвиненко?» Можешь, мол, узнать, нам это очень-очень надо. И опять — потому что команда будет их всех… и матерное такое слово употребил. Я ему: «Ну, ты вообще втягиваешь меня в какие-то дела непонятные. Ты что — хочешь поубивать их всех? А я тебе адреса? Литвиненко в Лондоне — и забудь. Я на эту тему с тобой вообще не хочу контактировать. А вот интересная есть информация не из одного источника, что концентрация какая-то непонятная на юго-западе Москвы. И, главное, там Кровавый Абдулл. Сказал, что у меня в компьютере сохранилась на банду информация. Я ему еще про базу в Вышнем Волочке в Тверской области всё рассказал. Напомню, что лица, которые захватывали «Норд-Ост» в октябре 2002 года, следовали вначале из Твери. То есть они где-то в Твери готовились, потом прибыли в Москву, пробыли в районе Юго-Западной, а потом уже по третьему кольцу двинулись туда, в «Норд-Ост». Шабалин обещал передать своим шефам.

Потом 19 октября произошёл взрыв у ресторана «Макдоналдс» в Москве у метро *Юго-Западная*. И через четыре дня — 23 октября — «Норд-Ост». Мне звонит Шабалин, и я ему говорю, что неспроста эти люди здесь базировались. И скорее всего, они причастны. Мы встретились, и я ему передал то, что у

меня осталось по этим лицам — где их искать, где они базировались. И ещё передал ему информацию о других лицах, которые могут быть причастны к «Норд-Осту», в том числе и оперативную разработку на Гольяновсую преступную группировку, на конкретных чеченцев. Я ему говорил, чтобы подняли дело в Управлении безопасности, я точно знаю, что это дело не уничтожили, оно находится у них. Я уверен, что следы там общие, потому что не могла такая группа прийти в Москву в абсолютной тайне.

В ФСБ, они действительно нашли всю информацию, о которой я говорил — сводки телефонных переговоров еще с 95-го года, адреса, контакты. Но отреагировали странно! Шабалин пришел в Главную военную прокуратуру, и заявил, что вот Трепашкин передал мне на хранение секретную информацию. И мне вменили это как разглашение сведений, составлявших гостайну, раскрытие методов и планов работы ФСБ. То есть, например, в разговоре двух бандюганов — можно понять о будущих планируемых акциях ФСБ? В данном случае методы работы — это только об использованной секретной спецтехнике. Но в обвинении о спецтехнике вообще ничего не упоминалось.

— А что это за лица, о которых Вы передавали информацию? Фамилии можете назвать?

— Я не могу это сказать. Но это были конкретные лица по «Норд-Осту». На допросах я говорил спецслужбам, вот, посмотрите, вот тот-то и тот-то. Еще в конце 90-ых задерживался с оружием, вот здесь снова возникает по такому-то делу. А здесь, видите, он вырисовывается в связи с «Норд-Остом». А мне эксперты из ФСБ говорят, что они считают это разглашением государственной тайны. В частности капитан Петров из Управления безопасности, который и закон о гостайне никогда не читал. И они как эксперты вынесли решение, что тут, оказывается, гостайна Российской Федерации, разглашение которой может причинить ущерб безопасности страны.

— У Вас еще 21 патрон нашли…

— Это, вообще, анекдот. Следствие утверждало, что якобы эти патроны я возил в Брянск, потом обратно. И в Брянске хранил их. Указывают конкретный адрес: улица Рылеева, дом 4, квартира 4. Я настоял на проверке этого адреса. Они резко меняют тактику. Толи я просто в Брянске на проспекте Ленина их хранил, толи их приобрел в период работы в Налоговой полиции. Потом снова — якобы, я их приобрел в Брянске у какого-то паренька-малолетки. А по номерам на патронах стало ясно, что они числятся за ФСБ и Налоговой полицией. Но если они числятся за этими ведомствами, тем более в центральном аппарате, как в Брянске я

их мог приобрести у какого-то паренька? Они подсунули мне патроны в письменный стол. Там, где канцелярские принадлежности у меня лежат. Скорее всего, либо незадолго перед обыском, либо в момент обыска. Перед обыском ко мне приходили сантехники, вели себя странно — мол, снизу затекает. А у меня в ванной сухо. Через два дня опять — нет, у вас снова протекает. Раздолбили стенку, чтобы работать, я в это время уехал, оставил их с соседкой. Потом спрашивал внизу — не протекало ничего. В домоуправлении заявили, что никто из сантехников по указанному адресу не выезжал.

Ещё во время обыска у меня дома, якобы, обнаружили книжку со списком агентуры ГРУ Генштаба РФ. Это я оспаривал в суде. Просил суд первой инстанции, второй. Нет, все писали, что да, у меня обнаружен такой материал. После того, как уже вступило в силу судебное решение, мне пришла официальная бумага — извините, мы проверили, у вас действительно, никакой книжки со списком агентуры ГРУ Генштаба РФ не было. И таких моментов, где видно, как грубо фабриковалось это уголовное дело, наберётся с десяток.

Вообще, первое дело против меня возбудили после того, как я покритиковал Николая Платоновича Патрушева за плохую организацию расследования взрывов жилых домов в Москве. Это было в декабре 2001 года. Я выступал по РенТВ в программе «Черный квадрат», которую после этого закрыли. У меня стаж работы как-никак более 20-ти лет, от младшего следователя до старшего следователя по особо важным делам, руководил следственными бригадами по разработке крупных международных ОПГ. И тогда я сказал в эфире, что, имея такой мощный аппарат и таких хорошо подготовленных специалистов, следствие нормально не ведётся. Если дело до сих пор не раскрыто, значит — либо плохая организация, либо незаинтересованность в реальном расследовании. А я склоняюсь ко второму выводу. Я тогда предположил, что вот этих перевозчиков, мелких сошек, их найдут и дадут сроки немалые. А те, на которых укажут как на исполнителей, их убьют. И всё! Дело как бы раскрыто, кто-то понёс наказание. А кто в действительности заказывал, кто приводил в действие — это, скорее всего, окажется неизвестным. Почему? Потому что вырисовывалась заинтересованность в этих взрывах определенных лиц, находящихся ныне у власти. Об этом я сказал по телевидению в декабре 2001 года, а в январе начались ко мне визиты. Первый обыск провели у меня 22 января 2002 года. Основание было смехотворное. Все знали, что Литвиненко находится в Лондоне. Он давал там интервью. Спецслужбы за ним

следили там, пытались прослушивать. И вдруг у меня дома приезжают искать Литвиненко. Такой надуманный и грубый способ. Ну и патроны подкинули, чтобы возбудить дело. Это стандартный способ для обыска у всех бывших офицеров запаса.

— Вы были адвокатом Литвиненко?

— Не совсем. Я знаком с его делом. Я смотрел его материалы, в частности, по Костроме. У меня были видеокассеты по делу Вячеслава Бабкина, которого он якобы избивал при допросе. На кассете видно, что Бабкин сидит в наручниках, целый, невредимый, курит и с таким бахвальством рассказывает, как он изготовлял мины дистанционного взрыва, где у него находятся гранаты. Потом утверждали, что гранаты якобы Литвиненко подбросил. Тоже фабрикация. И я, как юрист, как бывший следователь — хотя у Литвиненко был очень опытный адвокат — тем не менее, своё видение тоже ему иногда подсказывал. Консультировал, какие ходатайства лучше подавать и т. д.

— Давно Вы с ним знакомы?

— С Литвиненко, Гусаком, Понькиным, Шабалиным, Щегловым до октября 98-го года вообще не был знаком. О Гусаке мельком слышал. Когда я работал в Управлении перспективных программ ФСК РФ — которое потом стало Управлением по разработке преступных организаций — и к нам на должность начальника 7 отдела обещали прислать Гусака. Хотя у нас была своя кандидатура — Пащенко, которого мы знали, такой опытный, умелый руководитель. Сказали, что «нет, вот, придёт какой-то супер-боевик Гусак».

Мы все познакомились, когда расследовалось вот это дело по покушению на Березовского. Незадолго до пресс-конференции от знакомых из ФСБ узнал, что на меня готовилось покушение. Я говорю: «За что?» А мне: «Ты же судился с ФСБ, говорят, и они посчитали, что у тебя какие-то компрометирующие материалы на них». Я никогда компромата не собирал, тем более на руководство. Да, действительно, Патрушев прикрывал, так это все знают. Мне еще сообщили, что меня вызовут в Главную военную прокуратуру. Действительно, меня вызвали в Главную военную прокуратуру, это было 2 или 3 октября, я прибыл туда, и там стоят вот эта вся команда — Литвиненко, Гусак, Понькин, Шабалин, Щеглов. И начали мне представляться: «Литвиненко — киллер», «Понькин — киллер», «Шабалин — киллер»… Шутя. Так я с ними познакомился.

— Как Вы познакомились с Борисом Березовским?

— Когда ещё работал в Управлении перспективных программ, которое создано было по указанию Председателя Государственного совета России Александра Лебедя. Кстати, в

основу нового подразделения Федеральной службы контрразведки лег Отдел физической охраны сотрудников и членов семей и лиц, приближенных к ним. Это бывший «Вымпел», «Альфа» с их спецоружием. Мы начали собирать информацию по разным лицам. Основное направление — Чечня, ну, и всё, что связано с чеченскими ОПГ. Как они финансируются и прочее. И тогда мы стали работать и по Березовскому. Якобы, ещё работая в «Логовазе», он находился под крышей чеченцев, которые с 91-го года заявили о себе на уголовном поле Москвы с подачи Хасбулатова. И команда была собрать информацию на Березовского, чтобы его привлечь к уголовной ответственности. И было довольно-таки солидное досье на него.

Потом я уволился. Потом была вот эта пресс-конференция.

Когда уволили Литвиненко, Шабалина, Гусака, Понькина, их Борис Абрамович взял работать к себе в секретариат СНГ. Я тоже подался туда. Когда Березовского избрали депутатом Госдумы, он предложил работать у него помощником. И я занимался подготовкой проектов нормативных актов. Например, по созданию единого следственного комитета. С середины 80-х эта идея висит. Кстати, имеет очень хорошую перспективу. Путин вначале, в принципе, на этот проект тоже обратил внимание, но там против был, как мне известно, Патрушев и Устинов, генеральный прокурор. Поэтому проект этого закона так и остался под сукном. Эта работа в Госдуме длилась недолго, потому что Березовский сложил с себя полномочия и уехал.

— Сейчас какие у вас отношения с Березовским?

— Абсолютно никакие. Я даже не знаю, где он живет. У меня есть его мобильный, но никогда ему не звонил. У меня отношения с ним фактически нулевые. Я не участвовал с ним ни в каких мощных проектах, не говоря уже о коммерческой деятельности, о политических делах. Занимался своей юридической работой конкретно. Но, тем не менее, меня причислили к близким к Березовскому людям.

— Вы говорите, что уголовное дело против Вас сфабриковано. Кому это нужно?

— Много факторов. Я имел своё мнение. Кроме того, руководство ФСБ было очень недовольно моим отказом собирать информацию об Александре Литвиненко. Ещё за то, что я поддержал его во время этого беспредела, который против него учинили. Далее. За моё сотрудничество с Общественной комиссией по расследованию взрывов домов в Москве. За Березовского. Мне неоднократно говорили из ФСБ бывшие коллеги — «Ты человек Березовского, а нам дана команда мочить всех березовцев». И, вообще, Патрушев мне давно мстит.

Искали повод. Мой разговор с Шабалиным — это единственный случай, когда я что-то рассказал кому-то. И они за это зацепились, чтобы мне выдвинуть обвинение. Да и Шабалин мой бывший коллега, и всю информацию я хотел донести через него его шефам в ФСБ. Это очень меня возмутило. Я искренне желал помочь со своей стороны. И не только я один. Думаю, помимо меня и другими бывшими коллегами тоже делались попытки донести информацию о «Норд-Осте».

— Почему же это никому не нужно было?

— По тому, как идёт расследование теракта на Дубровке, по тому, как срочно убрали этих террористов в зале, видно, что это больше напоминает имитацию. Конкретную информацию о том, что за терактом на Дубровке стоят люди у власти, я не имею. Но отдельные моменты, логический вывод ясно указывает на то, что эта связь была. Такое количество террористов, центр города, подготовка. Они ведь не сразу приехали в Москву откуда-то. Была разработка маршрута. Были задействованы лица, которые здесь жили, которые знали хорошо Москву, которые их сопровождали. При тех возможностях ФСБ — кадровых и агентурных…

В Москве ведь везде есть и глаза, и уши ФСБ, ещё с давних времен, со времён КГБ. Операция была мощная, тем более, снова вернулись к политическому сыску, который покруче, чем раньше «Пятое управление». Не знать такую информацию — невозможно. Если даже мне поступала такая интересная информация оперативного плана… Значит, была заинтересованность. Похоже, это был политический пиар. К сожалению, на крови. Принёс лицам, стоящим у власти, большие политические дивиденды за «удачно проведенную операцию». 130 жизней мирных граждан и 700 потенциальных инвалидов. И количество погибших переводить в процент от общего количества, кто мог погибнуть и прочее, ну, это кощунственно. Я считаю, что люди были просто-напросто убиты ради определенного пиара, ради получения новых звёзд, наград.

— Кто должен отвечать за «Норд-Ост»?

— Прежде всего, лица, которые не обеспечили безопасность своих граждан. Но мне уже сейчас ясно, что никто не будет привлечён, а дело будет прекращено в связи со смертью террористов.

Кто допустил такое в Москве? Да в любом другом государстве руководителей службы безопасности за это привлекли бы к уголовной ответственности за халатность, как минимум. Потом — сами спасательные работы. Людей выносили, укладывали штабелями, развозили на любых подручных средствах, без медицинского сопровождения. Возможность сразу оказывать

медицинскую помощь была. Даже на практике в расследовании уголовных дел, когда даже есть опасность потерять следы на месте преступления, тем не менее, к раненным сразу допускают медиков. На Дубровке почему-то долго не пускали. Ведь большинство погибло от того, что у них запали языки. Если бы сидел рядом медик, люди бы остались живы. Тридцать минут после поступления газа людям не оказывалась помощь. Долго не признавали, какой газ был применён. Тем более, этот газ был с примесью наркотика. Не говорили, какие антидоты колоть, чтобы люди выжили. Это прямая халатность спасательных служб и организаторов этой акции. Одна 13-летняя девочка погибла от асфиксии. Ее перевозили на УАЗике, и она оказалась под грудой тел 30 заложников. Раздавили грудную клетку ей.

Нужно будет обязательно поднимать вопрос, почему ликвидировали всех находящихся там террористов? Ведь некоторые из них находились в беспомощном состоянии, и по Конституции их должны были судить. А перед этим хорошенько допросить. А *им* нужно было обрубить цепочку. Потому что начнётся расследование, начнётся раскрутка и выяснится: не было ли это, как я сказал, пиаровской акцией. Чтобы не выяснилось во имя чего организовали этот теракт и чтобы не установить реальных организаторов! Но есть у меня информация, что в момент освобождения заложников выводили и несколько арестованных террористов. Вот куда они потом делись, кто это были такие, мы так и не знаем.

Много вопросов. Две убитые шахидки соединили концы проводов, сработал взрыватель — у обеих была разорвана брюшина. То есть сработали взрыватели, но не взорвалась взрывчатка. Значит, она была, скорее всего, муляжом. Когда в зал пустили газ, террористы бегали, как в муравейнике, и кричали заложникам — «Мы же вас не убиваем, почему и вас, и нас здесь травят?» Да они могли сто раз подорвать взрывчатку!

— Фраза из Путина: «Газ не был вредным, он был безвредным».

— Не знаю, на основании чего был сделан такой вывод. Этот газ, мне говорили, применялся впервые. Получается, что впервые испытали на людях? Врачи в приватных разговорах признают, что основная причина смерти — это воздействие газа, а не официальная версия — якобы, из-за стресса, хронических болезней заложников, отсутствия воды, пищи и «длительного неудобного положения».

Я сам участвовал в освобождении заложников. Одного, двух человек. И мы знаем, что при освобождении заложников в небольших помещениях применение газа бывает эффективно. Он

вырубает мгновенно всех. После чего заложникам и террористам быстро оказывают медпомощь. Использование газа на Дубровке — это был величайший риск. Многие террористы не отключились. Оставалась стопроцентная вероятность взрыва всего здания — если учитывать, что взрывчатка там всё же была!

— А как же правительственные награды за операцию? В том числе и депутатам Мосгордумы?

— Это сложный вопрос. Сотрудники спецподразделений смело шли под пули. Это их личное мужество и героизм. Вне всяких сомнений они достойны наград. Депутаты, которые вели переговоры? Они же вели переговоры с террористами. Для этого тоже нужно иметь мужество, ведь могли отказаться. Не думаю, что все они знали, что этот захват — имитация. Они шли на смерть!

Но с другой стороны, Героев России получили Патрушев, Рушайло, разработчик вот этого газа за то, что эффективно подействовал. Вот это меня очень коробит!

— Мы узнаем правду?

— Вряд ли в ближайшее время узнаем. Если только общественность не поднимется и не потребует подробного расследования. Власть нагло врёт! Нагло! Надеясь на безответственность. Что по взрывам домов, что по «Норд-Осту». Когда знаешь, что ответственности никакой, что хочешь — говори, что хочешь — делай, с тебя ответственности никакой. Главное — всё сделать так, чтобы удержать власть, после четырёх лет ещё один срок просидеть у власти одним и тем же лицам. А там — хоть трава не расти. Там уже забудется и сотрётся всё за эти четыре года. Я думаю, что Путин со своей командой сделают всё, чтобы за два срока стереть все эти следы, в том числе и следы «Норд-Оста», чтобы потом с них не спросили: «А почему это произошло? Кто виноват? Почему в других государствах за теракты снимают министра безопасности, а у нас он, наоборот, получает Героя России?» Только у нас такое возможно!

— Почему же народ безмолвствует?

— Ну, это наш российский менталитет. Кроме того, у нас люди потеряли надежду на правовые методы. Многие в душе и хотели бы. Даже с расследованием «Норд-Оста». Многие пишут жалобы, обращения. Людей просто футболят, ущемляя их законные права на проверку каких-то сведений, на исполнение процессуальных норм. И никто на это не реагирует.

Я могу сказать про спецслужбы. В системе ФСБ сейчас расставляют контролируемых людей. Своих людей. Не всегда высокой квалификации, специалистов. Может, конкретный сотрудник человек хороший, но как специалист — не очень.

Главная цель — взять под свой контроль суд, прокуратуру. То есть органы, которые должны наблюдать за законностью и за правами граждан. Через ротации кадров, через специально созданное подразделение ФСБ, якобы предназначенное для борьбы с коррупцией в судах и прокуратуре, а фактически — для выполнения политического давления. Чтобы диктовать, какое решение суду принимать по важным политическим, экономическим, судебным делам.

Поэтому, люди просто не видят реальных путей, как они могут повлиять на власти. Идти каким-то силовым путём, путём вооруженных восстаний — это бред, это невозможно. Все понимают, что это противоправно. А правовыми методами — не дают! Поэтому терпят, пьют, наркоманят.

— Ваш Отдел занимался ликвидацией людей? Неправовые методы в работе использовал? Мне ваши коллеги рассказывали.

— Я — нет. А Отдел… Это секретная информация…

Когда я работал еще в КГБ СССР, меня почему-то относили к демократам. Потом в 90-ые — к коммунистам. Но я всегда стремился в работе к соблюдению прав человека, чтобы не было подавления личности. Когда приходят очень много силовиков к власти… В этой среде не все порядочные. И они надеются на свою безнаказанность. А это приведёт к халатности и коррупции.

Вот пример. Частный, но в нём отражение общего. Я недавно представлял интересы родственников погибшего в ДТП в центре города на Комсомольском проспекте. Ехал он на «зелёный», а в это время несётся БМВ, набитое людьми, со скоростью за 200 км в час. БМВ таранит его машину. Взрыв, пожар, все участники ДТП погибли. Выясняется — в этой машине были сотрудники ФСБ. Я понимаю, когда выезжают на спецзадания, тогда используют спецсигналы. Почему же они ездили вот так? Да потому что они из ФСБ. «У нас ксива, а сила у нас. И никто не имеет права нам препятствовать, иначе всех поразгоняем». Не раз сам слышал такое. Хотя сам я, конечно, силовик и всегда за силовую структуру. Особенно в вопросах государственной безопасности. Я за неё руками и ногами!

— Александр Литвиненко связал смерть Щекочихина и Юшенкова [3] **с тем, что они были членами Общественной комиссии по расследованию взрывов жилых домов в Москве и Волгодонске и «учений» — так называемых — в Рязани в сентябре 1999 года?**

— Юрий Щекочихин был уважаем многими лицами. Не терпел внешнего давления, имел собственное мнение, всегда его высказывал. Человек был независимый, неподконтрольный. И я

думаю, поскольку идёт новая предвыборная кампания [предвыборная в Думу и президентская — Э.М.], Щекочихин мог обнародовать имеющуюся у него информацию и о взрывах, и о коррупции и т. д. И тем более по «Норд-Осту». Его ничего бы не остановило. Он был нежелательной фигурой. Очень нежелательной! Больше я ничего сказать не могу.

Что касается Сергея Юшенкова… Общественная комиссия работала благодаря большой организующей роли именно Юшенкова. Он добыл очень много информации через своих знакомых и источников. Я сам в Комиссию попал через Юшенкова. Это человек абсолютно неподкупный и принципиальный. Его нужно было как-то убрать. Ещё важный момент. «Либеральная Россия» при Юшенкове имела все шансы преодолеть пятипроцентный барьер в Думу. Я знаю, чем закончится расследование. Найдут какого-нибудь больного, который его пристрелил якобы из-за каких-то коммерческих, либо криминальных или ещё каких-то дел. Хотя это дело — политическое. Всё! Больше этого на этот вопрос сказать не могу.

— У Вас есть доказательства причастности спецслужб к организации взрывов жилых домов в Москве в сентябре 1999 года?

— В конце месяца на заседании суда по этому делу я приведу свои факты. Если доживу. Если попаду на заседание.

— Вы сказали, что Патрушев Вам давно мстит. За что?

— Это давняя ещё история. Связана с международной террористической группой, куда входили сотрудники спецслужб. В 1994 году в марте месяце я перешёл работать в Управление собственной безопасности тогда еще ФСК (сейчас ФСБ) Российской Федерации в Отдел физзащиты сотрудников и членов их семей и лиц, приближенных к ним. Приблизительно в конце апреля меня вызвал к себе бывший начальник Управления собственной безопасности ФСК генерал-майор Варламов Валерий Иванович. Он предложил мне заняться делом, связанным с взрывами в Азербайджане и на юге России — в Минеральных водах, Кисловодске и т. д. Варламов сказал буквально следующее: «Михаил, материалы самые серьезные, их необходимо реализовать как можно скорее. Террористы убивают людей. Там будут продолжаться взрывы. Так что на тебе, Михаил, огромная ответственность! Я санкционирую все мероприятия по этому делу. Вперед!». И я начал заниматься этим делом.

В 93-м году поступили первые оперативные материалы из Азербайджана, из Министерства национальной безопасности, о том, что там задержан некий Хотковский, готовивший взрывы.

До меня этим делом занимались другие сотрудники ФСК.

Наработано было уже немало. В частности, по Калининграду, по югу России, по Москве уже вырисовался определенный круг лиц, причастный к этим взрывам. Я собрал эти разработки, изучил, составил план. Варламову сказал, что мне нужны специалисты в области проведения допросов, умеющие тактично допросить, нужно готовить срочно документы на проведение обысков и т. д. Он дал мне большие полномочия, сказал, чтобы я набирал команду из ребят, которых знаю из других управлений, утвердил список, нам их откомандировали на время реализации. В основном я выбрал бывших следователей, которые работали в Управлении экономической контрразведки. Например, Анатолий Яковенко, это Управление собственной безопасности, Евгений Лжевский и др.

Команда была большая, объяснил им ситуацию — что, как, подготовил документы. Десять дней понадобилось, чтобы проанализировать эту информацию, доказательства какие есть и какие нужно закрепить, составить конкретную картину. И после этого мы приступили к реализации. В Москве был задержан Джан Оганесян. Это бывший сотрудник КГБ СССР, потом он оказался в Главном управлении национальной безопасности (ГУНБ) Армении — руководил Отделом по проведению спецопераций на территории противника. У нас он проходил как руководитель группы, можно смело называть её террористической группой. У Оганесяна было соответственно несколько паспортов — как потом установили, изготовленных спецслужбами Армении, их оперативно-техническим отделом. У него в Москве была то ли вторая, то ли третья жена, был ребенок, которые жили на Дмитровском шоссе. Когда задерживали Оганесяна, у него дома в детской кроватке нашли пластид, как сказали специалисты, достаточный, чтобы разнести целый квартал в Москве. Потом мы изымали ещё склад оружия и боеприпасов этой группы в Калининградской области, в городе Славске, в некоторых других точках. Потом наша спецгруппа обнаружила динамит и замедлители для мин в Минеральных Водах.

Второй, кто там вырисовался, это подполковник Борис Симонян, сотрудник Управления по борьбе с терроризмом (УБТ) ФСК РФ. Я сейчас не помню точно его должность — кажется, старший оперработник по особо важным делам. Ещё ряд лиц, это жители города Москвы со званиями, бывшие сотрудники КГБ и т. д.

— Какие цели были у группы?

— Перед Оганесяном была поставлена задача втянуть Россию в конфликт с Азербайджаном на стороне Армении. Каким путем это планировалось? Планировалось подкладывать взрывчатку в

поезда, следующие из Москвы в Баку, либо, например, с Северного Кавказа в сторону Баку. Притом минные замедлители должны были устанавливаться так, чтобы взрыв произошёл уже на территории Азербайджана. Потом разбрасывают листовки, что к этим взрывам причастно лезгинское движение «Садвал», возглавляемое в то время генералом в отставке Мугудином Кахримановым. В Азербайджане начнут задерживать, лезгины поднимутся, прежде всего, члены этого движения. А лезгины проживают как на территории Азербайджана, так и на территории Дагестана — уже Российская Федерация. И вот это пламя возгорится, со стороны России начнётся давление на Баку, боевые действия против Азербайджана. Вот такова была задумка. Но помимо этого, были и конкретные цели диверсионных акций.

— Как удалось раскрыть эту группу?

— В августе 93 года в Баку местная спецслужба задержала Игоря Хатковского. И значительную часть информации мы получали из его допросов. Для этого я несколько раз ездил в Азербайджан. Главным его куратором в Москве был Симонян, который хранил у себя на работе, на Лубянке, в сейфе взрывчатку, минные замедлители и т. д. Иногда он же передавал Хатковскому, когда тот прибывал в Москву, подробное задание на очередную его акцию — что, как делать.

Игорь Хатковский — бывший морской разведчик. После развала СССР остался не у дел. Жил в Калининграде, где было много беженцев-армян — они там даже целую колонию создали. Хатковский общался с ними. Армяне на разных собраниях, встречах обрабатывали людей — описывали жуткие картины, что азербайджанцы творили с армянами. У Хатковского, кстати, очень специфическое мышление, он искренне поверил, что это так и есть. Он согласился «разобраться с этими нехорошими лицами». После этого его переправляют в Армению, где обучали в Центре по подготовке диверсантов. Хатковский говорил, что там были и другие такие же завербованные — всех их курировал Джан Оганесян. Их обучали, как изготовлять бомбы для терактов, устанавливать взрывчатку, как устанавливать муфты и т. д. Им обещали ещё и платить. Кстати, он встречал в этом Центре и некоторых армян, которые проживали и до сих пор проживают в Калининграде под видом беженцев.

Кстати, есть ещё одна причина, по которой он начал сотрудничать с армянскими спецслужбами. Он работал в это время в городе Советске (Тильзит, до 1946 г.), там издавалась газета «Демократический Тильзит». Ну, какой он корреспондент? Он сам писать не мог, он сотрудничал с ними, кое-какую информацию туда давал. В этом городе он держал довольно-таки

приличное фермерское хозяйство. И он не мог тянуть хозяйство по финансам. Нужны были деньги, чтобы это фермерское хозяйство поднять. А армяне обещали ему платить очень прилично. То есть, была идеологическая обработка, но, главное, и он потом говорил, что главное — финансы!

После подготовки в Армении, прибыл в Москву. Здесь должны были ему задание дать. Перед этим проверяли, как он может выполнять акции. Он поучаствовал на территории России в нескольких криминальных разборках. Какие-то мелкие разборки по поручению местных армянских авторитетов в Минеральных Водах и, если не ошибаюсь, в Кисловодске.

— С жертвами или без жертв?

— Не могу сказать, потому что эти дела мы не поднимали. Я думал, что поднимет Главная военная прокуратура, но они, по-моему, тоже не стали поднимать.

После этого перешли к основным заданиям. Одно из заданий было такое — берёшь толстую книгу, вырезаешь, закладываешь туда динамит и муфту вкручиваешь. Садишься в поезд Москва — Баку и книгу оставляешь на полке. Он говорит, но тут же погибнут и русские. Ему говорят: «Ну, и что? Поезд Москва — Баку, ты посмотри, какие хрюшки едут. Ну, что ж там русских несколько попадётся, ничего страшного» — примерно так. Он от этой акции отказался. Из всех таких акций по взрывам поездов, он только в одном случае поставил взрывное устройство, которое рвануло на территории Азербайджана. Разнесло вагон в той части, где туалет. И из людей никто не пострадал. Хатковский рассказывал — был очень доволен, что вроде и взорвал, отчитался, а с другой стороны, там люди не погибли.

О каждой такой акции он писал отчет. Ещё в одном случае он заложил взрывчатку, а поезд переадресовали, и он ушёл в Поволжье. Хатковский также рассказал про взрыв в Гудермесе [4]. Но он утверждал, что это не его рук дело, этот теракт организовала другая группа, которой также руководил Джан Оганесян. Этот теракт мы не смогли изучить — военная прокуратура сказала, что там — в Чечне — творится бардак, мы туда не сможем проникнуть и кого-нибудь допросить.

— Какие диверсионные акты успел совершить Хатковский в Азербайджане?

— Перед Хатковским стояли задачи не только по проведению диверсий — ему также был поручен сбор политической информации. Поэтому он завербовал одну женщину, работающую в аппарате бывшего президента Азербайджана Абульфаза Эльчибея. Фамилию ее не помню, но звали ее Софочка. Еврейка по национальности, бакинская еврейка. Контактировал и с

другими лицами из окружения Эльчибея, собрал большое количество документов. Хатковский должен был организовать ликвидацию конкретных лиц. Но главное — это взрывы в метро, на газопроводах, электрических подстанциях. Например, он нашёл место, где совершив теракт, можно было оставить половину Баку без электричества.

Он проделал огромнейшую работу по подготовке терактов, периодически приезжал в Москву с отчётами. Чтобы к нему было меньше внимания, Хатковский часто ходил с какой-нибудь русской девушкой, уроженкой Баку. Он говорил, что если идёшь с русской девушкой в обнимку, то останавливают очень-очень редко, даже в комендантский час. На все встречи, особенно, когда взрывчатку с собой приносил, старался встречаться с девушкой. Хатковский очень видный парень, очень много девушек завербовал в Баку. С некоторыми из них он приезжал сюда в Москву.

В Москве он получал задания, взрывчатку. Жил в гостинице «Измайлово» через возможности Федеральной службы контрразведки. Симонян либо кто-нибудь другой бронировали там ему номер. Среди людей, которые участвовали, помогали бронировать номера в гостиницах, Хатковский называл Гроппа — это начальник Симоняна, сейчас служит в Молдавии. Еще упоминалось имя Овчинникова, начальника отдела кадров Управления по борьбе с терроризмом ФСК РФ (друг и будущий заместитель генерал-майора Евгения Хохолькова, руководителя группы по ликвидации Джохара Дудаева). Кстати, он в последующем получил звание генерала. Его отношение к этой террористической группе до конца не было установлено. Кстати, с Симоняном в одном кабинете сидел его бывший однокурсник Виктор Шабалин — тот, который потом оговорил меня, якобы я выдавал ему гостайны. На его показаниях строится моё обвинение. Вот так вот получается.

Деньги и взрывчатку Хатковский получал из рук Джана Оганесяна, иногда из рук Симоняна. Правда, Симонян не играл главенствующую роль в группе, на мой взгляд, это было мелкое звено. Хотя сам по себе факт поразительный — сотрудник Управления по борьбе с терроризмом ФСК хранит в своём кабинете на Лубянке взрывчатку, которую потом выдает человеку для совершения диверсионных акций.

Было много комичного в работе этой группы. В первый свой приезд в Москву Хатковский должен был встретиться со своими кураторами на армянском кладбище. У Хатковского была 25-рублевая купюра, разорванная пополам. Говорит: «Стою, вижу — идёт Джан» — а они раньше уже встречались — «он ко мне сразу

не подошёл, устроил целое представление. Потребовал купюру, приложил — подошла». Только после этого стал общаться с Хатковским. Якобы так его готовили внутренне к конспирации. Хотя, он говорит, смешно даже было на это смотреть.

Взрывы в Баку Хатковский не совершил. У него были психологические проблемы. Паспорт у него был на свою фамилию. Боялся, что если его поймают или убьют, по паспорту выйдут на его семью. А у него в Калининграде жили жена, дети. Просил дать ему поддельный какой-нибудь паспорт на другую фамилию. Ему обещали, но не дали. Как не давали и денег, помимо необходимых на его деятельность. Ни разу не получил оплаты, а обещали много. После последнего отчета в Москве, он сообщил, что готов, наконец, совершить теракт. Получил взрывчатку и поехал в Баку. Готовился уже заложить взрывчатку на газопроводе. Потом его дёрнуло — что-то не то. Разобрал детонатор — оказалось, что взрыв произошел бы через 50 минут, а не через два часа, как должно быть. А ему ведь нужно вначале подготовиться — он же не на месте там это всё устанавливает: нужно время, чтобы донести и установить. Он понял, что его решили убрать. Говорит, я бы от этого взрыва, учитывая, какой там радиус поражения, должен был погибнуть. Видимо, они не хотели деньги платить ему или другие какие-то причины были.

— Почему же он не пришёл в спецслужбы?

— Куда? В ФСК? Хатковский боялся. Видел, что Федеральная служба контрразведки замешана. И ему никуда не скрыться, всё равно найдут. Он видел, с кем встречается Джан Оганесян. Очень солидные связи. И он решил сдаться азербайджанским властям. Подошёл к постовым милиционерам. Показывает взрывчатку. Спрашивают: «Как взрывчатка?» Говорит: «Вот так, взрывчатка». «Где нашёл?» «Да не нашёл, говорит, я вообще-то диверсант». Ему: «Да ну, кончай шутить. Рассказывай, где нашёл». Отвели в отделение милиции. В отделении: «Как диверсант?» А Он: «Ну, не верите, поехали в посёлок Ахмедлы [5], покажу — у меня там целый склад со взрывчаткой». Поехали, точно — обнаружили там склад. После этого завертелось вот это дело. То есть присутствовал психологический аспект — попытка его убрать привела к тому, что Хатковский сам раскололся. Это было потом учтено — насколько мне известно, он получил не высшую меру наказания.

— Дело Хатковского свидетельствует о неэффективности азербайджанских спецслужб? Хатковский провозил в страну взрывчатку, вербовал людей…

— Ну, не знаю. Он очень контактный, он очень контактный. Хатковский мог с любым познакомиться. Ребята из

азербайджанских спецслужб, с которыми я сталкивался и которые работали с Хатковским, произвели на меня очень хорошее впечатление. Я не знаю, где они сейчас, на каких должностях работают. Но в то время они неплохо поработали, они довольно-таки прилично раскрутили это дело. Единственное, чего они не добились, это выдачи Азербайджану Джана Оганесяна и Бориса Симоняна. Но у нас в России тогда вообще странные изменения пошли.

— У Вас забрали это дело?

— Я недолго работал с этим делом, где-то месяца два-три — не больше. Потому что в дальнейшем это дело взяла под свой контроль Главная военная прокуратура, и меня потом вызывали в суд, который проходил в Тамбове. Почему Тамбовский суд рассматривал это дело, мне до сих пор не ясно. Главная военная прокуратура вела это дело, я бы сказал, безобразно. Было сделано всё, чтобы его развалить.

Члены этой террористической группы после задержания дали признательные показания в первые же дни — и Оганесян, и Симонян, и Голоян. В том числе, и по вербовке других лиц, помимо Хатковского, для совершения диверсий, и по взрывам в Азербайджане, на юге России, и по ликвидации отдельных лиц. Но Главная военная прокуратура не пошла на детальное расследование — то, что им передали, они быстро там обработали, есть такое выражение — «обсосали» вот эти эпизодики и отправили в суд.

Когда дело готовили к суду, были внесены изменения в Уголовный кодекс. Статья о диверсии была убрана из УК. В результате этой группе инкриминировали повреждение путей сообщения, незаконное хранение оружия — вот и всё! Джан Оганесян получил 6 лет, Борис Симонян — 4 года. Другие члены группы, например, Ашот Голоян два года. По этому делу проходил некто Петросян — его деятельность была связана с обеспечением Хатковского финансами. Его Главная военная прокуратура РФ вообще отпустила. Петросян пообещал предоставить компрометирующую информацию на Лучка [6], лидера подольской преступной группировки. Почему Главную военную прокуратуру больше интересовала деятельность подольской ОПГ, а не государственного преступления, не знаю. Петросян якобы знал о некоторых делах Лучка, это якобы могло послужить основанием для привлечения того к уголовной ответственности. Пошли на сделку. Петросян написал, что знал, но бумаги не подписал. Его отпустили. Когда в последующем Лучка задержали, показания Петросяна не смогли применить против него. И потому лидера подольских пришлось вскоре

отпустить.

— Почему разваливали дело?

— Не могу сказать. Не могу сказать. Может из-за того, что вырисовалась связь этой группы со многими высокопоставленными чинами из ФСК. Вот, например, Овчинников, начальник Отдела кадров Управления по борьбе с терроризмом ФСК и приятель Николая Ковалева, тогда ещё замдиректора, а потом и директора ФСК. Джан Оганесян признался, что планировал завербоваться в Управление по борьбе с терроризмом ФСК России. Это позволило бы прикрывать свои акции. И документы на него готовил лично Овчинников. Не бесплатно. За это были заплачены большие деньги. Таких моментов вырисовывалось много.

Насколько мне известно, в связи с этим преступлением, тогдашний президент Армении Левон Тер-Петросян встречался с Ельциным и ходатайствовал о том, чтобы это дело не получило огласку. Потому что получалось — армянские спецслужбы организовывали на территории другого государства совершение диверсионных актов. Практически Армению могли отнести к странам, причастным к международному терроризму. Оганесян, сидя в камере, очень переживал — ведь он признался, что он сотрудник спецслужб Армении и выполнял спецзадание. А те от него отказались, мол, мы ему заданий никаких не давали. Для него это был такой удар… Хотя, повторяю, у него было найдено несколько паспортов, изготовленных в оперативно-техническом управлении ГУНБ Армении — это показала экспертиза. Кстати, после возвращения в Армению, я слышал, он, Голоян получили повышение в чинах. И свои сроки они полностью не отсидели.

— Почему молчала азербайджанская сторона?

— Азербайджанская сторона не молчала. Они активно просили выдать Оганесяна и других. В то время после долгого перерыва пошёл процесс установления более тесных отношений между Россией и Азербайджаном. Но террористов не выдали. Даже для временной доставки туда на допросы — и то не выдали. Боялись, что их обратно не вернут.

— Вас похвалили за работу?

— Наоборот. Наша деятельность многим не понравилась. Кроме того, что дело передали Главной военной прокуратуре, взялись и за нас. Начальника УСБ ФСК Валерия Варламова сняли и на эту должность пришёл Николай Патрушев из Контрольно-ревизионного управления Администрации Президента РФ. Ну, он сразу начал наводить порядок. Во-первых, на большинство сотрудников, в том числе и на меня, почему-то стали собирать все компрометирующие материалы, притом сфабрикованные.

На меня сфабриковали дело. Поводом было заявление одного бакинского армянина, Бориса Георгиевича Рахманова. Он взял фамилию жены (его жена азербайджанка) ещё когда жил в Баку, потому что опасался там жить под армянской фамилией. Он написал заявление, что я совместно с моим коллегой Соповым якобы прибыл к нему домой чуть ли не с оружием и вымогали у него две тысячи долларов. Не думаю, что Патрушев лично придумал это дело. Наверняка, кто-то из его подчиненных.

Такие же дела сфабриковали и на других сотрудников. Во всяком случае, 7-й отдел Управления собственной безопасности, который занимался вот этим делом — я служил в другом отделе, но был откомандирован на время реализации в тот отдел — вскоре разогнали. Молчанова — начальник 7-го отдела Управления — перевели на Камчатку. Ряд сотрудников были вообще уволены из органов, не знаю, по каким причинам. Специально это было, не специально — сейчас однозначно об этом сказать не могу, были подозрения, что кто-то сверху заинтересован в этом деле. Но доказательств конкретных я не имею.

Потом после дела Кровавого Абдуллы в декабре 95-го в отношении меня начали служебное разбирательство. Мне открыто сказали коллеги — по прямому указанию Николая Патрушева, начальника УСБ.

— После того, как было вынесено решение суда, признавшего Вашу правоту, Вы были восстановлены в должности?

— Я не ставил так вопрос, потому что понимал — Патрушев не даст мне спокойно работать. Я ставил вопрос отмены приказа. Ведь Патрушев на всю Россию разослал приказ, которым я был наказан — мне было объявлено служебное несоответствие. Приказ зачитывали всему личному составу ФСК, чтобы другим неповадно было. То есть если кто-то ещё без указания сверху где-то тормознёт чеченских боевиков либо еще какую-то вооруженную банду, то он будет точно так же наказан. Но приказ суд не потребовал отменить, хотя признал, что я необоснованно был наказан, что я действительно был прав, там действительно провалилась операция. Когда Путин был главой ФСБ, я и к нему обращался с просьбой отменить приказ. Я и Березовского просил — тогда они с Путиным были в хороших отношениях, ежедневно по несколько раз встречались. Но не помогло — Путин шёл тогда в большую политику, и не хотел портить себе имидж. Ему нужно было быть хорошим для всех.

— Почему Путин назначил Патрушева директором ФСБ?

— У них давние совместные дела по Питеру. Патрушев

работал по линии экономической контрразведки в администрации Собчака, а Путин был помощником последнего и незаконно подписывал документы, разрешающие вывоз нефтепродуктов за пределы России. И, говорят, у Патрушева есть компромат по этому поводу на Путина. Но насколько это действительно так, я утверждать не могу.

Это лишь часть нашего с ним интервью, которое закончилось за полночь.

— Ты всё-таки с ним встречался? — не здороваясь, сразу спросил Игорь Сидорович, увидев меня в Останкино на следующий день.

«Ничего себе. Откуда же он узнал?»

— Да, сделаю это интервью для газеты одной.

— Дашь кассеты — я посмотреть хочу? Пожалуйста. Я верну. Честно…

22 октября, через четыре дня после того интервью, Михаила Трепашкина арестовали — в автомобиле адвоката нашли пистолет — и поместили в СИЗО. Трепашкин утверждал, что пистолет не его. На суд, где он обещал обнародовать доказательства причастности спецслужб к взрывам жилых домов в Москве в 1999 году бывший офицер ФСБ не попал.

Михаил Осокин, ведущий программы «Сегодня в 19:00», узнав, что у меня есть последнее интервью Трепашкина перед арестом, обрадовался эксклюзиву. Тоже попросил у меня кассеты.

Игорь Сидорович курил у себя в кабинете. Похохатывая и поглаживая свою секретаршу по колену, что-то весёлое говорил ей на ушко. Секретарша извивалась, краснела и тихо хихикала. Я им помешал.

— Кассеты? Ааа… Я пока не знаю где они… — ошарашил меня Игорь Сидорович. — А что, Глебыч (Михаил Осокин) хочет это дать в эфир?

— Игорь, что это значит!? — закипел я. — Что значит — пока не знаешь?

— Кассеты у руководства. Кажется. Да не парься этим делом! Этот твой Трепашкин больной человек. Юродивый. Ничего не понимает.

«Это ты меня так успокоил? Лучше бы ты сосал, чем говорил».

Source URL: http://ostankino2013.com/pravda-mihaila-trepashkina.html

«Да на.рать мне на ваш поезд». Лицо власти

Это был один из самых запутанных терактов в Москве. 6 февраля 2004 года в половине девятого утра во втором вагоне электропоезда на перегоне между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая» Замоскворецкой линии столичного метро произошёл взрыв мощностью около пяти килограммов в тротиловом эквиваленте. В туннеле сразу возник пожар. Это было утро пятницы, последний рабочий день недели. В метро в это время всегда много людей — «час пик». Поезд вёз из Подмосковья и спальных районов Москвы людей в центр столицы.

Странная интрига с жертвами взрыва началась сразу же. Очевидцы, спасатели, медики уже в первые часы утверждали — погибших больше сотни. А специалисты — что точное число погибших при взрыве не будет установлено никогда. Взрыв был в замкнутом пространстве, и многих пассажиров разорвало на мелкие фрагменты, а некоторые, находившиеся в эпицентре, «просто испарились».

От второго вагона состава осталось одно огромное кровавое месиво. В «час пик» на этой ветке в одном вагоне обычно помещается примерно 200–250 человек. Если так — то этот теракт становился самым крупным в Москве, даже в сравнении с взрывами жилых домов в сентябре 1999 года. Это не нужно было власти — почти через месяц, 14 марта 2004 года, в стране запланированы были президентские выборы.

Недоверие к проводимому властями расследованию усиливалось нежеланием тщательного и публичного расследования. Место теракта было расчищено подозрительно быстро. Уже к пяти часам вечера следственные действия на месте взрыва были завершены, движение поездов на Замоскворецкой ветке было восстановлено. Пострадавших держали в больницах под усиленной охраной, журналистов к ним не подпускали, якобы они категорически не хотели беседовать ни с кем, кроме родных и следователей ФСБ. Однако, многие коллеги из независимых СМИ, пользуясь неразберихой, пробирались к раненым. Никакого протеста с их стороны в сборе информации не встречали.

И вместо уважительного общения с обществом, подробного отчета о каждом шаге расследования, власть начала политическую возню. Главный кандидат Владимир Путин уже через несколько часов узнал и рассказал о том, кто организовал этот теракт: «Мы наверняка знаем, что за этим стоят Масхадов и

его бандиты». Потом он сравнил теракты с призывами из-за рубежа вести переговоры с сепаратистами и все это назвал способом давления на него «в ходе внутриполитических дебатов в рамках выборов президента России». Одни политики предложили ввести в стране чрезвычайное положение и отложить президентские выборы, другие — снять всё руководство московской милиции и ФСБ, представители последних — для еще лучшей борьбы с терроризмом отменить мораторий на смертную казнь и дать дополнительные права спецслужбам.

Уже во второй половине дня появился фоторобот предполагаемого террориста. Естественно, это был мужчина с внешностью уроженца Кавказа. Его и предполагаемую смертницу зафиксировали камеры на перроне одной из станций метро. В руках у них было два чемодана. Власти утверждали, что незадолго до взрыва он подошёл к сотруднице метрополитена на станции «Автозаводская», обругал ее нецензурными словами и добавил «Будет вам праздник». Видеозапись предоставить следователи отказывались.

В этой истории не хватало только оставленной этим субъектом визитной карточки с подробными сведениями — «руководитель террористического акта» и контактные номера лондонских и чеченских телефонов. Зато дискуссии после этого направились в нужное и удобное русло. Мэр Москвы Юрий Лужков, срочно вернувшийся из поездки в США, объявил 9 февраля в столице днём траура и обрушился на незаконных мигрантов, предупредив — режим регистрации в Москве будет ужесточен. Милиция на улице начала охоту на брюнетов, как и в 99-ом после взрывов жилых домов. Взятки и поборы для мигрантов сразу выросли, но ни одного террориста, недовольного ужесточением миграционного режима, не нашлось. Столичные власти реально думают, что у террористов, особенно у смертников, болит голова о том, как в Москве прописаться, получить ИНН, страховку?

Вот этим вербальным пинг-понгом власти «убили» выходные и понедельник. Лишь во вторник появились официальные данные. Заместитель прокурора Москвы Владимир Юдин объявил о 39 погибших. Понятно было, что так сразу никто не сможет назвать точные данные, но такая цифра была ну очень уж сомнительна. Этому никто не верил. Лично мне знакомый следователь из прокуратуры говорил, что минимум столько было только относительно целых тел. Из московской мэрии поползли слухи о «Секретном списке». Якобы у Юрия Лужкова и его первого зама Валерия Шанцева есть полный засекреченный перечень с фамилиями погибших, который запретила оглашать ФСБ —

перечень был очень длинный.

Одновременно своим нежеланием объявлять траур по всей стране федеральный центр как бы обозначил уровень этого теракта московским, региональным, и, тем самым, переложил функцию главного ньюсмейкера на столичного мэра. Вот журналисты и охотились за Юрием Лужковым. Главный вопрос был о «Секретном списке». А ещё и о размерах компенсаций пострадавшим и сроках их выплат; о том, как градоначальник будет выдворять незаконных мигрантов из Москвы и т. д.

В среду 11 февраля днём мы были перед Лефортовским моргом (морг № 4). Снимаем людей, родственников. Здесь были те, кто в списках раненых не нашёл *своих* фамилий. Не люблю лезть с камерой и микрофоном в душу людям, которые потеряли близких. Если это произошло по вине государства — особенно не люблю. Меня, мою профессию начинают ассоциировать с действиями государства. Да и сам я чувствую себя в такие моменты очень подло. Но что ж поделаешь? Проглатываешь реплики, взгляды…

И вдруг звонит руководство — меня срочно аккредитуют на церемонию награждения конкурса «Серебряная камера». Там должен был появиться Лужков. Предупредили, что дадут мне двух операторов, а также две (!) «тарелки» [1] — для страховки: «Лишь бы ты взял этот синхрон» [2]. Моё телевизионное начальство долго было уверено — если есть хоть один шанс из ста, то я им воспользуюсь и пробьюсь к ньюсмейкеру, даже называли меня «тяжелой артиллерией». Не знаю, почему. К тому же не так-то это легко — иметь такой имидж, от тебя всегда ждут стопроцентный результат.

Но это задание мне было по душе. Раньше это была нормальная практика на многих телеканалах — если политик не идёт на контакт, отправляли на мероприятие, где он должен был появиться, съёмочную группу. Там это лицо вылавливали, под предлогом поговорить о происходящем, а потом начинали «пытать» по основным интересуемым темам. Перед включённой камерой политик был вынужден отвечать на эти вопросы. Комично, но что ж поделаешь: когда наши общественно-политическим деятели хотят попиариться или показать свою радость по поводу победы российской сочинской заявки на Олимпиаду-2014 года — «лезут в камеру» [3], но когда надо держать ответ за свои полномочия и должности — играют в кошки-мышки. Сейчас так телевизионщики «охотятся» лишь за представителями шоу-бизнеса. Современное телевидение полностью контролируется властью — если тот или иной политик что-то случайно скажет или сделает, не вписывающееся в

идеологию «управляемой имитационной демократии», это всё равно не покажут.

В шесть часов вечера мы уже были на Остоженке в Центре оперного пения Галины Вишневской, где и проходила церемония награждения. «Серебряная камера» — это конкурс, который ежегодно проводит Московский дом фотографии под патронажем мэра Москвы. Такой госзаказ на фиксирование жизни современной столицы. Естественно, вкусы мэра и московских чиновников сказываются на уровне этого конкурса. Бывает там много сильных работ, но большая часть — предсказуемые, примитивные, однообразные. Очень ценятся имперские мотивы в фото из цикла «Москва — третий Рим». Но главный тренд — прославление политики Лужкова-благодетеля. То есть того самого бурного строительного и оформительского китча, который насаждает столичный мэр, упрямо, как маньяк, разрушая старый теплый город. Из цикла «Москва — второй Шанхай»: новые небоскребы, лужковские новоделы, какие-то котлованы, рестораны и кабаки, витрины, неоновая реклама, счастливые лица детей, довольные лица спортсменов, признательные лица ветеранов и т. д. Москва барская, зажиточная, с брюшком, но и, якобы, духовная, благодатная.

Здесь был настоящий праздник — мы сразу оказались в сверкающем мире гламура и тщеславия. Дорогие машины перед входом. Женщины в шикарных вечерних платьях. Расслабляющая жизнерадостная музыка, дребезжащий звук бокалов, какофония богатых запахов. Сверкающие бриллианты, другие не сверкающие камни, которые выставляли как бриллианты. Толстые сигары, шампанское. Громкий смех. Что еще? Да. Натянутые улыбки, позирование перед телеоператорами, вспышки фотокамер для глянцевых журналов. Неестественные, показные и шумные объятия, поцелуйчики в обе щёчки. Богема, столичный бомонд, элита общества. Тусня, блин.

И разговоры соответствующие. Лёгкие, несерьёзные, праздничные. Про конкурс, про фотографии ни одного диалога не услышал. Были и серьёзные беседы — о деньгах. Здесь было очень много политиков, в том числе из исполнительной ветви власти. Ну и конечно шоу-бизнес и просто бизнес. Думают, что новые дворяне, в реальности — обычная дворня.

Операторов я предупредил — наша цель Лужок. Но они всё равно пошли «набирать картинку» — красок-то много. А я стоял один и думал: «А в чьих-то домах сегодня траур». То, что случилось 6 февраля для них — это не в Москве, не в *их* Москве. Параллельный мир. Они думают, что в метро ездят только лузеры. А лузеры у них вызывают брезгливость, как у тех, кто

ездит в метро — бомжи. Медленно стал раздражаться. Стою и с ненавистью — чего скрывать — смотрю, жду появления московского мэра.

И вот мимо меня проплывает пара — Сергей Ястржембский, помощник президента страны, и Ольга Свиблова, директор Московского дома фотографии. Она о чём-то увлеченно объясняла ему, показывая в воздухе какие-то фигуры, и жеманно крутила широко раскрытыми глазами. Помощник президента поддакивал и похохатывал. Оба не забывали отхлебывать шампанского из бокалов…

Наверное, я был очень злой, потому что, увидев Ястржембского, неожиданно вспомнил, что он любитель пострелять животных. Убил, минимум, около сотни редких зверей: слона, льва, леопарда, носорога, буйволов, медведей, пум, антилоп, газелей. Не для пропитания — для развлечения. Оружием с оптическим прицелом. Они называют убитых невинных животных трофеями. Эвфемизм придумали, подонки — «добыть трофей». Не убить, а *добыть*. Ненавижу таких людей. Это не охотники, это изверги. Будет им приятно, если их самих, их близких, дорогих им людей будут отстреливать, да ещё и с оптикой, из автоматического оружия? Ну, так, для забавы. Получая удовольствие. Под гогот, свист, улюлюканье и алкоголь. Настигать на джипах. Добивать раненных. Глумиться над телами. Трупами. Их самих. Их близких. Дорогих им людей. Родителей. Над мамой и папой. Над их детьми…

Вдруг глаза Свибловой в процессе вращения наткнулись на микрофон в моей опущенной руке с лейблом телеканала.

— О! Вы же с НТВ? Не так ли, молодой человек? — встала она около меня. — А давайте Вы у Сергея Владимировича возьмёте интервью по поводу этого конкурса?

Тут они дали мне бесплатный урок непринужденного светского общения. Ястржембский стал, галантно — на его взгляд — перед ней дёргаясь, отговариваться. Она — картинно и громко его подбадривать.

— Оставьте, Оленька!

— Не бойтесь. Что же Вы?! Это будет очень интересно и необыкновенно. Ну же, Серёжа!

«Ещё Сержем его назвала бы…» — зло подумал я.

Не думаю, что Ястржембский боялся. Но ей подыгрывал. Дипломат. А я не стал врать.

— **Ольга Львовна, — вспомнил её отчество. —** Мы вообще-то приехали из-за Лужкова. Спросить его о взрыве на «Павелецкой». Уже пять дней прошло…

— Ах, — вскрикнула Свиблова. — Ах, вот как!

Директор МДФ раскрыла рот, склонила голову на бок и скосила глаза к переносице. И после этого у нее случилась драматическая истерика.

— Да что Вы себе позволяете?! Я вас, НТВ, больше никуда не пущу! — начала она с каким-то странным отчаянием, обидой в голосе. — Вы меня больше не обманете. Звонят, понимаете ли, аккредитуются у нас, снимают то, что им надо, а о самом мероприятии ничего не показывают. Что за бестактность журналистская!

Слова Свибловой у меня не вызывали никаких эмоций. Это создание — из другого мира. Она человек не злой, но настоящую кровь, наверное, видела только на фотографиях, выставляемых в её МДФ. Я спокойно смотрел на Ястржембского. А он каким-то равнодушным взглядом оценил меня с ног до головы и отхлебнул шампанского. Мы стояли почти вплотную друг к другу. У него было очень плохо выбритое лицо. Не щетина, нет — так бывает, когда бреешься холодной водой наскоро — где-то чисто, где-то торчат волоски. Меня передёрнуло. Лицо представителя власти. В голове промелькнула мысль, что он использует некачественные одноразовые бритвы.

— Как Вас зовут, молодой человек? — надвинулась на меня Свиблова и разбудила. — Вы меня слышите? Вы, журналист, — позвала она.

Я назвался. И тут осенило. Это же тоже представитель власти! Я непроизвольно коснулся микрофоном локтя Ястржембского, думая в этот момент, что камера не такая совершенная, как человеческий глаз, и скроет недостатки этого плохо выбритого лица.

— Извините, Сергей Владимирович? Я даже не подумал. Сейчас оператора позову и запишем. Какая у Вас информация есть про этот теракт? — и стал искать глазами в толпе моего оператора Колю Якушева, продолжая спрашивать. — Говорят, поезд…

— Да на.рать мне на ваш поезд! — очень спокойно, но твердо отрезал помощник президента и отхлебнул из бокала.

— Что?! — цепенею от услышанного.

И вдруг сразу же, почти бросив бокал с недопитым напитком на поднос проносившегося мимо официанта, Ястржембский теряет контроль.

— Да я что вам всем — не могу спокойно отдохнуть?! Я разве не человек?! Я просто пришёл на выставку, посмотреть фотографии, пообщаться с людьми, друзей повидать. А тут Вы со своими вопросами. Да идут ваши теракты и ваши поезда… Знаете куда?!

— Вы, молодой человек, к Сергею Владимировичу не лезьте, — набросилась с фланга Свиблова. — Сергей Владимирович занятой человек. Вы мне мероприятие портите.

Я был ошарашен. И закипел.

— Да что Вы говорите? А? — сжал кулаки и надвинулся на него. — Там люди погибли, а вы бегаете все как крысы! Да отдыхайте сколько хотите. Но вы политик. И во время таких ситуаций обязаны отвечать. Обязаны! Потому что люди ждут. Прошло уже пять дней. Вас назначали для того, чтобы вы делами занимались, а не прятались, когда вам захотелось. И про это Вы, Сергей Владимирович, не должны забывать никогда! Даже на толчке должны помнить об этом!

Ястржембский стоял, как вкопанный, и молча меня слушал. Я закончил, а он всё ещё беззвучно смотрел мне в глаза. Не знаю, о чём он думал. Может, представлял, как целится в меня из карабина с оптическим прицелом.

А все могло закончиться взаимными побоями, будь помощник президента немного безумнее. Спасла положение Свиблова. Она вцепилась в локоть Ястржембскому и поволокла его за собой. Видимо подумала, что перед ними псих. Все время оглядывалась, бросая на меня безумные взгляды, и что-то объясняла своему спутнику.

Я остыл и огляделся. Говорил я очень громко, и окружающие на меня смотрели с удивлением, с интересом, с опаской.

Подошёл Коля Якушев.

— Ты чё здесь стоишь? Чё это у тебя руки дрожат? — оператор критично меня оглядел.

— Устал я… Блин, когда этот урод, наконец, приедет?!

Скоро уже семь вечера, а Лужка всё нет.

Звонит «Секретариат» [4].

— Задание отменяется, — это Галя Шишкина.

— Что? Почему?

— Поругался опять? — игриво заговорила она. — Эх, Эльхан, Эльхан.

Откуда-то «Секретариат» почти всегда узнавал про мои приключения. Или же им отводилась роль вестника плохих новостей?

— Какое это имеет отношение?

— Да так. Просто… Тебе же с руководством говорить, — и вздохнула тяжело. — Уезжай.

— А Лужок?

Пауза. Вздох.

— Да не надо. Еще и с ним поссоримся.

Я шёл домой и спорил сам с собой.

«Да имеет политик право на личную жизнь! Имеет! Я же не спорю! На личную — имеет».

В тот же вечер, попозже, Юрий Лужков в программе «Лицом к городу» на ТВЦ сказал: «Нет смысла скрывать, что число жертв взрыва в метро может составить 50 человек». Но он тоже играл в какую-то свою игру и что-то себе выторговал. Потому что на этом всё и закончилось.

Даже сейчас окончательно неизвестно точное количество жертв — материалы уголовного дела засекречены. Полуофициально — то ли 41, то ли 42, то ли 43 погибших и более 250 получивших ранения. По обвинению в этом теракте — и во многочисленных других терактах и преступлениях — осудили в 2007 году членов «карачаевского джамаата». Их руководителем объявили небезызвестного виртуального Ачимеза Гочияева, на которого сваливали все крупные акции террора в стране после прихода Путина к власти в 99-ом до Беслана. Власти утверждают, что этот полулитературный персонаж прячется в Грузии.

Была ещё скандальная история весной того же года, когда московские власти вдруг отказались признавать этот взрыв в метро терактом, чтобы не платить компенсацию родственникам одной из погибших. Вот так.

А нам что? Нас терроризируют — а мы крепчаем. Среди жителей Москвы и других крупных городов страны укоренился психоз — многие до сих пор панически боятся ездить в метро из-за взрывов, особенно в первом вагоне поезда. А 14 марта 2004 года Владимира Путина избрали на второй президентский срок.

Нет, так правильнее — нас взрывают, а мы даже не крепчаем. Это теперь главное социально-политическое кредо россиян.

Начальство у меня по поводу этого инцидента с Ястржембским ничего не спрашивало, но я им повторил бы то же самое. Не сомневаюсь.

Source URL: http://ostankino2013.com/da-narat-mne-na-vash-poezd-lico-vlasti.html

Корпоративная этика без корпоративной солидарности, или Останкинские импотенты

1 июня 2004 года с НТВ выгнали Леонида Парфёнова, ведущего программы «Намедни».

Это был формальный конфликт. Из-за репортажа Елены Самойловой «Выйти замуж за Зелимхана», в котором ключевое место занимало эксклюзивное интервью с вдовой Зелимхана Яндарбиева[8] Маликой. Материал для сюжета был снят ещё в начале мая, но руководство НТВ попросило Парфёнова его не показывать, на что тот согласился. Однако 30 мая показал материал в воскресном эфире «Намеднейй» на азиатскую часть России[9]. После этого, днём у Парфенова был «тяжёлый разговор» с заместителем генерального директора НТВ по информационному вещанию Александром Герасимовым, который в письменном виде запретил давать материал в эфир на европейскую часть страны. Причина, как потом объяснял Парфенов, «распоряжение представителей российских спецслужб». Ведущий снова согласился, но на следующий день поделился документальным подтверждением цензуры на НТВ с газетой «Коммерсант», а ещё и прокомментировал — мол, всё же не согласен с мнением руководства телеканала. Получился скандал.

Нтвшное начальство назвало разглашение этой истории «нарушением корпоративной этики» и — наконец, найдя повод — избавилось от программы «Намедни» и его ведущего. Кстати, увольняли Парфёнова — процедурно — с соблюдением трудового законодательства: официально он оставался ещё два месяца сотрудником компании, то есть — как и требует законодательство — получалось, что его предупредили об увольнении за два месяца; выплатили компенсацию за неиспользованный отпуск, а также выходное пособие за два последующих после прекращения работы на НТВ месяца. Всё-таки звезда, а не паршивый редактор.

Конечно, Парфёнов и «Намедни» — это как курица, приносившая телеканалу золотые яйца. Это признавали и Герасимов, и гендиректор НТВ Николай Сенкевич — главные исполнители. Наверняка, понимали и заказчики — кремлёвские. Программа была имиджевой, высокорейтинговой. А рейтинг —

это деньги. Около двадцати миллионов долларов в год от рекламы. Закрывать такую программу, терять такие доходы — это, конечно же, абсурд для нормального владельца, для нормального Совета директоров. Ну, не станете же вы громить и выкидывать с балкона ваш единственный банкомат, если перед тем как выдать деньги он немного «ломается».

Но я здесь не об этом. Я о ещё более грустном.

Лично я узнал об этом далеко неэкономическом решении руководства телеканала и страны от Ани Шнайдер, ведущей утреннего выпуска программы «Сегодня» и будущей супруги Алексея Пивоварова, ведущего вечернего выпуска программы «Сегодня». Вернувшись со съёмки поздно ночью 1 июня, столкнулся с ней у входа в главный ньюс-рум. Вернее, я столкнулся с её глазами.

Никогда такого не видел: огромные глаза-трагедия, глаза, видевшие Армагеддон. Ужас! Аж застыл перед нею, раскрыв рот. На голове волосы пришли в движение.

— Ты знаешь — Лёню уволили.

— Что?

— Не знаю, что делать? Не знаю, как вести выпуск? — она нервно царапала и ломала руки. — Что же теперь делать-то, а? Что же теперь будет, а?

И потекли слёзы. Крупные, тяжёлые капли. Она не замечала этого.

— У тебя же скоро эфир, Ань… — попытался её успокоить.

— Да какой теперь эфир?! Мне не до эфира сейчас. Руки опускаются.

И поплелась дальше. Опустив голову, сгорбившись, еле волоча ноги. Убитое горем приведение.

И здесь нет ничего смешного. Вообще, похожее состояние было у большинства. У многих, с кем в те дни разговаривал, было ощущение смерти близкого человека. Такая тоска, пустота внутри, в душе, от которой тяжело дышать. И дело было абсолютно не в Парфёнове, ведь. Это не «Лёню уволили». Не «Намедни» закрыли. Это всех журналистов «уволили» и «закрыли». Этой историей сломали всех на НТВ. Если уж *ему* рёбра переломали, то, что же могут сделать с остальными…

Вот ограбили вас. Или нанесли оскорбления, увечья. Что делаете? Идёте в милицию. Если милиции нет — ну, нет её и всё! — собираете друзей (или родственников) и начинаете мстить. Правильно?

Ну, ладно — другой пример. Не дай Всевышний, тяжело заболел близкий человек. Вы же не просто ходите рядом и причитаете, а действуете — «Скорая», больница, лекарства. Если

врачи плохо работают, подгоняете их пинками. Если врачи сделали свою работу плохо… Собираете друзей (или родственников) и начинаете мстить. Правильно?

Или у меня не лады с оценкой окружающей действительности? Ну, пусть так…

Потом многие назвали увольнение Парфёнова главным телевизионным событием года, «самым ярким примером удушения свободы слова в нашей стране». Все возмущались. Шуму было много. Вот чего-чего, а шум был большой. И что? Возмущались-то возмущались. А делать что-то никто не собирался.

Конечно, репортаж о Малике Яндарбиевой — это был повод, чтобы уволить Парфенова. Но это был и повод, чтобы поставить Кремль на место. Вот так! Ни много, ни мало.

Известно, что сам Леонид всегда был противником каких-то массовых акций, протестов… Но это был не тот случай. Говорят, что даже жена Парфенова, Елена Чекалова — во многом благодаря её способностям он и состоялся как журналист, раскрылся как теле-талант — недоумевала: «Где же эти хвалёные «парфёныши»? Куда они попрятались?»

Так рассказывали. А вот, что я слышал и видел сам.

Пару дней вся редакция — от водительского отдела до «корреспондентской» — гудела. В совместных «перекурах» выкурено было в разы больше сигарет, чем обычно, и с глазу на глаз выпито было больше кофе и «покрепче». В основном, разговоры — полушёпотом. Все утренние газеты были разобраны, целлофановые упаковки, в которых в каждый отдел поступает пресса, валялись выпотрошенные на полу по комнатам. А обычно большую часть газет никто не читает, под утро уборщицы эти невскрытые пакеты уносят пачками.

Как-то незаметно распространялись слухи, один краше другого. От пессимистичных — скоро уволят и Миткову, закроют «Страну и мир»[10], возможно и остальные «новости», а телеканал превратят в аналог СТС. До новогодне-сказочных: Сенкевич и Герасимов перегнули палку, в Кремле об этом не знали и Парфёнова скоро восстановят — возможно, об этом объявит лично Путин В.В. — Сенкевича с Герасимовым уволят, «Лёня станет во главе телеканала и наконец-то избавит нас от Митковой». Этот последний фрейдистский слух-настроение сублимировался к концу следующего рабочего дня, что можно объяснить количеством выпитого и предметом выкуренного некоторыми сотрудниками НТВ.

Мы с Олегом Пташкиным, моим коллегой и другом, сидели днём в «корреспондентской». Пить нам было не на что, курить

тогда можно было и на рабочем месте. Олег с боем отобрал у кого-то целую кипу газет, и теперь, расположившись рядом со мной, слушал, как я вслух читаю заголовки. В комнате был только Дима Сошин — готовился за своим столом к съёмке и что-то искал в Интернете.

— «Ведомости»: «Лишний кадр. Телезрителей НТВ избавили от Леонида Парфёнова». «Время новостей»: «Закадровая политика». Хм, похожие заголовки. Таак. «Ведущий «Намедни» ни о чём не жалеет!», это «Комсомолка». Ну, они хвалят Парфёнова, но главное — корпоративная этика: «Если ему разонравилась политика телеканала, он мог бы просто уйти. Не ушёл — изволь соблюдать правила игры». Ну, понятно — официозный таблоид… О, ты смотри — Познер в комментариях «Известиям» запрет Герасимова оправдывает: «…это так называемые редакторские ножницы… это никогда не называлось цензурой», так ещё: ну, в общем, что Герасимов не хотел лишнего вреда тем парням в Катаре. Закрутил здесь Владимир Владимирович: если так — то цензура, если не так — то не цензура. Мол, о тех ребятах в Катаре надо тоже не забывать. А то им головы могут там отрубить. Не понял — причём тут репортаж в «Намеднях»? Для российской аудитории?

— Всё с Познером понятно! Он-то хорошо знает, когда надо между струйками.

— Вот — Коммерс[11]. Арине Бородиной (обозреватель газеты — Э.М.) удалось вчера взять интервью у Сенкевича… Так. Он не отрицает, что указание запретить сюжет с Яндарбиевой от Громова[12] исходило… Так. Этих катарских взрывателей называет «два *наших* парня». Наших? Хм. Жалуется на Парфёнова — мол, достал уже. А вот ещё. Намекает на закрытие «Страны и мир»: «новый и противоречивый формат», «программа в первую очередь ориентирована на крупный мегаполис, Москву», «…всей России… у нее есть проблемы как у новостной программы». И т. д. Молодец!

— Кто?

— Бородина. Кто же ещё? Да и Сенкевич прав! С зайками так и надо!.. Димка, мы тебе не мешаем?

— Нет, нет, я тоже слушаю, — отозвался Сошин.

— Послушай, Олег. Что Бородина в статье пишет: «На девятом этаже «Останкина» сразу бросилось в глаза, что таблички на дверях трёх комнат, в которых располагается «Намедни», перевернуты вверх ногами — видимо, в знак протеста». Протеста, понимаешь?!

Тут мы с Олегом вместе громко посмеялись. Сошин не смеялся и сосредоточенно рассматривал свои ноги.

— «Ведомости»… «Теперь иллюзий не осталось». Тэээк… Остальные газеты — что у них? «Независимый журналист», «увольнение профессионала высокого класса», «пощечина российской журналистике», «свобода слова». Дааа. Одним словом погас светоч свободы слова.

— Даа, погас, погас. При коллективном молчании, — продолжал веселиться коллега.

— Почему же. Венедиктов[13] вчера «Интерфаксу» сообщил, что наверняка часть журналистов покинет НТВ в знак протеста. Мол, борьба за свободу слова… Правда, я что-то тут такого не заметил.

— Ооо, да! — расхохотался Олег. — Они встанут и уйдут! Как же!

— Слушай, говорят приказ об увольнении Осокина и всей его бригады уже подписан… — я оторвался от чтения и поддался коллективной панике.

— Ага. «Скажите, а поггомы[14] будут?» — передразнил кого-то Олег. — Сейчас чего хочешь можно ожидать. Смотри — все бунтуют только шёпотом. Одна Савина[15] ничего не испугалась…

Коллега напомнил старый анекдот про двух евреев, которых ведут на расстрел — один из них предлагает напасть на конвой, захватить оружие и бежать, но другой одёргивает собрата: «Да ты что? Не надо. Ещё хуже будет».

Вдруг Сошин встал — даже вскочил — взял свой рюкзак и направился к выходу. Но почти у дверей развернулся и подошёл к нам.

— Хорошо Парфёнову…

— То есть? В каком смысле? — не поняли мы с Олегом одновременно.

— А мне семью кормить надо, — продолжил Дима свой диалог с самим собой. — Это Парфёнов может быть независимым и свободным. И — как там было? — «критерием состояния свободы слова в России», — на память процитировал он отрывок из газет. — А обо мне он подумал?! Подумал о нас?!

И, закинув рюкзак за спину, зашагал прочь.

Дима Сошин — очень хороший парень и один из самых профессиональных тележурналистов. Он обладает редким качеством в работе с текстом — из обычного репортажа может незаметно сделать очерк. У него образность без пафоса, без «той самой духовности», но с душой. И это интересно читать и смотреть.

О том, что он один из поклонников Парфёнова-журналиста, Дима мог даже не говорить. Это было видно по тому, как он того слушал…

В коридоре на восьмом этаже у эфирной студии столкнулся с Сергеем Евдокимовым, одним из экс-продюсеров программы «Намедни». Не помню, почему у нас началась беседа, потому что обычно мы с ним этого не делали.

Евдокимов считался не только «человеком Лёни» — что естественно, потому что другие у того в команде не задерживались — но и одним из *«мыслителей творческого процесса программы «Намедни» и парфёновского стиля»*. Вроде серого кардинала, что ли.

Как всегда, у этого «гиганта мысли» был вид человека, утомлённого капризными думами: о судьбе Родины, о роли современного телевидения в судьбе Родины, и о собственной роли — месте-должности — и в том, и в другом явлении, но, конечно же, не в ущерб замыслам о качественном питании в обеденное время. Не хочу его обижать, но почему-то у меня была следующая ассоциация по его душу — гайдаевский Шурик, нашедший очень доходное и сытное место в «Стабильные 2000-ые». Устраивающее его сытное место.

— Не вышло у тебя поработать на Лёню…, - сказал Евдокимов и поправил очки.

Именно в такой формулировке. И ещё — я не смог определить, намеренно сказал он это со злорадством, или у него так получилось.

Помимо своей основной работы для «новостей», я сотрудничал и с программой «Намедни» в качестве полевого продюсера. А в начале мая Парфёнов предложил поработать в рубрике «Журналист меняет профессию» в качестве одного из авторов. Не получилось.

— Я на себя работаю, — высказал я ошибочную мысль.

— Мы тоже так думали о своей программе, — Евдокимов изобразил раненного, но не сломленного солдата. — Вот видишь — как *они* всё провернули…

И коллега стал возмущаться «главным телевизионным событием года». Я немного послушал.

— И что дальше? Что вы собираетесь делать?

— Надо думать, куда бы пристроиться, — озабоченно сказал Евдокимов и стал почему-то нервно озираться по сторонам.

— Пристроиться?

— Ну, да. Куда податься на канале.

— Я не об этом. Вы, вообще, что-то готовите? — подмигнул я бойцу. — Протесты будут? «Погромы будут?»

Боец фыркнул, обнаружив перед собой сумасшедшего, иронично и высокомерно улыбнулся и, скривив рот, затряс головой нервной дрожью. Как это делает Татьяна Толстая.

— Ничего не будет!

— Почему? — не отставал сумасшедший.

— Один раз уже протестовали. И что?!

Он имел в виду историю с развалом НТВ — протестными акциями части редакционного коллектива в апреле 2001-м года из-за силовой смены собственника и руководства телеканала.

— И что?! — не понял я.

— У меня же кредиты, — в рассеянности Сергей обнаружил одну из своих главных мыслей.

«Тоже мне добровольная жертва эпохи потребления. Хотя… Откровенно. Мог же сказать, мол, семью кормить нечем, понимаешь?»

— И вообще, — вдруг пришёл в себя «мыслитель». — Это политика. А журналист не должен в неё вмешиваться.

«Так всё же — политика или кредиты?»

— К тому же… *он* же сам виноват. Парфенов знал — на что идет? Сам виноват!

«О! Крысы побежали».

— А ты за Парфёнова будешь протестовать или за себя? — прервал я евдокимовский монолог вслух.

— Я протестовать вообще не буду! — повторил Евдокимов для тупых. — Сказал уже!

Потом резко отвернулся и ушёл.

«— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо… Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!»

Какие слова, а! Мурашки по телу от таких слов.

Ну, один раз не получилось — и что? Они как хотят — пошевелил вяло пальчиком — и тут тебе всё и сразу? Если вы пошли за хлебом в булочную, а там его не оказалось, вы возвращаетесь с этой печальной новостью к супруге и деткам или идёте искать дальше, в следующий магазин? «Свободу не дают, её берут», — написал на своём самодельном плакате правозащитник из Новороссийска Вадим Карастелёв во время одиночного пикета — против комендантского часа для детей. «Добрым словом и пистолетом можно добиться большего, чем только добрым словом», — чуть раньше предупреждал американский пассионарий и гангстер Аль Капоне. Человек своё дело знал.

Спустя недели две Парфёнов устроил прощальный банкет в ресторане «Китайский квартал» на Проспекте Мира. Пришло человек 60–70 — те, кого позвал Лёня. Проводы получились дорогими — минимум на то самое его выходное пособие от НТВ. И весёлыми.

Вначале все сидели за общим столом, а потом разбились на

маленькие кучки по интересам. Расстроенных лиц здесь не было. Наоборот, народ смеялся, шутил, некоторые даже целовались взасос при всех — под конец пьянки — в том числе, однополыми поцелуями. Была и критика. Больше всего досталось «придуркам из Кремля», «лапотной стране с тупым быдлом вместо граждан», «подонкам Герасимову и Сенкевичу», а захмелевший Николай Картозия, бывший шеф-редактор «Намедней», ходил от одной группки к другой и предлагал переименовать «вшивую программу» «Личный вклад»[16] в «Личный склад». Несколько раз даже вспоминали покойного Сенкевича-старшего[17]. Жёстко и некорректно. Даже нецензурно.

Сам Парфёнов выглядел даже довольным — да нет! очень довольным! — расставанием с НТВ — вот с этими присутствующими там конкретными людьми — он был не очень опечален. А особенно, тем, как это (расставание с НТВ) произошло. Роль *стильного бойца* с режимом ему явно понравилась. Даа, по нему видно — от переживаний, от «мук душевных» человек спит в носках. Умышленно. Сознательно. Для самоистязания.

Человек получил удовлетворение — удовлетворился…

Это была просто тусовка. Которая обычно начинается после повода-презентации нового глянцевого журнала. Или в доме приёмов иностранных посольств по случаю Дня независимости. Выпили, поболтали, разошлись — проводили.

Ближе к полуночи самые стойкие — человек десять-пятнадцать — направились во главе с Лёней в ближайший караоке-клуб. Спели несколько песен, выпили шампанского, случайно разбив одну бутылку, и стали расходиться по домам. Вот тут экс-корреспондент «Намедней» Вадим Такменёв всем помешал.

— А эту песню я посвящаю Лёне, — крикнул он и схватил микрофон.

Все снова расселись за столики. Объект посвящения остался стоять — и внимательно слушал слова, двигая в такт бедром.

Я далёкий от такого способа развлечения — когда под текст на экране приходится открывать-закрывать рот и издавать голосом звуки — да и в музыке совершенно не разбираюсь, но содержание исполняемого произведения запомнил: значит, о чувстве, о влечении, о страсти, о нежности… Как я понял, в первоисточнике (оригинале) парень обращается к девушке. Там был припев, начинающийся со слов «Я люблю тебя за всё» — или что-то подобное — и коллега, отступив от стандарта, спел его четыре раза. Опять же, у меня нет слуха, и о качестве исполнения Вадимом словесно-музыкального признания судить не могу, но

то, что он старался — было видно.

— Очень многозначительное заявление. Я бы даже сказал — песня с подтекстом, — прокомментировал Парфёнов припев.

Что он имел в виду, я не понял, но оставшиеся девушки дружно прыснули со смеха. По Лёне было видно, что ему понравилось. И песня, и подтекст…

Через час сидим с ещё одним экс-намедневским кором Ильёй Зиминым у Вадима дома на кухне — решили продолжить на троих.

— Ну что — теперь и Парфёнов стал диссидентом?! — вдруг засмеялся Илья.

— Надеюсь, при Эльхане мы можем говорить откровенно? — Вадим благоразумно засомневался.

Зря он это спросил. Ой, зря. Я был несколько нетрезв — в тот вечер пил много и разное — но после этого вопроса резко отрезвел. Не стоит при мне такое говорить.

— Уверен, что да, — ошибался Зимин.

И тут пошло и поехало. Сокращаю и перевожу.

— Лёня сам виноват! — нецензурно ругался Такменёв. — Намеренно шёл на конфликт, провоцировал. Что он — ребёнок?! Не понимал, к чему приведут его личные амбиции?! Какой из него борец за свободу слова?!

— Когда ему было выгодно — против решений Кремля он не сильно выпендривался, — махнул рукой Илья. — Что же он во время «развала» с руководством страны согласился? Принял их правила игры — наобещали, зацеловали, купили. А теперь он — не согласен!

Коллега имел в виду действия Парфёнова во время т. н. «развала НТВ»[18].

— Надо было бороться, а не возмущаться! — закончил Зимин в переводе на русский.

— А вы это ему в лицо говорили, мужики? — поддел я их.

Переглянулись. Сникли.

— А что ему говорить?! Всё! Забыли про это. Давайте пить. Разливай, Вадим.

— Это одни разговоры. Вы понимаете…

— Мы всё понимаем! Свободы слова нет. Да! Но мы-то что можем поделать, Эльхан?

— Мы можем выпить, — пригласил Илья. — Давайте пить.

Всё лето и осень бывшая команда Парфёнова находилась в подвешенном состоянии на НТВ. Почти через месяц после его увольнения — 5 июля — Николая Сенкевича поменяли на нового гендиректора Владимира Кулистикова, чтобы он сделал «совершенно новый канал, который востребован». Кул активно

взялся за работу и многого добился: НТВ стало востребовано, но совершенно у другой аудитории — малограмотной, у жителей промзон и депрессивных спальных районов больших городов, главных «поставщиков» бытовых преступлений в криминальные сводки и ещё у особого подвида россиян — водителей автомобиля «Волга». В эфире телеканала появилось самое грязное, что можно найти в человеческой жизни — трэш, мусор. То, из-за чего телеканал в народе прозвали «Франкенштейн-ТВ».

Перед моим подъездом раньше часто собирались ребята из «неблагополучных семей». Увидев меня, каждый раз говорили, что НТВ их любимый телеканал.

— У вас такие интересные программы — «Максимум», «Сук@любовь!», «Русские сенсации», а по выходным «Чистосердечное признание», — перечисляли они, передавая друг другу бутылку водку и «закусывая» её дешёвым пивом.

Вот они и смотрят все эти криминальные сериалы на НТВ. Вот эта аудитория и спасла большую часть бывших «парфёнышей», которые сменили девиз «Новости — наша профессия» на «Скандалы, интриги, расследования».

Даже беспринципный Кулистиков не сразу поверил в готовность этих ребят работать для аудитории шариковых также активно — вопросов нет, и профессионально — как раньше они работали для аудитории Преображенских и Борменталей. А как же? Разрешение на предательство тоже надо заслужить.

— Кул сегодня меня снова не принял, — сказал расстроенный Николай Картозия. — Вот урод!

Картоз, как мы его называли, раньше был шеф-редактором программы «Намедни», где он — по его словам — «строил всех, как Иосиф Виссарионович», а теперь стал своеобразным дуайеном оставшейся бесхозно-бесхозяйной «команды Парфёнова». Раньше по его виду можно было сказать, что он человек успешный, жизнерадостный, уверенный в будущем человек — свысока разглядывал останкинский планктон, иногда демонстративно не здоровался с Герасимовым и Митковой. А теперь ходил по нтвшным этажам Стакана потерянный, сломавшийся, вдруг стал помятый какой-то, ссутулившийся. Вот это и есть *драма*. Потому что Коля Картозия — парень даровитый. Хотя и с заметным комплексом неполноценности «правильного мальчика из хорошей, интеллигентной семьи».

Многие коллеги на НТВ боялись теперь даже находиться рядом с Картозом. Особенно сотрудники программы «Сегодня». Мы с ним часто беседовали тем летом и осенью в курилке, и я не раз видел, как митковские, здороваясь со мной, игнорировали Колю.

— Мы вот придумали новую программу итоговую — про скандалы, про шоу-бизнес, трэш всякий. А он меня динамит, — шмыгал носом бывший Иосиф Виссарионович программы «Намедни», прижимая подмышкой небольшую папку, в которой лежал концепт программы «Максимум» и другой подобный желтый, бульварный мусор.

— Слушай, Николо, зачем тебе это нужно?

— Я просто хочу работать. Для телевидения. Вот раньше я чувствовал, что кому-то нужен на телеканале. Что наши способности нужны НТВ. А сейчас… сейчас я этого не чувствую. Понимаешь, мне раньше деньги предлагали сумасшедшие в одной компании — лишь бы я туда ушёл работать.

— Телекомпании?

— Да нет. Финансовой. А теперь я нигде не востребован. Вот — Кул динамит, ноги о нас вытирает. А ведь такой проект! Неужели наши мозги никому здесь не нужны?

— И что? Ты станешь делать вот такой трэш и грязь, которую хочет Кул?

— А что? Сейчас времена такие. Люди этого хотят. Кровь, секс и деньги — вот что им нужно. И я должен делать такой продукт.

— Николо — ты умный парень, талантливый. А значит — свободный человек. Ты же можешь жить для самого себя. Если надо — даже уехать куда-нибудь далеко от всех. Создать семью себе. А останешься сейчас здесь — загубишь свой талант на пустые вещи. Оставайся самим собой. Сейчас ведь не 37-й год. Никто никого не заставляет. Тебя же никто не заставляет?

— Ты что, Эльхан? А мне это нравится!

— А нельзя делать нормальное телевидение — честное, ответственное? Доброе что ли?

— «Культуру» что ли? Такое телевидение уже никому не нужно. О нём могут мечтать какие-нибудь московские телекритикессы — вроде Анны Качкаевой или Ирины Петровской. Да что они понимают в телевидении?! Это неправильное телевидение! Кто его будет смотреть?..

В конце концов, дали Коле делать то, что ему нравится. Даже стал в июле 2006 года руководителем Дирекции праймового вещания НТВ, в которой нашли приют большинство «парфёнышей» и которая в дуэте с Дирекцией общественно-правового вещания производит всю грязь энтэвэшного эфира. Сколько раз ребята Картоза меня к себе переманивали, но, слава Богу, я их не послушал.

Если раньше называть НТВ (как и у других коллег называть свою телекомпанию) просто «каналом» считалось дурным тоном

— всё-таки телеканал — то теперь слово «канал» — это самое точное определение! От слова «канализация».

Кстати, получив свою Дирекцию, Картозия снова стал недоступный, высокомерный. Довольный самим собой. Говорят, теперь сам не всегда здоровается с нижестоящими коллегами. А ещё — мол, ему вдруг стало нравиться, чтобы его называли не Картоз, даже не Коля, а Николай Борисович. Так говорят.

Конечно, они ребята талантливые, *начитанные*. Умные — в день по пять-шесть глянцевых журнала проглатывают. Но горьковский уж тоже был умный, а пискарь у Салтыкова был вообще премудрый.

Они всё понимают, но трусят. Страшно? Да? Мужики, всем страшно. Всем. Всегда страшно. «Ничтожна та нация, у которой нет людей, готовых за неё погибнуть!» — говорил турецкий революционер Кемал Гюней в XIX веке. Это утверждение распространяется и на идеи.

Трусость и страх в профессии. Где же бойцы? Ау! Путинская эпоха — это век серости, мелких мещан. Героев, характеров убили вещи, вещизм заменил героизм. Художники стали филистерами. У них, видите ли, кредиты. Где современный Борис Шамаев? Где новый Радищев? Где настоящие характеры? Ни великих грехов, ни великой добродетели. Ни горячими, ни холодными стать не смогли. Все тёплые, нет, даже лишь слегка тёпленькие. Их души — бракованные пуговицы — переплавят, перельют в новую *форму*, ничего от них не останется. Поверьте.

К чему внутренний потенциал, если ты его пропиваешь и трусишь выйти вперед. Если тратишь на жизнь, не наполненную смыслом.

И дело не в том, что я такой уж смелый. Но мы же все пели Виктора Цоя — о том, что «каждой собаке палку и кость», а «каждому волку зубы и злость». Волка будут уважать за его зубы, за его характер, а собаку… Ну, как к собаке и будут относиться. Лично я такого статуса не хочу.

Когда 18 марта 2009 года мы с Олегом Пташкиным устроили свою акцию протеста, некоторые коллеги нас поддержали. В основном, пассивно. Но было много тех, кто злорадствовал. Тот самый экс-продюсер программы «Намедни» Сергей Евдокимов, сидя у компьютера, выложил в своём блоге такой результат мыслительного процесса: «Я бы все происходящее снимал на камеру. А потом, если не посадят, сделал бы из снятого материала фильм, послал бы его на международный фестиваль и получил бы кучу престижных премий». Уточнив потом, что в виде премии «согласен дать дарвиновскую»[19].

Да, смешно. Честно — смешно. Честно! Правда, в лицо такое

эти изнеженные мужчины не скажут. Вы, парни, тайфун креатива и смелой журналистики. Только ваш тайфун дует не там, где надо. Вот никак не могу найти видео акции протеста команды программы «Намедни». Может, я что-то пропустил? Да и смелые вы лишь с априори слабыми — ну, с рядовым россиянином, априори для вас лузером. С теми, кто вам завтра по башке не даст. А не с властью и не с приближённой к власти «богемой». Говорить они мастера, а делают что? Делают «Чету Пиночетов». Им оставили лишь драку за крошки у барского стола, им Кремль в лицо плюёт, а они с радостными криками соревнуются друг с дружкой в придумывании красивых заголовков и речевых оборотов по поводу этого плевка. Главное — весело покувыркаться словами. Потом расхаживают по Стакану *гоголем*, а по ночам, в откровении одиночества, с головой укрывшись одеялом, выковыривают грязь между пальцами ног и рыдают от осознания собственной гениальности. И строят планы мести окружающему миру.

Сейчас эти субтильные парни, нежные только друг к другу, напившись дорогого виски — «водка для быдла!» — в «Максе», гордо вспоминают то время, когда они, по словам Николая Картозия, «делали «Намедни» и нагинали власть». Иногда подобное, увлекшись количеством напитка, говорят слишком громко, но сразу же в страхе друг дружку одёргивают, пугливо озираются, с опаской заглядывают в глаза собутыльникам. Я видел и слышал сам. А иногда, разоткровенничавшись, пишут в блогах похожую крамолу, а потом, в панике быстро её удаляют. Даже этого они боятся.

Эти «парфёныши» — дети инфотеймента[20], бросившиеся в ***шок***тейнмент, они результат инфотейментизации профессии и аудитории. Ведь что такое инфотеймент? Это простые решения, усталость от ума, от умственного труда. Конечно, чтобы делать хороший инфотеймент нужен и умственный, и физический журналистский труд автора. Но объект инфотеймента — это усталый, аморфный зритель, который хочет лёгкости и развлечения и не собирается поднимать пятую точку с дивана. Трусливый и безынициативный. Обыватель — именно! Бракованная пуговица — пуговка. Пластмассовая бижутерия! Через некоторое время для него тоже становится важно «***как*** показывают», а не «***что*** показывают» ему по «ящику». Когда обёртка становится существеннее начинки, когда забавный репортаж о забеге поросят становится и интереснее, и важнее, чем предвыборная кампания политиков, а ведь последним решать важные задачи, в отличие от поросят.

Век инфотеймента — попутчик гражданского,

цивилизационного застоя и предшествует общественно-экономическим катаклизмам, кризисам, войнам, репрессивной настоящей диктатуре. Если о самых серьезных вещах рассказывать несерьезно, ну тогда и собственное увольнение, и убийство в подъезде как нечто несерьёзное воспримут.

Вот Парфёнов и стал жертвой той системы ценностей, которую сам активно пропагандировал, восхвалял — красивую жизнь, систему вещизма, потребления и другие очарования «буржуазно-капиталистического рая». Пропагандировал и красиво в неё вписывался. Хотя и сейчас ему грех жаловаться. Нашёл себе, наконец, уютное местечко — сидит в жюри программы «Минута славы». Этом аналоге «Школы злословия» на Первом канале. Кормит страну пищей из теле-Макдональдса; участвует в её приготовлении — не церемонится, не брезгует. Не знаю, может у них такой *формат*, но от поведения этого богато разодетого в бутиках жюри в нос бьёт запах советской мастики, сытных сосисок из номенклатурных буфетов и вонь коллективной шкурно-аппаратной травли на худсоветах. Зато там «тепло и сыро». «СЧАСТЬЕ ЕСТЬ!» Если знать — когда, с кем и что… И за что…

Но я так и не понял — художник может быть придворным шутом?

Source URL: http://ostankino2013.com/korporativnaja-jetika-bez-korporativnoj-solidarnosti-ili-ostankinskie-impotenty.html

Блатные. Теракт на «Рижской»

Единственный теракт, который я видел своими глазами — произошёл в Москве, у станции метро «Рижская». В зоне боевых действий главное — привычка. Со временем человек привыкает — всегда готов к крови, смерти, даже когда расслабляешься, отдыхаешь… А тут — в большом городе. Когда этого даже не ждёшь. Да к тому же у «подземки». Не понимаю! И так люди страдают в московском метро, в этих сотнях километрах тоннелей бардака, безответственности и идеологии советского бюрократизма, а тут ещё их взрывают! Разве можно воевать с мирным населением, не важно — в Москве, Томске, Аргуне или Беслане? Или в Будённовске?

У меня в памяти есть видеоряд, как называют у нас в профессии «картинка» — эпизоды, которыми мне эта трагедия запомнилась.

Всё лето 2004 года на НТВ ждали терактов в Москве. Информацией с руководством «поделились» спецслужбы. По ночам на телеканале дежурили полноценные съёмочные группы от информационной программы «Сегодня», а не как обычно — оператор без корреспондента. Днём в центре города в гостинице «Россия», где находилась наша студия для прямых включений, сидели наготове две операторские мобильные группы.

И вот 24 августа на автобусной остановке на Каширском шоссе произошёл взрыв, в котором четыре человека были ранены. А через несколько часов в результате теракта разбились два пассажирских авиалайнера, вылетевшие из Москвы: Ту-134 в Тульской области (44 погибших) и ТУ-154 в Ростовской области (46 погибших). Спецслужбы утверждали, что несколько дней назад в столицу приехали четыре смертницы. Взрыв на Каширке совершила Марьям Табурова, в Ту-134 — Амнат (Амант по паспорту) Нагаева, а в ТУ-154 — Сацита Джебирханова. Оставалась четвертая — родная сестра Амнат Нагаевой, смертница с красивым, очаровательным именем Роза.

Почему-то я всегда думал, что этот теракт произошёл в пятницу, хотя 31 августа 2004 года — это вторник. Наверное, потому, что в тот день мы были не совсем трезвые. А пить «на работе» было принято лишь по пятницам. В половине пятого вечера наша группа — я, оператор Руслан Нагоев, звукооператор Серёжа Конаков — снимали в Думе интервью с Геннадием Зюгановым о «реформе» избирательной системы в стране, которую затеял ЦИК[21]. Кремль был занят «укреплением вертикали власти» — превращал парламент страны в абсолютно

управляемый серый бюрократический орган. Многие эксперты и политики утверждали, что Путину сложно будет продавить это т. н. «совершенствование избирательной системы». Зюганов тогда в интервью, помимо прочего, нам сказал, что левые готовы протестовать самым активным способом и объединятся в своих действиях со всеми несогласными с кремлёвским сюрпризом — хоть с жириновцами, хоть с правыми, хоть с либералами и даже с недумскими партиями и организациями. Лидер КПРФ утверждал, что дело даже не в самой идее «реформы» механизма формирования нижней палаты парламента, а в том, что «в стране беззакония никакая система не будет работать на благо». И это было точное замечание.

Кстати, против новой избирательной реформы (особенно отмены одномандатных округов) выступали даже члены пропутинской «Единой России» — те из них, которые прошли в Думу как одномандатники, даже делали это открыто и публично. Да, всего лишь выступали. В любом случае, эти кремлёвские инициативы ждало нешуточное сопротивление. Если бы не эти теракты конца августа и начала сентября…

Так вот. Съёмка с лидером КПРФ была не «под эфир» — интервью планировалось показать на следующий день и в воскресной итоговой программе «Сегодня», в серии материалов о сулившей иметь громкий политический «аккомпанемент» новой инициативе главы ЦИК и его кремлёвских хозяев. Потому в Останкино мы не торопились — заехали в чебуречную на Моросейке, где ещё и выпили по бокалу пива каждый. Уже там оператор Нагоев стал «убивать» аккумулятор, держа камеру во включенном состоянии. Это такая операторская хитрость — если вдруг из Останкино перенаправят на другую съёмку, найти причину не ехать — мол, сел аккумулятор. Не все операторы так относятся к работе. Ну, а с остальными — что ж поделаешь? Не доносить же на них руководству. Зато ясно, на какого оператора в сложной ситуации можно положиться, а на кого — нельзя.

Из-за задержки в чебуречной попали в серьезную пробку на проспекте Мира по пути в Останкино. Я и так несколько дней не досыпал, и глаза у меня слипались. Было тепло, вся наша съемочная группа задремала. Исключая, конечно же, нашего водителя Сережу Мельгунова, очень хорошего парня и профессионала своего дела. Он на НТВ только недавно устроился, но во время того теракта повёл себя так, словно давно работал в профессии — ведь от водителя тоже зависит результат труда съёмочной группы, а значит — и телекомпании.

Очнулся я от небольшого хлопка. С трудом приоткрыл глаза и увидел, что наша машина всё ещё стоит в пробке прямо под

Рижской эстакадой. Было 20:00 с хвостиком.

— Что это было, Сергей? — я полусонным взглядом посмотрел на нашего водителя. — Мне показалось или это наяву?

— Там хлопнуло, — он озабоченно вглядывался в сторону между входом на станцию «Рижская» и универмагом «Крестовский».

— Да покрышка, наверное, — послышался сзади вялый голос Серёжи Конакова. — Продолжаем спать.

Людей было много, как ни в чем не бывало, они стояли вдоль дороги или шли по тротуару. Только я хотел снова прикрыть глаза, и тут раздался ещё один хлопок. И повалил дым. Впереди, справа — у универмага. Выскочил из машины, и увидел бегущую прямо через проспект Мира, между машинами, в сторону Рижского вокзала девушку. Лицо у нее было залито кровью.

— Давай туда, это теракт, наверное, — крикнул водителю, оказавшись снова на пассажирском сидении, и стал набирать телефон редакции.

Вот водитель — ни растерянности, ни суеты, ни лишних вопросов. Два колеса — на обочине, два — на тротуаре. Подрезая других, лавируя между автомобилями и людьми, не жалея машины. Сто метров до угла «Крестовского» мы пролетели за секунды.

— Это перед рынком, — кричал сзади Конаков с отчаянием, и я вздрогнул от его голоса.

Он вопил, с надрывом. А в таких ситуациях терять контроль над собой нельзя.

— Там рынок. Это опять *они*! Как же *они* достали! Как же *они* достали! — не мог остановиться Серёжа.

Как стали сразу же утверждать силовики, этот теракт совершила та самая смертница с красивым именем Роза Нагаева. Она направлялась в метро, но, увидев милиционера перед входом в вестибюль, испугалась и развернулась. Потому взрыв произошёл снаружи. Этого правоохранителя, старшего сержанта 7-го отдела по охране столичного метрополитена зовут Алексей Егоров, прозвище — «Джин-тоник». Я его не видел, но говорят, у него лицо довольно пугающее, *многоопытно-натренированное*, и прозвище он получил из-за пристрастия к алкоголю. Некоторые его коллеги утверждают, что сержант направлялся в универсам «Крестовский» за очередной вечерней порцией. В любом случае, парень предотвратил теракт в самом метро, что задумывалось террористами — это привело бы к большим жертвам. Значит, герой. Егорова потом ещё наградили медалью «За отличие в охране общественного порядка», а на доске почёта в 7 отделе милиции УВД на Московском метрополитене под его

фотографией так и было написано: «Своим видом отпугнул террористку-смертницу» — и эта двусмысленная формулировка обычно веселила проходивших мимо коллег «Джин-тоника»…

Взрыв был мощный — около двух килограммов тротила. Ещё болты, гвозди. От смертницы остались только фрагменты тела, раскиданные взрывом на десятки метров. Голову Розы нашли на козырьке вестибюля станции «Рижская».

Но в тот момент, когда мы выскочили из машины — Руслан с камерой, Конаков со штативом, а я с микрофоном и блокнотом — я видел только две горящие машины и разбросанные тела — мёртвые, раненые, фрагменты тел, размётанный мусор, осколки стекла, куски железа. На пространстве между входом в вестибюль, универмагом «Крестовским» и проезжей частью проспекта Мира я насчитал восемь тел.

На газоне рядом с метро ногами в сторону входа на станцию неподвижно лежала девушка. Над ней на коленях стоял похожий на Дмитрия Гаева[22] грузный мужчина в голубой рубашке сотрудника метрополитена — такие носят машинисты — и делал ей массаж сердца. Вернее уже заканчивал делать ей массаж. У девушки была разорвана блузка, и у меня в памяти отпечаталась эта картина — эти ее груди, красивые, белые, пышные, колыхались равномерно, словно живые.

Нагоев снимал другой план в этот момент, а я не мог отвести взгляд от тела этой девушки. Человек в голубой рубашке встал с колен, ещё раз посмотрел на неё и в сердцах махнул рукой. Тут он увидел нас — мы стояли метрах в пяти, наверное.

— Аааа, журналюги, понабежали сюда, трупоеды! — крикнул он.

Наши взгляды пересеклись, посмотрели в глаза друг другу какое-то мгновение. У меня вообще никаких эмоций не было по поводу его слов. Вдруг он отвёл взгляд и кинулся дальше.

Снова посмотрел вниз на эту девушку. Она лежала, неестественно раскинув руки в стороны. На теле не заметил ранений — близко к ней не стал подходить. Я видел и раньше трупы и смерть наблюдал. Два раза это было очень неожиданно, неестественно, глупо, что ли. Вот и эта смерть была абсурдной, нелепой и несправедливой. Несколько минут назад девушка была живая, молодая, красивая — лица её не видел, не стал заглядывать, но, наверняка, красивая. Была желанна и кем-то любима. А теперь…

Вот смотришь на скульптуру, где воспето человеческое тело — это же искусство, это не есть живое, оно не может вызывать желание. Но, в тоже время, эта красота женского или мужского тела восхищает, именно потому, что создана руками человека, не

Творца, но создана так похоже на живое, привлекательнее, чем живое. И эта нагая девушка, воплощавшая в себе молодость, красоту, любовь. Еще какие-то минуты тому назад. И вдруг — взмах рукой, приговор. И не будет у тебя ни цветов, ни ухаживаний, ни семьи, ни любви, ни детей, ни знойного пляжа, ни взглядов мужчин. Ничего не будет. The end!

Всё это пролетело у меня в голове за мгновение, естественно, мысли были не так оформлены, но было именно такое ощущение. Эта картина для меня осталась одним из самых сильных и тяжелых впечатлений от того теракта. Возможно, ошибаюсь, но это то, что *я увидел*.

Рядом с парковкой универмага «Крестовский» бегал растерянный милиционер, очень молодой. Видимо, напарник «Джин-Тоника», а, может, не из метрополитена. Пытался помочь раненым, но у него всё валилось из рук. Где-то потерял фуражку. Я заметил его глаза, взгляд — пустой, он был в шоковом состоянии. Что-то хотел попросить у нас, но не смог произнести.

Там же, у парковки, на земле полулежал парень среднего возраста — судорожно обхватил одну ногу, раскачивался и выл от боли. Нога была залита кровью, но была цела. Кажется, он работал контролером на этой автостоянке, сейчас не помню. У меня в блокноте записано его имя, но боюсь ошибиться.

— Можем тебе помочь?

— Не трогайте ногу, — замахал рукой парень. — Не подходи, не подходи близко.

Рассказал нам, что взрыв произошёл под одним из горевших автомобилей. Якобы, под почти уже сгоревшими «Жигулями» находилось взрывное устройство. Потом это не подтвердилось. Просто эпицентр взрыва был рядом с машинами, и взрыв бензобака одной из них это и был тот второй хлопок.

Мы носились на пространстве, на котором были разбросаны тела погибших, лежали раненые. Буквально бегали по фрагментам тел, перепрыгивая, иногда обходя их. Я обратил внимание на наблюдавших за местом теракта людей. Это было поразительно. Люди стояли на тротуаре плотной стеной. В молчании и оцепенении. Торжественно как-то. В глазах у людей не было злобы, ужаса. Они просто стояли и смотрели. У них тоже был шок. Тот молодой милиционер бегал и просил их уходить, потому что кто-то кричал о втором взрывном устройстве. А они не расходились, народ всё прибывал. Вот и со страной так. В тот момент там, словно, стояла вся Россия. Стоит молча и смотрит. Не знает, что делать. Злиться, ненавидеть — кого? своих? *их?* Она не просто молчит, безмолвствует. Она в состоянии шока, в трансе.

В какой-то момент я отвлёкся от происходящего, и обратил

внимание на какой-то непрекращающийся, беспокоящий звук над ухом. Это стонал Сережа Конаков, не переставая стонал.

— Что с тобой, Сережа?

У бедного парня была истерика.

— Я на глаз наступил, — закричал он.

— Какой глаз? — сразу не понял и стал разглядывать лицо звукооператора.

— На глаз. На человеческий глаз, — ещё громче закричал Сережа с отчаянием. — Понимаешь? Здесь вот валялся, а я наступил.

Мне стало не по себе не от того, что он сказал, а от того, как он это сказал. Я знал, что у него проблемы со здоровьем, о которых он боялся говорить даже родным. Надо было ему помочь — хотя бы словами, иначе ему могло стать ещё хуже — по себе знаю. Даже штатив за Конакова носил наш водитель Серёжа Мельгунов.

— А тебе, что — все равно?

— Не всё равно, Серёжа, — стараюсь его успокоить. — Соберись. Потом и выпьем, и раскиснем. А сейчас — соберись. Мне тоже нехорошо.

— А по тебе и не скажешь…

У меня в таких критических ситуациях — когда надо выполнять свою работу журналиста — наступала внутренняя психологическая концентрация. Эмоции внутри бушевали, но словно находились в неком запечатанном чугунном котле. Потом прорывалось.

Стали подтягиваться коллеги. Из-за лужковских пробок машины, в том числе и спасатели, не могли быстро доехать до места теракта. Наша «тарелка» ехала из Останкино и застряла на Крестовском мосту. Мне пришлось с кассетами бежать к ней прямо по проезжей части. «Тарелка» ехала не быстро, и я запрыгнул в неё на ходу. Станцию инженеры разворачивали почти во время движения. Стали «гнать» (передавать) первую «картинку». Хорошо, что «тарелочники» привезли партию запасных аккумуляторов — наши уже окончательно сели.

Приехало много силовиков. Постоянно прибывали какие-то сёрьезные люди в форме или в дорогих костюмах, которые прятали лица от камер, морщились в сторону нас и коллег. Место взрыва оцепили, а нашего брата журналиста выдавили за ограждение.

Звонят из вечернего выпуска. Шеф-редактор Саша Сапожников (по прозвищу Сапог — от фамилии; безОбразное прозвище), на которого — как мне объяснили — в тот вечер повесили обязанности одного из цензоров телеканала,

ответственного за эфир.

— Сколько в реальности там погибших ты видел? — грустно спросил Саша.

— Ну, восемь только я насчитал. С ранениями очень много. Я видел трёх тяжелораненых, а остальных — больше тридцати. Не считал. Есть раненые дети…

— Так… — вслух размышлял Сапог. — У нас официально только шестеро погибших… Надо подумать.

— Понятно, — я вообще-то не завидовал ему.

В нашей «тарелке» мы видели эфир информационных экстренных выпусков НТВ. Информация, конечно, была причёсанная, без подробностей. «Картинка» шла одна и та же, хотя на месте работало уже три съёмочные группы НТВ — и мы всё это «перегоняли» в Останкино, ничего не обрезая. «Синхроны» людей, пострадавших и очевидцев, в эфир не давали.

— Саша, мы же всё «гоним» в Стакан. А «картинка» в эфире одна и та же. Почему?

— Думаем пока. Думаем, — вздохнул Сапог. — Все очень сложно. Сложно. Ждём указаний.

Да, это не освещение Норд-Оста. Судьбу Бориса Йордана никто не хотел повторять[23]. Теперь главное — не новость с места, а ее интерпретация. Пропаганда. Пока цепочка принимающих решения «ответственных сотрудников», страхуясь и уточняя мнение начальства, что-то решат и разрешат — новость уже устареет для аудитории. Как и с авиалайнерами *Ту-154 и Ту-134 — пока лично президент Путин не дал отмашку, эти* катастрофы по «ящику» терактами не называли — а люди вот не догадывались, да? Что тут думать — давать надо всю «живую» информацию и всё. Всё нормальное телевидение так работает. Словно мы живём еще в начале XX века. Да тем, кому нужна информация, уже получили её на тот момент из Интернета, а телевизор смотрели только ради «картинки».

На месте теракта стало поспокойнее. Вдруг звонят из «Секретариата». В трубку визжит сразу несколько женских голосов, кажется, один из которых принадлежит главному редактору. Видимо, включена «громкая связь».

— Столкновения видел? Он что-нибудь говорил? Ты почему нам не говоришь? Жирик там был? Убитые есть? Тебя не трогали? Записал его? Погромы…

— Спокойно, — пытаюсь говорить с ними, как питон Каа в эпизоде с гипнотизируемыми бандерлогами в обезьяньем городе (из рассказа «Охота Каа»), одновременно озирая окрестности. — Спокойно. По-порядку можно?

Оказалось, что у них такая информация — на месте теракта

обычные люди, обыватели, выкрикивая националистические лозунги, нападают на кавказцев, мол, в подземном переходе у Рижского вокзала кого-то, толи уже убили, толи просто сильно поколотили. А ещё — мол, избиваемые южане тут же сплачиваются и тоже нападают на обывателей. Триллер какой-то — логика Патрушева. Мечта Патрушева… Кто им это сообщил, наши дамы не признались.

Я там всё обегал, расспросил людей, но ничего такого не было, и на меня тоже никто не кидался. Даже в здании Рижского вокзала. Кому-то нужно было направить события в этом течении, кто-то пытался снова разыграть и эту карту — стравить разные этнические и конфессиональные общины.

Сообщил о результатах в «Секретариат» — мол, погромов не будет. Дамы заметно расстроились.

А на следующий день был Беслан.

Кто же это совершил? Этот теракт у «Рижской». Большая часть россиян про эту трагедию знают, а в Москве почти все её помнят. Ведь так? А кто его совершил и кому он был нужен?

Знакомые из спецслужб говорили, что все те четыре теракта в Москве — на автобусной остановке на Каширском шоссе, на Ту-134, на ТУ-154 и у «Рижской» — совершили не Марьям Табурова, Амнат Нагаева, Сацита Джебирханова и Роза Нагаева. А кто-то, кто использовал их паспорта. Сами девушки, до августа 2004 года занимавшиеся мелкой торговлей на грозненском рынке, пропали без вести[24] — так и не появилась точная информация о судьбе этих четырёх несчастных. Теракты на двух авиалайнерах произошли одновременно, а значит это дело рук не смертниц, были использованы часовые механизмы. Очень легко пронести часовой механизм на борт самолета? Невозможно. Это сложная операция, без поддержки людей из службы безопасности аэропорта не обошлось. Где настоящее расследование? Нет, настоящего расследования. Осуждены стрелочники.

За участие в организации взрыва у «Рижской» — и в многочисленных других терактах и преступлениях — осудили в 2007 году членов т. н. «карачаевского джамаата»: Максима-Муслима Панарьина и Тамбия Хубиева, а также бывшего сотрудника Министерства юстиции России, старшего советника юстиции Мурада Шаваева. Они получили пожизненные сроки. Следователи утверждают, что член «карачаевского джамаата» Николай Кипкеев случайно погиб во время взрыва на «Рижской». Процесс над обвиняемыми был закрытый — а что мелочиться?! отчитываться перед населением?! ещё чего?!

А кто заказчик теракта? В конце концов, лично я, как обычный налогоплательщик, так и не узнал точно, кто это заказал

и кто совершил. Я перестал верить официальной информации. К сожалению. Столько возни, нестыковок, попыток что-то утаить, открытого вранья… И эти пропавшие девушки, которых объявили террористками. И этот закрытый процесс… Но, главное, время — время, когда эти теракты произошли: очень они помогли руководству Кремля в «укреплении вертикали власти»… Разве я не имею право знать правду? Получается, что не имею! А вот не хочу быть козлом отпущения. Не хочу «на воле» жить по законам зоны. Понимаю, что кому-то такое положение нравится.

Все эти теракты — это жертвоприношения на алтарь честолюбия и цинизма Путина, а огонь в этом алтаре поддерживается только благодаря коллективному молчанию и страху. Людей поделили на блатных и на быдло. Мы быдло, а они блатные. Они — это Путин, российская «элита», заказчики терактов, хозяева террористов (кто они? карачаевский джамаат? где сидят? в Москве? в Кремле? в Вашингтоне? в Грозном?), а мы для них — козлики на заклание. Им всем по барабану, они решают свои актуальные проблемы. За счёт обычных людей.

Что ещё ярче проявилось во время Беслана. Лично я всё хорошо помню. Помню, какую информацию по телефону коллеги-корреспонденты рассказывали нам и какая — выдавалась в эфир. Помню, как Кулистиков в коридоре наставлял Кирилла Позднякова, которого поставили вести экстренные выпуски новостей на НТВ — я проходил мимо, задержался и подслушал.

— Старик, ты отвечаешь мне головой за всё, что пройдёт в эфир. За каждое слово. 354 человек, не больше! Понятно! Никакой паники мне не надо! Хорошо, Кирилл?

Кул сказал эти последние слова мягким, вкрадчивым голосом. Переспрашивает своего подчинённого — словно *этому* что-то надо говорить два раза… Кирилл подобострастно закивал, заглядывая начальнику в глаза. Думал, наверное, что так заработает свой билет в свои, блатные. И два дня упорно в эфире давал официальную цифру числа заложников (354 человек), столько было написано в присланной на НТВ инструкции из Кремля — а ведь захватившие школу готовы уже были выпустить часть заложников, и из-за этой цифры в «354» всё отменилось. Если во время прямых включений корреспонденты забывались, обрывал их на полуслове. Все, кому нужно, уже знали о массовой смерти заложников — все мировые СМИ сообщили уже, в Интернете на форумах уже обсуждения два дня идут после штурма — а Кирилл прославился фразой: «Мы не знаем никакого точного количества погибших».

По тому, что делает в сложных для общества ситуациях наше управляемое телевидение, можно понять отношение власти к

своим гражданам, к своему, по их мнению, быдлу. То есть посредством этого телевидения власти «говорят» с нами. Экстренные выпуски на НТВ в дни Беслана перемежались с сериалом «Секс в большом городе». То есть между сексом в большом городе посмотрите — что происходит в маленьком провинциальном городке.

Путин и вся эта элита-дворня готова говорить со всеми, но только не с собственными гражданами. Свои-то задачи он решил. Спустя десять дней после штурма школы — когда в жертвенный огонь хозяева России цинично бросили беззащитных заложников христианско-мусульманского Беслана, начав штурм (конкретно сами террористы женщин и детей до штурма не расстреливали, подавляющее большинство погибших после начала штурма — от действий атакующих; как и в Норд-Осте) — 13 сентября 2004 года, в годовщину теракта на Каширском шоссе в Москве[25], президент Путин, как поводом воспользовавшись последними терактами, *родил* «суверенную демократию»[26]. Люди гибнут, а он вертикаль власти выстраивает: отмена выборности губернаторов, отмена выборов в Госдуму по мажоритарным округам. Какая связь между прямыми выборами губернаторов и «более эффективным противодействием террористической угрозе»? Почему мы промолчали?

Те две неизвестные девушки, т. н. «чёрные вдовы», оказавшиеся (многие боевики заранее не знали о сути и месте теракта) в захваченной бесланской школе, отказались участвовать в преступлении против детей, рисковать их невинными жизнями — и за это поплатились своими. Как и ещё один — Цечоев Мусса (из ингушского села Сагопши Малгобекского района) — которого главарь группы Руслан Хучбаров (позывной «Полковник») демонстративно расстрелял в назидание остальным несогласным (даже по *официальной* версии, озвученной Нурпашой Кулаевым, больше половины *бесланских* боевиков были против захвата школы). Они же не промолчали! Получается, эти трое были более человечными, чем распорядившиеся судьбой заложников по своей прихоти и в угоду своим планам руководители России. Люди, пережившие ужасы двух Чеченских войн — с циничным уничтожением мирного населения, с такими же детскими смертями, как в Беслане — оказались честнее. И мужественнее. Чем остальные сотни чиновников, должностных лиц, «силовиков», тогда отдававшие или исполнявшие приказы, а теперь боящиеся признаваться — из-за страха за свои влажные кресла. А много современных мегаполисных рабов поступило бы так мужественно и честно? А много, например, останкинских небожителей способны рискнуть своими шкурками в такой ситуации…

Человеческие трагедии. Жизни. Два полковника — один внутри школы, Руслан Хучбаров, а другой в потайной тиши охраняемой подмосковной резиденции — решали судьбу стольких людей. У одного из этих полковников в подчинении нашлись люди, которые отказались выполнять приказ о преступлении, а другого… Я их имена не слышал.

Никто не спорит, массовый захват заложников — это тяжелейшее испытание для общества и руководства любого государства, любой власти. Приходится забывать о самолюбии. Нельзя было вести переговоры? — да, это тяжело, но вести, через «не могу», ради жизни людей — с террористами, а *мочить* их потом?

Пошли же чеченцы на переговоры с федералами, захватившими в заложники 9-ю грозненскую горбольницу в августе 96-го (та драма тоже три дня продолжалась — с 9 по 12 число) и дали последним уйти — российские *военнослужащие* отходили, прикрываясь мирным населением (медперсоналом, больными), как живым щитом.

Ещё один пример — трагическая история гражданского населения чеченского Шатоя, которое удерживали в заложниках ульяновские десантники в мае 1995-го. Превосходящий в численности противник, окружил село, но не пошёл, не решился, на штурм федералов из-за угроз последних «вырезать тут всё живое», а конкретнее — *перерезать всех женщин и детей*. Наоборот, полтора месяца (!) чеченцы вели переговоры и ждали, а потом дали спокойно уйти всему батальону смелых десантников. Да, неприятно признавать, но эта банальная уголовная история с захватом заложников в Шатое произошла до июньского террористического акта в Будённовске…

Вопрос — отдал бы Путин приказ о штурме бесланской школы, если бы там, среди заложников, были бы и его дети? Были бы взрывы в метро, если бы московская элита тоже ездила бы в подземке? Конечно же — нет!

Сейчас всё население в стране, как те заложники в бесланском спортзале — разменная монета. Для блатных.

Всем съёмочным группам, работавшим на «Рижской» в сентябре дали премии. Кому сто процентов от зарплаты, кому пятьдесят, кому двести. Мы знали про это заранее — в тот же вечер сообщили. Людмила Анисина, Директор дирекции по обеспечению эфира, меня предупредила, что нашему транспортному отделу, который в том числе подчинялся этой Дирекции, премии не полагаются. Я специально писал служебную записку — и Петру Орлову, и Татьяне Митковой — о профессиональной работе нашего водителя Серёжи Мельгунова.

Оба со мной согласились. Но премию ему не дали — выяснилось в день зарплаты.

Снова пришёл к Митковой. Говорю, если нам дали, то и ему положено. Все снова рассказал.

— Ой, я тебе обещаю — дадим. Всё будет в порядке, — замахала она руками. — В этом месяце забыли провести через бухгалтерию.

Я был уверен, что она слово сдержит. А зря. И только приблизительно через год, когда мы снова вспоминали про тот теракт, Серёжа признался, что премию так и не дали. Наверное, из-за этой блатной идеологии с ее иерархией — одни блатнее других: одним можно все, другим что-то можно иногда, третьим — очень-очень редко, а уже четвёртым — ни в коем случае. Иерархия. У каждого своё место в Системе. Тотальная суверенная демократия — везде по стране, для всех.

Естественно, на следующий день интервью с Геннадием Зюгановым в эфире не показали. Да и в целом — российского зрителя «отвлекли» от проблемы выборов в Думу: СМИ, и НТВ в том числе, «обсасывали» (или освещали — кому как нравится) тему теракта на Рижской, а потом и бесланской трагедии. «Отвлекли» очень профессионально. Потому что все эти кремлёвские законодательные сюрпризы — крайне антиконституционные и нарушающие права граждан инициативы — очень трудно было бы реализовать в неошеломлённом этими трагедиями обществе. Однозначно, сопротивление ожидалось серьёзное. Однако, «неожиданно» властям «пришла на помощь» серия беспрецедентных терактов конца августа и начала сентября в российских городах.

Серёжа Конаков после той съёмки сильно сдал. Как пересечёмся — сразу вспоминал тот теракт на «Рижской». Переживал, жаловался на здоровье. Говорил, что боится признаться родным. И всё равно снова упорно вспоминал ту историю. В 2007-м у него был инсульт. Долго лечился, изменил образ жизни. И даже, вроде, поправил здоровье. Но летом 2008 года умер после второго инсульта. Сказали, врождённое. Ну, и переживания. Ему было всего 32 года. Это к тому, какими бывают журналюги-трупоеды.

Вот этими основными эпизодами мне тот теракт в первую очередь и запомнился — предшествовавшее ему интервью с Зюгановым, та умирающая девушка, забытая премия Мельгунова и отложенная смерть Конакова, ещё одной жертвы трагедии на «Рижской».

Source URL: http://ostankino2013.com/blatnye-terakt-na-

rizhskoj.html

Метаморфозы

Однажды осенью 2004 года. На мобильном телефоне входящий звонок — «Миткова Т.Р.»

— Здравствуйте, Татьяна Рстславна.

— Здравствуйте, Эльхан. Можете сегодня ко мне зайти?

— Я сейчас на съёмке. Если только успею — часа через два…

— Эльхан, хочу с тобой поговорить тет-а-тет… — заинтриговала меня мой начальник.

От неё пахло дорогим табаком. Миткова везде утверждает, что курить вредно, что она «за *правильный* образ жизни». Но мне рассказывали девушки из ее приёмной. Она делает это в туалете. Заходит в кабинку и скрытно там курит. Вроде бы никто не видел, но запах-то после неё остается.

Вот зачем это нужно делать? Татьяна, Вы что — икона? Вы — девочка-подросток? Или Иосиф Давыдович Кобзон в юбке?

— Я считаю тебя лучшим полевым продюсером. То есть у тебя лучше всех получается. Пробиться, достать, уговорить. Мне до сих пор Кириенко жалуется на тебя за тот «синхрон»…

Это было в связи с отменой губернаторских выборов. Пару недель до нашего разговора с Митковой 28 октября 2004 года у меня была съёмка на международной конференции «Инвестиции в будущее России: новые рынки и возможности», проходившей в гостинице «Балчуг Кемпински». Задача была — взять комментарии у политиков, которые из выбираемых, а значит более-менее независимых, превращались в назначаемых, контролируемых. В начале своего первого президентского срока Владимир Путин однажды назвал выборы губернаторов огромным завоевание российской демократии, от которого страна не откажется никогда. А во время второго своего срока — воспользовавшись *удачно* проведёнными крупными терактами[27] — вдруг забыл об этом *завоевании* и стал наводить свой новый порядок[28]. Губернаторы же ещё несколько лет назад были такими региональными царьками. Но тут вчерашние бойцы попрятались как мыши, не рискуя выразить мнения, высказать голос избирателей, не рискуя своими креслами. Многие региональные лидеры намеренно не приехали на это очень важное для них мероприятие, а присутствовавшие наотрез отказывались говорить об этом, разбегались кто куда. Таков был их выбор.

И в этот момент я увидел убегающего в сторону выхода Сергея Кириенко, когда-то либерала, губернатора, премьер-министра, а тогда полномочного представителя президента

России в Приволжском федеральном округе. Я просто встал у него на пути у выхода из гостиницы. И вот экс-либерал, демократ-практикант и великий реформатор в душе — глубоко в душе — Кириенко, обнаружив перед своим носом микрофон НТВ, не знает, что ему надо говорить на эту тему. Так и сказал: «Я ещё не готов». Зато был готов я — не отступаю.

— По этому вопросу комментариев не даю, — отрезает «демократ» и делает вторую попытку слинять.

— Почему же? — не пропускаю демократа-практиканта с правого фланга.

— А Вы не понимаете?!

— Нет. Не понимаю, — отвечаю я и пресекаю третью попытку Кириенко проскочить мимо меня.

Полпред, несмотря на снимающую камеру, мне и угрожал, и представлялся — видимо, подумал, что я его не узнал, раз не боюсь — и ругался, и даже едва не заплакал от отчаяния, но я его заставил все-таки ответить на мой вопрос. Хотя бы что-то, хотя бы какое-то мнение — определиться. «*Моя точка зрения заключается в том, что руководители регионов, которые сегодня успешно справляются с руководством регионов, имеют достаточный уровень доверия и профессионально хорошо подготовлены и опытны в этом вопросе, имеют очень высокий уровень гарантий того, что они будут представлены по новой схеме и будут наделены этими полномочиями по новой схеме*», — таков был ответ либерала и демократа, бывшего члена и сопредседателя СПС. Не стал портить себе карьеру — выходить из строя. Более того, полномочный представитель Путина в Приволжском федеральном округе предложил свои услуги послушного мальчика: «*Пока только Минтимер Шарипович* (Минтимер Шаймиев — тогда президент Республики Татарстан — Э.М.) *всерьёз говорит о том, что он не хочет оставаться на новый срок… Поэтому я и говорю о том, что я готов попробовать его поуговаривать. Что из этого получится — не знаю…*»

Потом он и его помощники по очереди звонили главному редактору НТВ и жаловались на меня — просили уволить или ещё как-нибудь наказать. Миткова с ними соглашалась, грозилась в мой адрес, потом перезванивала мне, и радостно, смакуя подробности этих разговоров, все пересказывала. Однако, предшествовавшее вышеприведённым словам поведение Сергея Кириенко — все его угрозы, капризы, плач, ужимки, жалобы, попытки малодушно слинять — в эфир НТВ не пошло. Хотя эти сочная «картинка» и «синхроны» многое сказали бы о характере и лице как отдельного политика, так и Системы, которую он представляет.

— С этими выборами губернаторов, с их отменой, такой ужас! — вдруг взгрустнула Миткова. — Такой удар по демократии…

Она сделал небольшую паузу. Отшлифованною.

— Да, но я не об этом… Еще я тебя очень уважаю, потому что ты не лезешь ни в какие интриги.

После разгрома Парфенова и его «команды», после «ухода» Александра Герасимова у Митковой появился новый соперник. Алексей Пивоваров талантливый журналист, собирал свою команду и мечтал — и мечтает — стать главным редактором НТВ. Пиво, так его называют коллеги, создавал дублирующие внутренние структуры новостной службы НТВ конструкции и штаты. Штат вечернего выпуска был очень раздут. Пиво торпедировал действительно часто абсурдные предложения и решения Митковой. Тонко иронизировал над ней на «летучках». А новый генеральный директор НТВ Владимир Кулистиков пользовался этой ситуацией — искусственно и искусно разделял и реально властвовал. То Митковой уступит, а Пиво прижмёт, то наоборот. Помимо таланта силу Пивоварова составляла благосклонность новой Семьи. Говорили, что его лицо в эфире обожали дочки Путина. Правда это слухи — я у дочек Путина не спрашивал, нравится ли им Пивоваров или нет, а если и нравится, то что же им в нём такое нравится, не знаю — но я знаю, что самому Пиво эти слухи очень нравились.

Все это, естественно, негативно сказывается на эфире. Здоровая конкуренция, конечно, очень полезна. А это разве здоровая? Это разве конкуренция? Сотрудники из разных групп саботируют работу друг друга, неприсоединившиеся из «болота» лавируют между этими двумя основными центрами силы на канале, часто думая не о работе, а о том, как воспримут те или иные их действия Миткова и Пивоваров. Не работа, а игра «Угадай мелодию». До-ре-ми-до. В управляемом телевидение все силы тратятся на борьбу за кресла и интриги. Борьбу не за зрителя, а за благосклонный взгляд, за щедрую руку хозяина. В развитых демократиях хозяином является зритель — вернее, зритель-потребитель, человек потребляющий, Homo consumens — с внешне разными партийными, идеологическими, геополитическими, этно-культурными, наконец, сексуальными взглядами. А в *суверенно управляемых демократиях* хозяин один — монарх, царь, президент-диктатор, любимый руководитель. Именно один. Не Путин и Медведев, а либо Путин, либо Медведев.

Российское телевидение в 90-ые было самым прогрессивным на постсоветском пространстве, ему подрожали, его копировали,

на нём учились. А нынешняя ситуация приведёт к его превращению в телевидение Туркменистана, где выпуски новостей мало того, что идут в записи, они потом по несколько дней ещё и повторяются. Журналисты там крайне безынициативны, нелюбознательны и неинформированы. Работа в официозном СМИ лёгкая, но приводит не к профессиональному развитию журналиста, а к развитию таких качеств как лесть, карьеризм, двуличие и бесчестие. О влиянии на общественно-политическую жизнь страны — я вообще молчу. Это не живой организм. И это будущее телевидения России. Нет, уже настоящее…

Миткова помимо своих, которым она чем-то была обязана во время разных предыдущих войн за власть, могла положиться на «правильных» и стукачей-лизунов, а мне ни те, ни другие с дворового детства не нравились. А Пиво ко мне очень хорошо относился. В профессиональном смысле. С ним было интересно работать. Это он первым меня «вывел» в эфир — просто настоял, чтобы я сделал первый свой репортаж для прайм-тайма. Пиво может выслушать идею — нет, он ждёт новые идеи от тебя — не строит из себя сноба, а, главное, не боится сильных людей. Да, у него переменчивый характер, но у меня с этим не было проблем — я ему всегда говорил всё, что думаю. В этом моя пожизненная проблема — карьеру мне не сделать.

Ещё пример. На современном НТВ эталоном карьеры «репортёра» стала тактическая метода корреспондента Алексея Веселовского. Он считал себя хорошим журналистом и очень гордился своим местом в профессии. Любил утверждать — особенно перед новыми сотрудниками НТВ — что сочинял речи для Бориса Ельцина, в частности, знаменитые радиообращения первого президента России. Возможно. Не знаю, как писались те тексты, но «репортажи» для новостей Веселовским создавались странным образом. Придя на работу, Алексей садился отсматривать снятый другими коллегами материал на ту или иную тему — «картинку» и интервью с ньюсмейкерами. Всегда жаловался, если интервью «очень длинные» — ну, больше четырёх-пяти минут; идеально, чтобы «синхроны» были короткие — минуту-полторы. Потом Алексей приступал читать в интернете газеты и агентства, копируя из них целые предложения, абзацы. Но из разных СМИ — так он страховался. Любимыми источниками для своих текстов у него были — gazeta.ru, newsru.com, газета «Коммерсантъ». Потом слегка переделывал получившийся текст, причёсывал его; монтажёр накладывал на этот «закадровый текст» снятую другими коллегами «картинку» и вставлял в трёх-четырёх местах «синхроны» ньюсмейкеров — если

помните, также добытые другими коллегами. Или же другой вариант — тем же гениальным способом *написав* «закадровый текст», оставлял в нём места для «синхронов», потом обращался в «Секретариат», чтобы ему эти *нужные* «синхроны» где-нибудь достали. А те умные дамочки начинали выискивать свободных стажёров, полевых продюсеров или съёмочные группы, которые территориально находились вблизи от местопребывания тех или иных специально подобранных экспертов, *ньюсмейкеров* — при этом Веселовский предупреждал, что ему нужны конкретные слова, конкретная фраза и ничего более. То есть снимали человека не для того, чтобы узнать его мнение, а для того, чтобы получить из его уст нужные слова. Иногда, некоторые коллеги так и просили у интервьюируемых — озвучить определённые слова, фразу. Зачем тратить своё и чужое время…

Получившееся блюдо-халтуру Веселовский выдавал за свой творческий труд — обычно в эфире главных, «вечерних» новостей. Терпеть не мог разговаривать с ньюсмейкерами, искать какие-то истории и людей для репортажей. Но больше всего Алексей ненавидел уточнять какие-то детали, неточности: ведь столько ошибок — субъективных, объективных — в любом журналистском материале! Однако обожал ездить в командировки в далёкие страны и привозить оттуда сырые, недоработанные темы — и обижался, когда их откладывали в долгий ящик. Ещё очень любил свой грязно-серого цвета свитер в катышках, очень старый, с растянутыми на локтях рукавами — и постоянно его носил.

Прозвище у Веселовского между сотрудниками НТВ было «Весел». Которое я придумал дополнять приложением, учитывающим выбранный коллегой способ творчества. Получалось Весел-копипейст[29] (с вариациями: Весел-копипаст, Лёша-копипаст, Лёша-копипейст), и многие коллеги, особенно редакторы, заочно его так стали величать. Ещё я называл Алексея «Великий компилятор», на что он сильно обижался.

Работая с 2006 года в США — заменил там отличного журналиста, настоящего репортёра, собкора НТВ Антона Вольского — Веселовский запомнился «прекрасным ничегонеделанием»: никаких репортажей, никаких далёких поездок по стране. Почти все его материалы из Америки состояли из двух главных частей: стендап[30] на улице Нью-Йорка крупным планом (чтобы не возникал вопрос, какое отношение имеет происходящее за спиной собкора к тексту его материала) и закадровый текст, наложенный на купленную у теле-агентств «картинку». Текст сюжетов также представлял из себя перевод из сообщений местных информагентств и газет. По крайней мере, я не увидел ни одного репортажа Лёши-копипейста из этой

интереснейшей страны с 2006 по 2010 год, когда ещё следил за эфиром телеканала ради обогащения эмпирического опыта.

Да, весёлый он человек. Кстати, его творческая метода была очень заразительна для коллег с НТВ.

— Мне нравится твоя независимость и прямота…

Пауза.

— Но будь помягче, — Миткова сделала вид, что ей грустно. — Дипломатичнее, не конфликтуй. У нас здесь должно быть как в армии…

— Что???

«То есть? Носить пагоны для звездочек, возить солдат на левые работы, коллективно напиваться через день и уводить жён друг у друга? Или воспитывать в себе защитника, отдавать честь при встрече, ставить долг выше личного и стреляться после бесчестного поступка?

Это что такое? Снова, как в СССР? Как тогда говорили, «журналисты — автоматчики партии»? Так что ли?»

— Нет, нет — у Митковой не получалось с образами. — Я имела в виду дисциплину. Дисциплина на первом месте. Ты вот девочкам из секретариата нагрубил?

— Нагрубил? Татьяна, они считают что нагрубил? В таком случае, они правы.

— А что там произошло?

«Ты же всё знаешь? К чему это жалкая пародия на вербовку/искренность?»

— Татьяна, я не хочу обсуждать мои личностно-профессиональные отношения с коллегами сейчас — в их отсутствие.

Отдел оперативного информационного планирования эфира был когда-то очень важной структурной единицей в информационной системе НТВ. В теории, он должен был, как и видно из его названия, оперативно реагировать на возникающие информационные поводы в течении дня, поддерживая постоянную связь с новостными бригадами, координировать работу съёмочных групп, а также планировать съёмочный процесс на последующие дни. То есть если Дирекцию информационного вещания телеканала сравнить с организмом, то Отдел должен быть «сердцем» этого организма, через которое ежедневно «прокачивается» весь объём принятых и исполненных решений. И раньше он такую функцию выполнял. Это была нервная и сумасшедшая работа. Там могли работать люди реально инициативные, умеющие брать на себя ответственность, принимать решения и их выполнять, ну и, конечно, с нестандартным мышлением. Процесс *поиска, получения, передачи,*

производства и распространения информации — каторжный труд, а координация такой работы — труд ещё более тяжёлый.

В новых идеологических условиях Отдел перестал выполнять такие функции. Во-первых, по объективным причинам. Теперь информацию не надо *искать, получать, передавать, производить и распространять*. К чему волноваться и делать нечеловеческие усилия над собой — что есть новость, а что ею не является, как её донести до аудитории, как предугадать развитие событий — если официальную ЦУ и «картинку» спустят сверху, если идеологический тренд укажет Кремль и *Партия*. Это произошло не сразу, но постепенно, положение менялось с каждым днём. Во-вторых, Митковой не нужны были люди смелые и инициативные из Отдела. Его сотрудники ежеминутно были у всех на виду и обладали определенным аппаратным влиянием на новостные бригады. А Миткова, как опытный аппаратчик, чувствовала любые предпосылки будущей конкуренции, симптомы возможной в будущем головной боли. Она должна была одна с обаятельной улыбкой возвышаться на бранном поле, как Салот Сар[31] над поверженными телами непонятливых жителей Пномпеня. Даже Аркадия Меликсетянца, парня активного и очень неглупого, пришедшего на НТВ не из журналистики, но быстро вникшего в работу новостей и оживившего мёртвое царство Отдела оперативного планирования, Миткова изжила с канала. Никаких перспективных ростков!

Ей Отдел нужен был как контролирующий инструмент, ресурс, от которого структурно зависела работа новостных бригад и съёмочных групп: все заявки на съёмки должны быть оформлены в Отделе, обсуждены на «летучке» с участием главного редактора или её правой руки Петра Орлова, и лишь потом спущены в операторский и транспортный Координационный отдел. Пивоваров же ещё со времён программы «Страна и мир», которая тогда не подчинялась Митковой, и в последующем стал дублировать творческие и организационные функции Отдела, расширяя штат продюсеров вечернего выпуска новостей. И постепенно «сердце» информационной службы НТВ, Отдел оперативного информационного планирования эфира превратился из исполнительной структуры телеканала в административный аппарат главного редактора. Между коллегами — презрительно просто в «Секретариат». Да и сотрудниками Миткова там оставила только дам с трудной судьбой, но с большой преданностью к главному редактору. И теперь, заходя в «Секретариат», слышно было обсуждение не новостной картины дня, а текущих слухов и интриг, превратностей погоды на египетских и турецких курортах,

семейных проблем и возрастных болячек. В последнее время съёмки, рожденные креативом сидящих в этой комнате, шли потом в «Корзин ТВ», то есть просто «в корзину».

Моё разногласие, назову это так, с группой сотрудников женского пола из «Секретариата» произошло приблизительно за месяц до нашего разговора с главным редактором НТВ. Тогда одна из экзальтированных местных дам, видимо ещё находясь под воздействием грамотно проведённой пропагандистской постбесланской обработки в масштабах всего населения страны, вдруг публично заявила мне: «Что же вы, мусульмане, такие все террористы?!» Думаю, всё-таки это был риторический вопрос. Понимаю, что в нормально работающей политической системе организации общества за такое заявление можно, минимум, покинуть место работы с огромным судебным штрафом, а в существующем по инерции государстве за такое можно даже сорвать аплодисменты. Понимаю. И стараюсь терпимо относиться к умственным меньшинствам и критически принимать объектов массовой манипуляции. Но тогда не выдержал — эти люди не владели даже половиной информации о том, что произошло в Беслане. Более того, они не хотели искать и анализировать эту информацию, боялись её, но, не стыдясь своих страхов, делали выводы. Делали выводы. Что от такого стада и требовалось. Делать выводы. Особенно теми, кто *делает новости*.

А Миткова тут делала вид, что не знала о сути истории. Давно всё разнюхала. И играет в третейского судью…

— Но я не об этом… Понимаешь, мы тебя ценим как хорошего полевого продюсера. А ты, как я понимаю, хочешь ещё делать репортажи и сюжеты.

«Так вот ты о чем? Так вот ты какой, северный олень!»

— Мне это нравится. Моей основной работе это мешает?

— Нет, ты очень много работаешь. Дело в другом. Тебе это нужно?

— Мне нравится самому довести до конца первоначальную задумку о теме. Иногда корреспондент может не понимать тему, делать её спустя рукава — ему принесли «исходники»[32], а он, не чувствуя темы, делает как придётся, лишь бы поскорее закончить. И у меня, как у продюсера остаётся лишь сожаление об испорченной теме.

— Видите — я занята, — Миткова резко бросила робко просунувшейся в дверь голове. И снова мне. — Ну что — корреспондент? У него другая задача. Скомпелировать материал, добытый продюсерами. Для него главное — уметь писать хороший текст…

Это всё — хрестоматийная теория информационного

телевидения. Продюсеры — не путать с продюсерами в шоу-бизнесе и кино — это мозговой центр такого телевидения. Каждый продюсер ведёт конкретную тему — экономику, политику внутреннюю, внешнюю, космос, медицину и т. д. Он более всех информирован в теме, мониторит развитие событий, предугадывает это развитие, организует весь съёмочный процесс — естественно, сам участвуя в нём — ведёт корреспондента, объясняет ему тезисы и идеи будущего текста материала. Иногда, продюсеров, специализирующихся, исключительно на одной теме и на мониторинге называют «стратегическими» продюсерами, а выполняющего тактические задачи, работающего в «полевых условиях» — «полевым». А корреспондент должен хорошо выглядеть и правильно говорить, быстро написать текст и отработать своим чистым лицом и соответствующим теме внешним видом перед камерой. Важна сама новость, а не ее интерпретация. Российское телевидение 90-ых постепенно шло к такой структуре телевизионной информационной службы. Так работают наши западные коллеги. Более того, современный тренд на Западе — это универсальная репортёрская единица — продюсер-корреспондент: в одном репортаже он может выступать продюсером, в другом — корреспондентом.

«А что такое полевой продюсер?» — однажды, задала мне абсурдный для телевизионщика, но естественный для нынешнего теленачальства вопрос и.о. главного редактора вроде бы специализированного информационного телеканала «Вести 24» Ирина Филина. Теперь в России корреспондент постепенно превратился в идеологического работника — важна не точная передача действительности, а точная передача точки зрения хозяина на действительность. Как и в советской журналистике. Коры [33] стали такими священными коровами. На НТВ главный редактор проводила с ними по понедельникам «летучки» с обязательными ценными указаниями на неделю. А какую роль должны выполнять продюсеры, не понятно. У кого-то был тесный и постоянный контакт с руководством. У кого-то нет. Но все это было индивидуально. А не системой. Рад, что Миткова хотя бы про теорию ещё не забыла.

— А я хочу быть универсалом. Работа продюсера — такая, какая она должна быть — мне больше нравится. Продюсер должен быть самым информированным, такой «серый кардинал» репортажа. Но хочу и текст отшлифовать.

— Вот кто тебе предлагает делать материалы?

«Конечно, дневные и утренние бригады новостей тебе подчиняются. Они без разрешения и с гримёром не здороваются».

— Вечерний выпуск. Пивоваров.

Миткова импульсивно скомкала какую-то бумажку у себя на столе.

— Он к девушкам лезет…

— Что? — не понял я.

— Пивоваров к девушкам пристаёт. Он им проходу не даёт, — сказала главный редактор с раздражением, а потом обиженно — я не поверил своим глазам — надула губки. — Я всё знаю. Мне всё рассказывают.

На НТВ главной угрозой женского пола всё-таки является Миткова, которая видит в каждой юбке потенциальную конкуренцию, а не Пиво, лихо и открыто проявляющий свою неизрасходованную любвеобильность к этим самым юбкам. Наш Пушкин…

И, в конце концов, лучше к юбкам, чем к брюкам. Хотя бы при всех.

Вот о чём приходится думать главному редактору! Хотя, может быть, многие проблемы на НТВ решились бы сами собой, распространи Пивоваров хотя бы раз свою любвеобильность на Миткову. Пренебрежение женщиной рождает в ней злобу и ненависть.

— Ну я не девушка… И все-таки о работе… Пиво мне предлагает делать материалы. И с ним интересно работать.

Видимо, я испортил ей настроение на сутки. И она пошла дамками. Не разбирая.

— Тебе не надо работать в кадре. У тебя национальность не подходит. Ты же понимаешь… Ты *нам* для другого нужен…

Не только у неё настроение на сутки испортится. Миткова зря это сказала. Ой, как зря. Терпеть не могу эту тему. Меня это выводит из себя. И она это поняла.

«А легендарному геологу, «отцу тюменской нефти» Фарману Салманову его национальность не помешала искать — доказать и найти! — богатства, ставшие сейчас главным источником дохода в бюджет России, комплекса полноценности Путина и придворной команды, да и всего населения? А командующему всеми элитными кавалерийскими частями Империи генерал-адъютанту Гусейн-хану Нахичеванскому не мешала просить от Николай II — из всего высшего командования армии лишь двое, он да ещё один человек с русской фамилией граф Фёдор Артурович (*Теодор* Августович) Келлер сделали это — отменить отречение от престола в феврале 17-го? А Рустаму Ибрагимбекову быть соавтором сценария «*самого русского фильма*» «Белое солнце пустыни»? А моему деду — что свой родной дом, свою улицу защищал? — в России в Великую Отечественную воевать не мешала?»

Для чего я *ей-им* нужен? Не хочу быть этнографическим материалом. Я же не Александр Самедов. Не хочу ассимилироваться. Хочу сам ассимилировать.

— Татьяна Ростиславовна! — я говорил это и старался держать себя в руках. — Национальность человека смущает только отсталых людей, не способных к критическому восприятию действительности! А свою национальность я люблю.

— Нет, нет. Я ничего не имею против. Я очень хорошо отношусь ко всем национальностям. Но ты же понимаешь — в какой стране мы живем?! — Миткова изобразила грустно-страдальческую мину всё понимающего, но смирившегося с враждебным окружающим миром *шестидесятника времён андроповской реакции*. — Я сама… я сама очень хорошо это знаю.

Миткова взглянула в окно.

— Внешность и имя. Как я тебя понимаю, — на меня снова посмотрело лицо обладающего какой-то тайной, ничего не забывшего шестидесятника.

Дисциплина как в армии? Как же безобразно это рабское «Есть! нелогичному — шовинистическому, способному разодрать любое, даже самое развитое, общество — новому курсу кремлёвского хозяина, пахана. А для себя это пошлейшее оправдание «Ты же понимаешь — в какой стране мы живем?!»

Дурак я. Надо было убираться из такой телекомпании уже после такого заявления.

Интересно, кто она — физик или лирик? А, может, и физик, и лирик? И физикам, и лирикам?

— Эльхан, Вы делайте потихоньку. Главное, чтобы твоей основной работе не препятствовало. В свободное время. А дальше, посмотрим.

Главный редактор не знала, как ещё оправдаться. Мне было интересно. Если Миткова переходит на «Вы», то она хочет упрекнуть. Потом Миткова, не выходя из образа, посмотрела на свой звонивший мобильник и… тут я что-то пропустил. Была волшебная палочка?

Передо мной сидела активная школьница-староста, на которую обратил внимание любимый преподаватель: спина прямая, лицо сияет, руки сложены как за партой. Да, не хватает двух больших бантиков. И в глазах радость. Нет! Счастье!

«Куда делся шестидесятник? Верните рефлексирующего шестидесятника!»

— Потом. Потом. Потом поговорим, — затараторила Миткова в экстазе. — Мне Алексей Алексеевич звонит…

Это произошло за какие-то секунды. Так как я ничего не понял — видимо, это написано было на моём лице — Миткова

успела добавить, толи, чтобы поправиться, толи, чтобы меня ошеломить.

— …Алексей Алексеевич Громов!!![34]

Я встал и ушёл.

В приёмной к стене жалось несколько коллег, ожидающих встречи с Митковой.

— Она ещё занята, — тихо сказал я им и подмигнул.

Source URL: http://ostankino2013.com/metamorfozy.html

Беленькая блузочка для президента

В среду 17 ноября 2004 года случай позволил мне стать свидетелем очень интересной сцены в редакции НТВ.

Было часов восемь вечера. Коллеги расходились по домам после вечерней «летучки». А я шёл мимо «Секретариата» и решил зайти узнать о своих съёмках на следующий день. Обычно им звоню, а тут — так получилось…

Небольшая комната шумела женскими криками, возгласами, смехом. Эмоции бурлили как в примерочной магазина женской обуви, куда нагрянули сотрудницы швейной фабрики «Айвенго» города Иванова в день выдачи аванса. Помню, подумал, что кто-то рассказывает смешной анекдот. И лишь войдя в Отдел, увидел, что там собственной персоной присутствует главный редактор Дирекции информационного вещания НТВ Татьяна Миткова.

Такой — весёлой, раскованной, с блестящими глазами — я её никогда не видел. Главред сидела спиной к входу, а напротив и сбоку от неё расположились сотрудницы Отдела в дозволенно-радостной, но, одновременно, в заискивающе-напряженной позе и ловили из уст начальницы каждое слово.

Миткова весело со мной поздоровалась, откровенно рекламируя работу дорогого заморского стоматолога.

— Ты по поводу завтрашних съёмок, Эльхан? — спросила она и сразу, не дождавшись ответа, продолжила свой рассказ, прерванный моим появлением. — Заранее подготовилась к этому дню. Именно для такого случая её хранила. Ведь такое событие!

Все закивали и заулыбались, продемонстрировав на лице выражение счастья по случаю предусмотрительности главного редактора. А она посмотрела на меня толи с каким-то загадочным вызовом, толи оценивающе.

Всей силой своей мужской интуиции я почувствовал, что сейчас пойдёт разговор о тряпках, развернулся и направился к выходу. В «Секретариат», который представляет из себя небольшую комнатку на дюжине квадратных метров, ведёт небольшой коридорчик в виде кишки. Вот у самого входа в эту кишку я и задержался. Не знаю, почему. Ну, журналюга. Жюрналюге что нужно — чужие разговоры подслушать. Вдруг, что-то интересное узнаешь, полезное.

Разговор, правда, был не очень информативный. Как я понял, главный редактор готовилась к важной встрече. К какой — это я и хотел выяснить.

— Ну, я же вам говорю: эта такая беленькая блузочка. У неё крой как у обычной рубашки, — видимо, в очередной раз,

объяснял голос Митковой. — Вот такая полосочка по воротничку, по окантовке. Её надо носить навыпуск, не заправляя. И рукава такие вот — с небольшим фонариком. Вот тут вот — на плечах.

Видимо, в этот момент главред стала трогать себя за плечи. Далее последовала дюжина междометий — это такой неизвестный мужчинам особый язык, при помощи которого женский пол не только выражает эмоции по поводу новой одежды, босоножек или сумочки, но и передаёт объёмную, полноценную информацию. Так они могут общаться часами. Я подумал, что это надолго и хотел уже уйти.

— Ой, ах, ох. Это должно быть очень красиво, Татьяна Ростиславовна! — наконец, послышалась чья-то нормальная речь.

— Вначале думала, что это слишком прямолинейно — белый верх, тёмный низ. Ну, как школьница, — кокетливо захихикал голосок Митковой.

Из комнаты раздались звуки какой-то возни, скрип, а потом стук каблуков. В голове промелькнула мысль, что меня сейчас застукают. Оказалось, главред устроил маленькое дефиле. Не понял — для чего. Может, у женщин так принято.

— Ой, я уже себе представила, как на Вас будет всё это смотреться. Безукоризненно. И классически, и женственно. Это фантастически! Фантастически! — вскрикнул голос одной из сотрудниц мысль, которую надо было переводить так: «Какая Вы счастливая, Татьяна Ростиславовна! Как же я завидую! Как же я тебя ненавижу!»

Кому этот голос принадлежал мне идентифицировать не удалось [1] — возможно, из-за моего волнения. Да и вообще — женщину во время обсуждения обновки невозможно узнать.

— Ой, там одни мужчины будут, — размечталась и стала заранее терять голову Татьяна Ростиславовна. — Буду там настоящей королевой. Да?

— Да, да, да. Как королева! Как королева! — раздались со всех сторон эхом голоса подчиненных.

Все, кто хоть раз общался с Митковой, согласятся, что она — человек-плакат. Человек-лозунг. Лозунг насыщенный торжественными словами, непонятный, хотя и красивый, как алые паруса. Ей надо было родиться китаянкой и стать членом КПК.

Есть такой типаж людей, которые всегда хотят выглядеть правильными: в детском саду приобретают первый опыт доносительства, в школе и в университете мечтают и борются за место старосты, девственность теряют в 29 лет, редким сексом занимаются только в миссионерской позе, а в местах лишения свободы сами лезут к администрации с предложением о сотрудничестве. Если бы у Митковой была страничка на сайте

знакомств или, например, на «Одноклассниках», то в демонстрируемой услуге статус или девиз была бы какая-нибудь банальная и пошлая декламация, вроде: «Никогда не думай о плохом!» или «Я прекрасна всегда!», или «Я говорю жизни — да!» Или ещё более непонятная бессмыслица — «Всегда говори всегда», как название тупейшего сериала. Вот, что хотели сказать парни, придумавшие такую абракадабру? В принципе, для такого контингента людей и снимают большую часть подобного мыльного телепродукта.

Но при всём при этом, любимым занятием главного редактора Дирекции информационного вещания НТВ были обычные понты. Да. Человек слаб. Даже иконы покрываются плесенью. Кто-то любит рыбалку, кто-то — портить останкинских девушек, бить по ночам фонари в дачном посёлке, кто-то крепко выпить, кто-то обожает поковыряться в носу, сидя дождливым вечером у задушевного камина. А Миткову хлебом не корми, лиши всего остального вышеперечисленного — но дай лишь попонтоваться всласть. Обычно она это делала перед теми, кто вынужден слушать, не осмеливаясь прямо ей в лицо смачно зевнуть — перед подчиненными.

Помню, однажды зимой, после дневного эфира редакторы, режиссёры, выйдя из аппаратной, столпились в коридоре небольшой группой и обсуждали последнюю новость, которой ведущая заканчивала выпуск — обильный снегопад будет идти до конца недели, проблемы на дорогах и т. д. Вдруг подошла Миткова и сразу же стала рассказывать о приключившемся с нею в то утро:

— Ой, что я сейчас расскажу. Слушайте меня! Еду сегодня утром по Ярославке [2] из области — страшная пробка, длиннющая. Оказалось, гаишники перекрыли всё движение и никого не пускают. Говорят — авария. Ха! А я же на работу опаздываю. Ну, вы понимаете, кого они всё-таки пропустили по встречке проехать! Ну вы понимаете…

Тут главред сделала долгую театральную смысловую паузу: ухмыльнулась, раскинула руки в сторону ладонями вверх с растопыренными пальцами — как мим, изображающий большой цветок — а потом с игриво-загадочным выражением лица стала всех оглядывать — чтобы установить невербальный контакт.

После этой сцены она продолжила:

— Так вот. Авария потрясающая: около двенадцати машин насчитала. Вот, что надо было снимать для эфира… Но я-то доехала нормально, — прищурилась от удовольствия Миткова и снова всех осмотрела, мельком, из под ресниц.

Честно, если бы не эти нелепые её телодвижения, я даже

сразу не понял — эту историю Миткова рассказала только, чтобы похвастаться своим блатным статусом. И это уровень руководителя? Этим людям успешная карьера нужна, чтобы заполучить «мигалку» и крутые номера, чтобы парковать машину там, где только *им* можно. Потому и прорываются к магическому креслу — по головам — ломая жизнь и конкурентам, и близким, и себе. Неужели оно того стоит…

— Я не понял, а кого гаишники пропустили? — громко спросил я, оглядев коллег, и подтвердил свою репутацию, толи очень глупого, толи очень смелого. Что почти одно и то же.

— Точно — это не будет выглядеть как у школьницы? — продолжала сомневаться Миткова.

«Ага. Ещё гольфы с начёсом надень», — подумал я и едва не расплакался нарисовавшейся картине.

Школьница, королева, медсестра. Я уже больше не мог слушать эти бабские разговоры. Пошёл по своим делам, даже успел выпить две кружки чая. Приблизительно через полчаса снова направился в «Секретариат», предполагая, что Митковой уже ушла…

Нет, наверное, они же должны были ещё о чём-то говорить, пока я отсутствовал, и, видимо, опять вернулись к теме блузки. Ну, нельзя же столько времени обсуждать какую-то тряпку.

— …сказала ей, чтобы погладила, а потом решила сама это сделать. Такое важное событие, — продолжил я слушать в том же укромном месте.

— Надо быть осторожной, чтобы разводы не остались, Татьяна Ростиславовна. Белое любит деликатную глажку. А вещь-то новая.

— Ну, у меня есть ещё одна кофточка тёмного цвета… — начал голос Митковой и вдруг оборвался. — Нет, нет. Всё же я надену эту беленькую блузочку! В ней у меня грудь красиво смотрится. Очень сексуально!

Я начал приходить в себя от услышанного, а в комнате что-то громко зашуршало. Предполагаю, главный редактор Дирекции информационного вещания НТВ стала трогать себя и показывать подчинённым то, что она имела в виду.

— Надеюсь, Владимиру Владимировичу понравится. Он, кстати, очень доволен, что я там буду! — похвасталась она. — Так мне передал Алексей Алексеевич [3]. Вот!

И громко рассмеялась. Наверное, как всегда — задирая подбородок вверх, дёргая головой — таким движением она даёт понять, что счастлива.

Подготовка к съёмке — важнейший этап в работе журналиста вообще, а для телерепортёра — это самое главное в съёмочном

процессе. В отличие от коллег-газетчиков, которые продолжительное время ведут ту или иную конкретную тему — то есть специализируются на ней — перелопатив и изучив горы информации, знают буквально всё про событие, телевизионщики работают с огромным количеством информации, которой специально не занимались — с темами, о которых не имели ни малейшего представления за мгновение до того, как они понадобились для эфира. Часто съёмка — как экзамен, к которому нерадивый студент сел готовиться накануне, потому что весь семестр провёл в важных пьянках. Потому успех предстоящей съёмки зависит от того, как тележурналист подготовился за оставшееся до неё время. Как выразил однажды Филипп Киркоров почти научную педагогическую мысль: на съёмки вообще, а в частности — «на пресс-конференции к «звёздам» надо приходить подготовленными, бл. ть». Вот и приходится изучать, вникать в предмет — и не просто собирать факты, а ещё и проникнуться духом события, контекстом — чтобы потом рассказывать зрителю мнение о нём, авторитетно рассказывать. Коллеги даже шутят, что после работы телерепортёром, можно освоить любую профессию, занять любой пост — хоть городом управлять, хоть ЖЭКом: за пару дней освоишься. Повторяю, это шутка.

Так вот. Я о том, как готовился главный редактор Дирекции информационного вещания НТВ к предстоящей на следующий день 18 ноября съёмке — интервью президента страны Владимира Путина трём центральным российским телеканалам: Первому, «России» и НТВ. О том, что её больше волновало перед съёмкой.

Что касается самого интервью… Видел этот ужас по телевизору. Наиболее развитый жанр сейчас в профессии. Постановка. Срежиссированные действия: кто, когда и что спросит, в какой момент кто улыбнётся, на какой минуте ньюсмейкер для вида удивится «неожиданному», заранее обговорённому, удобному вопросу, «задумается» и ответит. И т. д. Пустой разговор. Информационное сопровождение уже решённого вопроса — прямые выборы губернаторов и выборы депутатов Госдумы по одномандатным округам отменены. Всё! Точка! Мол, скажите спасибо, что ещё согласился встретиться и найти красивые слова, объясняющие мою волю: «Потому что у нас нет развитого гражданского общества, к сожалению, — грустно вздохнул, потупив взгляд, как девственница в первую брачную ночь, президент и добавил, — до сих пор нет реально функционирующей многопартийной системы».

Как же. Напугали терактами страну. Отдали право принимать

решение человеку, маниакально цепляющемуся за власть. Добился своего — заставил проглотить население своё решение, свои маниакальные планы [4]. То, что крупные теракты прекратились — это не заслуга «централизации власти», «укрепления вертикали власти». По-другому. Теракты прекратились, потому что, наконец, Путин добился от страны согласия *укрепить вертикаль своей власти.* Всё равно бы добился. Полстраны бы утопил в крови, но добился. Когда люди ведут себя как бараны, они уже не избиратели, не граждане, не общество: можно — шерсть подстричь, можно — под нож, на мясо, будут паиньками — будет и стойло, и сено.

Меня не этот маньяк больше волнует. Мало ли маньяков по Земле ходит. Меня бараны волнуют. Я сам в стаде. Может, за эти годы стало лучше с *укреплённой вертикалью власти одного человека?* Стало? Права человека — это не манна небесная. Это не снег, который априори выпадет. Чтобы научиться плавать — надо плавать, чтобы гражданское общество начало функционировать, оно должно функционировать. Родившийся ребёнок тоже не станет сразу ходить, это же не значит, чтобы ему запретили даже пытаться переставлять ноги.

А эти… Пришли на интервью. Одна строила глазки Путину, кокетничала, и так, и так ёрзает в кресле, едва не выскакивает из своей беленькой блузочки. А те двое… Самый острый вопрос осмелился задать Путину Николай Сванидзе, политический обозреватель телеканала «Россия»: «Владимир Владимирович, у Вас нет ощущения, не видите ли Вы угрозы, что принимаемые решения могут негативно повлиять на становление демократии в нашей стране?» Это что за чушь? И что он должен был ответить? Мол, да, повлияют негативно на *становление демократии* в нашей стране, демократии каюк, собираюсь строить авторитарную власть, чтобы никто мне с дружками не мешал воровать? Так что ли? Представляю себе, как одна из жертв Чикатило спрашивает у душегуба: «Дядя Андрей[5], не получится ли так, что в результате Ваших изуверских истязаний и полового акта со мной в крайне противоестественной форме я просто-напросто подохну, при этом процесс моего ухода из жизни будет сопряжён с мучительнейшими физическими болями?». Да этого Владимира Владимировича надо было брать за яйца и трясти, пока дурь об *укреплении вертикали власти* из головы не вышла.

Хотя, зачем им это надо. Они о своих «мигалках» думают, а не о выборах губернаторов и *становлении демократии в нашей стране*. А то все мастера, например, Сталина ругать — он один, дескать в репрессиях виноват. Конечно, один человек против всей страны. А люди вокруг него были простодушными апостолами? А

граждане, которые терпели, поддерживали, молчали, стучали?.. Ещё будет время, когда все грехи одному Путину припишут. И больше всего в этом деле будут усердствовать те, кто сейчас терпит, поддерживает, молчит, «стучит».

19 апреля 2009 года теперь уже президент Дмитрий Медведев дал плановое интервью НТВ. Опять слова, слова, слова. Красивые, ничего незначащие слова.

Не это важно. На встречу поехала — кто? Правильно. Снова грудью на амбразуру бросилась главный редактор Дирекции информационного вещания НТВ. Правда, на этот раз Миткова была в строгом закрытом классическом костюме непонятного цвета — что-то коричнево-зелёно-серое. Под пиджаком, рукава которого были слишком ей велики, такой же окраски хлопчатобумажная футболка поминального фасона. Никакого кокетства, никаких изобличающих ёрзаний за всю беседу главный редактор НТВ не совершила.

Может, ей Путин больше нравился? Или же объяснили — какой внешний вид должен быть у неё? Нет, всё-таки первое предположение мне кажется правдоподобнее.

Source URL: http://ostankino2013.com/belenkaja-bluzochka-dlja-prezidenta.html

Господа и холопы, беки и нукеры. Беседы с К***

С ним я был знаком давно, ещё до работы на НТВ. К. тогда только начинал свою карьеру и ещё не работал в Кремле. Тогда К. был нормальным человеком. Ведь, был, сволочь, нормальным человеком. Мужчиной.

Потом К. стал работать в Кремле и стал меняться. Должность у него так себе — начальник средней руки. Но близок там со всеми «башнями». Покровитель у него — с его же слов — один из старых ближайших друзей «Самого». Ну, и сам питерский. По матери, только наполовину, но ему больше нравилось считать себя именно *питерским*. Человек очень шустрый — умеет, если надо, построить отношения с любым — даже на плевок ответить улыбкой. По комплекции — чиновник. С характерным неспортивным, розовым жирком. Жизнерадостным салом. Да, почти собирательный образ. Ну, уж, извините.

Да, К. говорил, что мы друзья. Так и называл меня — друг. Если не ошибаюсь, я тоже так считал. Он мне часто предлагал помощь. И не один раз я ею воспользовался.

Хотя какая между нами может быть дружба?! У него другой круг общения, у меня другой. Часто непонимание между нами было настолько сильным, что про себя удивлялся: «Что я здесь с ним делаю?! О чем я с ним говорю, спорю, в чём пытаюсь убедить?!» Хотя человек он в принципе умный, лет 15 назад — студентом — говорят, был активным либералом в своём вузе, говорил о справедливости. К тому же, очень хороший юрист. А сейчас, видимо, просто рефлексировал.

Не знаю, что он от меня хотел, и чем я мог быть ему интересен. Возможно, в нашем общении К. искал какую-то отдушину, возможность поплакаться в жилетку…

Однажды наш разговор зашёл о коллеге с телеканала «Россия». Известном своими сенсационными разоблачениями. И К. ёмко так сказал, поморщившись: «Да у него на роже написано, что он продажная шкура и взяточник. Но наш человек!»

«Так они даже к «своим» относятся», — меня передёрнуло от гадливости. Хотя когда К. употребил слово «рожа», перед глазами появилось лицо коллеги — стабильное, тяжёлое, откормленное, почему-то снимаемое операторами во время стендапов максимально крупным планом, на весь экран — и я почти согласился с первой частью мысли собеседника.

Я попросил:

— А ещё?

К. назвал ещё фамилии. Рассказал много интересных подробностей об *их* карманных, прикормленных *ими* журналистах. Большая часть услышанного мне была не очень интересна, потому что касалась крайне ненормальной интимной жизни и других необъяснимых слабостей этих людей. Я снова подумал: «Так они даже к «своим» относятся». Для меня такое отношение было вне логики.

— А ваши хвалённые теленачальники, Эльхан… Может, в Останкино они строят из себя крутых ребят. Возможно. Но в Кремле они становятся шёлковые — с каждой дверью раскланиваются, даже обслуживающему персоналу предупредительно улыбаются.

Но про это я и сам знал. Это было логично.

Не знаю, почему я захотел рассказать про этого человека. И почему не называю его настоящего имени.

Обычно К. инициировал наши встречи. Одна из них произошла осенью 2004 года. Я очень хорошо помню. Сам с нетерпением её ждал — ведь К. имел отношение к одному из главных сюрпризов второго путинского срока — пакету законов об отмене льгот для десятков миллионов граждан. Я спрашивал у К., как это отношение называется официально, но он не захотел рассказывать. Или не смог сформулировать. Предполагаю, как один из юристов, разрабатывавших и курировавших этот сюрприз в Кремле.

А эта так называемая *реформа* мне была очень интересна.

Для приличия её наименовали лукавым эвфемизмом «монетизацией льгот», а не «отменой льгот» и хитро спрятали между строк законов о реформе разграничения полномочий разных уровней власти[35], и предполагала она стопроцентную отмену льгот для почти всех граждан, у которых эти льготы были. Когда летом 2004 года подконтрольный Кремлю парламент тихо, воспользовавшись летним равнодушием населения, принимал этот пакет законов, в Думе возмущались лишь коммунисты, основной электорат которых, пенсионеры, были бы обязательно ущемлены в правах. Единороссы и центральные СМИ закон активно пиарили — мол, людям вместо льгот выплатят «денежный эквивалент» и бывшие льготники сами решат, на что их тратить. Звучало красиво. На ТВ показали несколько хвалебных материалов в пользу «реформы». Особенно запомнились притянутые «репортажи» всех официальных телеканалов из сёл — дескать, деревенские многими льготами не пользуются, особенно льготным проездном на транспорте. Из этого корреспонденты делали вывод — отмена льгот очень

хороший и нужный шаг, людям нужны реальные деньги, а воду мутят популисты. Слава случаю, я в производстве этих «репортажей» не участвовал.

Активно — на улице — протестовали чернобыльцы — 29 июля. Самую яркую акцию — она меня потрясла, очень повлияла на мои взгляды — за три дня до принятия Госдумой закона № 122 провели ребята из НБП[36], но население эту самоотверженную инициативу не подхватило. Как обычно, россияне отреагировали на путинский законодательный сюрприз, только тогда, когда он вступил в силу — в январе 2005 года. После новогодних праздников страну начало серьёзно трясти. Особенно яркие протесты — в Санкт-Петербурге. Дошло до антиправительственных лозунгов и мата. Дошло. Вот тут-то говорящие головы власти стали признавать, что закон был «*сырой и недоработанный*». Пипл не схавал…

Вернее, пипл это всё равно сделал, но не сразу.

Однако, в октябре 2004 года лично для меня индикатором отношения чиновников к пиплу было лицо К. — самодовольное и тяжёлое. С крепкими упругими щёками. С мускулистым носом, натренированно чующим любой запах коррупционной сделки. С глазами, уверенно рассматривающими светлое настоящее под ногами.

Мы с ним встречались в «Пирамиде» у метро Тверская. У меня всё кипело и жгло внутри по поводу этой *монетизации*. Но К. об этой теме как-то рассеянно говорил, как о чём-то несущественном и заурядном. Я ещё тогда поразился — *они*, видимо, думают, что всё пройдёт гладко. Поразился *их* самоуверенности. И даже засомневался в своих выводах.

Всё же вынудил К. перейти к этой теме, и между нами произошёл следующий диалог:

— Чья эта идея?

— Самого.

— ???

— Путина. Он об этом давно мечтал. Эти ё…тые льготы на деньги поменять.

— Плохо подготовлена и реализована эта его мечта.

— Всё будет в порядке!

— Путин представляет, что такое это ваша, то есть его, денежная компенсация? Представляет, что такое 500 рублей? И даже 3500 рублей? Которые получат даже не все льготники, но которые сожрут тарифы? Тысяча рублей — средняя компенсация? Понимает Путин, что это такое?

Собеседник задумался. Думаю, даже он поразился сумме. Но не ответил, и я продолжил:

— А если люди выйдут на улицу?

— Бл…, Эльхан. Вот ты всё ещё веришь в эту свою революцию? Всё нормально будет! Это же Путин! Путин!

— Да причем тут революция? — почти вскрикнул я, а про себя зло подумал: «Им как только говоришь о социальном протесте, сразу в тебе видят Гарибальди».

— Вы! Вы же реально закон недоработали. Вы сами толкаете людей на улицу.

— Кто выйдет? Вот эти выйдут? — К. кивнул через большое окно на дефилирующий по Тверской расслабленный московский люд.

Это была ошибка. Бунтуют не такие. По-настоящему бунтуют не такие. Опасно видеть страну через окна «Пирамиды».

Спор недолго продолжился в том же стиле. А потом К. сделал для меня открытие — на всю жизнь запомнил:

— Вот ты ничего не понимаешь! И, вообще, почему тебя эта тема волнует? Главное — другое. Как *вы* не понимаете очевидных вещей?! Пойми, скоро в стране будут две фактические категории людей: как их называют-то, ну, эти — бояре и их крепостные, господа и холопы. Как это по-вашему, ты мне рассказывал, Эльхан — «беки и нукеры» — вот именно. Те, кто правит, и те, кем управляют. Первые — это избранные, хозяева, и все остальные будут работать на них. Одним можно всё, они — свои, а другим разрешено лишь выживать. Жить по закону, ха-ха.

Мой собеседник-юрист стал заливаться смехом.

— А если будут дёргаться, то… — он сжал кулак и выразительно посмотрел на него. — Так что сам думай — кем ты хочешь быть. Этот процесс уже идёт. Умные должны определиться. Этот процесс во всём мире идёт — господа и холопы. Даже в ваших любимых западных странах, глупцы…

— Наших?..

Передо мной в этот момент и в правду сидел барин, «герой нашего времени» — успешный чиновник, ещё молодой, но уже с кремлевской «ксивой», питерский, живёт на Рублевке, уже привык отдыхать в Санкт-Морице и обедать в «Золотом», брата пристроил в госнефтекомпанию почти топ-менеджером и т. д. Жизнь удалась, считает он.

— И мы тоже — нукеры? То есть холопы?

— Вы журналисты? Да! Конечно! Нас обслуживаете.

Мне было очень неприятно. Но внимательно слушал. И запоминал.

Во время одной из предыдущих наших встреч К. предложил мне работу на госслужбе. Не знаю, кем и где. Я тогда только рассмеялся. Мне это было неинтересно. И вот теперь он

напомнил.

— Так что иди к нам. В наши ряды. Какая журналистика?! Ну, вот кем ты будешь? Тебе что? Хочется быть шутом? Шутом тебе больше нравится быть?

— Шутом? У умного царя и шут смелый, — почему-то, оправдываясь, глупо отшутился я. — Умному человеку шут тоже нужен.

Вообще, я не понимал — что он так ко мне прицепился с этим предложением идти работать на госслужбе. Может, он так надо мной издевался? Возможно. Ну, и над собой, кстати. А, возможно, это было образное, небуквальное приглашение.

— А как же репутация? Репутация власти? Люди же чувствуют такое отношение.

— Б.яяя, Эльхан. Поражаюсь. Ты тоже хочешь быть интеллигентишкой в стоптанных ботинках, идеалистом с голодным желудком? Кто потом вспомнит? Эти? — кивнул он на сидящих за соседними столиками. — Эти пришли сюда потратить деньги, и они уже счастливы. Быдло и гопота — вот оно опасно. Да и им управлять можно. Гопота и босяки будут верить в то, что мы им скажем, а скажем мы им то, что они хотят услышать.

«Нет, в стоптанных ботинках не хочу», — подумал я.

Дальше с К. случилась почти истерика — лицо багровое, во взгляде *ярость благородная*, сам весь трясётся. Половина использованных слов относилась к обсценной лексике. Перевожу:

— Только этих больных пассионариев — активистов я не понимаю, — собеседник смотрел на меня, как самый обычный взбешённый обыватель. — Что им нужно? Эти НБП, АКМ, анархисты хреновы. Почему им не сидится спокойно?! Что с ними делать? Ни чем их не купишь! Фанатики! Давить их надо! Без жалости! Всех можно купить. А этих — давить! Растоптать! Это настоящие наши враги! И государства! Ведь могут попасть в разряд господ. Делать карьеру, бабки. Дела делать… А ходят в стоптанных ботинках.

«Однако, сильно вашего брата пугают идеалисты-бессеребренники в стоптанных ботинках», — очень удивился про себя я.

— И вот такую Россию вы и хотите построить? Одних держать в грязи оболваненными при помощи разных массовых инструментов, других ликвидировать, а третьим — себя-то Вы к ним причисляете — самим править? Вы сами меня убеждали, дескать, «эти (*ельцинские демократы*) страну разбазарили, унизили народ, а мы спасём Россию от развала». Помните — в 2001-ом? И чем вы лучше их?

Такое сравнение всегда их выводит из себя. Убеждался не раз.

И К. это тоже не понравилось:

— Да плевать мне на них всех! Народ? Где ты видишь народ?! Это — быдло, холопы. Если им нравится, то пусть и гнут спины. Я не взяточник, не вымогатель. Люди сами приходят и отдают мне свои деньги. Просят, унижаются. А мне… мне жрать хочется хорошо, пить хороший коньяк, а не водку дешёвую, элитный дом, детей обеспечить. И всё это я имею. Да, мне нравится, что в ноги кланяются. А ты будешь ходить умный и голодный. И ждать чего-то. Свою революцию. Но запомни — русский мужик больше никогда вилы в руки не возьмёт. Мы — настоящие патриоты! Россия — это мы! Её господа!

И под конец своего урока К. ещё раз напомнил:

— Посмотри на них! — показал он рукой на сидящих в этом гламурном заведении посетителей. — Это они люди? Да это такое же быдло! Все они — и эти, что сидят тут, и те, кто гниют в своих шахтёрских городках — у нас вот тут.

К. посмотрел на свой сжатый кулак — мне показалось, с любовью. А потом заказал себе двойную «американку» и апельсиновый сок.

Самодовольство всегда было. И часто… нет, обычно самодовольство заканчивается трёпкой.

Такое уже было. В истории страны самый яркий пример — в середине XIX века. «Россия! Что это за чудное явление на позорище мира!.. Сравним теперь силы Европы с силами России… и спросим, что есть невозможного для Русского Государя. Одно слово — целая империя не существует; одно слово — стёрта с лица земли другая; слово — и вместо них возникает третья от Восточного океана до моря Адриатического». Знакомо. А о Европе? «…они отжили свой век… они не произведут уже ничего выше представленного ими в чем бы то ни было: в религии, в законе, в науке, в искусстве… Златой телец — деньги, которому поклоняется вся Европа без исключения, неужели есть высший градус нового европейского просвещения?..» Всё это — Михаил Погодин, главный редактор журнала «Москвитянин», один из центральных идеологов и рупоров властей, такой Владислав Сурков и Михаил Леонтьев того времени в одном лице. А потом была Крымская война, поражение, причиной которой стала отсталость политическая и экономическая, ужасающая коррупция, говоря нынешним языком, неэффективная властная вертикаль, неработающее гражданское общество. И тот самый Погодин, Сурково-Леонтьев у сапога Николая I, начинает причитать: «Народы возненавидели Россию…»; «Но ведь мы ваши братья, белокожие, русоволосые, христиане»; «Напрасно мы начали останавливать у себя образование, стеснять мысль, преследовать

ум, унижать дух, убивать слово, уничтожать гласность, гасить свет, распространять тьму, покровительствовать невежеству». И нытьё из-за недавно ещё воспеваемой им самим внутренней политической *стабильности* в России «Невежды славят её тишину, но эта тишина — кладбища, гниющего и смердящего, физически и нравственно… Рабы славят её порядок. Нет! Такой порядок поведёт её не к счастью, не к славе, а в пропасть!»

Вот так. Всё уже было. Пройдено.

Конечно, выступления зимы 2005 года с холодным душем поражения в Крыму не сравнишь, однако даже эти жидкие протесты против отмены льгот сильно напугали власть. И озабоченное лицо моего кремлёвского «друга» во время нашей очередной встречи было дополнительным свидетельством этого.

К. приехал уже на другой дорогой иномарке — за какой-то год это была третья (это из тех, которые я видел). А зарплата-то — официальная — меньше, чем у меня. Я пошутил о его авто: «Вам теперь тоже льготы на проезд не нужны?» Обиделся. Нахмурился. Ещё я со злорадством заметил, что, отходя от машины, К. внимательно и с опаской огляделся по сторонам — на дефилирующий по Тверской расслабленный московский люд.

Сели. Ещё ничего не заказали, а он:

— Ты видишь что происходит?

Я молчу. Смотрю ему в глаза.

— А что я мог поделать?! — отвечает К. сам себе.

Не понял — у них комплекс полноценности или рефлексия? Интересно, там все такие? Вот мой знакомый депутат из «ЕдРа» тоже с такими перепадами в настроении. Мужики, определитесь! Ведь, не уверены в себе. Потому что власть вам сама в руки упала. Без борьбы. Значит, боитесь её так же легко потерять. Иногда очень сильно боитесь.

— В принципе, об этом уже полгода говорят — протесты неизбежны. В принципе, я Вам тоже об этом говорил.

А зачем скрывать злорадство?

— Это они, враги. Суки против нас. Спонсируют на гранты эти протесты…

— Да ну, — рассмеялся я — даже не скрывал своего хорошего настроения. — Сами в это верите? Просто — тупая монетизация. Ничего не продумали. И те, кто её задумал, и те, кто её проводил — все они поступили тупо.

— Да, это наши недоработали…

К. назвал несколько фамилий, я, к сожалению, их не запомнил — они не были на слуху. А сейчас спросить, уточнить у него не могу.

Но, однозначно, тогда К. было страшно. Как быстро

самоуверенность у них сменяется страхом за свои душонки! Мне было противно.

Почти всё, что К. на той встрече говорил, показывало его крайний страх и неуверенность.

— Всё это твои любимые русские, Эльхан! — вдруг заявил мне К. — Бердяева мне пересказывал. Ильина. Русская идея, блять. Х.й их поймёшь…

От этого заявления я опешил:

— А Вы что, не русский?

— Я не русский, я — питерский, — сказал мой собеседник и истерично, нервно засмеялся, видимо, вмиг почувствовав себя ужасно остроумным.

«Неужели, это смешно?» Смотрел на него и не мог даже улыбнуться для приличия. Да, тяжело себя ассоциировать с теми, кого ты считаешь за быдло.

— Бараны, — вдруг сказал К., успокоившись и минуту подумав. — Он же должен был всё предвидеть. Дурак все-таки он…

— Кто?

— *Он!* — К. зашевелил бровями.

Мне стало крайне интересно — перешёл на шёпот:

— Кто? Путин? — спросил я и для формата, демонстративно отложив подальше телефон, огляделся по сторонам.

Собеседник резко кивнул.

Опа! Это что-то новое. Бунт на корабле? Переворот? Проблема 2008?

— А ему говорили про возможные протесты?

— А он что — сам не понимал?! — собеседник предсказуемо быстро предал своего хозяина.

К. задумчиво, лениво ковырял во рту зубочисткой. Некоторое время молча наблюдал за ним. Не знаю, почему я это спросил. Может, чтобы себя позабавить…

— А к выборам вы готовы?

К. вдруг резко собрался: спина прямая, голос твёрдый. Прочеканил, заученно:

— К выборам мы всегда готовы!

— Владимир Владимирович?

— Конечно! Однозначно!

Всё-таки К. — чинуша. Чинуша и есть. Эти люди называют себя патриотами, и что они сделали для страны. России врагов внешних не нужно — свои чиновники-«государственники» загубят. «*Главный враг — в сердце империи!*»

Единственной структурной реформой во время второго путинского срока была эта идея с отменой-*монетизацией* льгот.

Идея хорошая. Была возможность уничтожить коррупционную среду, паразитирующую внутри раздувшейся и неэффективной системы социальных гарантий. И создать цивилизованную, гибкую, прозрачную, честную систему выплат пенсий, пособий — долгов, обязательств и помощи общества, государства. И надо же было её так провести бездарно! Загубить — ведь подачки 500-2000 (ах, да! героям Великой Отечественной войны — целых 3500 рублей) в виде компенсации за существовавшие (и спасавшие!) льготы нельзя назвать цивилизованной социальной политикой государства. Потом испугаться этих протестов. И за три года ни одной настоящей системной реформы! Ну и легкие нефтяные деньги, иллюзия благополучия, рост ВВП (банальный потребительский бум за счет иностранных лёгких кредитов) — кто будет проводить глубокие реформы в таком состоянии? Эти? Тем более, эти! Нет, эти и сами поверили, что в стране всё хорошо только благодаря им. Благодаря Ему. Его мудрой политике — *«Владимир Владимирович, Вам везёт!»*

Везёт. За целый срок одна неудавшаяся реформа — осталась всего лишь идеей красивой. В результате — всё равно рост тарифов, обнищание населения. А ему всё сошло с рук. Везёт. Повезло человеку со страной.

Бояре и холопы. Это было главное, что я извлёк из бесед с К***.

Да, наверное из-за этого и хотел рассказать про него — из-за этой его концепции «Господа и холопы».

Гопода и холопы. И в чём тут смысл? Где смысл? В том, что живёшь лучше — лучше других? Жрёшь икру, когда вокруг нищета? Ну, в этом был бы смысл, если бы икра и собственное местопребывание были на другой планете. Не тебя затронет, так твоих детей, дорогой мой К***.

Господа такие же рабы, как и их холопы. Рабы своих холопов. Даже большие рабы, чем их рабы.

И всё же. Беседы с К. пошли мне на пользу. Благодарю. За откровенность. Больше никто мне так ясно не говорил о себе и своём окружении. Своими поступками, своей жизнью — да. Но не словами.

Source URL: http://ostankino2013.com/gospoda-i-holopy-beki-i-nukery-besedy-s-k.html

Министры, пресс-конференции и толстая кишка депутатов Госдумы

Морозным утром 2 февраля 2005 года у министра чрезвычайных ситуаций Сергея Шойгу была внеплановая пресс-конференция в редакции «Московского комсомольца». Коллег-журналистов пришло много, но так как крупных аварий, катастроф в стране тогда не произошло, то эта беспричинная «пресуха»[37] обещала быть скучной — отчет об успехах министерства.

Генерал Шойгу вообще не любит, когда ему задают неприятные и острые вопросы. Особенно о его ведомстве. В таких ситуациях министр начинает злиться, терять самообладание — смотрит быком, растягивает слова, сжимает кулаки — и может перейти на личности. В эти сладкие минуты Шойгу чувствует себя большим и сильным. Бэтээром. Храбрым батяней-комбатом. Это он так считает. Но со стороны это выглядит по-другому. Легко быть БТРом, давящим загорающих на пляже. И комбатом Будановым в группе продленного дня пятиклассников тоже легко быть.

Но он не один такой. Болезненная раздражительность даже на мягкую попытку критики от тех, кто, по их мнению, не имеет на это право — отличительная черта всех российских чиновников. Особенно, высшего руководства. Критический вопрос по мнению этих недалеких людей может быть, максимум, такой: «Извините, господин министр. Позвольте. У меня вопрос. Хи-хи. Можно? Спасибо большое. Ваше министерство очень чётко работает. Особенно в последний год достигнуты впечатляющие результаты. Но в Вашем ведомстве ещё остались — конечно, их мало, хи-хи, извините — люди, которые, так сказать, позорят честь мундира и бросают тень… Да-да, вопрос. Что Вы можете им сказать? Какая работа вёдется по их выявлению, возможно искоренению?»

Вы думаете — они знают, что такое пресс-конференция? Они думают, что пресс-конференция это один из способов засветить себя, ну и свое ведомство в средствах массовой информации. Вот чувствует чиновник такого высокого ранга, что интерес к его персоне ослаб — быстро проводит пресс-конференцию. Сразу после «общения» с журналистами он, отменив все встречи, вообще забыв о работе, запирается у себя в кабинете и с нетерпением щелкает пультом — с одного телеканала на другой, ревниво фильтруя выпуски новостей в поисках своего лица. Наутро нервно перелистывает те газеты, сотрудники которых

были на пресс-конференции, и, найдя требуемую статью или заметку, по несколько раз медленно ее перечитывает. Всегда у него есть повод для недовольства: то нос у него блестел, то оператор «не с той точки снимал», то не те его слова цитировали, которые он хотел, то материал слишком маленький. «А эти, вообще, ничего не дали. Тааак! Ничего! Ничего, я вашей газетёнке министерскую месть устрою… Всё-таки журналисты такая дрянь!» Это очень комично, но это так.

А вот когда реально что-то произойдёт — до них не достучишься. Когда реальная драка — их не видно. Тогда они прячутся за своими пресс-секретарями, которые не отвечают на звонки, а если повёзет то: «Да, министр на месте. Нет, интервью пока не будет! Даже брифинга. Совещается. Думает. Не получил ещё всю информацию с места события. Ну и что, что прошла уже неделя. Мы эти дни работали над этой проблемой. Вы не одни такие. Вас много, а министр один. Мы распространим специальный пресс-релиз. Ждите».

Потому что удар держать не могут. Не могут сменить важную маску на лице, а с такой харей показываться перед налогоплательщиками во время трагедий стали лишь в последнее время. На их лицах озабоченное выражение появляется лишь перед ещё более высоким начальством, от которого они реально зависят.

Помню, в ноябре 2003 года нынешний генеральный прокурор страны, а тогда ещё министр юстиции, Юрий Чайка пришёл на пресс-конференцию в Центральный дом журналистов на Никитском бульваре. Сейчас такое трудно себе представить, «сейчас в ЦДЖ одни оппозиция и маргиналы» дают пресухи, а тогда власти ещё почти не закончили играть в демократию. Юрий Чайка только вернулся с 79-й сессии Комитета ООН по правам человека, где российскую делегацию во главе с министром… как бы это мягче сказать? Вот, образно — поставили в угол. В Женеве говорили о преследовании учёных и журналистов (например, Пасько, Сутягина[38]), о несоответствии выборов в Чечне международным обязательствам России, упорно продолжая считать антитеррористическую операцию гражданской войной и не замечая привезённого туда ново-«избранного» «президента» Чечни Ахмада Кадырова. Еще ругали руководство страны, нагло смотря Юрию Чайке в глаза, за отказы во въезде в Россию экспертов Комитета ООН по правам человека, и даже за гендерное неравноправие в стране. Вот министр юстиции и пришёл в ЦДЖ «лично объяснить некоторым СМИ» не писать «тенденциозные и несоответствующие действительности публикации» о той поездке. «Наивно было бы полагать, что за 10

лет можно преодолеть те завалы и барьеры, которые достались нам от тоталитарного режима», — вот так он признал, что нарушения прав человека в стране ещё есть, но «работа по их искоренению» идёт бурная. Мои невоспитанные коллеги, в виде реплик, уточняли — искоренять будут нарушения прав или сами права, и тем, кстати, уже начали портить настроение министру.

Чайка попытался разбудить в нас гордость за страну, заявив, что «в мире хотят перенять наш опыт в области реформирования пенитенциарной системы». Ну, это про наши тюрьмы и колонии. Я понял, что есть повод задать вопрос про конкретный результат такого реформирования. За неделю до этой возможности в СИЗО «Матросская Тишина» «при проведении плановых режимных работ» обыскали (!) адвоката (!) Ольгу Артюхову после её встречи со своим подзащитным — а это сам Михаил Ходорковский. И отобрали у неё лист бумаги. Минюст, сотрудники которого всё это и делали, заявил, что эту бумагу передал ей её клиент — а это запрещено законом — и стал давить на адвокатскую палату Москвы, чтобы она лишила Ольгу Артюхову статуса адвоката. Но получился скандал под названием «Записка Ходорковского» — лист бумаги был исписан, как потом выяснилось, почерком Артюховой разными её соображениями по защите бывшего главы «ЮКОСа». К тому же папку, в которой находился злополучный лист, во время встречи с Ходорковским она даже не открывала.

Вот такие были сомнения, а Юрий Чайка как будто ждал вопроса по этой истории.

— Эту записку Ольге Артюховой передал Михаил Ходорковский. В ней (в записке — Э.М.) были данные, которые могли повлиять на ход следствия. Помешать ходу следствия. Путём воздействия на участников уголовного процесса, находящихся на свободе. Записка была сразу передана следователям Генпрокуратуры. И следователи выразили нам благодарность за неё.

Министр юстиции улыбнулся результативному творчеству двух ведомств и, видимо, ждал такой же реакции и от нас. Но кто-то из коллег опять пристал.

— А где уверенность, что записку передал Ходорковский?

— Да поймите вы! Это записка Ходорковского! Процесс (передачи записки — Э.М.) заснят на плёнку. Все камеры обеспечены видеонаблюдением, в том числе и в данном случае была отфиксирована передача соответствующих записок…

Вдруг министр понял, что проболтался про камеры наблюдения в комнатах для свиданий в СИЗО «Матросская Тишина» и поправился:

— Звук-то мы, конечно, не фиксируем…

Про звук — это хорошо, если так. Но я продолжал сомневаться и наступал:

— А Вы сами видели эту записку?

— Нет.

Министр не видел, но так точно знал о её содержании. И не только знал, а еще и рассказывал. Не читал, но утверждал.

— То есть и не читали ее?

Тут Чайка от непочтительности почти заревел, как раненный буйвол:

— Слушайте! Я — министр! Министр юстиции Российской Федерации! Я не обязан читать разную писанину! Что Вы цепляетесь?

История с этой «писаниной» осталась запутанной. То есть получалось, что Ходорковский, сидя в СИЗО, научился писать не просто женским почерком, но и рукой своего адвоката, а ещё и освоил искусные трюки невидимые глазом, но видимые камерами наблюдения, однако заснятую ими видеопленку тоже никто не видел и не увидит. А ведь пресс-конференции нужны для того, чтобы снять вопросы, а не ещё больше запутаться.

Кстати, в новостном выпуске на НТВ не рискнули дать в эфир яркое откровение Юрия Чайки о себе и о «записке». Решили смягчить закадровым голосом ведущего: «Однако, он (Юрий Чайка — Э.М.) признал, что не знает полного содержания этого письма, поскольку оно сразу же было передано органам следствия и приобщено к материалам уголовного дела». По «картинке» на этих словах ведущего было — побагровевшее лицо министра, который бил себя в грудь кулаком.

Все-таки интересно, какие страны мира хотели бы перенять российский «опыт в области реформирования пенитенциарной системы»?

Но вернусь к Сергею Кужугетовичу, чей романтический образ «настоящего мужика» занимает почётное первое место в мечтах и нереализованных сексуальных фантазиях миллионов работниц ЖЭКов, административных управ, текстильных фабрик, преподавательниц физики и химии и продавщиц из винно-водочных ларьков по всей стране. По утрам Сергей Кужугетович, с достоинством выдавив из тюбика пасту на зубную щетку и мужественно шаря ею во рту с еще большим почтением перед совокупностью высоких моральных качеств в самом себе, смотрит в зеркало и… И что там видит? Загорелый лик секс-символа. Мужа-государственника. Спасителя.

Ну как такому человеку можно перечить и нарушать эту внутреннюю гармонию? Пресс-конференция продолжалась около полутора часов. Поверьте, даже на «пресухе» министра

чрезвычайных ситуаций мухи от скуки засыпают на лету. И некоторые коллеги откровенно зевали. Операторы, выставив камеры на министра, сами сидели в зале и дремали под монотонное перечисление Шойгу важной информации о недавних закупках пожарных машин, о новом фасоне фуражек для его сотрудников, количестве награжденных и других многочисленных успехах ведомства Сергея Шойгу.

Вот что можно было использовать из этой пресухи для новостей федерального канала? Появление нового фасона фуражек — очень нужное и важное дело, и очень радует, что этот многотрудный процесс под контролем самого министра. Однако, федеральный канал — это всё-таки не квартальный министерский бюллетень.

Уже ближе к концу пресс-конференции я — нисколько не рассчитывая на удачу, но чтобы поменять немного тему — задал министру вопрос о планируемом на той же неделе обсуждении в Госдуме вотума недоверия правительству. Закон о монетизации льгот заработал 1 января 2005 года — то есть за месяц до этой пресухи — и, если кто забыл, оставил миллионы россиян без льгот. В стране была настоящая социальная катастрофа. И тут все представители власти стали валить друг на дружку вину на неудачный закон, словно робкие подростки, попавшие в милицию после первого неудачного опыта заработать деньги своими кулаками. Все делали вид, что ищут виновных в разработке, принятии и исполнении этого Закона. Спрашивается, чего искать? Президент сказал, депутаты приняли, правительство стало исполнять. Но все продолжали ломать комедию. В парламенте ряд депутатов (коммунисты, «родинцы», независимые депутаты и даже несколько членов «Единой России») стали грозить кабинету министров Михаила Фрадкова отставкой. Хотя, конечно, все понимали, что подконтрольный Кремлю, хозяин которого и был главным автором Закона о монетизации, парламент никакого вотума недоверия правительству не вынесет — у «Единой России» было большинство.

Сергея Шойгу эта история непосредственно касалась — во-первых, он министр, во-вторых, сопредседатель Высшего совета партии «Единая Россия». Он задумчиво посмотрел в начале на своего пресс-секретаря, помедлил, но ответил жёстко, соответствуя своему образу, и откровенно — что думал, то и сказал.

— Знаете что. Да, были ошибки в исполнении, но этот закон нужный. Он требует повышения точности исполнения.

Этими словами Шойгу, я думал, разбил сердца многих своих поклонниц, которых тоже было много среди протестующих

против «монетизации льгот» по всей России.

— А депутаты пусть успокоятся! Их избирали, чтобы они своей головой, своим талантом, своей энергией вносили поправки в законы, писали новые законы, добивались выполнения требований своих избирателей. Именно головой, а не толстой кишкой!

После последних слов все оживились. Вот это уже другое дело! Это позиция! Приехали на пресуху не зря. Ответ министра депутатам мы показали в дневных новостях в час дня. Сразу после выпуска я зашёл к Петру Орлову по поводу одной планируемой командировки в Иран. И застал замглавреда в очень приподнятом настроении.

— Ты «мучил» Шойгу? — сразу спросил он.

— Сегодня? Да.

— Очень хорошо. Очень хорошо. Это же фраза дня. «Толстая кишка», — Орлов захохотал, откинулся на спинку кресла и положил ноги на стол.

Но радовался ой начальник недолго. Вдруг в кабинет ворвалась Наталья Малосолова из «Секретариата».

— Петя, Петя. У нас ЧП.

«ЧП? Человек-паук?», — подумал я. А Орлов сразу сел по-человечески в кресле.

Оказалось, Шойгу увидел свой синхрон в эфире, рассвирепел и поднял на ноги всю пресс-службу МЧС.

— Шойгу *требует* снять этот синхрон с эфира.

— Блять, — сник Орлов.

— Петя, сейчас он будет звонить Митковой. Мне в приемной Шойгу сказали, что он на всех там рычит. Шойгу сказал, что больше нас на борт не возьмет. «Ни один борт к себе НТВ не возьмёт!» Мне из его приемной передали, — не могла успокоиться Наташа.

Авиация МЧС иногда помогала журналистам добираться до мест съёмок. Обычно их услугами пользовались во время разных чрезвычайных ситуаций. Или во время сложных погодных условий.

— Да ну… — сказал я. — Мало ли что он говорит. Министерство в его собственности что ли?!

— Эльхан, Эльхан. Не вмешивайся, пожалуйста. Тебе всё равно. А нам нет. Нам потом разгребать. А еще Шойгу сказал, что тебя больше не пустит на его ПКФ[39].

«А земляным червяком ещё он меня не назвал? А может он меня еще и гражданства лишит?», — мелькнуло у меня в голове веселая мысль, но вслух я попытался их успокоить:

— Вот именно, что мне не все равно. Мы его что — пытали на

пресухе, чтобы он эту фразу сказал? *Чем* он сам думал, когда это говорил? Петя, не снимай с эфира.

— Но это ведь фраза дня, — потерянно захныкал Орлов, озираясь на нас и понимая, что он сделает так «как надо». И, внезапно напоровшись на мой злой взгляд, мне:

— Ну что я ещё могу сделать?!

— *Еще?* Да больше ничего, Петя.

Вот такую «жёсткую и упорную борьбу» вёл канал НТВ для того, чтобы дать в эфир даже самую безобидную информацию. Как себя поставишь, так и будут к тебе относиться.

Причину страха, которую Шойгу вселяет во всё федеральное телевизионное начальство, я точно не знаю, но догадываюсь. Дело не только в препятствиях в работе, которые с удовольствием станет чинить министр, забросив остальные свои дела. Раньше, в 90-е, ведь не боялись. Да и сейчас иногда проходят в эфир критические материалы про армию, МВД. А МЧС такое же многочисленное учреждение. Даже «Единую Россию» иногда можно пожурить, когда начальство скажет. А вот про МЧС, как о покойнике — либо хорошо, либо ничего. Ни про коррупцию, ни про перевозку бортами МЧС наркотиков, ни про бизнес-структуры под крышей этого ведомства, ни про охотничьи и конопляные угодья Шойгу в Хакасии и Тыве, ни про состояние в десятки миллиарда и стомиллионный — в долларах, в долларах — дом министра на Рублевке.

Наверное, здесь главная причина — в невернопонятом магическом образе Сергея Шойгу. Российские теленачальники — они ведь не из низов поднялись. Все папенькины и маменькины детки, с запланированной установкой на карьерный рост. Тот же Пётр Орлов, пасынок Владимира Познера. В лихих драках «двор на двор» или «один на один», мальчишеских испытаниях — перелезть с одного балкона на другой на девятом этаже — они однозначно не участвовали. В школе с таких «мелочь трясут», провожая подзатыльниками, потому что видно — не ответят. Да и в профессию они пришли «прямо после пятого курса» вузов, а не из жизни. За всю телевизионную карьеру «горячие точки» избегали, а если вдруг туда попадали, то дальше лайф-позиции в уютной, охраняемой «зелёной зоне» ни за что не выходили, монтируя репортажи из отснятого местными стрингерами материала. А такие, как Шойгу или Путин бессознательно напоминают им тех, которые с них и «трясли мелочь» за углом школы, тех, на которых они так хотели в детстве быть похожими, когда мечтали перед сном в кроватках, лёжа в тёплых пижамах в цветочек и аккуратно вытянув руки поверх одеяла. Потом грустно вздыхали, поворачивались спиной к стене, клали ладошку под

щёку и засыпали.

Больше года спустя после этой истории у меня на руках оказался чудовищный материал с места обрушения Басманного рынка в Москве. Знакомый стрингер за линией милицейского оцепления снял очень качественной скрытой камерой, как сотрудники МЧС взламывали найденные под завалами сейфы и запихивали по карманам деньги, растаскивали любое добро, попадавшее им на глаза — фрукты, вещи, весы (!). Но это ничего. Ещё там было, как эмчээсовцы вместе с сотрудниками милиции вымогают у людей деньги, чтобы быстрее найти оставшихся под завалами их родственников, мертвых или живых. На видео были следующие диалоги:

— Дай 5 тысяч. Тогда я здесь стану разбирать.

— Дам, дам. Клянусь. Начинай. Брат, брат у меня здесь, — кричит в отчаянии хорошо одетый молодой парень.

— А 10 тыщ зелёных дашь?

— А, е. твою мать. Дам. Я тебе 20 тысяч дам, — человек реально выл. — Сколько хочешь дам. Вытаскивай брата.

— А точно здесь надо искать? Ты уверен? — «боец» был невозмутим.

Дальше был мат по-азербайджански. Если бы не его знакомые и сотрудник милиции, стоящие рядом и схватившие парня, падонок в министерстве Сергея Шойгу больше не работал бы.

— Ладно, ладно. Сейчас, — и, обращаясь к своим коллегам. — Мужики, сюда. Здесь будем искать.

В другом месте два эмчээсовца недоверчиво расспрашивали пожилого мужчину. Тот стоял на февральской холодной земле босиком, в одной незастёгнутой рубашке и в «трениках». Видимо, жил рядом с рынком — в чём был, в том и выскочил из дома и прибежал сюда.

— Покажи деньги. Покажи деньги.

Мужчина ничего не понимал из-за эмоций и путал русские слова с грузинскими, как я понял.

— У тебя деньги есть? — «спасатели» оценивали внешний вид убитого горем человека, боясь ошибиться и потерять другого клиента.

Настоящий аукцион. Кто больше заплатит — того родственника или друга и будем искать в первую очередь.

Это видео я предлагал многим коллегам на НТВ дать в эфир, в том числе «бравой» программе «Максимум». В эфир никто давать не рисковал: «Что скажет Шойгу?!» Но себе, в архив, материал все хотели взять — на будущее, вдруг всё изменится. Например, Сергей Шойгу попадёт в немилость, снимут его с должности — вот и расскажут и покажут о происходившем при

нём в МЧС. Если разрешат. А может быть разрешат показать лишь после того как бывший министр, просидев годик без работы, уйдёт в оппозицию. А пока можно, грустно вздохнув, повернуться спиной к стене, положить ладошку под щёку и заснуть. С чистой совестью.

Source URL: http://ostankino2013.com/ministry-press-konferencii-i-tolstaja-kishka-deputatov-gosdumy.html

Забастовка рабочих ДОН-Строя, или Как я подставил компанию

Российская ушибленность метафизикой происходит от нелогичности и отсутствия соблюдаемых правил игры в реальной жизни. В американских и европейских компаниях в среднем половина от себестоимости продукта это затраты на зарплату работникам. Экономисты стран СНГ утверждают, что для бизнеса стран Содружества, в том числе и России, этот показатель не превышает семи процентов. Это наглядный факт. А бездуховность и близкий конец Запада — это лирика, в которую мы с удовольствием хотим верить. Оправдывая свою… метафизичность.

От того, что, например, Елена Батурина ходит в церковь и любит лошадей, мне не жарко и не холодно. Хотя, опять же, например, состояние Йорма Оллилы [1] неприлично далеко-далеко от миллиарда долларов, а средняя зарплата в Финляндии — в этой бывшей провинции-колонии Российской империи — почти три тысячи Евро. И всё равно я не осуждаю увлечение московской мэрской жены. Я же не против. Возможно, и кони её любят. Только почему рабочие из близких к её мужу строительных компаний не могут себе позволить хотя бы те же калории, что и её обожаемые жеребцы.

Хотя, я согласен. Относительно справедливые зарплаты у *них* — это не заслуги местных батуриных, прохоровых, дерипасок, а результат усилий — постоянных — живущих там прагматичных работников с чувством собственного достоинства.

28 февраля 2005 года в Москве началась очень знаковая история. В тот день утром забастовали рабочие ДОН-Строя. Перед своими общежитиями «Аспект» и «Строгино» на 2-ой Лыковской улице собралось около двух сотен сотрудников управления механизации компании, в основном водителей. У них были простые требования — выплатить им зарплату за последние шесть месяцев, оформить с ними трудовые договоры, медицинскую страховку, обеспечить технику безопасности. Некоторым из рабочих не платили уже восьмой месяц. Общая задолженность компании работникам — около 36 миллионов рублей. Не такие большие деньги. Стоимость нескольких квартир от ДОН-Строя.

Было много телекамер. Коллег-газетчиков ещё больше. И на февральском морозе закипели страсти. Бастующие перекрыли Лыковский проезд и собирались двинуться маршем в головной

офис компании на Октябрьском поле. В это момент произошёл инцидент. Сотрудник службы безопасности ДОН-Строя, собираясь проехать на территорию базы, не стал тормозить свою затонированную красную «Ауди» перед толпой, сбил одного из бастующих и переехал ему ногу. Раненного увезла «Скорая», а отморозка-охранника от быстрой расправы спасли его коллеги.

Работа строительного гиганта была парализована: управление механизации это и грузовики, перевозившие стройматериалы на многочисленные стройки компании, и автобусы для рабочих, и строительная техника. Руководство ДОН-Строя было очень напугано неожиданным для них активным протестом водителей и обратилось к силовикам. Приехавшие омоновцы стали грубо оттеснять водителей. Бастующие проезжую часть дороги освободили, но забастовку продолжали. Видимо, от более жёстких действий спецназ удержало присутствие журналистов.

Руководство столичного ГУВД провело непродолжительный, но глубокий мыслительный процесс и распространило ожидаемую дэзу, пытаясь сыграть на гражданском равнодушии и на заботливо скультивированной нелюбви к приезжим. Якобы бастующих было всего 40 человек, в основном водители — выходцы из Средней Азии, и, увидев бойцов ОМОНа, все они разбежались. «Судя по всему, у рабочих не было с собой ни регистраций, ни разрешений на работу», — говорилось в заявлении Управления информации московского ГУВД. Это было неправдой. Именно в управлении механизации в основном работали россияне из регионов — Рязани, Калуги, Воронежа, Дагестана. Да, не москвичи — и что?

Наконец, после визита «плохих полицейских» приехали «хорошие». К половине четвертого вечера появились сотрудники Московской прокуратуры и столичного ОБЭП. Они согласились тут же принять у бастующих заявления по фактам невыплаты зарплаты, нарушений трудового законодательства и миграционного режима и техники безопасности строительных работ со стороны работодателя и обещали возбудить уголовное дело против компании, лишь бы недовольные разошлись.

Следователи начали обыск и выемку документов в кабинете начальника Управления механизации Михаила Лумпова. Руководство компании устно обещало решить проблемы рабочих. Бастующие успокоились и разошлись. Уехали и мы журналисты.

Название ДОН-Строй расшифровывается как дома особого назначения. Имеется в виду — дома для элиты. Это строительный гигант и один из крупнейших девелоперов Москвы. Нарушений архитектурно-строительных норм, техники безопасности рабочих,

трудового законодательства, ЧП — масса. Но странное дело — серьёзного уголовного преследования компания всегда избегала. Обыкновенное чудо. Даже после трагедии в мае 2003 года, когда во время пожара на строительстве жилого комплекса «Алые паруса» погибли рабочие. Компания признала гибель 10 россиян. Строители утверждали, что в пожаре погибло ещё 55 рабочих-нелегалов.

Вообще, кадровая политика ДОН-Строя — как и других строительных компаний — нанимать на работу именно иногородних россиян и трудовых мигрантов, людей, поражённых в правах на территории Москвы. С ними можно не церемониться. Общая численность рабочих на всех объектах компании — около 25 тысяч человек.

Гендиректор компании — Максим Блажко. Кто в действительности владеет компанией — официально не разглашается. Наверняка, без мэра Юрия Лужкова и его зама Владимира Ресина не обошлось.

Прошло два дня.

В половине третьего ночи меня разбудил звонок мобильного телефона. Звонил Николай Петухов, председатель стачкома рабочих ДОН-Строя.

— Приезжайте сегодня к шести утра. Мы возобновляем забастовку. Руководство на нас сильно давит — или мы сегодня выходим на работу, или всех выгонят вообще без денег.

Теперь уже я будил Алексея Кузьмина, тогда заместителя главного редактора информационной службы НТВ. Он сказал, что если считаю нужным — тогда стоит ехать…

На Лыковском проезде перед общежитиями рабочих снова толпились бастующие водители. Их было ещё больше, чем два дня назад. И настрой у них был ещё более решительный. Рабочие снова перекрыли Лыковский проезд — ни одна грузовая машина не могла выехать с автобазы компании.

Здесь уже были одни из организаторов акции — члены исполкома РРП (Революционная рабочая партия — Рабочая демократия) Сергей Биец и бой-девушка Галина Дмитриева; депутаты Госдумы — коммунист Виктор Тюлькин и член Комитета по труду и соцполитике, известный профсоюзный активист Олег Шеин. Поддержать рабочих приехали и ребята из леворадикальных молодёжных движений, входящих в МЛФ (Молодёжный левый фронт) — АКМ (Авангард красной молодёжи) во главе с Серёжей Удальцовым, СКМ (Союз коммунистической молодежи). А также один из лидеров Левого фронта Илья Пономарёв, анархисты из «Автономного действия», активисты «Революционной альтернативы».

Холод страшнейший. 25 градусов мороза, а, может, и 30. Подошвы ботинок прилипают к земле, поговоришь по телефону — и пальцы костенеют. Подслушал слова одного из ребят из АКМ: «Нееет, революцию в России надо делать летом!» — и согласился.

Видимо, в прошлый раз руководство щедро раздавало рабочим обещания, чтобы выиграть время. И прошедшие два дня начальники из ДОН-Строя не сидели, сложа руки. С коллегами из других телеканалов очень хорошо поработали — кроме нашей, других съёмочных групп не было. Лишь несколько коллег-газетчиков подъехало попозже, и, быстро отработав, уехали. Всё-таки, ДОН-Строй очень крупный рекламодатель.

Охрана возле базы была усилена многократно. Помимо чоповцев на территории базы и вне её группами ходили очень крепкие ребята с лицами, которые смутили бы даже Николая Валуева. Два дня назад эти лица я здесь не видел.

Компания могла просто заплатить долги рабочим и решить конфликт. Но накануне ночью бастующим выдвинули ультиматум. Никаких требований. Все выходят утром на работу. Тех, кто не выходит, увольняют без разговора. Это ещё больше разозлило рабочих. Как мне рассказывали члены стачкома, к забастовке присоединились две с половиной тысячи рабочих Управления механизации. Стояли без работы больше тысячи единиц техники…

Атмосфера на улице постепенно накалялась, обе стороны готовы были в любой момент пустить в ход кулаки. Вдруг к воротам из-за спин бастующих вальяжно подъехала та самая красная «Ауди», таранившая толпу в прошлый раз. Рабочие с криками «Бей его!», «Переворачивай!» бросились к иномарке. Испуганный водитель резко дал по газам и скрылся из виду.

Начальство пошло в атаку. Менеджеры сами сели за руль грузовиков со стройматериалами и попытались выехать с территории автобазы. Навстречу им двинулись рабочие и леворадикалы, держа друг друга за руки. Все матерились и кричали.

За рулём первого грузовика был Олег Фиттерштейн. Он стал наступать на толпу. Бампер уперся в грудь тем, кто стоял в переднем ряду. На мгновение все замерли. А потом грузовик стал давить. Но никто не отступал. Эта была картина почти с парижских баррикад. И вдруг один из молодых ребят бросился под колеса. Кто-то дико закричал. Парня стали вытаскивать, а грузовик дал задний ход и спрятался на автобазе.

Потом я узнал — того отчаянного парня зовут Артём Алексеенко. Ему тогда было всего 19 лет, он работал рабочим-отделочником в компании, а также являлся активистом РРП и

«Революционной Альтернативы».

У работодателя снова сдали нервы. Суровые ребята из группы поддержки попытались завязать драку с рабочими. Впереди них, размахивая руками, выступал очень эмоциональный мужчина странного внешнего вида — толстая цепь на шее, несколько колец, рубашка навыпуск — при таком-то морозе в одной рубашке! — резкие движения торсом, пальцы рук у лица собеседника.

Один из рабочих шепнул мне на ухо:

— Он блатной.

— Кто? — не понял я.

— Это наш начальник автобазы Мюрат Кедиа, — поправился рабочий.

У начальника автобазы компании ДОН-Строй были свои аргументы для бастующих. Он кричал:

— Я 20 лет сидел. Мне ничего не страшно. Я вас всех порву. Суки!

Депутаты Олег Шеин и Виктор Тюлькин в ответ привели юридические аргументы в поддержку требований рабочих. Представители работодателя такого ответа не ожидали и снова отступили.

Целый час ничего не происходило. Рабочие, строящие «дома для элиты», окружили нашу съёмочную группу и засыпали своими проблемами:

— По 12–14 часов мы работаем. За талон на еду.

— Нам зарплату полгода не платят.

— А мне с июня.

— По списку в Управлении механизации работает всего 300 человек. Они государство обманывают…

— Мужики, я сюда устраивался и думал, что буду работать в такой крутой компании. Братан, братан, это лохотрон. Меня в моем Липецке так не кинули бы.

— Обещали, заключить с нами со всеми трудовые договоры. А на деле — мы здесь на птичьих правах.

— Мне ещё обещали регистрацию в Москве и медицинскую страховку.

— Даже, когда деньги платили, часть удерживали. Мне обещали 15 тысяч, а на руки я получал девять.

— Нас здесь держат за скот. Даже общежитие работает по своему графику: если возвращаешься ночью со смены — уже не пускают. Мороз на улице, а они ни в какую. И приходится спать в машине.

— У меня вот постоянно стресс из-за усталости, из-за питания на бегу, из-за этого 12-часового графика, из-за мыслей,

чем кормит семью. И какое элитное жилье мы так построим?

— Вместо нас вот узбеков возьмут, а эти за копейку всё что угодно сделают. Они у нас хлеб будут отнимать.

— Их гнать надо!

— Да что ты говоришь? А москвичи также о нас думают.

— Но мне же тоже семью надо кормить!

— А кто виноват? Узбеки эти? Эти конфликты специально начальство само разжигает, чтобы нас разобщить, — говорил пожилой водитель. — Мы же это вчера вечером на собрании обсуждали.

— Что же делать-то, мужики?

— Они реально нас за дураков держат. У них квартиры как золотые продаются, а они говорят — у ДОН-Строя нет денег.

— Он думает, если он зять Лужкова — ему всё можно?

Эту утку — про то, что гендиректор и официальный совладелец ДОН-Строя Максим Блажко зять мэра Москвы — я уже несколько раз до этого слышал. Говорят, что начальство в компании и не думает опровергать этот нелепый слух, чтобы рабочие ещё больше боялись протестовать.

Бастующие на нас очень надеялись. Просили не уезжать.

— Вот если бы Путин про нас увидел. Он хороший. Он не знает, что в стране такое творится.

Представители ДОН-Строя наотрез отказывались комментировать ситуацию. Пресс-секретарь компании Екатерина Вертячих через своего секретаря (!) передала, что очень занята: «Она на конференции, потом у неё будет важная встреча». У меня был номер мобильного гендиректора компании. Звоню ему:

— Добрый день. Извините, это Максима Блажко?

— Да-да, — весело ответил телефон.

— Меня зовут Эльхан Мирзоев. Я с НТВ. Можем с Вами записать интервью по поводу…

— Извините, извините. Очень плохо слышно. Кого Вы спрашиваете?

— Вас, Максим.

— Нет, нет. Вы ошиблись номером, — на другом конце провода генеральный директор строительного гиганта Москвы малодушно стал менять голос.

— Максим, Вы же сами этот номер мне давали…

— Телефон абонента выключен или находится вне зоны доступа сети, — ответил мобильный.

Неожиданно нагрянул ОМОН. Рабочих стали бить дубинками, прикладами, а упавших — ногами.

Перед нами выросла фигура офицера. Движения быстрые. Взгляд наглый, пренебрежительный.

— Так! Камеру убрать. Кто такие?

— Мы с НТВ, — опешил наш оператор.

— Убирайтесь отсюда вон! Быстро! Кассету мне дай.

«Он думает — он из службы безопасности президента!» — мелькнула у меня мысль.

— Так, руки уберите от камеры. Мы здесь стоим, снимаем и будем снимать.

— Я сейчас обоих заберу.

— Поехали.

— Это частная собственность.

— Это улица. Это не частная собственность. Сейчас Вы будете это объяснять своему руководству и прокуратуре, — я стал набирать номер на мобильном.

— Ой-ой-ой. Не надо! Не надо, пожалуйста. Не звоните! — офицер неожиданно весь съёжился.

Я даже не ожидал такого превращения. Кто же со мной только что разговаривал? Нагло и пренебрежительно, а?

— Не звоните! Очень Вас прошу! Меня потом замучают проверками.

— Вы понимаете, что превышаете свои полномочия и препятствуете нам осуществлять профессиональную деятельность.

— Ну, мне приказали — я делаю. У меня семья. Не надо никуда звонить, пожалуйста.

«Что же ты сейчас вспомнил? А у этих людей семей нет?»

— Ну, я больше не буду! Честно! — ещё недавно мужественный и дерзкий офицер привел мощный детсадовский аргумент.

— Ваши имя и должность.

— Сергей Шарпар. Командир роты ППСМ ОВД «Строгино». Не звоните, пожалуйста. Мне приказали. Затаскают, ведь.

Слева у автобуса с омоновцами увидел какую-то свалку-потасовку, кто-то надрывно матерился на всю улицу. Мы с оператором побежали туда. Людей забрасывали в автобус. Я протиснулся к двери автобуса и вижу — в проходе в ногах у бойцов лежит на спине Виктор Тюлькин. Но продолжает сопротивляться. Руками и ногами.

— Парни, вы что делаете. Это же депутат Государственной Думы! — крикнул я омоновцам.

Бойцы опешили. Депутата отпустили и быстро ретировались. Их добычей стали только шестеро рабочих. Забастовка продолжалась.

Посреди улицы стоял подавленный Олег Шеин с очень красным лицом:

— Что случилось, Олег Васильевич?

— Мне по морде дали, — растерянно признался Шеин.

Уменьшившийся в росте командир роты ППСМ ОВД «Строгино» всё еще неуклюже бегает за нами по пятам. Теперь он очень вежливый и заискивающе отвечает на мои вопросы. От кого из высокого начальства исходило указание, он не признался — боялся; а, возможно, и не знал. Но активисты левых организаций выяснили, что омоновцы приезжали по устному указанию заместителя начальника ГУВД Москвы генерал-майора Валерия Карнаухова. Так милицейское начальство решило помочь своим друзьям из ДОН-Строя. Без шума… Не получилось.

Видимо, наша съёмочная группа была, как кость в горле у руководства компании, и мешала им поступить с недовольными так, как они привыкли это делать раньше. К нам вразвалочку подошел необычный начальник автобазы Мюрат Кедиа. И мне:

— Пошли, отойдем, земляк. У меня дело к тебе.

— О! Как раз Вы мне на камеру и скажите точку зрения работодателя.

— Пошли, поговорим. Потом сделаешь свой фильм.

Отошли в сторону.

— Слушай, тебе это надо?

— Не понял. Что это?

— Послушай! — он повысил голос. — Они тебе кто — родственники, друзья? Что ты здесь торчишь? Тебе это надо?

— Вы послушайте! Это моя работа. Да и вы здесь рабочих заставляете трудиться без зарплаты. Они же не требуют чего-то нереального! Только нормальных трудовых отношений. В рамках российского законодательства. Интервью будет?

— Да они — бараны. Им так и надо! Потом они ещё ответят за все это. Пидоры.

— Ваша позиция понятна. От меня — что Вы хотите?

— Братан, мы же земляки с тобой. Это их свои проблемы. Давай решим всё с тобой по-братски.

Потом пристально посмотрел мне в глаза. И о чем-то подумал. Я заметил, что зрачки у него расширены.

— Сколько?

— Что — сколько?

— Десять штук хватит?

— Что? Десять штук?

— Десять тысяч долларов хватит? И ты уезжаешь…

— Вы серьезно мне деньги предлагаете?

— Да, сейчас прямо дам. Пошли в машину, я тебе сейчас отсчитаю.

— Нет, нет. Я не могу уехать. Это неправильно.

— Ладно, сколько ты хочешь? Бабки не проблема.

— Вы не поняли. Я не беру деньги.

Начальник автобазы был удивлен.

— Ты чё? Такой честный что ли?

— Нет, я не честный. Но это моя работа.

Собеседник меня не понял. И пошёл в атаку:

— Тебе не стыдно таким делом заниматься? Бегаешь здесь с этим… с палочкой, — сказал представитель строительного гиганта и попытался перехватить у меня микрофон НТВ.

— Послушайте. Не Вам решать — кем мне работать.

— Я тебе говорю! Иди — займись настоящим делом. Как мужчина.

Разговор становился всё более неинтеллигентным.

— А тебе сказать, чем пойти заниматься? — мне уже надоел этот тип.

— Мы с тобой встретимся потом. Я с тобой ещё разберусь. Я бля 20 лет сидел. Меня все воры уважают.

— Хорошо. Тебе мою визитку оставить? Или сам найдёшь?

— Я тебе твою визитку в жопу засуну! — уже за воротами автобазы крикнул начальник автобазы компании ДОН-Строй и добавил пожелание: — Чтоб ты сдохн!

Конечно же, уверен, финансовое предложение этого человека — бред. Думаю, уже понимая, что я откажусь, стал жонглировать цифрами. Но сам факт!.. Да, кстати, знаю много коллег с федеральных каналов, которые убрались бы оттуда за сумму в 100 долларов. Это не предположение. Когда я рассказывал им про эту историю, часто слышал такой комментарий.

Только во второй половине дня ДОН-строй как будто бы сдался. Благодаря посредничеству депутатов Шеина, Тюлькина и активистов левых движений стачком и работодатель договорились, что до 8 марта компания полностью выплатит всю задолженность, а до 5 марта оформит с рабочими трудовые договоры, выдаст полисы медстрахования. Все предыдущие три дня руководство обещало не считать прогулами и не преследовать за забастовку.

Все это гарантировал лично гендиректор компании Максим Блажко — так утверждали переговорщики со стороны работодателя. Председатель стачкома Николай Петухов на улице объявил о прекращении забастовки. Рабочие улыбались, поздравляли друг друга. Думали, что победили.

Руководство НТВ не хотело давать материал о стачке в эфир. Прошла лишь маленькая «бэзэшка» [2] в 17:00 на орбитный выпуск новостей, который транслируется на неевропейскую территорию страны. Пока я ехал в Останкино, начальство решило

отказаться от репортажа о стачке. Но вечерний выпуск программы «Сегодня», который тогда ещё мог спорить с мнением генерального директора Владимира Кулистикова, решил, всё-таки, дать в эфир материал в виде развернутого «бэзэ».

Кассеты я положил на рабочем столе. Но перед вечерним эфиром они неожиданно пропали. Долго их искали, но найти не смогли. А на «летучке» после вечернего выпуска руководство настояло на том, что «стороны уже договорились — новости уже нет». Ещё там прозвучал странный аргумент — «это спор хозяйствующих субъектов». Я тоже не понимаю, что имелось в виду.

Кассеты неожиданно появились у меня на столе сразу после «летучки». Один из редакторов вечернего выпуска выяснил, что кто-то относил их в кабинет Кулистикову. Потом уже я узнал, что наш генеральный директор владеет большой долей в нескольких строительных компаниях Москвы. Вот и договорился со своими.

Ещё мне передали пожелание Татьяны Митковой — чтобы я в будущем ни в коем случае не ездил на съёмки по собственной инициативе, «и не подставлял компанию». Имели в виду — телекомпанию НТВ.

Поздно вечером снова звонил председатель стачкома Николай Петухов.

— Здесь ребята возмущаются — почему вы не показали?

Я всё честно объяснил.

Бастовавших рабочих обманули. Рабочие выиграли один бой, но битву проиграли. Через несколько дней ДОН-Строй открестился от скандала. В официальном заявлении компании говорилось, что «конфликтная ситуация, связанная с невыплатой заработной платы рабочим и повлекшая за собой заведение уголовного дела на данное предприятие, не имеет прямого отношения к группе компаний ДОН-Строй». Якобы претензии не к строительной компании, а к подрядной организации ООО «Механизация сервис», которая просто выполняет заказы для ДОН-Строя. То есть все свалили на свою «карманную» организацию, которая к тому же ООО, а ДОН-Строй — белый и пушистый.

Уголовное дело спустили на тормозах. Трудовые договоры ДОН-Строй заключил лишь с некоторыми из бастовавших. Среди них — члены стачкома. Долги рабочим не выплатили ни в марте, ни в апреле, ни в мае — лишь небольшую сумму за пару месяцев предыдущего года. Рабочие собирались ещё раз бастовать в июне. Но у них не получилось. Да и работодатель уже понял, что они не бойцы. Понял, что их надолго не хватит. Им можно дать обещания, и они поверят. Может и прав был Мюрат Кедиа — «Им

так и надо!»

Нет, это вам не рабочие с Путиловского завода в январе 1905 года. Тогда путиловцы начали бессрочную забастовку в защиту своих прав после увольнения четверых (!) коллег. Стачку поддержали рабочие и служащие почти всего Петербурга, потом протесты перекинулись на всю страну. Это были другие люди, они умели защищать свои права. Это был революционный 1905 год.

Мы не в Финляндии. Суды, профсоюзы, прокуратура — это всё глупости. Хоть одно завершённое уголовное дело в отношении руководства ДОН-Строя из-за нарушения элементарных трудовых прав вы видели? У владельцев ДОН-Строя свои заботы — яхты, виллы, новые иномарки, новые любовницы, новые жеребцы. А тут какие-то рабочие со своими просьбами о зарплате. Они лучше суд, прокуратуру, моих коллег купят, чем допустят прецедент. Только в активной борьбе можно защитить свои права. Только борьба поможет. Вот был такой поэт в России Кондратий Фёдорович Рылеев. Декабрист. Он знал — как надо. И говорил — как надо: «Но где, скажи, когда была / Без жертв искуплена свобода?» [3] — это его риторический вопрос. Может, я слишком наивен? Может быть. Но я в это верю!

Source URL: http://ostankino2013.com/zabastovka-rabochih-don-stroja-ili-kak-ja-podstavil-kompaniju.html

Бедные киргизы

В понедельник 21 марта 2005 года у спикера Совета Федерации Сергея Миронова должен был сложиться обычный безоблачный день. Без всяких героических поступков. Всего-навсего четыре мероприятия. А именно:

а) собрание Временной комиссии Совета Федерации, на котором сенаторы уже полгода обсуждают «подготовку законодательных предложений по противодействию терроризму»; б) там же заседание Совета старейшин, который заседает просто потому, что его и создавали для этого процесса; в) короткое и зажигательное выступление на открытии Всероссийского энергетического форума «ТЭК России в XXI веке». И ещё — г) участие в строительстве многопартийной политической системы в России.

Этим последним Сергей Михалыч просто вынужден заниматься. Ну, такой факультатив из цикла «Имитация Большого Секса». За ним закреплено левоцентристское электоральное поле, на котором спикер Совфеда ведёт малоэффективную, но эффектную и бурную деятельность.

Партия Миронова тогда ещё называлась Российская партия «Жизнь» (в обиходе РПЖ или ПЖ), в которой периодически растворялись мелкие, незначительные политические организации, оставшиеся ещё с 90-х. В РПЖ это называли «объединением демократических сил российского общества». В тот день эта участь ожидала партию «СЛОН» (Союз людей за образование и науку) бывшего депутата Госдумы Вячеслава Игрунова и Партию самоуправления трудящихся Левона Чахмахчяна. Последний был действующим сенатором от Калмыкии и другом Сергея Миронова[40]. Политики должны были подписать Соглашение о сотрудничестве и провести короткую пресс-конференцию о новом альянсе.

Вообще, такие съёмки никому на телеканале не нужны, но мы на них ездим — для страховки. Ну, если вдруг кто-то из ньюсмейкеров что-то скажет незапланированное.

Рано утром Центральный дом ученых РАН на Пречистенке был оцеплен по периметру. Милиция, ФСБ, ФСО. Всё-таки председатель Совета Федерации третий по значимости — после президента и премьер-министра — чиновник в стране. Я опоздал минут на десять. Прошёл по спискам в здание, но в зал, где вот-вот должно было начаться мероприятие попасть не смог. У распахнутых дверей два фэсэошника попросили меня показать паспорт и редакционное удостоверение — уже в третий раз в этом

здании.

— А мы Вас не пустим? — мягко начал стоявший слева, предполагая, что он один из героев творчества Франца Кафки.

— Это почему же?

— У Вас удостоверение НТВ просрочено. Вот, написано: «Действительно до 31 декабря 2004 года».

— Да это у нас каждый год повторяется. Не раздали ещё новые…

— Вооот! — с удовольствием протянул фэсэошник. — Мы не можем Вас пропустить.

— Послушайте! Вот мой паспорт, так? Вот я в списках, так? Чего же Вы ещё хотите?

— А здесь написано, что Вы с НТВ. А доказать это не можете, — тихо сказал он и зажмурился.

— Могу! Я могу это сделать. Вот мои операторы.

Зал, где собирались объединяться демократические силы российского общества, был маленький, да и журналистов пришло немного — максимум дюжина. Оператор Борис Фильчиков и звукооператор Антон Субботин стояли в четырёх метрах от меня. Ребята подошли к нам. Я мог до них дотронуться, говорить с ними шёпотом — между нами было полметра и два препятствия.

— Это наш корреспондент. Пустите его, — попросил Боря.

— Для нас это не доказательство.

— Ну как же. Вот мой паспорт, вот моя фотография…

— Да, паспорт Ваш. В списках Вы есть. Но удостоверение просрочено.

— А у нас тоже они просрочены, — заулыбался Антон.

Я, кажется, уже говорил, что на НТВ страшный бардак. Уже конец первого квартала года, а многие сотрудники с недействительными редакционными документами. Это ещё ничего — компания могла приобретать автомобили представительского класса для начальства, а для съёмок не хватало кассет — не покупали: приходилось их размагничивать и использовать для записи десятки раз, пока те не развалятся. Иногда невозможно было отобрать для эфира те или иные отснятые эпизоды видео или интервью, из-за технических браков на старых кассетах.

Конечно, кремлёвские съёмки — исключение. Для этих целей в видеотеке НТВ был специальный стеллаж с новенькими кассетами «для Путина». Цирк!

Охранники с интересом стали изучать удостоверения ребят. Мне показалось, что всё время молчавший второй фэсэошник даже покраснел.

— Давай пропустим, — сказал он коллеге, назвав его,

кажется, Миша.

— Нет, раз они там, — показал Миша в зал. — Значит они… ммм… с НТВ.

— То есть главное — туда попасть, пройти эти двери. А потом у Вас претензий не будет, так? — начала ехать у меня «крыша» и дрожать руки.

— Да. Но до следующей проверки документов, — улыбнулся моей сообразительности человек, которого я уже ненавидел.

Нашему брату с Сергеем Мироновым было интересно работать. Человек он импульсивный, общительный, корректный, в интервью никогда не отказывает. А всё это, к сожалению, исключение среди госчиновников. Да, в попытке произвести впечатление он может потерять контроль и сказать вздор, яркий, эмоционально-окрашенный, популистский вздор. Говоря просто — его заносит. Но что же тут поделаешь? Современная российская политика сейчас стала не борьбой действий, дел, не конкуренцией деятельности, а соревнованием слов, фраз. Журналист передаёт информацию не о том, кто что сделал, а о том, кто что сказал. Так Миронов хотя бы говорит что-то.

Но самое главное, за что его ценят коллеги — он не сноб. Ни «на камеру», ни «вне камеры». Спикер Совета Федерации выигрывает в невольно напрашивающемся сравнении с другим отечественным спикером — Государственной Думы — Борисом Грызловым, который, наверняка, в прошлой жизни был надменный индюк, или ему предстоит реинкарнироваться в него в будущей.

И подчиненные у Миронова самые корректные, если сравнивать с командой других руководителей. С его службой безопасности можно не только разговаривать, а даже высказывать ей свои мысли.

Я тогда действительно разозлился. Тем более обстоятельства позволяли. А ничто так не красит злость, как понимание осуществимости мести. Уверенный, что эти фэсэошники мне ничего не сделают, я погрозил им дрожащим пальцем, прохрипел: «Я вам покажу!» и, стоя недалеко от них, стал слушать и наблюдать происходящее в зале через открытые двери.

Перед тем, как подписать Соглашение о сотрудничестве Сергей Миронов сказал фразу интересно звучащую, но не связанную с действительностью:

— Сегодня перед вами произойдёт реальное объединение демократических сил. Все три политические партии, председатели которых присутствуют за этим столом, созданы снизу. У нас много общего в наших подходах, в наших программах. Главное — это гуманизм! Такие союзы — залог

становления настоящей многопартийной системы в нашей стране.

Аплодисменты. Улыбки. Можно ставить подписи.

Кто-то из счастливых коллег в зале во время пресухи спросил — какая идеология у этой «коалиции», и Миронова снова понесло:

— Пройдёт ещё несколько лет, и не будет ни левых, ни правых — это всё остатки Маркса и замшелого XX века. А мы стремимся вертикально вверх — к звёздам, к солнцу!

Смех. Искренние аплодисменты. Всё же человек думал над красивой фразой, потел.

Мне звонит Михаил Осокин, ведущий вечернего, семичасового выпуска новостей. Вот школа у Деда (так его на НТВ называли). Только пришёл на работу и уже все съёмочные группы обзванивает. Сам.

— Ну что там, Эльхан? Скука? — спросил как всегда грустно-скрипучий голос.

— Не совсем. Миронов зажигает.

— Нет, про это объединение-слияние не будем давать, — сказал голос Деда и стал ещё грустнее. — Это же не «Яблоко» с СПС…

— А я собираюсь после пресухи отдельно записать Миронова. По поводу Киргизии.

— О! Слушай, точно. А ты уже договорился с ним?

— Пока нет, Михал Глебыч — посмотрел я на своих обидчиков, чтобы набраться сил. — Но настроен решительно!

— Аааа. Давай! Сразу мне сообщи, что он там скажет.

В то время, пока Россия зарастала нравами и обычаями, характерными для политического и общественного застоя, в Киргизии кипела жизнь. События, которые скоро назовут Тюльпановой революцией. Очень важные, показательные для России.

Всё началось из-за парламентских выборов. С 2005 года республика должна была перейти от президентской формы правления к президентско-парламентской. Выбираемый по одномандатным мажоритарным округам законодательный орган получал более широкие полномочия — результат конституционной реформы 2003 года. Предполагалось, что Аскар Акаев, у которого заканчивался третий президентский срок, выберет один из двух вариантов сохранения власти за собой: либо займёт пост премьер-министра, либо продавит новые, дополнительные конституционные реформы, по которым президент будет избираться не на всенародных выборах, а парламентом. Так что, за места в парламенте шла яростная борьба.

По результатам двух туров на выборах — 27 февраля и 13 марта — оппозиционные политики получили всего 6 мест, а абсолютное большинство мандатов достались пропрезидентским силам, в том числе — Партии единства и развития «Алга, Кыргызстан» («Вперед, Киргизия!»), возглавляемой дочкой президента Акаева 32-летней Бермет Акаевой, и партии «Адилет» («Справедливость»).

Оппозиция, возглавляемая бывшими госчиновниками (бывший премьер-министр Курманбек Бакиев, бывший министр иностранных дел Роза Отунбаева, бывший вице-президент и глава МВД и МНБ Киргизии Феликс Кулов) была не согласна с результатами. Наблюдатели ОБСЕ и ПАСЕ не признали выборы соответствующими международным нормам — из-за нарушений как со стороны власти, так и со стороны оппозиции. А вот наблюдатели от СНГ, как всегда, признали выборы «вполне демократическими, легитимными, свободными и открытыми». Очень интересный персонаж и член миссии международных наблюдателей от СНГ Владимир Чуров (тот самый, который сейчас заправляет ЦИК России, а тогда ещё зампред Комитета Госдумы по делам Содружества и связям с соотечественниками), видимо, отправленный в Киргизию на стажировку, сказал по этому поводу, сам того не подозревая, многозначительную фразу: «Мы и наблюдатели от ОБСЕ видели одно и то же, но опять пришли к неодинаковым выводам».

Не согласились с мнением Чурова в Киргизии подозрительно много близоруких киргизов. Начались массовые волнения против результатов выборов. Особенно на юге республики: большинство членов оппозиции были родом из южной, отсталой по сравнению с севером, части страны. Там, на юге, власть захватывали недовольные массы людей — в Оше, Джалал-Абаде, Нарыне и Таласе. На некоторых участках избирком под давлением пересчитывал голоса и менял результаты. Но было уже поздно. На понедельник 21 марта Киргизия была расколота на две части: север со столицей контролировали власти, а юг — взбунтовавшиеся.

Потом многие — в том числе и в России — ругали официальный Бишкек за нерешительность и мягкость. Мол, надо было в самом начале жёстко подавить выступления. Николай Бордюжа[41], например, потом признавался — предлагал президенту Аскару Акаеву использовать механизмы ОДКБ. Но это не совсем так. Власти применили почти весь репрессивный арсенал, кроме втягивания армии. И слезоточивый газ, и спецназ, и стрельба по протестующим, и подкуп оппозиции. И даже использовали любимейший трюк постсоветских режимов —

национальный вопрос: первые выступления в южных городах Оше и Джалал-Абаде официальный Бишкек преподносил как узбекские беспорядки, организованные наркобаронами и религиозными экстремистами. А потом ещё и опустились до самого примитивного регионализма — мол, это нищие и отсталые киргизы-южане, «вчерашние кочевники»[42], озлоблены против образованного, продвинутого русскоязычного севера Киргизии. Но все эти варианты могли дать результат раньше, не теперь — власть потеряла уважение, доверие. Любая жёсткость с её стороны лишь усиливала волнения, выводила на улицу ещё больше людей.

Официальная Москва в те дни была крайне немногословна. Если сразу после выборов происходящее в Киргизии в Москве виделось и комментировалось как хулиганские беспорядки — опасная, но вполне решаемая сапогом и дубинкой проблема — то молчание последних дней говорило о растерянности в Кремле. Да нет, Кремль был в состоянии шока. А ведь говорить что-то надо было.

Третий человек в стране со свитой шёл прямо на меня. Как всегда при журналистах он выглядел подозрительно возбужденно-жизнерадостным. Словно он вот прямо сейчас начнёт движение вертикально вверх — к звездам и к солнцу, а не горизонтально прямо — на открытие банально-планового Всероссийского энергетического форума.

На интервью про события в Киргизии Миронов согласился сразу. Вернее, он вначале согласился, а только потом узнал тему беседы. Вообще, спикеру Совета Федерации не важно — о чём его спрашивают, главное — что его спрашивают. Помню, когда Боря и Антон устанавливали теле-оборудование — это заняло несколько минут — наш ньюсмейкер как-то странно стоял и улыбался, почти блаженно.

Пока мы все шли в отдельный зал, подло отомстил фэсэошникам — рассказал пресс-секретарю Миронова Дмитрию Карманову об истории с удостоверением. Всё слышавшие охранники задумались, потом загрустили и стали вдруг подвижными и вежливыми.

Главу Совета Федерации стало заносить после первого же вопроса.

— Сергей Михалыч, что сейчас происходит в Киргизии? Как Вы оцениваете?

— Это попытка вооруженного переворота. Мы знаем, кто стоит за этими событиями. Это происки наших врагов. Я скажу откровенно — авторы беспорядков сидят на Западе. Но Киргизия им не по зубам! Киргизия — это им не Грузия и не Украина! В Киргизии у них ничего не получиться! — рубил наотмашь

Миронов.

— Как должна реагировать официальная Москва?

— Мы киргизов не оставим. Киргизия — наш важный партнёр. И там могут полностью рассчитывать на нас. Надо понимать: события в Киргизии — это удар по нам. По имиджу и авторитету России.

— Это почему же?

— Потому что пространство бывшего СССР — это зона национальных интересов России.

— В какой, конкретно, помощи официальный Бишкек может рассчитывать на Москву?

— Киргизия может рассчитывать на нас во всём! На обращения, на просьбы друзей принято, вообще-то, отвечать. Любыми ресурсами, политическими и неполитическими… — Миронов сделал предупредительную паузу и перевел взгляд с меня прямо в объектив камеры. — …мы должны помочь нашим киргизским коллегам и друзьям.

— То есть военной помощью тоже?

— Да! И силовыми методами тоже можем помочь Акаеву подавить эти беспорядки.

Я уже тогда понял, что Миронов говорил то, что пришло на ум, а не официальную позицию.

Осокин долго не мог поверить в слова Миронова, пока сам не увидел запись. Ведь на НТВ должны были следовать установке из Кремля — мол, мы ещё не знаем, кого поддерживать. С одной стороны, Аскар Акаев друг Путина, а «на просьбы друзей принято вообще-то отвечать». С другой стороны — опыт украинской оранжевой революции, когда Москва своей открытой, напористой поддержкой Виктора Януковича испортила имидж и себе, и ему.

Руководство НТВ подстраховалось — в эфир самую жёсткую часть «синхрона» Миронова — о военной помощи — не дали. Но даже то, что пошло в эфир вечернего выпуска, вызвало скандал.

Бедные киргизы. Сразу после эфира НТВ на местных интернет-форумах вспыхнуло активное обсуждение «позиции Москвы»: вот, мол, Кремль устами Миронова даёт знать, что поддерживает Акаева; мол, надо будет оппозиции задобрить Москву; а вдруг российские войска с военной базы в Канте вмешаются? а вот знакомый, живущий недалеко от базы, говорит, что там какая-то подозрительная активность происходит? что делать? всё пропало? и т. д.

Когда много позднее я общался с окружением многих действующих лиц тех событий (и Кулова, и Бакиева, и Акаева), они подтверждали — то самое заявление Миронова вызвало тогда большой переполох. Акаевские утверждали — лидеры оппозиции,

и так не отличавшиеся большой отвагой, «серьёзно труханули». 22 марта председатель созданного оппозицией Координационного совета народного единства Киргизии (КСНЕК) Курманбек Бакиев в спешке отправил письмо президенту России и в Государственную Думу со следующим текстом: «КСНЕК надеется, что вы дадите объективную оценку охватившим сегодня многие районы Киргизии волнениям граждан, недовольных политикой Акаева, и просит приложить усилия по скорейшей стабилизации сложившейся непредсказуемой ситуации».

Бедные киргизы. Они же думали, что в Москве всё по-взрослому. Да, Сергей Миронов, по Конституции России, спикер верхней палаты парламента, а не официальный представитель власти. Но это же только по Конституции. А так — он один из фактических представителей власти, ближайших людей к Путину. А мы же с советских времён привыкли читать между строк, искать тайный смысл в словах человека власти.

Знали бы тогда в Киргизии — в каких обстоятельствах родились в голове у этого политика те гениальные мысли о внешней политике России. Ну, сказал человек и поехал дальше. И что? Для него что какие-то там киргизы, что «объединение демократических сил российского общества», что вырубка амазонских лесов — до звезды, до солнца.

Однако, сразу после эфира на НТВ звонили из пресс-службы Миронова и просили больше не показывать тот «синхрон» их шефа. Видимо, ему уже сделали внушение из Кремля. Официальная Москва, напуганная размахом, силой народного протеста киргизов, стала призывать (устами министра иностранных дел России Сергея Лаврова) оппозицию и власть «вернуться в правовое поле и на основе конституции Киргизии урегулировать ситуацию».

Хорошо, что обычные киргизы телевизор в те дни почти не смотрели. Ведь Акаева сбросила взбунтовавшиеся низы, обыватели, улица, а не многотрудная работа лидеров оппозиции — они просто присоединились к протестующим людям — до конца не веривших в рыхлость и импотенцию бишкекского режима и свалившейся им в руки власти.

Днём 24 марта 2005 года собравшаяся перед Белым домом[43] в Бишкеке толпа в ответ на попытку милиции и сочувствующих властям её прессовать ворвалась в главное здание страны. Потом пошла штурмовать и остальные госучреждения в столице. Вечером президент Аскар Акаев, не решившийся пролить большую кровь, убежал в Казахстан, а потом в Россию. Народный бунт, к которому никто не был готов — ни самоуверенная власть в Киргизии, ни робкие лидеры киргизской оппозиции, ни власти

окружающих стран, в том числе и руководство России — закончился победой.

История с Мироновым очень показательна. Люди часто преувеличивают важность тех или иных действий — ну в нынешнее время, заявлений — политиков. Многие важные государственные, международные решения наши чиновники принимают, исходя из своих личных интересов, ну или потому что «просто так захотелось». В этом доказательство мелочности их жалких душонок, их внутреннего мира. Они не способны мыслить хотя бы государственническими императивами. Даже не нравственными. Назначить человека с душою торгаша, который помогал достать стенку и спальный гарнитур в 80-е, а в 90-е был партнёром «тамбовского» ОПГ министром обороны[44]? Легко. Переспала журналистка с кем надо, сделаю её руководителем нового телеканала, аналога Иновещания. Подарили первой суке страны ошейник, сделали дорогому животному приятное, угрохаю на ГЛОНАСС, этого неповоротливого бегемота, где чиновников больше специалистов, миллиарды государственных денег на многие годы вперёд.

Вот за что, например, ингушей, целую нацию, сделали всероссийскими изгоями? А ведь когда-то они были одним из самых преданных России народов. Теперь же их планомерно выдавливают в маргиналы, в леса, в горы, стравливают и уничтожают. А это Путин мстит ингушам за незабываемый опыт болевого физического контакта — в виде тяжёлой генеральской затрещины — с президентом Ингушетии Русланом Аушевым в 99-м году, отыгрывается на всём народе. Бедные ингуши.

Бедные осетины. Бедные балкарцы, бедные адыги. Они ещё верят в федеральную власть. Что-то у неё просят. Пытаются объяснить. Донести верную информацию. Найти логику. Понять. Бедные…

Вообще, события в Киргизии это хороший урок. Ведь вот в чём дело. Да, «революцию тюльпанов» нельзя оценивать однозначно. Там были и мафиозные интересы и интриги, и погромы с мародерством и банальным вандализмом, и жёсткость по отношению к старой элите. В первую очередь к Семье, к ближайшим родственникам и близким Аскара Акаева, этой потешной новой киргизской династии. Но такова судьба всех революций, кровавых или мирных. Не надо было доводить до этого! Бесов Достоевского рождают тупость, жадность и трусость верховной власти, молчание и снова трусость *добропорядочных* граждан, серьёзных и двуличных отцов семейств, услужливость и беспринципность *интеллигентов-государственников-верноподданных*. Насколько жесток и абсурден авторитарный или

тоталитарный режим в закручивании гаек, в административно-бюрократической безнаказанности настолько будет и абсурден, и жесток стихийный протест против него. И в России так. Русский бунт бессмысленный и беспощадный потому, что бессмысленен и беспощаден русский царь. Который доводит ситуацию до бунта под аплодисменты и кивки верноподданного болота. Нечего потом поражаться проснувшемуся русскому мазохизму, как было в 90-е.

Беспрекословное подчинение, своеобразный подвиг повиновения, как проявление туранского (тюркского) этнопсихологического в русском менталитете и в русской государственности, предполагает справедливую верховную власть, справедливого царя. Общество, низы, как это ни странно слышать некоторым, хотят справедливости в правах. Для начала — в праве на хлеб. Ну а потом и в праве на свой путь к звёздам и солнцу. А получается, государство — лишь для избранных, для элиты, для опричников, для сытной жизни бюрократии. Большинство в России будет долго терпеть, испытывать суеверный страх перед властью, ее атрибутами и порядками, а потом пойдёт в безумии громить все те ценности, перед которыми ещё накануне падали на колени. Есть очень хороший пример этому. Вот как в истории с обиженным на верховную власть мифологизированным (былина появилась в средние века) Ильёй Муромцем[45]. Самый любимый и почитаемый народный, «мужицкий богатырь», защитник государства и церкви, после оскорбления от князя Владимира (по былине, Илью не позвали на княжеский пир, но здесь намёк: в лице богатыря Владимир обидел всё крестьянство) «начал он стрелять по Божьим церквам да по чудесным крестам, по тыим маковкам золочёным». Это и есть бессмысленный русский бунт против власти, против тех ценностей, перед которыми ещё накануне падали на колени.

Революционная ситуация наступает, когда обещанная эволюция превращается в многолетнюю деградацию, когда нет справедливости. Никакие стенания потом — ой, давайте решать проблемы в правовом поле, за столом переговоров не помогут. Будет поздно. Раньше надо решать проблемы в правовом поле. Всё по справедливости. Всем достанется. Всех коснётся.

Source URL: http://ostankino2013.com/bednye-kirgizy.html

Главное здание в стране, или Show must go on!

Вечером 11 апреля 2005 года президент России Владимир Владимирович Путин был очень напуган. Откровенно говоря, он был в панике. Первое, что он подумал — это диверсия: «Точно! Вот оно и началось!»

Ещё в самолёте из Ганновера, сразу после того, как ему сообщили эту страшную новость, вдруг предательски заболел живот. Но сказать об этом теперь, при *них*?.. Такая неприятная боль. Тупая, холодящая пустота в кишках, постыдная боль. Нет, это не из-за вчерашнего обильного ужина с Герхардом[46]. С тем ужином уже справился… Позвать врача? «Нет, надо терпеть. Терпеть!» Он холодным взглядом обвёл свою свиту и нахмурился. Ничего им нельзя доверить. «Только и думают, что о своих задницах. Не верю вам, тупые бараны. Делают вид, что поглощены своими обязанностями. А сами только и следят за мной. Как же они меня достали!» — начал он злиться и ругать их про себя.

Гарант Конституции России внешне сохранял спокойствие. С трудом. Сейчас ему очень тяжело давалось бесстрастное выражение лица — его любимое. Все думают — у него железные нервы. И это хорошо, что так думают. Для такого мнения ему пришлось много поработать. Но только он знает, какие ураганы эмоций бушуют в нём. Всё в себе. И ни с кем не поделишься. Ни про своё уныние — да, да, уныние — ни про рефлексии, сомнения, ни про тайные, любимые мысли о Вечности. И мечты… Даже с женой. А друзья? Друзья в последние годы сильно изменились, стали жадными, циничными, мелочными. Да и нет и не было у него настоящего друга, чтобы излить ему всю душу. Все только и знают: дай, дай, дай. Вот Серёжке дал, и Юрке дал, и а у Кольки — за что вот столько? — а мне что? Ты же помнишь, как мы с тобой тогда, мы же то, мы же это, да я же ради тебя, ради России… Ребята, ну, когда мы начнём жить дружно, а?… Уроды! Только и знают, что эксплуатируют меня, пользуются мной как проституткой. Вот и приходится изображать сфинкса. Образ, блин, однако. Один он, отшельник и затворник. Никто не понимает. Но сейчас не об этом…

Тайком стал потирать живот, и мрачно посмотрел вокруг. «Аппарат президента, называется… Какие же они тупые! Самодовольные рожи!»

И вдруг прорвало. Набросился на этих надменных с

остальным миром и юрких под его холодным взглядом солидных людей — стал орать на них со злостью из-за какой-то мелочи, кажется, из-за слишком тёплого чая. А ещё прокричал какую-то чушь, обобщил — мол, я за вас всех всё должен делать?! И сразу поймал себя на мысли, что не только выявил свою раздражённость, но ещё и противопоставил себя им: «Словно жалуюсь». Жаловаться нельзя, жаловаться — это слабость. «А это плохо, слабость — это плохо. Очень плохо! Слабость — это конец!» И ещё больше разозлился на себя за такую простейшую ошибку. «Меня же учили в КИ[47]. При подчиненных держать себя в руках. Я бы сам себе «кол» поставил. Я же люблю риск. Где же хвалёное моё пониженное чувство опасности, а?.. И эти суки всё видят». Забегали, забегали. Но провал шефа отметили. «По глазам вижу. Всё видят. Психологи, блин. Нельзя так, Вовка! Нельзя! Нельзя им верить. Никому нельзя верить! Сдадут! Продадут! Почему мне постоянно не везёт?!»

«Отчего же так живот болит. У меня же такого не бывает». Президенту стало страшно.

Встал и надел пиджак. Чтобы не видно было следов запотевших подмышек на рубашке — несмотря на работающий кондишн.

«А ведь я планировал посмотреть сегодня вечером по РЕН-ТВ последнее слово Ходора[48], под винцо и с шашлычком, — заблестели глазки у ВВП и он непроизвольно хохотнул. Но сразу вернулись недобрые мысли о соратниках. Лень и тупость вокруг. «Жирными задницами своими подвигайте, а? Никто не понимает — я хочу в России новый мир построить, справедливый, гармоничный, чтобы законы работали, чтобы реформы, чтобы права и свободы… То есть, чтобы для *нас*! Чтобы *мы* хорошо жили! А у *них* на уме деньги, интриги, деньги. Никакие идеи *их* не волнуют, никаким порывом *их* не возьмёшь. Разве деньги — главное??? Сколь времени потерял из-за этих их мелочей. На пустую суету… Хотя деньги мне нужны — что я без них?!.. Никому нельзя верить!.. Вот она — власть у меня, и что она мне дала? Пока не наденешь её, не поймешь — как тяжела шапка Мономаха, неудобна, смешна. Я же людям перестал верить из-за власти!» Какая же тоска, когда тебя не понимают. Когда ни на кого положиться нельзя.

«Сердце-то у меня не каменное, я же не железный! — закричал он про себя. — Я тоже хочу ласки, любви, романтики».

«Уууу. Меня любят только из-за денег!» — хотел захныкать президент РФ. Но не мог себе этого позволить.

Простой жизни, с любимой в кино сходить, в парке посидеть, мороженое ей купить, поваляться в постели до двенадцати. Чтобы

бурно выяснять отношения, чтобы кровь кипела, ревновать, чтобы эмоции через край, чтобы она была как дикая кошка, и в сексе, и вообще… Ну, это… ну, активное женское доминирование: фэйсфак и всё такое… «Она — Домина, а я — Саб[49], - сжимая бёдра, сладко заёрзал в президентском кресле Владимир Владимирович, — ой, как я эту тему люблю!» Но разве кому расскажешь? Какой-нибудь предложишь? Не поймут. Президент Путин тяжело вздохнул. Скажут, комплексы, мол. Засмеют, а вот этого — когда над ним смеются — он очень не любил, приходил в бешенство… Брошу их всех и уйду куда-нибудь. Как Александр I — я читал где-то. Пусть перегрызут друг друга… Найти бы такую женщину, чтобы и рай, и ад с нею устроить в шалаше. Почему мне постоянно не везёт?!

«Так! Да что же это такое! Что же я так разнервничался? Взять себя в руки! Вот так! Это же не война, в конце концов!» Хотя если бы война, это же понятно: значит, против всей страны. Против всех. Но тут — против меня. Кто же это мог сделать? Это американосы! Без них не обошлось. Замочу, добью этих вашингтонских крыс. А лондонских потравлю, сожгу! Умолять меня будут, в ногах ползать, прощение вымаливать…

«Голыми руками они меня не возьмут. Вовка не сдаётся!» — стал взбадривать себя Путин и искать глазами своих охранников, этих мощных ребят, силе и фактурной мощи которых он в душе завидовал… и презирал за это. «Сила есть, ума не надо… Кто же это сделал? Кто же её поджёг, а?» Никому нельзя верить!

В тот момент в самолёте Владимир Владимирович ещё не знал, что пожар возник сам по себе. Вернее, помощники ему говорили, что вроде «как обычно», «независимые обстоятельства привели к возгоранию». Но он не верил. Он уже давно никому не верил и не доверял. Пожар — это же такое дело…

Как потом напишут журналисты и историки — в тот вечер загорелось «Останкино». В действительности же, всё произошло в одном из корпусов Телецентра — в аппаратно-студийном комплексе АСК-3, где располагаются часть основных редакций «Первого канала», а также телекомпании 7 ТВ, «Муз-ТВ», «Московия», «Столица» и еще несколько FM-радиостанций. В 18:42 в кабельном коллекторе в районе 12-й студии, в помещениях телеканала МУЗ-ТВ загорелась проводка.

Открытого огня не было — лишь задымление на втором и третьем этажах — в результате тления в одной из студий телеканала повредились техническое оборудование, внутренняя отделка и мебель. На площади менее 80 кв.м. — видел своими глазами, когда ходил на следующий день туда на съёмку. Как потом решили эксперты МЧС, причиной ЧП стал «контактный

коммутационный прибор» — перегрелся «аппарат защиты АП-50-3МТ» (вид электрического предохранителя стоимостью в несколько сотен рублей) из-за «недостатка конструкции данного электротехнического устройства». Проще говоря — в АСК-3 перегорели пробки. Уголовное дело решили не возбуждать «поскольку человеческий фактор в случившемся не усмотрен». Ну, ошиблись пожарные или электрики, установившие это оборудование — что же здесь такого, не сажать же их?! Но, кстати, после этой истории отношения между руководствами Телецентра и местного эмчэсовского управления сильно испортились.

Но главное же не в этом, главное — шоу удалось. Небольшое происшествие, сделалось важнейшим информационным событием дня, федерального значения. Вот этот перегрев оборудования мог отразиться на работе центральных телеканалов? НТВ находится в другом корпусе — в АСК-1, а телеканал «Россия» ещё несколько лет назад благоразумно съехал из телецентра «Останкино» и располагается в офисе на 5-й улице Ямского поля. Да и у сотрудников Первого канала, как и у коллег с остальных телекомпаний и радиостанций, тлеющая проводка могла вызвать только аллергию дыхательных путей. Максимум.

Никто не спорит о реальной опасности. Настоящий пожар для Останкино — это катастрофа. Как будут эвакуировать людей из этого спичечного коробка — непонятно. Огонь за считанные минуты охватит весь комплекс по вентиляционным и кабельным трассам, как кровеносная система пронизывающих весь Телецентр. Устаревшая техника конца 60-х, внутренняя отделка помещений из легковоспламеняющихся материалов того же возраста. За лёгкой косметикой спрятан трухлявый советский союз. От XXI века лишь любимый, спасительный гипсокартон.

И пожарные тогда сработали оперативно. Очень оперативно. Так, как и должны всегда работать. А то как же? Не какой-то клуб в Перми. «Останкино» горит! Приехало больше 30 пожарных расчетов, поисково-спасательные отряды, подразделение «Центроспаса» МЧС. Множество экипажей «Скорой помощи», милиция, зеваки.

Коллеги из АСК-1 собрались у огромных — на всю стену — окон, выходящих на улицу Академика Королёва и АСК-3, и наблюдали реальное, не придуманное кино, *жизненное*. Лично для меня — интереснее «Титаника». Только попкорна не хватало. Я выбил себе место на восьмом энтэвэшном этаже, между лифтами и комнатой охраны НТВ.

Минут через десять после прибытия пожарных расчетов, стало ясно — это не тот случай.

— Эмчээсовцы говорят, что ничего опасного: короткое замыкание, сейчас быстро зальют пеной, — поделился со мной стоявший рядом один из руководителей службы безопасности НТВ, поддерживающий связь с начальством пожарных.

Очень уважаю их профессию. Но как же они любят работать на публику! Даже больше нас, журналистов. Профессия у них ведь тоже романтическая, вот и эпитет себе придумали — огнеборцы. Видимо, работать туда идут начитавшиеся в детстве книжек про приключения пятнадцатилетнего капитана суровые и ранимые ребята — людей спасать, славу завоёвывать, девушек рассказами о подвигах заманивать.

Или же это модная современная болезнь? Устроить шоу, показуху. Всякий хочет видеть свою фотографию в глянцевых журналах, минимум — в газете «Комсомольская правда».

Да, задымление было. «Над телецентром стоял густой чёрный дым», — напишут в газетах те, кто этого не видели. Ну, да, дым. Вернее, дымок. Словно коллеги решили отопить одну из студий сырыми дровами.

Большинство сотрудников выходили из соседнего здания через главную проходную — спокойно, вразвалочку, беседуя и смеясь. Пожарные действовали без суеты, но решительно. Уверен, каждый второй из них мечтал спасти в тот вечер, какую-нибудь Екатерину Андрееву или, в крайнем случае, Дану Борисову — вынести на руках, покрепче прижимая к груди и шепча ей на ушко номер мобильного телефона. Тех коллег, кто не понял тайный смысл происходящего и замешкался, брандмейстеры, хорошенько их припугнув, заставили — для эффектности — лезть в окна и спускаться по спецподъёмникам и выдвижным лестницам. В основном — девушек. Так весна уже: короткие юбочки, беленькие ножки. Дамы неинтересного возраста и коллеги мужского пола продолжали идти также неспешно через главный подъезд АСК-3.

Всё это снимало несколько камер. И пожарные от этого заводились на ещё более радикальные поступки. Стали думать — как бы задействовать пожарный вертолет. Но так и не придумали. Не станет же он просто летать над Телецентром и лить воду на крышу, если она не горит… Жаль, а была бы такая красивая «картинка» — мечтали они.

А вы не знали? Вы серьёзно? Да ведь, каждый эмчээсовский начальник — какого-нибудь УГПС ГУ ГО и ЧС г. Саранска — считает себя таким же талантливым, как Стивен Спилберг. Ну, как минимум, Феллини. Это он-то не знает, что такое безукоризненная техногенная катастрофа, живые спецэффекты, море крови, слёзы, счастье, как будет выглядеть приличный

Армагеддон и как это лучше снимать? А хэппи-энд? Да это Спилберг теоретик и мальчишка.

А? Ну, конечно же, жертв не было. К 20:00 официальные представители МЧС вынуждены были уже признать, что пожар потушен. А ещё, мол, эвакуированы — 428, а «спасены — 27 человек». Последние — это, наверное, те самые юбочки и ножки.

По драматургическим законам — кульминация события уже прошла. И тут появился *Он*. Почти Deus ex machina. В толпе коллег, прилипших к окнам, раздались радостные громкие крики. Кто-то принялся возбуждённо аплодировать. Show must go on!

Ему говорили, что это мелочь. А он всё не мог успокоиться. «Сам, пока сам не проверю, не увижу — не поверю». И вот только приземлились во Внукова-2, сразу помчался через всю Москву туда. «Всё сам, всё сам! Никому нельзя верить! Это же лично против меня!»

Президент пожары не любил. Он их панически боялся. Эти символы бунта. Анархии. Конца стабильности, порядка и равновесия! Этих адских огоньков, от которых одно разрушение, уничтожение. Вот вертишься, бьёшься, воруешь-воруешь, строишь своё счастье — на целом гектаре, в несколько этажей, набираешь добра — всякие там галереи, автопарки, яхты, меха. Обрастаешь, обвисаешь материальным жирочком, думаешь — всё! смирились, сдались! сами друг дружку перегрызут в спальных районах, промзонах и аулах, сопьются в этих моногородках! пусть только попробует это быдло вякнуть! — расслабишься! И тут — на тебе. И выражение издевательское, бесящее придумали — *пустить красного петуха*. Диким потным самогонным хохотом от него несёт, безумием дьявольским. Сволочи. Завистники!.. Чернь грязная! Послушные лузеры! Голодранцы бутовские! Бездельники чертановские!

«Ненавиииижу!» — завыл про себя глава государства и с силой сжал зубы. Ой, как он их боялся… Примета, блин. Или предзнаменование. «Дура, нагадала — мол, бойся красных петухов! Тоже мне — цыганка. Тварь! Накаркала!» А никому не признаешься, что веришь в такие глупости… Или символы?

«А ведь я надеялся, что главной новостью на ближайшую неделю станет мой ужин в Германии[50]. Такие заявления я там сделал! Целый месяц готовился», — президент чуть не расплакался. Да какой Ганновер?! Какой к чёртовой матери Герхард?! Главное, чтобы пронесло! Чтобы не дотла!.. А ведь она горела. Тогда, в августе 2000-го. В год начала моего президентства-царствования. С человеческими жертвами. Трое или четверо… Не важно. Едва не рухнула тогда башня Останкинская. Тяжёлый тогда год был. Первый год. И в 2004-м

Манеж сгорел. Прямо в день моих выборов — 14 марта. Из Кремля всё видел. Этот ад. Подозреваю, кто это сделал. И тогда жертвы были… Жертвы. Кто такое слово стал использовать в таких случаях, а? Словно в дар кому-то, жертвоприношение. Точно как Ходынка для Николая II[51]… «Нееет! Нет! Не хочу об этом думать. Меня так просто не возьмёшь! Вовка не сдаётся!»

И дача сгорела. В 96-м. Всё тогда сгорело! Едва и семью не потерял. Пронесло. Предупреждение? Да, тяжело быть суеверным президентом.

Я не мог поверить своим глазам — я видел Путина, правда, он — меня вряд ли.

После бурной встречи, толпа прилипших к окнам в АСК-1 коллег затихла. Замерла. Все, как зачарованные, смотрели туда — вдаль, на эту магическую фигурку. Следили за каждым её движением. Мне показалось, что многие зрители боялись даже дышать, чтобы не спугнуть это видение, этот мираж собственного производства.

Вот он этот маленький закомплексованный человечек, превращенный трусостью и усилиями останкинских теле-ремесленников и страхами, надеждами и ленью остальных россиян в политическую глыбу, скалу нашей жизни. Кита большой политики. Главного раба страны.

О чём он думал в тот момент? Какие мысли бушевали в этой маленькой головке. Убедился, что никуда его Останкино не делось. «Стоит. Стоит Останкино! Ненаглядный ты мой, инструмент манипуляции и лицемерия. Самого любимого моего занятия. Ах, как хорошо, ах как хорошо!» — наверное, радовался он.

Любили ли его родители в детстве? Не пинал ли папа ногами в углу детской комнаты у холодной батареи, не бил ли тяжёлым армейским ремнём по мальчишечьей попе? Или мать недоласкала? *«Доцент, у тебя папа, мама был?»* Как такому человеку можно доверить ядерный чемоданчик?.. А, может, его девушки не любили? Точно, девочки-подростки бывают такими жестокими. Барышни, будьте терпимее к пацанам, давайте каждому из них шанс, а то потом вся страна — а у кого подчиненные в офисе или просто жители от начальника ЖЭКа — будет расплачиваться.

Однако, президента России на месте происшествия не ждали. Только успокоившиеся бюджетники, вдруг стали опять демонстрировать бурную деятельность. Пожарные — тащить куда-то брандспойты, часть поисковиков побежала в здание, другая — в противоположную сторону, а к пустующим окнам снова потянулись выдвижные лестницы. Медики — бросились

выносить из карет «Скорой помощи» пустые носилки, а потом обратно их — пустыми — заносить. Милиционеры тоже нашли себе работу — принялись теснить и разгонять зевак. А последние — сопротивляться. Такое Броуновское движение. Жизнь продолжается. «Всё-таки, нужно было поднимать вертолёт в воздух», — почесал затылок раздосадованный эмчээсовский босс.

Владимир Путин недолго переговорил с подбежавшим пожарным начальством, а потом, бросив взгляд в сторону работающих телекамер, совершил героический поступок — решительно направился в зачищенное от журналистов здание АСК-3. Полез в пекло. Служба безопасности не решилась ему препятствовать.

Мои коллеги, прилипшие, как и я, к окнам, как говорится, испытывали смешанные чувства — от восхищения и ужаса на грани экстаза до резкого осуждения. Особо экзальтированные едва этих чувств не лишились. Мы знали, что злополучная проволока уже давно залита пеной и успела охладеть, но за судьбу гаранта Конституции всё равно было страшно.

Путин отсутствовал всего пару минут. Естественно, за несколько сот метров это разглядеть было сложно, но предполагаю, президент даже не запачкался. Видимо постоял в холле, понюхал запах истлевшей проводки и мебели Муз-ТВ. Задумался на минутку, а потом махнул рукой: «Ээээ, Муз-ТВ — это ничего. Я его не смотрю», — и вышел на свежий воздух. Пальтишко даже не пропахло.

После этого, ни с кем не прощаясь, президент сел в машину и со спокойным сердцем уехал. «Ух, пронесло», — вырвалось у него уже на заднем сидении. А потом некорректно подумал о своей свите: «Аааа, раскудахтались, поганцы. В штаны наложили. Вовка так легко не сдаётся. Всё у меня под контролем. Вот где они все у меня», — злой и довольный президент посмотрел на свой сжатый кулачок. Ни на кого нельзя положиться! Никому нельзя верить!

Тут и живот перестал болеть. Хорошо!

На фоне этого ЧП отличились не только пожарные и президент. Выпуски программы «Время» Первого канала в тот вечер в 21:00, а также на следующий день выходили из резервной студии. Это несколько раз подчеркивали в эфире ведущие. А пресс-служба Первого комментировала всем подряд — почему именно «Чукча — не дурак!»

Мол, на случай «подобных форс-мажорных обстоятельств» в «Останкино» созданы резервные студии — мол, научены пожаром в августе 2000 года, когда около недели вещание многих телеканалов не велось. И, дескать, эти студии-дублеры, «оборудованные такой же высококлассной аппаратурой» как и

основные, находятся на приличном расстоянии от них. То есть чукча думает о зрителе и яйца в одну корзину не складывает.

Однако, откровенные коллеги рассказывали, что для выпуска новостей использовали эфирную студию программы «Телеканал «Доброе утро»», которая не так давно переехала из АСК-3 в АСК-1. Часть материала и оборудования для выпуска выпросили у НТВ, остальной «высококлассной аппаратуры» вообще не было: суфлёров, необходимых режиссёрских пультов, титровальных машин, достаточного осветительного оборудования… Хорошо, а куда делись деньги в процессе создания резервных студий с «такой же высококлассной аппаратурой» как и в основных? А кто сейчас спросит? Форс-мажор был? Был. В эфир вышли? Вышли. А как — неважно.

Вообще, коллеги с Первого подавали информацию в тревожно-трагической тональности. Словно, парни только что с передовой, где «пули свистели над головой». Ну, как минимум — живыми выбрались из 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС. Наверное, руководство и «звёзды» себе и премии выписали, «боевые»? За проявленное мужество во время спуска по лестнице с шестого этажа, за героизм в проветривании воздуха в ньюс-руме. А что? Чем они хуже пожарных и президента? Они же золотой фонд страны, надежда нации. Целый год заливали алкоголем «пожарный» синдром. Да некоторые из них до сих пор хранят пропахшее в тот день дымом нижнее бельё в вакуумной упаковке — для внуков.

Вот что интересно будет, когда по-настоящему гром грянет?

Есть такое понятие в профессии — информационный образ реальности. Или ещё — информационно-психологическая реальность. Этот красиво звучащий набор слов объясняется так — мол, важно не то, что происходит, а то, как это показывают, описывают, интерпретируют. То есть это любимое сейчас коллегами понятие есть ни что иное как эвфемизм уродливых явлений — обмана и стереотипного мышления. Когда важно не происходящее, а виртуальная реальность, созданная карманными историками, привластными СМИ и Глебом Павловским с Сурковым. Цель — не передать информацию, а создать — поддержать, укрепить — определенный стереотип. Не быть, а казаться. Телевизионный фантом. Имитация Большого Секса. Смоделировать «новую реальность, которая подлиннее реальной» под интересы заказчика (боса компании, партийного руководства, хозяина из Кремля) и… зрителя.

О зрителе позже, а вот хозяин и его подручные… Если бы это мощное оружие, как пропаганда, было бы использовано на пользу, на настоящий результат им можно было бы всё простить.

Но десять с лишним лет были потрачены впустую.

Есть такой гениальный советский анекдот про застойные времена — о поезде в коммунистическое будущее: когда обнаруживается, что впереди отсутствует железнодорожное полотно, Леонид Ильич предлагает: «Задёрнем шторки и начнем вагон раскачивать, а товарищ Суслов[52] будет гудеть». Вот и сейчас так. Раскачиваем паровоз и гудим. Создаём впечатление, что караван идёт. Время с конца 90-ых сначала один питерский юрист, а потом второй потратили на то, что только гудели в останкинскую «трубу». Здесь и кроется причина примитивно-комичной тяги к пиару кремлёвских обитателей. Не будет карманного «ящика» и с десяток многотиражек — сразу станет видно всем, что наши короли голые, что вся новая политическая элита-дворня это сборище крошек цахесов. Икра и мёд в рекламе не нуждаются, а Путин и Медведев нуждаются.

Нет, я не меньше Путина хочу стабильности. Хочу определённости, чёткой позиции. Хочу понять — с кем дружим, а с кем воюем. Просто я не успеваю угнаться за полётом *их* внешне- и внутриполитической мысли и вовремя сгруппироваться. Всё как в антиутопии Оруэлла «1984» — Океания в союзе с Остазией воюет с Евразией, олицетворявшей собой абсолютное зло, а значит, ни в прошлом, ни в будущем соглашение с ней невозможно даже представить. Помните, вдруг во время одной из демонстраций на плановой Неделе ненависти становится известно, что враг и союзник поменялись местами. Оратор, только что в своей речи *с яростью клеймил* Евразию, но тут ему передают записку, и он, даже не запнувшись, не переставая говорить, сменил предмет ненависти прямо на полуфразе. «Без всяких слов по толпе прокатилась волна понимания. Воюем с Остазией! В следующий миг возникла гигантская суматоха».

Они — что? — считают меня настолько глупым? Не могу понять — то Белоруссия друг, союзник и форпост, то воришка, нехороший сосед, «выклянчивающий денег» за транзит российской нефти.

Сколько лет говорили, что Турция противник, враг — то она чеченских террористов поддерживает и прячет на своей территории, то как член НАТО югу России угрожает, то «наши кровные деньги туда везут несознательные туристы», которые ещё и мрут как мухи на турецких дорогах. Даже фильм идеологический сняли — «Баязет». Ладно Валентин Пикуль насочинял небылиц про оборону этой крепости («Баязетское сидение») во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, поиздевавшись над памятью реальным героям той осады, но эти-то, авторы фильма, вообще, историю с ног на голову перевернули

— человека, благодаря которому крепость была защищена — Исмаил Хан Нахичеванский — представили предателем. По сравнению с этим фильмом-ляпом, на который ушло немало денег из пропагандистского бюджета страны, голливудская лента «80 дней вокруг света» с Джеки Чаном — пример педантичного соответствия авторскому тексту. А теперь Россия и Турция дружат: «Голубой поток», «Кавказская платформа», Путин-Эрдоган-Медведев, торговые центры приближённых в Москве и Стамбуле и один в Анкаре. Спрятали «Баязет», достали сентиментальный сериал «Королёк — птичка певчая».

А, помните, президентские выборы в Абхазии в октябре 2004-м? Всё постсоветское время из этой республики лепили образ современной Кубы, Острова Свободы, ещё одного «нашего форпоста». И тут абхазы посмели не выбрать «пророссийского кандидата Рауля Хаджимбу». Видите ли, у него тоскливое выражение лица. Говорят, и Владимиру Путину, незадолго до выборов демонстративно принявшему Хаджимбу в своей летней резиденции в Сочи, тот не понравился — тихий, скучный. Да куда же денешься — свой, бывший офицер КГБ. Здесь же вопрос принципа. Что мелочиться с пиплом. Обрушили на головы жителей маленькой республики всю мощь административного ресурса и предвыборных технологий, угрохав впустую миллионы долларов, а отсталые абхазы, не разобравшись в философии «управляемой демократии», возьми и проголосуй за оппозиционного кандидата Сергея Багапша. И тут вместо романтических героев, «противостоящих враждебной Грузии» — которую, вообще, отечественный агитпроп именует империей и тюрьмой народов — по «ящику» стали показывать неблагодарных абхазов, «плюющих в кормящую руку». Сами же в Кремле топорными методами довели ситуацию до конфликта, и сами же на Абхазию за это обиделись. Вначале ввели ограничения пропускного режима на границе, отменили электрички и поезда из Сухуми. А потом на экране появился Главный санитарный врач России Геннадий Онищенко с новостью о том, что в абхазских мандаринах — главная экспортная статья этой республики — именно сейчас вдруг обнаружились опасные личинки, потому ввозить их в Россию теперь запрещено…

Вот, всю жизнь страна ела мандарины из этой республики, никаких личинок в них не встречая, более того последние 20 лет давилась ими с трудом скрываемым антигрузинским наслаждением…

Как только Сергей Багапш уладил трения с Москвой, абхазские мандарины снова покатились в Россию. И эти странные люди из Кремля сделали вид, что ничего странного не

происходило. Снова дружба против Грузии. Снова Океания в союзе с Остазией воюет с Евразией… Но лично я помню про *них*! Куда делись таинственные жучки? Мне они покоя не дают. До сих пор с подозрением обхожу эти абхазские цитрусы.

Хорош Онищенко! С ним один анекдот. Не понимаю, он врач или дипломат? Или политик? Он что — Патрушев? Если в телевизоре появляется Онищенко и говорит о нехороших продуктах из какой-то страны, значит — с этим государством у нас испортились политические отношения.

И это дипломатия? Да это психология мстительного обитателя коммуналки, а не государственника: сегодня выпили вместе, уточняя кто кого уважает, а завтра один у другого из алюминиевой кастрюльки котлетку стыбрит, набьют друг другу морду, а послезавтра, может, снова выпьют.

Почему *они* думают, что лично у меня такая короткая память? Бесстыдство и ложь пропагандируют как норму. Сегодня друг про друга последнюю гадость скажут, а завтра лезут целоваться. Либо они все больные, либо им, видимо, придумывает сценарии для общения мужественный Константин Эрнст, который, то воюет с Игорем Крутым, поливает его грязью, то целуется и обнимается с ним на тусовках. То сотрудничает с Иосифом Пригожиным, то гонит его пинком под зад. Целая «Формула Эрнста». Сами такие и остальных хотят убедить — чем человек бесстыднее, тем успешнее. Стыд и совесть — выбор лузеров. А виннеры? Победителей не судят. *Они* так считают.

И многие коллеги работают на них. Ведь победители всегда выглядят привлекательнее проигравших, даже если это временно. Искренне начинают верить в правильность своего выбора. Без рефлексий.

22 января 2006 года в программе «Специальный корреспондент» телеканала «Россия» показали смешной фильм Аркадия Мамонтова «Шпионы». Ну, о суперкамне, с помощью которого английские разведчики, работавшие под прикрытием в посольстве Великобритании, якобы, обменивались секретной информацией с завербованными российскими агентами. Ну, помните — какой-то московский сквер, гуляющие люди, некий парень с рюкзачком и в шапочке, съёмки скрытой камерой, скрывшийся в кустах по нужде английский дипломат, много деревьев, потом один из дипломатов-разведчиков куда-то тащит этот супербулыжник, потом это чудо технической мысли чудом появляется в руках у автора фильма и т. д.

Если бы только это. Ну, нравятся подобные темы коллегам с «России»: то Штирлица разукрасят, то тюрьмы ЦРУ в Украине ищут, то к каждому булыжнику в Москве съёмочную группу

отправят. В стране других проблем нет. Но в своём фильме Мамонтов, заслуженный мастер сомнительных сливов информации и прямолинейных агитстрашилок (один из сливных бачков российского телевидения), сам говорит, что многие — понятно какие — российские правозащитники работают на зарубежные разведки. Мол, проходивший мимо камня тот самый парень с рюкзачком и в шапочке, это — Марк Доу, второй секретарь посольства Великобритании в Москве, а значит шпион — потому что все, кто посещал тот сквер, под подозрением. Далее. Этот Доу был ещё и одним из координаторов Фонда глобальных возможностей, финансировавшим некоторые проекты российских неправительственных организаций. Вот и вся логика! Хотя, если даже дипломат в реальности и занимался в России разведдеятельностью, тогда его работа в посольстве и в Фонде была лишь прикрытием его основной профессии.

Мне казалось — это так просто понять. Любому думающему человеку. Даже стилистика закадрового текста не могла не смешить. Фильм начинался с фразы, характерной для жанра контрразведагиток: «С виду, обычный камень. Однако не совсем. Это тайник — специальное передающее устройство британской разведки». Этот Мамонтов просто Задорнов…

После показа фильма «Шпионы» прошло несколько дней. В Москве стояли морозы. Постоянно шёл сильный снег. У метеочувствительных людей обнаруживались сбои в деятельности головного мозга. А также другие нарушения в работе организма. Провоцировавшие проблемы с верной оценкой окружающей действительности…

В один из таких дней меня вызвала к себе главный редактор программы «Сегодня», чтобы я рассказал о Саудовской Аравии, откуда вернулся на прошлой неделе. Возможно, это был лишь повод.

Она выглядела счастливым человеком. Люди в таком состоянии не могут не поделиться своей радостью с окружающими.

— Сейчас такой скандал в стране разразился. Такой скандал, — шумно веселилась Миткова. — Слышал, Эльхан, историю про английских дипломатов? Они занимались разведкой в России, а ещё и наши правозащитники на них работали. Англичане им под видом грантов деньги за сбор информации давали. Алексеева[53] там среди них и другие. Представляешь?

— Это историю с камнем Вы имеете в виду?

— Да, да, — ещё больше заблестели глазки у главного редактора. — Ты видел фильм Мамонтова? Как придумали, а? Камень!

Она больше не могла себя сдерживать. Некоторое время ждал, пока Миткова закончит смеяться. Просто сидел напротив неё и глупо — не улыбаясь — смотрел.

— Да ладно, Татьяна. Это же провокация. Кремль старается оправдать давление на правозащитников, экологов. Ну, новые поправки об НПО[54] проталкивает в общественном сознании. Получится новый закон… и порядок — все строем станут ходить. Через три месяца поправки вступят в силу. В апреле… Это же провокация, Татьяна…

Миткова смутилась. Резко. Задумалась. Стала прятать глаза, а потом лихорадочно перебирать бумаги у себя на столе. Наверное, до неё дошло. Вот прямо сейчас.

— О чём мы хотели с Вами поговорить, Эльхан? — сменила она тему, но всю беседу была какой-то растерянной. Даже рассказ о саудовских принцах и шейхах её не впечатлил.

Да, комично, да, не верится — но эта женщина действительно приняла всерьёз ту постановку с камнем! Думаю, также убедила себя, что все неподконтрольные, альтернативные НПО работают на иностранную разведку…

Вот! Нельзя пользоваться только одним источником информации, даже если он кремлёвский. Тем более, если он кремлёвский.

Вот, зачем нужен был этот т. н. «Закон об НПО», который Путин тайно (кремлёвская администрация целую неделю скрывала факт подписания) завизировал 10 января — ещё дыша на чернила постновогодним перегаром… Либо напуганный оранжевыми революциями Кремль так готовился к грядущим парламентским и президентским выборами, либо капризы болеющего шизофренической шпиономанией человека — стал главой государства, а всё ещё не наигрался в «разведку с территории» (а вернее — в копошение в грязном белье оказавшихся в Ленинграде иностранцев: туристов, студентов, журналистов, бизнесменов). Но, наверняка и первое, и второе. А чего конкурировать с организациями, выражающими и поддерживающими альтернативные мнения?! Запретить и всё! Любому думающему человеку было понятно. А главный редактор федерального телеканал не поняла.

Лично я не успокоился и решил на следующий день устроить маленькую локальную диверсию — прямо на рабочем месте. Было около двенадцати дня, съёмок у меня не было, а настроение — хорошее. Я же не знал, что всё так серьёзно…

Комната полевых продюсеров НТВ находилась тогда недалеко от мужского туалета на восьмом этаже. В огромную открытую дверь видно было, кто направляется туда по коридору. Я

напечатал на белом листе А4 фразу «С виду, обычный писсуар… Однако не совсем». И повесил его прямо над одной из этих необходимых раковин. Думал — будет смешно.

Коллеги заходили в туалет, естественно, торопясь, с озабоченным видом. Один режиссёр и два монтажёра. А выходили какими-то серьёзными, сосредоточенными. Проверил — транспарант продолжал висеть на месте. Раковиной никто не воспользовался.

И тут появился — не поверите — сам Владимир Кулистиков, генеральный директор НТВ. Я обрадовался. Ведь, считается, что у него есть чувство юмора. И одет он был как всегда в стиле клоуна, в одежду ярких тонов. Ну, любимого стиля, например, красные ботинки — лакированные, с желтой окантовкой — носки фиолетовой, а рубашки ядовито-салатовой окраски и галстуки, покрытые сочными крупными цветами. Не гендиректор, а духи «Любимый *букет* императрицы». Не знаю, может, он в детстве мечтал стать садовником или Олегом Поповым? А старость встретить как Юрий Куклачёв? Кошечек дрессировать?..

И вот этот человек, у которого в голове один винегретный китч, заходит, пардон, в сортир. Через 20–30 секунд оттуда послышался какой-то шум. И сразу после этого Кулистиков выскочил из дверей туалета. Резко посмотрел по сторонам — чем сразу себя выдал — а потом быстро-быстро зашагал к себе в кабинет.

«Шифровки» над писсуаром не оказалось. Заглянул даже в мусорные корзины во всех трёх кабинках, но ту бумагу не нашёл. Дымом не пахло, значит, он её не сжёг. Видимо, Кул её аккуратно сложил и взял с собой. Ну, не проглотил же её, быстро разжевав?..

Вот так я рассекретил бывшего агента.

И вот эти люди решают, что должна смотреть страна по «ящику», а что ей показывать нельзя. Как должны думать подданные про «сложную международную обстановку». Какой должна быть журналистика. Включите софиты — сейчас будет другая реальность. Сейчас будут «активные мероприятия», наша очередная «активка».

Это не мой выбор. Может им это нравится, а мне — нет. Журналист в своей профессии проживает чужие жизни. В ущерб своей. Живёт чужими трагедиями, радостями, проблемами. Люди идут в профессию, осознанно делая такой выбор. Может быть глупо, но быть в курсе всего, понимать, что имеешь отношение к этой карусели событий и маленьких историй, к происходящему — это как наркотик. Но сейчас в профессии предлагают ещё большую глупость — тратить драгоценный отрезок жизни на Земле на пустые дела: на пиар и пропаганду, восхваление

мелочей и людишек, возомнивших себя великими деятелями. Не хочу состариться с пустяками. Не хочу советскую систему координат. Я-то думал, «амбивалентность совка» закончилась. Не хочу читать между строк и разговаривать полунамёками. Не хочу тратить жизнь на имитацию. Не хочу быть «автоматчиком партии власти». Лучше я прожгу свою жизнь за месяц. Я пас!

Хочу быть, а не казаться. Хочу использования прямого смысла слов: почему нельзя прямо сказать — «обманываем, пропагандируем». Так нет же, мол, «моделируем действительность», «создаём информационный образ реальности». Вместо открытого «деза» — мне под нос суют «тонкое психологическое управление». Министерство Правды, «Мир — это война», «Любовь — это ненависть». Я устал от небуквальности, метафоричности русского языка. Особенно современного русского языка. Я пас!

Да какие они журналисты. Профессию подставили. Мол, главное не информация, идёт информационная война! «Непростые условия завершающей фазы строительства гражданского общества». Почти как Великая Отечественная! А как же: «Мы передаём новости — а выводы делает зритель»? Всё! Ненавижу вас! Ненавижу вашу пропаганду. Тупую, наглую, рассчитанную на быдло. Ещё с 20 января 1990-го, когда я услышал из «ящика», радио и газет бред подонка Горбачева, научившегося врать стране ещё с Чернобыльской трагедии. Тут уже мои комплексы. Я из Поколения 20 января…

В то утро у меня закончилось детство. Безоблачное, беззаботное, доброе… С молодыми мамой и папой… Вчера ещё был самокат, кустарный велосипед, игры в индейцев — луки и стрелы, приторно сладкая и «каменная» жвачка «Джыртан», родная, *наша*, и *их*, импортная — как, например, Donald Duck — с красивыми вкладышами «дончиками» (весь свой альбом с дорогущими марками обменял у моего одноклассника Лёхи Козлова на две такие пластинки), плавательный бассейн на Рабочем проспекте — предстоящие соревнования. Только турник и гантели. Первая, серьёзная книжка — «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» — в восемь лет. Те самые истошные вопли Тарзана — в ночном заснувшем городе… А сегодня — «снайперы сидят на крышах домов и стреляют в солдат Советской армии», «погромы в военных городках», «вырезают русские семьи» — я сам это читал, сам слышал, видел даже «пострадавших» (по нашему древнему чёрно-белому «ящику» «Берёзка»): одну «простую бакинку в третьем поколении», «чудом спасшуюся от погромов», только без бакинского произношения — такого быть не может! А главное — страха в глазах у неё не было.

И горе у знакомых, у которых ночью какой-то солдат застрелил с пяти метров их 14-летнего пацана, а на улицах Баку в ту ночь среди погибших были и мои ровесники — это они-то террористы? И подавленный, сникший отец: ночью он видел как «его армия» стреляла по безоружным людям, он-то сам в прошлом из спецчастей КГБ, офицер — «воевал за мою Родину и мою партию» с китайцами, «выполнял особые задания на территории противника». А ведь Баку многонациональный город, и среди погибших при «вводе советских войск» — это официально, в реальности, просто расстрел, демонстрация силы, месть за «я не раб, я право имею» — люди разных национальностей — и азербайджанцы, и лезгины, и русские, евреи, татары. Всю государственную и военную мощь впервые в советской истории бросили на свой мегаполис. Советская армия в тот день превратилась в бандформирование, сброд, расстрелявший советский город, штыками и сапёрными лопатами добивавший раненных граждан. Стреляли по окнам, по балконам, по врачам, пулями со смещённым центром тяжести, танки давили «скорые», переезжали тела — просто так.

В то утро я возненавидел свой пионерский галстук.

После этого я стал много читать и видеть уже другое. Такие же уроды, как они, у меня детство отняли! Суки! Да, я не надежный, потому что я помню! И про Горбачева, Язова, Бакатина, Примакова, Лебедя, Крючкова, Гиренко, Варенникова и других функционеров помельче. Они, мол, спасали СССР, но именно в тот день с мирными гражданами и убили то государство. Страна начинала строиться на костях и лжи, и закончила трупами и обманом.

С тех пор терпеть не могу зачистки военными жилых кварталов. До сих пор не могу понять, почему они, силовики, к своим же гражданам относятся как к враждебным жителям на оккупированной территории, почему после них населенные пункты остаются как после американцев в Фалудже?

С заказчиком всё понятно, а вот зритель… Ах, этот зритель. Строящий из себя невинную овечку. Он ведь сам бежит в эту телевизионную матрицу. От скуки, повседневности, собственной трусости, никчёмности своей жизни — к «ящику», где всё время что-то происходит, кто-то кого-то насилует, убивает, выбирает, выигрывает в хоккей, красиво любит, по-настоящему ненавидит. Броуновское движение. Жизнь продолжается. Включите софиты… Реальность виртуальная ярче и привлекательнее, чем неустроенная, пустая своя жизнь — если самому так считать: чем она скучнее, тоскливее, серее, тем больше тяга к мелькающим в ящике красивым картинкам. Абсурд. И он, этот жалкий

обыватель, ничего не сделав, натянув вечером растянутые треники, потягивая своё дешёвое пиво, не замечая супругу, хочет, чтобы show must go on — и тогда он станет соучастником бурлящего водоворота жизни, будет держать руку на пульсе. Он так думает…

Вот тот пожар в Останкино. Ведь все остались довольны. И пожарные, и президент (исключая испорченное агитсопровождение визита в Ганновер), и пропагандисты, у которых «пули свистели над головой» и зритель. А как же… Он и пожар посмотрел, пощекотал себе нервы, и позлорадствовал, что «этим журналюгам хвосты подпалило». Вот жертв не было. Шоу без жертв зритель не очень любит. Ну, да ладно.

Это жалкое ничтожество верит, что при помощи пульта управляет «ящиком». Нет, это «Ящик» при помощи пульта управляет им. Он сам, включив телевизор, даёт согласие на то, чтобы превратиться в продукт телерынка, продукт экрана. Словно, ставит подпись под контрактом. Не героин из Афганистана, а «Ящик» самый страшный наркотик современного среднестатистического жителя Земли. Как первая ступень в Церкви саентологии.

А ведь жизнь проходит мимо. Этот величайший божий дар — человеческую жизнь — зритель меняет на яичницу. Позволяет, чтобы кто-то *там*, в Останкино — жирные безвкусно одетые дяди, неудовлетворённые дамочки — придумывал мир, в котором ему жить.

Готовность быть и стать запропагандированными в нас самих. «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!» Живём в мире лжи и не чешемся. Чем Карамзин отличается от Сахарова в политике, Познера или Мамонтова? Надо начинать с самого начала. С «Повести временных лет», этого «историко-публицистического» пропагандистского труда. Честный учёный, авторитетнейший специалист русского летописания академик Алексей Шахматов[55] признал и доказал, что главная отечественная хроника далеко не единожды *обстоятельно* переписывалась и компилировалась; что летописи на Руси предназначались «не для нравственного назидания общества и власти», а удовлетворяли меркантильные экономические и политические интересы — иногда личные, но, чаще всего, стоящих над авторами хозяев[56]. И тогда *коллеги* старались, напрягались, врали, передергивали. А потом стирали и заново переписывали. Начинать надо с этого признания! А как же? «Так не бывает: тут помню, тут не помню…» «Устроили тут ромашка…»

* * *

Есть у меня одно *рационализаторское* предложение. А то я пишу, пишу и ничего не предлагаю. Надо вечеринки, дискотеки, художественные выставки, мюзиклы и множество других мероприятий проводить в Останкино. Перенести сюда со всей страны все дома престарелых, отделения банков, несколько фабрик, детских домов, школ, клубов, студенческих, а также семейных общежитий, психоневрологических интернатов и т. д. Если что — и пожарные вовремя будут, и вертолёт найдётся, и президент примчится из аэропорта.

Source URL: http://ostankino2013.com/glavnoe-zdanie-v-strane-ili-show-must-go-on.html

Мещанское равнодушие

Мне Михаил Ходорковский никогда не нравился. Особенно, раньше. Ну, не переваривал я его. Ну, не нравился — и всё!..

Но *они* заставили меня зауважать этого человека. Создали из него образ.

Мещанский районный суд Москвы. Улица Каланчёвская, дом 43, корпуса 1 и 1а.

Почему-то, руководство телеканала решило, что я должен работать тут. Основным продюсером на месте — на судебном процессе. Корреспонденты менялись, а я оставался. На моих глазах почти весь процесс прошёл.

Процесс. У НТВ — тут своя роль. Обслуживать недовольных властью. Людей с *пассивной гражданской позицией*. Жителей страны. *Псевдолиберальную* аудиторию. Которая любит возмущаться — только возмущаться. У других телеканалов — своя роль. Своя аудитория. *Сбалансированная информационная картина из суда*. Получите! Ешьте!

Заказывали, заказывали…

Платите! платите!..

Согласен с мнением, что здесь (в Мещанском суде) в этот период (во время процесса над Ходорковским М.Б. и Лебедевым П.Л.) имели место символические для страны события. Показательные. Значимые.

Однако не считаю, что главными на процессе Ходорковского и Лебедева были бывший председатель правления, совладелец НК «ЮКОС» и его коллега, бывший председатель совета директоров Международного финансового объединения «МЕНАТЕП». Нет-нет. И не адвокаты, и не судьи, и не обвинение играли тут основную роль. И не общество, и не право, и не Закон, и, тем более, не мораль. Нет-нет.

Главным действующим лицом — с самой символичной, показательной ролью — тут был другой человек…

Подлинного имени его я не знаю…

Настоящее имя его — тайна….

И это тоже очень символично…

Себе он придумал прозвище «Иван Иванович» — а, может, это была его официальная кличка-идентификатор, ну, конспиративное имя, о котором он всегда мечтал… Да, так и представлялся. Цинично, нахально, с издевкой — так как не скрывал, что это его не настоящие имя и отчество. Да, типичное, *характерное*, простое русское имя. Ну, ассоциативно-образное — мол, человек из простого народа. Ну, дескать, «*Россия вся единый*

Иван» и т. д. Вот так вот…

Лет «Иван Ивановичу» было тогда под 50. Телосложения крепкого, но роста невысокого. Одет невзрачно — как привыкли одеваться многие «силовики»: серый, невыразительный пиджак (почти весь процесс проходил в одном и том же) — дешёвый, угловатый и заношенный; старые штаны — обычно, странного качества «варёнка» — вылинявшие, с растянутыми коленками. И такая одежда, кстати, на нём смотрелась гармонично. Но иногда «Иван Иванович» приходил в белом костюме, который никак ему не шёл — видимо, посоветовали купить на прибавку к зарплате. Внешность у него колоритная, запоминающаяся — ярко рыжие волосы, ярко рыжие усы, рябое лицо. Живое лицо. *Говорящее* лицо — оно рассказывало о многолетнем прозябании в провинции, в безвестности, о чувстве наслаждения властью, что, наконец, свалилась ему в руки, о мести, которую теперь можно излить на всех этих бесполезных, сытых нахлебников-«гражданских».

Помимо чёрствого блеска в глазах, у «Иван Иваныча» были еще две отталкивающие черты — вздрагивающие на скулах желваки и нервно сжимаемые кулаки. Мимика у него была крайне сдержанная, иногда он громко смеялся, приподняв подбородок и широко открыв рот со здоровыми крепкими зубами, но продолжая следить настороженным — даже, испуганным — мраморным взглядом за собеседником. Да, его настоящую профессию можно было определить издалека. Какую он роль тут исполнял официально — никто не мог точно сказать: одни утверждали, что «Иван Иванович» руководит группой судебных приставов, другие — дескать, ему подчиняются спецназовцы Минюста и сотрудники милиции Мещанского суда, а по ещё одной версии, мол, он только координировал проход желающих попасть на процесс.

Все это было неправдой! То есть неполной правдой. «Иван Иванович» был на процессе главным распорядителем. Да, он распоряжался всем. И всеми. Как хотел. Как главный режиссер этого «спектакля». Ему позволено было всё. И не только в отношении нас, журналистов — как отечественных, так и иностранных коллег. Он решал — кто пройдёт в зал, а кто нет из адвокатов, из родственников Ходорковского и Лебедева или обычных посетителей — а суд-то, напомню, был открытый! И он же обладал властью объявить в заседании перерыв (устами, конечно, судьи — да-да, формальности соблюдались) и сколько он продлится. И часто этой властью пользовался. Мог спокойненько во время паузы пройти в комнату судей — кстати, даже не стучался в дверь и там держался по-хозяйски. Да, каждый, кто приходил в Мещанский суд, проходил через руки «Ивана Ивановича» — вынужденно здоровался с ним (а тот мог

ответить на приветствие, а мог — проигнорировать); уничижительно протягивал ему документы (а тот мог сразу посмотреть в них, даже улыбнуться предъявителю и пошутить с ним, а мог отвернуться или — еще грубее — не замечать раскрытого у лица удостоверения очень долго, даже если рядом больше других людей не было); вынужден был отвечать на все его вопросы, а, часто, и терпеть издевательства… Иногда этот человек демонстрировал благодушное настроение — шутил со всеми, даже позволял в перерыве фото- и видеосъёмку, даже позволял журналистам порасспросить себя и даже что-то отвечал в ответ. Чаще, несерьёзно. А иногда являл свое плохое настроение — это была игра — запрещал разговаривать в коридоре даже шёпотом или приказывал спецназовцам выгнать из здания суда всех, кого не пустил в зал. И жертвы его дрессировки пугливо скучковавшись у входа, терпеливо и послушно ждали, когда «Иван Иванович» выйдет покурить, чтобы покорно и виновато заглянуть ему в глаза. Так «Иван Иванович» расставлял акценты. Давал знать, кто тут главный, самец-лидер…

По своему, этот человек талантлив. Так как сумел не только передать идею и дух сценария процесса, но и внести в него свой авторский стиль. Как играющий режиссёр. Потому что те, кто соприкоснулись с «Иваном Ивановичем» — словно прошли через бесцеремонный и хамоватый коллоквиум врачей-проктологов в качестве публичного объекта изучения. И полностью осознали свою ничтожность, слабость, ущербность. Чтобы каждый понял, перед ними он, «Иван Иванович», божество… Они будут отрицать… Но так и есть… Так и сеть… Потому что боялись возразить — подавляющее большинство! катастрофически подавляющее большинство![57] — и поставить его на место. Журналисты — чтобы исполнить задание редакции. Родственники и защита — чтобы не навредить подсудимым. Приставы, милиционеры и спецназовцы Минюста — так как выполняли приказ. Судебные работники и даже сторона обвинения, потому что согласились на новый порядок, и им было что терять — обещанные подачки. Да, подачки. Эти неравноценные подачки.

У всех находилось оправдание. Даже у этих храбрых спецназовцев, которые беспрекословно слушались «Ивана Ивановича» и как псы ретиво исполняли его самые абсурдные команды. Даже у них… И даже эти добрые мОлодцы его ненавидели. Да, не все. Я общался с некоторыми из них — да, признавались и жаловались… Тихо, озираясь… И даже они не знали его настоящего имени, настоящего звания, настоящей должности… Но приказы исполняли ретиво.

Вот милиционеры не жаловались. Особенно те, что

руководили оцеплением вокруг Мещанского суда — с погонами старшего офицерского состава, плотного сложения, зрелые, опытные, немолодые мужики, с открытыми лицами, с короткой стрижкой в средней стадии поседения. Ни на выполняемую ими «работу» и приказ, ни на ретивых спецназовцев «Ивана Ивановича», ни на него самого, ни на абсурд, в котором они принимали участие. Они молчали. Этим даже не надо было на что-то указывать, высказывать им претензии, что-либо объяснять. Сами всё видели и понимали — опускали головы, отводили взгляды. Стыдливо, хмурясь, сжимая губы, вздыхая, не возражая. Да, тоже молчали…

В первый раз я увидел «Ивана Ивановича» ещё осенью 2004 года — 25 октября. Тогда я подумал, обычный пристав; отметив про себя яркий цвет растительности на его голове, хочу пройти рядом в зал заседания — журналистов тогда было не очень много, и для них всех места внутри было достаточно.

Но вдруг вижу — рыжий бросается ко входу в зал и перегораживает мне путь.

— Куда? А ну — стоять! — выкрикивает он кривым ртом и пытается воткнуть свою ладонь мне в грудь, но я успеваю уклониться.

Нас сразу обступают спецназовцы — заглядывают мне в лицо, оценивают заносчивыми взглядами мою весовую категорию и состояние формы, а один из них демонстративно и до боли звонко постукивает кулаком по ладони.

Мне эта сцена понравилась, и я иду на обострение — на хамство надо отвечать грубостью.

— Ты кто такой? — спрашиваю рыжего и спокойно делаю шаг в его сторону.

Конечно, я рисковал. Конечно, спецназовцы могли уладить проблему за несколько секунд. Они ждали только отмашки — ну, хотя бы в виде легкого кивка этого человека — и вылетать бы мне из дверей суда красивой траекторией. Однако, последний теряется — а как ещё расшифровать причину его забегавших глаз и сникшего голоса.

— Чего? Что такое? — выдавливает он из себя. — Это как? *Ты* кто?

— Я с НТВ. А ты — кто такой?

Мой собеседник начинает оправдываться.

— Я? Да тут я всё решаю! А ты кто такой? Почему идешь без разрешения? Кто такой?

Слова, видимо, для человека привычные, но говорит он их неуверенно. Повторяется. Путается. Бравые мОлодцы чувствуют слабость в объяснениях «рыжего» и оставляют нас одних —

отходят метров на пять и рассаживаются на скамейках. Кстати, этих ребят больше не видел. Возможно, «Иван Иванович» специально заменил их другой группой. Они почуяли слабость лидера; интуитивно — как дрогнул у него позвоночник, нерешительность его шейных позвонков.

Всё-таки, пришлось пойти с ним на дипломатические «переговоры» — для вида — возмутиться тем, что процесс-то, дескать, открытый; что мешать журналистам работать нельзя и т. д. Тем более, что на первую часть заседания я тогда уже не смог бы пройти — пока мы «знакомились», судьи прошли на заседание.

А ведь представлялось, что «Иван Иванович» орешек крепкий — ну, просто от неожиданности растерялся. Однако, когда после перерыва направляюсь в зал, тот не только не стал мне препятствовать, а даже, соглашаясь, закивал, как старому знакомому. И даже заулыбался. И даже не стал заглядывать в моё редакционное удостоверение и просить выключить мобильник.

Память, однако, у «Ивана Ивановича» хорошая. Даже спустя несколько месяцев (в декабре 2004-го и уже в 2005-ом, в конце зимы и весной, когда процесс по делу ЮКОСа стал подходить к завершению и активно освещался НТВ) он меня помнил — профессионально натренированная память. Лез постоянно здороваться за руку. Хотя сам я этой процедуры избегал — кстати, успешно.

Не знаю…

Может, он пугался моих «расследований»… Я, не скрывая, искал, допытывался у всех — всё хотел узнать его настоящее имя. А ещё… Некоторых девушек-коллег видел в слезах, после их общения с этим рыжим подонком. Подходил, расспрашивал, но мне они не признавались. Но потом узнал — другие девушки рассказали — «Иван Иванович» многих коллег шантажировал, предлагал «дружбу», иначе угрожал «создать проблемы», мол, не станет пускать на процесс, превратит их пребывание в суде в ад и т. д. Да, «Иван Иванович» хотел секса. В извращенной форме — особенно (так получается из публично озвученных его мыслей) нравились ему групповой и лесбийский. И, конечно, оральный — особенно, в его машине, в соседнем дворе. Да, мог это прямо предложить, девушкам-журналистам. Мог дать волю рукам — прямо тут же, в здании суда. Вот так.

Абсолютная власть портит людей. Часто, мягкотелость и попытки «уладить миром» вызывают ещё больший прессинг. Да, «Иван Иванович» дорвался до власти.

Лично я бесился от его такого поведения. Искал повод — провоцировал его. Не получилось. Да. Но злился от бессилия. От своего малодушия. Лично я до сих пор об этом не забыл.

Кстати, были и такие, кто такую «дружбу» «Ивана Ивановича» принял. Несколько раз видел его на новокупленном мерседесе — покупкой этой развалюхи (действительно, развалюхи) он не раз громко хвастался — с очередной коллегой-газетчицей на переднем сиденье. Увозил куда-то — прямо во время заседания суда, оставив свой «пост» — а потом возвращался с ними обратно. Через полчаса, час. По-быстрому, торопливо…

У него было три его сотовых номера +7 (916) 508-…., +7 (926) 529-…. и +7 (903) 795-…. А еще один раз коллеги засекли один городской номер, с которого он звонил: +7 (495) 332-…8.

Кстати, рукопожатие у «Ивана Ивановича» крепкое, но податливое, уступчивое. Ладонь влажная. Изо рта у него часто пахло тягостным перегаром. Да… Что ещё очень важно — прямого и пристального взгляда в глаза он не выдерживал и терялся. Старался внешне этого не показывать, но чувствовалось — паникует, сволочь. Вообще, его не надо было принимать всерьез — коллективно — игнорировать его присутствие, его роль в процессе, и тогда он быстро сдался бы. Он и его хозяева — такая душонка у любого вертухая, такие у них повадки. А так… Ведь все сами провоцировали его. Своим паническим страхом перед ним. Вот он и вёл себя, как «дембель» со свежей партией «запахов»…

Да, «Иван Иванович» был главным действующим лицом процесса над Ходорковским и Лебедевым — по крайней мере, для тех, кто побывал в здании Мещанского суда. Лицом отталкивающим.

Лицо власти.

Да, человек считал себя очень умным. Даже гениальным. Ведь придумал себе собирательную кличку-позывной. *Исконно* народное имя. Всенародный мститель блин. Где он теперь? Не знаю. Наверняка, спился.

Прокурор Дмитрий Эдуардович Шохин. Вот, кто ещё олицетворял «новый порядок». Тоже позорил страну и общество. Государственный обвинитель.

Неужели, для такого важного процесса во всей Системе не нашлось благообразного, обаятельного обвинителя. Ну, да — подонка, но, хотя бы, внешне привлекательного, приятного на вид. Неужели, во всей Системе не нашлось таких?! Ну, были же Вяземский, Аракчеев, Бенкендорф. Или же идейные — как Николай Крыленко, как Арон Сольц. А получилась жалкая копия даже с Вышинского. Жалкая копия Андрея Януарьевича.

Мне рассказывали про Шохина, но я не верил. Найдите в сети запись выступлений гособвинителя в Мещанском суде, послушайте сами и… получите удовольствие. Поверьте, это наслаждение стоит нескольких усилий.

Да, не ошибаюсь — наслаждение. Потому что становится легко, приятно. От понимания того, на каких пройдох опирается Система.

Возвращаются силы.

И это только голос. А как он выглядел!

Этот человек рождал у меня чувства, неприятные мне самому. Хотелось подойти к нему вплотную, заехать локтем в солнечное сплетение, дать подзатыльник, отнять всю мелочь и «покрупнее», снять часы, *отжать* мобильник, растоптать или порвать галстук и т. д. Да, он будил во мне инстинкт гопника. Да, если бы Шохин Д.Э. не делал бы того, что сделал, мне было бы очень стыдно в этом признаться.

Вначале я думал, что это прикол. Такое же не может быть! Назначить этого маленького человечка, напоминающего бахчевую тлю — такой же бесцветный и такой же суетливый — на главный процесс путинской России?!. Да, государственный обвинитель Шохин походил на мужчину, пережившего физическую и психическую травму — передвигался подпрыгивающей походкой, на самом процессе постоянно озирался по сторонам, нервно и громко массировал некрепкие ляжки под столом. И даже когда он сидел, появлялось ощущение, что он подпрыгивает. На месте. Отталкиваясь от стула нижними полушариями мозга. Я видел Шохина в форме и без неё. Когда прокурор надевал форму и направлялся в зал заседания, прыжки его становились нервнее, но выше и делал он их с удовольствием. Осмысленнее становились эти его прыжки, что ли?.. Да, да, ходил он бесшумно. Вообще, вне здания суда старался передвигаться бесшумно. Но вот на процессе… Что за даун! Почему-то уверен, у этого человека плохой сон, постоянно нарушаемый кошмарами… А спит он, свернувшись в клубочек…

Нет, ну, он сам провоцировал. Одним своим видом. Одним своим голосом — скрипучим, нудным, мультяшным голосом ослика Иа. Скучным и гнусавым. Даже мне слышать этот мерзостный скрип было подобно пытке. А ведь я мог встать и выйти из зала. А ведь я не был вынужден сидеть в клетке, как Ходорковский и Лебедев. Которым приходилось долгие месяцы выслушивать, как гособвинитель подолгу перечитывает — по слогам, с блеклой, монотонной интонацией — материалы дела. С маниакальным упорством прилежного ничтожества. Если его перебивали, мог начать читать длиннющий документ сначала. Мог просто — без вмешательства — взять и заново перечитать длиннющий документ ещё раз. Даже не имеющий к делу никакого отношения длиннющий документ — например, посвятить час чтению техпаспорта какого-то бассейна или «Обзора отрасли

добычи и переработки фосфатов», содержащий анализ запасов апатитового концентрата в Марокко и Иордании. С выражением садистского удовлетворения на сухоньком лице извращенца. Да, сам факт назначения такой бездарности как Шохин Д.Э., его незабываемое заунывное поскуливание — это и есть психологическая пытка над подсудимыми (как и над всеми, кто сидел в зале), преступление против личности.

Шохин часто читал по слогам — уверен, специально.

В малюсеньком зале Мещанского районного суда — всего около 40–50 квадратных метров — уже от присутствия трёх десятков людей создавалась тягостная душная теснота, тем более без кондиционера — установленного, но коварно неработающего. А с Шохиным Д.Э. на одной площади — это была мука.

Да я сам бы ему отомстил — за те несколько раз, что он издевался надо мной. Этот червь думает — ему позволено тратить моё время. Вообще не представляю, что о нем могут думать сами подсудимые.

Однако подозреваю, сам Дмитрий Эдуардович понимал, что доводит остальной мир до исступления своим публичным выступлением. Понимал, что не нравится окружающим — и от этого ещё больше усердствовал. Так мстил. Вот, видимо, говорил он себе, дескать, в обычной ситуации вы рассмеётесь, отвернётесь, не станете слушать мой голосочек, мои логические выводы, а тут — вынуждены меня терпеть, суки. И вы, зажравшиеся олигархи, и вы, дорогие, сытые и вальяжные адвокаты, и вы, высокомерные судьи, и вы, непризнающие мой талант бесцеремонные начальники, да, и ты, неблагодарная, вздорная публика. Все сейчас в моей власти, суки!.. Чудом свалившейся на меня власти!..

Да, абсолютная власть портит людей…

Странной у гособвинителя ещё одна черта была — когда в коридоре его обступали с допросом бесстыдно-настырной стайкой девушки-коллеги (особенно журналисты информационных агентств), он паниковал — краснел, смущался и опускал глаза. Не мог произнести и слова. Но продолжая из под ресниц следить за ними! Вообще, старался запомнить женские формы. Тайком! Но старался! Глаза, глаза его выдавали. И окончательно терялся, когда кто-то из барышень изучал его внешность, смотрел ему прямо в лицо или прикасался к нему в процессе «допроса». О, что творилось у него внутри! О, как он потом любил вспоминать эти моменты! Да, убежденного онаниста издалека видно. Напористого малакийствующего. Да, это не железобетонный хам «Иван Иванович». Да, для Шохина Дмитрия Эдуардовича это был тоже не только политический, но и личный процесс…

Судьи…

Эти три дамы играли тут формальную роль. Декоративную.

Судьи…

Колесникова — Ирина Юрьевна.

Максимова — Елена Алексеевна.

Клинкова — Елена Викторовна.

В чёрных мантиях. Как три пиковые дамы.

Ладно. Всё-таки, женщины…

Нет, ну, очень уж у них сытые лица. И согласные. С окружающей действительностью лица. Анфасы и профили. Удовлетворённые. Пониманием важности занимаемого их телесами пространства на планете. Преподнесенной Роком в награду площади в Галактике.

Это была излучаемая ими основная мысль.

Дааа…

Терпеть не могу обожающих своё место в Космосе. Довольных направлением и смыслом перемещения своего тела во Вселенной.

Не знаю, может их шантажировали чем-то. Было ощущение, что спасают свои… ну… эти… Нет, ведь там же не стоял вопрос жизни и смерти? Неужели не понимают, что придётся отвечать?

Ну, ладно. Всё-таки, женщины…

Почему у Системы такие отталкивающие лица?! Омерзительные лица. *Олицетворявшие* новый порядок. Новое настроение власти. Новый строй.

Где личности?

Ау…

Возможно, прочитавший эти описания подумает, что я злой. Возможно… А каким же я должен быть, изображая этих людей? Что чувствовать, если *федеральная* власть ведет себя как феодальная власть?

Власть.

Говорят, «открытый процесс», а «Иван Иванович» демонстрирует «противоположное». Говорят, тут слушается главное дело страны, тут, мол, судят 90-е, а вместо правосудия получается судилище, и всё *разбирательство заталкивают в* крохотный зал Мещанского районного суда.

Ну, покажите мне процесс настоящий…

Каким ещё мне быть, если не злым?!

Я обычно работал вне здания суда. Во-первых, сидеть и смотреть на эти *лица* мне было неприятно; снимать внутри не разрешали, да и в зале было тесно. Во-вторых, чем закончится процесс, было ясно с самого начала. В-третьих, снаружи было намного интереснее.

Тут тоже было все показательно. Символично. Значимо…

Около Мещанского суда проходят санкционированные властями Москвы пикеты в поддержку подсудимых. Иногда немногочисленные — человек тридцать. Но временами количество пришедших доходит до ста и более.

Сторонники. А также люди, которые поддержат любого, кто против власти. Нонконформисты. Бездельники. Или просто неравнодушные. Разные. «Поддерживать Ходорковского — модно!» — есть и такие.

Молодые. Пожилые. Разные.

Циничных и горячей фронды всё же меньшинство. И *модных* мало. Больше неравнодушных.

Но все — активные. Кричат, размахивают самодельными плакатами, жестикулируют. Дают интервью. Готовы общаться. Открыто. Имеют позицию.

Среди лозунгов есть и такой: «Путина — долой! Ходорковского — домой!» Мне понравилось.

Противоположный лагерь раздражён. Первая же разрешённая властями акция — уже в 2005 году — заставила нервничать власти. Пригнали срочно молоденьких солдат внутренних войск, омоновцев.

Потом *кто-то* стал организовывать пикеты альтернативные — тоже санкционированные московскими властями. Эти *кто-то* — авторы — долго скрываются, интервью не дают.

Сами пикетирующие-альтернативщики — почти все — ведут себя организованно: строем приходят, строем уходят. Но пассивно. Не машут, не жестикулируют. Просто стоят и держат плакаты. Или разгуливают. Лица хмурые, озабоченные. Плакаты и лозунги у всех почти одинаковые, типичные: «МБХ — в тюрьму!», «Вор должен сидеть в тюрьме», «Ходорковский! Твои деньги пахнут кровью!» и прочее. Кстати, плакаты фабричные, типографские — качество очень хорошее.

Сами пикетирующие одеты серо, бедно. Многим из них запрещают разговаривать. И это объяснимо — пару человек на вопрос: «А кто такой Ходорковский?», ответили: «Чиновник, кажется». Две дамы переговариваются, одна другой: «Михалыч пока здесь, нельзя уходить». Спрашиваю: «А кто такой Михалыч?» Дама смотрит с подозрением — и вопросом на вопрос: «А Вы с какого ДЭЗа?» Говорю, что журналист. А они: «Нам нельзя с вами разговаривать. Нам не разрешают».

Да, большая часть пикетирующих — женщины постбальзаковского возраста с жэковским телосложением. С высоким и пышным начёсом. Из многомиллионной аудитории Дарьи Донцовой. Но есть и молодые ребята — похожи на студентов. Тоже не хотят общаться. Отворачиваются. От камер.

Вся это аморфная инертная масса приносит больше сложностей, чем пользы для реализации основной идеи организаторов. Ну, понятно, зачем их сюда собрали. Нет, не для того, чтобы оппонировать пикетирующим за подсудимых из ЮКОСа. Нет, не для этого.

Для телекартинки.

Коллега и друг с телеканала «Россия» знакомит со своим редакционным заданием: пикетирующих за Ходорковского можно показывать в эфире, но только какую-нибудь небольшую группку людей на общем плане — предпочтительнее, нелепую; а крупным планом надо снимать наиболее неприятные или *непопулярные* лица, типажи — ну, пожилых, неряшливых, видом сумасшедших. А вот «альтернативщики» — те, кто *против* Ходорковского и Лебедева — должны выглядеть в кадре эмоциональными, энергичными, приятными — *живыми*. И главное, делится коллега, массовость. То есть «массы одобряют суд» — вот, что должно отложиться в голове после просмотра такой телекартинки в федеральных «новостях».

«А тут, разводит корреспондент руками, всё наоборот».

Но решили проблему. Ну, как обычно. С первым заданием — очень легко. Камера — уникальное орудие для вырывания видеофразы из реального событийного контекста. А со вторым коллеги решили делать так: для общего плана снять пикет, поддерживающих Ходорковского и Лебедева — эту активную и многочисленную массу (но так, чтобы текст плакатов не попадал в кадр или не читался бы), а на крупном и на среднем плане — участников собственно альтернативного пикета, и всё это смонтировать. То есть массовость одного пикета показать через общий план другого.

Ну, разве не цирк, а?!

Хотя коллегу я пожалел. Парень-то хороший. Сам смеялся над собой — соглашается, что процесс так же абсурден, как и его редакционное задание.

Но работает — на многих такой абсурд работает, действует.

В том числе, и благодаря усилиям этого коллеги и друга.

Выпытываю у него: «Почему же ты людей быдлом называешь, дескать, не способен зритель понять издевательство над судебной системой, если сам же его, зрителя, обманываешь вот этой вот подтасовкой?» Конечно, не такой литературной фразой, а попроще и грубее, но смысл такой же. А коллега отмахивается от моих слов. И спрашивает у меня: «Ты что дурак?» Или не спрашивает. Констатирует.

Но хороший парень.

Да, громкий пикет в поддержку подсудимых заставляет

нервничать лиц, играющих роли исполнителей — судей, обвинение, силовиков. Протестующие собираются прямо напротив входа в здание суда, на противоположной стороне Каланчевской улицы — иногда их голоса слышны аж в зале. Психологическое давление. У альтернативного пикета такой активности нет: могут покричать и пожестикулировать, но недолго — «на камеру». Да и то — не все соглашаются, чтобы их лица снимали крупно.

«Решили» и эту проблему. В начале, стали «альтернативщиков» запускать пораньше через оцепление — и эти занимали «топовое» место — на противоположной от входа в суд стороне улицы.

Не помогло.

Сторонники Ходорковского проникали со своими плакатами в ряды «альтернативщиков», разгуливали там, вступали с ними в дискуссии и «прогоняли» этих безобидных людей настырными вопросами и мыслями. Да и своим присутствием портили всю телекартинку.

Вообще, поддерживающие Ходорковского выглядят привлекательнее, чем их оппоненты. Не стоят на месте — придумывают, изобретают, ищут. Например, некоторые из них догадались — сядут в проезжающий по Каланчёвке общественный транспорт, и лишь машина поравняется со зданием суда и пикетирующими «альтернативщиками», вывешивают в окна фотографии главы ЮКОСа, плакаты, выкрикивают лозунги, свистят.

Красиво. Живо. Опять же — телекартинка отличная.

Сценаристы придумали другой вариант. Нагнали на Каланчёвскую стройтехнику (почти три десятка), рабочих. А также людей явно не из рабочего класса, но изображающих рабочих. В новеньких спецовочках, стоят в тенёчке дружной стайкой, передвигаются тоже стайкой — и плохо скрываемым строевым шагом — *чистые* ручки за спиной, не матерятся, курить в соседние дворы не ходят, со своими «коллегами» не общаются, даже между собой переговариваются взглядами. Лица строгие. Глаза зоркие. Каски носят словно это фуражки. Легенда, блин.

А вообще, легенда такая. Компания-подрядчик — ООО «Асфальтцентрстрой». И, оказалось, вот именно в это время — во время оглашения приговора на процессе — тут, перед Мещанским судом, надо проводить дорожные работы: копать, укладывать асфальт, долбить, грохотать. Особенно, на стороне улицы с чётной нумерацией домов — противоположной от входа в здание суда. Вокруг ремонтников выставили милицейское оцепление. При этом мои надежды, что хотя бы таким способом и вправду

подлатают дорожное покрытие на Каланчёвской улице, оказались наивными. Работало лишь несколько отбойных молотков — так заглушали лозунги и голоса пикетирующих за подсудимых Мещанского суда. А большая часть рабочих — настоящих рабочих: в потрёпанных спецовках, предпочитающих много материться и часто курить — либо просто лежали на газоне и отдыхали, либо, дымя тяжелым табаком, расхаживали вразвалочку между техникой, искренне кричали друг на друга и ругали начальство складным, красивым матом. Просто, но с эмоцией. Общаться они отказывались — категорически. По произношению родом были из Украины и Белоруссии.

Дааа. А ведь где-то остановилась работа. Откуда-то ведь этой стройсилы убыло…

А сколько милиционеров, солдат Внутренних войск тут впустую тратят наши налоги — вся улица перекрыта, проезд открыт лишь для общественного транспорта, оцепление, рамки металлодетектора, железные стойки-барьеры — только в оцеплении тут больше полутысячи сотрудников правоохранительных органов, включая полторы сотни омоновцев. Откуда-то их сюда пригнали, оторвали от реального дела…

Однако, на альтернативном — жаждущих крови топ-менеджеров ЮКОСа — пикете не все аморфные. Есть и идейные. Знающие суть дела. С позицией. Со своей логикой. Такие ко всем журналистам относятся враждебно. Даже к привластным. Априори. Никаких интервью.

Например, неизвестная женщина предпенсионного возраста и интеллигентного вида с плакатом — кустарный! не фабричный! — «Ходорковский — вор!» Хотя и недоверчиво, но стала отвечать на мои вопросы. Получился разговор с народом.

— Почему же Вы считаете, что его надо судить? — выясняю её взгляд.

— А что — его расцеловать надо?! Он нас обокрал!

«Охотившаяся» рядом девушка-газетчик, судебный корреспондент, услышав этот ответ, влезает в мой эксперимент.

— Вас лично? — кидается она на пикетчицу. — *Он* лично *Вас* обворовал?!

— Нас — россиян! Русских! Всю страну!

— Отвечайте за себя! А не за страну! И не за русских!

— Сколько тебе дал Ходорковский, чтобы ты Родину продала?! — закричала на неё дама и замахнулась самодельным плакатом. — Отвечай! Проститутки вы продажные!

Понимаю, что диалог приближается к формату женской потасовки и встаю между ними.

— Да сама ты такая! — отбилась коллега и стала пятиться —

отступать. — А вам тут по сколько дали? По 200 рублей? Или по 500? Задёшево купили! Дешёвка!

И пошла дальше защищать Ходорковского. Я её возмущённый голос потом не раз слышал в группе «альтернативщиков».

А неизвестная женщина кричит вслед коллеге определения «Шалава! Журналюга! И шалава!» и теперь уже набрасывается на меня.

— Почему вы, журналисты, все его защищаете?! Он же предатель. Он же вор! Подлец! А вы перед ним пресмыкаетесь! Вам не стыдно?

И т. д.

Я постоял, послушал. Закурил. Когда дама делает короткую передышку, чтобы, вдохнув свежий запас воздуха, продолжить, быстро просовываю спокойным голосом:

— Понимаю Ваши эмоции. Не понимаю одного — почему именно Ходорковский? Почему только ему за всех отвечать?

Дама споткнулась, опешила. И успокоилась. Сразу. Задумалась.

За-ду-ма-лась!

До-ду-ма-лась!

— Потому что он еврей! — догадалась пикетчица.

— И что?

— Ну, как же? — удивляется она.

— Это здесь причём? — удивляюсь я.

— А Вы не знаете?

Женщина делает маленький шажок назад и ухмыляется.

— Ааа. Вы об этом самом… — фамильярно, почти некорректно, подмигиваю ей.

— Ну, да! — довольная моей сообразительностью, улыбнувшись, она быстро-быстро закивала. — Они — враги!

Потом хихикнула.

Удовлетворенная.

Продолжаю допрос:

— Все?

— Ну, нет, — снова замялась она. — У меня есть хорошая знакомая. Еврейка. Но это ведь исключение? Почти все они ненавидят Россию. Разворовали страну. Одни нерусские у власти! Одни нерусские!

Это утверждение меня развеселило. Всегда веселит.

— Ну, да! Конечно! Я, к Вашему сведению, азербайджанец. Тоже нерусский.

— Да? — неожиданно удивляется дама — неожиданно для меня.

Некоторое время с интересом разглядывает меня и сознается:

— А у меня бабушка была татарочкой…

Эту фразу произносит почему-то очень тихо — почти шёпотом. И озирается на соседей. Но они не услышали.

Снова задумалась.

А потом тоскливо застонала.

— Но нельзя же так воровать?! Меня вот — ждёт нищенская пенсия. Я же тоже работала?!

Теперь моя очередь растеряться:

— Я понимаю Ваши эмоции. Понимаю Вас.

Мне искренне её жалко. А от моих слов она размякла. Сразу сникла.

— Почему? Ну, почему? Скажите? Почему такая несправедливость?! Я разве не заслужила.

— Заслужили, — не специально добиваю её.

И тут она расплакалась.

— Посмотрите на весь этот ажиотаж. Сколько в газетах *его* поддерживают. Жалеют. Почему из-за других так люди не вступаются?! Что — у нас больше ничьи права не нарушают?

— И в этом Вы правы…

— Почему такие пикеты в поддержку других осужденных не устраивают?!

— Это точно!

Несколько минут наблюдаю и жду, пока женщина наплачется.

— Я согласился бы с лозунгом на Вашем плакате… Даже встал бы рядом с Вами… При условии, что на скамье около Ходорковского сидели бы остальные олигархи. И отвечали бы по закону за каждый рубль своего капитала. Если бы люди, у которых сейчас оказалась в руках власть, не превращали процесс в показательный. Если бы было не так, как тут — как цирк. И суд этот, и всё это околосудебное шапито.

Женщина меня не перебивала. Выслушала, и стала вытирать слёзы. Руками. Как это делают дети.

— Путин всех *их* посадит! — ответила она, уставившись взглядом перед собой.

И быстро-быстро закивала, словно убеждая саму себя в этой мысли.

— Да? — не смог скрыть я сарказма — не хотел обидеть женщину. — Не стоит в это верить.

Женщина тяжело вздохнула, с усилием преодолев грудное рыдание.

— Кому-то мы должны же верить!

Ну, что я мог ей возразить на это?..

— А Путин не ворует?

Я спросил, а она закричала:

— Кто? Путин?

Верят. Вот она — вера. Как в Бога. Религиозный дух вечен.

Хотел рассказать ей про ООО «Байкалфинансгруп»[58]. Но был неуверен, что мне поверит. Тем более, она теперь знает, кто я по национальности. Значит, априори мне нельзя верить. А, может, стоило рассказать…

В конце разговора извинился, что не представился в начале. Назвавшись, спрашиваю — как её, мол, зовут. Просто. Из вежливости. Не для записи. Мы ведь её даже не снимали.

— Не надо, — жалобно попросила она. — Не надо. Прошу Вас.

И мне стало очень жалко эту испуганную женщину.

Да, жалко.

Потому что в 90-е не всё было так безоблачно. Потому что эпоху Путина родила эпоха «шоковой терапии». Циничной, жестокой. Шоковой для одних. Для подавляющего большинства, особенно для тех, кого называли «совками» — а ведь это наши родители. А для других — наиболее бесстыдных, беспощадных — терапия стала мягкой и благодатной. Эти богатели и жирели на общем добре — одни циничные махинации с т. н. «обналичкой» и «залоговыми аукционами» чего стоят! — равнодушно наблюдая, как миллионы опускаются на дно.

А на что они рассчитывали — на любовь? сочувствие? тех, кого они сами открыто презирали?

Мог честный человек в 90-е стать миллиардером? Не богатым, а миллиардером? Говорите, социальные программы у них были? Да, и у ЮКОСа такие проекты — реализуемые, работающие — существовали. И что? Социальные программы — это подачки. Помочь троим сиротам, при этом несколько тысяч людей сделать нищими. Да, обворовать. Это и есть благотворительность.

«Совки»? А мне их жалко. Я их понимаю.

Патерналисты? Все равно жалко. Мои родители тоже патерналисты.

Наивные? Лучше наивность, чем социальный цинизм. Чем гражданский пофигизм.

Все то поколение, сломавшихся в 90-е, жалко. Потому что они люди в первую очередь. Презирать одну часть своих сограждан, называя их «совками» и быдлом, пренебрегать их чувствами и правами, их позицией, это тот же «совок». Равнодушно наблюдать за их нищетой и невозможностью — неспособностью! — *приспособиться* к т. н. *рыночным отношениям* — это тоже «совок». Цинично рассуждать в *либерально-демократических* СМИ о пользе для общества их физического исчезновения, гибели и

сокрушаться, что этого придётся ждать, дескать, нужно какое-то время — это фашизм. И даже думать об этом — это тоже фашизм.

Молодые и поджарые тоже становятся старыми. Тоже выйдут на пенсию.

Возможно, наверное, потому что я тоже старею.

Да, жалко. Как жалко и родителей Ходорковского — трогательных старичков.

Всех жалко.

Наверняка и у Платона Лебедева есть пожилые близкие родственники. Но вот про них, правда, никто не рассказывает: не снимает про них фильмы и репортажи, не берёт у них интервью, не зовёт в эфир радио «Свобода» и «Эхо Москвы»…

А их тоже жалко.

Та женщина — я наблюдал за нею — минут через пять после нашего разговора сложила свой самодельный плакатик в сумку и направилась в сторону метро. Сгорбившись и волоча ноги.

Я пожалел, что довёл её до слёз.

А… Ну, да. Сам суд…

Сам процесс…

А что процесс. Как снаружи, так и внутри.

Да, кстати, там был и третий обвиняемый.

Андрей Владимирович Крайнов[59].

Одет был богато. Но общий вид имел жалкий. Перепуганный, зажатый человек. Находился под подпиской о невыезде. Вначале процесса от журналистов прятался за спинами своих хмурых странных адвокатов.

Классический зиц-председатель. Даже в тексте приговора судьи путали его фамилию — то Крайнов, то Крайнев.

У него была охрана — но он на них смотрел испуганно. Заглядывал им в глаза, не перечил — послушно выполнял их команды.

Потом — ближе к концу процесса — и адвокатов своих стал тяготиться. Когда выходил покурить на улицу, боязливо озираясь на своих сторожей, жался к группкам журналистов. Смотрел на коллег тоскливо. Может, завидовал. Да, наверняка.

Сломали человека.

Сам процесс…

А что рассказывать об этом абсурде… О том, что Шохин в качестве доказательств приводит на процессе газетные статьи? В том числе, из зарубежных изданий? То есть считает написанное журналистами доказательством. И судьи позволяют прокурору это делать. Про этот бред?..

Про сам суд и так много написано.

Прокомментировал же Генрих Падва[60] судебное решение,

приговор — дескать, он «ничего общего с истинным правосудием не имеет». 31 мая — в день окончания оглашения приговора. И я с ним согласен. Читал все эти почти 700 страниц *глубокого подтекста*. Каждый может прочитать. Текст приговора есть в Интернете. Всё, что нужно — есть в открытом доступе. Кроме лекарства от лени.

Можно всё найти и проанализировать. И понять — избирательное правосудие. Во-первых, судили Ходорковского и Лебедева выборочно — не за все их финансово-экономические грехи в 90-е. Во-вторых, исследуемые в Мещанском суде эпизоды были известны, не широко, но о них многие журналисты писали — и в конце 90-х, и в начале 2000-х, но, почему-то, *правоохранительной судебной системе* стали интересны после определённых политических событий. В-третьих, по этим уголовным статьям — за все эти *«междусобойчики»* — треть страны посадить можно. А уж из тех, кто крупным бизнесом занимается и является крупным чиновником — всех. А ведь они-то гуляют на свободе. Получается, что группа обычных граждан России — Ходорковский, Лебедев, Крайнов и другие «*неустановленные следствием лица*» — организовали ОПГ, а остальные граждане России — например, администрации нескольких российских областей; например, Минфин России; например, Министерство транспорта России (300 000 000 000 рублей оказалось должно подставной компании «Эмитент», штат которой — всего три (3!) человека); например, Федеральная служба по телевидению и радиовещанию (102 872 000 000 рублей — это не хило! это не свои! бюджетные деньги!); например, Государственный комитет по физкультуре и туризму; например, ГАО «Метрострой» (г. Москва) и многие другие — наивно им верили. Притом, верили очень долго — несколько лет — и на колоссальные суммы. За решёткой двое, а остальные продолжают работать, *зарабатывать*, грести. Уверен, также продолжают наивно верить — теперь уже другим «*неустановленным следствием лицам*». И также — на колоссальные суммы. В-четвёртых, доказательства — понимаю, что это смешно — были собраны с немалыми нарушениями, с самоуверенной небрежностью; однако суд это не смутило.

Истинное правосудие может быть выборочным, а?

Да и дело не в Ходорковском. Вернее, не в Ходорковском и Лебедеве. Всё было тут. Снаружи. Здесь — как во всей стране. Здесь был слепок России — со всего «гражданского» общества.

Было тут…

Вот о «запахах»…

Я их помню. К некоторым — особые претензии.

У каждого СМИ тут — своя роль. Даже у большинства газет. *Оппозиционных*. Критикуют процесс. Вроде бы критикуют. Пишут-пишут и ничего не говорят. Слов много, а предложений — нет. Да, своя роль. Рисовать безнадежность действия. Неминуемость бесправия. Для своих аудиторий. Для всего общества. Да, оно того и заслуживало. Заказывало. Каков спрос, таково и предложение.

Особая роль и у НТВ. Работать для этой же *газетной* аудитории, удовлетворять её спрос. Вроде бы, иногда покритиковать — легонько так, для *либеральной,* недовольной *части общества* — но и генеральную линию не нарушить. Явить несокрушимость карательной машины. Неотвратимость мести и наказания. Мощь Системы. Light opposition.

17 мая работаю с Владимиром Кондратьевым. Помогаю ему. В суде идёт второй день оглашения приговора по делу Ходорковского-Лебедева-Крайнова.

Кондратьев. Специальный корреспондент. Трудоголик. Роль НТВ очень хорошо понимает и играет по правилам. Опытный.

Но в тот день утром у него случилась истерика. Известный журналист теряет контроль над собой.

Обида.

Почти со слезами.

Как же так? Даже президент страны Владимир Путин смотрит его репортажи, даже президент страны Владимир Путин обращается к нему по имени и отчеству, выделяя так в выдрессированной ватаге кремлёвских журналистов! Знает его! Уважает… А тут… Его — Владимира Петровича Кондратьева! «обозревателя НТВ»! — не пустили на процесс. «Иван Иванович» его завернул. Нет, просто отпихнул — выставил вперёд руку и окатил: «Эти и эти проходят. Стоп! Всё! Остальные ждут здесь. Сказал — нельзя и всё!»

Вот так. «Остальные».

Истерика случилась спустя несколько минут — как только «Иван Иванович» удалился. Вот…

Началось всё так.

— Эльхан! Почему нас не пустили внутрь? — набросился на меня «обозреватель НТВ».

В его голосе я расслышал угрозу. И мне стало любопытно:

— Не понял! То есть?

— Почему *они* нас не пустили?! — махнул рукой Кондартьев в сторону дверей Мещанского суда и стал заводиться: — Разве так с журналистами поступают?!

— Ну, да. Понятно! Так не поступают, — не теряя надежды, выпытываю у него. — И что?

— Какая-то «Столица»[61] прошла! Этих бездарей пропустили, а меня… то есть нас — нет!

— Не только журналистов не пускают, — поправляю его. — Но и обычных — не имеющих прямого отношения к процессу — граждан. Такой вот открытый процесс…

«Обозреватель НТВ» пока только возмущался. В закадровом тексте для эфира НТВ этот настрой можно было бы описать так: «Владимира Петровича едва не хватил Кондратий», а потом дать синхрон-лайф[62] («склеить», смонтировать) с его словами. На телеканале такой выбор выражений, такие тексты любят.

Но пока это был всего лишь настрой:

— Так над прессой издеваться! — продолжает коллега.

Я рассмеялся.

Нет, я готов полезть в любую драку — *профессиональную*. Но не надо меня обманывать лозунгами. Не отрицаю, состояние «любимчика президента Путина» не могло мне не понравиться. Но от того, что сжимающий в ярости кулачки «Владимир Петрович» демонстрировал передо мной неистовство старичка, взбесившегося из-за отнятого судна, мне было ни жарко, ни холодно. Так — перед коллегами — я сам тоже могу.

— Они ещё пожалеют! — шипит Кондратьев.

— Кто — *они*? — не унимаюсь и подзадориваю пожилого человека.

А тот делает вид, что не расслышал второго укола. Смотрит на меня осуждающе — почти оскорбленным взглядом — но не огрызается. И правильно делает. Мне же всё равно — могу открытым текстом в лицо сказать. Неполиткорректно.

И вот, когда я уже стал терять надежду, коллега подумал-подумал и явил решимость:

— Все! Сегодня про этого «Ивана Ивановича» репортаж сделаю. Про всё, что тут происходит, расскажем — про то, как журналистов не пускают на открытый процесс, про эти два пикета, про оцепление…

— Неужели и про альтернативный пикет и про оцепление? По-настоящему?

— Мы про всё это расскажем. Но особенно про «Ивана Ивановича». Ты мне поможешь?

— Репортаж для вечернего выпуска новостей?

— Да! Для прайм-тайма! На всю страну! Увидишь, Эльхан! *Они* ещё пожалеют! *Он* еще пожалеет!.. Но особенно про «Ивана Ивановича».

И я поверил.

Поверил.

В очередной раз…

Не знаю, почему «Владимир Петрович» так обиделся на «Ивана Ивановича». Может, его задело, что в нём не признали своего. Вроде бы это братство должно друг друга чуять по запаху, издалека опознавать по внешнему виду. По стилю одежды. По качеству одежды.

И всё же усердствую.

Продолжаю верить.

Да нет. Я очень обрадовался. В то утро. Наконец-то!

Ну, даже если через такую мелкую сошку, как «Иван Иванович»… И поставить их на место… У меня же такая хорошенькая подборка видео с этим рыжим вертухаем накопилась — таскал её с собой в портфеле каждый день на этот процесс. Надеялся. И мы ещё в тот день наснимали — как издалека, скрытно, ну, для такого видеоэффекта, так и крупным планом. Заставили его разволноваться — стал прятаться от камеры. Вначале, ничего не понимая, только отворачивался от объектива, а потом просто улепётывать и скрываться в здании суда. Бедный… Не мог выйти покурить наружу — несколько неудачных попыток…

Договорились с коллегами об интервью на эту тему…

Ну?

Ну, давайте, Владимир Петрович! Come on! Покажите класс! Мятеж! Восстание рабов-машин! Бунт против Системы! Волнение биомассы. Ну, хотя бы, возмущение! Или же — лёгкий писк. У Вас же есть репутация. Имя! Вас послушают! Лёгкий писк… Ну…

Нашу активность заметили.

Её трудно было не увидеть.

В перерыве ко мне пробирается один из знакомых приставов по имени Андрей. Сам подошёл — дескать, побеседовать за жизнь. Прежде стрельнув сигарету. А я сразу — в лоб. Не скрываю: «Ну, зря вы, приставы, не пропустили Кондратьева». И самоуверенно объявляю — с комичным апломбом: «Сегодня будем свободу слова защищать!»

Тот бросает только что закуренную сигаретку и бежит к «Ивану Ивановичу». Шепчется с ним. Я последовал за ним в здание суда и всё видел…

Ну!

Владимир Петрович!

Ваш выход!..

Может, из-за этого. А может… Не знаю… Может, старый конь что-то показал «Ивану Ивановичу» в перерыве — документ какой-то особый. Удостоверение тайное. Заветное. Хранимое в потайном нагрудном кармане — ближе к горячему сердцу. Или пообщался с ним секретными знаками. Помыв с мылом руки.

Поняли друг друга.

Своими холодными головушками.

Узнали.

Простили.

Не знаю.

После перерыва Кондратьева один из приставов приглашает внутрь — на заседание.

Ну!

Владимир Петрович!..

А «Владимир Петрович» вдруг почему-то стал благожелательным. Мягким и безобидным. Словно его злость выключили. Ярость отсоединили от источника питания.

Равнодушие.

Настоящая злость так быстро не остывает.

Равнодушие.

Плевать.

Только и мог «обозреватель НТВ» в тот день остатки раздражения сорвать на своём *персональном* операторе — Владимире Авдееве. С чего бы это?..

Вечерний выпуск новостей. Про пикеты было. Про оба. Особенно про «альтернативщиков». *«В журналистской, наполовину иностранной среде, тут же пошли разговоры, что каждому, мол, заплачено по 500 рублей. Правда, меньше, чем платит своим демонстрантам ЮКОС — 150 долларов»* . Последняя цифра — даже для меня откровение. Такого не слышал. Сколько там — перед зданием суда — работал, ни одна сволочь такой информации мне не сказала. А я там все слухи, все услышанные небылицы, переварил, через себя пропустил. По возможности проверил…

Конечно, про «Ивана Ивановича» в репортаже ничего не было. Ни слова. Ни одного кадра. Однако, груз опыта. Бремя специализации. Погоны. «Старый конь борозды не испортит». Ну, вроде этого…

Ни один человек, который видел этот процесс, такую издёвку над своим гражданским самосознанием не должен забыть. Если у него есть достоинство. Уважение к себе.

За такое мстить надо! Два ока — за одно. За каждый зуб — по два зуба.

Говорю лично за себя, о своём мнение — это не Ходорковского и Лебедева тут судили, это меня тут ломали. За мои же налоги.

«Если с ним, то и с тобой!» — утверждалось мне этим действом. Дескать: «Знайте! Все вы у нас в кулаке!» Те, кто обязан охранять закон, дали мне это понять. Каждым своим словом,

своей манерой поведения, каждым жестом и взглядом — дескать, каждый из вас под такой «закон» может попасть.

Судите всех тогда за те правила игры — в 90-е. Судите себя — за ООО «Байкалфинансгруп»… Судите и Владислава Суркова — партнёра-подельника Ходорковского по его грехам в конце 80-х и в начале 90-х[63].

После дела Ходорковского стало понятно — если можно Кремлю вот так вот ломать крупный бизнес, то рэкетирам в погонах можно ломать всех, кто им по зубам. Одним — «Евросеть», другим — маленький ларёк у выхода из метро. Эта практика пошла по всей стране. Как после этого говорить «силовику», что он работает на мои налоги. Как сделать так, чтобы он почувствовал это. Ага, послушает… Был более или менее цивилизованный бизнес. Более или менее поддающиеся логике взаимоотношения. Даже этого не осталось.

Да, судили-то не Ходорковского и Лебедева. Судили частную собственность. Судили частную инициативу.

Почему они заставили меня зауважать Ходорковского?! Почему *его* имя сделали нарицательным?!..

Я же думал — что Система логична. Я ошибался. Система сама себя разрушает. Сама себя губит.

Почему же ты такая тупая, а Система?! Такая дура!

Европейские демократии, построенные только на потреблении — там есть хотя бы логика… Европейская система не идеал, но в ней — в европейских демократиях — есть хотя бы возможность купить, употребить иллюзию счастья для человека потребляющего. Заявлено построение демократии. Что эта демократия будет подобна европейской — об этом не объявляется, но это предполагается. Ну, давайте — хотя бы такую Систему постройте.

Современная европейская демократия построена вокруг человека потребляющего, представителя среднего класса — он батрачит, зарабатывает и потребляет. Система работает. Без него, винтика, «человека потребляющего», система перестанет работать. Вся. Это природа общества потребления. Они, европейцы, дошли до этой стадии политико-социального устройства. Да, очередной формации в управлении и манипулировании большинства со стороны меньшинства. Да, это модель их тихого европейского стойла — да, но сейчас не об этом. Там работники не только работают на этих господ менеджеров и своих политиков-евроидиотов, они ещё и получают нормальную зарплату, нормальную, чтобы идти и покупать продукцию. Да, хватает ненадолго — обычно до следующей зарплаты, но, опять же, сейчас не об этом. Да, продукцию этих же

господ, которые делают на этом навар — они так богатеют. Медленно, но верно — как в Европе, Америке, Японии, Корее, Малайзии и т. д. В стране не господ менеджеров, а просто господ последние не хотят зарабатывать годами — медленно, но верно — они хотят грести. Сейчас и много. Как? Для этого у этих должны работать не работника, а безропотные и послушные рабы. Им вообще внутри страны торговать, продавать продукцию не хочется, они хотят гнать сырье за кордон. Тем более, когда инициатива не приветствуется. В стране не политиков-евроидиотов, а в стране просто политиков-идиотов. Это и есть российский неокапитализм — неорабовладельческий строй. Самый отвратительный вид из существующих. Где рабы лишены даже иллюзий европейской демократии. Общество господ и холопов.

Сейчас в европейских демократиях всё больше понимают необходимость новой стадии — говорят, просят, требуют, *думают* над новым этапом, формацией. Идеи, предупреждения Рене Генона, Ги Дебора, Жоржа Бернаноса и других философов оживают, их читают, понимают, претворяют в жизнь. Идея новой системы обратно противоположная по своей природе социо-политической философии общества потребления с её человеком мегаполиса, человеком индустриального мира, оторванного от почвы. Обратный процесс. Пример — Финляндия с её увеличивающимся сельским населением за счёт жителей мегаполисов. Лет пятьдесят — проснёмся и увидим: Европа живёт уже в другом политико-социальном пространстве. А мы и тогда не сможем дойти не только до их нынешнего эмоционального уровня, но и до уровня европейских демократий второй половины 20 века.

Европа доказала, что даже в формате техногенно-потребительской цивилизации можно оставаться логичной, реализовывая свои декларации. Даже такой Системе есть объяснение.

27 апреля. Мещанский суд. Очень важный день. Должно начаться оглашение приговора.

Приехал в половине девятого утра. Журналисты уже подтягиваются. Надо успеть проконтролировать проезд за оцепление нашей «тарелки» и её подготовку к работе. Нас, журналистов только с НТВ, в тот день на Каланчёвской должно было работать человек пятнадцать — инженеры, операторы, звукооператоры, водители, корреспонденты, продюсеры. Одна «тарелка», три камеры. А сколько ещё людей в редакции будет с нами на связи. Добирался до суда полтора часа — ночью почти не спал. Но мне-то полегче — прямо из дома, а вот операторы,

инженеры — прежде, чем приехать к суду, должны были заехать за оборудованием на работу.

Странно.

Странно, что милицейское оцепление очень жидкое. Вялое. Символическое.

Вот!

Оглашение приговора перенесено! Вот…

Просто повесили объявление на входе. Обычный лист бумаги А4. Никем не подписано. Никакой печати. Двери суда закрыты. Никого не пускают. Когда дверь приоткрылась, в здание попытались прорваться коллеги из информационных агентств, но приставы не пустили — пытаясь закрыть дверь, руками их отпихивали, били, ругались, кричали, угрожали. Происходит непродолжительная, но жаркая свалка. Кто-то падает. Кому-то порвали одежду. На кого-то наступили.

Выглядело смешно.

Такое и я мог бы написать и повесить: «Оглашение Приговора По уголовному делу Ходорковского М.Б. Лебедева П.Л. Крайнова А.В. Переносится на 16 мая 2005 г. в 12:00». На весь лист. 18–20 кеглем шрифта Times New Roman.

Журналисты, адвокаты, правозащитники, *общественность* бегом обсуждать — почему перенесли приговор. Одни говорят — не успели написать текст судебного решения. Дескать, материал объёмный. Другие — мол, суд намеренно оттягивает дату оглашения приговора. А третьи клянчат — вот, после майских праздников, после помпезного празднования 60-летия Победы в Москве подсудимых оправдают. Ну, выпустят в зале суда — *«наша власть проявит гуманизм, терпимость и мудрость».*

И т. д. То есть ещё и оправдывают этот цирк.

Я понимаю — обидно. Ведь дата оглашения была назначена судьями больше двух недель назад — 11 апреля. Почему сегодня утром? Почему не накануне дали знать?

Хорош суд!

Все строят предположения. Догадки. А чего гадать! Какая ещё *нормальная человеческая этика*! А к чему заранее извещать. Вы — «запахи». Паства, стадо. Сказали жевать — значит, жевать.

Неуважение суда к суду.

Статья 297 УКа эРэФ. «…наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей…», «…либо арестом на срок от четырех до шести месяцев». Пункты 1 и 2.

Уже этот оскорбительный жест был поводом для бойкота процесса.

А «запахи» продолжают надеяться. Клянчить.

Оглашение приговора растянулось на две недели — до 31

мая.

Сам текст судебного решения очень знакомый. В зале его уже однажды слышали. Повторяются. Даже в формулировках. В некоторых местах — слово в слово. Переписали. У прокурора Шохина Дмитрия Эдуардовича.

Шохин-Колесникова. Видимо, судьям понравился текст обвинительного заключения. Или не посмели отомстить государственному прокурору. Да за одного Дмитрия Эдуардовича этим трём дамам надо было взбунтоваться против Системы. За такое оскорбление. За такое *неуважение к суду*. А они выбрали схему «Шохин-Колесникова».

Игры в демократию — даже в показную — закончились. Во время оглашения судебного решения большая часть Каланчёвки и прилегающих улиц перекрыта. Рассматриваемые дела в Мещанском суде сведены к минимуму.

Однако даже те, кто имеет отношение к главному процессу в стране — адвокаты, родственники подсудимых, правозащитники, журналисты — не сразу могут попасть в суд: каждый проходит четыре кордона оцепления. Даже они — имеющие непосредственное отношение к суду. Вынуждены выпрашивать свои роли. Блокада. Четыре рубежа. Зачем? С рамками металлодетектора на каждом. Один раз проверили — не хватит? Зачем каждый раз показывать документы, искать своё имя в кем-то утверждённых списках, выворачивать карманы. Братья по разуму с «Иваном Ивановичем».

Однако, все сразу же приняли этот порядок без активных протестных действий. Возмущались многие. На словах. Друг перед другом. Тесным, интимным междусобойчиком. Понимали друг друга. Быстро-быстро друг дружке кивая головками.

Однако, покорно и прилежно занимали очередь перед рамками металодетектора. Дескать, «кто тут крайний», «извините, я ещё до Вас занимал». Терпеливо семенили стройными рядками. Предупредительно заранее выворачивали карманы и опорожняли портфели и сумки… А потом расталкивая друг друга локтями пробивались в число избранных — тех, кого пустят в зал. Лишь бы попасть в главный список. Ссорились, ругались, скандалили, мстили друг другу, тянули за одежду, щипали, били — исподтишка, в открытую. Это была «картинка»! Особенно, когда пробивались к человеку с этим главным списком — как на базаре, как в джунглях: кто сильнее, выигрывал. Особенно доставалось от некоторых представителей сильного пола слабому полу. Приняли этот порядок…

Нет, конечно, об этом было в эфире НТВ — и про оцепление, и про затянутое чтение приговора, и про нагрянувшие в эту часть

Москвы дорожные работы. Тогда ещё лёгкая критика допускалась. Но именно — лёгкая. Пародия. Light opposition.

25 мая. У здания суда вижу бывшую судью Мосгорсуда Ольгу Кудешкину.

Это женщина-воин.

Отторгнутая Системой.

Запомните её имя! Именно она тот самый человек, который *«дискредитировала авторитет правосудия»; «нанесла значительный ущерб престижу профессии судьи»;* способствовала *«подрыву общественного доверия к судебной системе в России как к независимому и беспристрастному институту; таким образом, теперь многие граждане ошибочно склонны думать, что все судьи в нашей стране беспринципны, необъективны и коррумпированы, что, осуществляя свои полномочия, они преследуют только корыстные интересы или движимы другими собственническими побуждениями»* . Да и вообще она *«обесчестила судей и судебную систему России».*

Нет, это не шутка. Это формулировки из решения Квалификационной коллегии судей Москвы (ККС) от 19 мая 2004 года, которая досрочно лишила Кудешкину судейских полномочий и 1-го квалификационного класса судьи.

Судебная система показательно отомстила Кудешкиной за её принципиальность. За то, что она публично рассказала о «воспрепятствовании осуществлению правосудия» — давлении на суд во время рассмотрения ею дела бывшего старшего следователя по особо важным делам следственного комитета при МВД Павла Зайцева[64] со стороны председателя Мосгорсуда Ольги Егоровой; которая, даже не скрывая, что выполняет указание (!) первого заместителя Генерального прокурора Юрия Бирюкова, требовала у опального судьи вынести правильное решение — обвинительный приговор Зайцеву.

Система проиграла Ольге Кудешкиной, но так и не приняла своё поражение.[65] Тогда пришлось бы признать, что все публичные (в её открытом письме на имя президента России, опубликованном в марте 2005 года) обвинения в адрес Кремля и, конкретно, Владимира Путина — во внедрении в стране управляемого, прикремлёвского суда, показного *правосудия,* фикции; в изгнании из судебной системы неугодных, независимых и квалифицированных судей; в лицемерии самого «гаранта основных прав и свобод граждан», который говорит одно (о необходимости независимости суда, о диктатуре и верховенстве закона), а делает другое (назначает председателя Мосгорсуда в обход закона), который призывает к борьбе с коррупцией, а борцов с коррупцией (того же Павла Зайцева)

осуждает контролируемый президентской администрацией суд — являются правдой…

Перед зданием Мещанского суда с Кудешкиной беседуют коллеги. Не так много — человек пять. И только газетчики. Многие телевизионщики её даже в лицо не знают. Тот же Шохин вызывает у журналистов больше профессионального интереса. Его проинтервьюировать все хотят. Сделали бы это с удовольствием.

Подхожу. Прислушиваюсь. По словам бывшего судьи Мосгорсуда, она пришла, чтобы посмотреть на сам процесс, а также «заглянуть в глаза» Шохину. Да, комично, в это трудно поверить — но Дмитрий Эдуардович был гособвинителем в рассматриваемом Кудешкиной деле следователя Павла Зайцева: во время слушаний вёл себя грубо, высокомерно, оскорблял участников (например, женщин-народных заседателей обзывал «старыми тётками»), да так, что даже потерпевшие возмущались его поведением.

Расспрашиваю Кудешкину — почему чтение приговора так затягивают? зачем нужен был этот цирк с оцеплением? почему выделили маленький зал для процесса? почему создают проблемы в работе журналистам? почему для граждан суд фактически закрытый? почему Шохин? почему Колесникова? почему? почему? почему?

Интересно её профессиональное мнение, основанное на опыте. Думаю, не только мне — планирую записать с нею тут же у суда интервью.

У бывшего судьи Мосгорсуда чёткая позиция. На все заданные ей вопросы:

— Чтение приговора затягивают, — рассказывает Ольга Борисовна, — чтобы как приходящие на процесс, присутствующие тут, так и вся российская аудитория устали. Чтобы люди привыкли, чтобы им надоела эта новость. Сдались и смирились. Всё затянулось к лету — тут и жара, а впереди отпуска, планы на отдых и т. д. Оттянув время по максимуму, измотав людей, поставят перед фактом.

— Какой-то шанс, что приговор будет справедливым, есть?

— Я бы хотела в это верить. Но всё, что тут происходит, унижающие человеческое достоинство посещающих процесс т. н. меры безопасности, неуважение ко всем участникам процесса, как и сам ход рассмотрения дела, не позволяют мне бесполезно надеяться. Тут и Шохин, и поведение Колесниковой. Будет нужное для администрации президента решение. И к сожалению, думаю, наше общество всё это проглотит смиренно. Большая часть — точно…

И ещё: «Поверьте мне как бывшей судье. Это не суд! Это фарс!»

Отличная позиция. Прошу её подождать. Звоню нашим — в редакцию. Говорю, такой синхрон Кудешкиной планируется у меня…

На все выпуски позвонил…

Все отказались…

Даже бригада вечерних новостей — подумали-подумали и отказались. Да, вначале согласились. Да, даже обрадовались. Но буквально сразу же перезвонили и поменяли решение. Мол, не можем показать. Мол, Кудешкина в «чёрном списке»: «Это нам не надо. Эльхан, ты сам понимаешь…»

Ну, ладно. Возможно её мнение не интересно (?). Не выражает она серьёзную точку зрения, так сказать, «не отражает её позиция настроений в обществе».

Ладно. А кого показывать? Кого снимать можно? Для этой вашей light opposition?

Ладно, кто нужен-то?

Звонит Алексей Кузьмин, тогда один из шеф-редакторов вечернего выпуска. Наблюдающий. Смотрящий. Один из цензоров.

— Сейчас к зданию суда придёт Алексей Александров. Знаешь такого?

Я его знаю. Алексей Иванович Александров, бывший депутат Госдумы, зампред Комиссии по борьбе с коррупцией. Теперь[66] член Совета Федерации от Заксобрания Калужской области — зампред Комитета по обороне и безопасности.

По-особому гордится тем, что родился в Питере.

Кроме того, юрист. «Заслуженный юрист РФ». Бывший следователь милиции. Советский адвокат. Закончил юрфак ЛГУ и преподавал потом там.

Всем рассказывает, что он друг Путина. Гордится этим. Не стыдно ему.

В Системе.

Ну, да. Человек считает себя большим учёным. С внешностью и телосложением провинциального чиновника. Но с упитанным лицом работника Генпрокуратуры. Некорректно. Но такое у меня мнение. Впечатление. И опыт.

— Ну, нужно его записать. Очень! Сейчас придёт к зданию суда специально ради этого «синхрона».

— Да что он скажет интересного, Лёша. Я его несколько раз писал. Серость.

— Понимаешь, Эльхан, нужно. Ну, вот так вот… — тяжело вздыхает Кузьмин. — Указание такое нам всем. Вот так вот. Ты

сам понимаешь…

Ну, ладно, чёрт с ним. Запишем. Послушаем человека. Может, путное что-нибудь скажет этот доктор юрнаук. Государственный и политический деятель. Гордящийся почётным значком ФСБ России. Правда, не признающимся, за что его получил.

Прибыл. Со своим пресс-секретарём. Опоздал всего на пять минут. А на лице трагедия. Какой же это друг Путина?!.. Опоздал не из-за оцепления. Я видел — его и помощницу не обыскивали. Александров везде показывал удостоверение. Держа его двумя руками — вцепившись в него, словно боялся, что отнимут эту драгоценность. Одновременно заботливо прикрывая документ своим массивным телом от окружающих. Друг Путина.

Выдаёт. Домашнее задание. Будто читает по конспекту:

— Никаких оснований подозревать кого бы то ни было в том, что там надуманы доказательства обвинения и что Ходорковский и другие не совершили те хищения, в которых они обвиняются в форме мошенничества, нет!

Это говорит бывший советский адвокат. Спрашиваю, какой будет приговор.

— Есть все основания полагать, что приговор будет обвинительным.

— А точнее? Ну, Вы же, наверняка, знакомы с делом?

— Суд учитывает всегда и тяжесть совершённого, и раскаяние. То есть, все это вместе позволяет рассчитывать на более или менее справедливый приговор.

Пытаюсь его расспросить по конкретике разбирательства. А тот теряется. Не знает. Общими фразами отбивается. А зачем знакомиться с делом? Он, кстати, даже после «синхрона» не задержался у суда. Ну, хотя бы, чтобы проникнуться воздухом Мещанского суда. Подышать местной атмосферой. Потрогать эти настроения. Разные. Противоположные. Но резкие. Живые.

Возможно. Возможно, он просто учёный-теоретик. Да… Вероятно, тривиальный последователь «*чистой теории права*». Да…

— А Ходорковский и Лебедев вообще виноваты? — вдруг решил я помучить политического деятеля.

Смотрит на меня с удивлением. Читаю в глазах: «Ты что себе позволяешь? Перед камерой-то, а? Мне сказали, я приехал…» Но сник. Сдулся. Почуял ироничность ситуации, комичность положения, в которое он попал — вокруг атмосфера дышит антисистемным недоверием. Лёгким, но возмущением. Специально я такое место перед судом неуютное для него выбрал — место, где записывали с ним интервью.

— Ну… как же? Конечно. Ведь его же судят тут… — мямлит

Александров, но вспоминает о спасительной шпаргалке. — Справедливым я признАю любой приговор суда.

— А если суд их оправдает? А? Прямо тут — в зале суда освободит?

Питерец ошеломлён. Страдает. Потеет. И быстро-быстро дышит. Становится меньше ростом и легче по весу. На глазах. Но… Вот озарение — появляется во взгляде. Удовлетворение. Что-то нашёл. Берёт под козырек перед Системой. И далее — снова по шпаргалке:

— Справедливым я буду считать любой приговор суда! Да!

Поразительно!

Гениально, юрист.

Нет, это же школа! Университеты жизни. Хороший он преподаватель был, видимо…

Однако… Люди, занимающиеся пиаром — где креатив? Что за хрень?!

Звоню Кузьмину:

— Лёша, этот, так сказать, сенатор понёс полную чушь. Ни рыба, ни мясо. «Синхрон» никакой.

Пересказываю редактору интервью с парламентарием.

— О! Вот! Вот! — радуется Кузьмин. — Это подходит! Перегоняй. То, что нам так нужно. Там, где он в начале говорит — ну, про мошенничество. И про справедливый приговор…

Да, именно. Вот, вот. То есть у человека нет никакой позиции. И так, и эдак — этого *юриста* из бывших милиционеров устраивает. Вот, вот. Человек с определенным, чётким мнением не нужен. Нужны вот такие — бесхребетные. Беспозвоночные. Исполнители. С почётным значком ФСБ России…

Да… Повторяюсь, но всё же. Судили Ходорковского-Лебедева-Крайнова — вроде бы, а права-то нарушали мои. И всех других. Ну, общества что ли. Населения. Но в первую очередь — так как говорю за себя — мои! Мне показывали, права на справедливую судебную защиту не существует. Как я мог быть к этому равнодушен?!

Судили право граждан на справедливое общество, на справедливые правила игры. Называйте это хоть демократией, хоть как угодно. Здесь судили нас.

И люди молчали. Это была игра. Это было видно даже слепому. Но почему так много тех, кто стал участвовать в этой игре.

Молчали.

Слепые.

Близорукие.

Мещанское равнодушие.

В первую очередь, к самим себе. К своей стране.

Мещанство.

Да, кстати, «Иван Иванович» был не виноват, если кто-то этого не понял. То есть виноват. Но… в меньшей степени.

Тоже не сразу понял. Вернее не сразу осознал. Почувствовал-то сразу.

В разгуле дембеля вина «запахов».

Однако вопрос…

Сам-то Ходорковский встраивался в эту Систему. И сам участвовал в выстраивании этой Системы. Участвовал в её жизнедеятельности. Да, они играли по тем правилам игры, что тогда — в 90-е — действовали. Но разве это оправдание? Да, ребята из ЮКОСа были не самыми «правильными олигархами» — не сильно шиковали (а сам Ходорковский вообще жил очень скромно), не ограничивались только экспортом сырья и вкладывали в производство, убыточные компании стали прибыльными (в чём хозяевам ЮКОСа также помог рост мировых цен на энергоносители). Но разве это оправдание? А жёсткий лоббизм, обналичка, «распиливание» бюджета, банальное рейдерство, участие в коррупции и хищнический раздел собственности страны? Конечно, это не доказано, но всё же…

Я не злорадствую. Нет. Обвинение в работе на Систему любому можно предъявить. Моральные обвинения, в первую очередь…

Очень интересно.

Когда будут судить Путина и компанию, они, уверен, предпочтут, чтобы их судили по правилам. Не верится? Ничего. Комплекс полноценности и не таких подводил. И не такие системы рушил.

Ну, решили судить — так судите нормально. Проведите грамотное следствие. Что за половинчатость. И бездарность.

Нормальное расследование. А то столько пришитых зря к делу материалов. Лишь бы за объёмом скрыть халтуру. Кто не верит, пусть проанализирует все доказательства. Пусть прочтёт и проанализирует.

В своём последнем слове 11 апреля Ходорковский назвал выдаваемое Шохиным на этом процессе за доказательства «дешевым криминальным чтивом, скроенным группой литераторов из прокуратуры». Ох, как прав мужик. Прав! И в этом тоже с ним не поспоришь: «Я ждал этих широко анонсированных доказательств полтора года, причем ждал в не слишком комфортабельной тюремной камере. Где они? Как не было, так и нет». Прав, прав. Не он один ждал эти полтора года. Где доказательства? За что получали зарплату? На что потратили

налоги?

Все имеют право на справедливый суд. Справедливые правила игры. И Масхадов, и даже Путин, и даже Горбачёв, и даже Шамиль Басаев, и даже Радуев. А что? Или надо договариваться об общих правилах, или давайте тянуть одеяло каждый на себя. Лично я первый выступлю за суд над Путиным, а не за самосуд. Нет, я и сейчас выступаю за это. Судить! До того, как он успеет сбежать в Китай. Пусть судят по закону. А потом и остальных — по закону.

Посадить в одну камеру с Шохиным Д.Э. — пусть подышат с ним одинаковым воздухом. Послушают его обворожительный голосочек. Помучаются.

Однако вопрос…

Вот вопрос — почему здесь столько правозащитников возмущается. Журналисты сочувствуют. Обычные граждане на пикеты приходят. Иностранцы сюда как в зоопарк спешат. А где сотрудники Ходорковского. Где население империи ОАО «Юганскнефтегаз»? Почему они молчат? Где его друзья? В том же последнем слове 11 апреля Ходорковский говорил: «Многие мои коллеги брошены в тюрьму, фактически превращены в заложников, но не разменяли своё человеческое достоинство, и сегодня продолжают идти путем правды. Спасибо Вам за всё, я с Вами, я всегда буду поддерживать Вас!» Это всё правда — и про заложников, и про преследования, давления. Но всё же.

Когда хоронили мэра Нефтеюганска Владимира Петухова — сколько тогда людей пришло? Сколько людей ходило на митинги, требуя «найти и наказать»? Почти всё население города. Да если бы сейчас к Мещанскому суду пришла такая поддержка — да в Кремле начались бы повальные обмороки.

Я помню, как в начале 2000-х работала пресс-служба ЮКОСа с журналистами. Отношение стало меняться к лучшему, как только стало ухудшаться положение руководства компании. Помню рассказы знакомых, работавших обычными сотрудниками ЮКОСа, о местных порядках — тоталитаризм и военный коммунизм для низов, буржуазный рай для верхов. Помню и то, как обычный планктон из центрального офиса ЮКОСа на Дубининской улице в любую погоду бегал курить пугливой и гибкой разнополой стайкой на углу соседнего дома — даже не перед самим родным зданием! нельзя! распоряжение руководства! ни внутри, ни рядом! — а топ-менеджеры оптимистично и вальяжно дымили (из заверений обычного планктона) сигарами в своих кабинетах-апартаментах. Нет, это не мелочь.

Ходорковский тогда не был мучеником. Он был панчер.

Уверенный в себе, довольный собой виннер.

Виннер.

Я не злорадствую. Нет!

Не люблю виннеров.

Таких виннеров.

Легендарный геолог, первооткрыватель сибирской нефти Фарман Салманов тоже мог воровать, грабить в 90-е. Но не стал участвовать в приватизации, оправдываясь тем, что, дескать, всё равно — не он, так другие это сделают; мол, мы умные, а все остальные *лохи и быдло, совки*. Не стал пачкать руки и совесть — сам ушёл с высокого поста первого замминистра геологии СССР. Видел этого человека, общался с ним в начале 2000-х — он ходил без охраны, пользовался общественным транспортом, громко говорил, что думает, имел обычный доход и был счастлив.

Но…

Равнодушие ещё хуже.

Мещанское равнодушие.

Ниже плинтуса, как говорят модные ребята.

Пятиминутки ненависти по всей стране.

Смотреть равнодушно, как издеваются над судебной системой, также плохо, как равнодушно наблюдать за тем, как разворовывают общественное состояние — да, например, в 90-е. Обе позиции приводят к катастрофе.

Вот ещё вопрос. Когда будут судить Путина — придёт ли к Мещанскому суду хотя бы столько людей, сколько сейчас приходит поддержать Ходорковского и Лебедева? Хотя бы пара сотен?

А, может, он тоже превратится в «жертву политического преследования», в мученика?

Вопрос…

Ещё вопрос. Теперь к коллегам. Многие из них тут сопереживают Ходорковскому. И это можно понять. И всё же. Если бы в декабре 2004 года на процесс в Тверском суде Москвы по делу семерых нацболов, захвативших здание Министерства здравоохранения и социального развития, пришла хотя бы одна десятая часть побывавших тут — на деле менеджеров ЮКОСа — журналистов, насколько справедливее был бы приговор![67] Минимум — те подсудимые не подвергались бы избиениям прямо во время суда. Вот те ребята настоящие политзаключённые. А против скольких людей в стране фабрикуются дела, сколько людей сидит только за свою национальность или строгому следованию исламским законам!

Коллеги.

Перед Мещанским судом жарко. Обсуждения. Цифры.

Обсуждения. Выборы.

Споры. Споры.

Девушки спорят.

Анфиса Воронина из «Ведомостей» и Алия Самигуллина из «Газета. ru» выясняют, кто хуже, кем быть хуже. Сдавшиеся, но рефлексирующие или циничные. Имеют в виду наших коллег, *братьев и сестёр* по цеху.

Рассуждения наши идеалистичные. Считают, что первые — сдавшиеся, но рефлексирующие — хуже. Предатели, дескать. Сдались, испугались, а теперь комплексуют.

По моему — говорю им это — и тем, и другим быть плохо, но циники — точно уроды. Но если выбирать, я на стороне тех, кто рефлексирует. Рефлексируешь, значит ещё живёшь. Они не потеряны. А коллега-циник — ну, что он из себя представляет? Сегодня — за Лужкова, завтра — за Лукашенко, послезавтра — хоть за чёрта лысого.

К чему это я? Не знаю. Да так. Просто. Спорили. С умным видом.

Выборы. Одни подсчёты. Цифр. Цифры. Лотерея.

Все гадают.

Подсчитывают, сколько листов решения, приговора судья прочитала накануне, сколько выдаст сегодня и на следующий день. И т. д.

Считают, считают, считают. Спорят. Ругаются — когда кто-то из них ошибается. Цифры должны быть точные. Ищут какую-то систему. Интеграл. Выводят формулу. Особенно усердствуют в этом коллеги из газет и информагентств.

А по-моему — никакой системы. Иногда по 30–50 листов, иногда — по 100, пару раз — по 150. И что?

А эти спорят. Доходит до мата.

И что?

Но самые жаркие споры — во время ставок.

Коллеги делают ставки.

Сколько *дадут* Ходорковскому и Лебедеву. На сколько лет их осудят.

Дамы и господа делают ставки. Весело.

Это весело!

Честно — я утверждал, что дадут по максимуму. Все 10 лет, что требовало гособвинение. *По десятке — каждому.* А Крайнову — пять с половиной лет условного лишения свободы. И ему тоже — как требовало обвинение[68]. Почти все называют меньшие или совсем мизерные сроки. Кто-то верит, что обвиняемых освободят в зале суда.

По поводу Крайнова — со мной согласны. А по поводу

максимального срока главным обвиняемым — нет. Ругаются. Обидно. Говорят: «Ты — дурак!»

Я бы молчал. Но ведь спрашивают мнение. Я и отвечаю. А они сразу: «Ты — дурак!»

А мне кажется, что не дурак. Устроили лотерею.

Надо было спорить на деньги…

Надеются. Верят…

Вроде бы все говорят, высказывают мысли, заявляют позицию, возмущаются, но, будто молчат. Слов много, а предложений — нет. *Совсем* нету.

Коллеги говорят, что настоящее имя «Ивана Ивановича» Максим. Ещё говорят, кто-то видели его в другом статусе — рядом с каким-то человеком в гражданском во внутреннем дворике Мещанского суда. Дескать, Максим «Иван Иванович», сгорбившись, в позе увядающего лотоса семенил за ним и оправдывался.

Выборы.

Девушки выбрали самого импозантного коллегу. Прямо перед Мещанским судом. Между важными обсуждениями и спорами. Пока судьи оглашали приговор, тут шло жаркое голосование.

Я тоже принимал участие — ну, как наблюдатель. Делился мыслями. Ставки делал. Больше всего голосов набрал харизматичный Дмитрий Козлов, оператор APTN (Associated Press Television News). Когда голосование только началось, я тоже поставил на него. Да тут и гадать даже не следовало — видел, как многие девушки-коллеги тоскливо смотрели Диме вслед, вздыхали, забывали и про процесс, и про работу. Обо всём забывали. А лишь только он заговорит, у среднестатистического коллеги женского пола зрачки сужались. Думаю, иностранцы держат его на работе не только из-за его и в правду отличных профессиональных качеств, но и за нужное в профессии обаяние. Да… И тут «отечественный производитель» проигрывает конкуренцию. Переманили буржуи.

Да, хорошо.

Деятельность.

Жизнь.

Кипит!

Лотерея.

Правда, ничего не выиграл. Надо было спорить на деньги.

«Ты — дурак!»

Иногда, правда, так: «Ты дурак?» Сомневаются. Но всё равно обидно. Немного.

И ещё: «Не будь ребёнком!» Но мне понравилось больше: «Не будь таким инфантильным…»

Infantis.

Понимаю.

Кто-то подумает, что писать всё это тоже есть инфантилизм.

«Не будь таким инфантильным…»

О, нет! Вот можно ли воспринимать Систему серьёзно, если она устраивает такой вот абсурд? Сидеть тут, в зале Мещанского суда, смотреть на них всех — известных олигархов, дорогих и *успешных* адвокатов, а также судей, обвинителей, приставов и всех остальных, которые получают деньги из налогов обычных граждан страны и нерезидентов — и делать вид, что находишься на серьёзном мероприятии?!

Воспринимать этот абсурд серьёзно — это и есть инфантилизм.

То есть я инфантилен, а Шохин, «Иван Иванович», этот суд-шапито — серьёзные явления действительности? Это для серьёзных взрослых дядек и тётек? Так кто более инфантилен — я или люди, которые принимают этот фарс с серьёзным видом, и хмурящие брови при протесте — вербальном; простите моё малодушие — против него. Принимающие витрину — нет, не солидарные с нею! конечно же, нет! — но принимающие ее всёрьез.

Вот вопрос… Почему Ходорковский вернулся в Россию в 2003 году? 16 июля. Почему согласился на эти правила игры? Что он тут искал? А, выходя из частного самолета в аэропорту «Внуково», улыбался. Говорят, улыбался и когда его арестовывали в Новосибирске 25 октября 2003 года. Ходят слухи, что понадеялся на своих адвокатов. Убедили его в том, что выиграют дело, мол, «дело в шляпе», в крайнем случае — так говорят — смогут откупиться. Или другая версия — более вероятная — верил своим покровителям конца 80-х и 90-х, которых до сих пор не хочет сдавать, называть. Потому и вернулся. Потому и улыбался.

Поверил. Видимо, подвела вера в своих высокопоставленных друзей-бизнесменов, высокопоставленных друзей-чиновников, высокопоставленных друзей-силовиков и комплекс полноценности…

Что народ тут, перед Мещанским судом, ищет? Что я сам там делал? Наивные люди. Ищут тут логику. Равнодушие и самообман, спрятанные за согласием играть в игры с напёрсточниками. Почему не бойкот? Нет, конечно, все говорят — мол, театр абсурда. Но ходят сюда. Никаких акций протеста. Одними статейками не поможешь…

Ничего. Комплекс полноценности и не таких подводил. И не такие системы рушил.

Финиш приближается. Судьи читают конец приговора. Ещё

пара-тройка дней — и всё это закончится.

Работаю с В.Ч., спецкорреспондентом НТВ. Коллега тоже предпочитает трудиться вне зала суда. Резолюция такая: «Что я там потерял?! Мне и так всё ясно».

Парень очень хороший. И как человек, и как журналист. Анализирует ситуацию хорошо. Манией величия не болеет. Простой характер, доброжелательный взгляд. Мягкий голос. Вызывающий доверие голос. Подкупающе рассказывает. С чувством юмора человек.

Стоим недалеко от входа в здание суда. Беседуем. Вернее, я слушаю. А он не умолкает. Рассказывает об очередной истории, приключившейся с ним в командировке в Казахстане. Интересную историю. Красиво описывает. В красках. В подробностях. Но не могу расслабиться. Я на работе. Такое событие. Это же над нами суд и т. д. Близко к сердцу. Ну, понятно, кто-то же должен играть роль дурачка…

Слушаю его. И тут у входа в суд начинается какое-то движение. Толкотня. Крики. Бросаюсь туда, в голове заметались мысли — оглашение приговора закончилось, сейчас будет известен результат, надо срочно в эфир…

Ан нет, ошибка. Коллеги просто разминают глотки, тренируются.

Возвращаюсь к В.Ч. Тот даже не шелохнулся, только нервно мне предъявляет:

— Да, что ты волнуешься?! Вынесут приговор — будем работать. Куда торопиться, — машет рукой; вернее, отмахивается.

И продолжает об увлекательном казахстанском приключении:

— Так вот… А она мне выдаёт: «Нет. Теперь только минет сделаю. Я ведь сейчас уже замужем». Представляешь, Эльхан? Ха-ха-ха.

Нет, конечно, занимательно. Интересно. Нет, я не против. История отличная. Серьёзно — интересно. Но… как-то…

— Ну, а ты что?

— Ну, а я согласился. Ха-ха-ха. Говорит: «Только минет могу сделать. Остального уже не будет». Ха-ха-ха. Вот! Представляешь, какие забавные девушки в Казахстане живут?

Очень интересно. Но…

Я пытался с ним об этом судебном процессе. О судебной системе. Несколько раз. А он: «Да что ты паришься?! И так всё понятно?!»

Один раз попытался о гражданском обществе. Которое молчит. Безмолвствует. Как портянка. И находится в положении той замужней девушки из Казахстана — добровольном. А он мне: «Не будь идеалистом!»

И снова — специфические рассказы. Интересные. Занимательные.

Не будь идеалистом.

Идеалист!

Не будь ребёнком.

Как диагноз.

— Давай, Эльхан, я тебе еще расскажу про наши приключения в командировках.

— Все такие же.

— Почти все такие…

Словно его это не касается. Символично. Одни символы.

Российский журналист. Он наблюдает со стороны. Неет, не вмешивается. Мол, у него такая позиция. Зевает. И наблюдает. За жизнью в обществе тоже наблюдает. Не участвует.

Возможно, ошибаюсь. Нет, такого не может быть. Чтобы все были глупыми. Согласен, что дурак это я.

Раз все так утверждают.

Да, я инфантилен.

Говорят, этим двум — тем, что в клетке в зале Мещанского суда — нужно ставить памятник. За храбрость. За вынесенное. Дескать, они искупили. За всё население. За всё, что было в 90-е. Просто — за то, что сидят.

Не знаю. Я? Не согласен на памятник. Даже небольшой памятник. Но памяти они достойны. Особенно, после абсурда с т. н. «вторым делом ЮКОСа». Особенно, Лебедев — вообще, этот человек импонирует мне своей прямотой и категоричностью.

Такой аргумент против Системы. Сколько сторонников себе прибавили. Главное, чтобы не забыли. Главное, чтобы остальные не забыли. Как всё это было. Хотя… ЮКОС ведь никогда не любил выплачивать долги…

Да и не в Ходорковском и Лебедеве, в конце концов, дело. Если бы Кремль даже не стал бы устраивать тут прикрытие своему желанию овладеть чужой собственностью в виде «торжества правосудия» — в виде процесса, обвинения, защиты — да, это было бы честнее, но мещанское равнодушие было таким же.

Или бы просто убрал мешавших людей — как обычно. Тоже было бы честнее.

Интересный корреспондент и продюсер у «Первого канала» — Роман Мельник. Вроде бы неплохой человек. Не злой. Вроде бы. Не буду говорить, какой он журналист…

Но парень видный. Массивной комплекции. Упитанной комплекции. Урапатриотичного телосложения. Таких (в подобной весовой категории) корреспондентов от прикремлёвских СМИ много здесь — перед зданием Мещанского суда.

Не раз общались на разные темы — тут, за время процесса, все перезнакомились. Утверждает, что давно уже смотрит только «Культуру»: «Всё остальное — говно!» Бьёт себя в грудь. Декларирует с несомненным эмоциональным надрывом. Это модно — относить себя к аудитории этого телеканала. Модно. Словно, по «Культуре» бред не показывают, словно там обалваниванием не занимаются. Модно. Но всё равно тенденция хорошая.

Модно. Но по поводу местонахождения Ходорковского злорадствует. Удовлетворение. Однозначное — без колебаний. Позиция.

Однако, «Культура».

Модно. А тут мы поспорили с ним про Андижанские события — и выплеснулся у него наружу классический *державный пафос*.

Это произошло в понедельник 16 мая — в день, когда в суде началось оглашение приговора по делу. Через три дня после этой трагедии в Узбекистане.

Андижан[69].

Там тоже всё началось из-за несправедливого суда.

Андижанская трагедия. Вот в этом-то вопросе всё однозначно. Уже по первой информации, поступавшей из этого узбекистанского города становилось понятно, что там произошла настоящая бойня: правительственные армейские спецподразделения стреляли по мирным гражданам, вооружённого сопротивления властям практически не было, раненных добивали контрольными выстрелами в голову или сердце, значительная часть погибших к акциям протеста никакого отношения не имели и являлись жителями той части города, где шёл митинг. Да и сам разгон митинга (на котором было очень много женщин, подростков, детей в ту жаркую майскую ночь): огнём бронетанковой техники по пятнадцатитысячной человеческой массе — какое уж тут двоякое толкование, какая ещё *контекстуальность*. Одни — без оружия! только несколько десятков оппозиционеров имело при себе стрелковое оружие! — вышли протестовать. Другие — вооруженные до зубов — стали расстреливать первых. И вторых, и третьих…

Но… Равнодушие. Тоже равнодушие. Тут в России. А ведь там люди протестовали — активно! — из-за несправедливости местной судебной системы. Из-за несправедливости. Братья по несчастью. Но… Равнодушие. Обычное мещанство.

Да, Андижанская мясорубка мало кому из работающих перед зданием Мещанского суда коллег интересна. «Да, да. Несправедливо. Наверное», — зевают люди. Самый популярный ответ. Даже у журналистов из либеральных СМИ. Понимаю.

Мусульманский диктатор режет мусульман — мол, так им и надо. Вот Ходорковский это круто. Дааа. Лучше толпой. Так безопаснее. Толпой! Уверенности больше.

— Каримов (узбекистанский президент-тиран Ислам Каримов — Э.М.) правильно сделал! — со знакомым эмоциональным надрывом агитирует меня Роман Мельник. — Там же исламисты! Они «Талибан» поддерживали!

— Какой «Талибан»? Ты о чём?[70]

— Так Каримов сказал. Власти были вынуждены пойти на восстановление порядка…

И т. д. И т. д. Формулировки официальных источников Узбекистана.

Не знаю почему, но продолжаю спорить со стенкой.

— То есть погибшие женщины и дети — это тоже нормально?! Так?! В мирных стрелять — это так порядок восстанавливают?!

— Да пойми ты — это же американосы выдавливали Россию из региона.

— Чего? Талибан и американосы. Да, я про это много литературы прочёл. Ты мне скажи мирное население можно убивать? Стрелять войска могут? В мирное? В детей? В гражданских?

На прямой вопрос не ответил. Бубнит одно и тоже: геополитические интересы России. Дескать, Ислам Каримов теперь только с нами — с Россией, и «американосам там делать нечего». Мол, теперь он, Каримов, на коленях обратно приползёт. И вывод: «Мы — Россия — великая страна».

— Ты не знаком с «Планом Даллеса»? — уносит коллегу политпатриотический энтузиазм в какую-то там даль. — Они великую страну разрушили…

Мне смешно — и я смеюсь.

— Тебе интересы России не важны?

— Да… бл. ть причём тут интересы России и стрельба в мирных граждан… Контрольные выстрелы в раненных и «План Даллеса» — какая взаимосвязь на хрен бл. ть?

Нет, а что я должен был делать во время этой пламенной агитки — встать прямо и вытянуть руки по швам? Салютовать по-пионерски? Да так — прокламациями — я тоже могу. Хоть целый день буду языком чесать.

Коллега поднимается по лесенке у здания суда на ступень выше и смотрит на меня свысока. А потом делает контрольный выстрел:

— Всё с тобой понятно! Всё понятно!

— Да, Роман, я пятая колонна…

Разворачиваемся и уходим в противоположные стороны — как будто сговорились.

Равнодушие. И цинизм.

Не могу искать оправдания — когда стреляют в мирное население. Я это в детстве видел. Не могу! Подонки, не могу!

Великая страна не бывает без работающего суда. Страдальцы за империю, блин. «Я всё понял. Франция в опасности. Я спасу Францию!»

Да, ты хоть знаешь, дорогой империалист, как Путин разбазарил всю армию?! Читатель «Плана Даллеса». Да Кремль больше всех спецслужб мира преуспел в насаждении в обществе фальшивых ценностей. Милый мой государственник и верноподданный. Политпатриот. Что же ты молчишь, когда твою страну раздирают и топчут те, кто сидит наверху. Но не за державу ему, а за империю обидно. Эти готовы перегрызть горло собрату по социальному подвалу, но не поднимать головы на хозяина.

Одни геополитики.

«Ты оскорблён не один, ты оскорблён вместе с Францией!»

Великая страна…

Я понимаю. *Россия против всех.* Вернее*, все против России.* Дух крепостного права принести в международные отношения — вот чего хотят мои дорогие неоимпериалисты. Вот и весь *полёт мысли* геополитической.

Да ты, дружок, хотя бы раз ездил на общественном транспорте из города Липецка до города Грязи после 18:30?! Тебя хоть раз надували в обменниках на Тверской улице в Москве — в самом сердце страны?! Да ты хоть раз пытался дозвониться в **«Бюро регистрации несчастных случаев» — на их официальный стационарный телефон?** Ты когда-нибудь видел, как хранят «невостребованные» тела в провинциальных моргах?

Великая Россия. Парень! Тебе же сказали! Что «у англичан ружья кирпичом не чистят…» Что тут непонятного! Как ещё мог влюблённый в Родину бедный, несчастный художник свою мысль выразить?

Всё! Готово!

Я готов.

31 мая 2005 года. Тот самый день. Многие коллеги собрались перед здание суда с пяти утра. Есть и такие, кто ночевал прямо тут. Занимали очередь. Профессионалы.

Накануне дали понять. «Меры безопасности ужесточены и усилены». Ещё с вечера.

Меры. Ужесточены. Куда уж дальше с вашим маразмом?! Маразм бесконечен. Вселенная безгранична. Беспредельна.

Людей, наделенных правом приказывать и указывать, стало больше. Им за это платят деньги и выписывают награды. Меры ужесточены.

Появляется ещё один персонаж. Представляется всем «Евгений Евгеньевич». Это не шутка. Начальник «Ивана Ивановича». «Рыжий пристав» — так его тут окрестили — бегает при нём, как собачка. Как же Система их выдрессировала! Человек превращается в гибкую материю: с одними — барин, с другими — холоп. Может — и должен! — совмещать оба состояния даже в одном временном пространстве. За секунду. Трансформировать прогиб позвоночника в зависимости от поворота головы. Мгновенно менять размер одежды и тела. Выражение лица — с презрительно-надменного на угодливо-придурковатый. Подобострастный взгляд пса. Жёсткую печать самоуверенных ступней чередовать с пробежкой — с заботливым порханием на цыпочках. Как это они умеют совмещать? Загадка.

Ничего неординарного в этом человеке — грузный, ниже среднего роста. С мясистым лицом. В сером костюме. Пиджак обвислый. Уверен, что его зовут не «Евгений Евгеньевич». По лицу видно — не Евгений Евгеньевич. Нет, это не Евгений Евгеньевич.

Ничего неординарного. Однако хозяин. Правда, играет роль доброго хозяина. Не такого злого, как «Иван Иванович». Особенно, с журналистами. Роль добродушного, но бесцеремонного офицера старшего командного состава со свежей партией «запахов».

Это самое запомнившееся мне усиление. Все остальное — также абсурдно. Чепуха и ерунда. Ещё больше солдат ВВ, омоновцев и техники. Ещё один пост с рамками металлодетектора. И новые стопки списков. Цирк продолжается.

Столпотворение перед входом в здание. Главная новость из России. Все центральные и аккредитованные в России СМИ тут. Шум. Крики. Жарко и душно. Всех журналистов пытаются загнать на маленький пятачок — огороженное железными решетками пространство перед судом. Напоминает, загон под открытым небом. Вокруг — передвигаться тяжело, но можно. А в нашем загоне все прилипли друг к другу, хоть тут же вступай в брачные взаимоотношения. Почти родственники. А приставы всё загоняют, и загоняют свежие партии. Ещё и заталкивают — руками, спиной, плечами. С разбега. Утрамбовывают массу.

Обливаемся потом и обливаем потом — друг друга. Дышим друг другом. Аромат. Жалко девушек. И стыдно перед ними.

Первыми из загона стали ломиться операторы с камерами. Перепрыгивали через металлические заграждения. Улепётывая от приставов. Потом бросились все. Стадом. Была давка. Крики. Рёв.

Как на бойне.

Только к полудню успокоилось. В загон затолкали операторов, а всех остальных коллег оставили снаружи. Во внутрь здания суда, а тем более в зал удалось попасть только единицам.

Было около часа дня. Тут из дверей суда выскакивает группа журналистов-информационщиков. Бледные. Ошеломлённые.

Да, да. Это сейчас никто не сомневается. Все предсказатели. А тогда — не верили. Не могли поверить. Эх, надо было спорить на деньги.

Снаружи возобновляется паника. Вначале оцепенели, а потом — суматоха. Никто ничего не слышит. Кричат одновременно: «Что случилось?» «Что там произошло?» А эти тоже: одни не могут сформулировать, другие вообще произнести ни слова. По выражением лиц — можно подумать, что Ходорковский сбежал. Или Шохин разделся голым. «Иван Иванович» овладел креслом судьи Колесниковой.

Вся эта сцена продолжалась несколько секунд, но очень запомнилась.

Оказалось, что пессимистический вариант — дали почти максимальный срок…

Адвокаты вышли уже после нашего прямого включения на НТВ. Дежурные фразы. Махание кулаками от бессилия. Антон Дрель, «защитник и друг» Ходорковского читает его заявление. Вот часть: «*Для меня принципиально важно добиться правды и справедливости на родине. Мне известно, что судьба приговора по моему уголовному делу решалась в Кремле… Именно мои недоброжелатели, которым по ночам снится обуреваемый жаждой мести Ходорковский, обречены всю оставшуюся жизнь трястись над украденными активами ЮКОСа. Это они глубоко несвободны и свободными никогда уже не будут. Их жалкое существование — вот подлинная тюрьма. Я же имею полное право говорить все, что думаю, и поступать так, как считаю нужным, не согласуя свои планы с какими-либо кураторами. И потому мое жизненное пространство отныне — территория свободы. Узники же те, кто остается рабами Системы, кто вынужден унижаться, лгать, подличать для сохранения своих доходов и сомнительного положения в этом неприличном обществе… Я буду бороться за свободу — свою, Платона Лебедева, других моих друзей, всей России. И особенно — следующих поколений, тех, кому будет принадлежать наша страна всего через несколько лет. Для них моя судьба должна стать уроком и примером… В моей судьбе теперь нет ничего лишнего, случайного, наносного, никаких жирных пятен. Будущее видится мне светлым, а воздух завтрашней России — чистым. Я потерял место в олигархической тусовке. Но*

приобрел огромное число верных и преданных друзей. Я вернул себе ощущение моей страны…» Хорошие слова.

Родители Ходорковского. Их было жалко. Два пожилых человека. Которых ломают. Не думаю, что они так счастливы. Законы Природы. Она бьёт по самым дорогим людям. И продолжает бить, даже когда начинаешь сомневаться в прежних принципах. Мать Марина Филипповна говорит, что ожидала такого приговора. А сама плачет. Отец главы ЮКОСа Борис Моисеевич Ходорковский обращается к журналистам: «Я хочу поблагодарить вас всех за то участие, которое вы приняли в этом судилище. Большое вам родительское спасибо».

Он благодарит. Искренне. Но получилось двусмысленно.

Смотрю на коллег. Разочарование. Суматоха. Ах, вы не ожидали? Такого приговора.

Ошарашены?

Уже расходятся.

Я тоже ошеломлён.

Тем, что всё так и закончится.

Смотрю перед собой. На земле, в метре от меня, лежит оброненный кем-то из коллег-фотографов пустой кофр для объектива. Набираю в легкие воздух. Больше. Ещё больше. Ещё!

Сам не ожидал:

— Это бомба!

Слышу свой очень громкий голос.

Нет вначале просто: «Бомба!» А когда рядом стоящие коллеги смотрят в ужасе на меня, громко добавляю: «Это бомба!»

Да, я не мог поступить по-другому. Что-то эдакое я должен был выкинуть. Если не я, то кто же… Мне же больше всех надо было.

Все стали разбегаться.

Ко мне бросились приставы и силовики.

Помню, как один из стоящих рядом со мной коллег — фотокорреспондент — мгновенно посерев, просил меня: «Ты что?! Нет, нет. Не надо». А я успел засмеяться и толкнуть его в бок локтём. Прежде, чем ещё раз крикнуть…

Я так захотел. И потому сделал это.

Почему? Так получилось. Ну, не знаю… Дурак, наверное.

А те, кто воспринимал этот процесс и цирк серьезно, подыгрывал, кто они?

Кто вы?

Я готов отвечать за свои действия. Пусть другие тоже готовятся.

Думаю, надо было крикнуть «Аллаху акбар!» Это была бы оценка на весь этот спектакль. Моя оценка. И добавить: «Свободу

Ходорковскому и Лебедеву!» А? Да, это было бы лишним. Наверное, повторить «Аллаху акбар!» Был бы такой постмодерн — пусть разгадывают. Резюме.

Тупо?

Тупо!

Глупо?

Еще как…

Вот и всё, что я увидел за столько месяцев тут, на Каланчёвке, было также тупо и глупо. На глупые, ненормальные действия остаётся реагировать только глупо и неадекватно.

Отстаньте! А они не дураки?! То, что тут делалось — не ребячество?! Не инфантилизм?!

Нет, тогда я тоже думал, что дурак. Но потом понял — поступил правильно! Вернее, естественно. На их неадекватное поведение родилось моё неадекватное поведение. А как они хотели? Чего ждали? Серьёзного, *правильного* поведения? Буду я с наперсточниками церемониться.

Столько нормальных людей видело этот абсурд. Взрослых, не *инфантильных*. Ведь между собой почти все — особенно не телевизионщики — говорили о происходящем, как о «главной трагедии 2000-х». И ни один не встал на процессе и не крикнул, например, Шохину: «Слушай, Дима, ты что — больной?! Какое отношение имеет к делу техпаспорт бассейна, который ты уже час здесь нам всем читаешь?!» Или же — классическое — «Судью — на мыло!»

Никто. И я не выкрикнул. Почему?

У меня были проблемы. Затащили в здание суда. Ну, помяли немного. Исподтишка. Больно. Давление. Угрожали. Ох, как угрожали. Красиво, красочно. В сочных тонах. Но быстро отпустили. Всё! Не знаю, почему. Но я их запомнил. Этих художников.

«Иван Иванович» бегал декоративной собачкой около «Евгения Евгеньевича», жаловался, просил репрессий. А взгляда в глаза не выдерживал — смущался и прятался за большую спину хозяина. Который оказался немного умнее — зачем портить праздник. Такой праздник.

Даже на НТВ мне никто про этот случай не напомнил. Узнали сразу. Звонили сразу. Но потом никто не вспомнил. Такой праздник.

Ничего не было.

Так что, если я там напугал десяток впечатлительных «силовиков» — это ничего. Не расслабляйтесь. На ваш детский сад — моя «нулёвка». Моё аффективное поведение.

Тем боле такой повод.

Скучно стало в России.

«Речники» рождаются *мещанским* равнодушием. Вообще, равнодушием.

Мещанство.

Получите!

Мещане!

Ешьте!

Заказывали, заказывали…

Платите! платите!..

На следующий день после оглашения приговора, приезжал к зданию суда. Просто. Мне было интересно — главное. Сомнения. А вдруг!..

Какая предсказуемость… Скучно стало в России. Строительная техника стоит тихая. Больше не шумит. Не грохочет. Ни десяток самосвалов и столько же бульдозеров. Ни асфальтоукладчики. Ни дорожные катки. Да, даже дорожные катки сиротливо стоят. Рабочих тоже не видно. Ещё через пару дней всё это полностью исчезло. Испарилось. Дорожные работы закончились.

Да, словно этого всего не было. Движение на улице восстановлено полностью. Забыли. Мираж. Видение. Как будто это был СОН…

Пиво и потрахаться. Будни неорабовладельческого общества

Нет ничего комичнее массовой постсоветской тяги к внешней мишуре красивой жизни. Всеобщая сублимация комплекса неполноценности. Вчерашние рабы, ютившиеся в коммуналках и «секциях», мечтавшие об импортных джинсах и «кассетниках» и завидовавших «пятёрке» удачливого соседа, вдруг сорвались с цепи и стали посмешищем в глазах мира. Пока интеллектуалы упорно ищут национальную идею, главной, народной национальной идеей стало потребление ради потребления.

Эпоха глобального потребления у нас принимает уродливое проявление. У *них* потребление ради ещё лучшего комфорта — «изменим мир к лучшему». А наша тяга покупать всё за любые деньги — это ещё и стремление вырваться из серой массы, неуверенности в себе и постоянной нужде в подтверждении своей значимости и «крутости». Купить сумочку Birkin, а потом месяц есть «Ролтон», не отвечать на звонки в метро — вдруг, подумают, что лузер. Или купить кроссовки за 900 Евро из модельного ряда «когда я еду в метро, все на них смотрят». Или стыдится вытаскивать пачку дешёвых сигарет, пряча её от окружающих под столом. Паштет называть фуа-гра, спортзал — фитнес-центром — это всё мир вокруг нас. Один мой знакомый, владелец бутика, говорил мне: «Деньги у людей сейчас появились, и, если поставить на витрину помои, их рано или поздно купят. А если цену помоев сделать очень высокой, то его купят ещё быстрее, и с ещё большим удовольствием». Дескать, *«истинное удовольствие носить дорогую вещь, зная, как дорого она стоит»*. Да я сам такой — чем дороже стоит рубашка, тем больше она мне нравится.

А власть все это устраивает. Такой коллективный общественный «договор» с Кремлем. Мы вам свое овечье «мее», а вы нам малюсенький кусочек от нефтяного пирога в виде кредитов, на которые мы бросимся покупать авто-мыльницы, становиться рабами ипотеки и кухонных комбайнов. Только раб может променять такую величайшую ценность как гражданские права на кожаные штаны. Весь путинский рост ВВП — в основном, за счет продажи ресурсов и роста потребления. Создание «силиконовой долины», развитие IT-технологий — настоящее развитие IT-технологий, а не тот комизм, что показывают в итоговых воскресных новостях — «умного» производства, современной инфраструктуры это тяжело, а выдавать количество проданных и купленных автомобилей-«мыльниц» и

геномодифицированных яблок за признаки развития страны — вообще не сложно.

Однокомнатная квартира в Митино по цене виллы на Кипре и в два раза дороже квартиры под Берлином, с их немецкой инфраструктурой — педантичным комфортом, детсадами, парковками, чистотой, дорогами, безопасностью. Где-нибудь в Печатниках, посреди моря унылых хрущёвских и брежневских «коробок» для советского пролетариата и технической интеллигенции огородят высоким железным забором с охраной новую «высотку», объявят её *элитной* и… народ покупает! «Элитные» дома из бетонных панелей! или монолит из силикатного кирпича, у которого от кирпича лишь форма и цвет, а по сути — такой же бетон… Зато здесь самопровозглашённая элита — а там, за забором, быдло, «серые гопы, одевающиеся с Черкизона». Это какой же жертвой безвкусицы надо быть, чтобы считать такое жильё элитным и платить за него сумасшедшие кредитные деньги, попадая в многолетнее рабство?

В сентябре 2005 года воскресный Итоговый выпуск программы «Сегодня» решил сделать большой репортаж про строительство элитного жилья в Москве. Только было ожидаемое указание Кулистикова, чтобы строительные бренды не назывались. Про тему репортажа мне рассказал в курилке Миша Сольев, тогда работавший шеф-редактором итогового выпуска, и у меня родилась идея.

— Слушай, Миш, ты меня освобождаешь от новостной «катушки» — договорись с начальством. А я, используя свою обманчивую внешность, устроюсь на какую-нибудь стройку элитного жилья со скрытой камерой.

Уже минут через 15 я, листая свой азербайджанский паспорт и спрятав в дальний карман российский документ, поехал объезжать знаковые элитные стройки.

Согласен, я выглядел глупо. Очень глупо. Я же не знал сегодня утром, что поеду выдавать себя за гастарбайтера. Я бы надел что-нибудь попроще. И этот комичный помятый, странного цвета галстук вообще ни к чему не подходит. Джинсы, кроссовки и галстук под куртку — так одеваются только сисадмины в праздники, но точно не гастарбайтеры. Но в операторском отделе я нашёл только ту скрытую камеру, у которой объектив был запрятан в галстуке. Пришлось придумывать легенду для «сотрудника отдела кадров» стройки — а в реальности скучающего в перепачканной бытовке грузного пожилого мужчины со стаканом чая в руке.

— Я студент. Учусь здесь в Москве.

«Как раз не придётся имитировать акцент».

— Стипендии не хватает. Можно у вас устроиться?

— А регистрация есть?

— Не смог сделать, — разрешения на работу иностранца у меня тоже не было, но об этом и не спрашивали.

— А что умеешь делать?

— Я студент. Стипендии не хватает…

— А паспорт хотя бы есть? — и мужчина покосился на мой галстук. — Я копию сделаю.

Ура! Через минуту я был взят на работу. Разнорабочим. Рабочий день с 5 утра до 6 вечера. Зарплата 7 тысяч рублей. Общежитие — комната на 16 человек, «но вас там будет немного больше». Обещали питание.

— Будешь работать в бригаде Орузбая. Она только создаётся, — и мужик перешёл на пафос: — Потом дома будешь рассказывать: «Я в Москве на такой стройке работал». Элитный дом строил — Триумф-Палас называется.

Триумф-Палас — это уродливый новодел под сталинскую архитектуру. Вообразите рядом две высотки. Одну из сталинских знаменитых высоток и этот лужковский песочный «торт». В одной — глубокая философия, триумф воли в граните. Сколько мрачной, но и обезоруживающей монолитной верой в собственную идею внутренней энергии мессианской догмы, сколько фанатичного дыхания советской идеологии — не сломавшейся, а лишь окрепшей в ужасной войне — людей-характеров, людей-великанов. И сколько клоунады пронырливых архитекторов-бюрократов в другой. Как же обмельчали внуки тех характеров! Тот стиль мы теперь называем сталинской архитектурой, а будущие москвичи и гости столицы почти всё, что строится сейчас, назовут лужковским позором. Ненастоящие дома для ненастоящих людей, которые долго не проживут, да и память о них будет оплевана.

Вечером я всё-таки нашёл на работе скрытую камеру, объектив которой спрятан в большой пуговице. Дома подготовился. Пожертвовал одной старой рубашкой и древними рабочими джинсами. Над почти новыми ботинками пришлось изрядно поиздеваться — я на них попрыгал, продырявил в нескольких местах и забрызгал краской. Ещё нужен свернутый пакет под мышкой. Теперь готово. Правда, в таком виде на улице не появишься. Тем более под рубашкой провода от скрытой камеры, маленький микрофон, а в карманах брюк аккумулятор и кассетник. Добыча для разных милицейских операций «вулкан» и «антитеррор».

Готовились мы на НТВ очень основательно. От общежития я отказался. Каждое утро в 4:00 за мной должен был приезжать

нтвшный водитель, отвозить на стройку, высаживая где-нибудь во дворах, вечером привозить домой — чтобы я привёл себя в божеский вид — а потом везти в Останкино. Главная проблема таких миниатюрных скрытых камер — отснятый материал нельзя просмотреть и прослушать на месте. Чтобы понять — каким получился материал, хорошо ли записался звук, надо использовать специальный просмотровый монтажный плейер формата DVCAM. Знакомые леворадикалы, устраивавшиеся на заводы, стройки, *будить современный пролетариат* — как революционеры начала XX века — рассказывали, что особенно служба безопасности компании ДОН-Строй очень жёстко поступает с выявленными такими активистами. Некоторые из них бесследно — или почти бесследно — исчезали, с другими происходили несчастные случаи[71]. Ещё активисты из леворадикальных групп утверждали, что если несчастный случай происходил с гражданами России, то об этом милицию вынужденно ставили в известность: дескать, вот тело, кто такой — не знаем, трудовых отношений, подкреплённых договором, с нами не имеет. Но если гибли мигранты, особенно из стран Центральной Азии, то старались тут же на стройке спрятать — в стену замуровать, закопать на территории. В «лучшем» случае тихо отослать останки несчастного на родину, свалив все расходы на земляков погибшего.

Мы не могли положиться на высокоразвитый интеллект сотрудников службы безопасности Триумф-Палас — про их жестокость и безнаказанность рассказывали леворадикалы — они могли и меня принять за неореволюционера. Один из сотрудников «Итоговой программы» Катя Соколова постоянно была со мной на связи. Если меня обнаружат, она должна была сразу звонить и руководству стройки, и в милицию. Когда мы с ней обговаривали эти нюансы, я очень красочно себе представлял всё это: вот меня вначале долго бьют несколько человек — руками, потом ногами, может и строительными инструментами, вот куда-то дают знать по рации, вот, не слушая моих возражений и доводов, тащат сбросить с какого-то высокого этажа стройки или, например, в шахту лифта, вот я упираюсь, и вот снова по рации что-то им сообщают и они прекращают. Или не прекращают…

Первый мой рабочий день мне вначале очень понравился. В нашей бригаде, помимо меня, было ещё три человека. Дяде Мише тогда было лет 45. Такой характерный типаж из глубинки. Простой мужик с хитрецой, легко просчитываемой. Раньше работал в совхозе, теперь кормится огородом и сезонными заработками. Если бы не его лень, был бы очень обеспеченным.

Мастер на все руки, но сделает всё, чтобы не работать, а главное для него, как он сам мне объяснял — успеть что-нибудь ещё и присвоить в собственность на очередном рабочем месте. Такие люди в своё время создавали народное хозяйство Союза, а потом в 90-ые сами это и разворовывали. Потерянное поколение патерналистов, принцип — «Сколько у государства не кради, своего не вернёшь».

Ване было тогда восемнадцать. Человек в жизни пока чётко не определившийся — такие под влиянием одних друзей становятся простыми работягами, а под влиянием других — мелкой гопотой, попадающихся по глупости. Находился на пике полового созревания. На стройку в Москву приехал «из-за любви». Как он мне объяснил, в столицу уехала поступать в ПТУ девушка с соседнего двора, которая ему нравилась. Ко мне он сразу привязался — с моего корпоративного телефона он постоянно звонил каким-то дамам, посылал простые и очень откровенные по содержанию смс. Ваня и дядя Миша были откуда-то из-под Калуги, друг другу приходились родственниками.

И наш бригадир Орузбай, человек по-восточному мягкий. Вечно где-то пропадал, в поисках что-нибудь спионерить. Дядя Миша восхищался его карьерными успехами: «Ты смотри — узбек, а, говорят, всего за четыре года в Москве из штукатурщика стал здесь бригадиром». Орузбай мне сразу объяснил, что зарплату могут задерживать, но половину он всё равно должен будет забирать: «Надо со всеми делиться. Мне тоже не всё дают». Зато обещал мне карьерный рост, мол, лет через пять тоже могу стать начальником: «Ты по-русски умеешь говорить». Ещё он со значительным видом рассказал мне, что то ли на третьем, то ли на четвёртом этаже — сейчас не помню — этого здания купила квартиру сама Алла Пугачева.

Все эти люди были трогательны в откровенности своих мыслей. Они мне очень понравились. Это тебе не Останкино с обязательными интригами.

«Штаб» нашей бригады находился в одной из огромных квартир на третьем этаже. Мы должны были заниматься её штукатуркой, но у нас пока не было даже инструментов. В такой же комнате по соседству был сортир. Когда-то здесь будет шикарная пятикомнатная квартира, а пока все рабочие с нашего этажа приходили сюда справлять большую и малую нужду и выкидывать мусор: хочешь — в гостиной, хочешь — в спальной или в детской, а хочешь — прямо в прихожей или на кухне. Прямо на пол. Ходить надо было как по минному полю. Такая месть пролетариата угнетателям.

В квартире напротив жила какая-то огромная семья из

Средней Азии. Бегали, играли в классики веселые полуголые дети, женщины что-то готовили, стирали. Я заглядывал в дверь — ковры на полу, матрасы, одеяла, подушки, что-то даже на стене висело. Глава семьи, мне рассказали, работал не на стройке, а где-то на рынке торговал. Будет потом хвалиться, что в Триумф-Паласе квартиру снимал.

Как только Орузбай ушел, дядя Миша продекларировав: «Будут материалы, тогда подумаем», забаррикадировал изнутри входную дверь в «штаб». До полудня мы подремали, поговорили, попили чаю в емкостях из обрезанной пластиковой бутылки, опять подремали, ещё поговорили. Несколько раз нас окликали, но мы молчали.

Ежедневно рабочим выдавали по 50 рублей на питание. На весь день.

— Когда будут давать деньги, выйдем, — научил меня дядя Миша.

В обед пришёл Орузбай и сказал, что «на еду дадут завтра». Пошли с дядей Мишей в магазин рядом со стройкой. Он смущенно попросил у меня в долг 10 рублей.

— А что так мало-то?

— Хлеб надо нам купить? Я из дома целый мешок картошки привёз. Будем её на обед здесь кипятильником варить.

— Что на обед хлеб с картошкой? И все?

— Ну, ещё и чай есть. Сладкий.

Пришлось, несмотря на уговоры дяди Миши, накупить нам немного еды для нормального обеда. Ему было жалко неопытного «студента», тратящего в первый рабочий день свою «стипендию».

После обеда пошёл погулять по стройке. Это там, снаружи рабочие психологически подавлены незнанием языка и суетливой, надменной ко всем приезжим Москвой, а здесь «витал дух свободы». Тут был целый город со своими законами. Милиция и сотрудники ФМС на территорию стройки не заходили по договоренности с владельцами. У меня была ассоциация со строительством Вавилонской башни. Языки всего бывшего Советского союза. Мат в основном на русском. Одни что-то делали, другие ломали что-то уже сделанное другими, кто-то куда-то что-то тащил. На меня никто не обращал внимание. Вообще, у меня возникло ощущение, что в полную силу здесь никто не работал.

На балконе одного из этажей увидел пожилого мужчину. Подперев голову рукой, он с грустью смотрел куда-то в сторону Ленинградского шоссе.

— Извините, я здесь новенький. Первый день работаю, — прервал я его размышления, мельком глянув на индикатор записи

камеры.

— Да? А кем работаете, молодой человек?

— Разнорабочим. Я ничего в строительстве не понимаю. Студент я.

— Не волнуйся. Здесь большинство ничего не умеет. Захочешь — научишься.

— Как так не умеют?

— А вот так. Сюда набирают людей, не имеющих нормальной специальности. Вот я — электрик. Я сам москвич. У меня стаж на городских стройках — тридцать лет, но постоянно до сих пор учусь чему-то. Ну и как я могу работать нормально, если другие не могут. Вот провёл электропроводку, ребята потом сделали штукатурку. Ага, ровно — значит, сойдет. А как сделано, будет ли также ровно через несколько лет — никого не волнует? Пришёл хозяин будущей квартиры и устроил скандал — разбирается в строительстве. Говорит: «Делайте заново». Ну, и наши начали ломать. Придётся и электрику мне заново делать.

Электрик-москвич отвернулся. Потом опять о наболевшем:

— По десять раз одно и тоже строят и ломают. Вот, смотри, — и показал с балкона на группу рабочих разрушающих готовую гранитную ограду у одного из подъездов (я на них ранее обращал внимание). — Вот сделали, не подумав. Теперь ломают. Второй раз уже. Вот так каждый день, в нескольких местах. Элитное жильё, блин, называется.

— А кто здесь в основном работает? Откуда?

— Больше трети — россияне из периферии. Москвичей единицы. Остальные — украинцы, белорусы, узбеки, армяне, молдаване. Таджиков очень много. Нормальных строителей здесь нет. Нормальный сюда не придёт, а если придёт — потом убежит. Остальные очень плохо работают. Я этих ребят, — показал он на группу рабочих из Средней Азии, — тоже не виню. Они работают сверх смены. За талон на еду. В унизительных условиях. Будет он в такую работу душу вкладывать? Нет, конечно…

— А несчастные случаи здесь бывают?

— Постоянно. Погибших — пять-шесть человек в месяц. Бывает и больше. Последней погибла молодая девушка-киргизка. Свалилась в шахту лифта.

— А почему?

— Технику безопасности никто не соблюдает. И никто от них и не требует.

— Это же уголовное преступление…

— О чём Вы говорите, молодой человек? Нет ничего такого. Здесь всё схвачено у них, у владельцев. Чтобы тело на родину отправить — земляки сами скидываются. Начальство даже не

помогает. Здесь люди — как рабы. Если даже москвичам зарплату задерживают, не страхуют. Так что говорить об остальных. Вот закончу свои дела, получу деньги и уйду на другую стройку. Со мной здесь до сих пор трудовой договор не заключили. Все обещают и обещают. Драпать надо отсюда.

Я походил ещё по стройке, поснимал как криво клали кирпичи, как потолки в одном из коридоров площадки отделывали дешевым пластиковыми панелями. И вдруг заметил, что батарея в скрытой камере уже закончилась. Что отснялось и какого оно качества — неизвестно.

У нашего «штаба» стоял Орузбай.

— Ты где был?

— Заблудился я здесь…

— Иди Ване помогать.

Ваня страшно матерился. Потом стал материться и я. Нам с ним, как самым молодым, и ещё нескольким армянам из другой бригады дали задание очистить на одном из этажей квартиру, которая выполняла роль туалета. И было видно, что успешно выполняла эту роль уже несколько месяцев. Говорили, что через пару дней должна прийти, как сообщил Ваня, «какая-то богатая баба», хозяйка этих хором. Вот бригадиры и спохватились. Надо было квартиру очистить, а еще и проветрить.

Это была самая грязная работа за всю мою трудовую деятельность на НТВ, да и в жизни тоже. В обычной ситуации я бы послал кого угодно, предложи он мне делать такое. Но я ещё не всё отснял, что мне надо было для репортажа — даже не знал, какого качества видео у меня уже есть. «Ничего, надо в жизни всё пережить. А кто-то этим каждый день занимается. А в Сомали еще хуже живут!» — так я себя успокаивал, работая то штыковой лопатой, то совковой, а иногда еще и ломом. Вообще, я был уверен, что мы и за месяц не уберём в той квартире. Но к семи часам вечера всё закончили.

А вот водитель с НТВ долго не хотел пускать меня в машину из-за неприятного запаха. Зато в ту ночь я спал самым крепким сном без сновидений.

Четыре утра. Так рано вставать на работу — это пытка. Как же некоторые могут в такое время вылезать из теплой постели? В четыре утра я иногда только ложусь спать.

Очень интересно наблюдать за реакцией людей — вернее, как она меняется — на твой внешний вид. Утром шёл по дворам и ловил на себе странные враждебные взгляды ранних собачников. Какая-то заспанная девушка студенческого вида, выгуливавшая своего белого пуделя, слишком ухоженного, с бантиком на голове, презрительно посмотрела на меня, когда я её спросил:

«Как правильно пройти к этой стройке?», и отвернулась. Ещё и резко притянула к себе за поводок ряженую собачку-аристократа.

Приближаюсь к стройке. И вдруг вижу такую картину. В одном из дворов столпилось около 80 человек. Все мужики. От 25 до 50 лет. Русские, белорусы, украинцы, армяне, узбеки. Это мои «коллеги» со стройки. Пакеты с рабочей одеждой под мышкой. Жмутся друг к другу. О чём-то подавленно тихо переговариваются. Некоторые с опаской выглядывают за угол дома. Все наготове — сейчас кинутся врассыпную.

Подхожу к ним. Выглядываю из-за угла. Небольшая улица идет прямо к входу на стройку Триумф-Палас. Расстояние — метров 200–300. А прямо посередине улочки наряд ППС в старом жигулёнке.

— Не ходи, парень? Там уже одного киргиза поймали.

Как же я тогда разозлился. «Плевать мне на эту съемку». Пошёл прямо на них. «Давайте, парни, давайте. Я вам сегодня весь день испорчу. Потом в отделении сами будете при своём начальстве извиняться».

С заднего сидения с интересом смотрел на меня тот самый неудачливый киргиз. А бравые «бойцы» передо мной, не сговариваясь, расступились. Видимо что-то в моих глазах они прочли такое, что как загипнотизированные провожали меня взглядом. «Ну да. Вы же привыкли к сбивчивым оправданиям».

Это кто — преступники? Да люди своим потом зарабатывают деньги. Что же вы над ними издеваетесь? Последние копейки отбираете. Вот такие, как они, и есть мусор. Убедить человека в том, что он что-то нарушил, а потом срубить с него денег. Очень мужественно!

Киргиза этого потом отпустили. Его бригадир собрал с земляков «штраф» и отнес в отделение. Я выяснил, что автобус с рабочими из общежития подъезжает не прямо к входу на стройку — как бы ни просили рабочие — а останавливается где-нибудь во дворах. Видимо такая договоренность между администрацией стройки и ментами. Ну, это общероссийское изобретение — так и с гражданами страны поступают. Только не так прямолинейно.

На нашем этаже разговорился с группой рабочих из Средней Азии. Они сидели на корточках или прямо на бетонном полу. Вид у них был очень удручённый. Сказали, что таджики. Оказалось, что их бригадир ходил только что хлопотать за них в отдел кадров.

— Нам не платят уже шестой месяц. Дома дети, жёны, родители без денег. Не знаем, что делать. Даже уехать на Родину не можем.

— А на что живёте?

— 50 рублей в день дают. А зарплату мы всё равно здесь не тратим. Домой посылаем.

— А часто здесь зарплату задерживают?

— Раньше иногда — два-три месяца не платили. А сейчас почти половине рабочих не платят полгода. У людей чести не осталось. Обманывают, ругаются… Мы же работаем, не воруем. Особенно к нам, таджикам, вообще, как к рабам относятся.

— Ну пожалуйтесь куда-нибудь.

— А куда? Мы даже не знаем куда.

— В милицию, прокуратуру.

Таджики переглянулись и засмеялись.

— Ты, наверное, только недавно в Москве, да? Ещё ничего не понимаешь. Милиция… От ментов бежать надо. Поймают, штраф надо будет платить. Побьют ещё. У нас друг был здесь — Идрис. Его забрали менты, три месяца ничего не известно. Убили его, наверное. Он дерзкий был, глупый. Даже в общежитие не ездим.

— А где же вы живете?

— Здесь живём — на стройке. У нас регистрации ни у кого нет. Нам сказали — раз вы здесь на стройке живёте, значит, всегда работать будете.

— То есть 24 часа в сутки? И в выходные?

— Да, в любой момент. Иногда ночью тоже спать не дают — что-то разгрузить, перетащить…

— Сходите в своё посольство. Пожалуйтесь туда.

— Мы тут ничего не знаем. Москву видели только со стройки и из окна автобуса по дороге в общежитие.

Уже в начальной стадии строительства (годы стройки 2001–2006) будущие квадраты в Триумф-Паласе стоили от 1500 до 3500 долларов — при площади квартир 100–400 кв. м. Нереальные суммы! А людям удерживали кровно заработанные гроши. Бедолаги. Их было очень жаль. Их проблемы, их существование здесь никого не волнуют. И что им делать? Может, наркотиками торговать? О, вот тогда они сразу всем станут интересны. Их активно станет обвинять всё правильное общество, вешать на них всех собак.

Этот мир — рядом с нами. Мы считаем, что мы люди цивилизованные, растим детей на добрых сказках, рассуждаем о постиндустриальном обществе высоких технологий. Но, в то же время, гоним от себя мысли о такой жизни по соседству с нами. Мысли о рабах. Мысли о том, что кто-то живёт в день на 50 рублей. Мысли о том, что мы сами также активные участники этой системы неорабовладельческого общества, нам тем более неприятны. Персонажи Эмиля Золя наши соседи. Но нам неприятно замечать их. Одни пресыщены и не знают, куда

потратить деньги, а другие горбатятся за копейку, которую тоже не дают. Подумайте, сколько проклятий приходится на один квадратный метр вашей квартиры в новостройке.

Трудовые мигранты. Уничижительно — гастарбайтеры.

Хорошо, кавказцы плохие… Согласен, о своих земляках. Буду о них говорить. Азербайджанцы люди неуживчивые, пылкие, странные. Всем мешаем активностью — не любите нас. Завидуйте. Мне всё равно. Нормально.

Но откуда негатив в отношении выходцев из Средней Азии? Пренебрежительная брезгливость к ним — откуда? Согласен — не у всех в России этот грех на совести. Но масштабы, масштабы!

Ведь, предки скольких нынешних россиян спаслись в эвакуации во время Второй мировой войны — у «этих» таджиков, узбеков, киргизов, казахов. Скольким людям они помогли выжить, подарили жизнь — теснились в своих жилищах-каморках, отдавали последнее, отбирали у родных детей. Одежду, еду. Одеяла, бельё. Поспрашивайте у своих бабушек и дедушек, которые прошли через эвакуацию — их было несколько миллионов. Да, и Азербайджан принял массу беженцев — ну, да ладно, нас ненавидят априори. Нормально.

Но хотя бы к ним-то можно по-человечески. И дело не только в том, что помогали, потому что было одно государство и «куда бы они, эти среднеазиаты, делись — боялись». Люди отдавали последнее сами. Квартплату не взвинчивали. Регистрацию на улице Ташкента не требовали. Бандиты, переодетые в форму сотрудников правоохранительных органов, похитив, в спецприёмниках Бишкека-Фрунзе не пытали, выкуп не выбивали. Смелой толпой в центре Душанбе на одного не набрасывались. Национальные марши с погромами не устраивали. Зарплату не задерживали, и не отбирали. Не боялись. Нет, не страх был тогда. А сочувствие, сострадание.

После обеда взобрался на один из самых последних этажей здания. На одном из них обнаружил двоих отчаянных узбеков. В окно торчала четырехметровая двутавровая балка-швеллер. Один конец её был примитивно прикреплён к упору в пол с этой стороны окна — со сложно-примитивным механизмом из железок, балок, верёвок, проволоки. На другом конце балансировал без всякой страховки один из узбеков-сварщиков и что-то творил. Другой его земляк из комнаты подавал ему инструменты, периодически забираясь на швеллер. Под ними было почти 50 этажей — больше 200 метров до земли. А они спокойно болтали, перешучивались.

Минут пятнадцать наблюдал за ними, снимая все это на скрытую камеру. Конечно, если бы один из них свалился бы — на

работе были бы на седьмом небе от счастья иметь такую «картинку». Но я очень сильно молился, чтобы этой «картинки» не было. Когда парни благополучно закончили, спрашиваю у них:

— Вам не страшно так работать?

— Мы уже привыкли, — обыденно сказал один из сварщиков. — Это в начале страшно.

— Но надо же подстраховаться как-нибудь. Техника безопасности всё-таки нужна.

— Да мы не упадём… А вы что — из начальства?

— Нет… А вам зарплату не задерживают?

— Нам четыре месяца не платят… — оживились ребята.

А ведь в будущем здесь будет пентхаус — квартира обычного российского чиновника за пару-тройку миллионов долларов (по 11–19 тысяч долларов за квадратный метр). Или какой-нибудь Бутик-хотель Триумф Палас. Зачем этим парням из Узбекистана зарплата?

Ваня нервно ходил по нашему «штабу» после разговора с пэтэушницей, у которой, видимо, теперь началась новая столичная жизнь.

— Я ей говорю: давай сегодня приезжай вечером к нам в общежитие. Говорю, у меня там койка есть. А она не хочет, сука.

Признался мне, что ещё девственник и ушёл к молдаванкам-маляршам на соседний этаж в поисках женского понимания. Человек он был слишком откровенный в своих помыслах, потому минут через двадцать вернулся ещё более грустный. И стал ломать скамейки, на которых мы иногда дремали.

— Успокойся, Вань. Давай поговорим лучше.

— Все бабы — суки.

— Ну не все… Слушай, Ваня, а что тебе нужно для счастья? — задал я хрестоматийный вопрос.

— Для счастья?

— Ну да. Чтобы считать себя счастливым?

— Честно? — Ваня задумался. — Бутылка пива «Волга» и потрахаться.

Знаю такое пиво. Литровая бутылка вонючей жидкости. Стоила тогда рублей восемь-десять.

— Я серьезно. Это что? Счастье?

— А что ещё нужно? — удивился Ваня.

«Дааа, Кому жемчуг мелок, а кому щи пусты».

— Не будь таким прямолинейным. Тебе потому и девушки не дают. Иди поступи куда-нибудь. Надо выучиться, получить профессию. Будет у тебя и любое пиво, и всё остальное.

— Да нет. У меня регистрации в Москве нету. Здесь могут учиться только москвичи. Остальным запрещено. Или за большие

деньги.

— Да ну — ты глупость говоришь? Ты тоже можешь получить образование.

— Нет, я сейчас хочу пиво и потрахаться!

— Но это же не есть счастье. В жизни так много интересного. Ты можешь научиться другому, будешь больше денег зарабатывать. А то так и будешь всю жизнь на стройке работать.

— А что же ты сам здесь работаешь? Иди — делай.

— Я студент. Подрабатываю. А ты же россиянин. Что тебе мешает добиваться в России того, чего добиваются другие.

Ваня думал.

— Во всём Ельцин виноват.

— Почему Ельцин?

— Он же сейчас президент. Это он во всём виноват. Русским не дают нормально жить в России. Это он русских обижает!..

— Ельцин уже не президент давно, дурак. Сейчас Путин президент.

— Путин? Да нет. Но Ельцин все равно главный президент сейчас.

Решил прочесть «коллеге» лекцию про экологию. Это я умею. Лекции.

Про эпоху потребления. Про то, что жадность и понты в конце концов погубят человеческую цивилизацию. Не выдержит бедная Планета-мать нашей ненасытности. Понимаешь, население Вавилона, за всё время расцвета государства произвело меньше бытового экологически вредного мусора, чем жители обычной 9-этажки в Бирюлёво за месяц «жизни». Посчитай, говорю, Ваня, какой объём почвы травит один обычный житель мегаполиса за свою жизнь только пластиком! Во всём современные женщины виноваты: подавай им разноцветный шик, богатство, пресыщенность, коктейли, шезлонги, брендовые тряпки, полуфабрикаты, молочко в пакетиках, батарею банок со «средствами гигиены и чистоты» (может у одной женщины в ванной стоять девять видов шампуня? зачем?), нужные журналы, авто-мыльницы. И мужчины — что им потакают.

Всё это я рассказал Ване. Он внимательно слушал и согласился со мной. Особенно, про вину женщин:

— Вот, суки!

У одних — «пиво и потрахаться», у других — огромный китч-дом и большая-большая иномарка-мыльница… и потрахаться тоже, конечно же.

Пришёл Орузбай и отвёл нас с Ваней на четвертый этаж помочь другому бригадиру. Там оказались и мои знакомые таджики. В углу одной из комнат были сложены мешки с

цементом.

— Эти мешки надо перетащить на девятый этаж. По лестнице, — сказал другой прораб.

Я думал — он шутит. Реально думал, что он шутит.

— С этого этажа на девятый? По лестнице?

— Ну, да. Давайте, давайте — начинайте. На каждого по десять мешков.

— Пять этажей? Здесь ведь лифт есть, — показал я на внешний грузовой строительный подъёмник, сесть на который можно было прямо с ещё неготового балкона этой квартиры.

И тут прораб сказал фразу, которой можно было бы ответить на все мои вопросы за эти два дня на стройке:

— Лифтом нельзя. Лифт может сломаться!

Первый и второй мешки с цементом были самые тяжелые. Я даже не смог сразу взвалить их на спину и попросил Ваню мне помочь это сделать. Потом пошло полегче. Но уже подступая к шестому, понял, что, лучше заниматься организацией съёмочного процесса из Останкина. У меня уже тряслись ноги, дыхание тяжёлое. Я весь был покрыт цементной пылью, и ребята-таджики надо мной незлобно посмеивались: «Давай, студент». «Сюда бы некоторых операторов, которые постоянно жалуются на свою тяжелую работу», — думал я, поднимаясь с седьмым мешком. На восьмом мешке уже не по-доброму вспоминал отдыхи Митковой в Санкт-Морице. Девятый отнёс за меня Ваня. Десятый — один из ребят-таджиков.

Ночью видел сон, как работаю на стройке Останкинской башни. Поднимаюсь на верхние этажи по лестнице. На спине у меня вначале мешок цемента, потом какой-то толи огромный диван, толи шкаф. Я почти добрался до верха. Но вдруг оказываюсь опять внизу — мне, якобы, лишь показалось, что добрался до цели. Я чуть не плачу от отчаяния и злости. Но мне надо идти. Почему-то считаю, что мне надо идти. И я иду снова. Как Сизиф. Иду, еле-еле передвигая ноги из-за тяжести. А рядом идёт Орузбай и что-то объясняет мне про телевидение и политику в стране. Смотрю на лицо моего прораба, пытаюсь что-то возражать. И вдруг оказывается, что это и не лицо Орузбая. Нет. Это Кулистиков идёт рядом и спорит со мной. Мне стало очень страшно… И я проснулся. Всё тело ломало от боли в суставах.

«Нет, больше на стройку не пойду».

Миша Сольев хихикал и потирал руки:

— Вот это обязательно надо вставить — где один гастер говорит: «Я русски пльохо знает», — передразнивая одного из рабочих, ёрничал Миша.

Коллег с Итоговой программы интересовали не нарушения

элементарных прав, не собачья жизнь рабочих со стройки, не факт массового рабства. Они были рады красивой «картинке», «прикольным синхронам».

— Мы же не про нелегальных мигрантов репортаж делаем, а про то, как строят якобы элитное жилье. Понимаешь, формат другой.

О, да, эти ссылки на формат! Это же наше спасение. Оправдание в профессиональной трусости. Да и чему удивляться — если человек не уважает чужое чувство собственного достоинства, чужую свободу, он и себя не будет уважать. И наоборот — не уважая себя (не путать с высокомерием, чванством и снобизмом, что есть признаки глубокой внутренней несвободы), можно ли увидеть человека в каждом окружающем; если сам раб, то и рабство других для тебя естественно. В Останкино, на НТВ было такое же рабство, только завёрнутое в красивую обёртку. *Репортаж вышел в эфир без упоминания названия «Триумф-Палас». После правки генерального директора НТВ Владимира Кулистикова.*

Source URL: http://ostankino2013.com/pivo-i-potrahatsja-budni-neorabovladelcheskogo-obshhestva.html

Вербальные герои вербальной оппозиции

Для меня это было очень серьёзно. Наверное, это выглядит глупо, меня, вообще, тянет на глупые поступки. Но я ведь принял решение…

Ради этого я готов был дать взятку и быстро прописаться в Университетском округе Москвы. Уйти с НТВ — зачем мне эта работа: здесь уже всё понятно! — и работать обычным честным агитатором. Ну, например, раздавать листовки у метро, не спать по ночам и мастерить самодельные плакаты, обходить квартиры местных избирателей — бесплатно! Ходить на любые митинги, даже если потом пришлось бы ходить по врачам, или даже лежать в больнице.

Вот сидеть я не хочу. Не то, чтобы страшно — жить в Москве, ездить по этим дорогам, передвигаться по этим улицам, тоже небезопасно: в день в столице умирает по несколько сотен человек, около 500, по разным причинам: только убийств от 7 (по официальной статистике) до 14 человек, суицидов 3–4 (официально, неофициально — в три раза больше). Просто боюсь зря терять время. Время-то уходит. А так — что в тюрьме большой — стране РФ, что — в тюрьме поменьше — конкретной зоне. Одно и то же. Разница — в режиме, в условиях. В *формате*. Но всё равно страшно за время. Потому уважаю людей, которые не испугались даже небольшой вероятности такой перспективы и пошли на риск. Как Ходорковский, например… Хотя… если соберётся интересная компания — почему же нет?! Ну, например, если Путин с Медведевым будут сидеть в соседней камере…

Однозначно, я воспринимал это всё серьёзно. Почему-то получилось не так, как я ожидал.

В конце лета 2005 года в Москве помпезно началась кампания «Ходорковского — в депутаты Госдумы!» Избирать экс-олигарха планировалось от Университетского одномандатного избирательного округа № 201 Москвы.

Вообще-то это были довыборы. Так как представляющий в Госдуме интересы жителей этого округа с 2003 года Михаил Задорнов досрочно сложил свои полномочия парламентария и был поставлен руководить «Внешторгбанком24», ЦИК России назначил дополнительные выборы депутата на 4 декабря 2005 года. Михаил Ходорковский тогда находился в СИЗО «Матросская Тишина». Мещанский суд Москвы приговорил его к 9 годам тюремного заключения, но так как приговор ещё не вступил в

силу — его адвокаты обжаловали решение суда первой инстанции в Мосгорсуде — заседание судебной коллегии было назначено на сентябрь, экс-глава ЮКОСа имел полное право выдвинуть свою кандидатуру в органы государственной власти.

Первым — по его собственным словам — кому эта гениальная идея пришла в голову, был очень импонирующий мне как человек, как человек-политик (но, отнюдь, не как политик) Иван Стариков, секретарь федерального политсовета СПС, отличительная черта которого — стабильно грустный взгляд. Такие же грустные глаза я видел у молодых ассириек, особенно когда рядом стоят и напрягаются молодые ассирийцы. Думаю, когда уважаемого эспээсовца посетила эта идея — на миг его глаза повеселели.

Наверное, это происходило так. Московский летний вечер. Убогий спальный район. Жарко. В одной из квартир пятиэтажной хрущёвки открыты все окна. Бывший депутат Госдумы и замминистра экономики России Иван Валентинович, одетый в любимую старую майку-алкоголичку, сидит на кухне и, в ожидании ужина, листает «Советский энциклопедический словарь» 1987 года выпуска. И вот когда он перечитывал статью про катаракту, вдруг его осенило: «Эврика!», — произнёс он про себя, и Иван Валентинович заулыбался губами и глазами. Родные удивлённо посмотрели на главу семейства и обомлели: дети стали перешёптываться, тёща уронила кастрюлю с макаронами себе на ногу, за стеной у соседей сбоку онемел громко плакавший ребёнок, а сосед сверху забыл закусить огурцом. Даже деревья за окном перестали шевелить ветвями. Жена прошептала: «Ты что, дорогой?» и всхлипнула. А Иван Валентинович громко захлопнул толстую книгу и, не ответив супруге, пошёл кому-то звонить…

31 августа экс-олигарх публично объявил о своём решении идти в Думу.

В недовольных властью массах начался ажиотаж. Неожиданно проснулась надежда. Ведь это и в правду была хорошая идея — ЦИК просто не мог бы препятствовать Ходорковскому в регистрации кандидатом — он же имеет право! Правда, если бы за идеей стояла бы реальная сила. Настойчивость и принципиальность гражданского общества. Любая идея — в виде мысли, в виде обычая, либо будь то какой-нибудь закон, гражданский или уголовный, либо идеология, даже религия — опирается на поддержку в той или иной социальной среде: будь то камера заключённых, группа единомышленников, сельская община, либо географическая область, государство или всё человечество. Идея как семя, зерно — чем благоприятнее среда и почва, чем лучше за ним ухаживают, тем здоровее, красивее и

щедрее становится вырастающее из него растение, организм.

Не знаю, на что рассчитывали люди, относящие себя к лидерам оппозиции *к путинскому режиму*. Они заранее вдруг посчитали себя победителями.

Единственный человек, который в этой истории поступил мужественно — это был сам Ходорковский. Согласие выдвинуть свою кандидатуру — принесло ему только головную боль в виде дополнительного давления со стороны власти. Да, позиция у него была беспроигрышная: постарается ЦИК не зарегистрировать его кандидатом — следовательно, кремлёвские не уверены в себе (раз бьют, стало быть, боятся), а если зарегистрирует — то Ходорковский выиграет выборы. Но, согласитесь, для такой игры тоже нужно обладать храбрым сердцем…

В начале сентября креативный автор Иван Стариков создал «Инициативную общественную группу по выдвижению Михаила Ходорковского в депутаты Госдумы». Сам эспээсовец стал её главой. На этом его креатив закончился. Когда я увидел список людей, которые добровольно взяли на себя ношу членов этой группы, вздохнул и позвонил знакомому, обещавшему мне прописку на Мичуринском проспекте (с ещё одним важным документом) за 40 тысяч рублей, и попросил подождать. В списке были: люди, перед которыми можно склонить голову — например, правозащитник Людмила Алексеева; люди, имеющие чёткую позицию — например, «яблочник» Андрей Пионтковский и лидер НБП Эдуард Лимонов и такие, которые столько лет не могут пустить себе пулю в лоб — например, «журналист» Сергей Доренко. Ну, ещё много людей как с полярными, взаимоисключающими взглядами, так и с разной степенью загаженности их совести. Для ещё большего разнообразия там не хватало ветерана XX века Валерии Новодворской — не знаю, может, потому, что в молодости она была очень красива. Это инициативная группа или балаган?

Но надо было ещё раз всё проверить.

Вечером 12 сентября в Новопушкинском сквере должен был пройти митинг под названием «Солидарность с политзаключёнными Михаилом Ходорковским и Платоном Лебедевым». Организаторы отрицали связь с историей с довыборами в Госдуму, но лишь для того, чтобы выпросить разрешение провести это мероприятие.

Я напросился на эту съёмку от НТВ.

Если бы не правительственные чиновники этот митинг прошёл бы незаметно. Вообще, так часто яркими становятся те люди и те события, на которые вдруг оказывается направлена перепуганная ненависть кремлёвского креатива. А, может, *им*

тоже надо обосновать выделенные и разворованные средства?..

Маленький Новопушкинский сквер был разделён милицией на две части металлическими ограждениями и небольшой «нейтральной полосой», где, постукивая по своим коленам дубинками, расхаживало несколько омоновцев со специальным выражением лица. В один «загон» запускали тех, кто позиционировал себя как правозащитники и пришёл «потребовать освобождения политзаключённых Ходорковского и Лебедева», да и вообще «обратить внимание властей и общества на проблему соблюдения в России конституционных прав и свобод». А в другой — молодых людей студенческого вида в футболках с изображением тюремной решетки и надписью «МБХ — в тюрьму!» Оказалось, их акция тоже санкционирована префектурой ЦАО и именно в это время и в этом же месте. Предполагалось скучное мероприятие, а получился постмодернистский перфоманс.

Вначале, до начала митинга, студенты вели себя тихо, видимо, ожидая указаний, свою партийную принадлежность называть отказывались. А потом повытаскивали дудки футбольных фанатов и стали в них гудеть. Нашлись у них и фабричные растяжки с текстовыми вариациями лозунга «МБХ — в тюрьму!», которые они ещё и выкрикивали, когда уставали гудеть.

Противоположный лагерь был какое-то время в нокдауне. Вместо того, чтобы благодарить молодых оппонентов, оказавшихся членами «Молодёжного единства», правозащитники кинулись спорить с милицейским начальством, трясти перед ними своим разрешением от префектуры. Как же так — они тут заготовили длинные, обстоятельные речи об «использовании правоохранительных и судебных органов страны в политических целях», а также про «репрессивную политику властей и нарушение ими гражданских прав и свобод», а тут им портят всю лекцию, мол, их выступления не слышно в этом шуме.

— Это провокация и против организаторов, и против милиции, — кричал на камеру уважаемый мною правозащитник, глава общероссийского общественного движения (ООД) «За права человека» Лев Пономарёв. — Когда политический противник не может ни говорить, ни аргументировать свою позицию, когда он оппонирует мычанием — это доказательство политической импотенции.

И телекамеры снимали наглядно демонстрируемое громкое доказательство политической импотенции.

Принесли мегафон. Но то, что в него кричали, невозможно было разобрать — получался какой-то визг, скрежет и становилось очень смешно. Минут через двадцать отложили в

сторону мегафон.

Теперь те, кто был за Ходорковского, были в отчаянии, в ярости. Я думал, что вот-вот они пойдут в атаку — начнут бить противников отобранными у омоновцев дубинками. Ну, или же затолкав и тех, и других в милицейские автобусы покатят их по Тверской улице до Красной площади. Но единственный инцидент с использованием физической силы правозащитники допустили против трёх активистов Евразийского союза молодежи. Так как у этой организации Александра Дугина размытая идеология, парни не смогли мотивировано объяснить своё присутствие в рядах сторонников Ходорковского. И последние стали таскать их по асфальту, рвать на них «косухи», мотивируя эти далёкие от гуманизма действия фразами: «Бей, этих сук провокаторов!», «Получи, падла, за Кремль!» и т. д. «Евразийцев» спасли омоновцы, затолкав в милицейский автобус.

И только когда прошёл один из отведённых на митинг двух часов до «ходорковцев» наконец-то дошло. В противовес лозунгу «МБХ — в тюрьму!» они стали скандировать «МБХ — в Госдуму!» и «Свобода! Свобода! Свобода!» Кроме того, у некоторых правозащитников в карманах нашлись свистки. Зачем они им нужны в обычной жизни, не понятно — а, может, кто-то за ними сбегал — но правозащитники стали в них свистеть на всю Пушкинскую площадь. Так прошла вторая часть мероприятия.

Однозначно, событие удалось. Только вот было какое-то странное чувство… Взрослые люди из двух «загонов» стоят друг напротив друга, надрывая связки и лёгкие, дуют в свистки и дудки, выкрикивают лозунги. Милиция не вмешивается, прохожие спешат по делам. Было в этом что-то символическое. Как будто отражало происходящее на всей общественно-политической арене России.

Обе стороны стали расходиться. Почти все выглядели довольными.

Я нашел Ивана Старикова и отвёл его за милицейский автобус под видом интервью.

— Зачем нужно Ходорковскому идти в Думу? И почему Вы его поддерживаете?

— Это нужно в первую очередь нам, россиянам. Это нужно Думе — Михаил Ходорковский независимый политик. Он будет там говорить правду, а не нажимать кнопки по указанию из Кремля. Людям станет интересна работа парламента. Это нужно и Путину. Потому что «дело ЮКОСа» в первую очередь ударило по имиджу Путина, как интеллигентного, прозападного, адекватного политика. Я уверен, президент сейчас горько сожалеет и проклинает тот день и час, когда дал «добро» на это уголовное

дело…

— Да ладно. Вы так думаете?.. — вырвалось у меня.

— Да! Да! — безрадостно подтвердил Стариков и неубедительно добавил. — Потому наш лозунг: «Выберем Ходорковского — поможем Путину!»

Я нетерпеливо дёрнулся и напугал и Старикова, и своего оператора.

— Давайте откровенно. Вы действительно собираетесь идти до конца? Мне это нужно знать, — резко спросил я, едва не добавив: «Для себя».

Стариков вздохнул и устало посмотрел мне в глаза.

— Ну да. До конца, — тихо сказал он.

И замолк. Задумался, словно, сам удивлялся своим словам. А потом сделал важное уточнение.

— Если Кремль адекватно будет себя вести…

Пауза.

— Ну, у нас есть доля надежды, что Кремль отпустит его. Одумается…

Пауза.

— Мы понимаем, что ничего не получится. Но надеемся на благоразумие Кремля.

— На что?? — я почти издевался.

— Ну, на их благоразумие…

Последнюю фразу он сказал почти шёпотом — еле расслышал.

Я опустил руку с микрофоном.

— Хотя то, что сегодня здесь (в Новопушкинском сквере) происходит заставляет нас сомневаться… Но мы продолжаем надеяться…

Хотел ему рассказать теорию про зерно, среду и уход за ним, но, думаю, он сам это знает — Стариков же агроном по профессии. Все всё знают, все умные.

Когда мы возвращались в Останкино, я, глупый, вдруг понял, что сэкономил 40 тысяч рублей. Но это не радовало. Чувство, ну, как после розыгрыша лотереи…

На следующий день Инициативная группа проводила пресс-конференцию в Центральном доме журналиста на Никитском бульваре. Теперь я на эту съёмку не напрашивался, меня туда отправили из редакции.

Почти вся эта *группа товарищей* была на пресс-конференции в полном составе. А как же — главное «картинка», телевидение. Не на митинги же ходить. Эти люди уже понимали, что ничего с идей «Ходорковского — в депутаты Госдумы!» не выгорит, и всё равно собрали журналистов. Это не могло не злить.

У мероприятия было серьёзное, бодрое название — «Стратегия предвыборной борьбы». А настроение у членов было подавленное. Разве о борьбе говорят с таким унылым видом?

Иван Стариков сразу стал оправдываться:

— Это неправда, что члены инициативной группы якобы разбежались — бегут как крысы с тонущего корабля. К нам присоединились независимый депутат Госдумы Владимир Рыжков, член «Яблока» Виктор Шейнис, журналист Александр Рыклин.

А потом звучали цифры.

— Как показывают результаты социологического опроса, примерно 30 процентов избирателей Университетского округа готовы отдать свои голоса Ходорковскому. А, может, и 35 процентов, — жизнерадостно сообщил Иван Стариков. — А Михаил Задорнов победил здесь в 2003 году, набрав около 25 процентов.

Имелся в виду опрос аналитического центра Юрия Левады, проведённый по заказу пресс-центра адвокатов Ходорковского и Лебедева в Университетском округе Москвы 5–8 сентября. В нём участвовали всего 510 жителей округа. 28 процентов — а не 30 — из числа тех, кто намерен принять участие в вероятном голосовании (а не из числа всех принявших участие в опросе респондентов), заявили, что готовы проголосовать за Михаила Ходорковского. Кстати, собираются придти на это вероятное голосование всего 24 процента из всех 510 опрошенных. То есть 28 процентов из 24 процентов, которые из всего 510. Калькулятор показал конечную цифру — 34,272 то есть 34 человека. Не густо, а грустно — никакого оптимизма. Кстати, статистическую погрешность сентябрьского опроса сам «Левада-центр» обозначил в пределах 6–7 процентов. Кстати, «яблочника» Михаила Задорнова в 2003 году в этом округе поддержали 70232 человека, то есть не 25, а почти 27 (точнее 26,55) процентов голосов избирателей (опередил единоросса Евгения Герасимова, у которого было 25,42 процента — 67265 избирателей). Но это было уже не важно, ведь, правда? Что ещё оставалось говорить этим бедным людям…

Нет, конечно, были и угрозы. Мол, если Ходорковскому откажут в регистрации, оппозиционеры проведут «народные выборы». По словам Старикова, 4 декабря на участках в Университетском округе они поставят свою, «альтернативную» урну и будут агитировать избирателей самим вписывать фамилию экс-главы ЮКОСа в избирательные бюллетени. Не думаю, чтобы им это позволили. Не думаю, что сами оппозиционеры в это верили.

— В любом случае мы не будем останавливаться, мы будем проводить кампанию независимо от решения суда, — подытожил руководитель Инициативной группы.

Коллег-телевизионщиков это не впечатлило. Некоторые из них стали бесцеремонно убирать микрофоны со стола и сворачивать оборудование, а это всегда выводит из себя ньюсмейкеров.

Сидевшие за столом забеспокоились.

— Ходорковский — политик номер два в России, — громко крикнул Сергей Доренко, напугав всех. — Номер один — это президент Путин, и то благодаря стулу, на котором он сидит.

О том, что он и сам работал на людей, которые сажали Путина на этот президентский стул, Доренко не сказал. Ну, он последние шесть лет упрямо делает вид, что этого не было. И каяться не собирается.

Однако, телевизионщики застыли в нерешительности — уходить или подождать.

— И нужно провести эти выборы вне зависимости от воли Центризбиркома, — уточнил «телекиллер» и количество уходящих журналистов стало расти.

Вперёд бросилась Ирина Хакамада, лидер партии «Наш выбор».

— Ходорковский — это тот, кто нам не хватал. Он стал консолидирующей силой для объединения оппозиционных сил самого различного спектра, — сказала она своим волнующим мужчин голосом и оглядела новых соратников, мне показалось — с удивлением.

Потом она сказала несколько фраз, объясняющих участие многих в этой истории с Ходорковским.

— Но нас напрасно обвиняют в раскачивании лодки, ведь сегодня главный вопрос на повестке дня — как не допустить стихийной революции в России. И в этом виноват сам Кремль, он сам провоцирует. А мы будем проводить цивилизованную кампанию!

Хакамада говорила о стране, о нашей жизни, но голос ее звучал равнодушно.

И тут я не выдержал и задал вопрос, который меня давно мучил — я же глупый, мне надо, чтобы мне сказали открыто.

— Телеканал НТВ, но у меня личный вопрос… Не испортите ли вы своей так называемой поддержкой репутацию Михаилу Ходорковскому? Может, вам всем эта история нужна, просто чтобы напомнить о себе?

Ньюсмейкеры ожили. Людмила Алексеева честно улыбнулась кончиками губ. Иван Стариков шумно вздохнул — на всю

комнату. Глаза его сделались ещё более грустными, и он стал их прятать — с интересом разглядывать локоть Сергея Доренко, а потом и его ухо.

Я так понял, больше всех обиделся человек, которого я не хотел обидеть. Потому что она мне нравилась. Всегда нравилась. Как женщина… Как женщина-политик.

— Это провокация! — закричала звонким голосом Ирина Хакамада. — Не отвечайте ему! Это Миткова его сюда подослала с таким вопросом. Это провокация! Мы не будем ему отвечать. Молчите! Молчите!

Всё время, пока Хакамада не могла остановиться, я смотрел прямо в глаза Борису Надеждину, который смотрел прямо в глаза мне. Как всегда, по его взгляду и виду, не было понятно, что он думает. Либерал-загадка.

— Нет, я отвечу. Дайте мне ответить! Я ему отвечу! Как вас зовут?

Теперь кричал Сергей Доренко, человек с синдромом Политковской.

— Меня? — глупо спросил я, потому что Доренко смотрел куда-то вбок.

— Да, Вас. Вы не назвали своё имя. Отвечайте! Говорите!

— Меня зовут Эльхан Мирзоев. Телеканал НТВ.

— Я Вам отвечу. Отвечу! Вы задаёте нам этот вопрос, чтобы себя пропиарить перед всеми здесь. Вы задали нам вопрос, чтобы напомнить о себе!

Упс! приехали! я? о себе? кому?..

Вообще, Сергей Доренко выглядел в те дни очень напряжённым, нервным, издёрганным. В том числе и на той пресухе. Видимо, он, хотя и сидел за одним столом с Иваном Стариковым, был зол на последнего. «Ну, почему же мне не везёт?!» — отчаивался он. Ведь Сергей Леонидович тоже любит потеть на кухне в одной майке жаркими летними вечерами и ждать пока супруга приготовит скудный ужин (обычно, это чечевичный суп, гречка с картофельными котлетами и бледный компот из сухофруктов). И Сергей Леонидович тоже любит в такие моменты что-нибудь почитать. Не энциклопедии, больше из коммунистических классиков — но это ведь тоже современно и эпатажно. Особенно понравившиеся ему места он читает вслух своим красивым голосом мучающейся с не слипающимся картофельным фаршем жене. Но его такая удачная мысль как «МБХ — в депутаты!» не посещала. Мысли его посещают всё больше какие-то прямолинейные, как римская дорога. Ну, например, написать зелёнкой слово «Свинья» на двери у соседей сверху, трудовых мигрантов из Средней Азии. Или позвонить

Валерии Новодворской и, изменив голос, сообщить ей, что Николай Сванидзе — агент КГБ с 72-го года. Самое гениальное, что пришло ему в голову за всё лето 2005-го — это надеть ярко-красные хлопчатобумажные носки под открытыми сандалиями и пойти в таком виде на работу в «Эхо Москвы», где он ежедневно тянул пролетарскую лямку члена КПРФ; он почти уже решился на этот поступок, но из-за идеи с Ходорковским его — поступок! — пришлось отложить…

— Не надо ему отвечать. Провокатор! — ещё раз подытожила мысль большинства Ирина Хакамада и вернула мои мысли на пресс-конференцию.

Последнее слово она протянула очень эффектно — как-то раздосадовано и… очаровательно. Ну, типа: «Противный!» От чего — прямо там же, на пресс-конференции — она ещё больше стала мне нравиться как женщина-политик.

Нет, я на неё не обиделся. Здесь что-то другое. Помните: «Я с Вами не согласен, но отдам жизнь, чтобы вы могли высказать своё мнение» — вот это утверждение Вольтера (Франсуа-Мари Аруэ) стало для меня определяющим понятие демократия и либерализм уже в период моего вступления в пубертатный возраст. Демократы и либералы без демократии и либеральности. Всё же плохой она политик…

Пресуха закончилась. Ещё когда я выезжал из Останкино, вечерний выпуск попросил меня отдельно записать короткое интервью с Ириной Хакамадой к репортажу о годовщине октябрьских событий 93-го года. Ну, вроде «Что Вы делали и где были в октябре 93-го?», «Какие итоги?» и т. д.

— Конечно, конечно, — обрадовалась широкой улыбкой моему предложению лидер партии «Наш выбор».

Упс! Не ожидал такой быстрой перемены… Я был ошеломлён… Меня же только что назвали провокатором. Нет, конечно, не надо угрожать мне принудительным хирургическим вмешательством, как сделал Путин французскому журналисту — мне это не нужно. Нет, нет! Но раз Вы, Ирина Муцуовна, меня считаете провокатором, ну расцарапайте мне лицо. Вцепитесь мне в волосы на голове. Сломайте наш микрофон. Выскажите всё на камеру — что думаете об НТВ и его сотрудниках. Или, вообще, не общайтесь. А она: «Конечно, конечно! Что Вы хотели узнать? Где я была в те замечательные дни октября 93-го, когда мы спасали демократию в России? Ну, так, слушайте…»

Расцвела. Забыла про Ходорковского. Про «провокацию». А как же! Эфир. Камера. «Картинка». Телевидение!

Происходящее на политическом поле в России — это как некий спектакль, выстроенный по простейшим драматургическим

законам. В этом театре роли раздают тем, кто не собирается играть по-настоящему. И даже не способен на это. Одни играют роль оппозиции, другие играют роль недовольной ими власти. И обе стороны довольны друг другом, дополняют друг друга. Но особенно, каждая сторона довольна собой. Собаки делают вид, что лают, а караван делает вид, что идёт.

А что? Они считают себя успешными людьми. Пристроились в эту властную вертикаль «лидеры нации и оппозиции». Жить — не тужить позволяют, книги их печатают, газеты их мнения публикуют, счета никто не трогает, иногда даже по «ящику» дают выступить. Нет в их словах силы. А во взгляде — воли и решимости. Главное — в их действиях. Контролировать таких — раз плюнуть. Приняли кремлёвские правила игры — сами знают и понимают, до какой степени можно высовываться.

И Кремль в них тоже очень заинтересован. А как же! Хотите «альтернативное мнение» — получите «альтернативное мнение». Придут *эти* на разные ток-шоу расплодившиеся и давай болтать с раздражёнными, но довольными лицами. Модернизация, модернизация, модернизация… Мужики, все реформы, о которых сверху власть соизволяла задуматься и начинала «проводить» давали плачевный результат, в отличие от реформ, рождённых общественным давлением. Например, Столыпинские. Власть не привыкла слушать. Абсолютная власть сама себя никогда не реформирует. Кто сам себя начнёт ущемлять в правах? Вокруг одни разговоры рабов, которым хозяин слегка улучшил рацион — прибавил к перловой каше щепотку риса — дал поговорить и послушать.

Эти ток-шоу… Есть сейчас на телеке новый *тренд* — «управляемая свобода слова»: решено, что проблемы не надо замалчивать. Но создать такое ощущение, что они решаются, что если не у тебя, конкретного зрителя, то у кого-то всё получается. Кто-то думает о происходящем, волнуется — вот же, пришли обсудить, говорят красиво, учёно. Главное — заболтать проблемы, распылить эмоции. Разговоры вместо действий. У кого право голоса? Кто в студии сидит? Кому микрофон дали? Протест против Кремля, срежиссированный из Кремля. Пустые обсуждения, пустые слова, показные чувства.

Ток-шоу… Приходят политики и орут. Орут, спорят, орут. Особенно депутаты Госдумы. *Народные избранники*. Почему в Думе они молчат?! Что ж они там так не спорят?! Принимая законы. Там в Думе не могут выговориться и бегут кричать на «ящик». Как будто ток-шоу это парламент. Там кнопки нажимают — тут кричат. С головы на ноги…

Когда нет реальных дел, реального мира — жизни,

приходится кричать. Не там, где нужно, а там, где указали. Иногда от отчаяния, иногда по сценарию — с позволения.

Или ещё одно бесстыдство. Депутат Госдумы от «Единой России», *виртуоз* и *шахматист* Андрей Макаров, устав от того, что пародия на законотворчество на основном рабочем месте не приносит пиара, взялся за пародию на *«Справедливость»* (кавычки очень к месту) на канале Рен. А что? Работодатели-то его — избиратели, налогоплательщики — молчат. У Вас совесть есть, Андрей Михайлович? Сдайте свой депутатский мандат, и идите хоть на телевидение подставными ток-шоу заниматься, хоть сразу в цирке выступать с любимыми позами.

Пусть в Думе устраивают ток-шоу — как в нормальной стране. Самые высокие рейтинги будут. Люди увидят, как их *избранники* работают, как голосуют, какие они вообще эти забавные зверушки-депутаты в своей естественной среде. Особенно, из «Единой России». *Избранники*, которые попадают в Думу дружным скопом — по спискам. Слабо? Я даже согласен, чтобы Андрей Малахов стал председателем ГД. Если даже ничего не получится — так будет честнее…

И всё спорят и спорят, говорят и говорят: о взглядах, о позициях, об идеях, выборах. А этого ничего нет — ни выборов, ни позиции, ни идей. Даже интриги между Путиным и Медведевым нет. Мол, Путин — жёсткий, почти диктатор. А Медведев — добрый, мягкий: и образ у него шоколадного Мишки, который всегда навеселе. Активного твиттераста — можно сказать даже, главный твиттераст России. Мол, телеканалы перешли на сторону Медведева, а силовики остаются верны Путину. Медведь-президент якобы пытается играть в свою игру, людей своих расставляет по ключевым местам, выдавливая путинских. Идёт борьба…

Нахмурился Дмитрий Анатольевич, вздохнул тяжело, хрюкнул и объяснил: «Нужна модернизация!», и тут все хором заголосили — сымай одежду, медведевское потепление, держи его, выполняй, возрадуйся народ россиянский. Всё! крыша поехала! Мол, Путин отступает, мы, либералы, ещё Сечину принудительно пластическую операцию проведём… Вот увидите, ещё раз обманитесь с этой «медведевской оттепелью». Ещё раз перехитрят. Эта интрига между Дмитрием Анатольевичем и Владимиром Владимировичем — мираж. Этот Путин ещё раз обманет. Ну, болен он — этот человек-сюрприз. Дэвид Копперфильд во главе государства. Извращенец-иллюзионист. Сидит человек и пишет эти сценарии ролевых игр в масштабах страны и балдеет. Ему бы сценарии с Кириллом Серебренниковым писать. Шекспир, блин. Этот человек просто

так ничего не отдаст. А он довёл ситуацию до того, что просто так ему никто не даст уйти, если бы даже этого захотел…

Это потепление такой же миф, как и глобальное потепление — то есть в глобальных процессах всё сложнее, но то, что говорят — это миф.

Собаки делают вид, что лают. А люди верят… А как же. Дискуссия. Оппозиция участвует. Услышал разговор в трамвае двух мужчин лет 40–45: «Зюганов готов поддержать эту модернизацию. Говорит, президенту надо верить», а другой ему: «А я вот слушал вчера Хакамаду на радио, она предлагает…» — не стал слушать что там она предлагает, пересел подальше. Цирк. Кстати, в трамвай я сел у станции «Университет». 201-ый округ. Апрель 2009 года. Каков электорат, а?

Хочу позвонить на мобильный Жириновскому и сказать: «Спасибо». Человек хотя бы не скрывает, что он шут, что он играет. И делает на этом деньги. В отличие от Каспарова и Касьянова, играющих роль радикальной оппозиции с важным видом. А обожаемая Валерия Новодворская? Которая вдохновила народное творчество на создание понятия «демшиза»?..

Вот был такой политик-самоубийца Иван Петрович Рыбкин. С какими *антидержавными* понтами Борис Абрамович его преподнёс стране в качестве альтернативного Путину кандидата на выборах президента 2004 года. Это, мол, надежда России, мол, мы побьём эту гэбэшную компанию. Такую интригу главный лондонский эмигрант и мститель закрутил с этим Рыбкиным, креатив из ушей прямо сыпался у Березовского. А этот… В стране идёт избирательная кампания — иди бейся, вперёд, на амбразуру. А он уезжает на Украину развлекаться с проститутками. Напивается, швыряет деньгами и теряет все телефоны. Находят его потом в испорченной одежде. Прямо современник Шаляпина. Ранний Сергей Есенин пропивает гонорар с декадентами… Нет, красиво получилось. Отдохнул человек от работы. С размахом, по-русски — цыган ещё ему не хватало.

А потом предстаёт перед народом толи с побитым, толи с недовольным видом — толи оправдывается, толи делает одолжение. Был я на той пресс-конференции 5 марта 2004 года. Журналистов — целый зал битком. Зал «Санкт-Петербург» на втором этаже гостиницы «Националь» — денег-то Березовский не жалел на его кампанию. А Иван Петрович появляется и спокойненько так заявляет: «Снимаю свою кандидатуру… Потому что тяжело с Кремлём бороться… Я такого беспредела не ожидал… Трудно перебегать дорогу Путину… Не хочу бежать, как заяц, перед президентским кортежем…» Выглядел, кстати, хорошо — *отдохнувшим*. Мог бы извинения попросить. Или

сказать: «Было! С кем не бывает! Продолжаю дальше бороться!» В стране больше пятидесяти миллионов избирателей-мужчин, у всех бывали *разгрузочные дни* — может, и простили бы, проголосовали бы. Россия…

Да, в XIX веке люди после такого стрелялись. А он живёт, квартиры в центре, дача — правительственный чиновник в прошлом, заслуги — счета никто не трогает, в газетах печатают, иногда даже по «ящику» дают выступить, ток-шоу те же. Свой. Одумался. Перед кем надо — покаялся…

Всех дезориентировали эти *лидеры*. Самозванцы.

Страшно быть Ходорковским. Страшно. Но всех же не посадят. Всю *эту тусовку* не пересадить… Да и десять миллионов не убьют. Откуда это равнодушие? Это не ваша страна? Не ваших детей? Не понимаю.

Да, севрюжина с хреном вкуснее Конституции. Всё дело в этой севрюжине с хреном. Здесь и сейчас. Для *них* это важнее. В сытном, избыточно сытном насыщении. В дорогой жизни. В шике. В пресыщенности! Мечта о неконтролируемых покупках, абсолюте потребления, настоящем празднике — вот тюрьма для человека похуже любой ИТК, любого государства. Тюрьма, выдающая себя за свободу. Чем больше материи, тем слабее разум.

Они, видите ли, недовольны. Всё это их недовольство системой улетучивается, как только их приглашают в Систему. Ну, вообще, человек начинает верить в божественную справедливость, как только ему улыбается удача. Вот тут критика, в лучшем случае, уходит на кухню. И даже тут они принимаются Систему оправдывать. «Мы вынуждены. До развала Системы. Когда она сама рухнет». Помимо всего, эта особая категория людей, которые считают себя настолько талантливыми и великими, что готовы вернуться в Систему только при условии красной дорожки.

Почему наши либералы так ненавидят Сталина? Ну, кроме того, что это так принято. Почему? Не за его личную мотивацию. Нет, за это ненавидят по-другому. Они так ненавидят Сталина из-за себя. Из-за своей трусости. Живи они тогда, они стали бы винтиками Системы. Послушными исполнителями. Что Сталин? Сталин… Он один делал? Неужели?! Делал то, что ему позволило большинство. Как и сейчас это позволяет большинство отдельным личностям. Они боятся за себя. Если сейчас они стали винтиками, то и тогда — бросились бы в Систему, на коленях приползли бы. Что может ждать сегодня? Отлучение от эфира, статус маргиналов. Место вне тусовки. Не так страшно. А тогда — отнимали жизнь. В лучшем случаем — отнимали свободу

настоящую.

При всей личной ответственности Сталина за его преступления, человек не выходил за рамки своего стиля, *формата* — не в интерпретации Системы, не в описании Алексея Толстова, а в реальности. Не стал же он менять своего сына, свою кровь, на немецкого фельдмаршала. Эти так поступили бы, а?

При дефиците героев среди современников приходится искать их в истории. При дефиците смелости, при дефиците смысла в современном обществе приходится искать их в прошлом. Советское прошлое. Прошлась советская власть катком по моей семье, моему роду, моей нации. Но в ней был смысл и идея. Та страна была другой. В самом начале — особенно. Неидеальной. Неидеальной. Нация… Нет, люди, страна… Вот, страна людей — она бурлила прекрасными — возможно, утопичными… да, утопичными — идеями, мессианскими порывами — «Даешь во всём мире…», «пятилетки», «космос, звёзды, далекие планеты, просторы Вселенной». Порывами. Надрывами. Другие люди теперь в этой стране. Стране, бурлящей другими порывами, надрывами. «Скидки», «гламур», «глянец», «новинки», «ровный загар», «крестик от Swarovski», «я в шоке», «пиздато», «мохито» — такие надрывы. Да, утопичными… Но где «просторы Вселенной» и где «вечерний мохито». Потомки идеалистов и фанатиков превратились в лавочников и вороватых интендантов. Даже Горгуловых — раз, два и обчёлся.

Да, я болен, но по мне — лучше общество *убийц* и *фанатиков*, общество сильных мужчин, чем общество торгашей и потребителей.

Иллюзии? Но это же было! Нет, вы забыли. Это было!

Вербальные герои оппозиции.

Вот показательный пример из истории. Существует заблуждение по поводу прихода фашистов к власти в Германии в прошлом веке — мол, помогли ультраправые, патерналистские настроения, доминировавшие в немецком обществе, то есть — *быдло*, по нашему, которое «не хочет свободы, а хочет Царя-батюшку». Или ещё самое лёгкое объяснение — вообще, свалить всё на Гитлера, только на «*демоническую природу его личности*». Это не так. В 20-ые годы, да и в начале 30-х у левых немецких партий был наиболее многочисленный электорат в Веймарской республике. На выборах в рейхстаг в 1928, 1930 и 1932 гг. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) и Коммунистическая партия Германии (КПГ) набирали вместе около 40 процентов голосов избирателей. СДПГ, вообще, была постоянным участником правительственной коалиции, управлявшей страной — члены партии занимали высокие

государственные посты, были и министрами, и главами правительств в республике и на местах — в германских землях. Но обе левые партии, будучи антифашистскими, наиболее жёстко «воевали» именно друг против друга. Если нужно — даже выступая солидарно с гитлеровцами. Особенно в развале общего левого рабочего фронта в Германии усердствовала КПК, полностью управляемая Сталиным, который определял СДПГ как враждебную «фашистскую и буржуазную рабочую партию» — никаких дискуссий с инакомыслящими, только «железная дисциплина». Как, например, в 1931 г. КПГ вынуждена была под давлением руководства Коминтерна и его московского хозяина поддержать инициированный нацистами (!!!) референдум против социал-демократического правительства Пруссии. Правда, то голосование потерпело провал, но немецкие социал-демократы были истощены.

Но я на другое хочу обратить внимание. На то, как действовали нацисты. Оппозиционная Национал-социалистская немецкая рабочая партия (НСДАП) имела желание, цель и волю. И, конечно же, не презирала свою страну. После провала «пивного путча» [1] фашисты поменяли тактику — отказались от идеи переворота и начали долгую борьбу за умы, за голоса избирателей. Постоянно призывая сторонников прекратить все размолвки и забыть обиды. Ещё будучи в заключении Адольф Гитлер открыто объяснял соратникам: «Вместо завоевания власти силой оружия, мы, к огорчению депутатов-католиков и марксистов, сунем наши носы в рейхстаг. И пусть на то, чтобы победить их по количеству голосов, понадобиться больше времени, чем на то, чтобы их потом расстрелять, в конечном счёте их же собственная конституция всучит успех нам в руки». И нацисты, которых высокомерно презирали как политические оппоненты, так и планировавший их использовать в своих целях крупный капитал страны, считая НСДАП временной популистской партией люмпенов и мелких буржуа, упрямо, грамотно и долго над этим работали. Если на выборах 1928 г. за НСДАП проголосовало только 2,5 процента всех избирателей (12 мест в рейхстаге из 490), то на выборах 1930 г. уже 20 процентов. А выборы 1932 года принесли НСДАП 39 процентов голосов (230 мест в рейхстаге — крупнейшая фракция). Да, экономический кризис 29-го, разрушивший экономику Германии, обида немцев на итоги первой мировой войны стали благоприятной средой, почвой для идей нацистов, но власть им в руки не упала, они её добивались, а потом взяли. Сами.

Так что — не надо перекладывать ответственность на пипл. Только на пипл.

* * *

22 сентября коллегия Московского городского суда отклонила жалобу адвокатов Михаила Ходорковского. Кассационным определением 9-летний срок экс-главе ЮКОСа был снижен до 8 лет. Приговор Мещанского суда вступил в силу, и Ходорковский потерял право избираться в органы госвласти.

Альтернативных «народных выборов» тоже не было — Иван Стариков на очередной пресс-конференции Инициативной группы сообщил, что отказаться от этой идеи их попросил сам осуждённый олигарх: мол, опасается, что «участники акции попадут под репрессии». Может, Ходорковскому стало жалко этих людей.

А 4 декабря от Университетского округа № 201 выбрали режиссёра Станислава Говорухина, выдвинутого «Единой Россией». С результатом 38,17 процентов он победил Виктора Шендеровича, который набрал 16,84 процента голосов. Всё! Свистим дальше. Продолжаем выкрикивать лозунги и оставаться в процессе ожидания развала Системы.

Source URL: http://ostankino2013.com/verbalnye-geroi-verbalnoj-oppozicii.html

«Любимый руководитель», продюсер Владимир Долин и попугай Филя

— А Вы читали Бердяева?

В кресло за соседним с моим рабочим столом в «корреспондентской» грузно сполз полный мужчина лет сорока пяти невысокого роста. Я бы не сказал, что лицо у него привлекательное — даже очень не сказал бы: мясистые щеки, стрижка «под ноль», невысокий лоб — но крайне живое и открытое. С весёлыми и любопытными глазами.

— Что, извините? — удивился я.

— Николай Бердяев. Писатель, философ…

— Бердяева я читал почти всего. Он для меня наиболее интересный автор из русской несоветской философии… После Николая Данилевского. А что?

— Всё хорошо, всё хорошо. Не люблю необразованных журналистов, — собеседник стал с педантичной тщательностью вытирать салфеткой монитор. Потом её аккуратно сложил, и положил — а не просто бросил — в мусорное ведро. И ещё раз оглядев меня, аппетитно закурил сигарету.

— Ещё очень не люблю, когда моим компьютером пользуются другие. Но Вам, молодой человек, я дам свой пароль для входа. Рад познакомиться. Владимир.

— У меня свой рабочий компьютер есть. Но я тоже рад. Эльхан.

Так осенью 2004 я познакомился с Владимиром Долиным. Очень опытный полевой репортёр. Раньше работал на радио «Свобода». А потом вслед за Савиком Шустером перешел на НТВ в его программу «Свобода слова». Когда эту довольно «рейтинговую» и одну из самых интересных программ на всём российском телевидении Кремль — руками руководства канала — закрыл и стал потихоньку выдавливать с телеканала бывших её сотрудников, Долин оказался в «новостях». В должности продюсера. Курировать ему дали два направления — политику и выборы. Именно то, что Кремль, «задушив свободу слова» в России, активно превращал в фикцию. Так сказать *задушил* не только *свободу слова,* но и свободу политической жизни и свободу политического выбора.

Родом Долин с Украины. Но не украинец. Из «киевской интеллигенции». Матерный русский использовал часто. В мужском обществе. И только через четыре года нашего общения — на самые разные темы в самых разных ситуациях в самом

разном состоянии опьянения — перешел со мной на «ты». Да, он немного занудливо, тяжело объясняется. Ну, *академично* слишком — даже о взаимоотношениях между полами. Но с ним очень интересно говорить на политические и философские темы. Да и к своей работе относился очень серьёзно — если Долин брался за какую-нибудь тему, то знал о ней всё, вплоть до забытых самими ньюсмейкерами деталей. Всё-таки — кандидат исторических наук. И в программе «Сегодня» был, может, самым начитанным и образованным.

В нтвшный «новостной» коллектив Долин абсолютно не вписался. Как выдал о нём однажды Николай Картозия «он нетелевизионный человек». Я согласен с ним, если иметь в виду российское телевидение времён Путина. Поверхностное и безответственное.

— Таня (Миткова — Э.М.) сказала, что он ей не нравится, — поделилась высоким вердиктом со мной одна из сотрудниц «Секретариата». Хотя имелась в виду не митковская оценка профессиональных и интеллектуальных качеств Долина, по мнению нтвшного большинства это был приговор. Здесь и гадать не надо было.

Да, Митковой нравятся молодые и гибкие. Гибкие в адаптации своих принципов. С такими ей удобно. Исключительно ей нравятся высокие, крупные ребята с большими губами и толстыми мощными ляжками. А ещё — коренастые мужчины. С широкими пятками. С тяжелыми ступнями — неуклюжими, шершавыми.

А если ещё и глубокий бархатный голос…

Она даже не скрывала это. Своим поведением. Вообще, ей нравились почти все мужчины, которые в первую очередь видели в ней — или делали вид, что видят — просто женщину. Чем непредвзято и грубовато, тем лучше. Миткова начинала кокетничать, широко открывала глаза, складывала руки под грудью, глупо и жеманно улыбалась. Взгляд стекленел. Не хватало ей чепчика, широких юбок, крынки молока, каких-нибудь прыгающих коз рядом и прочей пасторали. Лично мне всегда казалось, что она в таком состоянии не слышала, что ей говорят. Думала о чём-то о своем. Шоковая эйфория. Тут, воспользовавшись ее тоской по мужской брутальности, из неё можно было даже вить верёвочки. Многие так и делали. Вообще, этой женщине не хватает любви. Вот Миткова и стала для населения НТВ — «любимый руководитель», женщина-диктатор.

Долин до женского пола очень падок, но относился к Митковой как к главному редактору. В лучшем случае, просто как к коллеге. К тому же его считали другом Савика Шустера, а

Миткова — помимо женщин — боялась и ненавидела всех, кто принадлежал не к её команде. Всех! Генетически! Даже высоких и крупных, с большими губами и глубоким бархатным голосом. Даже с толстыми мощными ляжками. И даже с шероховатыми на ощупь тяжёлыми ступнями.

А потом, весной 2005 года, Долин умудрился ещё испортить себе профессиональную биографию.

На вечернюю «летучку» после 19-часовых новостей Миткова пришла хмурая. Все сразу притихли и напряглись как полевые мышки.

— Я хочу обсудить «материал» Кондратьева из Кремля, — начала Миткова, и у продюсеров вечернего выпуска, отвечавших за этот материал, поднялось давление, а потом сразу понизилось.

Перед эфиром я видел, как заносили текст репортажа кремлевского корреспондента и «обозревателя НТВ» Владимира Кондратьева в кабинет Митковой. Я тогда беседовал с Петром Орловым в их общей приёмной. Она выходила из кабинета с текстом. И выглядела довольной. Даже шутила с подчиненными, а это бывает очень редко — юмор не самая её сильная сторона. А тут…

Миткова говорила жёстко и с паузами между каждым словом. Торжественно, как и должно, наверное, вещать мысль «оттуда». Прямо женщина-пророк.

— Мне звонил Алексей Алексеевич, — она имела в виду Алексея Громова, главу пресс-службы Путина. — *Он сказал*, что репортаж плохой!

— Почему? — осмелился кто-то пискнуть.

— Он сказал, что репортаж сырой, — продолжала Миткова, не замечая писк. — Кондратьев что-то не понял. Так мне и сказал Алексей Алексеевич. И я согласна с Алексеем Алексеевичем. Я тоже так считаю!

Тишина. Вот это Миткова называла *обсуждением* материала. По логике, далее должны были кого-то начать ругать. А потом бить. И, возможно, изгонять из профессии. Без права на переписку. Владимира Кондратьева на «летучке» не было. И даже, если бы он там был, все равно ругали бы и изгоняли бы из профессии кого-то из редакторов вечернего выпуска новостей.

И тут встал Долин и спас чью-то голову. Он думал, что это «летучка».

— Да что Вы? Вы не правы, Татьяна!

— Что?

— Репортаж хороший! Мне он понравился.

— Но ведь Алексей Алексеевич… — потерялась Миткова.

— Да что он понимает?! Это Кондратьев не понял? Да это

Алексей Алексеевич не понял!

Долин доказывал эмоционально, размахивал руками, горячился. А коллеги на «летучке» разделились на две части: одни смотрели на него как на сумасшедшего, другие — как на самоубийцу. Доводы Долина никто не слушал.

Вот этого — «Вы не правы, Татьяна!», притом сказанного прилюдно, Миткова никому бы не простила. Тогда на «летучке» она промолчала и не ответила Долину. Но надо было её видеть — я не видел, но мне подробно рассказали — придя в себя после первоначального замешательства, Миткова побледнела, лицо вытянулось, искорки блестели в глазах, а взгляд стал злым. Она молча смотрела на Долина и придумывала месть. Тот же ничего этого не видел. Не замечал.

Владимира Долина уволили в июле 2005 года. Как раз через год после закрытия на НТВ программы «Свободы слова». Такой подарок от руководства.

Однажды, уже через несколько лет после той истории, мы зашли с Долиным «выпить кофе» в один кабачок недалеко от его дома на Белорусской. Владимир уже работал на телеканале ТРК «Украина» шеф-редактором программы «Шустер live». Это очень влиятельное политическое ток-шоу, ведёт его Савик Шустер. Наш разговор опять зашёл об НТВ и его увольнении.

— Понимаешь? Я всё равно на НТВ не смог бы остаться. Всё, что было связано на телеканале с Шустером — всё зачищалось. Я знал, что жить мне там недолго. Даже если бы не подставился бы, всё равно бы нашли повод «уйти» меня.

— Но почему ты это тогда сказал Митковой? Почему *так* сказал? «Вы не правы!»

— А что здесь такого? Я говорил то, что считал нужным, вот так вот вырвалось. Всегда говорил и говорю своё мнение руководству. На то я и продюсер, чтобы иметь своё мнение… Мне плевать на мнение руководства Кремля. Мне Путин зарплату не платил. И Медведев тоже.

Долин горячился, матерился и делал большие глотки «кофе».

— А у неё (Митковой — Э.М.) пиетет перед властью. Любой властью. Не только политической. Но при этом у неё претензия быть на канале Екатериной Великой.

— Володь, а у Ходорковского тоже все проблемы начались после того, как сказал Путину, что он не прав [1], - вдруг почему-то вспомнилось мне.

— Ну я не Ходорковский, — захохотал Долин, а потом серьезно. — Хотя Миткова — как и любой начальник в стране — думает, что она маленький Путин.

Закончив с особенностями общероссийской вертикали

власти, Владимир стал стучать кулаком по столу и перешёл к Алексею Громову, которого хорошо знал — учился с ним на одном курсе на историческом факультете МГУ.

— Из-за того, что он пресс-секретарь президента…

— Премьера.

— Не важно! Один х. й! — не ошибся Володя. — Так вот. Из-за того, что он пресс-секретарь, я страдать не буду. Хмырь он. И тогда ещё серой мышкой был. Послушный активист-исполнитель!

Нас с интересом стали слушать посетители за соседними столиками.

— А если бы та «летучка» была бы сегодня, ты бы тоже бы спорил с Митковой?

Долин задумался.

— Не знаю. Такие вещи делаются непроизвольно.

— Ну ты сказал бы снова, что она не права?

— Нет.

— Нет???

— Сейчас бы, может, прикусил язык, — Володя задумался. — Обстоятельства. Жизнь заставляет идти на великие компромиссы. Есть обязательства. Перед детьми, родителями.

— То есть ты бы сдался? Как же так, Володя?

— Не знаю…

Мы просидели несколько минут в молчании. Долин пил, а я смотрел на него. И вдруг он стал говорить с отчаянием:

— Проблема и трагедия нашей профессии в России в том, что тебя воспринимают либо как бойца с режимом, либо — с оппозицией. Ты как профессионал никому не нужен. Как на госканалах, так и на RTVI. Как в «Российской газете», так и в The New Times прав [2]. Солдаты без мнения, не думающие. Вот такие мы им нужны. Индивидуумы не нужны. А привычка рептильности потом становится второй натурой.

— Согласен. Но это не только в России. Везде на постсоветском пространстве так. Ну, на пространстве СНГ точно.

— На Украине не так! Уже не так!

— Да ладно, Володя. Какая у вас на Украине свобода слова? Ющенко-то к вам в программу не приходит.

— Ющенко не приходит.

— Вот.

— Он ходит на другие политические ток-шоу. На других телеканалах. Нашу программу он считает необъективной.

— Ющенко ходит на ток-шоу???

Я реально был поражён. Президент страны опускается до политических дискуссий. Ему задают неудобные вопросы, спорят с ним, критикуют. В прямом эфире. Я представил себе Путина —

да хоть Медведева — дискутирующим на ток-шоу. Путин или Медведев отвечают на неподготовленные заранее их пресс-службой вопросы? Такое стыдно, неприлично даже представить. Да в России даже Грызлов, просто спикер Госдумы, не станет «ронять планку», ему даже в парламенте не до политических споров и отличающихся от спущенных сверху мнений. Видимо, я, как зритель и налогоплательщик, отвык от нормального телевидения.

Я с завистью смотрел на Долина.

— А на последнюю программу к нам приходила Тимошенко (тогда — премьер-министр Украины). Так мы её прямо в студии в прямом эфире изнасиловали… В переносном смысле.

Я верю в него. Он бы и сейчас бы так сказал. Не мог так не сказать.

После увольнения Владимира Долина в 2005 году на НТВ произошла ещё одна показательная история. В сентябре на канале появился попугай Филя из породы малых желтохохлых какаду. Его поселили в «зелёном уголке» НТВ, у женского туалета на восьмом этаже. Филя перенёс в прошлом тяжелую вирусную болезнь, из-за чего у него выпали все перья, и остался только редкий пух. Выглядит он очень комично. И характер у него чем-то похож на нас, журналистов. Он любит внимательно слушать, себя хвалить, забавно танцевать и дурачиться. Дай только аудиторию. Может быть ласковым, как котёнок. Здороваясь, протягивать лапку. Но и укусить может очень больно и зло, если ему что-то не понравится. Может упорно пронзительно кричать. А может, обидевшись, повернуться спиной. Он всегда сидел на клетке, потому что внутри клетки отказывался находиться принципиально и категорически. Одним словом, характер.

Филя стал общим любимчиком. Около него всегда толпилась публика. Буквально сразу после его появления многие коллеги объявили нового нтвшника талисманом нашего телеканала. Появилась даже шутка, связанная с внешним видом Фили: «Какой канал — такой и талисман». Мне он сразу подставил голову почесать и взобрался на плечо. Я и раньше держал попугаев, и с Филей у нас возникла взаимная крепкая дружба, которая продолжается до сих пор. Главный редактор Миткова стала одной из искренних и пылких поклонниц Фили. С ним она была другой — доброй и мягкой. Она мне и раньше рассказывала про жившего у неё дома попугая кареллу, который от них улетел. Потом, кстати, птичка была случайным, мистическим образом найдена в Подмосковье ведущим программы «Дикий мир» Тимофеем Баженовым и возвращена в дом главного редактора. Вот и с Филей Миткова превращалась в трогательную маленькую девочку

— носила ему разные игрушки, корма, часто с ним разговаривала. Пыталась гладить. Неудачно.

Однажды я застал Миткову одну у клетки Фили. Главный редактор держалась за палец и была очень сконфужена.

— Эльхан! Ты представляешь? Он меня укусил, — почти воскликнула она с обидой. Мне показалось, что даже расплачется как ребёнок.

Миткова показала мне свой указательный палец со следами от попугаичьего клюва. Далекий потомок динозавров с дерзким презрением ко всякой субординации приложился от всей души к этой ухоженной в дорогом салоне части тела главного редактора НТВ. Сам Филя нисколько не выглядел раскаивающимся, а с интересом смотрел то на меня, то на Миткову.

— Вы же его не уволите, Татьяна Ростиславовна? — сыронизировал я, хотя меня искренне интересовала дальнейшая участь моего друга.

— Ты, ты… Ну, Эльхан! Ну, что ты?!

Миткова не ожидала такого вопроса и еще больше сконфузилась. Резко отвернулась и почти побежала в женский туалет.

«Обиделась. Зато палец теперь уже почти не болит, наверное. А ведь мог и перекусить», — подумал тогда я ей вслед и погладил птицу по головке.

«Да, Татьяна Ростиславовна, Филя Вам не Долин. Для Фили Вы — одна из многих, кто подходит к нему. Он не знает, что Вы — начальство и власть. Он на «летучки» не ходит. От Ваших премий и благ не зависит. А на Алексея Алексеевича Громова и его мнение ему вообще наплевать!»

Филю потом я сам забрал к себе домой. Подальше от греха. Ненароком ещё Кулистиков к нему полезет. Как гендиректор НТВ к животным относится, я не знаю.

Source URL: http://ostankino2013.com/ljubimyj-rukovoditel-prodjuser-vladimir-dolin-i-popugaj-filja.html

Смерть Журналиста

Эту главу было непросто писать. Может, я ошибаюсь в выводах. Может быть… Если не хотите, не читайте.

Для некоторых им был Леонид Парфенов, для других — Алексей Пивоваров и даже Олег Добродеев, для особых представителей профессии — Миткова. У каждого он свой. Я тоже сотворил себе кумира. Его звали Илья Зимин.

Илья был репортёром с большой буквы. Я его боготворил. В творческом отношении. Восхищался его репортажами ещё в 90-ые, когда лишь задумывался о журналистике. Он был талантлив как ребёнок.

А в 2003-м году, как я стал работать на НТВ, мы с ним познакомились. Часто общались, беседовали. Несколько раз вместе работали. Он оказался и в общении человеком одарённым — с редким неконфликтным характером, чувством юмора. Особенно этот его зажигательный жизнерадостный смех, провоцирующий на творчество и изобретательность в остроумии.

Но потом начались метаморфозы…

Летом 2005-го Илья предложил мне спродюсировать его фильм для программы «Профессия — репортёр». Это произошло в «Максе», куда он меня позвал для разговора. С нами был ещё и Илья Огнев, тогда один из руководителей программы.

— Москва как новый Вавилон, — начал объяснять Зимин главную идею проекта. — Да, и в советские годы столица была многонациональным городом. Но теперь она стала вообще местом пересечения или, вернее, перемешивания, огромного количества культур, национальных, религиозных, региональных. Но часто люди живут в своих параллельных мирах, которые только иногда пересекаются. Потому и Вавилон. Жители нового Вавилона не просто говорят на разных языках, они говорят на языке, иногда, вражды, непонимания. А чаще всего — люди просто друг друга терпят. Понимаешь?

— Ну, как в обычном московском многоквартирном здании — никто друг о друге ничего не знает, соседи часто даже не здороваются, хотя живут в нескольких метрах друг от друга. Если убрать стены люди окажутся физически ближе, чем в маленькой деревне.

— Вот, Эльхан. И в этом фильме основной упор на выходцев с юга, особенно с Кавказа. Ну, ты понимаешь.

— Ну, да. Самое наболевшее и смотрибельное.

— Ну, что согласен?

— Я только «за». Вообще, Илюха, очень рад, что именно ты

берёшься за эту тему. Истории мы найдём. Но ты сделаешь так, что фильм получится не каким-то конъюнктурным, предсказуемо скандальным, а человеческим. Тема крайне деликатная, взрывная. А в таких темах ты мастер, и это не комплемент. Не с каждым пойдёшь в такую «разведку». И для меня честь поработать с таким профессионалом, как ты.

— Спасибо. Спасибо за доверие. Ну, что — надо отметить. Я пошёл заказывать, тебе что взять, Эльхан?

— Ну что? — сказал Огнев, когда Зимин отошёл. — Рад, что вы договорились. Ты, Эльхан, тему знаешь изнутри. Парень ты въедливый. А Илья — профи, как ты говорил. Профессию он любит, ещё не выдохся — ну, не устал от профессии. Всё у вас получится.

В любом жилище есть сортир. Но также есть и библиотека, и кухня, и гостиная, и детская и т. д. Как можно снять только уборную у кого-нибудь в доме, а ещё и происходящее там — уговорив добродушных и наивных хозяев — выдавать потом это за жизнь в этом доме, за полную картину действительности?! Это честно? Не понимаю. Но ещё больше не понимаю людей, которые этой картине «действительности» будут верить.

Естественно, мы с Ильёй договорились, что у нас будут разные «герои» фильма-репортажа, чтобы получился не декларативный «гимн дружбе народов» по-советски, но и не страшилка из нынешней «Комсомольской правды». У нас должны были быть и низы, и верхи, и «грязь», и хорошее. Жизнь — словно одеяло, сшитое из разноцветных лоскутков. Это ведь не чёрно-белая памятка-катехизис. Книги из Библиотеки им. В.И. Ленина, из библиотеки Конгресса США и даже из центральной библиотеки Кировограда — они все о жизни, и всё равно её полностью не описали. И кавказцы в России — это не только торгаши и криминал, это и учёные, врачи, «первые учительницы», рабочие и крупный бизнес — как олигархический, так и построенный своим трудом. И это не только имам Шамиль и две чеченские войны, это ещё и двухвековая служба Отечеству во всех его войнах. И это не только вражда, непонимание — это и любовь, и взаимозависимость. Взаимозависимость!

Главное, что все герои наших журналистских материалов — люди, а понять человека иногда сложнее, чем разобраться в логике ялтинско-потсдамской системы международных отношений.

Это же так очевидно!

— Давай начнём снимать с самого сложного — негативных историй. Положительное снимать легче ведь, согласен?

Ну, что же логика в этом предложении Ильи была. У меня

было припасено несколько таких историй-тем, и я, не задумываясь, отдал их Зимину.

— Какие-нибудь опустившиеся люди нужны, Эльхан.

— Вот у меня рядом с домом на Речном вокзале живёт бомж-азербайджанец. Правда, я его редко вижу.

— Оооо, во-во! Это то, что нужно! Бомж-кавказец, — загоготал Зимин.

«Стоп!», — мелькнуло у меня в голове первое предупреждение, но я отогнал сомнения.

— Ну, вообще-то, он не совсем классический бомж. Человек он гордый. Зовут его Ш., сухопарый, но крепкий, дерзкий. Среди местных бомжей — авторитет, даже менты останавливаются с ним поздороваться, переговорить. Говорит: «Пока не заработаю — не уеду. С мужчиной всякое может произойти в жизни». Поломала его жизнь. Он, кстати, образованный, просто только недавно освободился из заключения. Петрарку, Насими, Вийона[72] любит.

— Кого?

Я посмотрел на Илью с сомнением и сострил:

— Ну, он называет их своими коллегами, мол, тоже были босяками. Уолта Уитмена читал. Серьёзно. Сам был поражён. Я сам люблю Уитмена.

— Уитмен кто такой?

Мне стало неприятно — Зимин спросил с пренебрежением, положительная сторона этого «героя» его не интересовала. Хотя тогда такую реакцию коллеги я объяснил себе простым незнанием упоминаемых поэтов. Да и зачем ему Уитмен нужен был? Зато коллега очень хорошо разбирался, в каком соотношении смешивать виски с колой. Таких на НТВ подавляющее большинство…

— Не важно, Илья. У него есть знакомая по имени Лена, работает продавщицей в круглосуточном ларьке у метро — такая добрая русская женщина, которая его подкармливает, постоянно горячим поит, слушает его рассказы. Чем не взаимосвязь культур.

— Вот это суперинтрига. Как бы с ним договориться, а? Подкармливает…

Через пару дней мне повезло. Поздно вечером после работы — в начале двенадцатого — встретил земляка у остановки на улице Фестивальная. Поговорив с ним, сразу звоню Зимину.

— Слушай, сейчас никак не могу. Мы здесь с ребятами в «Максе» выпиваем. А на среду в пять ему удобно?

«Упс. Приехали».

— Послушай, Илюха. Это же бомж! Он живёт по другим законам. У него нет мобильного, а также кредитной карты и ипотечного кредита. Даже потребительского — на стиральную

машину — нет. Он романтик улицы, человек свободный как от прав, так и обязанностей. Ты мне предлагаешь с ним договориться о встрече? У него же даже часов нет. Давай — приезжай. И эта Лена, продавщица, тоже тут.

— А что такого?

— Слушай, ты мне пришли съёмочную группу. Сам с операторами сниму здесь всё.

— Нет, вместе поедем. Я хочу «проходку»[73] с этим бомжем сделать. Ну, договорись, Эльханчик. Очень тебя прошу. Ты же продюсер!

Величайшего американского художника, бунтаря, одного из ярких представителей абстрактного экспрессионизма Джексона Поллока (Jack Dripper /Джек Каплеметатель) долгое время не принимали, считали его творчество чем-то несерьёзным, игрой, обманом. Но вот пришло признание. Своеобразное. Слава — это же такая дура. Так вот, однажды к нему приехал журналист с камерой. Записал интервью с Поллоком, а потом попросил его поработать — для «картинки». До сих пор операторы так работают — просят ньюсмейкера одно и то же действие совершить по нескольку раз — чтобы снять процесс с разных планов, «для перспективы» и т. д. Коллега уже закончил съёмку, а художник, увлёкшись работой, *рисует* — разбрызгивает краски на распростёртый холст, «танцует» вокруг него, весь поглощён новой картиной, в особом состоянии вдохновения. Журналист стал его дергать: «Хватит. Хватит! Снято! Я уже не снимаю!» А в другой раз, посмотрев на часы, ещё: «Всё! Свет ушёл[74]. Хватит, Джексон! Я уже закончил. Всё чудесно!» За что проверил на себе буйный характер американского гения вначале ошарашенного, непонимающего, что происходит, а потом — придя в себя — сломавшегося и набросившегося на коллегу: «Не я шарлатан, ты — шарлатан! Не я шарлатан, ты — шарлатан!» Этот эпизод из жизни художника есть в голливудской драме «Поллок» («Pollock») режиссёра Эдварда Харриса.

Видимо Джексон Поллок думал, что этот журналист тоже художник.

Как я и предполагал, в среду в пять часов Ш. на съёмку не пришёл.

Хотя негатива мы смогли снять немало. Больше всего досталось моим землякам. Но значительную часть из запланированного не удалось реализовать. Хорошо, что многие из диаспоры оказались поумнее меня, наивного. Я-то уверен был, давал гарантии, что «это не подстава». И дело тут не в том, что мне кто-то что-то потом сделал бы — я потом сам себе что-то сделал бы. Должен был сделать. Обошлось малой кровью.

А мог подставить обычных людей. Например, проституток кавказской национальности. Ну, есть и такие. Что же теперь делать. Или одного земляка, у которого в Москве целый гарем с тремя жёнами: русская, татарка и азербайджанка, у каждой из них по ребёнку от него и по квартире в одном здании, на одном этаже. Всё это интересно, и показать в фильме можно было бы, но я не уверен, что Илья над их семейным счастьем не стал бы издеваться. Ну, может человек себе позволить, дамы не против — так Бог им судья. Бывают однополые браки, а бывают полигамные.

Кстати, об однополых… По глупости проговорился об одной небольшой компании дагестанцев и чеченцев, живущих в любви и согласии — познакомился с ними во время съёмок в московском клубе. Так вначале Зимин, а потом и Огнев меня долго упрашивали эту съёмку организовать. Так и не понял, что в этой истории такого уж показательного для серьёзного фильма про «новый Вавилон». Еле отбился. Точно вышла бы история!

Только история со злосчастным Рустамом Байбековым получилась в фильме относительно человеческой. Сама история, но не её интерпретация моим коллегой.

Этого парня 31 июля 2004 года на станции метро «Сокольники» расстрелял сотрудник правоохранительных органов за то, что тот «зайцем» прошёл через турникет. Сержант Борис Коструба завёл этого парня из Таджикистана в комнату милиции, отобрал все деньги, а потом хладнокровно выстрелил ему в голову из служебного пистолета. Просто — взял и выстрелил. Рустаму повезло — пуля вошла в рот и через шею вышла под лопаткой. А когда истекавший кровью таджик попросил вызвать «скорую», милиционер спокойно сказал: «Иди на улицу и сам звони с автомата».

Ну, что ж — кто-то скажет, что, мол, так ему и надо, «чурке нерусскому». А ведь сержант Борис Коструба коллега майора Дениса Евсюкова. Возможно, жертва Системы, возможно менее сознательный её винтик, чем последний, но всё же… Пока такие события в стране будут поводом лишь для репортажей в игриво-развлекательной подаче, а общество будет их спокойно смотреть по «ящику» — а, значит, принимать — людей в стране продолжат расстреливать из табельного оружия, как воробьёв, не делая различия в национальности.

Материал для фильма снимали даже у меня на Родине — в Азербайджане. Оказалось, чтобы показать, «куда текут кровные деньги россиян» (таким был изначальный закадровый текст у Зимина — до моей «цензуры»). Есть у нас такой регион — Шамкирский район, оттуда вышли почти все фруктовые «короли»

России. Например, село ШештяпЯ, которое питерцы называют ШештОпа. Что-то наподобие Барвихи — автобаны, уличное освещение, личные «автосалоны» в каждом втором дворе; дворцы, а не дома. Люди там живут очень дерзкие — по любому поводу готовы стрелять. Четверть мужского населения погибло в криминальных разборках в России, но шештепинцы построили фруктово-овощную монополию культурной столицы — потом и кровью. По мнению питерских ментов, «Шештопа — второй по важности город после Баку».

К этим отчаянным сельским жителям я нашу съёмочную группу не рискнул везти. Поехали в соседнюю деревню Дюярли — это «москвичи». У них заслуг меньше, но люди тоже небедные, успешные.

Сделали ещё интервью с президентом страны Ильхамом Алиевым. Он в прошлом жил в Москве, учился, а потом преподавал в МГИМО. Был обычным представителем азербайджанской диаспоры в России. Разговор получился искренним. Коллеги этого не оценили и случаем не воспользовались.

А вот откровенность Эльшада Хосе (настоящая фамилия — Алиев), «хулигана и короля азербайджанского рэпа», Илье очень понравилась, хотя он её так и не понял. Один из хитов рэпера, «Русия» (Россия), это не о клёвых московских клубах, наркотиках, не о том, как «чиксы танцуют» и прочих бесцельных телодвижениях безмозглого попсо-рэпа. Эльшад ездил по России, видел в каких трудах земляки делают деньги или просто выживают, ассимилируются, растворяются, разрушая ради преходящего настоящие ценности — свои семьи, здоровье, свои души — это же обыватель-россиянин верит, что «азербайджанцам тут мёдом намазано». И, вернувшись, написал колющую сердце композицию о нации, отрывающейся от своей земли, родной культуры, своих корнях. А ведь я объяснял Зимину её смысл, переводил несколько раз…

Сидим однажды на приморском бакинском бульваре всей съёмочной группой — Илья, оператор Серёжа Вальцов, звукооператор Серёжа Самонов и я — уплетаем шашлык из осетрины по цене Биг Мака в московском «Макдональдсе».

— Чиновники мне ваши здесь не понравились, — выразил своё недовольство Илья. — На камеру руководство страны хвалят, а в приватных разговорах ругают своё начальство.

— Ты скажи спасибо, что без камеры они с тобой откровенны. В первый раз тебя видят.

— Не знаю. Это какое-то двуличие.

У меня аппетит испортился. Ну, правильно — человек

приехал из самой демократической страны в мире.

— Чувствуется, что здесь нет свободы слова, — убил он меня.

Мне стало дурно. Претенциозность и высокомерие в его голосе не понравились.

— Что-то ты Илья вчера во время интервью с Алиевым был как колобок — круглый, скользкий, мягкий и рыхлый. Кокетничал, похахатывал не к месту. Я предлагал задать вопросы про политику, про политическую и экономическую эмиграцию людей из страны — в основном в Россию. Как раз — по теме фильма… Ты забыл, как отбивался, диссидент, а?!

— Это же меня не касается. Меня интересует то, что в России происходит.

— За Россию душа болит, так?

— Ну, да, — засмеялся коллега, продолжая увлечённо насиловать рыбу.

— Окей, Илья. Я здесь с ребятами, здешними коллегами, договорюсь. Позовут тебя на одно из местных ток-шоу. Тема, например, такая будет — ситуация на российском телевидении: про старое НТВ, про цензуру, про новый тренд в журналистике — инфотеймент, стёб и несерьёзность, про инструкции из Кремля, про чёрные списки. Ты согласен? Свободе слова туземцев научишь…

Зимин загрустил. Тоже оставил осетрину в покое.

— Мы вообще-то не за этим сюда приехали, Эльхан.

Вечером звонит на мобильный.

— Ты не обижайся. Я, наверное, был неправ. Пошли в какой-нибудь клуб. Мне здесь в гостинице скучно.

Я стал отказываться, и тут он меня в лоб спрашивает.

— Ладно, а где здесь мальчиков можно найти?

— Что?

— Ну, парней активных, понимаешь?

— Илья, это тебе кто сказал?

— Это мне В. сказал. Приезжал сюда, говорит, хорошие парни здесь есть.

— Ну, тогда звони В. и проси у него контакты. Это не ко мне.

— Ну, помоги. Ты же продюсер, — услышал я смех Зимина.

— Я тебе что — сутенёр? Я вообще-то не за этим сюда приехал, — вспомнил я.

Перед отъездом в Москву Зимин меня проинформировал:

— А мне не понравилось. Да, люди тут больше улыбаются, чем в Москве. Но вот не хватало здесь того кавказского праздника. Радушия, песен, чтобы расстилаться (!) перед такими (!!) гостями из России (!!!).

— Илья, это не сюда — это в соседнюю страну, —

неполиткорректно ответил я и поймал себя на мысли, что становлюсь мизантропом.

Вообще, распространенное явление — многие новые отечественные «белые воротнички», только заимев пару тысяч долларов на «кредитке», подхватили «заразу неоколониста». Как многие иностранцы в начале 90-х, приезжая в Россию, ожидали увидеть — и требовали — «от этих отсталых советских медведей» шумный туземный рай с бочками чёрной икры, потешных скоморохов на улицах и в правительственных кабинетах, да и вообще — дешёвый сексуальный праздник, а ещё удивлялись, что аборигены обучены грамоте. Такой комплекс представителя страны — по мнению самого представителя — «золотого миллиарда». Он, видите ли, соблаговолил прийти посмотреть — словно, обыватель в зоопарке или *масквич* в глубинке — на другую культуру, другой мир, часто красочный, интересный, забавный, но, при этом, первобытный — ну, не совсем полноценный, «недотягивающий» что ли. «А ну — подавай шабаш за мою мятую потную стодолларовую купюру!» Такое отношение *утончённого* европейца-колонизатора, возможно, любознательного, уже якобы не злого, уже не кровожадного и — премного благодарны! — без охотничьей винтовки, шорт и пробкового шлема, но никак не человека, мыслящего критически. Более того, в глубине души продолжающего оставаться снобистским европоцентристом. Такие люди и такое отношение провоцируют в сверхвпечатлительных обществах появление новых гитлеров и путиных, а также своих больных «заразой неоколониста», а в адекватных обществах — усмешку и сочувствие. По-моему, внутренний мир бушмена из джунглей, туарега из Сахары, алтайского сельчанина или ковбоя из американских прерий более многогранен, более естественен, и, потому, всегда более интересен, чем внутренняя философия сытого и прыщавого «белого воротничка» из Лондона, Москвы, Берлина или Буэнос-Айреса. Да хоть из Баку.

Ещё одна история, которую мы хотели отснять для фильма — про похищение невест. Это старый кавказский обычай, ещё из домусульманской традиции, с которым не смогли справиться ни Ислам, ни Советская власть. Это не романтические небылицы, а современное явление.

Девушку могут похитить просто на улице, могут — ночью из отчего дома, верхом на лошадях или на старой «копейке», а могут своровать непосредственно перед женитьбой на нелюбимом человеке прямо в свадебном платье. Иногда бывают и курьёзные случаи — когда я подростком жил в Баку, парень-сосед с третьего этажа нашего подъезда «похитил» дочку других соседей с первого

этажа — та зашла поболтать с его сестрой, своей подружкой, а обратно её не выпустили. Было, что одну и ту же девушку дважды крал один и тот же парень, но это редкостный форс-мажор.

Главное — доставить невесту до дома жениха. Так как после этого просто вернуться в родительский дом — без негативных последствий для своей репутации — девушка не может. Вот если её отобьют во время кражи, или до того, как она попадёт в дом молодого человека — здесь претензий к ней общественное мнение не имеет.

Чаще всего такое «похищение» происходит по обоюдному согласию молодых, когда родители — обычно родители девушки — не согласны на их брак. Спустя несколько дней молодые идут к ним за родительским благословением, которое предки вынуждены дать. Бывает, что это заранее обговоренная между родителями невесты и жениха акция. Дело в том, что после похищения и последующего примирения пышные свадьбы не проводят. А раньше люди жили очень бедно, даже мясо ели редко. В горах жизнь, вообще, суровая, да и сейчас не все на Рублевке живут. Так вот, чтобы не тратить колоссальные деньги на свадебную церемонию, оба дома договариваются об инсценировке. Ещё бывает, что кража невесты — просто исполнение красивого обряда. Ну, так принято. Особенно, у наших грузинских азербайджанцев.

Но вот реальное похищение невесты на Кавказе всегда порицалось. Это когда парень с дружками может запихать в машину — и тем самым сломать ей жизнь — приглянувшуюся ему девушку, а она даже никогда не подозревала о чувствах, а, может, даже о существовании пылкого Ромео. С девушкой поступают как с вещью, отказывая ей в собственном выборе и воле. Может, она и не против, чтобы её похитили, но чтобы это сделал всё-таки её избранник. Я сам участвовал в этом обряде два раза. В одном из них мы выкрали девушку прямо из отчего дома — получилась такая молниеносная спецоперация со стрельбой в воздух. Но в обоих случаях — по обоюдному согласию молодых. А вот мои двоюродные племянники за похищение невесты, которая не собиралась таковой стать, получили реальные сроки. Есть похищения невесты, а есть похищение человека — преступление. И громкими становятся именно такие кражи невест. В последнее время в северокавказском регионе России это стало социальным бедствием. Родители боятся отпускать дочерей из дому без охраны. Девушки уже с 16-ти лет не могут спокойно куда-то пойти. Местные власти пытаются как-то законодательно бороться, но пока даже вмешательство старейшин не всегда помогает. Когда происходит ломка или даже кризис традиционной системы,

в первую очередь девальвируются положительные правила и обычаи.

Но каждый случай надо разбирать отдельно. Не так ли? Представить этот обычай, как дикий средневековый обряд диких кавказцев, свалив все случаи в одну кучу — вот, мол, мало того, что в Москву понаехали, так ещё и свои уставы притащили — это разве честная исследовательская работа? Не на каком-то интернет-форуме сказать, не в кругу друзей, а в эфире федерального телеканала?

Об этом похищении сообщали многие московские СМИ — в январе 2004 года в Юго-Восточном округе Москвы на улице Коновалова 16-летнюю школьницу-азербайджанку Г., во время прогулки со своей младшей сестрой, затолкали в чёрную «десятку» с тонированными стёклами и замазанными номерами. Кто это сделал, родители Г. догадались сразу — несколько месяцев до этого их 25-летний сосед сватался к девушке, но они ему отказали — слишком молода, да и парня она не знала. А вот лихому джигиту просто приспичило — взял и украл.

Мы с Ильёй решили эту тему раскопать. Планировалось, что, сняв для фильма эту историю — девушку, парня, её родителей, то, как всё происходило, как в дальнейшем сложилась судьба этих молодых людей — используем её в качестве информационного повода, чтобы рассказать об этом горском обычае, ставшим культурным явлением главного мегаполиса страны. Добросовестно рассказать — с интервью с этнографами, с противоположными экспертными точками зрения, но с нейтральным закадровым текстом.

И тут наш с Ильёй *творческий союз* не выдержал испытания. После упорных поисков нашёл я отца этой девушки. Оказалось, что та история закончилась очень нехорошо — похищенная Г. не собиралась отвечать взаимностью малознакомому ей парню, постоянно плакала, отказывалась от еды, и раздосадованный парень, продержав её несколько дней, но так и не добившись своего, просто вернул её. А потом скрылся, даже прощения не попросил у семьи девушки. Здесь уже был вопрос чести — найти парня и, как минимум, дать по шее: для любого нормального отца дочки — это же святое, кто их ещё защитит, кроме него. И брата, если он есть.

— Илюха, я вообще-то могу их семью уговорить на съёмку, но ведь им придётся перед всей страной «раздеться». Правда, обидно, что столько усилий было потрачено на поиски.

— Да ты что?! С ума сошёл?! Звони скорее — договаривайся. Такая тема!

— Не понял. Ей, вообще-то, ещё и замуж выходить…

— А нам какое до этого дело?! Мы на её примере покажем всё про это варварство, — дважды проговорился Илья.

— Теперь понял. Я эту семью больше трогать не буду! И всё!

Зимин минуту молча меня изучал:

— Ты что — боишься их? Они какие-то крутые?

— Да причём тут это, а? Крутые или нет… Я не знаю. Но, мы людей подставим. Представь себя на месте отца этой девушки.

— Эльхан, это же лишние эмоции! Это же непрофессионально!

«Оооо! Понятно. Это школа Николая Картозия. Его дрессировка. Я-то знаю».

— Ну, тогда согласен: я не профессионал. Так всем и скажешь, хорошо?

Я собрался уходить.

— Ты же мне обещал эту тему с похищениями невест.

Договорился со знакомыми актёрами-чеченцами, чтобы мы сняли так называемую теле-реконструкцию — чтобы показать, как это обычно происходит. Роль невесты играла заслуженная артистка Ингушетии и Чеченской Республики, всегда внешне юная Роза Банкурова. Сам обряд очень красивый, динамичный, с сочной «картинкой» — то, что «любит» телевизионная камера. Да и ребята отработали отлично. Съёмку проводили на Воробьёвых горах в аллее у здания МГУ.

Самого Ильи не было. Вместо него приехал один из продюсеров программы «Профессия — репортёр» Евгений Баламутенко, как оказалось, с особым заданием. После того, как актёры уехали, он заволновался, схватил нтвшный микрофон и стал приставать к прохожим и отдыхающим на Смотровой площадке Воробьёвых гор с неприличными вопросами.

— Как вы кавказцев воспринимаете? Особенно, такой кавказский обряд как похищение невест — ну, что они свои порядки у нас в Москве насаждают? Только у меня просьба: когда мы начнём писать — скажите, что к кавказцам плохо относитесь, что нельзя допускать такие их нравы и порядки. Ну, что это как киднеппинг, одно и тоже с похищением человека и так далее? Что если хотят, пусть у себя там, в горах и похищают друг друга? Можете? Пожалуйста? Так надо…

Отвёл коллегу в сторону от нормальных людей.

— Ты что, Женя, ох. л? — не понял я его «юмора».

— Ой, Эльханчик, это Илюха попросил — нужно снять недовольных граждан. Ну, чтобы показать «негатив», глас народа. В фильме надо вставить слова москвичей — ну, таких ошарашенных якобы этим обрядом на улице города. Девушек каких-нибудь — ну, они, мол, видели это, недовольны.

Вмонтируем после видео с похищением.

— Зимин так и сказал? Значит, глас народа, да?

— Ну, да, сказал, что нужны «синхроны», где люди будут говорить: «Мочить надо кавказцев», «Пусть убираются отсюда» и т. д. Вот. Поможешь мне уговорить людей?

— Ты что, Женя, ох. л? — повторил я вопрос для тех, кто в «танке». — Прямо при мне людей на такие ответы провоцировать. Хотя бы подождал, пока я уйду.

— Ой, Эльханчик, ты что? — замахал руками адресат моего вопроса. — Ты же профессионал! Ты же знаешь — *как я* к тебе отношусь? Ты что — обиделся?

— Ага, обиделся, сейчас заплачу. Плевать мне на вашу работу!

— Ну, что я сделаю, а? Меня вы. бут если я этого не сделаю, — закричал мне вслед профессионал. — Я же не специально…

Кстати, никто из опрашиваемых так и не сказал «нужного». Может, не там спрашивали. Интеллигенты университетские.

Это было слишком. Ни одного положительного, жизнеутверждающего эпизода для фильма не было отснято. На всякий случай, я сделал последнюю попытку — решил устроить ему проверку, грубую, прямолинейную. В тот же день позвонил Зимину.

— Илья, есть одна семья с классической азербайджанской фамилией М. Живут в провинции. Муж — азербайджанец, жена — русская. Своих двоих детей они воспитали, вырастили. Теперь решили взять в опекунство несколько брошенных детей — из неблагополучных русских семей.

Зимин «завис» на другом конце провода и о чём-то думал:

— Но это же не в Москве, — вдруг придумал он. — У нас ведь московские истории.

— Слушай, мы пол-Баку сняли — ты забыл? Но если проблема в географии, то у меня есть история про азербайджанскую семью из Подмосковья. Они очень, кстати, состоятельные, но не могут иметь детей, а им уже далеко за 30-ть. Потому взяли троих из интерната: девочку и двух пацанов. Пока под патронат. Говорят, искали своих, азербайджанских, но получилось, что дети славяне. Судьба, говорят. Там история закрученная, интересная. Дети, кстати, не мелкие! Возраст для таких семей — это очень важный момент, ты понимаешь? Потому что они хотят усыновить всех троих. Младшему 5 лет, другим…

— В принципе, уже достаточно отснятого материала, — устал притворяться Илья и перебил меня.

Но я делаю самую последнюю попытку — последнюю. Однако

даже великий и легендарный Фарман Салманов — первооткрыватель сибирской нефти тогда был ещё жив — коллегу тоже не интересовал. Я уже даже не обижался на его слова: «А этот — что за перец?.. Ааа… Ну, что за скукота?!» Даа… А ведь этот *«перец»* не боялся идти против Системы и доказывать свою правоту, не покупался за статус «блатного» и бонусы в виде кредитов, удостоверения НТВ, колы с виски в «Максе». Потому что жил идеей…

— Ты мне лучше найди какого-нибудь кавказца-«бомбилу», лучше — армянина. Мне по композиции фильма армянин нужен, который скажет «на камеру» то, что нужно, с характерным акцентом. Ну, такой типаж — нагловатый, неопрятно одетый, с максимально «убитой» машиной — в какой обычно ездят «бомбилы». Поездим с ним по Москве. Надо — денег дадим.

— И чтобы говорил, что нужно? Да? Ты сам скажешь ему, что говорить. Да?

— Да, да, да.

— Нет, дружище — не смогу найти!

— То есть?

— А вот так! Я уже не продюсер этого фильма. Умываю руки с этим говном.

— Ты что?

— Понимаешь, Илья… Дело не в том, что я какой-то суперпринципиальный. Но я не собираюсь тратить жизнь на бульварщину. Тебе нравится — флаг тебе в руки. Но это не значит, что я отстраняюсь от текстовой работы над теми съёмками, которые я продюсировал. Надеюсь, конечный закадровый текст перед монтажом ты мне сам покажешь…

Наши споры с Ильёй продолжались вплоть до эфира. Как я и ожидал, реконструкцию кражи невесты, сыгранной актёрами, Зимин преподносил в фильме, как реальное похищение.

— Поменяй эту фразу: «Дикий горский обряд в центре Москвы». А это что такое? «Чеченец с дружками похищает приглянувшуюся ему девушку — будут держать взаперти, пока не смирится… А ведь завтра на месте этой девушки может оказаться любая из этих москвичек. Говорить открыто о том, что сейчас видели своими глазами, они уже боятся». Ты что — упал, Илья?! Ты в программе «Русский дом» работаешь? Убери это! Пожалуйста! И это «похищение» не на Арбате было, дружок…

Визирование текста ньюсмейкером — это когда, интервьюируемый или участвовавший в съёмках герой репортажа даёт согласие на конечный вариант материала — не всегда мотивировано. Я сам, например, не люблю этого делать. Но в данной ситуации у меня разгорелась такая злость, которой

позавидовал бы любой цензор.

— Ладно, выдернул из контекста ответ президента Ильхама Алиева — пусть. Его никто не тянул за язык с таким живым образом: «Россия — это огромный рынок. Который, по существу, может принять любой товар, любую продукцию — даже иногда не соответствующую мировым стандартам…»

— Этот синхрон менять не буду! Хоть режь. Картозия[75] сам выбирал. Ему очень понравилось, — загорелись глаза у коллеги. — Сам будешь с ним разбираться.

— Вижу, тебе тоже очень понравилось. А там в Баку во время интервью с Алиевым рассыпался в комплиментах ему, отказался от предложенных мною жёстких вопросов. Забыл? Облизывал его.

Блеск в глазах исчез сразу же.

— Это твои грехи. Тебе и отвечать. Ты мне скажи. Вот мы парня-бизнесмена в Москве снимали — моего знакомого. Что же ты пишешь здесь, что «в Москве Максад на русский манер стал Максом». Что за чушь? Он же тебе говорил, что Макс — это его прозвище ещё со школы в Азербайджане. Ты про него и про его братьев тут пишешь «вкалывали по-чёрному». Молодец, Зимин! Какой красивый оборот, блять! Какой ты блять на. уй умный! Молодец! А вот этот стёб про его родителей, живущих на родине, ты можешь не убирать из текста — но увижу в эфире, сам тебя убью. Убью и сяду. Какое ты имеешь право издеваться над чужими родителями? Кто тебе право на это дал?

— Уберу, уберу это.

— Блин, Зимин, историю с парнями, которые обрезание внуку хозяйке снимаемой ими квартиры сделали, вообще, с ног на голову перевернул. Эта бабушка ведь говорила, мол, так даже лучше. Ты же её тоже *обрезал*… Ты что — в газете «Жизнь» работаешь? Давай так — мою фамилию из титров убери. Не хочу участвовать в этом цирке. Договорились?

В фильме были ещё две истории, который были чистыми постановками — любой коллега определит — с оплаченными актёрами. Про новорусского армянина, «с немосковским произношением и манерами», *нагло предъявляющего претензии* на квартиру с видом на Кремль: «Поломать можно здесь все?» И про дагестанцев, разделывающих барана в обычном московском дворе и «качавших права» во время разделки туши — по закадровому тексту, «такое естественно в горном ауле, а жители среднерусской возвышенности — пугаются». Ну, и конечно же — видно невооружённым глазом — сочинённая по шаблону, стереотипу история «блондинки» Кати, которой «в любом брюнете мерещится сексуальный маньяк». Не знаю, с кем Илья придумал и снял это высокое искусство. Мне всё это было уже неважно. Обзвонил

«своих» ньюсмейкеров и попросил у них прощения до эфира фильма.

Но до сих пор стыдно за эту работу. Даже название шальное Зимин с Колей Картозия придумали — «Южный централ»[76]. Точно — эти люди закусывают коньяк гнилыми помидорами. Прямо в рабочее время. Как по-другому объяснить причину отсутствия у них профессиональной совести, а? Зачем это им нужно? Этим людям без роду и племени? Кто такой сам Зимин? Кто Картозия? Иногда мигрел, иногда грузин, иногда «ну, возможно, тбилисский еврей», а иногда просто — «советский русский человек»?

Сами можете посмотреть этот скандальный фильм, он есть в Интернете. Эфир от 22 октября 2005 года.

За этот «информационный» продукт, где намеренно проводится грань «свой-чужой», работающая, настоящая судебная система должна была возбудить не одно уголовное дело против нескольких сотрудников НТВ, начиная с гендиректора. Работающая! Настоящая! Судебная машина! Справедливая!

В богатейшей разными культурами и субкультурами — национальными, конфессиональными, социальными и т. д. — стране, люди остаются коммуникативно разобщёнными. В лучшем случае, россияне не владеют информацией друг о друге (и граждане одной страны напоминают тех самых жителей многоэтажки из спального района Москвы, в которой обычно имена друг друга знают или здороваются соседи, живущие на одной площадке), в худшем — относятся к своим же согражданам враждебно. Что знает обычный рязанец о тунгусе, лакце, а сочинец об алтайце? Много-много меньше, чем о взаимоотношениях Пугачёвой и Галкина и других бульварных «героях». Период, который сейчас переживает страна, можно определить как «информационная, лёгкая гражданская война» («soft civil war»).

А ведь культура-цивилизация есть устоявшаяся система ценностей того или иного сообщества людей, объединенных на этнической (или религиозной, или региональной и т. д.) основе, способ ориентации этих людей в своей и в окружающей действительности, их взаимоотношения с ней. А потому каждая культура-цивилизация является багажом конкретных знаний. Знаний, которые помимо эмоционального, культурологического, научного интереса могут принести и практическую пользу. Если грамотно пользоваться этими знаниями, ценить их, то поликультурность любой страны, и в России в частности, это почти одни плюсы. *Чем сложнее системы, тем они устойчивее.*

И конечно поликультурность Кавказа. Например, тот же опыт

«кавказской демократии» — институт джамаатов (где-то всё ещё сохранившийся) интересен как современным политикам, так и всему обществу в России. И, прежде чем начинать реформу местного самоуправления (хотя бы на Кавказе) — в которой прописано много красивых целей и определений — однозначно, стоило изучить и эту многовековую кавказскую традицию.

Или же традиция кавказской межобщинной, межнациональной дипломатии — например, история сожительства множества местных этносов. Регион всегда был населён бОльшим количеством людей, чем ближайшие равнины, бОльшим, чем мог прокормить вдоволь своими ограниченными ресурсами. И история совместного проживания — как через конфликты, так и мирные договорённости, через признание чужой и завоевание права на свою систему ценностей — разве не интересна современникам? Не может быть полезна? Или многосерийные страдания героев из какой-нибудь отечественной «мыльной оперы» или тупого «боевика» важнее?

Я понимаю останкинских слабоумных «профессионалов» — надо делать скандальную передачу, репортаж. Клёво! Потом гоготать. Раскатисто. Ну, да ТВ же не для серьёзных, *скучных* программ. Должно быть весело — кто-то кого-то резал, насиловал, бил по голове. Вот это — конечно! — профессионализм.

В «Максе» всё началось, и в этом первом круге останкинского ада всё и закончилось.

Это было где-то в конце ноября того года. Я проходил мимо, а он там сидит. И пьёт виски. В одиночестве. Хотел пройти, сделав вид, что не заметил. Но Илья встал и позвал:

— Можно тебя, Эльхан? На минуту.

Поздоровались. Не глядя в глаза друг другу. Слово за слово, разговорились. Снова упёрлись рогами. Снова разругались.

— Не обижайся на меня. Ты пойми, друг. Я не националист какой-то. Если бы я так думал, то с тобой бы не дружил.

Согласен. По-другому бы всё было. Есть же на НТВ люди, которые не скрывают это своё отношение. Но с них и спрос другой.

— Знаешь, Илья. В конце концов националист с какого-то ДПНИ ТВ поступает честнее — он хотя бы ради идеи… Не ради стёба над людьми. А у вас детский сад.

Зимин пил и слушал.

— Понимаешь, Илья. Я же не за прилизанный репортаж про толерантность, которые делают для отработки европейских грантов. Я за умное телевидение, пытающееся найти решение общих проблем.

— Не стоит так серьёзно относиться к нашей работе. Всё уже — был эфир. Конец! Что ты паришься?

— А я хочу париться. Хочу. А как по-другому. Меня так учили. Что главное качество журналиста — париться. Слышал такое — «Чужое вмиг почувствовать своим». Смотри, как Катя Гордеева работает? О Кате, вообще, все думают — девушка-пантера, где влезешь, там и слезешь. Но это всё внешнее. Иммунитет против останкинского террариума зла и агрессии. А Андрюха Лошак? Они не разучились сострадать. Сопереживают. Главное — остаться человеком в профессии.

— У меня ситуация другая. Мне до сих пор историю с ТВС припоминают.[77] У меня обстоятельства…

Это было очень обидно слышать. Я-то ещё надеялся, что он, возможно, просто не любит и боится кавказцев.

— Ага. Поплачься ещё. Я же тебе верил. Как ты, *ты, Илья Зимин,* можешь вот так зло и безответственно изгаляться над людьми. Я понимаю — возможно! от ситуации! — лёгкий дружеский стёб. А это что? Это лучший телерепортаж? Один из лучших репортёров страны делает такой предсказуемый, коньюктурный материал. Постановка одна. Загубил такую тему.

— Ну, только часть съёмок постановочные.

— Нет, Илья, не в этом дело. Весь этот фильм — постановка. Ложь. Про власть духу не хватит подобное сделать.

— Не учи меня, Эльхан. Пожалуйста, — вяло оборонялся Илья. — Давай лучше выпьем.

— Да, всё с ног на голову. Это ты меня учить должен. А получается наоборот…

Посидели в молчании некоторое время. У меня на душе было противно. Обидно. Даже пить не мог.

— Одного не понимаю — что же ты мне работу над *этим* предложил? Я что — Иуда?

— Знал бы, что ты так рефлексируешь — не предложил бы, — засмеялся Зимин.

— Наверное, это не рефлексии. Я вырос в традиционном обществе. Это тяжело. У нас есть такая пословица: «Мужчина умирает, но имя его остаётся». У меня тоже не получается по этой формуле жить. Боюсь, что рано или поздно за всё придётся отвечать. Мне или моим детям. Моей семье. А семья — это главное.

— А *это* тебе зачем? У тебя же нет семьи, детей — радуйся. Зачем тебе *это* нужно?

И т. д.

Это по-разному можно называть. Парфёновщина, митковщина, картозовщина, комплекс останкинского небожителя.

Родственен комплексу Татьяны Толстой. Терпеть не могу. Раздражает *их* претензия на просвещённый элитаризм. Дескать, они — закрытая каста. Им можно то, что нельзя другим, зрителю, обывателю, плебсу. Тишина в студии — они сейчас вещать будут. Этот сектантизм, пародия на масонскую таинственность. В обычной жизни, в обычном человеческом общении нормальные люди. А вот только дорвутся до эфира — и начинается. Прямо беги от этого снобизма, прямо вой от абсурда.

Знаете, почему с них резьба соскочила?

Это болото безнаказанности и безответственности засосало. Я это понял. В морду никто не даёт, потому и изгаляются. Был когда-то у них абсолютный комплекс полноценности. Им Кремль по рукам дал, они стали паиньками. По отношению к Кремлю. Вот даст им по рукам обычный зритель, затаскает по судам, в лицо плюнет, встретив у главного останкинского подъезда, голову проломит — станут паиньками и по отношению к обществу.

Телевидение — может быть полезным источником информации о происходящем в окружающем мире, а может стать страшнейшим оружием в руках безответственного человека или группы лиц. Поверьте, ТВ — страшнее гранатомёта. И даже танка. Кто согласится на то, чтобы в его родном городе, у его подъезда, где играют родные детки, разъезжал Т-90АК, экипаж у которого — команда программы «Чистосердечное признание на НТВ»? Ну, давайте рискнём и дадим этим парням «чёрный чемоданчик». А Дирекцию праймового вещания НТВ разместим на новой АПЛ «Северодвинск»[78]. Кто согласится? Да они за несколько часов превратят окружающий мир в «горячую» тему для наполнения эфира ближайшего выпуска программы. Что вы хотите от субъектов, называющих людей, зрителей, граждан дисфемистически — пипл.

Но не только безответственность причина.

Здесь еще и несерьёзность в восприятии происходящего, баловство. А оно происходит из-за отсутствия настоящей жизненной мотивации. От нравственного босячества. Бывают бомжи явные, а бывают бомжи нравственные. Внутренняя пустота приводит к пустоте жизненного результата. Без внутренней нормы, без нравственного страха жизнь превратится во временной отрезок, не наполненный смыслом. Самая большая проблема в современном мире — девальвация, обесценивание этого страха.

Они думают, что над другими стебутся… Нет, над собой стебутся. Они же себя «мочат».

А «гости с юга»… Вот США, которые мы в приказном порядке

стали ненавидеть. А у них любой труд уважаем. Потому что труд! Или, думаете, «гости с юга» без труда на хлеб зарабатывают? Этот труд кто-нибудь на себя готов взвалить? Лично среди моих земляков в Москве сильны чемоданные настроения. Даже у тех, кто имеет российское подданство. Москва — не тот Град Китеж.

И, вообще, с мигрантами делать ничего не надо. Вернее, надо ничего не делать: не реформировать общественную и административно-правовую систему, не волноваться судьбой своей страны — просто жить имитацией. И все уедут — и мигранты, и остальные. Никого не останется.

В последний раз я видел Илью в начале февраля 2006 года перед моей командировкой в Иран. Короткий разговор получился, пока ехали в лифте.

Он тогда был какой-то собранный, бодрый что ли, с весёлым настроением. И первым со мной поздоровался.

— Ну, и как дела? — вяло поинтересовался я. Из-за нашего последнего разговора. Но он не обиделся.

— Ты знаешь — всё очень хорошо. Даже боюсь сглазить.

На третьем этаже кто-то вышел. Дальше поехали одни.

— А ты был прав, — неожиданно удивил он меня.

Я не стал конкретизировать. Вернее, не успел. Даже не понял до конца — о чём он, как лифт остановился на восьмом этаже. Стали прощаться.

— Ну, удачи тебе, Илюха, — вырвалось у меня.

— Тебе тоже. До скорого.

Двери закрывались, и он вдруг крикнул.

— Да-да. Спасибо тебе.

И поехал наверх, на девятый этаж.

Честно, у меня остались благодарные воспоминания о том нашем последнем разговоре в лифте. Уверен — он выкарабкался бы… Наверное…

Не успел. Илью убили.[79] Глупая смерть. Я в этой истории тому парню не судья. Сам дрался в таких ситуациях.

У Зимина не было детей. В Хабаровске у него остались мама и папа. Бедные родители — был единственным сыном в семье. Такая вот жизнь. Такая вот трагедия. Себя загубил! САМ! Разве можно не ужаснуться, когда творчески сильный человек тратит жизнь просто на мелочь и вялость, на баловство. Наверное, в жизни надо всегда торопиться. Возможно — торопиться делать ошибки, чтобы успеть исправить их. Можно не успеть.

И всё же Илья для меня был одним из тех, из-за кого я пошёл в профессию.

Source URL: http://ostankino2013.com/smert-zhurnalista.html

Квартира от губернатора

31 мая 2006 года в подмосковной Коломне открывали Конькобежный центр. Слов нет — на тот момент центр был лучший в стране: общая площадь — более 70 тысяч квадратных метров, внутри и спортивно-тренировочный комплекс, и медико-восстановительный центр, и помещения для судей и почетных гостей, административные отсеки, бассейн с 25-метровой дорожкой, водопадом и гидромассажем, спортивные клубы, детская спортивная школа по конькобежному спорту, фитнесс-залы, пресс-центр, кафе, рестораны, конференц-зал на 500 мест, роскошный зимний сад, позиционируемый как археологический музей. Площадь ледового поля почти 12 тысяч квадратных метров: две 400-метровые конькобежные дорожки для соревнований и одна для разминок, 300-метровая детская дорожка и поля площадью 30х60 метров для фигурного катания, керлинга и шортрека, трибуны на семь тысяч зрителей. Уникальное ледовое поле для высоких скоростей, специальная система вентиляции и кондиционирования с использованием компьютерных программ — позволяет поддерживать низкий температурный режим на льду, и высокий — на трибунах.

Из открытия такого спортивного объекта можно было бы сделать настоящий праздник для людей. Так нет же — сделали праздник только для своих, для избранных. Это было заметно уже на подъезде к городу — стены домов, выходящие на главную дорогу к центру, неестественно свежие и нарядные, трава странная — ярко-ярко зелёная, асфальт в некоторых местах укладывали ещё рано утром того дня. На открытие центра пришло много людей, видимо местные жители — лица простые, какие-то все радостные, многие с цветами, но дальше оцепления эти чему-то радующиеся люди пройти не могли и как-то даже трогательно держались за эти решетки металлического ограждения.

Оцепление — из подмосковных гаишников. А гаишники это особый народ — чем дальше от Садового кольца они стоят, тем менее они, скажем, политкорректны. Это относится ко всем чиновникам и власть имущим, но ведь гаишники всегда на виду, такое лицо власти, обращённое к народу. В Москве я лишь однажды услышал мат от гаишника. Но какой это был перфоманс! Огромное пространство Кудринской площади на пересечении Садовой-Кудринской и Баррикадной улиц — все светофоры мигают жёлтым. А посредине этого перекрёстка ходил, подпрыгивая, очень толстый гаишник, размахивал палочкой и

орал, чтобы ни одна машина, ни один человек не пересекали площадь. Только широкая разделительная полоса на кольцевой была свободна — ждали проезда какого-то чиновника. Одной нетерпеливой BMW он стал колотить палочкой по капоту. В полной тишине только соло этого гаишника. Мы все — несколько сотен машин и около тысячи человек — стояли как загипнатизированные овцы. Прижавшись к краю дороги, никто не возмущался. До меня тогда дошёл смысл оборота — орать благим матом. Но он не просто матерился — он матерился и наслаждался. Это был театр одного актера. И этот актер реально выкладывался по максимуму. Я тогда вдруг подумал: «Какие же у этого человека в душе страсти бушуют. Какой характер». Он один перекрыл всю площадь и заставил нас всех его слушать. Надо было ему рукоплескать, но все молчали. Никто не аплодировал, но никто и не возмущался. Потом проехал кортеж в сторону Новинского бульвара и Нового Арбата, он на мгновение вытянулся, застыл, а потом второй «акт» — теперь он стал нас всех гнать — вначале пешеходов, потом транспорт: «Что же вы, суки, здесь стоите, вашу мать, еб. есь все на х. й отсюда, п.д. ры». И мы, пешеходы и автомобили, подчинились — послушным стадом-россией тронулись дальше.

Подмосковные гаишники, взявшие Коломну в тот день в несколько колец оцепления, тоже не скрывали свои эмоции — матерились и развязно себя вели. Особенно эмоционально они отрывались на людях, облепивших оцепление. Досталось и нам:

— Какое на х. й НТВ? НТВ уже проехало, — показал их офицер на нашу «тарелку» с внутренней стороны оцепления.

Потом стал разглядывать наши документы. Почесал свой большой живот и стал ещё наглее:

— Это подделка! И, вообще, ваших имён нет в списке, — закричал он и расхохотался.

Да, человеку было смешно. Он получал удовольствие.

Пришлось звонить пресс-секретарю главы Подмосковья Андрею Барковскому, и нас пропустили. До этого я всего раз с ним пересекался по работе, но когда мы вошли в пресс-центр, помощник губернатора сам ко мне подошёл и завёл разговор.

— Ты же Эльхан Мирзоев?

— Да. Мы с НТВ. Почему ваши гаишники себя так ведут? Говорили — нас нет в списке.

— Да не обращай внимание — видимо, они ошиблись.

— И людей там не пускают из-за оцепления…

— Каких людей?.. Слушай, не злись, — отмахнулся Барковский и быстро перевёл разговор на обсуждение предстоящего мероприятия.

Какое-то время мы с ним поговорили. Мне нужно было уточнить массу деталей. В том числе, приедет ли Путин и т. д. Открытие задерживалось, мы пошли с ним есть бутерброды с чаем. И вдруг Барковский мне говорит:

— Эльхан, мне нравится то, что ты делаешь, как работаешь. Я давно наблюдаю.

Я удивился, но мне это было приятно. И он стал расспрашивать о моей жизни: что закончил, женат ли, где живут родители, где живу я сам. Когда я ему ответил, что снимаю квартиру, Барковский оживился:

— Ты что, серьезно? Как же так. Слушай, давай мы тебе поможем…У нас же есть куча разных программ — например, по поддержке молодых семей, и Борис Всеволодович (губернатор Борис Громов) многим журналистам помогает с жильём. Нормальным журналистам! Ежегодно.

«Да, да, Андрей Вадимович, я знаю многих моих счастливых коллег, получателей такой адресной помощи от губернаторов и мэров».

— Обратись официально на имя Бориса Всеволодовича (Громова — Э.М.), — стал учить пресс-секретарь. — Напиши письмо. Поможем!

И подмигивает мне.

Эх, квартира, квартира. Это была моя больная мозоль. Когда-то мечта едва не осуществилась. А теперь… Такие цены. А про эти программы губернатора я знаю — потратишь, максимум, десять процентов от рыночной цены — и квартира твоя. А «нормальным» журналистам вообще достаются очень неплохие варианты за символические деньги. Что же ты трогаешь, змей, мою больную мозоль?! Это я — нормальный журналист, больше некоторых вкалываю, не наркоман, не подлиза, работы не боюсь, образование высшее. Плохо учился? Да нет, преподаватели хвалили, в библиотеках сидел до закрытия, последние деньги отдавал на книги, почти «красный» диплом. А кредит ипотечный мне не дают! Да и глупо в такую долговую яму самому бросаться. Добровольное рабство на всю жизнь. Ах да! У меня же родственников среди чинуш нет. А может и мне — в «нормальные» журналисты? Говорят, это в начале трудно. Потом — не обращаешь внимание.

Системе так нужны зависимые от неё винтики. Тогда этого не понимал. Потом пришло понимание, что не хочу жить в Москве. Что квартира в мегаполисе — это западня. Просто квартира, собственное жильё, а кредитная — тем более.

Но тогда эта аксиома мне была ещё недоступна.

— Андрей Вадимович, — наверное, я делал глупость. Да, я

однозначно делал глупость. «Ну, улыбнись ему, дурак», — Вы мне скажите, а президент всё же приедет?

Да и как-то все это было неожиданно — чай, колбаса, хлеб и вдруг — квартира. Но это я так себя оправдывал. В своих глазах.

«Стоп! Какая квартира? У меня же планы на это мероприятие. Барковский со мной здороваться перестанет. Какая ещё квартира? Ха!»

Путин так и не приехал. После помпезного мероприятия в лубочном стиле мне надо было торопиться — вечерний выпуск названивал — что там скажет Громов на счёт объединения Москвы с областью. А еще и ребятам с СитиFM я готовил материал. Они часто просили корреспондентов НТВ делать радиорепортажи для них.

Тогда тема объединения Москвы и Московской области снова бурно обсуждалась. Юрий Лужков активно проталкивал эту идею. Для мэра и московского клана это было бы не объединение, а присоединение области к столице. Конечно же, политическая и экономическая элита области не хотела терять свой пирог. Громов отказывал всем историю объединения комментировать. И главная цель приезда нашей съёмочной группы на открытие конькобежного центра была именно возможность порасспросить губернатора Подмосковья. Андрей Барковский ещё в пресс-центре настоятельно «просил» всех журналистов не задавать Громову вопросы на эту тему. Очень настоятельно «просил». Как в армии. Как с ним, так и он.

Когда Борис Громов спустился с трибун, его и вице-премьера Александра Жукова облепили камеры и газетчики. Громов и Жуков торопились. Я мог не успеть и сразу же спросил Громова о том, почему центр построили в Коломне, а как только он ответил, перебивая коллег:

— А чем Вам не нравится идея объединения Москвы и Московской области?

Громов посмотрел на моих коллег. Но поддержки не нашёл, все молча смотрели на губернатора. Ему не хотелось, но пришлось ответить.

После «перегона» ответа губернатора для вечернего выпуска на НТВ, у меня был прямой эфир на СитиFM. Я вволю постебался. Получился такой материал:

«Глава Московской области Борис Громов, считающий себя самым спортивным губернатором страны, и глава Коломны Валерий Шувалов сделали всё, чтобы открытие нового конькобежного дворца стало праздником для высоких гостей. В центр города провели новую асфальтированную трассу, вокруг дворца только уложили газон и приняли очень жёсткие меры

безопасности. Ждали Владимира Путина. Но приехал вице-премьер Александр Жуков. Он зачитал приветствие президента и вместе с губернатором Громовым, митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием, другими чиновниками и пятью тысячами обычных гостей, большая часть которых были подростки и студенты из Коломны, стал наслаждаться праздником. Взрослое население Коломны на открытие дворца пройти не смогло и наблюдало за кортежами гостей из-за оцепления.

Мероприятие было очень торжественное. Организаторы отдали предпочтение классическому репертуару — русским народным песням и танцам, а также советским спортивно-патриотическим. На льду периодически неожиданно появлялись персонажи из русских народных сказок. Во всей этой программе участвовало более двух тысяч человек.

Губернатору Борису Громову, бывшему мастеру спорта по гандболу и генерал-полковнику в отставке, все это очень понравилось, и после торжественной церемонии он сказал мне, что теперь Коломну можно считать конькобежной столицей России. И вице-премьер Александр Жуков, человек также неравнодушный к спорту, был очень доволен. Радостное настроение Борису Громову не испортило даже напоминание о предложении Лужкова объединить Москву и Московскую область. Губернатор сказал, что решать вопрос об объединении должны «не Лужков, Громов, Иванов или Сидоров», а граждане — по Конституции, они могут сделать это на референдуме. Помимо этого, Громов выразил сомнение — хватит ли денег у Москвы «поднять» область до уровня столицы.

Теперь в Коломне готовятся ко Дню славянской письменности и культуры, который пройдёт здесь ровно через год».

И мы уехали.

Да, я ждал его. Ждал этого звонка. Я уже знал, что вечерний выпуск дал слова Громова с такой подводкой: «Даже на открытии конькобежного центра в Коломне Борис Громов не переставал думать о предложении Лужкова».

И дождался, когда мы уже были далеко. Такое часто бывает в отношениях между журналистами и пресс-секретарями. У журналистов ещё есть аргумент, что они, дескать, «четвёртая власть», якобы, они независимые и прочее, а пресс-секретарям что делать, когда начальство на них орёт? Одним словом, рядовой вроде бы случай. Но Андрей Барковский сразу стал говорить со мной так, как будто я их «нормальный», «свой», который висит на одной из их программ «по поддержке молодых семей» и подручных журналистов. Одним словом, неинтеллигентный у нас получился диалог:

— А ну, Эльхан, пошёл и исправил!!!

— Что???

— Быстро!! Пошёл и исправил!!!

— Успокойтесь, Андрей Вадимович, что исправить? — меня начинал бесить его тон.

«Независимость — это значит: не быть зависимым».

— Эльхан, иди и исправь ту х. ню у вас на НТВ. И на Сити тоже. Мне сейчас сказали, что ты нёс чушь в прямом эфире. Быстро — пошел и исправил!!

«У Громова в команде прямо как в армии: быстро — упал, отжался».

— Вы считаете, что чушь. Но я так видел, потому что…

— Ты что не понял? Да я с тобой, бл. ть, знаешь что сделаю…

Вначале меня это разозлило. А потом мне стало весело. Сразу.

— Андрей Вадимович, идите Вы на х. й! — сказал я.

— Что?! — неожиданно испугался собеседник.

— Идите Вы на х. й! — повторил я в той же тональности.

В трубке наступила тишина. Минуту я со злорадством слушал дыхание пресс-секретаря губернатора Подмосковья.

— Я… я… я… — наконец ошарашено и обиженно заговорил телефон. — Я сейчас Митковой… нет я сейчас Кулистикову позвоню…

— Да хоть Громову, — с ещё большим злорадством ответил я, имея в виду другого Громова.

«Как же тяжело быть «нормальным» журналистом! Интересно, если он со мной так разговаривал, то что же он с «нормальными» моими коллегами делает??? Дааа, а была бы у тебя квартирка. В каком-нибудь экологически чистом районе Подмосковья. Лучше, на севере».

Приехали в Останкино. Собираюсь ехать на восьмой нтвшный этаж. И тут из лифта выходит Миткова. Я непроизвольно дёрнулся.

— Что такое, Эльхан?

— Татьяна Ростиславовна, а Вам от Громова не звонили?

— От кого??? — остановилась Миткова как вкопанная и сделала большие глаза. — От Громова?!

Душа ушла в пятки. Её душа. С этими большими глазами она стала приближаться ко мне. Я непроизвольно оглянулся назад, потому что подумал, что сзади меня рушится одна из стен Останкино, начинается Армагеддон. Но, сообразив, быстро спас её от инсульта:

— От Бориса Громова, губернатора. Ну, пресс-секретарь его Барковский не звонил Вам?

Главред НТВ облегчённо выдохнула. Успокоившись, сразу

взяла себя в руки.

— Нет! А что?

— Поругались мы с ним… Тогда, наверное, Кулистикову он звонил.

— Ой, не волнуйся, Эльхан. Ты же сам знаешь, у нас такое сплошь и рядом, — Миткова на секунду задумалась, но потом на её лице появилось брезгливо-пренебрежительное выражение. — Да ну, Борис Громов…

Главный редактор НТВ ещё мгновение подумала, а потом снова разволновалась и быстро-быстро задышала.

— Это же не из Кремля! — глаза у неё снова немного округлились от ужаса.

«Да, Татьяна Ростиславовна, если бы из Кремля — Вы бы меня прямо здесь в лифте замуровали».

Source URL: http://ostankino2013.com/kvartira-ot-gubernatora.html

Ливан. «Не имеющая аналогов эвакуация наших»

Про Ливан я впервые услышал ещё в детстве — мне тогда было лет шесть-семь. Там шла война. Из детских воспоминаний всплывают выпуски новостей советского телевидения, «израильская оккупация», «американская военщина», «лагеря палестинских беженцев», «гражданская война», «городские бои», «разрушенный Бейрут». Эх, Бейрут, Бейрут! Не город, а сказка.

В июле 2006 года я попал на ливано-израильскую войну. С ливанской стороны работал я с оператором Владиславом Дубовицким, а в Израиль поехал — корреспондент Борис Кольцов с Вячеславом Спиридоновым. Мне дали карт-бланш — как напутствовал Пиво, «максимум репортажности». А это значит, что можно показывать не войну политиков и официальных заявлений, а рассказывать об обычных людях, жителях этого ближневосточного курорта, вмиг ставшего зоной боевых действий. Правда, начальник Пётр Орлов, заботливо предупредил: «Слишком не рискуй — это не *наша* война».

Ливанцы мне очень понравились. Страна ассимилированных арабами финикийцев постоянно жила в состоянии внутренних и внешних угроз. Результат — не знающий уныния характер её жителей, оптимизм и стремление наслаждаться каждой минутой жизни. Гражданская война в 80-ых и 90-ых, а потом израильская оккупация превратили страну в руины, но ливанцы буквально за несколько лет отстроили и реконструировали почти всю страну. Я ожидал увидеть другое. И только редкие остовы-развалины домов, с прошитыми снарядами и пулями стенами, говорили о жёсткости шедших здесь уличных боёв. А у нас с перестройки минуло 20 лет, а многие города на постсоветском пространстве выглядят как во время блокады. Да что там. Вы бы видели Ржев, Дорогобуч или город Сычевка и его окрестности в Смоленской области! Словно Великая Отечественная недавно закончилась — остатки колючей проволоки, выбоины в стенах, взорванные церкви, солдатские кости под ногами в окрестностях. Но зато мы самые умные!..

Особенно мне понравились бейрутцы. Бейрут — это город тусовок и непрекращающегося праздника. К иностранцам они относятся, как к своим — будто, тебя все здесь знают давно, любят, ждут, но ты вышел ненадолго, отлучился — покурить, а теперь опять вернулся. Здесь нет снисходительного отношения к иностранцам западных европейцев, заискивания перед ними

индийцев, рефлексивной почтительности к гостям из Запада и презрительности к остальным чужакам россиян.

И неизменное благодушие, улыбки. Город, люди в котором никогда не унывают. Типичный эпизод, характеризирующий бейрутцев, да и вообще — ливанцев. Однажды я, оператор Владислав Дубовицкий, прожившая в Ливане около 20 лет рязанка Ольга Гоноскова-Шарафеддин, её 18-летняя дочь Лина и её подружка Зена Жабер (Zena Jaber), внучка известного местного политика, бывшего спикера парламента Хусейна эль-Хусейни (Hussein el-Husseini) сидели в популярном кафе в христианском районе Бейрута. В зале играла расслабляющая музыка, за соседними столиками очень прилично одетые люди спокойно ели и беседовали, смеялись. Подавленных лиц я не видел. Наоборот. Такой обычный вечер. Да и по виду Ольги нельзя было сказать, что эта весёлая женщина лишь вчера вырвалась из почти полностью разрушенного на тот момент южно-ливанского города Тира, где жила со своим мужем-ливанцем — уважаемым местным врачом Абедом Шарафеддин. И вдруг где-то в двух кварталах раздались подряд несколько взрывов — израильтяне начали вечернюю бомбежку. Все на мгновение затихли, прислушались и, как ни в чем не бывало, продолжили спокойно есть, беседовать, смеяться — отдыхать. Я был поражён реакцией людей. А 18-летняя Лина, путаясь в русских словах, объяснила:

— Все понимают об опасности. Но не по этому клубу же попали, правда?.. Ну, и к тому же, хорошо сидим.

В Ливане было очень легко исполнять свои профессиональные обязанности. Российские журналисты, попав за рубеж — исключая *болевые* страны типа Грузии, Латвии, Эстонии, Украины — вдруг превращаются в «четвёртую власть». Там нас уважают.

На следующий день после приезда в Ливан вечером, сделав уже третий материал за день и передав его в Москву, мы пошли ужинать в забегаловку рядом с нашей гостиницей в бейрутском районе аль-Манар — надо было набраться сил перед вечерними и ночными съёмками. Было ещё светло. В двухстах метрах находился маяк — достопримечательность этого престижного района ливанской столицы. Днём мы его снимали для городских адресных планов. Собирались уже уходить, как вначале затряслась земля, а потом донёсся оглушающий звук близкого взрыва. Бросились на улицу, на бегу Влад включил камеру. Из башни маяка шёл дым. В этот момент — шелестящий звук и второй взрыв. Погода была ясной, в море судов не было видно, но, как потом стало ясно, били палубными орудиями с военных кораблей. Израильтяне работали ювелирно. Оба раза попали

точно в «голову» — по круглой смотровой площадке верхней части башни маяка, т. н. маячное помещение и фонарный отсек, полностью её разрушив.

Мы направились в гостиницу — нас ждала ливано-либерийская семья, сбежавшая с юга страны. Закончив съёмку через полчаса, идём к маяку, чтобы доснимать крупные планы. Там уже было с десяток коллег журналистов, группа ливанских военных во главе с генералом и рядом с ними, если не ошибаюсь, старый американский бронетранспортёр M113 (или что-то очень сильно его напоминающее), ещё какая-то техника — французского производства, судя по изяществу и глупому виду брони.

К журналистам подошёл молодой офицер.

— Мы приносим свои извинения. Не надо снимать этот объект. Удалите, пожалуйста, съёмку, — попросил он на хорошем английском.

— Я не собираюсь удалять отснятый материал. С какой стати? — довольно резко по привычке ответил я.

— Извините, но это военный объект. У меня приказ.

— Это тупой приказ! Кто Вам дал такой тупой приказ?

Всё-таки, я ошибался насчёт уровня образования ливанских военных.

— Извините, но это мой приказ, — неожиданно для меня на ещё лучшем английском невозмутимо, но вежливо заговорил ливанский генерал.

«Блин. Ты смотри. Кто ж думал? Ну, ладно. Что же теперь-то жалеть?»

— Но мы не можем это удалить. Мы приехали в Ливан, чтобы снимать и показывать эту войну. Это наша работа.

— Но это секретный объект, — сделал крупный «силовик» последнюю попытку убедить.

— Секретный для кого? Для израильтян?

— …

— ???

Генерал задумался.

— Извините, — произнёс он наконец и отошёл в сторону.

«Военные везде похожи. Приказы не обсуждать, портянки лучше носков, по уставу думать не положено, копать от забора до обеда и т. д. Однако, оказалось, что местным силовикам законы логики известны», — немного позже говорил я Владу, а сам вспомнил, как во время одной из чеченских командировок пьяный полковник порвал и выбросил моё удостоверение, а меня посадил в яму за то, что я ему «просто не понравился». Через два дня выйдя из запоя, подобрел: «Вали отсюда быстрее, пока я трезвый».

А что уж говорить про обоюдную жестокость к мирному населению во время обеих войн в Чечне.

Когда мы с Владом и ещё с двумя «героями» нашего репортажа попали в руки парней из «Хезболлы», наш «плен» продолжался всего-то полчаса — и бойцы с нами беседовали очень корректно, вежливо. Проверили, отпустили. И… извинились (!) передо мной, что не могут пригласить (!) в гости (!) — мол, их родной квартал на юге Бейрута весь в развалинах. А уж журналюгой, трупоедом — как обычно бывает: всех под одну гребёнку — меня там ни разу никто не назвал. Поверьте мне. Даже когда снимали молодого парня, у которого во время взрыва оторвало обе ноги. Ему было очень тяжело, но, думаю, он понимал, что я делаю свою работу и не отвечаю за редакционную политику и умственные способности сотрудников «The Sun», «Твой день», «Life.ru» и «Ты не поверишь!»

Вообще, сама та война была странной. Я такую войну не понимаю. Посудите сами. Если при израильской бомбёжке или обстреле погибали мирные граждане, официальный Тель-Авив приносил извинения на уровне руководства страны — согласен, убитых не вернуть, но признают, сволочи, свою ошибку. А депутаты в парламенте и журналисты считали естественным разбирать все просчёты и ошибки своих военных. Например, когда бойцы «Хезболла» подбили флагман ВМС Израиля ракетный корвет «АХИ Ханит» («Копьё») типа «Саар-5», в Кнессете и в СМИ, несмотря на идущие военные действия, началось обсуждение этой «болезненной оплеухи Израилю». И быстрое расследование пришло к выводу, что «Хезболла» наказало израильтян за их раздутую самоуверенность и разгильдяйство. Суперсовременный корабль, построенный с применением технологии пониженного радиообнаружения «стелс», был подбит запущенной с берега китайской ракетой С-802 Silkworm образца 80-90-ых годов прошлого века. Такой корвет мог сбить и не такую ракету, но военные даже не задействовали средства ПВО, считая, что у противника нет серьёзного оружия. В результате, погибли 4 моряка, само судно до конца войны было выведено из строя, и израильтянам ещё повезло — так как 165 килограммовая китайская боеголовка не взорвалась. Я с удивлением читал в Бейруте на сайтах израильских русско- и англоязычных газет, как в их обществе открыто обсуждался этот результат беспечности военных и, вообще, о претензиях СМИ, парламентариев и обычных налогоплательщиков израильским спецслужбам, не располагавшим информацией о реальном вооружении «Хезболла». И никто это не то что не запрещал, а даже не заикался про «военное положение» и цензуру.

Конечно, тут были кровь и смерть. Но война эта показалась мне самой, если можно так сказать, корректной из тех, которые я видел. Да, действия Тель-Авива были очень жестокими и циничными по отношению к гражданским жителям Ливана, а «Хезболла» хотя и блистательно доказала, что, выбрав правильную тактику, можно достойно воевать с любой армией, но также опустилась до уровня своего противника — обстреливая неуправляемыми ракетами населённые пункты севера Израиля. И всё же.

В Москве решили всё-таки использовать «не нашу войну» для внутренних целей. На четвёртый день командировки Пётр Орлов обратился ко мне с ценными указаниями:

— Ты молодец! Всё очень нравится. Как вы там себя чувствуете?

Я представил его себе — сидит в кресле, положив ноги на стол. И чешет бороду.

— Денег может не хватить, Петя.

Накануне ужинали с коллегами с телеканала «Россия», корреспондентом Михаилом Солодовниковым, оператором Евгением Лагранжем, звукооператором Виктором Казаковым, и выяснилось, что их бюджет в четыре раза больше, чем у нас. А работа была, мягко говоря, полегче — только прямые включения с лайф-позиции у Beirut Media Center в правительственной зоне столицы. Эту часть города израильтяне не бомбили по договоренности с ООН. Коллеги жили там же, недалеко — в одной из самых дорогих гостиниц Бейрута. Мы же жили в более или менее нормальном отеле Bella Riva, но в самых дешёвых номерах. Холодную воду давали несколько часов в день. Мебели почти не было — писать приходилось лежа на полу, иногда по четыре материала в день. Экономили на всём, хотя и разрывались на съёмках. Нет, парни свой бюджет заслужили — ведь зона боевых действий. Но у нас после того ужина настроение испортилось. Влад упёрся — гостиницу будем менять, я не сопротивлялся. Правда, так и не переехали.

— Блин, как же нам отправить деньги? Банковский перевод очень трудно будет сделать, — задумался Орлов, умирая от жары в своём кабинете в Москве, и выдал любимую фразу. — Надо подумать! Будем решать.

«А я предупреждал, Петя. Мы же на войну ехали».

— Но, я о другом хотел… Про эвакуацию наших россиян — будь точнее в формулировках. Внимательнее. Понимаешь? — Орлов на что-то намекал, я его знаю. Намекал, как он всегда считал, очень тонко. — Мы своих не бросаем.

— Что? Кого не бросаем? В каком смысле?

— Ну, бл. ть?! Как?! «Русские своих не бросают»! Вот!

— Ааа! Понятно. Петя, ты знаешь — как готовятся эвакуировать россиян? Списков пока нет, люди не знают — как поедут, кто поедет…

— Нет, нет. Ты пойми. Это очень важно для руководства.

— Руководства канала?

— И канала тоже. Но я имел в виду — для руководства более высокого. Готовится эвакуация *наших*, которая не будет иметь аналогов — самая масштабная со времён Великой Отечественной войны, — озвучил Орлов спущенную сверху формулировку-суждение и сделал заговорщическую паузу, а потом дополнил ЦУ:

— И наша страна не оставит своих граждан, эта эвакуация — то есть наша! — станет примером для других стран и так далее. Мы лучшие и так далее.

«Что-то я здесь такого не заметил. Может, я чего-то упустил? И посольству, наконец, дали зелёный свет на серьёзную операцию?»

— Петя, а что значит «*и так далее*»?

— Ну, что Россия думает и о гражданах СНГ, их тоже мы эвакуируем, а они благодарят русских. Надо показать, как наша эвакуация отличается от эвакуации «буржуев». Понимаешь? Поищи! Подумай! Обращай внимание на акценты, Эльхан! Мы должны думать о себе! Ты понимаешь важность момента?

Орлов сказал последнюю фразу очень торжественно. Думаю, произнося её, он посчитал нужным спустить ноги со стола.

«Нет, я не понимаю важность момента. Я понимаю только то, что вижу».

— Ты только, пожалуйста, мне чаще звони, дорогой Эльхан.

— Угу. Конечно.

Эвакуация россиян отличалась от эвакуации «буржуев». Очень. Не так, как *думал* Петя Орлов. Но я об этом не говорил. Я старался это показать в репортажах — особенно, посредством «картинки» — с *нашими* и с *ними*. Пусть сам зритель делает выводы.

С первого дня командировки сотрудники посольства в откровенных беседах жаловались, что Москва очень безответственно относится к судьбе россиян, находившихся в Ливане. Граждан России в этой горячей точке было более трёх тысяч. Ещё были русскоязычные подданные других государств, в основном СНГ — их тоже считали своими. Очень немного, если сравнить с несколькими десятками тысяч французов и американцев. Греков, немцев, англичан, канадцев, турок в Ливане тоже было немало. Основная часть русских — жёны местных шиитов, то есть наиболее пострадавшей в той войне общине

ливанцев. Так сложилось, что в своё время шииты были самой бедной частью населения, и в их среде всегда пользовались популярностью левые настроения. Потому и основная масса ливанских студентов, получивших образование в Советском Союзе, были шиитами. Многих из них почти бесплатное образование в Союзе вывело в люди. И России эта часть ливанцев очень симпатизировала.

Аэропорт Бейрута был уничтожен в первый же день войны, со стороны моря страна была заблокирована ВМС Израиля. Из Ливана самостоятельно можно было уехать лишь в Сирию — на север и восток. Но передвигаться по этим дорогам было опасно из-за постоянных бомбёжек.

Все иностранцы надеялись на власти своих государств. Первыми эвакуацию начали французы. С первых дней Париж заявил, что к берегам Ливана направляется фрегат ВМС, а также гражданский паром, которые должны были забрать французов и часть остальных европейцев. Турки тоже использовали и гражданские суда, и военные из своего средиземноморского флота. У греков были задействованы два суперпарома, силы ВМС, вертолеты, а часть порта оцепили войска спецназначения Греции — внешне, так себе спецназовцы — чем были очень недовольны местные власти, но официально молчали. Англичане рассчитывали на американцев, которые задействовали несколько военных кораблей, катера, вертолеты, надувные шлюпки. Говорили, неофициально, что и подлодка. Такая демонстрация военной мощи перед остальными странами и заботы о собственных гражданах — перед своими налогоплательщиками. Эвакуация морем была самой безопасной. Из европейцев лишь немцы завили, что только небольшую часть своих эвакуируют на автобусах — восточной дорогой до Дамаска, и украинцы.

А в российском посольстве работали, не жалея сил — разрывались между Москвой и людьми, беспокоившимися из-за бездеятельности, неповоротливости чиновников из центра. У здания посольства постоянно в неведении толпились люди. В российской столице о чём-то думали, официально — «проводится работа по составлению списков эвакуируемых».

Вообще, российские посольства — это особая вселенная. Чуждая и непонятная. Неторопливость, высокомерие и подозрительность. А как кадровые дипломаты одеваются…. Серые невзрачные костюмы, галстуки того же стиля. Где они берут такую обувь? Где такое ещё продают? Это мода с советских времён осталась — не выделяться. И безразличие, безразличие, безразличие. Белая кость, элита, блин. Читаешь у них во взгляде — «журналистов здесь не хватало». Ты им сейчас мешаешь, они

выполняют какую-то серьёзную работу, у них запланированы важные дела. Завтра? Завтра ты тоже им будешь мешать. «Откуда у вас мой мобильный? Звоните, на городские. Никто не подходит? Но уже четыре часа вечера! Да, мы занимаемся этими моряками (туристами, паломниками, погромами, взрывами, пострадавшими). Идёт согласование с Москвой. Ждите официального заявления». Наладились личные отношения или встретил адекватного человека — можешь рассчитывать на искреннее понимание. Но системы в их работе не существует.

Потому, лично я был очень удивлён сотрудниками российского посольства в Бейруте. Во время войны увидел там сочувствие к людям, желание им помочь. К нам очень тепло относились. Начиная с технического персонала. А обнаружившиеся в посольстве «альфовцы», увидев нас однажды перед посольством, предупредили:

— Парни, если будет наземная операция в Бейруте, перебирайтесь к нам. Мы здесь хорошо подготовились. Вообще, если мы чем-то сможем помочь — не стыдитесь дать нам знать.

А может, посольским было «за державу обидно». Один высокопоставленный сотрудник мне рассказал, что обращался за помощью к коллегам-грекам — дескать, «православные, возьмите часть наших людей на свои суда, у вас столько места». Те попросили обратиться официально. Но всё равно сразу не стали отвечать. Объявились через два дня — смогут взять около 30 человек на следующий на Кипр паром. Дипломат мне рассказывал со злостью: «Это ведь как подачка! Очень неприятно было. Но, стиснув зубы, пришлось их даже благодарить за эту милость. И снова умолять взять ещё какое-то число наших людей».

С финансами у посольских тоже было туго. Вся эта информация мне передавалась неофициально, «на камеру» дипломаты говорили только жизнеутверждающее. Особенно, просили про историю с греческим паромом умолчать, и я согласился — потому что мог подставить эвакуируемых, на отправку которых дали добро…

Наконец, стало окончательно известно — «*морская держава*» Россия решила эвакуировать своих граждан… на автобусах в Сирию. Потом, уже в Москве, знакомый подводник объяснил, что можно было к берегу Ливана направить всего один большой десантный корабль Черноморского флота, как самого близкого к ближневосточному региону. За один раз такое судно могло бы взять на борт несколько тысяч человек — ему даже специально оборудованный пирс не нужен для подобной операции. Если, конечно, смог бы доплыть до ливанских берегов…

У буржуев сама процедура эвакуации проходила очень чётко — всем заранее сообщали о дате, люди приезжали, становились в очередь, потом спокойно садились в автобусы или проходили на суда. Французы перешучивались, немцы, сидя на чемоданах, попивали местное пиво «Алмасы» — бутылки в бумажных пакетиках — и ели заранее припасённые сосиски и бутерброды. Бюргеры на пикнике. Шума и эмоций было меньше, чем в очереди на получение загранпаспорта в каком-нибудь московском УФМС в ЦАО. То есть без драйва. Скучно, одним словом. Только эвакуация американцев обещала стать эффектным шоу, но вечером. У украинцев было уже поинтереснее. Нас окружили несколько оставшихся семей с детьми — про эвакуацию они вообще не знали. «Мы с Ивано-Франковска, мы с Черкасской области». Высказали нам всё, что думают про своих дипломатов. В основном, ненормативное. Сотрудница посольства, куда мы прошли, встретила нас недипломатично жёстко — мол, посол и военный атташе уехали утром, а потом закричала, чтобы мы «убирались с украинской территории», так как всё «российское телевидение — главный враг Украины». Всё-таки, как много общего между двумя братскими странами.

На вторник 18 июля запланировано было начало эвакуации россиян. Накануне вечером встретились с Асадом Дейя, главой «Дома русской культуры» в Набатийе [1]. Утром он добрался до Бейрута со своей семьёй. Максимум трехчасовой путь на автомобиле преодолели за несколько дней, по дороге от бомбёжек прятались в брошенных домах. Вещей с собой не было — уезжали, в чём были. Но по нему, по его жене-москвичке Лилии Волченко и детям и не скажешь, что пережили столько трудностей — настроение у них было приподнятое, шутили, смеялись.

— Мне соседи сказали — у меня дом разрушен. Я так и думал… Мы ведь жили совсем рядом с границей. С крыши израильские пограничные посты было видно. У нас такой большой и красивый дом был, — живо описывал Асад.

— Что-то ты не выглядишь грустным, — удивился я ему.

— Семья-то цела, — в свою очередь Асад удивился мне. — Я смог вытащить семью. Скоро они будут в Москве.… А дом я ещё отстрою. Мы с женой молодые — успеем.

Всё же, позитив ливанцев мне очень нравится. Накануне этого разговора, сидим с Владом на ступеньках Beirut Media Center, молча курим одну за одной — только что еле унесли ноги из-под бомбёжки около разрушенного аэропорта, и вдруг ему звонит жена из Москвы — вся в слезах и пытает его: «У меня сейчас утюг сгорел. Что же мне делать?»

Одну ливано-русскую семью мы с Владом решили приютить у себя в гостинице. Али Саади и Таня Шинелина с маленьким сыном жили в южно-ливанском городке Майфадун. В Бейрут добирались в забитой беженцами машине. Идти им было некуда. Хотя у себя в городе Али был очень известным и состоятельным зубным врачом. Очень трогательная молодая пара. В начале Али радовался, что есть, где жить, и что жена с ребенком попали в списки эвакуируемых. А вечером за ужином постоянно ёрзал на стуле. А потом мне признался:

— Понимаешь, у меня там пациенты остались. Я одному ровно накануне начала войны поставил пломбу и сказал, чтобы приходил через неделю — надо доработать… Что он сейчас будет делать?

Мне стало смешно, но сдержался и попытался его утешить:

— Ну, война. Ничего не поделаешь. Сделаешь, когда это всё закончится — со скидкой.

— Нет, ты что? А если он сидит там и меня ждёт, ищет? Надо возвращаться. Вот только Таню с сыном отправлю… А здесь в Бейруте мне что делать? Страшно, правда, очень ехать…

Они ночевали в моём номере, а я перебрался к Владу. Узнав про это, директор гостиницы, ливанец, пришёл пожать нам руки.

Вообще, люди бывают разные. Без «добрых» людей мир тоже не обходится. В Ливане я был так рад, что в моём родном Баку НТВ не транслируется — родителям обещал, что больше в «горячие» точки ездить не буду. И вдруг однажды поздно вечером звонит мама:

— Мне здесь знакомые звонили, у кого есть спутниковые тарелки. Говорят, ты в Ливане на войне. Соседка сейчас заходила — смотрела тебя в Бейруте…

— Да нет, мама. Какой Бейрут. Я на Кипре, — у меня запланирована была командировка на Северный Кипр, и родители про это знали, но началась ливанская война. — Лежу в номере, очень жарко.

В этот момент началась очередная бомбёжка — израильтяне не желали спокойной ночи бейрутцам. Но я не беспокоился — мать плохо слышит.

— Не забывай есть там фрукты, дорогой…

Потом, через пару месяцев, когда был у родителей, мать опять вспомнила:

— Я им тоже всем говорю, что ты на Кипре. Какие странные люди — Ливан от Кипра отличить не могут. Как им географию в школе преподавали? Знаешь, сейчас в школах вообще ничему не учат.

— Нет, мама. Их в семье ничему не учат. Как можно пожилым

людям рассказывать такое про их сына? А я и в правду тогда на ливанской войне был.

Мать весь вечер меня ругала. А я вспомнил, как меня мой друг писатель и журналист Валех Рзаев учил: «Журналист не должен забывать, что его репортаж про обычных людей могут смотреть их родные и близкие. Есть самая простая проверка, что этично, а что нет — поставь себя и своих родных на их место». Но у меня это тоже не всегда получается.

Утром перед российским посольством сразу попали в родную среду. Эмоции, неразбериха. «Мы комментарии для тиви не даем. Окей?», с претензией сказал высокий загорелый парень в шлепанцах и с большой замотанной скотчем сумкой, откуда выглядывала длинная доска для сёрфинга. Тиви? Окей? Так разговаривают наши «белые воротнички», считающие, что они тоже из гламурной тусовки. Как ты-то сюда попал? Точно, человек зол, что не дали всласть покувыркаться в тёплых ливанских волнах. Могу поспорить, что работает в западной компании в Москве или в Питере. Точно, в Питере. Не знаю — как понял, но ставлю 200 долларов.

— Вы не из Петербурга, случаем?

— Да, из Питера. А что? — поразился сёрфингист и с подозрением посмотрел на свою доску.

Ещё одна. Пожилая женщина, дочка которой упала в обморок от эмоций и жары, толкнув меня в грудь: «Ах, вы журналюги, что же вы это тут снимаете. Вы лучше, сделайте так, чтобы мы отсюда уехали. Нас тут все забыли».

— Ну, ты что, коза, делаешь-то?

Это группа девушек — пьют пиво и легко себя ведут. Представились, как «девочки из Белоруссии», и засмеялись. Катя (имя изменено) ругалась сиплым голосом и горячилась — была очень недовольна уровнем дипломатических отношений между Бейрутом и Минском. Видимо, с непривычки путала официозную речь с просторечно-матерной:

— Лука сказал, что здесь, блять, нет белоруссцев. Нам из Минска родные звонят — сказал по телевизору. Говорит, на консульском учёте граждан Беларуси нет. И никто не обращался в дипломатические представительства, блять, на Ближнем Востоке. Нет там наших, говорит. Всё! Эвакуировать некого. Хотя здесь очень много девочек из Белоруссии. А тут — война. Ну, не мудак, а? А мы что — не люди, блять?

Девушкам обещали эвакуировать их со второй группой россиян на следующий день.

Списки были, но когда разрешили садиться в автобусы, люди бросились к ним, как за хлебом в начале 90-ых, с давкой и

криками. В первой группе могли уехать только 250 человек — и те, кто только вырвался с пылающего юга Ливана, кричали, что их надо увозить в первую очередь. Некоторые, кто был в списке первой группы, так и не попали в автобус. Еле-еле посольским удалось взять ситуацию под контроль. На погрузку ушло несколько часов. Кстати, отправляя вторую группу, учли все ошибки — людей запускали по спискам на территорию посольства и там сажали на транспорт.

Северная дорога в Сирию лежит вдоль моря и намного длиннее, чем восточная Бейрут-Дамаск. Но последняя тогда была очень опасна из-за бомбёжек. Чтобы израильские летчики не палили по транспорту с россиянами, прямо на территории посольства на крыши автобусов краской рисовали российский триколор.

А что в это время делала Москва — официальное руководство? У большинства российских политиков были летние отпуска. Путин отдыхал в Сочи после саммита «большой восьмёрки» в Санкт-Петербурге 15–17 июля. Да, 18 июля — перед самым отдыхом — была встреча президента с членами правительства в Кремле. Говорили и о способах эвакуации россиян из Ливана. Для телекамер. Пиарились.

Глава МИД Сергей Лавров был не похож на себя. Вначале заявил, что со всеми россиянами, которых планируется эвакуировать — а это полторы тысячи человек — «установлен контакт». Потом оговорился:

— Усугубляется положение тем, что часть наших граждан (ничего себе «часть» — ещё столько же — Э.М.) охватить этой операцией невозможно — поскольку они на юге Ливана проживают и оказались отрезанными от столицы Бейрута. Какой-либо надёжной связи и, тем более, сообщения транспортного найти пока не удалось.

— А через Израиль их нельзя… как бы… [вывезти]? — спросил чушь Владимир Владимирович.

— С израильской стороной мы в постоянном контакте. Они сообщили, что наиболее безопасным является наземный маршрут, — солгал Сергей Викторович.

Солгал профессионально. Однако тут же проговорился — непрофессионально:

— У нас есть предложения Франции и Греции — безвозмездно принять наших граждан на борт их судов…

Но поняв, что сам себе противоречит, глава МИД стал изворачиваться — дескать, что морской путь «менее надёжный».

После этого компания перешли к более приятным темам — воспоминаниям о прошедшем в Санкт-Петербурге саммите,

раздаче наград чиновникам, работавшим над его организацией, об «освоении финансирования» на восстановление Чечни, то есть банальном роспиле *и так далее*: шутили, иронизировали. У всех у них начинался отдых. Они заслужили.

Опять звонит Пётя Орлов. Поздоровался со мной недовольно. Понял, что он надолго и сказал, что если у него ничего срочного, то я занят — у меня была съёмка.

«Он-то чего боится? Мне же будут говорить».

Пожаловался на Орлова вечернему выпуску. Там успокоили:

— Да не обращай внимания на него. Он же хоть и дурило, но безобидный.

Коллеги «обсасывали» тему эвакуации ещё несколько дней. Однажды вечером, наконец, смог посмотреть по спутниковой тарелке эфир «России» и «Первого канала». Утром, увидев Олега Грознецкого с «Первого», с иронией ему:

— Ну, как — у вас в эфире всё ещё продолжается «*самая масштабная со времён Великой Отечественной войны эвакуация*»?

Коллега всё понял — он хотя и любит накалить страсти в своих материалах, *нагнать жути*, но парень хороший и очень неглупый.

— Олег, тема-то была новостью только два дня. Когда людей отсюда забирали. По крайней мере, если её делать в таком… ммм… жизнеутверждающем ключе. Ты сам-то не устал одно и тоже ваять?

— Мне руководство сказало, чтобы мы продолжали делать эту тему. Не все же до Москвы пока добрались. Кажется… А у тебя нет знакомых оставшихся здесь в Бейруте россиян?..

«Думаете, никто из коллег не понимал? Все всё понимали. Как же так можно — против своих же. «Русская баба ещё нарожает» — как для царя, как для первого секретаря, так и для президента не народ, а пушечное мясо, разменная карта. И я ещё рефлексировал! Что Салманов? Что Нахичеванский? Если к своим такое отношение? Если великий Андрей Платонов, чтобы выжить, работал дворником — под конец жизни, умирающий от туберкулёза. Если Цветаеву довели до того, что в голодном отчаянии согласна была мыть грязную посуду Литфонда. Кто я-то такой? О чём я думал? Кому эта лапша предназначена? Им, на Западе? Смешно. Тогда — своим? Зачем? Вам не народ нужен, а стадо? Это позор, хуже захвата советского посольства израильскими восками в Бейруте в 82-ом году».

Через восемь дней нашей работы заменить нас приехали корреспондент Евгений Сандро (Примаков) и оператор Антон Передельский, которым я передал все свои наработки, незаконченные темы. И в тот же день я узнал, что, наконец-то, до

Ливана добралась первая съёмочная группа ТВЦ. ТВ Цирк.

После Ливана надо было уезжать из России. Теперь вот жалею. Буржуи долго переманивали, деньги предлагали хорошие, командировки, правда, продолжительные обещали, но интересные. Так нет, остался. Ведь Кул (Кулистиков — Э.М.) звонил в тот же день, когда я вернулся в Москву: «Ты — мужик! Если что, заходи, поболтаем». А Антон Хреков перехватил в коридоре на восьмом этаже: «Такие материалы нам и надо делать в будущем»…. и даже цитировал часть текста одного из моих репортажей по памяти. Я был ошеломлён! Хреков? Да от него «спасибо» не дождёшься. Я же просто работал и не считал, что делал что-то героическое — мне в Ливане были интересны истории людей, их жизнь на фоне войны, а не военные сводки, кульбиты и интриги политиков. Даа. И я поверил. Знал бы прикуп, жил бы… в Лондоне. Лишь Пиво просто:

— Молодец. Спасибо. Но надо ещё поработать над собой.

«Это тебе, Лёха, спасибо! — подумал я тогда. — Это ты меня в прайм-тайм пустил и вообще выездным сделал».

И вдруг во время нашего разговора замечаю краем глаза — чьи-то ноги в чулках, что-то рыжее выбежало из-за угла перед комнатой вечернего выпуска, оттиснув Алексея, обняло меня и… и стало целовать. В щеку, потом — в другую.

— Татьяна Ростиславовна? Это Вы?

— Что же ты приехал и не заходишь, не звонишь???

— Да я… собственно, к Вам и шёл, — так и было, думал зайти под самый конец; оставил её на десерт.

— Ты — молодец!! Очень хорошо поработал! И Владимир Михайлович (Кулистиков — Э.М.) тобой очень доволен! Я в тебе не ошиблась!

Я покосился на Пиво, Пиво — на меня, и, усмехнувшись, он ушел в ньюсрум. Эх, Лёха, Лёха, Алексей.

Source URL: http://ostankino2013.com/livan-ne-imejushhaja-analogov-jevakuacija-nashih.html

Кипр. Командировка в рай

— Надо куда-нибудь отсюда валить, — сказал корреспондент НТВ Вадим Фефилов и опрокинул в себя не-помню-сбился-со-счёта-очередную добрую порцию виски.

— Валить? Куда-нибудь? — поморщился я, наблюдая за действием коллеги и представляя, а главное, чувствуя количество виски, текилы и пива в моём организме. — Хорошо здесь. Жарко, море. Отработали нормально. Скоро в Москву.

Турция. Анталья. Третий час ночи. Мы сидели вдвоём с Вадимом во внутреннем дворике очень уютного гестхауса Доган-отель. Был конец августа 2006 года.

Всё то лето эту страну сотрясали теракты, устроенные левацкими группировками из Курдской рабочей партии. А 28 августа взрыв произошёл в Анталье. Погибло четыре человека, раненые — несколько десятков. В том числе, двое россиян, жителей Подмосковья — Дмитрий Максимов и Ольга Перевезенцева. И на турецкий берег Средиземного моря сразу ломанулись журналисты из России, в основном, телевизионщики.

Конечно, это родной город. Анталья… *как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нём отозвалось!* Свой город. Многие, например, не знают, что есть такой город в стране — Кызыл, а про Анталью знают все. Но была и другая причина. Лето в России — «мёртвый» сезон для отечественного привластного ТВ. Главные ньюсмейкеры — «родная партия и правительство» и президент — отдыхают. Выручают новости из-за рубежа, особенно негативные. Обратите внимание — летом половину выпусков новостей занимает информация о катастрофах, авариях и других неприятных вещах за рубежом. Ну, чтобы народ в отсутствии старших не расслаблялся.

Уже на следующий день после теракта, рано утром я и оператор Тимур Воронов выходили из аэропорта Антальи. Я сделал два сюжета для утреннего и дневного эфира в качестве корреспондента. А материал для вечернего эфира делал прилетевший к нам днём того же дня Вадим Фефилов.

Местные власти журналистов встретили далеко негостеприимно. Да, в Турции очень развитое гражданское общество — реальное разделение властей, свобода слова, а любой важный для страны вопрос будет принят после широких жесточайших дискуссий в обществе. Но, когда им надо, турецкая демократия подчиняется самому важному явлению, механизму — турецкому прагматизму. А это лом, неминуемый каток. Не знаю нацию более прагматичную, даже цинично прагматичную, чем

анатолийские турки. Турецкая упорность и прямолинейность плюс — привитое немцами — логика и воля. Если им станет снова выгодна монархия, они, без метафизических рефлексий и колебаний, выберут себе султана. Примитивно? Возможно. Но государство-то, система-то работает. Без души? Согласен. Турецкий либерал не станет хаять свою страну, только потому, что «ну, так принято». Быть святее Папы Римского? Нет, это в соседнюю дверь, к родственникам. Теракты для них — да, угроза безопасности граждан, но главное — угроза кошельку каждого гражданина. Без стабильности невозможна их нынешняя главная национальная идея — не декларируемая, а действующая — культ труда, сменившая предыдущую — культ ятагана. У Турции нет крупных залежей полезных ископаемых, Бог подарил ей лишь уникальное географическое положение. А вот прыжок из отсталой и убого-провинциальной страны в клуб двадцати ведущих экономик мира — всего за три десятка лет — Турция совершила благодаря пассионарной энергии народного предпринимательства. По утраченной Османской империи, Высокой Порте, янычар не долго рефлексировал, он стал капиталистом. Этику воинов-янычар на дух капитализма. Да, лёгкие туристические деньги подпортили турок, но, конечно, ещё не так, как жителей Сочи и Абхазии. Человек работающий, человек зарабатывающий — это уважаемый здесь член общества. Его труд, его безопасность — святое для всей государственной машины. Да все их миллиардеры вышли из мелкого частного бизнеса. А тут мы, журналисты из России, решившие поиграть в BBC и CNN — как мы себе это представляем — во время Первой чеченской войны. И многим нашим коллегам из России люди в штатском пытались под видом проверки бесцеремонно помешать «включаться» или «перегонять» материал в Москву.

На улице в историческом районе Донерджилер уже спокойно гуляли туристы. О вчерашнем теракте здесь напоминала только активность рабочих, вставлявших стёкла окон и витрин. Трое полицейских за нами спокойно наблюдали. Но только мы включили камеру, свобода прессы закончилась. Я не видел это, но как-то понял — Тимур Воронов только сделал вид, что выключил камеру по приказу полицейских. Наш «диалог» был записан.

— Вы не будете снимать эту улицу без личного разрешения мэра города.

— Но мы только что приехали. У нас скоро эфир. Да и мэр отказывается давать разрешение.

— Я это знаю, — вежливо и злорадно сказал полицейский.

— Мы делаем свою работу. А вы нам мешаете!

— Вы можете снимать везде и что угодно. Но спросив

разрешения у нас. А мы ждём от вас разрешение мэра, — сказал страж порядка, с довольным видом наблюдая, как его коллеги остановили такси, из которого иностранный оператор на ходу пытался снять эту улицу. — Из-за вашей бестактности, за рубежом думают, что в Анталье началась война. Люди будут бояться ехать к нам!

— Может, мы договоримся, — подмигнул я этому менту.

— Чтоооо? — злым блеском в глазах ощетинился страж турецкого порядка, но быстро взял себя в руки и твёрдо сказал: — Ты, парень, не глупи! У нас это — пресс-туп-ле-ние! Удачной вам работы…

На соседней улице мы разговорились с пожилой парой из России — говорят, что в своём отдыхе изменений делать не будут, им не страшно, наоборот, стало интересно. Родные души.

Но все съёмочные группы российских телеканалов честно отработали свой хлеб — не зря же приезжали! — носились по городу, пугая расслабленных туристов. Даже наш таксист-курд — мне показалось, человек крайне индифферентный к окружающему миру — которому, конечно, были выгодны все эти наши многочисленные разъезды, удивился уровню *социальной ответственности российской журналистики*.

— Ты знаешь, мне всё равно, но… Какие-то вы странные. Ведь у многих, кто здесь, в Анталье, отдыхает, родственники в России. Они сейчас смотрят ваши сообщения и волнуются за них, мучаются… А у нас в Турции часто такое происходит: то теракты, то автоаварии.

Вечером того же дня мы с Вадимом расслабились.

— Да, Эльхан, интриги с этими терактами уже нет?

— Ну и хорошо. Если завтра ничего здесь не произойдёт, послезавтра вернёмся в Москву. И, наконец-то, свалю в отпуск, — замечтался я. — Два года жду.

Я уже давно клевал носом — не спал предыдущую ночь — но не мог оставить коллегу одного: напьётся. Продюсер и корреспондент должны — и в горести и в радости…

Вообще, Вадим отличался от многих корреспондентов на НТВ, с ним было интересно работать продюсером — получался совместный творческий труд. Вплоть до работы над текстом — с дискуссией, с матом, с компромиссами. Многие коллеги — это проблема всего российского телевидения — путают должность продюсера с должностью администратора и няньки. Да мне самому Арина Родионовна нужна!

Часто получается как с тренером сборной России по футболу: выиграли — значит, молодцы футболисты, а проиграли — виноват тренер. Так и в профессии: за успех хвалили и

корреспондента, и оператора, а если проблемы и неудачи — валили на продюсера. Хотя хорошая история в репортаже или документальном фильме — это почти всегда результат каторжного продюсерского труда. Я работал на НТВ и корреспондентом, и продюсером одновременно. Так вот, отношение к моей работе — со стороны начальства и остальных коллег — менялось в зависимости от моего статуса в тот или иной момент. Вот такой вот бардак и алогизм. Вообще, на российском телевидении, никакой системы — всё по воле русского авось и пофигизма. Потому, от многих командировок, когда мне предлагали ехать в качестве продюсера съёмочной группы, приходилось увиливать — из-за того или иного корреспондента, в зависимости от той или иной темы.

— А помнишь — ты мне сегодня рассказывал про Северный Кипр, — разбудил меня Вадим. — Это же здесь, рядом.

— Да не даст Москва нам туда поехать. У нас и денег-то с собой мало…

Наутро у меня состоялся интересный разговор с начальством.

— Неужели у вас там всё закончилось? — волновался Пётр Орлов. — Эльхан, у нас здесь информационный голод. Есть какие-то новости ещё, а? Придумай, ну.

— Может, мы отсюда на Северный Кипр махнём? Я спродюсирую.

Успокоившийся Орлов сказал, чтобы о деньгах мы не беспокоились.

Вы когда-нибудь мечтали о рае на Земле? Не библейский, дикий, рай как, например, в Гоа. Ну, чтобы не просто — море, солнце. В Крыму тоже есть море, солнце. А чтобы рай был с хорошими дорогами, с милыми расслабленными людьми, которые постоянно вам улыбаются. И сервис, безопасность такие, что начинаешь верить — мир создан для тебя и для бесконечного отдыха. Вдали от пустой суеты мегаполисов, но с банкоматом под боком. Видели такое?

А вот я видел. Это Кипр. Северный Кипр. Вечный рай. Место для услады души.

Командировка на Северный Кипр у меня давно была в планах. Не попал я туда из-за летней войны в Ливане в том году. А тут две мои темы пригодились.

Первая — забытый кипрский конфликт. Да, за рай тоже надо воевать. Владели Кипром финикийцы, ассирийцы, персы, Римская империя, Египет, Византия, крестоносцы, венецианцы. А потом целых три века остров принадлежал Османской империи, уступившей его в начале XX века англичанам. А эти, уйдя в 1960 году, после себя оставили левостороннее движение и

разожженный конфликт между греческим большинством и турецким меньшинством — подданные королевы этим славятся. Двум общинам удалось создать республику с пропорциональной системой управления, но в 74-м греко-киприотские националисты, поддерживаемые из Афин режимом «чёрных полковников», свергли правительство Кипра и попытались присоединить остров к Греции. Всё это сопровождалось этническими чистками. Началась война между Турцией и Грецией, в которой последняя проиграла. Турецкие войска заняли 40 процентов территории Кипра, на которых было создано независимое государство турок-киприотов. Почти все греки покинули северную часть острова — исключая жителей нескольких деревень на полуострове Карпаз (Карпасия) — а на южной не осталось ни одного турка.

В России мало знали про этот конфликт и про нынешнюю ситуацию там. Военных действий не было более тридцати лет, но напряженность между югом и севером оставалась. Политический процесс объединения острова провалился в 2004 года на референдуме: турки-киприоты поддержали план Генсека ООН Кофи Аннана об объединении, а греческая община его отвергла.

У большинства россиян Кипр ассоциируется с южной частью острова — до введения визового режима это был очень популярный курорт для соотечественников и главный русский оффшор. А вот про северную, турецкую часть информация в России была негативная: ассоциативный ряд — от турецких сексуальных маньяков до полувоенного государства с тренировочными базами террористов. Да и с греками большинство страны роднит общая вера и история.

Но, оказалось, на «враждебном Севере» проживало немало русских. И именно про них была моя вторая тема. В журналистике всегда интересно работать с темами, над которыми «висит» стереотипное, устоявшееся мнение. Помню, когда я рассказывал коллегам на НТВ «истории» про русских на Кипре, все удивлялись — мол, Север — это одна большая военная база, откуда там русские.

Работа в раю нас ждала адская — по пять-шесть съёмок в день за наше трёхдневное пребывание на острове, в разных концах этого государства. С первой темой было относительно просто. Пока плыли на пароме от турецкой Аланьи до кипрской Гирны, я договорился о съёмках со всеми героями. А чтобы получить согласие на интервью президента Северного Кипра понадобился всего один час и факс из Москвы. А вот с соотечественниками…

Полгода назад у меня началась электронная переписка с человеком, называвшим себя Андрей Багги (Андрей-Багги). На

письма он отвечал, но в каждом из них подозревал, что я из российской финансовой разведки. По телефону говорить он категорически отказывался.

Это был представитель русского бизнеса. Нет, не тот русский «бизнес», за который принимают олигархов и крупные полугосударственные, получиновничьи, полусемейные структуры. А малый и средний предприниматель, зашуганный и общипанный, не единожды обманутый, который не понимает, почему он не имеет право тоже зарабатывать! На плечах этих людей, кооператоров конца 80-х и челноков начала 90-х, прошедших полукриминальную эпоху, можно было бы строить экономическую мощь страны. «Частник», сделавший себя сам, а потому ценящий свой и чужой бизнес, труд, деньги — из них должен был получиться настоящий «средний класс». Лично я помню этих людей, этот типаж. Человек зарабатывающий, человек труда, позвоночник экономики — его окончательно сломал кризис 98-го. Государство не помогло, общество ненавидело. А потом, в начале 2000-х, его добили высокие цены на энергоресурсы, укрепившие федеральную, общероссийскую лень и самоуверенность, породившие крупные олигархические монополии и «средний класс» из «белых воротничков», этот робкий и пугливый офисный планктон, городской ширпотрёб, умеющий производить лишь бумажный и виртуальный труд и кидаться на потребительские кредиты. Период первоначального накопления капитала закончился провалом. Страна разбазарила ценный человеческий ресурс, прожгла пассионарную энергию будущих настоящих капиталистов. Вместо человека зарабатывающего символом среднего класса стал человек потребляющий.

У Багги на греческом Кипре был прибыльный консалтинговый бизнес — «анонимный коммуникационный сервис», так он называл своё дело. Я нашёл его электронную почту в комментариях под одной из статей о Северном Кипре — мол, после вступления в 2004 году греческого Кипра в Евросоюз, оффшорным раем теперь станет Северный Кипр. Вот избранные места из его ответов в нашей с ним переписке:

«…У нашей фирмы было 700 оффшорных компаний на юге Кипра, которых чиновники, у.бки-греки сдали нашей российской налоговой полиции[80] (я сам два дня изучал ПОЛНЫЙ РЕЕСТР российских оффшорок в ЦБ Кипра перед его передачей в Россию). У греков-киприотов не хватило ума и совести хотя бы извиниться перед российским и эсэнгэшным бизнес-сообществом за эту подставу. И это несмотря на то, что столько лет наши деньги подпитывали экономику греческий части Кипра.

Но за все надо платить: на юге Кипра стремительно растут цены, ушли оффшоры и почти все российские туристы, а Северный Кипр — самая ближняя, безвизовая, и самая закрытая от наших налоговых шакалов территория, которая останется такой даже после вступления Турции в ЕС, ведь формально он независим. У всех наших клиентов на Северном Кипре есть даже прямые московские номера без поминутной тарификации и интернет-каналы с криптозащитой (не американской и не барахлом сертифицированным бывшим ФАПСИ). Так что бояться не надо, тем более что на родине при нынешнем госте из Ленинграда и его будущем преемнике ничего не светит…»

«*Уважаемый Эльхан! Два Ваших последних письма пришли в транскодировке, т. к. на вашем сервере стоит СОРМ-2*[81]*, почта просматривается и после отправляется адресату, но транскодирование при этом почти неизбежно и это основной признак вскрытия Вашей почты».*

«…Не знаю, не знаю. После подобных репортажей туркам приходится каждый раз гнать с Севера (Северного Кипра — Э.М.) *соглядатаев из российской финансовой разведки*[82]*, которые под видом клиентов или же в составе съёмочных телевизионных групп, пытаются собирать информацию об оффшорных компаниях россиян, их собственности, счетах, о происхождении этих денег.*

…Очень хорошо, что у Вас есть герой, который готов засветиться и дать интервью. Им потом займётся финансовая разведка, которая мониторит подобные материалы — одним ослом меньше, но таких не жалко. Если кому-то из наших соотечественников здесь, на Северном Кипре, отшибло память, и они забыли — в какой стране они живут — имею в виду Россию — не проблема, мы им напомним, люди просто расслабились. После дела ЮКОСа у нас всё всерьёз, так как государство показало, что для него не существует законов или правил».

Когда я только планировал поездку, хотелось одним эпизодом в теме «Русские на Северном Кипре» снять и рассказать про это важное явление в жизни оффшорного бизнеса на острове с российскими «корнями». Цель — не создать имидж (положительный или отрицательный) какой-то части Кипра, а просто рассказать о том явлении, которое имеет место. Правда, как оффшоры могут работать вне непризнанного Кипра (а оффшор только для этого и нужен) — мне этот человек, называвший себя Андрей Багги, отказался объяснять. Если только в Турции?! Багги отказался сниматься и, как я потом догадался, препятствовал нашей работе в этом направлении, «чтобы не дразнить отечественных рабочих и крестьян». Тогда я был зол на него, а теперь понимаю. Ну, не верит бизнес власти в Москве и

боится её! Что тут поделаешь? Дубина (как обозвал Путин репрессивные органы во главе с Генпрокуратурой) над головой у бизнеса — это нормально, это везде есть. Но с кнутом надо давать и пряник: не только пугать, но и привлекать, стимулировать. А когда у власти в руках только дубина, и она ею вертит как хочет, иногда даже противореча Закону всемирного тяготения, а над самой властью нет ничего — от неё бегут. Учитывая все предыдущие грехи Родины, это должен быть даже не пряник, а уже целый торт.

Все состоятельные россияне, с которыми мы общались за наше короткое пребывание на Кипре, не доверяли нам — кто-то больше, кто-то меньше. Будь у меня сейчас большие деньги, тоже не верил бы коллегам-телевизионщикам из России.

В порту Гирны, основанного ещё финикийцами городка, нас встречал Александр Толстов. С ним я тоже познакомился по электронной переписке. Сам по себе это был очень интересный герой. Он сибиряк, в Новосибирске у него остался маленький бизнес. Но жить там он больше не хотел: широту сибирскую сменил на удобный мирок турецкого Кипра. Более того — хотел здесь натурализоваться.

Ещё в мае, во время нашего первого разговора, Александр мне сразу прямолинейно признался — мол, ты, вполне вероятно, агент российских фискальных органов, но он не боится — грехов за собой не имеет.

Только загрузились к нему в машину, поехали — и Фефилов приступил к «допросу».

— Эльхан, рассказывал, что Вы хотите получить местное гражданство? Это что — правда?

— Очень хочу, — вызывающе предупредил нас новый знакомый.

— Зачем? Мы понять не можем.

— А мне здесь нравится. Что нужно человеку? Безопасность. Комфорт. У меня здесь дети учатся. Потому что образование хорошее и стоит недорого. Если бы не приходилось наезжать на родину отчеты сдавать, да работничков гонять, чтобы не засыпали на ходу — так и жил бы себе тут безвылазно. Здесь всё есть. Смотрите — местный полицейский, — кивнул Саша на стоящего у выхода из порта стража порядка. — Он общественный порядок охраняет. С обычными гражданами он вежлив, приветлив. Я ходил с женой в полицейский участок, когда оформлял продление визы. Они нам кофе по-турецки сделали, представляете? Чтобы не скучно нам было ждать. За превышение скорости останавливали меня — не штрафуют, а предупреждают, просят! понимаете? просят! чтобы я не нарушал. А в конце ещё и

«Берегите себя, пожалуйста!» скажут.

У меня здесь машину стукнули. Я из окна дома видел. Пока шёл к месту аварии — приехала трафик-полиция, три лба под два метра, вежливые, предупредительные. Через 15 минут — хозяин страховой фирмы. Через полчаса я уже знал, когда забирать готовую машину: никакие протоколы не писали, трафик-полиция меня успокоила, поручилась за сервис. Через два дня машина была у меня — даже лучше, чем раньше стала: крыло, бампер, отрихтовали, покрасили. Мою машину в России били — так я через ад прошёл! Сами знаете.

Саша говорил косноязычно, но основная мысль его была понятна.

— Здесь преступность только очень мелкая. Смотри — как они водят. Думаешь, вчера права получили. Я раньше ездил, ну, как привык в России: обгонял, подрезал, резко тормозил, перестраивался из ряда в ряд. Так они пугались, теряли управление, сразу уступали, думали, что-то с человеком случилось. Показать?

— Не надо! — даже как-то грубо отвернулся к окну Вадим.

— А гражданство тебе зачем? Страну-то никто кроме Турции в мире не признаёт… — вмешался оператор Тимур Воронов, известный на НТВ главный государственник.

Саша оказался его «коллегой».

— Ну и что?! Ну и что, что не признанный, — загорячился Саша. — Для *нас*, здесь живущих, главное — сохранить статус-кво и постепенно добиваться мирового признания! Объединение кроме вреда ничего не принесёт! А без гражданства местного мне трудно работать. Тут всё для своих.

Тимур вызов принял. Хотя профессионал в своем деле, но характер имеет недипломатичный. Он на половину русский, а на другую — крымский татарин. И кровь горячая доминирует.

— Дааaa, у любого крыша поедет под турецкой оккупацией, — не выбирая выражения, рубанул он.

— Неправда, неправда! Не было оккупации, — заволновался Саша. — Не оккупация это вовсе. А спасение турецкими войсками своих соплеменников. Вот!

Я попытался успокоить обоих. Всё-таки человек приехал, встретил нас, хоть как-то, но помог. Саша, возможно, высказывал нам всё, что у него накопилось на сердце. Стал рассказывать ему о наших темах, обсуждать детали съёмок. Об особенности подачи информации в репортаже и его содержания — о пресловутом «формате». И снова вспыхнуло — о наболевшем.

— Я не смотрю наши каналы. А зачем это мне? — вызывающе и с обидой поглядывал он в зеркало на сидевшего сзади нашего

оператора. — Все новости из интернета узнаю, объективные. Хотел бы — настроил бы «тарелку».

Я тогда подумал — не знаю, считайте меня параноиком — что у человека очень символичная для мира русской философии фамилия — Толстов. Последователи Льва Николаевича в начале XX века — толстовцы — настаивали на первичности нравственного и духовного развития российского социума, принижая, а, в основном, жёстко отвергая значимость материальных благ.

— Здесь на Севере, — бормотал под нос успокоившийся сибиряк. — Никто никому жизнь не усложняет. Здесь всё просто, чисто, аккуратно, удобно. Настолько удобно, насколько можно! А у вас… у нас?.. От абсурда и нелогичности можно с ума сойти.

Оставшуюся дорогу до Фамагусты мы ехали, не проронив ни слова.

Турки-киприоты называют этот город Газимагуза, или Магуза. До войны 74-го года это был известный во всём мире фешенебельный курорт. Здесь отдыхали мировые кинозвёзды, миллионеры Старого и Нового Света, шейхи из Персидского залива. А теперь тут, в когда-то шумной туристической части города, время остановилось: потрясающие своим шиком и роскошью гостиницы, магазины, рестораны стоят пустые. Это город-призрак, запретная зона, куда турецкие военные никого не пускают, чтобы не допустить мародёрства. Но кто туда проникал, говорят, что даже ювелирные магазины не разграблены — через разбитые витрины, распахнутые двери видны покрытые многолетней пылью дорогие золотые украшения.

Жизнь в Фамагусте сосредоточена лишь в турецкой части — в Старом городе. Наш отель Palm Beach стоял прямо у этой запретной зоны, и мы видели из окон, с гостиничного пляжа этот покинутый туристический рай, где когда-то жизнь била ключом, красивые люди, некрасивые люди веселились, любили, ненавидели, обманывали, верили, страдали, видели счастье, мечтали. Завораживающее зрелище, глаз не отвести. Смотришь и понимаешь — всё, что создано человеком, преходяще. Рано или поздно.

Город известен в мире и своим средневековым замком, который в XV веке был перестроен по проекту Леонардо Да Винчи. Ну и, конечно, Башня Отелло. В начале XVI века наместником Кипра и командующим венецианским гарнизоном острова был некий Христофор Моро по прозвищу «Мавр». С него великий Шекспир списал героя своей трагедии.

В Газимагузе у нас были запланированы первые съёмки. В том числе история грека-киприота Тони Ангастиниотис (Tony

Angastiniotis) когда-то популярного на Юге кинорежиссёра. Однажды он приехал на Север «посмотреть, как живут ненавистные турки-киприоты». Но остался здесь, стал «изучать их правду», поменял свои взгляды и снял фильм про конфликт «Голос крови» (The voice of blood) — как во время конфликта греческие националисты вырезали турецкое мирное население. Греки объявили Тони предателем, даже многие его родственники: «Я попросил сестру посмотреть мой фильм. А она сказала, что не будет смотреть фильм, который сделала собака… Но после просмотра она плакала, и теперь для сестры я уже не собака, она поняла их боль». Теперь хочет остаться жить на Севере и назвать дочку турецким именем Джаным (правда, в конце концов назвал библейско-еврейским Рахиль). А ещё в деревушке Йени Богазичи-Агиос Сергиос (*Yeni Bogazici* /Agios Sergios) отсняли забавную греко-турецкую семью — это почти единственный случай. Филиппос и Туркай Хаджифилиппо (Philippos & Turkay Hadji-Filippou) выходцы с Кипра, живут в Лондоне. Когда только встретились, начали спорить о конфликте, обругали друг друга, а сейчас это весёлая дружная семья. «Здесь, на Кипре, смешанные браки — это большая проблема. И на Юге, и на Севере почти все против этого. Может быть, наш пример хоть немного приблизит мир», — смеясь, рассказывал отец семейства. Лондонцы отдыхают то на Юге, у мужа, то на Севере, у жены. И у детей имена межнациональные: сын Михалис-Ариф, а дочка Тулиана (от турецкого имени Тулай и греческого Анастасис).

Ну и другие съёмки успели провести. Познакомились с замечательным человеком Яной Бойко. Она училась в аспирантуре Восточного Средиземноморского университета и подрабатывала в местном журнале NC Property. Очень помогла нам в сборе информации, с контактами.

Поздно вечером решили отметить знакомство с Сашей и Яной. Вернулись в отель, чтобы оставить оборудование. Ко мне в номер зашёл Вадим, хмурый.

— Ты что? Истории не понравились?

— Нет. Истории отличные.

— Номер не понравился?

— Мне этот Саша очень не понравился, — поморщился Вадим.

— Почему? Не понял, — схитрил я.

— Да пошёл он в жопу! — Вадим стал обиженно протирать очки. — Ну что попробуем расхваленную зиванию[83]?

— Давай. Может, тебе станет лучше… Посидишь рядом с Сашей? — злорадно потревожил я кошек у него на душе.

Официанты заставляли наш стол ароматными, дурманящими

— запахом и видом — блюдами, а Яна рассказала нам историю Святого Мамаса. Этот отшельник жил при римлянах — разводил скот, выращивал виноград, но от уплаты налогов злостно уклонялся. По легенде, рассерженный наместник однажды послал за ним солдат. Древнекипрского Ходорковского поволокли в местное СИЗО. Но по дороге на «этап» напал сбежавший из цирка и охотившийся на ягнёнка громадный лев. Конвой разбежался, а Мамас одной рукой схватил ягнёнка, а другой повалил льва, оседлал его и верхом на хищнике предстал пред очи наместника. Изумленный — ну, и, видимо, напуганный — чиновник-римлянин освободил храбреца от уплаты всех налогов, прошлых и будущих. И с тех пор Святой Мамас — покровитель неплательщиков налогов и оффшорных компаний.

— Те бизнесмены из России, кто знает легенду, обязательно едут поклониться церкви Святого Мамаса в городке Гюзельюрт, — под наш смех добавила Яна.

Пока мы уплетали нежнейшую баранину, которая, видимо, ещё недавно прыгала и блеяла на травке, Яна стала теребить нам душу.

— Хорошо, что здесь мало туристов, тем более из России.

«И она туда же!»

Вадим отвернулся и уставился в сторону. Он и так почти весь вечер не пил — что уже было удивительно — молчал, мрачно разглядывал Сашу и вздыхал. Но если последний ещё мог претендовать на «звание» истеричного и неадекватного человека, но Яна-то выглядела девушкой жизнерадостной и проницательной.

— Это почему же? — спросил я.

— Туристы испортят Север. Как произошло с греческой частью — там уже никакого сервиса, народ обленился. А цены там какие! А здесь над каждым, кто приехал на отдых, трясутся. Пока.

Был уже третий час ночи. Наш ресторанчик стоял у берега моря, и пока мы беседовали и ели, я наблюдал, как трое детей весело играли на песке. Взрослых рядом не было.

— Наши всё равно ещё долго сюда не повалят, — успокоил Саша. — Здесь своеобразный отдых. Пьянки-гулянки, жизнь фонтаном — это на Юге. Здесь нет индустрии кабацких развлечений. Здесь семейный отдых, спокойный — пить потихоньку, обжираться расслабленно и не торопясь.

Всё, что я в тот день увидел, поверьте, даже для меня (я-то давно читал отзывы побывавших на Севере) было культурным шоком. После Москвы, где от человека требуется постоянное — во имя чего-то — напряжение всех сил, в местную окружающую

действительность не верилось. Засидится человек на одном месте и начинает полагать, что мир, где он живёт, естественен, разумен. А тут — дети! гуляют! одни! ночью!

— Это же Кипр! Со временем он становится родным, — добила Яна.

Да, я это сразу почувствовал. Как приехали.

Словно вернулся в хорошо знакомое место. Воздух здесь, что ли, такой? То переполняет энергия — не созидательная — и хочется дурачиться, глупо и беззаботно улыбаться, ходить босиком, шалить, как будто тебе всего восемь лет. То сидеть где-нибудь в маленькой кафешке, пить кофе или лёгкое местное бренди и лениво разглядывать прохожих, и удивляться — как каждая мышца, самая ничтожная косточка в твоём теле тихо напевает жаркую, сладкозвучную песенку-истому.

Когда в тот вечер все разошлись, я пошёл на берег… И сошёл с ума. Лежал до утра на белом песочке и думал, что я летняя средиземноморская волночка.

А не какой-то продюсер телекомпании НТВ.

За неполные три дня мы поставили на уши эту половину острова. Тема про конфликт получалась неплохая: истории яркие, «человеческие», как мы говорим. Успели сделать интервью с президентом Северного Кипра Мехмет Али Талатом, а после этого нагло проникли в нейтральную между двумя секторами территорию — Зелёную зону — где не то что снимать, даже находиться запрещено. Это была наша маленькая, но молниеносная спецоперация. Даже турецкие солдаты охранявшие Зону со стороны Севера опешили от нашей наглости и не успели нам помешать.

Нам повезло снять паломников-греков, именно в те дни приехавших с Юга в храм Святого Мамаса в Гюзельюрте. С недавних пор власти двух кипрских государств согласились на взаимные поездки своих граждан. Очень тяжело было наблюдать, как верующие целовали иконы, подолгу стояли перед ними на коленях и плакали.

Ещё встретились с местным диссидентом Шенером Левентом. Он турок-киприот, в молодости учился в Советском союзе — на журфаке МГУ — и хорошо говорил по-русски. Шенер был радикально настроен на объединение двух государств в федерацию и вывод с острова войск Турции, которые он называл оккупационными, а власти Северного Кипра — тоталитарным режимом. Он издавал оппозиционную газету «Европа», но после обыска в редакции переименовал её в «Африку» — мол, страна живёт по законам джунглей.

Среди русской общины Северного Кипра ходили слухи —

сюда активно вкладывает деньги миллиардер Роман Абрамович. На его деньги, например, строится элитный коттеджный посёлок Chelsey village[84] недалеко от Гирны. Хотя на первый взгляд ничего суперэлитного. Да, комфортабельные качественные коттеджи. Но сам посёлок находился в горах, от моря несколько километров.

— Мы не на россиян рассчитываем. Наши клиенты — пенсионеры-англичане, — рассказал нам во время экскурсии по стройке генеральный директор девелоперской компании (YIGOR PROPERTY) Рустам Сулейманов. — А они люди спокойные, любят отдых в горах. Видите, какой вид на море потрясающий отсюда открывается?! Для англичан самое то! Среди них популярно — удобное, качественное жилье, а не пустой, смешной шик.

Удовольствие за 35–80 тысяч евро. Площадь — от 90 кв. метров.

— Эльхан, это «фишка». Это надо обязательно обыграть в репортаже, — бубнил поражённый Фефилов. — Представляешь, коттедж по цене однокомнатной квартиры в Митино.

— Не-а, Вадим, «однушка» в Митино дороже. Намного. Я-то знаю.

— Митино — это где? — не понял «человек Абрамовича» (так его нам рекомендовали).

— Это один из «убитых», депрессивных районов Москвы. Спальный район.

Рустам расхохотался и объяснил, что сам он родом из Казани.

Да, это очень смешно! — два коттеджа на Кипре за однокомнатную «панель» — но мы не смеялись.

Камера была включена, и Вадим в лоб задал главный вопрос:

— Chelsey village принадлежит Роману Абрамовичу?

— Ну, я не хотел бы отвечать на этот вопрос, — заулыбался Рустам. — Разве, это так важно?

— Но, всё-таки, Абрамович имеет отношение к этому бизнесу? — «вцепился» вмёртвую Вадим.

Тот снова расхохотался.

— Ну, имеет, имеет отношение.

Оказалось, весёлый человек этот «человек Абрамовича».

Однажды услышал разговор Саши с Вадимом. С чего это они стали обсуждать такую тему, не знаю — может, сибиряк в очередной раз расхваливал местные порядки.

…неет, думаю, пойду — заявление напишу, — рассказывал Саша сидящему на переднем пассажирском сидении Вадиму. — Ну, разозлился тогда. А полиция чуть ли не спецоперацию всем отделом начала. Искали долго — в тот момент в интернет-кафе людей много было. Нашли. Англичашка, подросток,

представляешь? Сын отвлёкся, а этот и стырил. Так полицейские его, несовершеннолетнего, на всю ночь посадили в камеру. Родителям его выписали штраф. И предупредили: «Ещё раз оступитесь — всю семью депортируем с острова».

Саша помолчал.

— Я в какой-то момент даже пожалел, что поднял эту историю. Говорю полицейским: мол, не надо, я зол был вначале. Да и мобильник-то дешёвый — за сотню баксов. А у этих англичан и своя вилла, и машина на Кипре. А вы их — депортировать. Да, при депортации имущество останется за ними, но пользоваться им они уже не смогут. Это же, говорю, неравноценно — такие потери для бюджета вашего государства!

А полицейские мне, на полном серьёзе: «Те, кто привозит сюда свои деньги, налоги платит — должны быть уверены в своей безопасности. Иначе, мы ещё больше потеряем». Понимаешь их идеологию? Моя полиция меня бережёт.

— Да, это показательная история, — проскрипел Вадим. — У моего сына недавно украли мобильник в Москве. Так нас менты послали на три буквы. Сказали: «Будем мы ещё вам мобильник искать! Конечно!»

— Ну, нет. Здесь воровство телефона — это ну, очень серьёзное преступление, за неимением других. Надо же криминальной полиции чем-то заниматься…

Вообще-то Саша нам очень помог. Возил нас бесплатно, много о чём интересном рассказал. Но и Вадим был прав: «Дёрганный он какой-то, мутный».

Сибиряк постоянно ждал от нас подвоха. Провокации, что ли. Но и его понять можно… Всех *их* понять можно: живут люди себе в тиши — «в деревне», как говорили о Северном Кипре местные русские — а тут лихой ветер с Родины заносит в их мирок съёмочную группу НТВ. Страшно им! Вот и получалось — Саша нам и помогал, и мешал.

Не замечали — куда делось большинство успешных людей, которые сделали капитал в благодатные годы — конец 80-х и начало 90-х. Кого убили, кто сломался — спился или пропился, кто пристроился кое-как в современной России. Но и за рубежом много этих героев «Эпохи кооперативов». Уехали — или убежали, скрылись — живут своей жизнью.

И на Кипре они есть. Про одного такого бывшего кооператора мы знали: живёт — не тужит. Интересно было снять историю такого человека. Спросили у Саши. Насторожился — да, мол, знаком с Денисом, но сниматься он не будет — категорически!

Саша потом долго не мог понять — стал какой-то подавленный — как я нашёл этого «Дениса». Зовут его Сергей

Хромов. Выслушал нашу просьбу по телефону и сразу согласился — и виллу показать, и на своей яхте прокатиться, и за жизнь поговорить.

Телевизионщики иногда называют это «интригой». Яркая, в эмоциональном и ассоциативном отношении, история. Кого мы ожидали увидеть? Типичного кооператора, такого, какой «прописан» в наших ассоциациях (багаже образов, в образном мышлении). Нагловато-самоуверенный, сильный — в первую очередь, физически — человек. Эдакий громила, лихо зарабатывающий и лихо тратящий большие деньги. С «барсеткой» и в дорогих спортивных штанах. И, конечно, «златая цепь на дубе том» должна быть в наличии.

Все же стереотипное мышление — главная опасность для всех журналистов. Особенно телевизионщиков. Ведь массовая информация — для всех. Визуальные и вербальные средства — доступные, понятные «обычному зрителю», интеллектуальному «середнячку». Есть даже такие выражения-инструкции «Не грузить зрителя», «Не копать глубоко» — то есть не давать «тяжёлой», серьёзной информации. Да, это общемировое явление. Но на современном российском телевидении под «обычным зрителем» предполагают даже не «середнячка», а малообразованного и некультурного человека — этого любимого зрителя «Кремль ТВ». А аудитория влияет как на содержание предлагаемого ей продукта, так и — в случае журналистики — на авторов этого продукта. Аргумент от коллеги: «Это малоинтересно для российского (американского, узбекского) зрителя» говорит о поверхностности, лени и нелюбознательности. Вместо «понятная и общедоступная информация» получается шаблонное мышление автора.

Ну, и важнейший теле-аргумент — «картинка». В печатном тексте можно написать, что «здесь на каждом углу патрули и колючая проволока». А как это сказать в эфире, когда по видеоряду довольные и томные счастливчики. Если такие ожидания не оправдались, телевизионщики разочаровываются, опускают руки — мол, «истории», «интриги» нет. Не понимая, что опровергнутый жизнью стереотип — это ещё какая «интрига»!

Сергею Хромову тогда было около 50 лет. Подтянутый, уверенный, вежливо улыбается, но твёрдый характер чувствуется. Никакой стрельбы, шампанского рекой и длинноногих визгов во время прогулки на яхте мы не дождались. Герой нашего эпизода стоял на корме вместе с женой Фаей. Они тихо разговаривали, смотрели на набережную, здоровались с пассажирами других яхт. Такая тихая семейная морская прогулка в бухте Гирны. Просто отдых. Лето, любимая женщина, Кипрское море, забавные ребята

с НТВ.

Наша попытка разбудить эмоции и добыть для Родины необходимую «картинку» и «лайф» проверенным путём провалилась. На предложение Вадима Сергей согласился, но нам разлил по полной, а себе — на донышке.

— Нет, — улыбался он нашим исканиям. — Я теперь другой… Думаю, вообще — продать яхту. А то лишние расходы. Чтобы покататься на яхте, необязательно иметь её в собственности. Можно арендовать.

Тимур что-то весело зашептал Вадиму — я расслышал только «Химкинское водохранилище». Да, я тоже видел там яхты, уродливо и комично выделяющиеся среди пейзажа двух депрессивных спальных районов Москвы.

Поехали на их виллу. Сергей показал нам небольшую коллекцию дорогих автомобилей и мотоциклов. Хорошая жена, хорошее имущество — движимое и недвижимое — что ещё нужно, чтобы встретить старость.

— Сюда, на Северный Кипр, попали случайно. Мы с Фаей ездили по разным странам, где-то жили по два года, где-то год. А сюда приехали — влюбились в эти места. Привезли детей, обосновались. Нам здесь хорошо.

Когда мы отсняли всю «картинку» и интервью, Фая нас накормила вкуснейшим ужином. Мы сидели на веранде, спокойно беседовали, и тут началась интересная дискуссия.

— А как же Родина? — начал я.

Сергей с Фаей странно переглянулись.

— А что Родина?

— В Россию не хочется? Навсегда вернуться. Снова там жить?

— Ужас, как не хочу в Россию, — поёжился Сергей, даже вздрогнул, видимо, вдруг всплывшим в его голове ассоциациям.

— ????

— А зачем? Зачем я ей нужен? Зачем она мне нужна? Одни тюрьмы, взятки… И рэкет.

— Какой ещё рэкет? — не понял я. — Всё уже изменилось. Этого давно уже нет.

— Да? — засмеялся Сергей. — Ничего не изменилось. Всё также.

— Какой ещё рэкет? Их уже не осталось. Вы, вообще, когда в последний раз были в России?

— В 98-м, в августе. И прямо в аэропорту у меня стырили кошелёк. А потом ещё и… Да ладно. Не хочу вспоминать! И сейчас всё также там.

Мы молчали и слушали человека.

— Россия, Россия, — Сергей смотрел в сторону и словно

размышлял вслух. — Сказали бы мне в молодости, что буду так думать — дал бы в морду. А что мне там делать?.. Одни бандиты хорошо живут. Государство — для них, а не для простых людей. Россия — это место, куда не хочется ехать!

И снова посмотрел на нас.

— А здесь я — иностранец, но меня уважают и как бизнесмена, и как просто человека. Здесь я не быдло. Да и люди здесь не злые, не завистливые.

— Ну, вот у вас и дети уже не так хорошо на родном языке разговаривают.

— Нашим детям нужно хорошее образование, чистый воздух, — вмешалась Фая. — И всё это здесь есть. Я за их безопасность не беспокоюсь, если они в такое время пойдут гулять. А язык нужен будет — выучат.

— Ты молодой ещё, всё поймёшь, — сказал Сергей персонально мне. — Малейший кризис — и 90-ые вернутся обратно.

А прав был мужик про Родину. «Ничего не изменилось». Мы говорили с ним о разных вещах. Мы о форме, а он — о содержании.

Закон это право выбора. Ведь об этом в начале 2000-х не говорили — открыто не говорили — но предполагалось: права и свободы в обмен на защиту и безопасность. И где это всё? И свобода, и права, и безопасность.

Умный мужик.

Я же не спорил — хотел понять. Не спорил.

Завтра утром уезжать. Мы стояли с Вадимом одни перед гостиницей. Тёплый вечерний ветерок приносил запах моря. Этот чудный запах. Кто отсюда убежит в Россию?

Я прикрыл глаза, расслабился и всеми пятью — или шестью! — чувствами воспринимал это райское наслаждение — прямо как телевизионная «тарелка».

— Не понравился он мне, — не мог успокоиться Вадим.

— Кто? Сергей Хромов?

— Угу. Нет в нём этой русской удали, размашистость. Фантастической. ээ… как же это?

— Иррациональности?

— Во-во. Русской иррациональности.

— То есть стал таким меркантильным, прагматичным, да? Как турки или европейцы?

— Вот именно!

«Ну, Вадим. Здесь надо выбирать. Либо комфорт, либо духовность с грязными сортирами. Можно говорить о высоком и в то же время не спускать воду в бачке. О душе думать надо, это —

главное. Но после чистых и комфортных туалетов. Разум после материи».

Эта высказанная вслух мысль обидела Вадима и он мне тут же отомстил. Почему-то напомнил историю, связанную с моей Родиной: про 45-секундный рекламный туристический ролик, подготовленный в 2006 году по заказу Министерства культуры и туризма Азербайджана нашими коллегами с НТВ — в основном, Сергеем Шановичем, в то время руководителем компании «НТВ-дизайн» и арт-директором телеканала, а также Максимом Соколовым, тогда ещё корреспондентом Службы информации.

Когда летом коллеги вернулись со съёмок из Азербайджана, то они рассказывали больше не о работе над роликом — это было понятно, ведь, как потом оказалось, работы над роликом было не так много — а про гулянки, пьянки и другой отдых, организованный для них официальной азербайджанской стороной. Ещё про то, что заказанный государственным ведомством проект почему-то оплачивал «Фонд Гейдара Алиева»[85]

Я потом видел этот ролик — в эфире телеканала CNN. Там в одном из эпизодов снялась Лейла Алиева, дочь президента Азербайджана. А чего мелочиться!.. Сам ролик красивый. Глянцевый. Гламурненький. Но ничего особенного. Да и тех денег — нескольких сотен тысяч долларов, заплаченных коллегам с НТВ — он не стоил. А тем более сумм, которые за него списали. От этого «продукта» пахло коррупцией, лихими нефтяными деньгами, разбазариванием бюджета и презрением азербайджанских правителей к своему народу. И, конечно же, глупостью общества, которое это всё терпит. Которое это всё позволяет. Максимальная его цена пять тысяч долларов. Да и лично свои деньги на этот гламур я не стал бы тратить. Именно такой китч ожидаем, когда в голове у заказчиков, организаторов и исполнителей одни тусовки, потребление и наряды из бутиков. И брызги шампанского.

Но суть оказалась не только в этом. Наши коллеги с НТВ в Баку погуляли хорошо. Как рассказывал Максим Соколов, принимающая сторона, а именно сотрудники «Фонда Гейдара Алиева» выворачивались наизнанку, чтобы угодить «дорогим гостям». Например, однажды для всей съёмочной группы подвезли автобус с элитными проститутками… Несовершеннолетними! Девочкам было по 14–16 лет!

Про проституток от «Фонда Гейдара Алиева» Максим сообщал не всем, но все на НТВ про такую «работу» коллег в Баку узнали. Моральные уроды из «Фонда Гейдара Алиева» думали *сделать приятное*, но не понимали, что даже у адресата их услуг

вызвали лишь презрение…

Мне эту историю пересказал Вадим Фефилов в тот день, когда наша группа готовились отплыть на Кипр из турецкой Алании. Пока в ожидании парома мы разгуливали на пристани, коллега признался, что ему самому было неприятно узнать про поведение азербайджанских чиновников: «Если бы это (история с проститутками — Э.М.) произошло в России или на Украине, такое ещё можно было бы понять… Но в Азербайджане… Эльхан, даже я был оскорблён услышанным!» Ещё передал те издевательские комментарии «поработавших» у меня на Родине коллег.

Вадим говорил-говорил, а я был готов со стыда провалиться сквозь землю. Тут же на этой проклятой пристани…

Я потом у Максима Соколова эту информацию про летний отдых-«работу» выяснял. Он категорически отказался подробно меня информировать, но сам факт с проститутками подтвердил.

Уверен, Вадим ранил меня, напомнив эту историю, потому что ему тоже в тот день было стыдно. И неприятно. После беседы с Сергеем и Фаей Хромовыми.

Да, стыдно.

Чинуша он ведь везде чинуша. Чинуша не имеет Родины, не имеет чести. Он редко краснеет. Чувство стыда у него появляется лишь… нет, нет, оно у него ампутировано. У него есть чувство страха. Но стыд это не для него. Со стыда *откат* не получишь, и на стыд очередной китч не *хапнешь*.

Некоторые чинуши умеют готовить патриотическую «лапшу». Некоторые общества сами подставляют под неё уши.

Они вдалбливают в голову среднестатистического гражданина (успешно вдалбливают!) идею-фикс: демократия и права человека — это «вещь чуждая нашим людям». Да неправда! Разве, например, в России нет исторических демократических традиций. Например, вече Новгородское, а потом соборы — этот классический институт народного представительства на Руси, собрание общины у староверов, институт сельских джамаатов на Кавказе, курултаи тюрок. Или же пример современного демократического устройства — поражающую своей справедливостью и глубиной систему лагерного братства. Вообще, самое более или менее совершенное, что изобрела русская цивилизация в XX веке — это система содержания людей в заключении и организованная в ответ система выживания этих людей в заключении. А *они* упрямо — демократизация приведёт к разрушению государства, и напоминают про 90-е, выборочно приводя оттуда примеры. Дескать, свобода — это смута. Неправда! Они намеренно путают понятия: централизованное

государство и авторитарный строй. Централизованному государству как будто не надо быть *правовым*? А вот авторитаризм, с потерявшими совесть и контроль чиновниками, а главное — неспособность нации создать гражданское общество приведут к слабости государства, к бегству от такой страны — как отдельных людей, так и отдельных народов и отдельных территорий. А в первую очередь остепенившихся вчерашних союзников и «форпостов».

Почему у подавляющего большинства ура-патриотов сильное государство предполагает слабых граждан? Они говорят — только нынешняя властная элита способна «спасти страну», и только жёсткими методами. Неправда! Для них даже поздняя Погодинская[86] формула (идеология Ветхого завета (око за око) в международной политике, а идеи Нового — во внутренней) не действует. Или, думаете, «20 января» невозможно где-нибудь в Москве или во Владивостоке? А побоище у Белого дома в 93-м — с изощренным убийством безоружных, расстрелами раненных, с патологическим насилием — это не повторение бакинских событий?! А провокации спецназовцев (подразделения специального назначения внутренних войск МВД «Витязь») и их последующая стрельба на поражение по митингующим, журналистам и зевакам во время «обороны» Телецентра в том же октябре 93-го?! А танки и огнемёты в Беслане — это разве не расстрел?! Принцип «Разделяй и властвуй» они будут использовать не только на постсоветском пространстве, они готовы стравить между собой даже собственных граждан — это же абсурд, это же абсурд! Они не только внешних врагов будут «убирать», но и объявленных врагами своих граждан внутри страны. Потому что «убрать» кого-то легче, чем убеждать, договариваться. Демократия — это процесс коллективного, общественного — между максимальным количеством групп интересов — договора. Проще говоря — все допущены к «пирогу»: все участвуют как в его разделе, но и в его приготовлении принимают участие. А как же? Патерналист не будет социально ответственен. А получается, одни делают, что хотят, а другие — большинство — должны быть рады минимуму — праву на существование.

Вот народ выбрал — или «выбрал», кому как нравится — двух президентов, оба юристы. И оба этих перца говорят, что надо строить «правовое государство». Выражение «правовое государство» — это штамп, о котором знает даже более менее прилежный студент, избыточное в смысловом значении словосочетание. Ну, как если сказать «очистить эту дистиллированную воду». Государство — это политическое

объединение, организация социума на основе норм и права. Ещё раз. Государство — это *правовая* организация общества. Без права государства не бывает. И что? — эти два питерских юриста не знают про это? Знают. Из их юридических уст обещание построить «правовое государство» — это оскорбление.

Ну, скажите — суд, прокуратура, милиция — это фантом, мираж. И я пойму. Приму эти правила. Пойду к детективам, к бандитам. Сам буду вооружаться и себя защищать. Я же потом окажусь крайним…

Право для государства — это как фундамент и железобетонный каркас для здания. Если для первобытной, простейшей хижины или для пещеры или для землянки, конечно, ни того, ни другого не требуется. И княжеские деревянные хоромы могут обойтись без этого. Но чем здание современнее, чем выше и сложнее конструкция, тем надежнее, устойчивее, продуманнее должны быть фундамент и каркас.

Есть Россия-страна. Есть Россия как культурологическое пространство. Но России-государства нет. Как и почти десятка постсоветских республик. Это не государства. Это трухлявые, некрасивые, некомфортабельные хрущёвки. Их пора давно сносить или — ну, ладно, эволюционно — строить рядом новые дома, лучшие, современные. Но ушлые прорабы-президенты процесс обклеивания старых гниющих стен гипсокартоном и алкопаном (этими уродливыми «алюминиевыми композитными панелями»), а также процесс укладки ржавых, готовых прорваться, канализационных труб в тонкие пластиковые обёртки, а также процесс покрытия рубероидом крыши — крышу всё равно никто не видит — выдают за процесс модернизации, за процесс восстановления этих хрущёвок. При этом, даже этот абсурдный и косметический ремонт они умудряются делать бесконечно, а сам процесс прибивания гипсокартонных досок гвоздями выдают за героический подвиг подобный архитектурному и строительному чуду — строительство египетских пирамид, Питера на болотах, Великой китайской стены или туннеля под Ла-Маншем. При этом, одновременно они пытаются запихнуть эту недвижимость — и впихивают же некоторым! — по цене виллы на средиземном море или по цене двух отличных берлинских квартир. При этом, эти прорабы активно воруют, но для себя и своих детей они недвижимость присмотрели не в наших хрущёвках, а в чужих небоскребах.

Нормальные, умные жители, заказчики прогнали бы этих прорабов. Так нет же. Одни думают, что мы их наняли, выбрали — верят в это, другие понимают, что у прорабов есть целые бригады, вооружённые строительными инструментами и

техникой; но большинство за теми, которые продолжают упорно терпеть и верить в то, что ещё немного — и хрущёвка чудом превратится в Burj Dubai[87].

Продолжаем жить в этих хрущёвках. Более того. Мы гордимся ими, этим плохим вечным ремонтом, а нормальные жители других домов смотрят и потешаются. Для них модернизация — это естественный процесс.

У них. Там…

Где-то…

У них.

Иллюзия?

Первое впечатление?

Обманчивое?

Синяя птица?

Тоже «ящик»?

Возможно.

Вот! В Бутане. Точно — в Бутане! Хочу такую страну за своими окнами.

Мы вернулись в Анталью утром 4 сентября. У нас оставались сутки перед вылетом в Россию. Утром нам позвонило руководство из Москвы. Пётр Орлов радовался как ребёнок: ночью курды совершили очередной теракт, на этот раз в городке Чатак на востоке Турции. Попросил сделать ещё один материал.

За рубежом я часто встречал россиян, которые со страхом вспоминали свою жизнь в России. И в Гоа, и в Европе и т. д. Но, лично для меня, самые яркие впечатления остались после общения с русскими Северного Кипра.

Репортаж про кипрский конфликт вышел в эфире НТВ через месяц. А тему про русских на Северном Кипре Вадим не стал делать, сказал: «Не вижу конфликта». Обидно было ему, видимо.

Кстати, Тимуру Воронову Северный Кипр вообще не понравился. Патриот. Государственник!

Source URL: http://ostankino2013.com/kipr-komandirovka-v-raj.html

«Добро пожаловать в Грузию!»

27 сентября 2006 года российско-грузинские отношения, давно испорченные желанием Москвы прибрать часть территории соседнего государства и нежеланием Тбилиси удовлетворить это горячее и сильное чувство, нашли повод для поддержания противостояния. В этот день спецслужбы Грузии, арестовав четырёх офицеров ГРУ и одиннадцать подозреваемых в измене родине грузинских граждан, объявили о раскрытии «шпионской сети». И хотя спустя пять дней арестованные военные были переданы через представителей ОБСЕ России, обе стороны с азартом продолжили раздувать конфликт. Особо нездорово переживал «шпионский скандал» Владимир Владимирович Путин — ему было больно и обидно. Он был оскорблён. Хозяин Кремля не готов был к такому смелому поступку Тбилиси, как арест военнослужащих, а потому нервно отреагировал инициированием многочисленных подленьких санкций — на что указывали хаотичность и недальновидность его действий: было прекращено авиационное, автомобильное, морское, железнодорожное и почтовое сообщения с соседней страной. Запрещено банковское сотрудничество. Отозван посол в Тбилиси Вячеслав Коваленко. Под видом учений ВМФ в Чёрном море началась экономическая блокада Грузии со стороны моря — многим судам, следовавшим в грузинские порты и из них, пришлось разворачиваться обратно. Из России стали выдворять граждан Грузии — с массовыми юридическими нарушениями процедуры депортации, а московские силовики принялись составлять списки детей-россиян грузинской национальности и преследовать грузинских предпринимателей, выдавая это за «борьбу с криминалитетом». По всей стране расползлась эпидемией истерия антигрузинской ксенофобии, самый подлый национализм — преследовали не только граждан Грузии (включая тех, у кого с документами всё было в порядке), но и граждан России вдруг ставшей «неудобной» национальности. В общем, то, что будут страдать простые люди — это было неважно! Более того, огромному количеству чиновников и силовиков происходящие в стране гонения на грузин принесли материальные и моральные удовлетворения. Да и сколько остального народа испытывало наслаждение!

Начинался очередной горячий этап информационной войны между Москвой и Тбилиси. А как же без этого?! В этом столкновении главная роль отводилась СМИ обоих государств. «Правильное информирование населения», пропаганда, провокации, ложь, подставы и т. д. Хотя, те, кто создавал

пропагандистский продукт часто сами, как обычно и бывает по законам информационных войн, становились одними из первых жертв этой войны. Пропаганда — как ложь. Если ею увлечься, потом и сам в неё веришь, забываешь, что есть правда, а что ложь. Однозначно, пропагандисты — заложники своих текстов.

Для наших на НТВ всё происходящее выглядело так, как продекламировала Миткова на одной из «летучек», попросив смысл донести до всех сотрудников: «Миссия канала в этой ситуации — сложная, но важная. Главное — противостоять вранью Саакашвили. И мы её выполним!» Я на том собрании не был, но, думаю, после этих слов последовали аплодисменты. В Кремле также ждали ещё «провокаций со стороны Тбилиси», а значит «провокаций со стороны Тбилиси» ждали и на НТВ.

У нашего телеканала в Тбилиси работал свой собкор — Нугзар Кереселидзе, такой грузинский сибарит, барин. Но на него даже в обычной ситуации положиться не могли, не то, что в момент «выполнения каналом своей миссии». Нугзар был ленив (на съёмки его оператор Гиви Пейкришвили часто ездил один, сам монтировал, иногда даже сам писал текст за своего корреспондента), трусоват (например, к линии противостояния — Абхазия, Южная Осетия — очень боялся ездить; как он сам говорил: «Пусть там снимают другие, а я буду прикрывать тылы в Тбилиси»), постоянно интриговал и часто саботировал работу. Хотя телеканал с ним продолжал поддерживать отношения — его и главного редактора НТВ Татьяну Миткову что-то связывало, на это хитро и многозначительно улыбаясь, однажды намекнул мне сам Нугзар. К тому же он не скрывал своих проправительственных (в отношении Тбилиси) взглядов. У него, и в правду, была личная трагедия: до распада СССР он жил в Сухуми Абхазской автономной советской республики Грузинской ССР и работал преподавателем математики АГУ (Абхазский госуниверситет), а после военного конфликта 92–93 гг. потерял всё и стал беженцем. А в первый президентский срок Михаила Саакашвили не только Нугзар, вся Грузия верила, что *Миша* вернёт — войной или миром — Абхазию и Южную Осетию в состав Грузии.

В Тбилиси в тот момент случайно оказалась ещё и крымский собкор НТВ Анна Конюкова[88] с московским оператором Владиславом Дергачёвым. Что-то они там снимали до этих событий и им дали указание оставаться. Аня в жизни очень отзывчивый и добрый человек. Но как журналист… Нет, конечно, она человек крайне работящий, отважный и, если прикажут, полезет хоть в ад за «синхроном». Но в её репортажах мир выглядел чёрно-белым, обычных людей с их проблемами, страстями и мотивациями не было. Ноль объективности, одни —

подонки и враги, другие — ангелы, потому что «свои». Все, кто видел её репортажи из Крыма, это поймут. Этим грешат многие коллеги, но у Ани это выходит очень уж прямолинейно. В Тбилиси НТВ на тот момент нужен был именно такой человек. Грузию она ненавидела, хотя по матери грузинка.

И вдруг утром 3 октября мне сообщают, что я на следующий день срочно еду в Тбилиси. Начальники Орлов и Миткова разработали целую спецоперацию. Я должен был лететь в Тбилиси через Баку. Въезжать в Грузию по своему азербайджанскому паспорту, потому что, как считал Орлов, «граждан России грузины к себе уже не пускают». Представляться везде должен был туристом — это, значит, моя легенда — а удостоверение НТВ никому не показывать. Денежные переводы уже были запрещены, потому в бухгалтерии дали большую пачку денег: «Отчитаешься за командировку по своему усмотрению» — такого давно не было, но этот пункт мне особенно понравился. Долго искали оператора с нероссийским гражданством. И лучше, чтобы не русской национальности — русских, как считал уже Владимир Кулистиков, «будут бить и выгонять». Нашли в Армении — бывшего оператора НТВ Оганеса Акопяна. У Оганеса камеры не было, и я должен был везти её из Москвы. Такой турист с телевизионным оборудованием и большой пачкой денег, которую я обещал Орлову спрятать в нижнем белье — даже детально описал ему как.

— Ты же не против оператора-армянина? — попросил Орлов, назвав его Амояком.

Это он так шутил.

— Нет, Петя. Мы же не воевать туда едем, а работать.

Игра Орлова и Митковой в зарницу меня очень развеселила — я открыто иронизировал. К тому же, Таня и Петя, по их виду, получали удовольствие от того, что они делали. Но в какой-то момент и сам призадумался: а вдруг реально будут погромы в тбилисской подземке и спальных районах. Кстати, чётких указаний так и не получил — просто «быть наготове», «ничего не упускать», «отслеживать ситуацию» и — Миткова — «Держи себя в руках, Эльхан!» А ещё меня убило: «А ты грузинский знаешь?» К чему это? «По-русски говорить там опасно». По-грузински я не говорю.

В коридоре столкнулся с Кулистиковым. Кул, *разглядев* меня, схватил за руку и стал трясти.

— Старик, старик, привет. Как ты? Ты там осторожно. Видишь, что происходит?!

— Все будет нормально, Владмр Михалыч. Это же Грузия! Ну что там будет?

— Нет, старик, ты пойми — они сейчас на всё могут пойти. Не забывай о мерах предосторожности. Специальных!

«А что это такое??? Они думают — я профессиональный разведчик? И каждое утро, по пути на работу, ухожу от «хвоста»?

— А что мне там делать-то?

— Ты будь начеку. Хорошо? А главное — опасайся провокаций. Они — когда поймут, что ты с НТВ — могут пойти на провокации. Береги себя. Если что, если что!..эээ… попытайся дать знать!

«А парабеллум, Владмр Михалыч, Вы мне дадите?» — едва не вырвалось у меня, но промолчал. А зря…

Меня «*рассекретили*» уже в тбилисском аэропорту. Пограничник, заглянув в мой паспорт: «Вы в Грузии в первый раз?» Потом, прищурился, стал меня изучать: «А я где-то тебя видел… Ааа! — заулыбался он. — Вы — журналист из России. С телевидения! На Вас ещё в метро напали. Из-за Вашей национальности… Добро пожаловать в Грузию!»

Тбилиси мне очень понравился. И тбилисцы тоже.

Однако, никаких погромов. Это была бы «картинка» — в Останкино были бы рады! — но погромов не было. Грузины — люди, естественно, эмоциональные, но очень доброжелательные. Мой отец, у которого было много в жизни друзей-грузин, говорит, что Бог сотворил их не для работы, а — для веселья и праздника. Так вот Миша мог создать ощущение праздника, потому — он настоящий грузинский президент. Тогда он всем нравился. За то, что он не боялся такой большой России, вернее Путина. За то, что он хотя бы начал что-то делать: ремонтировал дороги и старый жилищный фонд, привлёк инвесторов в инфраструктурные проекты, остановил перебои с энергообеспечением, начал реформу армии, чётко заявил об ориентации страны на европейский путь развития, убрал взятки в правоохранительных органах. Хотя бы на низовом и среднем уровне. Для кого-то это может показаться мало, но для страны, пережившей бардак правления Эдуарда Шеварнадзе, когда вообще ничего не делалось, это тогда было достаточным, чтобы тебя полюбили. И *Мишу* обожали все — коллеги-журналисты, сотрудники гостиниц, магазинов, кафе и ресторанов, водители такси, вся труппа Русского драмтеатра имени А.С. Грибоедова во главе с Николаем Свенцицким, полицейские, мелкие криминальные элементы с Авлабара, две проститутки оттуда же и даже один банщик с Мейдана [89].

Местные коллеги телевизионщики собирались в корпункте APTN, в центре Тбилиси на проспекте Руставели. Это был своеобразный «пресс-центр» — так в шутку коллеги называли это

место. Там же я познакомился с хорошими людьми и профессионалами — шефом корпункта APTN Вахо Забашто, оператором НТВ Гиви Пейкришвили, с эталоном мужской порядочности Мамукой-Васо Матуа с ВГТРК, с оператором-стрингером Зурой Мурадовым, с настоящим художником и лучшим фоторепортёром Грузии с говорящим прозвищем Шах Шахведедом Эйвазовым с Associated Press. Там за чаем в атмосфере тбилисского дворика все обсуждали последние новости и слухи, делились контактами, монтировали, менялись отснятым материалом, ссорились, знакомились, жарили шашлыки и пили чай на открытой крыше-террасе пятого этажа, на которую вела дверь из кухни «пресс-центра». Грузин очень смешила наша съёмочная группа. Шутили, что снимут репортаж для одного из местных телеканалов: съёмочная группа НТВ — корреспондент-азербайджанец, оператор-армянин — освещает российско-грузинский конфликт. Интересовались, как нас так угораздило. Но Оганес был внешне похож на Сергея Параджанова, а это один из моих любимых режиссеров, да и, кроме того, как можно личное с работой смешивать.

Споры политические и творческие были очень жаркие, но в одном все были солидарны — политики заигрались. А ещё и в чувствах к «нашему» Нугзару Кереселидзе. В «пресс-центре» действовал бойкот в его отношении. Любитель прикрывать тылы Нугзар Кереселидзе и журналист в поисках компромата/врагов Аня Конюкова друг друга сразу невзлюбили, постоянно жаловались в Москву. Мне с ними обоими делить было нечего. Так что я стал работать в автономном режиме и координировал свои действия только с центром. Это тоже было нелегко. Из Москвы просили — а иногда и требовали — трэша: «А погромы будут?» А где я возьму трэш? Я же не Конюкова.

В первые дни перед зданием российского посольства собиралась небольшая толпа людей. Граждане Грузии: «А визы в Россию когда начнут выдавать?», россияне: «Нас посольские обзванивают и говорят, чтобы мы готовились эвакуироваться побыстрее — будет ещё хуже». «Мы хотим уехать, мы напуганы, но никто нам ничего точного не говорит». «А правда, что посольские места в списках продают?» «Во всём вы, журналисты, виноваты — мне мама звонит из Ростова и говорит — по телевизору передают, что русских здесь на улицах избивают». «Как нам добираться до России? Через Баку, Киев и Ереван очень дорого получается». Слухи, паника, никто ничего не знает точно, российский посол уже уехал, не все могут попасть в списки, жара — некоторым становилось плохо. Консул Валерий Васильев даже сам не знал, что будет дальше и что ещё могут выкинуть

официальные Москва и Тбилиси, постоянно звонил своему начальству и долго время даже нам, российским журналистам, не мог озвучить официальную позицию страны. Политики думали о своей «большой игре», в которой люди лишь игрушки.

Мне звонят из Москвы. Владимир Смолев, руководитель Отдела координации съёмочных групп в СНГ (так называемые «Города»):

— Ты перед посольством? Ты это снимал?

— Что это?

— Тут, в Интернете пишут, что перед посольством России грузины, которые не могут получить российские визы, выражают недовольство политикой Саакашвили. Выкрикивают лозунги…

— Нет, мы такого не снимали. Такого здесь — у посольства — мы не видели.

— А вот — пишут, что есть. Можешь найти такое же? Как у Первого канала?

— У них такое видео? Они сняли выкрикивающих антиправительственные лозунги? У посольства?

— Нет, видео и синхронов таких нет. У них «за кадром» — что местные с пониманием относятся к действиям России. Что люди недовольны режимом Саакашвили. Нам такое же нужно.

— И про режим Саакашвили, да? — сыронизировал я.

— Особенно про режим Саакашвили, — не понял иронию коллега. — Понимаешь, да? Местные ругают режим Саакашвили. Но понимают позицию и действия Москвы… Такую «картинку» и «синхроны» сможешь найти?

— Найти?

— Ну, да! Поищи, а…

Режим Саакашвили. «Зачем это тебе, Владимир? Тебе не стыдно?»

Ситуация немного прояснилась только к вечеру. Руководство России заявило, что начинает эвакуацию российских граждан из Грузии самолетами Ил-76 МЧС. Этими же бортами в Тбилиси будут доставлять «выдворяемых из России грузинских нелегалов». Эти самолеты МЧС — это не какие-то боинги, а обычные грузовые суда. Как товарные вагоны. Людей как 60 лет назад депортировали в Сибирь в товарняках, так и теперь. Такое же отношение к человеческому достоинству — ничего не изменилось. Кстати, этот прокол медийный политик Саакашкили потом использовал в свою пользу. «Сволочь он! Распиарился на людях», — возмущался в Москве потом один мой знакомый депутат в личной беседе. А те, кто принимал решение вывозить людей на грузовых самолетах — они кто?! Со «своими» так не поступали. За теми двумя — теми, теми, которые «*ликвидировали*»

Зелимхана Яндарбиева[90] и искалечили его сына-подростка в Катаре — 23 декабря 2004 года послали отдельный спецсамолёт ГТК «Россия» (бывший «Авиаотряд особого назначения») — один из тех бортов, на которых летает руководство страны. Чтобы этих двоих Доха выдала Москве Кремль шёл на самые грязные шаги — дело дошло даже до взятия в заложники граждан этой арабской страны, следовавших транзитом через Россию[91]. Встречали чекистов Анатолия Белашкова и Василия Богачева, осуждённых за убийство, контрабанду оружия (взрывчатку перевозили в дипломатическом багаже) и терроризм, во «Внуково-2» (спецтерминал, используемый для особо важных лиц — отечественных и зарубежных глав государств и членов правительств) со всеми почестями: говорят, даже ковровую дорожку на трапе расстелили, а потом для кортежа, что их вёз, перекрыли движение на Киевском шоссе, Кутузовском проспекте и МКАДе. Президент лично с ними встречался и благодарил. Наградил. Однако.

Михаил Саакашвили ещё до своего ультиматума о грузовых Ил-76, которые он по делу назвал «скотовозами», использовал ситуацию с эвакуацией в свою пользу. На первый рейс из Москвы власти позвали всех журналистов в аэропорт. Повезли на взлётное поле прямо к прилетевшему самолету МЧС. Естественно, прибывшие грузины были уставшие, помятые, одетые в тёплые вещи, напуганные ещё с Москвы. Затем прессу снова отвезли в здание аэропорта к отбывающим в Россию, и тут грузинские чиновники, пограничники, таможенники стали раздавать россиянам подарки. Получилась такая «телекартинка»: депортированные грузинские нелегалы выходят из грузового отсека самолета МЧС — не по трапу спускаются, а спрыгивают из заднего грузового люка (очень говорящая «картинка»!) — а мы, смотрите! цветы, фрукты, вино, загоревшие, улыбающиеся, плачущие лица, благодарные лица. Но эти россияне-то, с подарками, тоже ведь полетят в грузовом отсеке! Не одни российские политики работали в первую очередь на внутреннюю аудиторию. Только одни это делали красиво, а другие… как всегда.

Работа становилась скучной — «хвостов» не было, провокации шли мимо меня, местное население невраждебное, полиция непривычно вежливая. Интервью с Михаилом Саакашвили, с его матерью и одновременно общественным деятелем Джулией Аласанией, олигархом и министром Кахой Бендукидзе Москву не заинтересовали, и я не стал дожимать ньюсмейкеров — хотя, намёки на положительный результат моего предложения с их стороны были. Первая леди Сандра Руловс и

министр обороны Ираклий Окруашвили сами отказались — наотрез. Последний, вообще, строил из себя ястреба не там, где следовало бы. В присутствии телекамер российских СМИ, даже если снимали грузины, он отказывался давать пресс-конференции. К чему такие игры, если коллеги всё равно делились потом материалом. Так что я решил работать над деталями. Однажды приехал в аэропорт Тбилиси. Эвакуируемые в тот день уже в самолете, подготовка к взлёту, скоро диспетчер даст добро. Подхожу к молодому офицеру службы безопасности:

— Мы вот эээээ… с НТВ. Можно нам снять, как улетает самолет МЧС?

— А, вы из Москвы? — задумался он. — Люблю НТВ.

«Несчастный», — мысленно прокомментировал я.

— А почему нет! Сейчас спрошу у начальника СБ, — и стал что-то говорить по рации на грузинском. По интонации понял, что он просил за нас. Рация задумалась, потом ответила, тоже на грузинском.

— Начальник тоже любит НТВ… — засмеялся он.

«Хороший день сегодня, обычно силовики говорят обратное».

— Проходите. Пожалуйста.

— Проверять будете? Вот наши удостоверения, вот камера.

— Да я вас знаю — видел вас на прошлой съёмке. Пойдёмте. Только я рядом с вами буду, ничего?

«Он ещё просит?! Я, однозначно, не привык к хорошим манерам спецслужб».

Чтобы в Москве пустили снимать в здание аэропорта, нужно письменное разрешение от местной службы безопасности, которое выдаётся после просьбы руководителя СМИ в письменном виде. А чтобы меня с оператором просто так пустили на взлётное поле гражданского аэропорта — не знаю, что я должен сделать или что должно перевернуться в голове у службы безопасности. А тут: «НТВ? Конечно, пусть снимают».

А из Москвы снова звонят. Из всех новостных бригад, из «Секретариата» одно и тоже:

— Ты можешь снять русских и еще каких-нибудь не грузин, которые скажут какую-нибудь «жесть»? Армяне, азербайджанцы там ведь тоже живут?

— У нас в гостинице на ресепшне девушка работает — осетинка. Я думал, в Грузии осетин не осталось. А, оказалось, их здесь очень много.

— Не, не, надо. ээ… Нужно, ну, типа «боимся, мы с Россией вместе, хотим уезжать». Если не могут в открытую грузин ругать, можно и так. По лёгкому, намёками.

— …

— Эльхан, ты слышишь? Надо найти. «Итоговые» (итоговый воскресный выпуск на НТВ) особенно хотели…

Такая «просьба» была из «Секретариата» на второй или третий день командировки.

«А больше они ничего не хотели? Может им ещё полы в комнате вымыть и занавески погладить?»

— Нет, я не буду этого делать!

— Как так? Что ты себе позволяешь?!..

Не то, чтобы я в тот момент был так жёстко настроен. Если бы встретили так считающих и говорящих людей, мы бы их, конечно же, сняли. Но я таких ведь не видел! Я уже здесь со столькими людьми общался — мне такого никто не говорил! Меня злило, что они нас, работающих на месте события, вообще не слушали. Обычно, съёмочная группа «впитывает» атмосферу, настроения и предаёт это в центр, доносит направление, контекст до сидящих в Москве. Но в этот раз Москва не слушала. Вначале я думал, что они обманываются. Но они продолжали гнуть свою линию. Эта командировка однозначно мне не нравилась.

— Я могу сделать репортаж про эвакуацию людей. У меня есть очень хорошая история. Семья не может уехать отсюда в Россию. Муж — русский, гражданин России, в своё время был известным рокером, пел с Гребенщиковым. А она — грузинка. У семьи маленький сын. Боятся, что её не пустят с грузинским паспортом. История хорошая, он там петь ещё будет в материале, застолье, вокруг грузинские друзья — «картинка», лайфы. Вчера вечером снял. Мне бы здесь, в аэропорту, их доснимать ещё…

Это я уже рассказываю редакторам вечернего выпуска новостей. Выслушали. Не перебивали. После долгой паузы:

— Давай мы тебе перезвоним. Нам, просто, другая история была нужна. Сейчас подумаем.

Через десять минут перезвонил Пётр Орлов.

— Нет, Эльхан. Эта история не подходит! Ты снимай только «событийку» [текущие события] и «перегоняй» в Москву. А Аня [Конюкова] будет снимать «истории».

«Дааа. Эта? Эта снимет для вас и не такое! Ну и идите вы в жопу!»

«Тоскую, матушка Россия, по тебе» — это рокер Николай Шарапанов сидел за щедро накрытым столом на веранде у своей тёщи в спальном районе Тбилиси и объяснял, что в нормальной семье все конфликты надо решать на основе переговоров и взаимных компромиссов. В своё время был очень известен в рок-сообществе. Псевдоним Николай «Колючий», яркий типаж, поёт в московской группе «Узники Ярила». Лет 10 назад вечером в Москве на автобусной остановке в районе станции «Войковской»

встретил красавицу Анну Цинадзе, познакомились, поженились — они же не знали, что потом наверху кто-то перессорится — и теперь у них растёт сын.

Обычно за столом поют грузины, но здесь грузинские друзья и родственники Николая сидели и слушали.

Пыль дорожная в глаза,
Разделённая судьба.
И поёт моя душа,
Падает звездой слеза…

Грузины загрустили, но после слов «Пей, мужик, и веселися/ Рви рубаху в лоскуты», оживились, стали разливать коньяк. На нижнем этаже кто-то даже захлопал. Банальных тостов не было.

Еще Колючий колюче, колко прошёлся по политикам обеих стран. Друзья-грузины поддержали. Жена сказала, что «по НТВ это не покажут».

Колючий: «Мне разрешают уехать. Но я не хочу без нее. Я свою детюшку и свою жену не брошу — никак!»

У жены Анны грузинский паспорт, есть вид на жительство в России, но в посольстве объяснили, что на борт самолета её не возьмут, потому что Москва может отказать во въезде. Если Николай хочет — пусть едет один, а жена и сын остаются. «Матушка Россия».

«Теплый тбилисский вечер. Трогательная семья. Весёлая. Что же вы от них хотите, а? Вам что — приятно семьи разрушать?»

Интрига сама по себе уже умирала. Стало понятно, что стороны не пойдут на более радикальные меры. Всё, что уже могли — сделали. И вдруг вечером 8 октября Михаил Саакашвили снова пошёл в атаку — в эфире телекомпании «Рустави-2» заявил о недопустимости перевозки депортируемых из России, а также вывоза россиян из Грузии на грузовых самолётах Ил-76. Сказал, что дал указание не впускать в страну такие самолёты: «Мы примем людей назад в нормальных самолётах — с креслами и иллюминаторами. Как ездят цивилизованные люди во всём мире. Скотовозами пусть летают те, кто принимают такие решения!»

Красиво сказал! Художник! *«Что у народа на уме, то у поэта на языке».*

Москва держала паузу — крыть-то было нечем. Через сутки Кремль согласился на пассажирские самолеты.

Все журналисты снова кинулись в аэропорт снимать одну из последних групп отправляющихся россиян. Тем более, что прошёл слух — «будет сам Миша». Долго ждали самолета из России. Наконец прилетел пассажирский Ил-62 МЧС с небольшой группой депортированных граждан Грузии.

Ажиотажа в аэропорту среди россиян не было — страх первых дней прошёл. Людей, желающих улететь, оставалось мало. Интригу надо было сохранить, и посольские растянули списки эвакуируемых на несколько рейсов. Этот самолёт точно полетит обратно полупустым. Даже многим российским журналистам накануне звонили из посольства и предлагали лететь этим рейсом — для «массовки». Панику в аэропорту создавали коллеги-телевизионщики — «новости» надо ведь ещё делать.

Позвонил Владимир Смольев из «городов». И раздражённо:

— Эльхан, ты можешь сказать оператору, чтобы людей снимал покучнее. Чтобы было видно, что народу много. И «синхроны» отправляемых (на борту МЧС — Э.М.) обязательно нужны. Но! — внимательно! — чтобы говорящие в кадре были русскими!

— А что случилось?

— Да Гиви там наснимал «синхронов» одних армян и греков. Эльхан, нужен калейдоскоп простых русских лиц? Калейдоскоп! Понимаешь? Калейдоскоп!

— Калейдоскоп лиц? То есть — красные, зелёные, жёлтые… Да?

Бросил трубку. Обиделся он.

«Где я здесь найду калейдоскоп простых русских лиц?» В основном среди неотправленных россиян остались по национальности грузины, армяне. Редких русских облепили камеры. Российские телевизионщики чаще задавали вопрос: «А вы в Россию хотите?», грузинские: «Вас здесь в Грузии обижали?». Для первых ответ «Да», вторым — «Нет». Все довольны.

Пожилая женщина, жительница Новосибирска, мне рассказала:

— Мы с мужем хотели ещё здесь отдохнуть. Ехать должна была только наша дочь Юля с ребёнком, но потом решили и мы с ними — ведь бесплатно в Россию полетим, тем более пассажирским рейсом. Что же — отказываться?!

«Красота! Очень интересно, но не для нашего эфира. Такой калейдоскоп *нам* не нужен!»

Журналистов грузинская сторона на двух автобусах снова отвезла на взлётное поле к прилетевшему теперь уже пассажирскому самолету. Прилетевшие из Москвы спускаются по трапу — как люди! «картинка» и комментарий! Триумф жёсткой дипломатии Саакашвили — вот, этот президент думает о простых людях. Всё! Победа!

Недалеко стояли сотрудники службы безопасности главы государства рядом с автомобилями сопровождения. Один из охранников поделился: «Если успеет — приедет. Сами даже не

знаем».

Было уже начало седьмого по московскому времени, а мне необходимо было весь отснятый материал «перегнать» для вечернего выпуска программы «Сегодня» за полчаса до эфира. Улетающих пассажиров ещё даже не подвезли, и президента не было. «Наша» «тарелка», арендованная у турецких коллег, стояла перед главным зданием аэропорта, а до него от взлетного поля было очень далеко — добраться мы туда могли только вместе с коллегами на этих автобусах. Наконец, за десять минут до «перегона» россиян, наконец, привезли. Первых поднимающихся по трапу мы сняли. Никто не торопился.

Мне надо было быстро что-то решать.

«Главное не паниковать».

Подхожу к тому, разговорчивому президентскому охраннику.

«Блин, вид у этих ребят очень серьёзный. Хотя у меня же один раз уже получилось. Мне же палец в рот не клади…»

— Ребята, мы с НТВ. Нам нужно срочно ко входу в аэропорт, у нас там «тарелка» стоит, «перегон» через четыре, нет, через три минуты начинается. Эфир пропадает.

Конечно, охранник не понял про «тарелку», «перегон» и «эфир», но буквально на мгновение задумался, как-то странно взглянул на меня и уверенно зашагал к старшему среди них. «Сейчас сообщит: двое подозрительных, нужно убрать». Старший посмотрел на нас очень необычно — по-человечески — и кивнул. Через минуту машина президентской охраны, визжа тормозами, резко встала перед арендованной «тарелкой». У напуганных сиреной инженеров-турок весь «перегон» тряслись руки: «Ya, dedik, bize simdi ates acacaklar!»[92]. А на прощание они долго жали мне руку и попросили мой московский мобильный.

Коллеги, Вы такое в России видели? Ах, эти суровые ребята Евгения Алексеевича Мурова и Виктора Васильевича Золотова[93]. Да они даже прикурить не дадут. Для них — все враги. Взгляд поверх головы, металлический голос со злорадством: «Так! У вас 10 (5, 3 и т. д.) секунд, чтобы убраться отсюда. Время пошло!» Спасибо за то, что сразу не стреляют. Добрые люди! Культурные!

Source URL: http://ostankino2013.com/dobro-pozhalovat-v-gruziju.html

Мебель для подвального помещения

Самое унизительное положение на НТВ у водителей. Конечно, на телеканале никто не может похвастаться защищённостью прав, уважением к своему профессиональному достоинству: всё относительно, относительно выше- или нижестоящего по должности, относительно личного блата или, очень часто на НТВ, относительно физиологического строения тела и моральных качеств — философия взаимоотношений неорабовладельческого общества распространяется на всех.

Но как поступают с водителями… Долгое время зарплата у ребят была 300–400 долларов. Только у некоторых достигала 20 тысяч рублей. И это в успешной, приносящей колоссальную прибыль компании. И это за тяжёлый труд. Согласен, не всё измеряется деньгами, но многое измеряется зарплатой. Плата за труд отражает степень уважения к этому труду. Себя-то начальство заработком не обижает.

А ведь водитель — это важный субъект съёмочной группы, всей системы новостной тележурналистики. От его профессиональных качеств и психологического состояния, от его отношения к работе также зависит успех съёмки, а значит — и телекомпании. Какими бы талантливыми ни были корреспондент, оператор, звукооператор, продюсер, сидящие на пассажирских сидениях редакционной машины, если у водителя нет мотивации к работе, если его беспокоит не рабочий процесс, а вопрос выживания на мизерную зарплату и неуважительного к нему отношения в телекомпании, однозначно, съёмка пострадает.

Да, некрологи про умерших водителей НТВ в федеральных газетах не писали и их памяти не посвящали целые программы с перекройкой эфирной сетки, общероссийские премии, финансово поддержанные РОСКОМНАДЗОРом, их именами не называли, даже радиостанция «Свобода» не причитала об «угрозе свободы слова и СМИ в России» при массовых чистках в транспортном отделе телеканала. Они — никто. Низшая ступень иерархической лестницы неорабовладельческого останкинского населения. К водителям в Останкино относились так — по крайней мере, пока я там работал — как воспринимают остальных обычных россиян. То есть аудиторию. Зрителей. В лучшем случае, как детей ещё неразумных.

Остальные сотрудники часто их почти не замечали, не воспринимали всерьёз и вели себя при них откровенно. Потому нтвшные водители могли рассказать о каждом сотруднике много интересного, а, главное, достоверное. В частности, как утром

привозили к порогу дома пьяного вдрызг, например, большого начальника, затаскивали его в квартиру, а там бешенная жена принималась хлестать *спасителя независимой отечественной журналистики* по пухлым щёкам и жирным губам обычной грязной половой тряпкой. Другого, ещё пример, немолодого телеведущего ежедневно приходилось привозить на работу из разных адресов Москвы, от очередной страшненькой любовницы.

Недобрым словом вспоминали Евгения Киселёва. Водителя, не выдержавшего четырёхчасового ожидания, чтобы отвезти начальника домой с большой еженедельной пьянки после программы «Итоги», тот мог встречать в редакции развалившийся на диване, в расстегнутой рубашке и штанах и, еле держась на руках, грязно обругать: «Пошёл вооон! Мы тут обсуждаем тему!» Не любили в транспортном отделе того же Михаила Осокина, «любимого массами телеведущего», от общения с которым, кстати, у меня сохранились только положительные воспоминания. Михал Глебыч, по словам водителей, заставлял ждать вызванную им машину по полтора-два часа. Если водитель пытался возражать — мол, ведь смена моя закончилась уже, барин, домой бы мне пора — нет, розгами его не били за это, но на ответ: «Иди и сиди в машине! Когда захочу, тогда и выйду! Вам всем это говорить?!», нарваться — пожалуйста! Миткова. В этой даме транспортный отдел годами коллективно ошибался. Она могла быть милой и интеллигентной. Даже предупредительной. Даже могла демонстративно облобызаться с простым тружеником со второго этажа, приобнять его, потрогать за большие мозолистые руки. Демонстративно. Но они ошибались. Просто Татьяне Ростиславовне важно было, чтобы её любили и хорошо о ней думали. Потому что того же работягу, с которым — демонстративно! лицезрей, коллектив, не брезгует простым людом! — христосовалась и тяжёлую руку которого трепетно держала своими обеими, главный редактор НТВ могла сдать и сдавала без смущения, например, при массовом увольнении. Какое сожаление? Человек выполнил свою функцию — его использовали. Цель достигнута: важно было, чтобы Татьяну Ростиславовну любили и хорошо о ней думали. Даже если насильно. Да, заставить думать хорошо, обожать из под плети — в России это осуществимо.

Заканчивался 2006 год — предвыборный. Руководство НТВ готовилось к главным событиям в стране — надо было оправдать существование телеканала. Перед битвой начиналась *чистка стройных рядов* и *закручивание гаек*. А также раздача пряников и кнутов.

Однажды осенью я случайно стал свидетелем забавного

эпизода из жизни НТВ. Вернее, увидел только часть его — потому всё остальное рассказываю с чужих слов. Так вот. В обычный будний полдень всех сотрудников транспортного отдела телеканала вдруг собрали в двух больших комнатах водителей на втором этаже АСК-1. С ними хотела поговорить женщина-начальник — «Л.О.», курировавшая всю официальную, *белую*, финансовую жизнь телеканала. «Разговор» был в виде объявления: о сокращениях премиальных, о новых штрафах для водителей, и, главное, о беспочвенности надежд водителей на повышение зарплат. Надежд объяснимых: ведь единственное, что в России растёт постоянно и стабильно — это стоимость жизни, цены, услуги.

Обычно, на телеканале высокий вердикт никто из руководителей даже не удосуживался лично передать подчиненным. Просто ставили перед фактом и всё! Тем более водителей. А тут высокий руководитель женского пола собственными ножками спустилась с одиннадцатого, «финансово-административного», этажа к водителям — на второй. Да и во время «разговора» у неё прорывались наружу сочувственные интонации в голосе. Можно было подумать, что началась революция в мышлении начальства, но, оказалось, что «Л.О.» не только необходимо было выполнить задание высокого руководства, но и, как оказалось, она просто хотела поделиться частичкой внутренней рефлексии с простым народом, с этими сильными, но бесхитростными мужиками.

Дней за десять до этой встречи водители официально — в виде коллективного письма — обратились к гендиректору НТВ Владимиру Кулистикову. Нет, без угроз, без жёстких требований. Без цитат из Конституции, Трудового кодекса и ежегодного Федерального послания президента страны. Ничего такого в письме не было. Была мольба о надбавке. Да, был намёк и на улучшение условий работы. Но главное — надбавка, человеческая оплата труда. Простыми словами. Мол, помоги, барин! ведь стыдно перед семьями! ведь почти всем отделам накинули пряников! а ведь нам бы просто хлеба! И, правда, многих сотрудников телеканала тогда осчастливили господскими крошками — особенно тех, которые, как например, сотрудники программы «Сегодня», должны были играть основную роль в предстоящих пропагандистских боевых действиях. Да, простыми словами. Просто по-мужски.

Ответ гендиректора НТВ Владимира Кулистикова был отрицательный. Более того, босс грозил штрафами, сокращением премиальных. И озвучить его — ответ — перед простым народом, перед этими сильными, но бесхитростными мужиками альфа-

самец телеканала отправил «Л.О.» — женщину. Притом, пожилую…

Этот неприятный вердикт женщина-начальник «Л.О.» говорила каким-то нервным, даже обиженным голосом. Когда по рядам водителей пошёл очередной ропот — некоторые даже позволили себе вслух громко возмутиться: мол, а семью кормить чем? зарплата-то не для проживания в Москве! — начальница вдруг безапелляционно отрубила:

— Все вопросы к Путину!

Для внушительности «Л.О.» — курировавшая всю официальную, *белую*, финансовую жизнь телеканала — выставила вперёд направленный в потолок указательный палец, и простояла в этой зловеще-гипнотизирующей позе памятника почти минуту. Потом она ещё раз произнесла эту сакраментальную фразу, с наслаждением вздохнула и засобиралась уходить. Теперь она выглядела очень довольной, словно, наконец, выговорилась. Видимо, «Л.О.» — курировавшая всю официальную, *белую*, финансовую жизнь телеканала — уже слышала этот тезис-приговор во время других «разговоров». Казалось, она и сама была рада такому мужскому поступку гендиректора — отправить её в народ. На душе полегчало.

Мужики какое-то время в недоумении переглядывались, а потом, матерясь, разошлись по делам. Да, просто разошлись.

Приблизительно в это же время элитный мебельный салон «ФЛЭТ-интерьеры» на Долгоруковской улице в Москве посетила супруга президента Российской Федерации Людмила Путина. Постоянный клиент этого необыкновенно — даже неприлично — дорогого магазина.

Салон «ФЛЭТ-интерьеры» (а также салоны Brueton, Room, «ТРИО-интерьер» и другие продающие подобную итальянскую мебель) — это явление-нонсенс, возможное только в стране, страдающей «голландской болезнью» с осложнением в виде «африканской лихорадки». Это то, из-за чего над новой российской элитой потешаются во всём мире. Мебель здесь не просто дорогая, а намеренно дорогая. Диван за 100 000 долларов, коврик под ноги в прихожей — за 15 000 долларов, обеденный стол со стульями — все 150 000 долларов, и даже паршивая на первый взгляд тумбочка здесь может стоить 10 000 тысяч Евро. И покупают же, сволочи!

Не спорю, материал качественный: настоящее дерево, кожа, мех, позолота. У каждого предмета свой паспорт, где расписан весь путь к рождению, например, дивана: дерево, дескать, несколько лет вымачивали в специальном растворе, а ещё в каких-то отварах из трав, и чуть ли не в моче молодого бегемота;

а кожу содрали с конкретного (возраст, прозвище, гастрономические и сексуальные предпочтения) высокогорного аппенинского козла. Но это же даже не ручная работа. Это всё — фабричное. Конвейер. Написать-то можно всё что угодно. Да и в самых дорогих салонах в стране-производителе эта чудо-мебель стоит в четыре-пять раз дешевле. На 300–400 процентов дешевле!

Однажды отечественный нувориш где-то услышал или прочёл в каком-то журнале, что самая изысканная мебель делается в Италии. И поверил в это, потому что он как и любой россиянин упорно лелеет свой комплекс неполноценности перед всем западным. Со времён Петра I, а, может, и Смутного времени. Особенно «итальянское» стало в его незагруженной другими более сложными рефлексиями голове синонимом настоящего вкуса. Теперь наш разбогатевший соотечественник постоянно повторяет эту полезную информацию в кругу себе подобных, жонглируя вызубренными брендами и аргументами: Ceccotti, VITRA, Jumbo, Francesco Molon, Fendi, Mascheroni, «лимитированная коллекция», «стиль Art Deco», «в Эрмитаже такая же стоит». Все эти магически звучащие для его уха названия должны помочь с неудобной мыслью: «А жизнь-то проходит бессмысленно», да выковырнуть засевшие в подкорке мозга воспоминания о вонючей кухонной плите в «коммуналке». В этой среде не стыдно не знать Николая Семёновича Лескова или Андрея Платоновича Платонова, главное — уметь поддерживать разговор об этикетках, «недоступных для остальной массы трудового населения».

Когда итальянские производители выходили со своей продукцией на российский рынок, у них был, в первую очередь, имиджевый расчёт — мол, вот и в Москве, ещё одной мировой столице, мы присутствуем. Надежд на большую прибыль, да и на существенные продажи, никто не строил. А теперь Россия из «перспективно-сомнительного направления» превратилась в «главный рынок сбыта». Там, на Западе эта мебель сейчас всё меньше покупается — и кризис, да и времена арабских шейхов и своих потешных нуворишей прошли. А, оказалось, здесь на «непонятном российском рынке», этот элитный скарб раскупают как горячие пирожки.

Но при всех головокружительных прибылях от этой торговли российские работодатели платят своим сотрудникам копейки — 300–600 долларов в месяц (зарплаты за 2009 год в «ФЛЭТ-интерьеры»). А также ненормированный рабочий день, отсутствие трудовых договоров, задержка жалованья. Однако, на это издевательство, выдаваемое за трудовые взаимоотношения, желающих хоть отбавляй. Почему? Объяснила сотрудница одного

из таких салонов: «Эта каторга того стоит — видеть *этих* людей, а иногда с ними и общаться», — экзальтированно рассказывала она, поглаживая сумочку Prada, стоившую ей трёхмесячной зарплаты и гастрита. «Это притягивает!» — добавила она, а потом созналась, что многие её коллеги курят сигареты без фильтра. Добровольное рабство ради возможности наблюдать чужую красивую жизнь, ради ощущения сопричастности к роскоши.

Людмилой Путиной в салоне «ФЛЭТ» все были восхищены. Даже работающие за копейки рабы.

— Ведёт она себя очень сдержанно, улыбчивая. Интеллигентная! — объяснил мне один из них. — Машина у неё простая — Мерс S-класса, всего один охранник и водитель.

Первая — на тот момент — леди России всегда скромно ждала своей очереди, снимала обувь, взбираясь на шезлонг Cassina: «Не как некоторые — ботинками Baldinini по дорогой коже». А однажды, когда Путина пришла к закрытию салона и не узнавшая её администратор на входе не пустила вовнутрь, жена президента страны извинилась, тихо развернулась и ушла. «Могла ведь наорать на человека, воспользоваться своим статусом, сломать всю жизнь», — находили потом в таком поведении что-то необычное (?) сотрудники «ФЛЭТа».

В свой первый визит в этот салон супруга Владимира Владимировича потратила почти полмиллиона долларов США. Войдя в магазин, сразу направилась в зону бренда Ceccotti, одного из самых дорогих в мире. Мебель, среди которой «время и пространство теряют свои границы». Неизвестно, для кого она её приобретала, но можно предположить, что не для себя, а для близкого человека: вся меблировка для библиотеки и кабинета, несколько шкафчиков, коврик. А также тот самый шезлонг Cassina, который спроектировал известный архитектор-модернист и дизайнер Ле Корбюзье. Как обещают в салоне, «в нём можно даже лежать с поднятыми вверх ногами». Кстати, обивку можно выбрать из кожи, а можно — из шкуры коровы или пони. Пони — это потрясающе; представляю, как шёрстка бедного непарнокопытного будет ласково щекотать ушки и шею главному чиновнику в стране. Вообще, идеальное изобретение для отдыха после тяжелых политических баталий. Развалиться, вытянуть ножки, снять носки и, ковыряясь — вдумчиво, упорно, с наслаждением — в носу, подумать о новых планах: кого бы ещё «замочить», чтобы ещё такое перепродать в «Газпроме», кого казнить, кого миловать, где бы ещё ввести режим КТО [1]; ну и как бы ещё насолить этому НАТО. Или помечтать в этом положении о настоящем массаже ступней по-тайваньски…

Обычно даже в таких салонах никто вот так — зараз, за один

приём — не отоваривается. Это не «мебель из IKEA для быдла» [2]. Сюда приезжают вместе со своим дизайнером, *оценивают композицию меблировки для дома*, «философию интерьера». Долгий процесс. Ну, так богатые россияне подражают своим западным «коллегам»: надо походить, подумать, покивать на модные и чудные замечания дизайнера, сказать ему о своих пожеланиях и только после этого всё же купить то, что он скажет. А Людмила Путина — видимо, сама себе дизайнер, сама себе художник — ходила по салону и тыкала пальцем, словно в хлебобулочном отделе супермаркета.

Но историческую покупку в салоне она совершила в другой прекрасный день. На этот раз первая леди решила расплатиться налом. За нею по пятам шли охранник и водитель — у каждого в руках по два пакета из «Пятёрочки», туго набитые российскими рублями. Выбрала «спальню» — массивную, «тяжёлую» мебель классического стиля. Ну, и ещё всякую мелочь.

Пока на кассе пересчитывали деньги из пакетов, один из дизайнеров салона, консультировавшая важную покупательницу в тот день, решила выведать тайну первой — на тот момент — леди:

— Извините, Людмила, а для кого Вы берёте спальню? — робко зашелестела она.

Путина, и в правду, оказалась человеком вежливым: не оборвала, не нагрубила, в лицо не плюнула, наркотики в карман не подкинула. Ей, наверное, иногда так хочется с кем-нибудь поговорить, душу излить. По-женски. За рюмочкой ликёрчика. С шоколадками…

— А это для дочери. Подарок ей сделаю, — откровенно сказала первая леди и заулыбалась жизнерадостно.

— Для дочери? Но… Вы знаете, эта мебель всё-таки классическая, — не в меру осмелела сотрудница салона, почувствовавшая себя человеком. — Ну, не молодёжная. В такой спальне неуютно будет девушке… А вдруг не понравится?

— Не понравится?

Путина на мгновение задумалась, нахмурилась.

— Если не понравится, тогда — в подвал, — вдруг успокоила она и девушку, и себя. — У нас большое подвальное помещение.

И снова мило заулыбалась — и рабыня тоже почувствовала себя счастливой; сопричастной великому событию.

Обещаю стать таким же вежливым и добрым, когда буду иметь столько же денег. Но своих, не ворованных.

На следующий день за президентским заказом приехало «несколько грузовиков с федеральными номерами». Правильно, за госсчёт — не ловить же попутку! Правда, сотрудники, курившие

дешёвые сигареты у входа в магазин, номера машин не запомнили.

Дааа. Для одних — большинства — жизнь стала просто веселее, а для некоторых и веселее, и лучше. Вот справка о доходах президента России Путина за 2006 год, которую он предоставлял в ЦИК страны в 2007 году. Общий доход за 2006 год — 2 миллиона 11 тысяч 611 рублей 28 копеек. А ещё на счетах Путина в Сбербанке — 3 миллиона 83 тысячи 219 рублей 34 копейки, в ВТБ — 563 тысячи 763 рубля 35 копеек и в Балтийском Банке — 53 тысячи 317 рублей 50 копеек. Любимая супруга доходов в 2006 году не имела. Ничего себе… А где же активы «Газпрома», проданные и перепроданные своим людям? Где миллиарды североамериканских долларов? Где, хотя бы, деньги из пакетов «Пятерочки»? Да в одном таком кульке помещается в три раза больше рублей — тысячными купюрами — чем в этой справке о доходах — мы проверяли! Зачем он вообще эту справку публикует? Чтобы показать какой он продвинутый, современный глава государства? Это он так думает. Извиняюсь за резкость — всё-таки я не такой вежливый, как Людмила Путина — но этой справке могут верить только страдающие болезнью Альцгеймера.

Source URL: http://ostankino2013.com/mebel-dlja-podvalnogo-pomeshhenija.html

Газпром-ТВ

Все боялись этой съёмки. Особенно руководство НТВ. Они помнили, что произошло ровно год назад. Как им пришлось, спасая собственные тёпленькие места, сдавать подчинённых, увольнять сотрудников телеканала. Эти сытые и внешне довольные жизнью люди, захлёбываясь от волнения, унижались перед начальниками из «Газпрома», оправдывались как дети в детском саду, непроизвольно накакавшие под раскладушкой во время тихого часа.

Тогда, перед самым началом нового 2006 года, разразился российско-украинский газовый конфликт. Помните телевизионную «картинку» с перекрываемым вентилем? Помните, как испытывали гордость за Россию, злорадствуя над Украиной и Европой?

Напомню суть истории. В результате «оранжевой революции» в ноябре-декабре 2004-го года к власти в Украине пришла оппозиция во главе с Виктором Ющенко. Руководству России это очень не понравилось. И оно решило отомстить. Вот и вся причина.

Под самый конец года Кремль, важно надув щёки, решил дать понять, что с ним шутки плохи: мол, нечего украинской оранжевой власти, а заодно и всей несознательной Украине, эту власть выбравшую, жировать за счёт «Газпрома», главного «национального достояния».

— Нефиг хохлам сидеть на русской шее! — по-простому объяснял в приватных разговорах с тележурналистами «линию партии» официальный представитель ОАО «Газпром» Сергей Куприянов, смеясь красивому, как он предполагал, лексическому обороту.

Внешне всё выглядело прилично. Москва требовала, чтобы с нового года Украина платила уже не 50 долларов за тысячу кубометров — а «рыночную европейскую цену в 230 долларов». Часть газа — а именно 40 миллиардов кубометров[94] — Украина планировала закупать у Туркмении, и даже договорилась о сделке с Сапармуратом Ниязовым (украинские чиновники называли цену в 50 долларов, а туркменские — в 60 долларов), но «Газпром» надавив на среднеазиатского президента, заставил того отказаться от этого контракта. Правда, Ниязов открыто об этом не заявил (видимо, ждал, чем закончится конфликт и тогда уже выбрать позицию), и официальный Киев некоторое время делал вид, что большая часть идущего из России газа не российская, а транзитная.

В принципе, на конец декабря 2005 года Киев и Москва были готовы подписать договор о поставках «голубого топлива» по новой устраивающей обе стороны цене. Это было понятно. С 28 декабря в Москве находился министр топлива и энергетики Украины Иван Плачков, человек откровенный. Очень откровенный. Украинцы, подыгрывая Москве, ждали, чтобы Путин потешился, а потом «согласился» на новые условия. В конце концов, это и произошло — к вечеру 3 января стали известны подробности *«победы России и перехода на рыночные взаимоотношения с Украиной»*: теперь Киев будет покупать российский газ за… 95 долларов (а не за 50), а прокачивать по своей территории по тарифу… 1,6 (раньше было 1,09 долларов за тысячу кубометров на 100 км). Дааа. А где же «рыночная европейская формула в 230 долларов»? Получалось, что все остались при своих.

Как видите, ничего достойного попасть в историю. Обычные ценовые разборки-переговоры.

Однако, из всего этого в Кремле решили слепить геополитический цирк. Российское чиновничество под руководством Владимира Путина, обиженное на весь мир за многолетнее неуважительное отношение, вдруг решило устроить так называемое «шоу с вентилем». Подданные должны были понять следующее: Украина ворует наш газ, и, так как на новые рыночные цены с 1 января они не согласны, мы перекрываем им вентиль, и, хотя вентиль будем перекрывать мы, но это Киев виноват в том, что потребители российского газа в Европе — которые за него исправно платят — останутся зимой без газа. И главный месседж: теперь мы сильные и принуждаем всех нас уважать, если *они* (на Западе) не хотят этого делать по-хорошему. Пусть сытая Европа потрясёт своим возрастным целлюлитом, перепугается перспективой замёрзнуть, пооткрывает свои газовые хранилища, надавит на Украину, и с нами с пиететом заговорит. Как во времена Советского Союза.

Ну, ведь можно же было договориться с украинцами спокойно, но Кремль, не думая даже скрывать комплекса полноценности, порождённого ростом мировых цен на энергоресурсы, собрался показать всему миру, а, особенно, Западу, «в качестве воспитания» демонстративную порку — перекрыть идущий в — и через — Украину газ в прямом эфире 1 января 2006 года. Ведь энергоресурсы — это основное оружие современной России. Главные союзники чинушного государства давно уже не «армия и флот» и не какие-то там РВСН, а нефть и туркменский газ. *Этих* новых русских государственников волнуют не идеи, не Дарданеллы и Индийский океан, не СССР-2,

а *дивиденды* и *чистая прибыль*. Виллы. Банковские счета. Острова в частную собственность… Но, главное, чтобы ещё и уважали.

По справедливости, надо признать — большая часть подданных поддерживали такую порку. Подданных тоже не волнуют идеи, Проливы, океаны, «космические просторы»… Намного важнее «домашний кинотеатр», Ford Focus в кредит, шубка под песца в подарок жене, микроволновка… Но, главное, чтобы ещё и уважали. К тому же будет, что обсудить в длинные новогодние праздники за столом, под водочку. Жизнь продолжается! Борьба продолжается!

Так вот. По плану, шоу с вентилем должно было продлиться несколько первых январских дней. Главную роль в этой истории должна была сыграть телевизионная «картинка». В Курской области на компрессорной станции Высоконские дворы[95] заранее дежурило по несколько съёмочных групп от каждого телеканала — чтобы показать в прямом эфире в 10:00 1 января с разных ракурсов мужика в спецовке, завинчивающего вентиль — кульминацию конфликта-порки. Хотя понятно, что перекачка газа прекращается простым нажатием нескольких кнопок, но, для «картинки», мужик, крутящий вентиль — эффектнее! Постоянно работающие в корпунктах на Украине журналисты, вместе со съёмочными группами, отправленными туда из Москвы для подкрепления, должны были рыскать по стране в поисках «картинки» с замерзающими украинцами, в идеале — «ругающими оранжевую власть в Киеве». Европейские собкоры готовились показать довольным россиянам напуганных местных обывателей, в идеале — ругающих украинцев. Всех сотрудников телеканалов, даже тех, кто непосредственно не занимался этой темой, предупредили — в праздники не расслабляться, быть готовыми приступить к работе по первому звонку. А телевизионное начальство было вынуждено отменять запланированные отпуска на дорогие курорты, матеря в душе и Кремль, и «оранжевых», и «голубых», и славное советское прошлое.

Вообще-то, газ не перекрывали! Да не могли перекрыть! В реальности, снизили объём поставок по транзитной трубе, уменьшив, посчитав, на причитающуюся Украине долю. «Голубое топливо» в Европу идёт не по одной какой-то трубе, оно идёт через всю газотранспортную систему Украины, почти через все её области — это даже не газопровод — это газопроводная сеть, опутывающая всю соседнюю страну — так было задумано и построено ещё в советские времена. Кроме того, по харьковскому контракту от 21 июня 2002 года между ОАО «Газпром» и НАК «Нафтогаз Украины», пересекающий российско-украинскую

границу любой газ по пропорциональной схеме разбивается на транзитный и на причитающийся Украине — в счёт оплаты за транзит.[96] Но разве это главное? Кому-то нужно честное исследование ситуации? Поиск взаимовыгодного и корректного решения? Главное — что бы все увидели, «какие мы крутые».

Столько готовились, объясняли коллегам, давали понять, как освещать всю эту историю: конфликт! драка! обиды наружу! да воры они! и нет, такой нации — украинцы! это наши земли — часть Русского мира! да у нас Гагарин!! дыши моим перегаром! и, вообще, врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»!!! Она называлась Киевская Русь, а не Киевская Украина! Да, мы такие: сила есть — ума не надо!

И надо же. Новогодний праздник тщеславия Кремлю едва не испортил самый карманный, приручённый кремлёвский телеканал — НТВ.

1-е января. Первый посленовогодний дневной выпуск новостей в 13:00 дня. Ведущий — Алексей Суханов. Шеф-редактор бригады редакторов — Фёдор Тавровский. До эфира считанные минуты. На лентах информагентств появляется новость с пометкой «Срочно!» — Украина и Газпром договорились о цене, соглашение достигнуто! Наконец-то! Дружба! Жвачка! В предэфирной суматохе никто не обратил повышенного внимания на источник — «Интерфакс-Украина».

Суханов человек сложный, но профессионал редчайший, виртуоз оперативного телевидения и прямого эфира. И его бригада далеко не самая последняя в стране. Ребята всё сделали по хрестоматии: пришла срочная новость, её надо озвучить. Добавив, что, мол, уточнения и подробности в следующем выпуске. Источник есть — не анонимный, конкретный — всё, сенсация! даём в эфир. Сразу после прямого включения из здания «Газпрома» в Москве — с сообщением о том, что газ Украине перекрыт в 10 часов утра (с более честным пояснением: «В газопроводе, идущем на Украину, началось снижение давления») даём эту новость. Претензии — если они есть — к источнику! А телекомпания НТВ — первая.

Ага, CNN. BBC! Они не понимали, кто они в этой игре? О чём они думали на «летучках», когда им линию партии объясняли? Они, что «Российскую газету» не читают? Что, Фёдор не мог разбудить — говорят, всё же уехала на Новый год в другой часовой пояс — Миткову? Кулистикова оторвать от оливье и водки? Подумаешь — срочная новость! На советском телевидении большую часть информации умалчивали, а удобные новости могли в эфир попасть даже спустя недели — когда от всех инстанций согласование придёт. А в Туркмении запись одного и

того же выпуска новостей повторяют по три-четыре дня…

Скандал случился сразу же после этого выпуска. Оказывается, в Газпроме и в Кремле все выпуски отслеживали, проверяли, кто как прислуживает. А как же. Разбудили Миткову: «Татьяна, что всё это значит?» Кулистикову не дали нормально закусить мандарином: «Владимир, чтобы этого человека (о ведущем Алексее Суханове — Э.М.) больше не было в эфире! Для начала… А потом ещё с вами разберёмся…»

Всю бригаду — даже редакторов, режиссёров — в тот же день отстранили от работы. Потом ребят официально уволили. Кого оставили — разбросали по разным редакциям, как поступают с заключёнными из проблемного лагеря.

И Лёшу уволили, и Федю Тавровского. Эх, Федя, Федя. Отличный парень, и отличный журналист-международник. Взяли его потом обратно на НТВ. Шеф-редактором «Деловых новостей». Помучили, поунижали, но приняли обратно. Правда, напугали так, что он эту историю даже вспоминать теперь боится. А ребята из утренних выпусков новостей теперь по несколько раз проверяют, перепроверяют срочные новости — даже в ущерб оперативности.

Вот так руководство тогда, год назад, еле-еле спасло свои шкурки. Даже не пыталось защитить ребят. Да, за одну эту фразу-новость — о преждевременном окончании боевых действий между Россией и Украиной. Да, за то, что испортили праздник патриотам из «Газпрома»…

А тут новая «*газовая война между братьями-славянами*». Теперь уже между партнёрами по Союзному государству.

В год Беларусь закупает у России около 21 миллиард кубометров газа. По действовавшему с 2005 года договору — по цене 46,68 долларов за одну тысячу кубометров. Срок действия договора — до 1 января 2007 года. И весь 2006 год *главное национальное достояние России* — вернее люди, в руках которых оно находится — жёстко лоббировало четырёхкратное повышение цен за газ для Минска — до 200 долларов за тысячу кубометров. Как всегда, «Газпром» переговоры вёл в формате «я — большой и сильный, мне всё можно». Такой *голубой гигант. Голубой монстр.*

Вообще-то, цена вопроса была не в цене за газ. То есть не только в этом. Дело было в ОАО «Белтрансгаз» — газотранспортной инфраструктуре Беларуси[97]. Ещё в 2004 году «Газпром» пытался завладеть половиной акций этой компании — тоже грубо, дело дошло даже до полного прекращения подачи газа соседям — но успеха не добился. И вот новый шанс.

Теперь «Газпром» предлагал за 50 процентов акций компании 300 миллионов долларов, хотя во время предыдущего конфликта

готов был заплатить все 700 миллионов. Что же церемониться! И президент Беларуси Александр Лукашенко был прав — ну, не стоит «Белтрансгаз» таких денег, действительно, не стоит. Минск считал, что стоимость всей компании 10–17 миллиардов долларов.[98]

Весь 2006 год обе стороны спорили о ценах, ругали, шантажировали друг друга. В декабре Москва согласилась купить желанный пакет в 50 процентов акций за 2,5 миллиарда долларов. А о цене за российский газ два президента никак не могли договориться. Газпром уже соглашался на цену в 105 долларов за тысячу кубометров (75 долларов деньгами плюс 30 долларов — акциями Белтрансгаза). Беларусь предлагала цену 75 долларов за тысячу кубометров (45 — деньгами и 30 — акциями Белтрансгаза).

Год заканчивался, а они всё спорили.

Это была самая длинная в моей жизни съёмка в Москве. Началась в 10 утра 31 декабря 2006 года, закончилась утром 1 января 2007 года. Зачем нас так рано собрали в здании «Газпрома», если было понятно, что переговоры будут идти долго — не знаю?

По плану, мы должны были освещать процедуру подписания контракта между Газпромом и Минском. Последний день 2006 года. Если они не договорятся сегодня, «Газпром» угрожал перекрыть газ в 10.00 1 января 2007 года.

Мне дали аж три съёмочные группы: две работали со мной в здании «Газпрома», а третья — сидела на подхвате в машине. А ещё у меня были две (!) «тарелки» для «перегона» отснятого материала в студию.

Да, я тоже задавался вопросом — почему именно меня послали на эту съёмку? Я же ненадёжный, это все знали: лично сам себя я на такую ответственную съёмку не отправил бы. А ведь начальство боялось провалить это задание. Ох, как они боялись. И повод у них был. Ещё накануне меня вызвал к себе Пётр Орлов «для консультаций».

— Только не опаздывай завтра, Эльхан. Я тебя знаю! — стал гипнотизировать меня взглядом мой непосредственный начальник. — Надо быть на месте заранее — за час до начала. И не с кем не конфликтуй.

— А я разве с кем-то конфликтую? — и стал нахально разглядывать шлем толи космонавта, толи водолаза у него на шкафу.

Интересно, зачем ему он нужен? Может, его в космос послать, а? Прямо сейчас…

Гипноз у Орлова не получался — вздохнул, почесал у себя в

бороде, а глаза сделались грустными-грустными.

— Смотри, Эльхан. Я не хочу из-за тебя пи. ды получать.

— Не понял!

— Ты же знаешь такая съёмка важная.

И тут его посетило вдохновение модным флагомахательным патриотизмом.

— Белорусы, вообще, оборзели. Мало с нас украинцев. Все только и воруют у России. Они думают — мы их на своей шее носить будем?! Пусть соглашаются на наши цены. Лукашенко над нами издевается, что ли?! Пусть своих белорусов дурит… Не можем же мы им так дёшево газ продавать?!

Это и были ценные указания от начальства перед съёмкой. Наверное, Орлову это тоже кто-то объяснил — вышестоящий.

— Даа, Петя. А я думал, что всё дело — в газораспределительной системе Беларуси, — стал я откровенно над ним насмехаться.

Не то что Лукашенко мне так нравился, но не настолько же бесстыдно выполнять команду «Фас!» из Кремля. Это выводило из себя. Интересно, про Путина он тоже так может сказать?

— Да ты что?! Да белорусы за наш счёт живут. Они… ммм… они должны нас на коленях благодарить. Да если бы не Россия, Луку давно бы смели! — Орлов заволновался, продолжая стрелять аргументацией интернетовского форум-юзера, только достигшего пубертатного возраста.

— Петя, а не фиг на чужую собственность так кидаться. Кому это понравится? Если это бизнес — пусть покупает. Сели за стол, договорились, купили. А это всё — мелкоуголовный шантаж! Это не бизнес. В этой истории, Петя, мои симпатии точно не на стороне «Газпрома». Вот!

Орлову стало не по себе. У него пропал голос.

— У тебя ошибочная позиция! — проскрипел он, предполагая, к чему может привести моя политико-идеологическая несознательность. — «Газпром» всё делает правильно!

Вот именно так. Не «Ты неправ», и не «Ты ошибаешься», а, видите ли, позиция ошибочная.

— Зато позиция, Петя! Своя позиция, Петя, своя! — нагрубил я этому тяжело больному человеку и вышел из кабинета.

Пусть я — дурак, но со своим мнением. Любопытно, аудитории НТВ важно знать, насколько Россия зависит от соседей? Ну, например, от украинской электроэнергетики? И что станет с несколькими регионами страны, перекрой Киев свой электро-«вентиль»? Интересно? А про то, что даже без грузинской электроэнергии юг страны погрузится в тьму, не интересно? Нет?

На съёмку я приехал в 10:30. Поспал лишние полчаса. Интуиция не обманула…

Показать стране и миру новую победу российских властей должны были все федеральные телеканалы, основные информагентства, центральные газеты и несколько радиостанций — в здании «Газпрома» собрали больше сотни журналистов. По идее — капитуляция белорусов должна была быть скорой. И эффектной — в последний день года. Получилась бы такая жирная точка в мажорной победоносной песне Кремля во славу самому себе.

Зря *они* недооценивали белорусов. Эти защищались до последнего. От этого у переговорщиков с российской стороны портилось настроение. Они же думали, всё будет, как на параде — легко, красиво, с новогодним салютом, с шампанским. А тут Путин мучает Суркова, Сурков — Миллера, тот орёт на Куприянова. Все вместе орут на карманных заискивающе-любопытствующих начальников из СМИ. Нервы, смешки, шампанское стынет. А тут ещё жёны, любовницы, дети достают: «Папа, ты когда придёшь? Ты же обещал!» Какое тут НТВ?! Чтобы вы сдохли — «Вести 24»!

— Ну, что они говорят, Эльхан? — в очередной раз звонила Миткова. — Между собой газпромовские хоть на что-то намекают? Это же будет катастрофа — если не подпишут сегодня!

Был уже вечер. Начальство, «выпуски»[99] звонят каждые десять минут. А что им говорить — Минск и «Газпром» упрямятся.

Больше всего в тот день я разговаривал с Митковой и Орловым. Вначале им подыгрывал — ну, жалко же людей — а потом стал издеваться. За вечер от главного редактора — больше сорока звонков, от её зама — ещё больше. Плюс кучу смсок, то панического содержания, то с ЦУ — чем дольше всё затягивалось, первые превалировали — на которые я перестал обращать внимание после 13:00, а читать и смеяться — ближе к 20:00. Было и такого содержания: «Ну, как там, Эльханчик?» «Ну что?» «Почему ты молчишь?» «Умоляю тебя — держи меня в курсе?» И самое потрясающее: «Ну, почему ты такой?!» У Пети явно был нехилый стаж смс-зависимости.

Они — что: сами Куприянову или Миллеру позвонить не могут? Боятся? Обычно же общаются… Видимо, их уже не раз посылали в тот вечер… к Деду Морозу. Интересно, даже такой неадекватный президент как Джордж Буш-младший может послать главного редактора CNN или совсем уж подконтрольного и сервильного Fox News к Санта Клаусу перед Новым годом? Думаю, может — но про себя. Или громко, но положив трубку. Даже главреда карманного Fox News.

Чиновники из белорусской делегации, прилетевшие в Москву во главе с первым вице-премьером Владимиром Семашко, когда я ещё спал, выглядели если не довольными, то уже умиротворёнными. Один из них поделился со мной радостной новостью — мол, о цене на газ на 2007 год с Газпромом договорились ещё вчера вечером по телефону: 100 долларов за тысячу кубометров. Осталось только уточнить ставку на транзит: раньше она была 0,75 долларов за одну тысячу кубометров газа на 100 км, а сейчас белорусы настаивают на 1,65 долларов. И об этом, по его словам, «почти договорились». Мол, если бы не «Да» от «Газпрома», Семашко в Москву бы не прилетел.

— Главное, завтра утром газ не отключат. Это было бы трагедией, — а потом с надрывом вздохнул и выдохнул. — Пронесло!

Я засомневался — видел же хмурые лица этих людей из «Газпрома». Но белорус нервно хохотнул и привёл аргумент: у них, мол, и билеты домой уже куплены — обычным вечерним авиарейсом Москва-Минск.

Зря они так быстро расслабились.

— К сожалению, вчерашний день так и не принёс результатов на переговорах о поставках газа в Белоруссию. Мы где-то до часа ночи продолжали телефонные переговоры и обмен факсами с нашими белорусскими коллегами, однако к какому-то результату мы так и не пришли!

Это было первое в то утро интервью Сергея Куприянова нашему телеканалу. Большую часть дня эту мантру он твердил всем телеканалам и информагентствам.

Значит, согласившись по телефону с ценой на 2007 год, эти перцы из «Газпрома» просто выманили белорусов в Москву — и тут предъявили ультиматум: вместе с ценами на 2007 год подписываем пакет документов о ценах на последующие годы и по «Белтрансгазу».

— Переговоры продолжаются, промежуточные итоги, мы считаем, комментировать преждевременно.

Когда камеры включены у Куприянова появляется жёсткое выражение лица. По их мнению, такое и должно быть у официального представителя гиганта-монополиста. Демонстрация силы и абсолютной власти — Куприянов старается. Видимо, парень долго тренировался перед зеркалом, учился играть роль «ястреба» из «Газпрома».

Хотя обычно, у него недовольно-озабоченный взгляд на окружающий мир. Заходит в зал пресс-центра, высокомерно и с раздражением оглядывает журналистов — словно, мы больше всех виноваты, словно мы — те самые «неблагодарные белорусы»

или «ворующие газ украинцы». С ненавистью смотрит на заставленный микрофонами стол. Потом замирает перед камерами — «зависает» на несколько секунд в поисках нужной программы — и только потом машет рукой: «Включайте!»

Дааа, всего один раз в жизни я видел его глаза добрыми и даже слегка влажными. Где-то полгода назад. Он тогда разговаривал по телефону с кем-то, кого называл «Дорогая», улыбался и смущался. Лицо официального представителя «Газпрома» было другим, неузнаваемым. Человеческим.

Ну, может же человек. А тут — металлическим голосом:

— У нас осталось ещё шесть часов для того, чтобы достичь окончательных договоренностей. Если этого не произойдёт, то мы начнем подготовку к прекращению подачи газа для потребителей Белоруссии и завершим её к 10 часам утра следующего дня.

Время около трёх дня. За территорию «Газпрома» охранники не выпускают. Вот это новость! А есть мы что будем, интересно? Я, вообще-то, даже не позавтракал.

Нашёл девушку из пресс-службы компании — Наталью Шимонову.

— Где у вас здесь столовая?

Смотрит на меня пустым взглядом. Задумалась.

Прошла минута. Девушка молчит — думает. Просто стоит и смотрит — то на меня, то на потолок.

Они — что: полагают, я — штатив? мне есть не надо? или микрофон?

Информированные коллеги поделились координатами местной столовой. Человек двадцать собралось в путь.

— Стойте! Не ходите! — «проснулась» сотрудница пресс-службы.

— Что??? — испугались мы. — Что случилось?

— Куда вы? — оглушила нас Наталья криком Ярославны.

— Ну, жрать охота, ну! — за всех ответил оператор, кажется, с «России».

— А вдруг подпишут сейчас.

— Вы так думаете? — кто-то обречённо засмеялся.

— А если Куприянов что-то захочет сказать?..

— Лично я пошёл есть, — громко говорю своим операторам.

Половина из поднявшихся снова сели на свои места. Потом, по одному бегали в столовую.

Хотя кормят тут неплохо. Натуральные продукты, без жира. Но не так дёшево и разнообразно, как в Думе.

На обратном пути прогулялся по коридорам этого *святилища*.

Кто видел эту газпромовскую каланчу на улице Намёткина,

дом 16, меня поймут. О, небо, что за ужасное здание! Большое, олицетворяющее силу и хамство, мало того, что нефункциональное — какие-то коридоры, множество холлов с болезненными цветочками — да к тому же без чувства и энергии, без жизни. Стекло и железобетон с избытком режущих взгляд прямых линий и углов. Надгробный памятник в виде столба-стелы. Детородный орган в объятия небесам.

Это кто же решил таким способом изнасиловать местный архитектурный ансамбль, а? Кто устроил эту московскую тренировку перед стройкой Охта-центр в Питере? За что, В.И. Хавин[100]? Человек понимал, что архитектура — это искусство? А не дубайско-гонконгский строительный ширпотрёб. Это же как белые носки с классическими ботинками, как картины Никаса Сафронова в Третьяковке, как королева Великобритании в лосинах. Или как Салман Радуев в качестве участника детского «Евровидения». Это не искусство!

Железобетонный уродец. Однако, точно соответствует *их* эстетическому представлению о современности. С этими людьми даже не надо беседовать, не надо интересоваться уровнем их образования или вкусом. Спрашивать про любимые книги и кинофильмы; как относятся к животным, к Природе. Надо посмотреть на здание, в котором им нравится работать, и становится всё ясно — это снобы, самодовольные жабы, считающие себя богами-олимпийцами.

Когда смотришь на окружающую эту застройку панораму, в голове первая ассоциация — «зачистка»! Заборы, охрана по периметру, простреливаемая территория — как на ладони, минимум «зелёнки». Философия крепости, стремящейся к осаде. Феодальный замок в окружении — покорённых аборигенов. Окружающий мир — это враг! «*Мир — это война*». «*Любовь — это ненависть*».

Вот так и государство *они* строят… Мне одна знакомая, бывшая сотрудница «Газпрома» — восемь лет в этом здании проработала — жаловалась: люди думают, что у всех здесь большие зарплаты, а в реальности — только у топ-менеджеров. Хорошо живётся ещё всякому начальству, и тем, кто имеет отношение к «откатам», а у подавляющего большинства зарплата в два раза меньше среднемосковской. А понтов столько! Сколько же понтов! Понты на фоне окружающей нищеты. Газпром — это Россия. Россия — это Газпром.

Как можно доверять страну, даже одно «национальное достояние» — почти как достоинство — в руки людей с таким вкусом, людям, в душе которых такая антигармония и столько болячек?

Не верите? Ну, и получайте этот Охта-центр! Никуда не денетесь…

Седьмой час вечера. Самолет Москва-Минск уже в воздухе. Билеты пропали.

Увидел того белорусского чиновника, что делился утром оптимизмом. Приунывший. Помятый какой-то. А как же. Батька Лукашенко ведь по телевизору уже заявил перед всей *своей* страной — все проблемы «по газу» с Россией решены. А тут им в самый последний день года взяли да прищемили пальцы.

Вдруг остановился и подошёл ко мне. Заглядываю ему в глаза, а там — отряд белорусских партизан готовит засаду фрицам в лесной полосе.

— Мы *им* ещё покажем! — махнул он в сторону соседнего корпуса. — Такие вещи не забывают…

У меня почему-то вырвалось: «Спасибо». Наверное — из-за «им». Мог же сказать: «вам». Мог ещё и ударить, ведь…

21:00 31 декабря 2006 года.

Глаза у Куприянова злые-злые. На мой вопрос: «Сдержите слово — отключите газ завтра утром, если не подпишите сегодня?», посмотрел на меня как на кровного врага, как Патрушев на фотографию Басаева или как Парфёнов на рецепт от Николая Сенкевича. И не ответил. Высокомерно посмотрел на мои ботинки, а потом мне в глаза. Что-то матерное едва не вылетело из его рта. Но сдержался — рядом стояли коллеги — и направился к столу с микрофонами.

Я-то здесь причём? Хотя… Любишь медок — люби и холодок! Надо будет этот вопрос задать ему при включённой камере. Отдельно от коллег.

— Мы готовы хоть под бой курантов подписать контракты. Белоруссия всё-таки не чужой для нас народ, но готова ли белорусская сторона и белорусские руководители это сделать?

Давит на жалость. Дали слово, а теперь страшно. Да, ещё одно «шоу с вентилем» никто в мире не поймёт. Имидж ненадёжного партнёра. Раньше об этом надо было думать, тогда — с Украиной. Перевожу. Для окружающего мира российско-белорусские проблемы — это удар в первую очередь по имиджу Москвы, даже если реальной вины Минска в этих проблемах больше. Если Россия не может договориться — уговорить, сладить — даже с Беларусью, если даже с ближайшей по крови, истории и культурологическому родству страной переговоры идут в таком склочном формате, то уж простите…

Никому не дают спокойно встретить Новый год. Власти от отчаяния решили привлечь главного федерального шута — Жириновского. Вот Владимир Вольфович в сердцах ругался, когда

ему по телефону сообщили задание! Но что же поделаешь? Партия сказала: «Надо!» И тот, взяв под козырёк, позвонил в РИА-Новости.

«Фракция ЛДПР намерена провести 1 января в 14.00 пикет перед центральным офисом «Газпрома» в Москве в поддержку позиции газового концерна по установлению рыночных цен на экспортируемый российский газ, сообщил в воскресенье лидер либерал-демократов, вице-спикер Госдумы Владимир Жириновский».

Самое странное — это время пикета, два часа дня. Если в Кремле уверены, что подпишут соглашение сегодня — значит, пикет завтра не понадобится. Так. Значит, понимают, что возможно сегодня не договорятся с белорусами. И готовятся вести переговоры и завтра, а пикет нужен будет для «телекартинки» — для демонстрации «возмущённого общественного мнения». Если бы собирались перекрывать газ — тогда пикет проводили бы в 10:00 утра: вот, мол, и народ перед «Газпромом» нас пришёл поддержать. Ещё раз — в Кремле боятся, что, первое, соглашения сегодня не будет, второе, что и отключать 1 января в 10:00 они газ тоже не решатся, как это было в прошлом году с Украиной. А может, Жирик — да и в Кремле тоже — понимал, что раньше полудня от новогодней пьянки не очухается.

До Нового года осталось меньше двух часов.

Наконец-то. Прибежала Наталья Шимонова. Кричит на бегу.

— Договорились! Договорились! Сейчас будет пресуха у Семашко. Сам всё скажет!

А потом ещё:

— Yesssss!!! Мы сделали это! Мы их сделали!

Ужас! Это повод для радости? Вот если бы у Миллера[101] ребёнок родился. Ещё один сын… Или если бы человек высадился бы на Марс… Нет, лучше — если бы мир отказался бы от атомного оружия и перестал, наконец, вырубку лесов! Вот!

Ещё одна.

— Эльханчик, дорогой, ты почему не звонишь? — говорит в трубку сладкий голосок Митковой. — Такая новость! А я узнаю по информагентствам. Ну, как там? Ну, рассказывай — что говорят, какие слухи, что ты сам видел?

Объясняю, мол, здесь пресуха, лучше — потом. А она не отстаёт. Я же не могу слушать Семашко и Миткову одновременно.

Пресс-конференция вице-премьера Беларуси прошла без меня. Договорились и по ценам на газ и по «Белтрансгазу».

Вице-премьера им мало. Газпромовские требуют, чтобы соглашение визировал премьер-министр Беларуси. Для надёжности. Да, если бы от них зависело — настояли бы, чтобы

сам Лука поставил свою подпись под документом.

Из Минска сообщают, что Сергей Сидорский уже вылетел в Москву.

Белорусских чиновников не видно. Газпромовские ходят хмурые — не подойти. Опять???

Узнал. Оказалось, в начале договорились об одной ставке на транзит газа по территории Беларуси, а в соглашении, подготовленным газпромовскими, прописана другая сумма — меньшая. Снова начались споры, взаимные обвинения.

В пресс-центре с самого утра вместе с нами мучается небольшая группа белорусских коллег. Держатся обособленно. Общения с российскими журналистами избегают. Люди из другого информационно-культурного пространства со своей «линией партии»: там, в Кремле не хотят Союзного государства в виде конфедерации равноправных стран-партнёров; надо противостоять введению российского рубля в качестве единого платёжного средства и «аншлюсу», насильственному подчинению Беларуси Россией.

Один из них — видно за километр, что телевизионщик — сидит в общем зале в самом углу. Подхожу, демонстрируя отсутствие оружия.

— Вы откуда?

— Сбэтэ.

— Чего?

— Я с БТ! С АТН! — произнёс он по буквам.

Попросил его объясниться. Аха. БТ — это Белтелерадиокомпания.

— Это так у вас телеканал называется? — не специально вырвалось у меня.

Ну, вот — ещё больше испортил имидж России.

— Угу, — обидевшись, хмуро ответил коллега и сделал недружественный шаг — уткнулся в свои записи. — Мне текст учить надо.

Стал что-то бубнить под нос.

— Дай свой телефон.

— Зачем? — вдруг растаял коллега.

— Ну, для контактов.

Представился даже, заулыбался. Андрей Кривошеев, спецкор АТН[102].

Только я отлучился из пресс-центра на улицу покурить и на тебе — пропустил начало интересной истории.

— …из нищеты. Чё им надо этим белорусам от нас?! Сидят на шее России. Девять миллионов нахлебников. Сколько можно?! — заходя в зал, услышал я и тихо присел неподалёку.

Это выступала корреспондент Russia Today. Такой спутниковый российский телеканал на английском языке — для «создания положительного имиджа России в мире», а в реальности — для создания положительного имиджа тех, кто сидит в Кремле (то есть пропаганды политики Кремля среди внешней аудитории). *Современный* аналог Иновещания и АПН. При ЦТ.

Даме неопределённого возраста что-то не давало успокоиться: произнося свою короткую речь, она то вскакивала, то падала на стул, и снова вскакивала. Обращалась, вроде бы, к своим сидящим собеседникам мужского пола, но говорила настолько громко, чтобы слышали все находившиеся в помещении.

— Бии-лаа-руу-сы, тоже мне! — искривившись всем телом и лицом, выдохнула она, а потом добавила ещё несколько нецензурных междометий.

Сидевший в пяти метрах от неё Андрей вздрогнул и заёрзал на месте. Он продолжал смотреть в свой блокнот и слушать. Не знаю, я бы на его месте сломал камеру этого телеканала за такие слова.

Хотел сделать замечание коллеге. Спрашиваю у операторов Russia Today про их корреспондентку. Отвечают — зовут её Карина Меликян. Таааак! Слушаем дальше.

— Всё это «белорусское экономическое чудо» — за наш счёт, — скандально горячилась госпожа Меликян, экстатически размахивая руками и другими частями тела, и вдруг сделала неожиданный вывод, добавив интриги. — Единственный настоящий союзник России — это Армения. Вот Армения *нас* никогда не подводила! Армяне Россию никогда не предавали! Ни-ког-да!

Спецкор АТН, проткнув её взглядом исподлобья, вздохнул, покачал головой — видимо, присоединяясь мысленно к тем парням в лесной полосе — и снова уткнулся в свои записи.

Ещё несколько коллег из соседней страны просто встали и вышли в коридор.

Наверное, конфликтов в тот вечер не было благодаря знаменитому белорусскому терпению. Эх, эта белорусская флегма. Белорусы ведь — это нация-философ. Индусы Европы.

Вообще, соседство с Россией понуждает многие нации к философствованию и критическому отношению к геополитической действительности. Такой геополитический детерминизм. Но здесь другое. Эти флегматики рассуждают так: была Речь Посполитая и где она сейчас, а? Татаро-монголы не дошли, Наполеон прошёл (пришёл и ушёл), Российская империя

разложилась, гитлеровцы сбежали, СССР кончился, и Батьку вынесем. Пока тот борется с российским рублём — будут терпеть. Никто не понимает экзистенциальную душу этой нации. Импонируют они мне. Вот мы, азербайджанцы, пока строили государство со всеми перевоевали, перессорились. Что поделаешь — The land of fire. От одного азербайджанца больше тленной суеты, чем от 50 белорусов или шести украинцев. А эти — сидят в центре Европы, подперев голову ладонями, смотрят вокруг, наблюдают и берегут нервные клетки.

Кто ездил в Минск — поймёт. Да, напоминает стабильные советские застойные времена, такой островок в эпицентре тихоокеанского шторма. Но, однозначно, вывод не в пользу российской столицы: чистота на улицах, можно найти качественную и дешёвую гостиницу. И с едой тоже самое. А то можно бить себя в грудь — мол, живём в одном из самых тусовочных и дорогих городов мира, не замечая сугробы, рассыпающийся асфальт и грязь на центральных московских улицах. А цены? Кроме тусующихся в клубах, здесь ещё и люди живут. Почему я, обычный налогоплательщик, человек, мягко говоря, небогатый, должен платить за этот пиар, оплачивая нереальные коммунальные платежи и фантастическую ипотеку, отдавая свои деньги на непонятно почему растущие цены?

И, кстати, о Лукашенко. Александре Григорьевиче. При всех его грехах, он-то свой народ понимает, он хотя бы социализм там пытается сохранить — советского разлива, убогий, с номенклатурной кастой, но социализм — а не строит кланово-олигархический капитализм в крайне извращённой форме. И счетов за рубежом у него нет. И элита не кичится своим богатством — заморскими яхтами, замками, футбольными клубами — перед нищей страной. Если у какого-то чиновника что-то такое и припасено, он даже жене об этом шёпотом рассказывает. Белорусы этого не поймут. Лучше уж белорусы на шее, чем свои олигархи. Да, в Системе Лукашенко есть логика! К тому же, Россия тоже пользуется за счёт Беларуси: транзит некоторых грузов через неё бесплатный, да и о важнейших российских военных объектах на территории соседнего государства не надо забывать. Они обеспечиваются за счёт белорусской стороны, кстати. И не надо лукавить про Лукашенко. Он-то сам очень выгоден Кремлю.

Ещё раз — я не защищаю Лукашенко. Но в действиях этого диктатора логики больше. С гуманистической точки зрения, существо ещё то. Но логики-то — больше!

Да, соседи долго пользовались низкими ценами на энергоносители. Вот чиновники из МЭРТа, оправдывая жёсткие

меры в отношении Минска, раньше утверждали: у них пенсии выше, чем в России — на 16 процентов в 2006 году — из-за дармовых цен на российский газ и нефть (которые белорусы ещё и перепродают), что приносят дополнительные вливания в бюджет их страны. Во-первых, не на 16, а на все 30 процентов (как-то по-другому в МЭРТе считали), а, во-вторых, пенсии в России несущественно отличаются после того, как стоимость на газ для Беларуси изменилась — за 2009 год разница на 15,9 процентов [103]. Почти заветные 16. Конечно, парни и девушки из МЭРТа могут хлопать в ладошки и злорадствовать, но соотношение не впечатляет. Есть ещё и в-третьих — цены в соседней стране намного ниже. Намного. Пусть меня либеральные экономисты забросают тапками, но и льготы там сохранены. А за то, что Минск пытается платить нормальные пенсии, удерживать низкие цены, лоббировать интересы своего товаропроизводителя, так этому учиться надо. Если даже не методам, как это делает Лукашенко, то самой идее, философии. Только не надо говорить, что «Газпром» — это и есть реализация идеи защиты интересов национальных компаний. Не надо.

Что делать, у всех экономик стран из бывшего Советского Союза одинаковая проблема — испорченность дешёвыми энергоносителями. Тот же газ: во всём мире это — самое дорогое топливо, а обратите внимание, как вы его расходуете у себя на кухне. А видели бы, как газ переводят на предприятиях. Вся жизнедеятельность на этом паразитизме построена. Разве главные источники дохода в российский бюджет — это результат человеческой продуктивности? Да Иван Михайлович Губкин в гробу переворачивается, видя, как разбазариваются недра. Где этот высокоинтеллектуальный труд, приносящий доход в бюджет страны широким потоком? Страна паразитирует на зауральских природных ресурсах. И этому счастью не очень-то стоит радоваться. Ой, как потом больно будет.

Лёгкие деньги и комплекс полноценности погубят государство. Иметь всё и превратить это в трагедию, из богатства сделать оружие самоуничтожения, нация в поисках «Синей птицы», обанкротить губернию, чтобы купить «Майбах», а все беды свалить на врага (Запад, жидомасонов, кавказцев), так заиграться толи в бизнес, толи в геополитику с главной надеждой российской газовой отрасли, что слово «Штокман» стало ассоциироваться с Евгением Петросяном — это очень по-русски. Ну, что же — будет хороший сюжет для героического эпоса.

Эти самоуверенные люди не понимают или забывают или не хотят видеть, что история не раз ставила самых самоуверенных людей — группы людей, очень большие группы людей, в том

числе расположенные на очень больших территориях — в самую несамоуверенную позу…

Одна из первых «газовых войн» на постсоветском пространстве началась в 97-м году между Россией и Туркменистаном. «Газпром» тогда считал себя ещё более «большим и сильным»: единственная возможность у Ашхабада продавать свой газ была лишь только при помощи российской газотранспортной системы (так строилось и задумывалось ещё в советское время). Тогдашний глава «Газпрома» Рем Вяхирев при помощи частной карманной компании «Итера» покупал у Туркменистана газ по одной цене, а потом перепродавал его по цене в 3–4 раза[104] выше. Хороший такой, высокоинтеллектуальный бизнес.

Конфликт начался зимой-весной 1997 года, когда неплатежи за перепродаваемый «Итерой» в Украину туркменский газ достигли совсем уже неприличных и оскорбительных размеров, а распоряжаться своим богатством самому Ашхабаду (а именно — продавать газ хотя бы по близкой к нормальной цене и заключать контракты непосредственно с покупателем) — мешал монопольный диктат Москвы и высокопоставленных чиновников — в виде газпромовской *посреднической* дубины АО «Туркменросгаз»… Тогда договориться мирно, интеллигентно — за столом переговоров — не удалось. Тогда и случилось «Шоу с вентилем-1»: «Газпром» решил не только не покупать, а даже в качестве транзитного газа не пропускать туркменский газ через российскую территорию. А Рем Вяхирев на телекамеры и в интервью газетам вёл себя как барин, говорящий о своих крепостных: «Никуда эти туркмены не денутся, сами на коленях приползут», «Туркменам пески кушать надо», «Наверное, клиент пока не дозрел» и т. д.

Туркменистану и в правду пришлось туго — из-за прекращения добычи газа на многих газовых месторождениях пострадала газодобывающая отрасль страны, и в бюджете денег стало меньше. Но Ашхабад не сдался. 29 декабря 1997 года заработал газопровод в Иран мощностью в шесть миллиардов кубометров в год[105] — первая альтернативная российской «дорожка» для туркменского газа. Начались переговоры с Азербайджаном о Транскаспийском газопроводе в обход России.

А в 99-м году объём добываемого «Газпромом» газа резко упал. Наступило похмелье, и, делать нечего, в декабре того года Рему Вяхиреву пришлось самому «ползти» к Сапармурату Ниязову в Ашхабад и перед специально приглашёнными туркменской стороной телекамерами униженно, клянясь «мамой и папой», официально «извиняться за ту глупость». Хотя винил Вяхирев в

своих словах больше журналистов, российские коллеги на него, почему-то, не обижались и запись той встречи в эфире стране не показали.

Думаете, что-то изменилось? Конечно. Сейчас.

Перед самым началом российско-украинского газового конфликта 2005–2006 гг. я был свидетелем одной сцены в «Газпроме». Один известный журналист из *дорогого и стильного* российского журнала с зарубежным капиталом общался с официальным представителем концерна Сергеем Куприяновым, который, как потом неожиданно выяснилось в статье, вдруг стал «неназванным источником из российской компании». Ну, это такая фишка, придуманная коллегами для солидности: если просто сказать пресс-секретарь Куприянов или, например, очередной специалист по связям с общественностью компании «Мегафон», то от этой вербальной конструкции-представления у читателя или зрителя ноль эмоций как от овала куриного яйца — ну, пресс-сек так пресс-сек. А от загадочного «неназванный источник из Кремля (Белого Дома, Госдумы, с авианосца «Адмирал Кузнецов», из Головинского ЖЭКа)» пахнет интригой, мол, это не просто журналист, а прямо волшебный медиум, общающийся с потусторонними таинственными чуваками.

Так вот. Я стоял рядом и открыто слушал их разговор. Куприянов подмигивал коллеге, радовался и веселился чему-то, как ребёнок: «Пиши — плачут, клянчат. Вот так и напиши. Надо их подёргать. Мы их за яйца держим». А потом почесал подбородок, подумал и добавил: «Можешь, про яйца не писать. Ну, точки поставь».

Не топ-менеджер, а гоп-менеджер какой-то.

Кто-нибудь может объяснить? Что за уничижительный *пахмельно-неполиткорректный патриотизм?* Что за комплексы? Неужели, чтобы почувствовать себя сильнее, надо унизить другого? Откуда у этих людей, называющих себя топ-менеджерами, депутатами, премьер-министрами и президентами пехотно-портяночная армейская лексика и обкомовско-номенклатурное мышление? Может, Миронову, Грызлову, Путину, Зубкову и даже Зурабову лавры Столыпина, Победоносцева, Витте и Сталина не дают спокойно запивать французским шампанским тушёные в кокосовом соусе плавники тигровой акулы? Понимаю, хочется попасть в энциклопедии и в учебники истории. Мужички, успокойтесь.

Можно же сидеть спокойно на транзитной трубе и продавать — вернее, перепродавать — в Европу этот среднеазиатский газ. Договариваясь без конфликта и шума, не пытаясь весь мир попрекать и обвинять в неблагодарности. Принцип — хочешь

жить лучше, зарабатывай больше — правильный. И надо переходить к европейским ценам: та же Норвегия продаёт свой газ в два-три раза дороже, чем самый дорогой российский, а тем более туркменский, газ на пространстве СНГ. Надо — делайте, но не так же. Сейчас бизнес — это во многом дипломатия. И хорошая дипломатия дороже боевых действий.

А, получается, «Газпром» как газета «Твой день». Из-за этого национального достояния у страны страдает национальное достоинство. Одни скандалы. Каждый новый год. Наверное, Сурков хочет стать Шекспиром геополитики: Россия со своим газовым концерном — это Король Лир, а Украина, Беларусь и Грузия — это его три дочери. А по-моему, лучше бы, чтобы Медведев — это Отелло, а Путин — Дездемона. Или наоборот.

Всё равно придётся договариваться.

С поставщиками — с Туркменистаном, Азербайджаном, Узбекистаном, Казахстаном — потому что у «Газпрома» катастрофически падает добыча собственно российского газа: главные российские газовые промыслы — ямало-ненецкие, эксплуатируются с советских времён, добыча на них падает. А спрос даже для внутрироссийского рынка только растёт. И нового газа нету. Новые богатейшие месторождения, даже на том же полуострове Ямал — труднодоступные, в пределах вечной мерзлоты или, например, на морском шельфе. Всё это требует инвестиций в несколько десятков миллиардов долларов на освоение каждого месторождения, а у «Газпрома», помимо тупого менеджмента, колоссальные долги. Да и сам этот труднодоступный газ — «грязный», с высоким содержанием углеводородов. Для его добычи и переработки нужны западные технологии и специалисты, а, значит, придётся привлекать иностранные компании. Так что и с Западом придётся договариваться.

Как и со странами-транзитёрами. Вот история с газопроводом «Северный поток» (мощность — 27,5 миллиардов кубометров одной ветки) — якобы он позволит обойти неблагонадёжных Беларусь и Польшу. Во-первых, он страшно дорогой — его окончательная цена будет не ниже 20 миллиардов долларов. Могу спорить. Но, главное, он будет пролегать через финские и шведские территориальные воды. Та же зависимость. А «Южный поток». Его преподносят, как возможность обойти Украину, якобы, так Москва накажет Киев (и надавит на Турцию, которая оказалась очень хитрым и неудобным партнёром по газопроводу «Голубой поток»). Конечно. Сейчас. Его стоимость уже предполагается больше 20 миллиардов долларов. Да и придётся договариваться или с Турцией, или с той же Украиной (!), через

воды которой трубопровод может пройти. Но самое главное — пропускная способность «Южного потока» около 30 миллиардов кубометров. Но пропускная способность украинской газотранспортной системы — второй по мощности в Европе — в год почти 290 на входе и 175 миллиардов кубометров газа на выходе, через неё идёт больше 60 процентов российского экспортного газа (в 2007 году 115 из 192 миллиардов кубометров всего экспорта). То есть зависимость от Украины останется. Это известный в среде экспертов факт, почему надо обманывать народ и пробуждать в нём великоимперские надежды? Необоснованные.

Да и вообще, торговля газом очень консервативный бизнес. В газовой торговой «цепочке» поставщик также важен, как и покупатель и страна-транзитёр «голубого золота». Взаимосвязь в прямом смысле физическая. Газ доходит до покупателя посредством газопровода.[106] Ещё вопрос — кто в доме хозяин. Это не торговля помидорами, и даже не торговля нефтью: не понравился покупатель, испортились с ним политические отношения — наполнил танкер нефтью и направил в противоположное направление — не в Европу, а в Китай. Тут всё сложно. Договор между страной-экспортёром газа с импортером и транзитером похож на брачные узы в католическом мире — развод почти невозможен. Удивительно, туркменские политики это понимают, а кремлёвские — нет.

Из-за такой топорной политики от России будут бежать все «партнёры». Нечего обижаться на Азербайджан и Туркмению[107], заигрывающих с лоббистами газопровода Nabucco (проектная мощность 30 миллиардов кубометров), если уж славянские братья-философы не согласны на слишком тесные отношения с Москвой. Эти страны ищут партнёров на Западе — где угодно: хоть на Юге, хоть на Востоке — которые не используют пехотно-портяночную лексику и обкомовско-номенклатурное мышление. Не надо говорить, что Вашингтон, Брюссель или Пекин не лучше. У всех такие же цели — властвовать, покорять, разделять, стравливать. Согласен. Вопрос только в методах. Одни умеют это делать красиво, другие — нет. *Другие* должны беситься и на весь мир кричать: «Держим их за яйца». Это партнёрские отношения?

Красиво. И приятно. Такое отношение по каждому направлению — не только из-за энергетической дубины. Везде, где право решения за гоп-менеджерами.

Нет! Я понял! Главный адресат кремлевского самопиара — это не мир, а свои. Граждане России — зрители, читатели, радиослушатели. Население-то и вправду уверено, что «Газпром» — большой и сильный, что страны-поставщики — враги, что страны-транзитёры — враги, что на Западе (с их так

необходимыми технологиями и инвестициями) — враги. Плевать на репутацию, главное — шоу, аутотренинг. Главное, чтобы россияне сами поверили — Россия есть «энергетическая сверхжержава», Россию уважают и боятся. Здесь и сейчас. Не важно, что будет потом. Не важно, что про «Держим их за яйца» никто не забудет. Это как логика наркомана: плевать на завтрашний день, на мнение окружающих, главное — сегодня уколоться. Вот зачем Путину и его друзьям нужна власть над СМИ. Два своих президентских срока он делал с активами «Газпрома» то, что грозился сделать Паниковский с Бендером и Балагановым (продать, купить, и снова продать — «Но уже подороже»): акции компании то скупались (и об этом трубили независимые исследователи на всю страну), то в тихую продавались неизвестным оффшорам, то снова скупались, но уже подороже. То снова куда-то девались. За всеми этими операциями, о которых ни один телеканал не может заикнуться, длинный шлейф разных ОАО, ЗАО, даже ООО — прямо Штирлиц, заметающий следы. Путин распихивал своих людей, друзей, собутыльников, любовниц друзей по должностям в крупнейшей газовой копании на планете — теперь Медведев тоже самое планирует провернуть: у них же мозгов на большее не хватает — делал с нею, что хотел. А нас убеждают любить её как Родину, все проблемы этой компании считать своими личными, переживать, не спать ночами, спиваться: Россия — это «Газпром», наше всё — это «Газпром», и телевидение в этой стране — это только «Газпром-ТВ».

Да, в Системе Лукашенко есть логика!

Премьер-министр Беларуси Сергей Сидорский добрался до Москвы. Говорят, он уже в здании «Газпрома».

Было уже почти двенадцать. Журналисты находились в последней стадии отчаяния. Уже никто не верил, что сегодня, в конце концов, будет подписано соглашение между российской и белорусской сторонами. Кто-то бесцельно слонялся по коридорам, кто жаловался по телефону родным и близким на судьбу, кто строчил смски с новогодними поздравлениями, а кто-то, сдавшись, уже дремал.

Только госпожа Меликян забыла о конспирации и не могла успокоиться. Её понесло в историю.

— Турки совершили геноцид армян в 1915 году! Убили полтора миллиона, а по некоторым данным, два с половиной. А может, и три. Да, да! Резали мужчин, разрубали младенцев, забивали прикладами стариков, насиловали женщин. Почти всех армянок тогда изнасиловали. Угу. Да, да.

Голос корреспондентки Russia Today разносился на весь

пресс-центр. И тут, набрав воздух в лёгкие, она стиражировала старый пропагандистский миф — нет этого в первоисточниках:

— Не будь того геноцида, не было бы и Холокоста! Да, да! Я не придумываю. Даже Гитлер сказал в своей речи, в какой-то речи: «Кто сейчас помнит про геноцид армян! Потому режьте и убивайте евреев!» Гитлер научился у турок!.. Это турки научили Гитлера!..

С ума сойти.[108]

С ума сойти!

Уверен, кроме меня её никто не слушал — её «собеседники» клевали носом или отрешённо смотрели в потолок, видимо, думая о Новом годе, о сиротливо остывавшей на столе водке, о мучительно-пряном Оливье, о других горячих и холодных закусках. О петардах, заранее купленных с детьми и спрятанных от супруги среди грязного белья. О тёплых домашних тапочках. Во время цитаты из Гитлера кто-то, не прикрывая рот, мелодично зевнул. Но дама ничего не замечала, она была в угаре. У неё была цель, миссия. Успеть. Выкрикнуть. Жанна д'Арк, блин.

Мне стало её жалко. Её и её борьбу.

Бедный Сергей Параджанов. Бедный Роберт Аракелов. Бедный Левон Хачатрян. В гробу переворачиваются.

До Нового года оставалось несколько минут, и вдруг, неожиданно, началась страшная беготня. С криком «А ну, всем камерам за мной!» Наталья Шимонова погнала нас впереди себя как стадо разбуженных южноамериканских лам. Мы понеслись, прихватив часть телеоборудования, забыв верхнюю одежду, спотыкаясь, толкаясь, дерясь за места в лифтах: куда бежим, зачем — никто не объясняет. Выбегаем на улицу и всей перепуганной гурьбой бросаемся к главному корпусу газпромовского комплекса — там сидит начальство, и там же шли переговоры целый день. Какие-то сто метров бежим без криков и мата, с напряженными, но с целеустремлёнными лицами — как на вражеские позиции. Со стороны это, наверное, было очень смешно наблюдать… Если бы кто-то из нас затянул «Урааа!», все бы его искренне поддержали.

Наша атака захлебнулась прямо у больших стеклянных дверей: толпу телевизионщиков остановили несколько суровых и сытых парней в штатском.

Внутрь прошла Наталья, с кем-то поговорила и вышла.

— Так! Там сейчас подписывают соглашение. Снимать идут операторы иностранных СМИ и съёмочная группа «Первого канала».

— А мы? — запищали остальные телевизионщики.

— «Первый канал» с вами поделится «картинкой».

— Наталья, какого хрена нас сюда в «Газпром» позвали, если не пускаете снять эту главную процедуру? — разозлился я, потому что мне больше всех было нужно.

— Да вы все там под ногами путаться будете у людей. Ждите здесь на улице. Или нет — обратно идите. Всё!

— Но…

— Я сейчас Орлову пожалуюсь на Вас, — обрадовалась она поводу отомстить.

И увела счастливых коллег.

Звонит Орлов. Как она это успела?..

— Я тебя умоляю! — завыл его голос. — Успокойся.

— Да я спокоен. Петя, мы же НТВ, вроде бы газпромовский канал. Не могли и нас взять?

Начальник едва не расплакался в трубку.

— Ну, прошу тебя. Делай, как они скажут. Нас потом всех нагнут из-за тебя!

На секунду представил себе эту картину. Я не хотел, чтобы из-за меня такое сделали с кем-либо — даже с моим руководством — и перестал проявлять инициативу.

Минут через пять выходят.

— Что там? Как? — спрашиваю у оператора «Первого канала».

— Загнали, бл. ть, внутрь, бл. ть. «Быстро! Встать там. Тут не снимать! Там не снимать!» Вот! «Картинка» — говно!

— Ну, а как они выглядели? Сидорский какой был? Угрюмый? Улыбался? Он что-то сказал? Может, шутили?..

— Сидорский кто такой?

«Понятно. Все-таки, какого хрена нас сюда позвали?», — думал я, пока мы, послушной толпой, возвращались на свои места в зале для прессы.

Я даже не заметил, как наступило 1 января 2007 года. По общеизвестный примете следующий год должен был провести с «национальным достоянием России». Эта мысль не радовала.

Ещё какое-то время мы ждали итоговую пресс-конференцию Алексея Миллера и премьера Беларуси Сергея Сидорского. Это была формальность, но надо было их снять. Получается, это главное, зачем нас сюда собрали почти пятнадцать часов назад. Однако ньюсмейкеры всё не шли.

Коллеги сидели обессиленные и хмурые. Видимо, не я один был зол на «Газпром». Даже госпожа Меликян, утомлённая национально-освободительной пиар-борьбой армянского народа в камерной обстановке, почти распласталась на стуле и отдыхала без сил.

Показалась довольная Наталья Шимонова, а потом и Сергей

Куприянов. Тоже удовлетворенный — еле прячет улыбку. Глазки блестят, края стёкол очков запотели, пиджак расстёгнут, ушки — красные.

Принесли шампанское — пару ящиков на всех — и бутерброды с колбасой и сыром. Появились редкие счастливые лица.

— С Новым годом! — кричала радостная Наталья. — С Новым счастьем!

Из коллег-белорусов никто шампанское не стал пить. Я этого не увидел.

Конечная пресуха прошла скомканной.

Российский газ для Беларуси в 2007 году будет стоить 100 долларов за тысячу кубометров. В 2008-м — 67 процентов от европейского уровня, в 2009-м — 80 процентов, в 2010-м — 90 процентов. А в 2011-м будет продаваться по европейской цене. «Газпром» платит Минску транзитную ставку 1,45 долларов за тысячу кубометров на 100 километров. Цена зафиксирована на пять лет.

Также подписан протокол о создании совместного белорусско-российского предприятия на базе ОАО «Белтрансгаз»: за 50 процентов акций «Газпром» заплатит 2,5 миллиарда долларов в течение четырёх лет.

— Это всё равно самые льготные и самые выгодные условия среди всех стран бывшего СССР, — добавил чем-то напуганный и смущенный Алексей Миллер.

А потом посмотрел на Куприянова и неожиданно улыбнулся.

— Это очень невыгодные условия для Беларуси, — вдруг напугал всех Сергей Сидорский. — Я не представляю, как можно поднять в два раза цену на газ. 100 долларов — цена для нашей экономики неподъёмная. Сложная. Нас не услышали!

Но потом все расслабились, потому что белорусский премьер стал сбивчиво объяснять — мол, пошли на эти условия, чтобы успокоить европейских партнёров, чтобы «России продемонстрировать содружество».

Уже в этих словах почувствовалась скрытая угроза. Некий анонс белорусского ответа[109].

После этого журналистам принесли ещё ящик шампанского. Я поехал в Останкино, а потом домой. И долго пил. Водку. Много водки.

* * *

В Кремле с нетерпением ждали наступления 1 января 2009

года, чтобы начать новую газовую войну. Теперь опять с Украиной. Это был самый разрушительный конфликт, континентального масштаба. «Газпром» просто остановил транзит через Украину в Европу. До 20 января. И в зимние холода стабильно платящие за российские энергоресурсы страны, остались без топлива. После окончания кризиса ряд европейских партнёров предъявил финансовые претензии к «Газпрому», и «большому и сильному» пришлось как миленькому раскошеливаться. А это госкомпания! А эти эпизоды по «Газпром-ТВ» не показывали!

В начале 2010-го снова нефтяная война с Белоруссией. Уверенность в неблагонадежности России как энергетического партнёра окрепла. Кто после этих скандалов пустит «Газпром» на внутренние газораспределительные сети европейских стран — а это голубая мечта Кремля? Никто же не захочет оказаться в положении Украины в спорах с Москвой.

Это же надо дойти до такого *гениального* политологического анализа — мол, газовые войны с Украиной и Белоруссией ударят по их репутации стран-транзитёров и заставят Европу поддержать (деньгами и аплодисментами) окольные «Северный поток» и «Южный поток». Так что — подноси снаряды! поддай огоньку! ври на телекамеры и не красней! Об этом шептали на ушко Путину его прикремлёвские аналитики. Где они попрятались сейчас? Чья репутация больше всего пострадала?! Да в нормальном гражданском обществе с ними и с ВВП сделали бы то, что последний мечтает сделать с Саакашвили с августа 2008-го!

Вот авантюра вокруг Штокмановского месторождения… Эх, ладно, не буду про авантюру вокруг Штокмановского месторождения…

Всё равно в конце концов придётся договариваться. Понять, что время упущено на разные салюты, и конфликты. И договариваться. Красивое слово — *договариваться*. От слова «договор», «говорить», «уговаривать». А не махать дубиной.

Рано или поздно эти примитивные недемократические режимы, вдруг просто так получившие в руки энергетическое оружие и потерявшие в связи с этим голову от мессианских амбиций, доиграются. Когда мир станет готов принять технологии альтернативной энергетики. По-настоящему альтернативной. Я не про солнечные батареи. Повытаскивают из архивов проекты, порассекретят закрытые институты. Всё это есть. Всё работает! Ждёт своего часа. И конец старой игре. Начало новой. С другими героями.

А пока подданные пусть верят, что «Газпром» — самый большой и сильный, а Путин — самый умный, а Медведев —

самый милый. Только потом не жаловаться на этот «Газпром-ТВ».

Source URL: http://ostankino2013.com/gazprom-tv.html

Цепной пёсик, или Про мальчика на побегушках

— А что это у вашего премьера лицо такое жёлтое?

— Наркотики… А ты не знаешь? — зашептал коллега, хитровато улыбаясь. — У нас в Армении все об этом говорят. Казино и наркотики. Это его две слабости.

— Ну, про казино-то я знаю.

Коллега насмешливо фыркнул.

— Кстати, а ты что здесь вообще делаешь, Эльхан? Это же «протокол».

А я знаю, почему меня отправили в Белый дом на «протокольную» съемку встречи Виктора Зубкова, тогда председателя российского правительства, с премьер-министром Армении Сержиком Саркисяном? Обычно на такие съёмки ездит съёмочная группа лишь в составе оператора и звукооператора. Может от меня руководство чего-то ждало? Ну, хорошо, «Секретариат» — они Баку с Ереваном путают. Но начальство-то…

Но эта съёмка 25 сентября 2007 года принесла мне новый эмпирический опыт. Сам факт визита Сержика Саркисяна в Москву, конечно, был очень интересен. В Армении, как и в России, в следующем 2008 году планировались президентские выборы. Операция «Преемник» проходила там значительно топорнее. Тогдашний глава Армении Роберт Кочарян только назначил министра обороны Сержика Саркисяна премьером страны. Предыдущий глава кабинета министров Андраник Маргарян никак не хотел оставлять свой пост, потому что сам решил баллотироваться в президенты. Но как бы долго тот не упирался, всё же неожиданно умер при сомнительных обстоятельствах «от сердечного приступа» 25 марта 2007 года. Ну, очень время поджимало.

Такой политик как Сержик Саркисян был выгоден всем соседним международным игрокам. России принадлежит почти вся экономика Армении, там стоит 102-я российская военная база, и зачем, скажите, ей сильный и очень независимый президент. А Саркисян проверенный — свою «политическую» карьеру он начал ещё в конце 70-ых в качестве «подсадной утки» (эту информацию сложно проверить, но на неё ссылаются некоторые иностранные СМИ) в камере у организатора московских взрывов [1] Степана Затикяна. Предыдущему хозяину Армении Роберту Кочаряну нужны были свои люди, чтобы не копошились в его прошлых грехах. И Европе с Америкой — для

этих любителей по-копошиться в чужих грехах и вспомнить когда надо о нарушениях прав человека только и подавай президента с таким бэкгрундом. Турции, потому что «турки они хитрые, а Сержик глуповат». И даже официальному Баку… В общем, тоже из-за бэкграунда. Кстати, Саркисяна в феврале 2008 года избрали… вернее он стал президентом. А через десять дней в центре армянской столицы случился расстрел протестующих против фальсификаций на выборах с человеческими жертвами, реальное количество которых власти до сих пор скрывают. И тут Саркисян ещё больше стал нужен — есть за что держать. Как бы он не пытался изменить свой имидж. Даже ребрендинг не помог — новый президент Армении стал называться Сержем Саргсяном. Как мне рассказывали коллеги из Армении, «Саркисянов много, а Саргсян будет один. А Серж… Ну он давно уже перестал любить, когда его называют Сержиком».

Но тогда Виктор Зубков ещё не подозревал о будущих непростых приключениях своего армянского коллеги. И тайно ему завидовал. Зубкова только назначили премьером, и это была его первая международная встреча, как для Саркисяна первый официальный визит. Конечно, визит по приглашению российской стороны. И, рассказывали, как Виктор Алексеевич настаивал, чтобы первая встреча была именно с ним, как активно радовался этому факту. Как же — два только назначенных премьера, и возможно — о, Боже! — два преемника.

Вот как много интересного было в этой встрече. Меня прямо распирало от количества вопросов этим двум занимательным людям. Но для журналистов планировался лишь «протокол». Это когда политики встречаются, здороваются, улыбаются и говорят пару слов при прессе, «на камеру». Сержик терялся, был неуклюж. Лицо у него было необычного пергаментного цвета. Сейчас уже у президента Саркисяна хорошо работает его пресс-служба, которая не дает ему и шага ступить без поводка. А тогда он считался самым косноязычным политиком на всём постсоветском пространстве. Чего только стоит признания этого бывшего полевого командира в одном из интервью о Ходжалинской резне, в том числе — о гордости за своё участие в этой трагедии. И на фоне Зубкова он выглядел живым. А вот Зубков… Какой же он скучный и нудный! Как же мучаются люди, которым он рассказывает анекдоты?! А ещё мечтал стать президентом России. Да полстраны через месяц эмигрировала бы на радость китайцам. Да куда угодно… Все же Путин специально держит на запасных для себя должностях серых мышей.

Так вот. После «протокола» журналистов попросили выйти в соседний зал. И только мы с коллегами стали делиться между

собой впечатлениями, вдруг к нам подбежал Евгений Ревенко и объявил — будет брифинг. И добавил, что «совсем скоро». Получалось, что премьерам договариваться друг с другом было не о чем, и они хотели поговорить теперь уже перед телевизионными камерами.

На своём рабочем месте руководитель пресс-службы Правительства России Евгений Васильевич Ревенко — для нас просто Женя — всегда бегал. Бегал с какими-то бумажками, бегал, разговаривая по телефону, бегал заказывать журналистам пропуска, бегал в какие-то кабинеты — «сейчас спрошу — можно ли это сделать/ или сказать». Даже на брифингах и пресс-конференциях в Белом доме, когда все стояли или сидели, он всё время ёрзал и имел вид человека, готового в любой момент куда угодно и к кому угодно побежать с любым поручением. Мальчик «Отнеси-Принеси». И всегда с маской какой-то озабоченности на лице. С печатью глубокого страдания, что ли. Естественно, он при этом запыхался и потел. Одним словом, я тогда его считал человеком крайне неудовлетворённым своей работой, но послушно её выполняющий. Вот! — покорно несущим свой тяжкий крест. Как необходимый этап на пути вверх. В более высокие сферы.

До того дня Ревенко лично мне никогда вроде бы не делал плохого. Наоборот, был предупредительным, несколько раз приносил личные извинения за сбои в работе своей пресс-службы — когда мою фамилию неправильно написали в списках и охрана не пропускала в Белый дом, или когда мне не хватило пресс-релиза, что он считал чуть ли не должностным преступлением своих подчиненных и т. д. В таких ситуациях для своих сотрудников — вернее сотрудниц — из пресс-службы Белого дома он из милого начальника превращался в монстра. Кричал и топал ножкой. Так же относился и к «пуловским» — то есть закреплённым при определенном ведомстве — коллегам из информационных агентств. С ними Ревенко с ностальгией вспоминал своё журналистское прошлое — придумывал и «распространял «слив»», то есть *эксклюзив*. То, что потом появлялось на лентах информагентств с пояснением — «по словам источника в российском правительстве…». Этим грешат все пресс-службы ведомств. Но если раньше «источники» через «новости из-за стены» *просили* коллег сказать или не говорить что-то, то теперь *указывали* им что и как сказать, а чего не говорить. Да и какой же это «слив», если его «сливают» при всех?

И снова Ревенко — вот только сообщил «телевизионщикам» о брифинге — каждому по отдельности! — а сейчас уже собрал вокруг себя девушек с агентств и диктовал. Дамы внимательно

смотрели в рот пресс-секретарю правительства, быстро-быстро кивали и записывали. Прямо стайка кур со своим петушком.

— Так! Пишем: «Как отметил источник в российском правительстве, это первые международные переговоры Зубкова в качестве премьер-министра РФ…» так… ага… дальше… «что подчёркивает важность развития отношений с Арменией как со стратегическим партнёром России на Кавказе».

Да, тонкая дипломатия.

Вот-вот премьеры должны были выйти к журналистам. Чтобы первым задать вопрос, я прошёл к микрофону, что стоял на «нашей» — для прессы — половине зала.

И тут случился переполох. Растолкав «кур», Ревенко бросился ко мне. Изображая своим лицом сигнал тревоги.

— Что ты делаешь? — зашипел он на весь зал.

— Это не тот микрофон? — я даже растерялся.

— Зачем?

— Что? Ну как? У меня вопрос.

— Какой вопрос? Какой вопрос? — стал задыхаться Ревенко, как астматик. Тревога на лице усилилась.

— Ну… например, о предвыборной кампании в Армении.

— Чтооо??

— А что?

— Ты что?! — завопил Ревенко, поднял указательный палец над головой и затряс им. — Никаких вопросов!

Меня за рукав потянул Игорь Карачин — корреспондент телеканала «Россия».

— Эльхан, подожди. Здесь всё по-другому.

И стал тихо мне объяснять:

— Ты что? Здесь все вопросы он раздаёт.

И кивнул в сторону Ревенко. Лицо которого теперь выражало близость к катастрофе. Свой перст он ещё продолжал держать над головой, но уже им не тряс.

Оказалось, что глава пресс-службы правительства успел раздать некоторым коллегам с информагентств листики с вопросами, которые они будут задавать на брифинге. Нет, мы часто воевали в МИДе во время съёмок брифингов Лаврова и его иностранных коллег — там пресс-служба о содержании задаваемых вопросов хотела заранее знать — раньше просила, в последнее время — требовала. С известным самодуром, а по совместительству официальным представителем российского МИДа Михаилом Камыниным у многих постоянно происходили стычки перед и после этих «пресух». Но чтобы на брифинге журналисты читали по бумаге вопросы, подготовленные и утверждённые чиновниками?! Это же цирк! Может ещё вы всем

сценарий раздадите?! Мы журналисты или члены массовки? Но, оказалось, Ревенко ещё и считал участие в этой ролевой игре — привилегией. Которую надо заслужить.

«Он думает, что я тоже мальчик на побегушках?»

— Ну, уж нет! Евгений! У меня есть вопрос. И я его задам!

В этот момент в зал вошли Зубков и Саркисян. И тут Ревенко совершил подвиг. Этот человек с имиджем «интеллигентного и мягкого телеведущего» резко выставив спину ко мне, заслонил собой от меня микрофон. А потом стал загораживать меня от премьеров своим телом, выставляя левую ногу и дергая задом. Так, чтобы меня не видно было двум политикам. Ну, как футбольный защитник «перекрывает» нападающего во время подачи углового у своих ворот — вдруг мне вздумается выкрикнуть вопрос без микрофона. В то же время, так как фронтально он был обращён к Зубкову и Саркисяну, на своём лице глава пресс-службы изображал милую улыбку, не забывая одновременно краем глаза наблюдать за моими движениями, иногда нервно и резко оборачиваясь назад.

Я едва не расхохотался. Ревенко, наверное, в этот момент думал, что он Александр Матросов.

Ну и что я мог сделать? Не прорываться же через него. Не бить же его. Прямо на рабочем месте.

«Ну и чёрт с вами и с вашим балаганом!»

Стал наблюдать за этой пародией на брифинг. И там были интересные моменты.

Виктор Зубков сразу сказал: «Мы в первый раз увидели друг друга, раньше мы не встречались, и этот первый контакт говорит, что нам работать будет комфортно. Мне Саркисян очень понравился. Я чувствую, что он человек деловой, а я тоже привык всю жизнь заниматься конкретным делом», — и этим ненавязчивым пиаром выразил главный смысл и цель всего этого мероприятия. Теперь Сержик Саркисян выглядел довольным. Его — как бы назвать? — то ли официальный визит, то ли предвыборная кампания — ладно, и то, и другое — начинались превосходно.

Но нужна была новость-фишка, информационная бомбочка. Нельзя же, пиаря Саркисяна, показывать на федеральных каналах двух улыбающихся людей. Даже если они не люди, а премьер-министры. Даже если они улыбаются друг другу. Не помогли и придуманные Евгением Ревенко и озвученные «информационщиками» банальные вопросы об итогах встречи и объёме российских инвестиций. Реальный результат этого недешёвого для налогоплательщиков диалога, то есть реальный подписанный документ, был один — продление соглашения о

нулевой ставке НДС в торговле между двумя странами. Не густо.

И тут Виктор Зубков разошёлся и спас положение. От российского премьера никто этого не ждал, но у него был экспромт. «Вы знаете, что Армения всегда славилась хорошими стройматериалами и хорошими людьми, которые могут эти стройматериалы воплотить в хорошие дела» — закрутил российский премьер, а потом позвал и материалы, и людей на российскую стройку века для Олимпиады в Сочи в 2014 году. Усилия Зубкова в роли прораба Олимпиады и его забота об армянском цементе и щебне на информационную бомбу не тянули, но новостью стали.

Это всем понравилось. Не важно, что наши политики плохо знают географию и экономику: пока довезёшь до места будущей Олимпиады стройматериалы из Армении — они подорожают в разы. Но есть слова, которые не могут не зацепить: Сочи, Олимпиада, стройка. А армянский цемент? Это же как армянское радио. Нет. Как армянский ремонт.

В конце российский премьер ещё раз напомнил о том, что Сержик Саркисян ему очень нравится и увёл его угощать обедом. Официальным. Тоже за наш счёт.

А ведь можно было помучить, спросить о выборах, о доле преемника, о неожиданно умершем предыдущем армянском премьере, про казино. Наконец, про цену на газ для Армении. Я ведь журналист. Мне интересно. Нет, не стоят они того, чтобы их закрывали своим телом.

В тот же день Ревенко сообщил на НТВ о «поведении (!) вашего корреспондента», и меня больше в Белый дом не отправляли. Да я туда и не стремился. Мне этого цирка и в МИДе хватало.

Через месяц после той истории Евгений Ревенко вернулся в журналистику. И лучше бы этого не делал. Ну, сделал ты карьеру. И что? А стал-то кем? Неужели для этого родился на свет?

А ведь был лучший репортёр 1999 года по версии конкурса «ТЭФИ». Я ведь очень любил смотреть его материалы на НТВ. И для меня тем более сильным было разочарование от его нового амплуа.

Самое страшное — это когда пропагандой занимаются журналисты-профессионалы. А Ревенко профессионал, с талантом, чувствует «картинку», мастер композиции, красиво излагает, формулирует точно. Но то, что он излагает — это не журналистика. Это — эталон поведения журналиста для нашей власти. Для внутренне слабой власти нужны такие же серенькие, невзрачные, закомплексованные и готовые на всё ради нового хозяина людишки. Покажешь зубки, хотя бы один раз —

запомнят, не простят.

Есть такой типаж руководителя — хозяин, барин. Он может владеть Кремлём, может и отделом в ЖЭКе, а может — одним продуктовым ларьком. И есть типаж подчинённого, который ему нравится — готовый на всё мальчик на побегушках. В присутствии хозяина всегда с согнутой спиной и в состоянии волнения, никогда ему не возражает и формула «Ты начальник — я дурак» для него не исполнена иронией. Языком своего тела постоянно предупреждает хозяина — «Может мне сбегать за пивом?» Голова уже вся седая, а он всё такой же бойковатый, придурковатый «мальчик».

В России сейчас время таких начальников и таких подчинённых. Для них нет полумер. Для них ты свой, если способен продаться весь, «с потрохами». «Это буду делать, а это — нет. Вешать лапшу про «исторически враждебную России Европу» согласен, а вот чёрный пиар коммунистам и партии «Яблоко» не могу» — так не пойдет. Не подходит!

Это Ревенко считает себя — сам озвучил — человеком команды? Ха. Человек команды — это партнёр. Равноправный и самодостаточный. А он — солдат. Сказали мочить Ющенко, значит мочить. Искупил вину своей работой на Украине — убедив и Кремль, и большую часть страны в том, что две трети соседней страны мечтает отделиться и стать частью России — возвращайся вести главную еженедельную аналитическую программу России. Вместо Сергея Брилёва, который очень уж несдержан «за кадром», «вне эфира», в общении с коллегами — и Путина обматерит, и чиновников, и над внешней политикой страны иронизирует. Откровенен. Не сдержан. Сомневается! Претензий к работе «в эфире» нет, но…

А Ревенко проверенный. Идеолог «*государственного*» кремлёвского телевидения России Олег Добродеев помнит как проходил Ревенко «курс молодого бойца» на НТВ в 96-м году. Его держали на месячных контрактах. Почти полгода. А он ни разу даже не заикнулся о Трудовом кодексе. Он «пахал», пил горстями витамины, чтобы выдержать. Его мяли каждое утро в подмосковной электричке. Иногда он спал по ночам на стульях в редакции и на утро отворачивался от коллег, чтобы изо рта не пахло. На втором этаже в Останкино глотал дешёвую сосиску — потому что на суп денег не хватало — заливая её прохладным чаем в пакетиках. Получал копейки. И даже не возмущался. Слова не сказал. А терпел, сжимая кулачки. Ждал своего часа — тогда и московская квартира будет, и машина, и девушки будут давать. И все же выслужился. Добродеев приказал мочить Зюганова во время предвыборной президентской кампании в 96-м году — и

Ревенко побежал мочить, неся в своем сердце любовь к начальству. И опять ни разу не возмутился. Не перечил. Более того, ему это всё нравилось. Выполнять приказы, не обсуждая их.

А спросишь у Ревенко, он скажет, что он державник. Он, якобы, Россию любит. Нет, державник — это Александр Николаевич Радищев, душа которого, несмотря на высокий государственный пост — директора Петербургской таможни, кстати! — «страданиями человеческими уязвлена стала». А Ревенко? Ревенко — верноподданный. Такие любят властный сапог, а не Родину. Для них держава — это волосатая державная рука, а не страна и ее люди.

Какие ещё люди, когда «Россия противостоит всему Западу». Чтобы понять, что думают в Кремле — надо слушать Ревенко. Вот в выпуске программы «Вести недели» от 12 июля 2009 года Ревенко с державным пафосом начинает анализировать историю российско-американских отношений: «Если полистать, то своим существованием Америка едва ли не обязана России». Это он об отказе Екатерины Второй вмешаться в войну за независимость американских штатов с Англией в 1774 году. И о символической военной помощи Александра Второго Северу против южных штатов в Гражданской войне 1861-65 гг. Ну на спасение это не тянет, это была геополитическая игра по ослаблению Англии, а никак не то, что «имперская Россия встала на сторону голодных и рабов уже в XIX веке». В геополитике благородных поступков не бывает.

Здесь другое. Это комплексы. Читай — если бы не мы, то вас бы, США, не было. В первую очередь сказать не американцам — они, к своему счастью, «Вести недели» не смотрят — своим надо сказать. Знайте, какие мы крутые.

Но это был не самый мощный его перл. Дальше ведущий Ревенко стал вдруг искать что-то «общее между нашими странами». Общего-то ой как много. Даже в современной геополитике. Но наш Евгений Васильевич легко нашёл оригинальное доказательство того, как Россия, наконец, и догнала, и перегнала Америку. Он сравнил Александра Второго с Линкольном. Вроде бы правильно — оба реформаторы: «Александр Второй в 1861 году отменил крепостное право. Линкольн декретом [2] 1863 года освободил рабов». Но вывод, вывод-то какой? «Вот так. В России крепостное право отменяют в 1861 году, а в Штатах — двумя годами позже. В архивах сохранилась грамота Александру Второму. В одном углу — Линкольн с благодарными чернокожими американцами, в другом — Александр со своими крестьянами. Равноправный союз разных систем».

Он что — до сих пор таблетки глотает? Это же надо такое о своей истории и о своём народе сказать! «Чернокожие американцы» — это рабы, скажем, другой национальности и цвета кожи. А крепостные — это были представители, как сейчас говорят, титульной нации в стране, которая тогда цинично провозглашала «православие, самодержавие, народность», но продолжала держать этот свой православный народ в рабстве. Кстати, тогда в США «чернокожих американцев» (включая мулатов) было около 14 процентов от всего 31,443-миллионного населения страны [3]. Почти полмиллиона афроамериканцев были свободными. То есть реально тогда чернокожих рабов было всего 12, 5 процентов от всего населения США. А крепостных подданных Российской империи — 37 процентов [4] от 62,5-миллионного населения (основная часть крепостных в т. н. русских губерниях, то есть по национальности — русские). Отмена крепостного права в России — это хорошо. Плохо, что оно вообще было в России. Ещё хуже, что оно было отменено лишь в 1861 году. Только ко второй половине XIX века элита страны начала считать себя не работорговцами по отношению к большей части остального этнически-родственного населения, следуя духу и традиции варяжко-славянских и ордынско-славянских взаимоотношений, а одним народом. Этим позорным фактом в своей истории точно не стоит гордиться. Знать надо, но не гордиться.

Главный месседж этого кривляния Ревенко был в последней фразе. «Равноправный союз разных систем». Хотим многополярного… ээ… нет, нет… двухполярного мирового порядка. Вот! Хотим двухполярного мира! Как было во времена СССР. Очень хотим! Для власти, новой элиты до сих пор свой народ — что рабы, вот они и на остальной мир тоже своё миропонимание распространяют. И что они миру могут предложить? У СССР была красивая коммунистическая сказка и чемоданы с деньгами, вытянутыми из карманов советских налогоплательщиков, а у вас? Институт регистрации для своих же граждан (почти такое же крепостное право, только оформленное другими юридическими терминами, хотя даже ослу понятно, что регистрация для террористов и преступников — не помеха)? Лучшие в мире менеджеры из системы ЖКХ? «Стратегия 2020» и Нацпроекты? Коррупционная вертикаль власти? Воюющие против людей с альтернативными взглядами и действиями штатные сетевые тролли и их высокооплачиваемые братья по разуму из Комиссии по лженауке РАН? Или гений административной мысли — дуумвират Путин-Медведев? Эту Святую Двоицу? Да лучше бы *он* Конституцию изменил бы — так честнее было бы.

Всё можно понять — хочется, чтобы считали сильной страной, чтобы военные базы были на всех материках, чтобы в Индийском океане можно было мыть сапоги, а Тихий океан… нет, прежде всего Северный ледовитый океан стал внутренним водным пространством России, чтобы все трепетали, дрожали, потели и т. д. Мечты — это хорошо. Мечты — иногда вначале даже нелепые и бестолковые в глазах других — всегда двигали и отдельными людьми, и человеческими массами. Но можно ведь для начала сделать так, чтобы турникеты в метро не съедали твои поездки? Ну, до освобождения Северного ледовитого океана, а? Чтобы правоохранительные органы «мощной и самодостаточной страны» не вызывали у жителей такого же страха, как гопота из Печатников. Чтобы в знаменитом городе Алексин Тульской области дороги были покрыты асфальтом, а не ямами, заполненными битыми кусками кирпича. Чтобы во время контр-террористической операции не сносили танками целые кварталы. Просто жителей побережья Индийского океана очень жалко. У них свои проблемы. Им чужих цепных пёсиков только не хватало.

Source URL: http://ostankino2013.com/cepnoj-pjosik-ili-pro-malchika-na-pobegushkah.html

Кадровая политика как доказательство Теории использованного презерватива

- Иди на х. й отсюда! — беззлобно, но твёрдо произнёс Владимир Кулистиков, развалившись в огромном кресле. Потом зевнул и добавил: — Я так решил!

Перед ним на краешке стула, ссутулившись — чтобы выглядеть меньше ростом — сидел директор Дирекции праймового вещания НТВ Николай Картозия. Только что он пытался всё объяснить: ждал и боялся такой реакции начальника и, потому, торопился, волновался, терялся и глотал слова.

— Но… но Владм Михайлович… мы… не могли…

— Ты ещё здесь?! — удивился густой голос Кула и рявкнул, повторив направление: — Иди на х. й отсюда!

На лице генерального директора НТВ появилось выражение известное всему телевизионному цеху: брови нахмурены, подбородок опущен, губы поджаты — как у ребёнка, который вот-вот заплачет. Это он так сердился.

Директор Дирекции вздрогнул. Перепугался. Быстро привстал, но, почти не разгибая колени и не оборачиваясь, стал задом пятиться к двери. Ему было стыдно. Картозия даже сильно обиделся и покраснел, но что он мог ещё сделать?

— Я здесь всё решаю! — почти прокричал гендиректор, когда остался один в кабинете. Он любил разговаривать громко в одиночестве. Не самим с собой. А словно с невидимыми собеседниками. — Сказал уволить этого Ермилова, значит уволить! Даже слушать не буду! Не буду!

Потом несколько минут — около семи-восьми — Кулистиков сидел молча и ничего не понимал. Такое с ним бывало часто. Терял связь с действительностью — абсолютно никаких мыслей. Он уже много лет не выпивал — так, две-три рюмочки — но активный алкоголизм из прошлого давал о себе знать.

«Однако, всё равно родители были бы мною довольны!» — вдруг вспомнил он, о чём хотел подумать и заулыбался. Да и сам собой он был доволен. Вот какой он сильный. Вот какой он важный. Судьбами людей распоряжается. Босс!

Генеральный директор НТВ оглядел свой большой кабинет и погладил набриолиненные волосы — осторожно, только слегка их касаясь. Потом с удовольствием посмотрел на часы Breguet Classique Moon Phase с корпусом и циферблатом из белого золота

на левой руке.

— Почти 34 тыщи зелёных отдал, — громко заявил Кул и прищурился от удовольствия, вспоминая приятную покупку. — Почти как у Медведева.

Несколько минут разглядывал сапфировое стекло часов, пытаясь поймать в нём то своё отражение, то отблеск света из окна. Весь этот процесс сопровождался его радостным смехом и ёрзанием в кожаном кресле. Он любил так играться. Только быстро уставал и начинал потеть. Как и обычно, заканчивая это развлечение, гендиректор НТВ шумно вдохнул ароматный запах ремешка из кожи крокодила и почувствовал себя по-настоящему счастливым…

Настроение было отличное. Решил себя сегодня побаловать на обед.

— Нет, — сморщил он лицо, одновременно проведя языком по коренным зубам. — Один только салат не хочу. Надо поесть каких-нибудь котлеток…

Гендиректор снова задумался.

— Точно — рыбных котлеток. А ещё… ещё сёмушку, — сглотнул он появившуюся во рту обильную слюну.

— Но в начале горохового супчика, — захохотал Кул представившимся образам. — Гороховый супчик я люблю. Бог с ней с диетой!

И принялся громко стонать от удовольствия.

Оператора НТВ Алексея Ермилова уволили в ноябре 2007 года. Он был нерядовой сотрудник телекомпании. Алексей Ермилов — один из лучших телеоператоров страны — в первой пятёрке точно. Ведь, что такое хороший оператор в частности в теленовостях? Он не просто «нажимает на кнопку «REC» и проверяет баланс белого» (за такое отношение к работе, вообще, надо вешать — и оператора, и того, кто к нему так относится), и даже не просто оператор-художник, тот у которого каждый план — это «глубокий кадр-образ». Хороший оператор на телевидении мало того, что чувствует картинку, он ещё и должен чувствовать сюжет не меньше корреспондента и продюсера. Гореть конкретной работой, словно это его последняя в жизни съёмка. Лёша Ермилов — такой и есть, оператор-самородок, один из лучших.

Думаете, Кул об этом не знал? Ещё как знал! Ермилов начинал на старом НТВ, и гендиректор вспомнил и говорил об этом, когда принимал решение о его увольнении. Вспомнил и про то, что тот уходил на ВГТРК, работал там в программе «Специальный корреспондент», номинировался на ТЭФИ в 2003 году, а в 2006-м снова вернулся на НТВ…

Просто Лёша сделал ошибку. Вдруг показал характер. Взбунтовался.

В программе «Главный герой» готовили репортаж про Эльдара Рязанова. Нет, не о творчестве режиссёра («Это же не интересно, — подумало руководство. — Мы же не телеканал «Культура») — о его жизни. Естественно — только «жёлтое»: полистали бульварные газеты, порылись на женских форумах, пару эпизодов придумали сами в курилке. Получился *хороший,* подходящий для праймтаймого эфира НТВ сценарий: о любовницах, о проблемах в семье, о неудовлетворённых поклонницах. Ну, всякая грязь. Ну, есть нездоровые люди, которым это интересно смотреть, а также снимать про это.

Продюсеры программы договорились об интервью с Рязановым, не предупреждая о конечном эфирном результате — мол, о творчестве, о жизни. Для таких «репортажей», вообще, не важно что ответит герой материала во время интервью: главное, чтобы в конечном материале иногда появлялась его что-то говорящая голова — при помощи монтажа, вырванных из контекста фраз, можно создать эффект эмоционального отношения — положительного или негативного — интервьюируемого к содержанию репортажа. Рязанов согласился, но, увидев за несколько дней до встречи анонс репортажа, естественно, передумал. Продюсеры звонили, уговаривали, обманывали, а тот отказывал. Вначале вежливо, потом грубо.

— Эльдар Александрович, мы с телеканала «Культура», — подбежала к Рязанову девушка-стажёр. — Можно с Вами поговорить о фильме?

Киноклуб «Эльдар» на Ленинском проспекте. Премьерный показ фильма «Карнавальная ночь-2, или 50 лет спустя». Рязанов согласился. Откуда он мог знать, что съёмочная группа — с НТВ, с той самой программы «Главный герой», от которой он уже недели две отбивается.

А ведь Ермилов отговаривал корреспондентку-стажёра В.Г. — не будет он снимать подставу. Он же думал, что это нормальное редакционное задание — поехать на премьеру, отснять зрителей, мнение критиков и интервью с Рязановым. Выставил камеру, развернул свет, долго пререкался со звукооператором. Волнуясь, предвкушая, придумывая «вкусную», «сочную» — яркую, выразительную — визуальную композицию для съёмки: это же Эльдар Рязанов, большой художник, мастер. А тут она: «Сейчас его приведу, а ты спрячь микрофон НТВ. Я пару вопросов ему про премьеру задам, а потом — о его любовницах. У меня задание. Хреков сказал, чтобы во время его ответов снимать лицо крупным планом» и ещё, мечтательно: «Вот было бы хорошо, если бы он

прямо во время съёмки нас обругал. Матом…»

Она думала, Лёша шутит. А он взял и не снял. Не нажал на кнопку «REC». Демонстративно. Стоял рядом с камерой, скрестив руки на груди.

— А много у вас женщин в жизни было?.. А можете сейчас громко свои любовные стихи почитать нам, а?..

Режиссёр растерянно смотрит то на неё, то на оператора. Рядом в фойе ходят люди, вот-вот начнётся премьера. И камера не работает — он-то видит. Какие-то странные эти ребята с телеканала «Культура»…

— Не то, что я никогда не снимал подставы, — объяснял мне потом Лёша. — Всякое было. И съёмки скрытой камерой, и бывало, знаешь, что снимаем большое интервью ради всего одного ответа. Было, было. У всех у нас было… Но тогда я возмутился. Вдруг стало противно от этой грязи. Наверное, какая-то точка кипения.

— Ты понимал, что будут последствия?

— А тогда это было не важно. Не то, чтобы я соломки подстелил — собирался куда-то на другую работу свалить: вот, меня где-то ждут и т. д. Нет. Были у меня деньги на месяц — на жизнь. И всё. Неизвестность. Но тогда это было неважно. Просто достало!..

В Дирекции праймового вещания разразился скандал из-за поступка Ермилова. Потом забурлил весь телеканал, исключая, руководство НТВ. Начались споры — имеет ли оператор право на собственное мнение, вообще, имеет ли обычный сотрудник право не только обсуждать указание вышестоящего начальства, а ещё и не выполнять его? Разве такую роскошь — как собственное мнение — можно сейчас себе позволять?

— Даже солдат должен не забывать о своей совести, — рассказывал Лёша. — А мне некоторые говорили, что я не прав, мол, оператор не должен думать, он просто «съёмщик», человек, нажимающий на кнопку. Хотя большинство — корреспонденты, операторы, ведущие — были на моей стороне.

Всё бы осталось между коллегами. Но спустя недели две Антон Хреков, ведущий программы «Главный герой», совершил негероический акт.

— Наши операторы отказываются работать, — донёс он гендиректору Владимиру Кулистикову при свидетелях.

Вот, что должен был сделать нормальный руководитель, профессионал — разобрался бы и наказал бы тех коллег, кто использует подставы. Если дело касается чиновников — можно и скрытой камерой, и о «моральном облике», и в карман ему залезть — откуда миллионы, дорогой загородный дом и т. д.

появились у человека на госслужбе. Это допустимо, это необходимо. Нужно! Но лезть в чужую личную жизнь?! А ещё и прикрываясь именем другого телеканала. Этим ребятам из Дирекции праймового вещания мало того, что они весь телеканал НТВ подставляли?! Очень часто договариваясь о съёмке с героями, представлялись сотрудниками программы «Сегодня», потому что нормальный человек разве станет общаться, например, с программой «Максимум»?!

Сколько я потом ни спрашивал Лёшу Ермилова, он ни разу не пожалел о том, что сделал. Даже спустя три года.

— Ну и, всё-таки, Рязанов не тот человек, с которым можно было бы вот так… Я рос на его фильмах. Для меня это дороже, чем любое задание редакции. А ещё эта девочка, стажёрка-корреспондентка. Абсолютно пустая. Помню, тогда ещё разозлился на то, с какой лёгкостью и удовольствием она обрадовалась команде «Фас!» — выполнить это безнравственное задание. Вообще, не задавая вопросов — зачем? кто перед нею? а как же стыд? Лишь бы рейтинг, лишь бы грязное бельё наружу…

Говорят, когда Кулистиков услышал от Хрекова донос, он, не раздумывая, за несколько секунд принял решение об увольнении.

— Что??? Как фамилия? А, Ермилов? Ермилов… Знаю такого… Уволить! — отрезал гендиректор.

Это была демонстрация силы. Что с ними, с рабами, церемониться? Для коллег с НТВ это было потрясением. Ведь раньше телеканал отличался вниманием к личному мнению сотрудников, уважением профессиональной позиции. Особенно — между коллегами, без доноса начальству. Не значит, что слушались этого мнения, но учитывали позицию. Категоричность могли не простить, мелко — в работе — отомстить. Но чтобы наказание было настолько жёстким?

К Кулу потянулись ходоки. Просить. Был 2007 год, какие протесты? Даже Николай Картозия, директор Дирекции праймового вещания, в рамках которой готовится программа «Главный герой», дважды просил гендиректора не увольнять Ермилова, а потом всем рассказывал, куда и как направил его Кулистиков.

На некоторое время все возненавидели Антона Хрекова. Материли за глаза. Но здороваться с ним продолжали.

— Но я ведь тоже ходил к Кулу просить за Ермилова, — чуть не плача, оправдывался и распускал слухи Антон. — И меня он тоже послал на х. й!

Дескать, не ожидал такой строгой меры со стороны руководства, да и Ермилов, мол, оператор хороший — он же с ним в командировки ездил…

На нескольких «летучках» даже Татьяна Миткова поднимала эту тему, утверждала подчиненным, что тоже просила за Лёшу. В какой форме ей было отказано, не уточняла… А? Да, а ведь Кул мог…

Среди подчиненных Владимир Кулистиков позиционировал себя человеком, не меняющим своих решений. Хочу казню, хочу милую. Ну, нравится человеку так себя вести, особенно с теми, которые не могут, боятся ему возразить.

Бывало, что Кул признавал ошибочность своих решений, например, что из-за него телекомпания потеряла людей, деньги, отказалась от важной командировки. Но не менял их — нет, он, признав ошибку, начинал внимательно наблюдать за реакцией присутствующих подчинённых. Смотрел, как они лебезили, сбивчиво меняли свои мнения, хвалили его, пытаясь угадать его настроение, его последующие слова. Кул мог слушать такое, улыбаясь, открыто получая удовольствие. Это его особая циничная ирония. Больной человек! Больной! Да и эти лебезящие перед ним — больные!

Вот предыдущий гендиректор Николай Сенкевич — ведь его все сотрудники не любили на НТВ. А что Сенкевич? Лично мне запомнился почти только с положительной стороны. Человек сам по себе безобидный. Он же в процесс по своей инициативе не вмешивался. В журналистике был любителем, даже комплексовал перед нами. Смущаясь, заглядывая в глаза, здоровался и с монтажёрами, и с водителями. Сидел в кабинете, получал большую зарплату и пока из Кремля не укажут, не двигался. Даже Парфенова долго терпел. Не ценили такого гендиректора. А получилось как в перестроечном анекдоте про Брежнева. Умирающий генсек говорит: «Когда умру, похороните меня лицом вниз». Коллеги из Политбюро в недоумении: «Почему, дорогой Леонид Ильич?» А тот: «Увидите, пройдёт время, вы меня ещё не раз в попу целовать будете!»

Ведь назначили Кула гендиректором — и всем стало реально жутко тяжело. Это же профессиональный киллер. В том смысле, что убил профессию на НТВ. Он-то всю кухню изнутри знал, бил больнее. Иногда этот протиснувшийся при Путине в элиту лакей Молчалин выходил из кабинета и начинал обход своих владений: у людей тоска на душе, а тут идёт клоун в своих ярких одеждах, улыбается, сволочь, улыбкой Гуинплена. Садист! Если бы был немного глупее и посмелее, точно стал бы каким-нибудь маньяком Пичушкиным [1]. А получилось, что для Кулистикова его Битцевским парком стал телеканал НТВ.

Единственное, что отличает этого человека от остальных холуёв то, что своё холуйство он не скрывает и открыто

пропагандирует холуйство. Человек говорит открыто: *дескать, телевизор тоже, что и холодильник; дескать, толпы голодных редакторов бегают по коридорам Останкино — в поисках работы и готовые на все; дескать, ему нужны исполнители, а не профессионалы и т. д.*

И претворял в жизнь свои взгляды. Когда Владимира Кулистикова только назначили гендиректором НТВ в июле 2004 года, одно из первых дел, что он сделал — выжил с канала корреспондента Сергея Гапонова, человека прямолинейного, с тяжёлым характером, прекрасного журналиста и личного врага нового гендиректора.

А однажды осенью того же года Кулистиков встретил в коридоре подавленного Александра Зиненко, одного из лучших корреспондентов НТВ, лауреата «ТЭФИ-2000» и между ними состоялся следующий диалог:

— Ты что такой грустный, старик? — жизнерадостно спросил начальник.

— Да вот. Хочу понять свою дальнейшую судьбу на телеканале…

— А что, старик, хочешь я тебя на «Культуру» устрою. Там хорошо. Зарплата, интересная работа. Тихо, спокойно. Подумай…

Каков руководитель компании, а?! Такое возможно, когда конкуренция не важна, результат не важен, когда снова Центральное телевидение Союза Советских Социалистических Республик.

Есть на НТВ потрясающий оператор — Андрей Гривцов. Работая с ним, я многому научился в профессиональном и нравственном отношении. Как всякий большой художник, Андрей часто не от мира сего — ребёнок, дитя играющее, беспечный и колючий человек, третья стадия превращения духа по Ницше.

Так вот однажды радующийся Андрей простодушно расхваливал мне нашего гендиректора. Оказалось, Кулистиков поднял ему зарплату на неполные пару сотен долларов. Я молча слушал его, наивного, боясь даже что-то сказать — не хотел расстраивать парня.

Мне (!) было стыдно за Кулистикова. Пытался улыбаться и кивал… А зря. Надо было прокричать ему во все уши: «Андрюха, ты — дурак?? Ты же — мастер. Ты же живёшь своими съёмками. Это что — надбавка?! Да Кул должен каждый день твои золотые руки целовать за то, что ты работаешь у него в компании…»

Вот почему западные общества побеждают, почему они стали финансово привлекательными центрами, почему там работающие общественно-правовые системы, почему они выигрывают в технологическом развитии? Потому что они смогли создать

конкурентную среду и не разбрасываются специалистами, не выдавливают таланты в маргиналы. Там за них идет борьба, их перекупают, переманивают всеми способами. А мы? Национальная идея — всё иметь и всё растерять. Сколько отличных и хороших профессионалов сбежало от отчаяния из правоохранительных органов в частный сектор, сколько учёных уехало на Запад, скольких честных судей выжили из судебной системы. Какая модернизация? С кем? С чиновниками и функционерами? С программой «Чета Пиночетов» и сериалом «Школа»? Тупые — как считает Задорнов и его аудитория — американцы могут создать условия для научного и творческого самовыражения постсоветским эмигрантам, а наши — как считает та же группа людей — «умные и патриотичные» чиновники умеют только скопом, всей кастой ненавидеть любого неординарного человека, создавать, с удовольствием изобретать ему унизительную каторгу существования и работы. Ну и — конечно же — ещё и диктовать ему своё мнение.

В чём отличие исполнителя от профессионала? Профессионал — это личность, со своим мнением. Профессионал хочет взаимоотношений по Трудовому кодексу, по Конституции, по чётким, обязательным для всех правилам игры. А с исполнителем можно как с презервативом. Да, он тоже нужен для определённых целей — за ним бегают, хватают за руки, уговаривают, улыбки, комплименты — без него тоже никуда, как без презерватива часто невозможен секс — ведь всё может быть отменено. А когда дело сделано, исполнитель вдруг становится не нужен, от него избавляются, не раздумывая, как избавляются от презерватива, спуская в унитаз. *Они* хотят такую систему взаимоотношений верхов и низов по всей стране.

Нет, когда надо Владимир Кулистиков мгновенно мог поменять своё мнение. Бегом. В панике. Потея и теряя на глазах избыточный вес. Без всякой диеты.

Когда боялся не угодить Кремлю. Этот человек, вообще, очень-очень боится любого вышестоящего начальника. Конечно, меньше, чем своей жены. Но это же взаимосвязано. Когда гендиректор НТВ понимал, что из-за карьеры ему попадёт от жены, у него пропадал аппетит, он забывал про *рыбные котлетки* и даже про гороховый суп и, сидя в своём кабинете, начинал поскуливать густым басом.

Ох, как генеральный директор НТВ трусит, когда в эфире телеканала проходит что-то, что вызывает недовольство «наверху». Когда вышестоящие чиновники им недовольны или — о, ужас! — в ярости кричат по телефону, а потом, вообще, не отвечают на звонки. Вот тогда Кулистиков осознаёт, что с ним

самим могут поступить как с использованным презервативом и бросается в Кремль — бегает из кабинета в кабинет с видом побитой собаки — вымаливать прощение, мол, «я же больше не буду». В такие дни он неосознанно меняет цветовую гамму туалета, в такие дни он появляется в Останкино в одеждах тёмных тонов.

А как Владимир Кулистиков вёл себя перед президентом Медведевым, когда тот принял его у себя в подмосковной резиденции 10 октября 2008 года — в 15-летний юбилей НТВ. Ну, поздравили телеканал с днём рождения, скажи спасибо и пошёл дальше работать. Так нет, надо полакейничать, а потом это на всю страну показать — в спецвыпуске (!) программы «Сегодня». Чтобы и премьер-министр увидел и услышал.

— Нам, нтвшникам, особенно приятны Ваши слова, — придурковато лебезил, торопясь и глотая буквы, гендиректор НТВ, прямо как Шариков перед Швондером. — Потому что мы Вас поддерживали и поддерживаем! И отнюдь не потому, что воспылали какой-то противоестественной для журналистов любовью к власти. А потому, Дмитрий Анатольевич, что Вы находитесь в оппозиции к тому и к тем, к кому всегда находилось в оппозиции НТВ — к тем, кто унижает достоинство российского гражданина либо бедностью, либо надменностью, либо, как некоторые наши беспокойные соседи, своей наглостью…

Вчера Путину, сегодня Медведеву, завтра снова Путину.

Тьфу! Вот что он так изгаляется? Это — журналист? Стыдно работать под таким руководством. Мне стыдно, что я с ним работал, здоровался с ним за руку и дышал одним воздухом! Тьфу! Нет мне оправдания…

Source URL: http://ostankino2013.com/kadrovaja-politika-kak-dokazatelstvo-teorii-ispolzovannogo-prezervativa.html

«Путин — м.дак!»

«Говорить или не говорить?»

Теперь Тбилиси было не узнать. Всё-таки, грузины очень странные люди. Ещё год назад — я своими ушами слышал на каждом углу — они боготворили президента Михаила Саакашвили. А теперь, посчитав своего *Мишу* диктатором, кинулись на улицы его свергать. Многие бывшие политические соратники грузинского лидера по «Революции роз» покинули его: Георгий Хаиндрава, Саломе Зурабишвили, Давид Бердзенишвили. Даже бывший министр обороны страны Ираклий Окруашвили, одиозный, яркий и сильный антироссийский политик, разругался с президентом и прятался в Германии — а ведь когда-то считался фаворитом главы Грузии. С Саакашвили оставался лишь Иване Мерабишвили, министр внутренних дел, человек жёсткий и властолюбивый. С его именем в Грузии связывали большинство коррупционных и репрессивных явлений.[110]

На 2 ноября 2007 года в грузинской столице был назначен митинг оппозиции. Недовольные президентом политические силы страны объединились в Общенародное движение Грузии, чтобы сменить власть в стране мирным путем. В их совместном Манифесте выдвинуты обвинения Саакашвили в узурпации власти вместе со своим «коррумпированным окружением», в «политическом терроре», пренебрежении основными правами и свободам человека, в «крайней нищете» большей части населения, в «атаке против Православной Церкви, гражданских институтов и свободного бизнеса». В 12 пунктах этого обращения была сформулирована их программа: восстановление территориальной целостности Грузии, создание в стране независимого суда, прекращение политического террора властей, неприкосновенность частной собственности, реальное функционирование местного самоуправления, свобода СМИ, создание достойных условий жизни и гражданская интеграция, сохранение национальных традиций, конституционное соглашение между государством и духовенством. А также другие благие намерения.

Предполагалось, что к осуществлению вышеперечисленных принципов оппозиция приступит после свержения власти президента Саакашвили и его команды — то есть после досрочных президентских и парламентских выборов. Напомню — мирным путем.

Наша съёмочная группа добралась из Москвы в Тбилиси накануне, в четверг вечером. Побросали багаж в гостинице и

бросились в центр города. До начала митинга оставалось чуть меньше суток, но перед зданием парламента было уже многолюдно. Протест оппозиции был официально разрешён властями, заранее собравшихся на площади «грузинский диктаторский режим» не разгонял, как принято почти везде на постсоветском пространстве.

Протестующая публика была разношерстная, из всех социальных и возрастных групп. Привлекла внимание очень пожилая трогательная интеллигентная пара. По ним было видно, что до сих пор любят друг друга. Она — одета со вкусом, драгоценности только подчеркивали её красоту, глаза женщины, рядом с которой есть её мужчина. А он нежно поддерживал её за руку, иногда поглаживая и что-то объясняя своей спутнице.

— Почему мы тут? — переспросил влюбленный. — Миша позорит нас, позорит нашу Грузию. Как можно такое ему простить?! Как мы можем со стороны за этим наблюдать.

Становилось холодно, подкрадывалась ноябрьская вечерняя горная прохлада, но на площади кипели горячие грузинские страсти. Решалась судьба страны. Грузный мужчина с огромным животом спорил с высоким и жилистым седым грузином в очках, у которого из кармана куртки высовывалась газета «Коммерсант».

— Если Миша президент, если он мужчина, то он придёт сюда и хотя бы одно слово скажет нам. Скажет: «Простите!», — требовал высокий.

— Биджо[111], слушай меня, биджо! — не соглашался толстый. — Нам не нужен президент. Нам нужна парламентская республика. Саакашвили уйдёт, придёт другой президент, нас снова обманет. Будет новый диктатор. Не нужен нам президент!

Представитель аудитории газеты «Коммерсант» в знак несогласия с изменением политического устройства государства замахал рукой. И тут я влез в их спор.

— Почему вам не нравится Саакашвили?

— Потому что из-за него в стране коррупция и террор, — бросил высокий.

— Но вы ведь за него голосовали?

— Разумеется, — он сухо отрезал и покосился на микрофон НТВ у меня в руках.

— Обманывали нас, — вмешался парламентарист. — Самую большую ошибку сделали мы, что за него голосовали. Здесь четыре года назад мы делали революцию[112] с ним. А он нас обманывал.

— А всё ваша Россия виновата, — высокий зло смотрел на меня. — Вам такой президент как Саакашвили и нужен. России и вам — армянам. Чтобы развалить Грузию.

— Я не армянин, — удивился я.

— А почему ты так о Саакашвили беспокоишься? — сжимая кулаки, завопил нервный читатель «Коммерсанта».

— Я не армянин, я — корреспондент НТВ из Москвы, — прозвучало это смешно и глупо.

На моего оппонента зашикали и закричали по-грузински — как мне потом перевели смысл: нельзя так с гостем разговаривать — и оттащили в сторону. Кто-то схватил меня за руку и развернул к себе. Широкоплечий крепкий парень в бедной дерматиновой куртке, разговаривая со мной, горячился и размахивал руками. Я заметил, что ладони у него покрыты многолетними мозолями.

— Я тебе скажу правду, — говорил он красивым гортанным голосом. — Живу в деревне, приехал сюда из Сванетии. Мы нищие. Я мечтаю о простой работе. Чтобы мог кормить свою семью. А Миша… Миша — парней сажает в тюрьму. Сколько молодых ребят сейчас сидят!

Прямо посреди площади стоял старый диван, который был занят группой женщин, молчаливо и глубокомысленно созерцавших происходящее вокруг. Ещё одна дама важно сидела рядом в родственном дивану кресле и изящно держала в руках сложенный зонтик. У Мананы, пожилой и очень политизированной мигрелки тоже была мечта. Ради неё она приехала из западной Грузии со своими тремя подружками.

— Демократию хочу, — призналась она с характерным грузинским акцентом. — Мальчик, понимаешь? Демократию!

— Если Саакашвили не согласится с требованиями протестующих, Вы отсюда не уйдёте?

— Нет, не уйду. Хочу досрочные парламентские выборы, — объявила Манана и отвернулась от меня, дав понять, что торг неуместен.

«Ну, грузины. Вот обнаглели! Путина на вас нет!»

Они думали, что уберут Саакашвили, и в их стране всё вдруг изменится. Только *он* мешает процветанию их Родины, только из-за *него* всё плохо. Так же они думали, свергая Эдуарда Шеварнадзе. Я вдруг вспомнил, что по дороге из аэропорта в гостиницу мы проезжали по главной улице Тбилиси, проспекту Руставели, и там шли ремонтные работы — как и год назад. Ничего не изменилось на этой главной улице столицы. А у Государственного театра оперы и балета на пересечении Руставели и улицы Реваза *Лагидзе* рабочие выкладывали плиткой тротуар, прилегающий к мостовой. Вернее, один работал, другие стояли рядом и давали советы, как класть плитку, а ещё несколько тучных и энергичных людей в костюмах и галстуках —

видимо, начальство — наблюдая и покрикивая на рабочих, контролировали процесс.

«Так говорить или не говорить?»

В «пресс-центре» на Руставели тоже кипели митинговые страсти. И здесь тоже Михаила Саакашвили никто уже не защищал.

«Пресс-центр», корпункт APTN состоит из трёх рабочих комнат. Но все собирались в большой передней, где за большим столом курили, пили чай или кофе и спорили. В тот вечер я застал там шефа APTN Вахо Забашто, Мамуку — Васо Матуа с ВГТРК, нашего нтвшного оператора Гиви Пейкришвили, Зуру Мурадова оператора-стрингера и Шаха — Шахвеледа Эйвазова с Associated Press.

— Вы же в прошлый раз говорили совсем другое здесь, — спрашивал я, стуча ногтем указательного пальца по столу. — Мол, Саакашвили сделал так много для страны всего за несколько лет и так далее.

— А что он такого сделал? Обязан был сделать, — недоволен был Вахо. — У нового аэропорта крыша слетела после первого же урагана. Внизу коррупцию убрал, а наверху стали брать ещё больше.

— Надо быть справедливым, — рассуждал Мамука. — Миша сделал много. И за несколько лет власти начали решать проблемы, которые накопились за многие предыдущие годы. Но, во-первых, он обязан был это делать — ведь он президент. Во-вторых, теперь он постепенно узурпировал всю власть в стране под себя. В-третьих, сейчас важно другое — пойдёт он на силовое подавление протестов или нет?

— Неужели, он будет разгонять и избивать митингующих?

— Ха-ха! Расстреливать будет! Расстреливать, парень! — Вахо рубил ладонью воздух.

— Боюсь, что я тоже так считаю, — процедил Мамука. — Сейчас он будет выжидать. В течение двух-трёх дней всё будет ясно. Завтра Миша точно не будет разгонять митинг.

Мнения разделились следующим образом: три к одному в пользу того, что президент Грузии в конце концов всё же применит силу.

— Вот вы все его ругаете. Но если бы он вернул земли, — я предполагал отсоединившиеся Южную Осетию и Абхазию. — То вы ему всё простили бы. Всё!

Ребята промолчали. Восстановление территориальной целостности их родины — самая больная тема для любого грузина.

— А где, кстати, Нугзар? — поинтересовался я у ребят про

собкора НТВ в Тбилиси Нугзара Кереселидзе.

И тут все вдруг приуныли. Шах сразу встал и вышел из передней. Вахо произнёс: «Ээээээ!» и пошёл смотреть в соседей комнате по телевизору местные новости на полную громкость. Мамука закурил сигарету и, уставившись в какую-то точку на стене, погрузился в процесс познания своего внутреннего мира. А Гиви как-то с укором посмотрел на меня и ушёл разбирать кассеты.

Все же новости про Нугзара я узнал. Рассказали, что Вано Шламов фотокорреспондент France Press имел неудачную попытку сбросить Нугзара с открытой крыши-террасы так называемого «пресс-центра» — а это пятый этаж. По крайней мере, он её — угрозу — вербально озвучил. Ещё услышал, какой отчаянной по смыслу фразой Гиви описывает своё служебное положение: «Я у него в заложниках». НТВ упорно продолжало работать в Тбилиси только через Нугзара, а он распределял финансы, как ему заблагорассудится: не доплачивал подчинённому гонорары за материал, придумывал в отношении своего оператора штрафные санкции. Например, платил Гиви одну сумму, а в Москву отчитывался за другую — и на НТВ это, кстати, знали. А когда у съёмочной группы во время выезда пропала одна незначительная деталь из старой телевизионной техники, собкор НТВ, устроив шумную истерику с криками и воплями, потребовал у подчинённого выплатить цену почти нового оборудования — и «хозяин» заставлял Гиви долго работать на себя бесплатно. Да и просто Нугзар удовлетворял за счёт этого невероятно безобидного и безропотного человека своё тайное извращенное влечение господствовать и повелевать, которое у нормального обывателя проявляется лишь в постели, и то по праздникам. Но я всё равно не понимал — почему он (Гиви) его (Нугзара) терпит?

«Говорить или не говорить? Говорить! Это твой единственный шанс, может быть».

Ближе к полуночи стало известно, что со стороны Мцхеты к грузинской столице приближается колонна. Несколько тысяч человек из Западной Грузии организованно ехали на пятничный митинг. Наша съёмочная группа отправилась к ним на встречу.

Это была очень красивая и впечатляющая картина. Издалека освещённая множеством фар ночная петляющая мцхетская дорога была словно живая. Длинная, растянувшаяся на несколько километров колонна из автобусов, грузовых и легковых машин напоминала огромную жуткую змею, подбиравшуюся к Тбилиси.

Мы остановились на дороге, стали ждать. Нарастал гул. Через некоторое мгновение нас оглушили звуки и ослепил свет фар.

Водители сигналили, люди высовывались из окон, размахивали флагами, свистели, смеялись, кричали антипрезидентские лозунги.

Однажды я испытывал подобные эмоции. Стоя на возвышенности, наблюдал, как внизу у подножия холма несётся селевый поток. Меня отговаривали, но я стал потихоньку пробираться вниз, спускаться к нему ближе и ближе. Шум бушующей водной стихии смешивался с треском сталкивающихся друг с другом камней, огромных валунов, деревьев. Мутная вода бурлила, пузырилась, словно кипела, наводила ужас и манила в свои объятия. Труп коровы поток нёс с такой лёгкостью как будто это спичка, то подбрасывая и переворачивая, то скрывая в своей глубине. Я стал кричать, чтобы проверить — услышу ли свой голос, но он потонул в грохоте селя.

Поток из Западной Грузии достиг Тбилиси и растёкся многочисленными ручейками по улицам города, как заряжённые частицы, усиливая энергию гражданского протеста. Жители столицы выходили из своих домов, приветствовали приехавших, хлопали им. Люди обнимались, танцевали, пели песни, играли на музыкальных инструментах.

Полицейских тоже было много. Они никак не препятствовали массам. Некоторые правительственные здания были оцеплены. Иногда стражи порядка просили людей обходить какую-то территорию, что-то им объясняя, и протестующие соглашались. Погромов, столкновений, стычек никаких не было. Никто не пытался ломать ограды, бить окна, витрины магазинов и выносить спиртное, а также справлять нужду на каждом углу. Это была революция по-грузински, грузинский бунт — с эмоциями и страстями, но осмысленный, веселый, не жестокий. По крайней мере, в ту ночь. Вообще, в те дни все, с кем мы разговаривали, молили Бога, чтобы протесты не закончились силовыми эксцессами.

Антипрезидентская оппозиция в своей тактике использовала технологию цветных революций. Ту же, что и Михаил Саакашвили, свергая Эдуарда Шеварнадзе со своими сторонниками и соратниками четыре года назад во время «Революции роз». Мирные массовые шествия, уклонение от столкновений с силовиками, палатки, костры, голодовка в центре города, транспаранты на английском, рок-группы для разогрева. И дата 2 ноября для митинга также была выбрана намеренно — четыре года назад «Революция роз» началась после прошедших в этот день фальсифицированных выборов. Даже въезд в Тбилиси по мцхетской[113] дороге напоминал историю со вступлением в столицу с мцхетского направления многокилометровой колонны

автомобилей с протестующими во главе с Саакашвили 21 ноября 2003 года — т. н. «поход на Тбилиси», закончившийся падением власти Шеварнадзе. Ну и конечно яркий и лаконичный призыв, выражающий руководящую идею и требование.

В ту ночь я впервые услышал лозунг «Миша — фандараст!»

«М.дак он или не м.дак?»

Фандараст — это не то, что вы подумали. Но это тоже имеется в виду. По-осетински это значит «уходи», «иди с миром», «прощай», «скатертью дорога». В своё время нынешние грузинские власти придумали использовать это определение-пожелание в адрес Эдуарда Кокойты, президента непризнанной республики Южная Осетия из-за такого двусмысленного звучания этого слова на русском языке. А теперь, как было видно — и слышно — люди стали употреблять этот лозунг относительно Михаила Саакашвили, имея в виду — как нам в Грузии говорили — и то, и другое.

«Стоит ли вообще объяснять, почему он м.дак? Если он честный человек, то он и сам о себе так думает».

На площади встретил Аню Конюкову. Освещать те события в Грузии, как и год назад, должны были три съёмочные группы НТВ. У меня были оператор и звукооператор из Москвы. И Аня в этот раз приехала вместе с Виктором Сосновским, своим крымским оператором и, по совместительству, её мужем, смешным и чудаковатым, с колыхающейся копной полуседых курчавых волос на голове. Но оператор и человек он хороший.

Аня и Виктор друг друга дополняли. Все их споры, даже семейные, были только вокруг трудовой деятельности, производственного процесса. Своей работоспособностью они доказывали, что вечные двигатели не миф, но существуют. Коллеги, как и мы, только в тот день приехали в Тбилиси, но уже успели пересечься и разругаться с Нугзаром. Заявили мне, что не хотят с ним работать.

Нынешней командировке Аня была очень рада. Происходящие в Грузии протесты стали главными новостями информационных выпусков на НТВ и других российских телеканалов. Снимай конфликт и выдавай в эфир. Москву эти протесты очень устраивали и радовали. Всё, что плохо для Саакашвили — хорошо для России. Так думали в Москве. Кроме того, грузинский президент был символом «Революции роз», а для кремлёвских идеологов цветные революции — это опасность, это отклонение от нормы, это находящееся за гранью восприятия их органами чувств явление окружающей действительности. Скопление большого количества людей в одном месте вызывает у них панический, даже патологический страх. Движение масс,

пульсирующая улица — это ведь не тайные интриги в тиши кабинетов, это не провокации, шантаж, коварные заказные убийства, подкупы, кулуарные договоренности, пародии на судебные заседания. При таком виде политической борьбы эти серые лубянские мышки начинают теряться и беспомощно барахтаться. В их системе координат — уличные протесты, митинги могут быть только заказаны, оплачены своими или врагами. Потому, от любых сбоев в системе, установившейся путём цветной революции, они приходят в экстаз, и, страстно пища, принимаются доказывать: вот, видите! власть с улицы, с площади — это плохо! это бардак! это гадость!

Люди перед парламентом стали расходиться, чтобы набраться сил и прийти утром. На площади всю ночь должно было оставаться около трёх сотен человек. Мне было жаль Аню и её мужа, выглядели они очень уставшими. А уже утром ей необходимо выдать в эфир репортаж с митинга.

— Аня, идите в гостиницу. Хотя бы поспите несколько часов. Мы вас здесь заменим. Тебе же выглядеть надо нормально утром.

— Нет! Я останусь здесь! — возмутилась она и крикнула за всю их семью: — Мы не хотим спать!

— Уверена?

— А? — Конюкова думала о чём-то другом, лично-государственническом. — Да, да… Эти грузины теперь наконец-то понимают, что без России — никуда! Скинут этого придурка! И приползут на коленях к России!

— Аааа! Ну, тогда — ты права. Как уснуть — если вокруг такие события происходят, — не стал я её расстраивать.

И Аня с Виктором скрылись среди дежуривших на площади оппозиционеров и до утра не давали им сомкнуть глаз.

«К этому выводу я пришёл давно. Эта мысль меня постоянно преследовала. Часто не давала спать по ночам. Сколько раз я спорил с собой. Тебе это надо? Думай о своей жизни, о своих проблемах, а не о проблемах страны, общества. Наладишь свою жизнь, а проблемы страны как-нибудь без тебя разрешатся…»

Набравшись сил за ночь, в пятницу Тбилиси забурлил с новой энергией. Проспект Руставели, ведущий на площадь перед парламентом, был заблокирован полицией для движения автотранспорта.

Начало митинга было назначено на 14:00 по местному времени. Люди всё прибывали. Митингующие больше были похожи на отдыхающих, словно пришли на прогулку: весело смеялись, несли на плечах детей, радовались солнечному дню, хорошему поводу не пойти на работу. Ведь настоящий грузин

знает несколько десятков способов, как избежать физического труда и заняться творчеством.

Даже выкрикивая антипрезидентские лозунги, люди не выглядели агрессивными, озлобленными. Всё же, грузины даже протестные акции могут превратить в праздник. По крайней мере, смотреть на такой протест было приятно глазу.

Говорили, что власти стягивают в столицу крупные силы, ходили тревожные слухи. Но полицейские в тот день не вмешивались в происходящее, вели себя очень вежливо. Недалеко от площади, не скрываясь, стояли автобусы со спецназовцами МВД. Некоторые члены молодёжных оппозиционных организаций стали раздавать им белые ленточки — символ оппозиции. Обвешанные оружием, в бронежилетах и касках бойцы улыбались, смеялись, брали ленточки.

Провокации тоже были. Неожиданно на стене одного из правительственных зданий рядом с парламентом появился огромный, на всю стену, плакат — карикатура на Бадри Патаркацишвили, бывшего российского олигарха, одного из самых богатых людей Грузии и главного спонсора антипрезидентской оппозиции. Он был в образе кукловода, а его куклы были с лицами лидеров грузинской оппозиции. Группа оппозиционеров пробилась в здание и сорвала эту карикатуру.

Кстати, сами лидеры оппозиции не скрывали, что пользуются финансовой поддержкой бывшего российского олигарха — «чтобы обеспечить цивилизованную форму акций протеста»…

Митингующих было действительно очень много. Трудно было подсчитать — сколько. Возможно, 60–70 тысяч, а может быть и все сто пятьдесят тысяч, как утверждала оппозиция. Людьми была заполнена не только площадь перед парламентом, но и сам проспект Руставели, выходящий на площадь, а также все соседние улицы, переулки, крыши домов. Если бы в тот момент пришлось случайно оказаться в каком-нибудь спальном или нецентральном районе Тбилиси, то можно было бы увидеть сиротливые пустынные улицы — люди пришли сюда в центр столицы на митинг или собрались перед телевизорами в гостях, в кафе, на работе и шумно спорили — мы видели это своими глазами — и обсуждали эти события.

Иногда многотысячный митинг пел песни, иногда скандировал лозунги. Периодически площадь затягивала любимое: «Миша — фандараст!» Главные требования митингующих — провести досрочные парламентские выборы весной следующего года (то есть в сроки, предусмотренные Конституцией до внесения в неё президентом изменений) и выпустить всех политических заключенных. Президенту Михаилу

Саакашвили объявили ультиматум — до 18:00 дать ответ на **эти** требования. В противном случае, заявляла оппозиция, акция протеста у парламента станет бессрочной.

Были видны разногласия и несогласованность между оппозиционными партиями — не все лидеры категорично поддерживали требование площади о немедленной отставке Саакашвили и превращении Грузии в парламентскую республику. А главное — о реальных дальнейших действиях. Нерешительность, трусость грузинских этих оппозиционных лидеров подавляла энергетику протеста — они проиграли партию именно в те первые часы митинга. Да и не было у них такого интеллектуала, как Зураб Жвания, который думал за всю оппозицию в ноябре 2003 году. К тому же, посол США что-то не проявлял активность. Но главное — оппозиция (в лице её лидеров) проиграла сама. Да, конечно, она хотя бы делала попытку выиграть, организовать массовый протест. С этим никто не спорит…

Президент Миша молча за всем этим наблюдал, сидя в своей резиденции.

Неожиданно на площади объявился Бадри Патаркацишвили. Это как будто придало сил протестующим, потому что ранее он заявлял, что на митинг не придет. Выступление у него было короткое.

— Я специально приехал из Лондона, чтобы в трудное время быть рядом со своим народом. Мы должны сделать всё, чтобы к руководству пришли такие люди, которые были бы народными избранниками. Я считаю, что нам хватит мудрости, чтобы политическим путем урегулировать все проблемы.

Призвав власти к диалогу, Патаркацишвили сразу покинул митинг.

Площадь снова затянула: «Миша — фандараст!»

«Может этот человек, строящий из себя Майкла Карлеоне, сам по себе и не виноват. Но он разбудил заснувший дух агрессивного бюрократизма. От министра до профессионально чёрствых сотрудников почтового отделения рядом с моим домом. У всех, кто обладает властью. Они стали думать, что имеют право на власть и над тобой и твоими детьми, над твоей женой. Не понимаю, Путин кто? Бог в католической космологии? Его нельзя трогать немытыми руками и подвергать сомнению? Он претензий не терпит?

Я не исключаю, что он любящий отец своих детей, жене, наверняка, не изменяет. Думает, что патриот. Но он символ, образ. Из-за него закомплексованный путинизм повылазил из

всех щелей.

Комплекс путина, путинизм. Ареал распространения: вид встречается в странах с податливым, несформировавшимся гражданским обществом, ушибленным метафизикой, комплексами мессианского предназначения и реминисценциями прошлого. Удачно приспособленный вид к условиям эпохи развития коммуникаций, когда классическая тоталитарная система (например, сталинская) стала неэффективна. Боится массовых пассионарных проявлений, инициативных личностей. Участки мозга, отвечающие за самокритику и покаяние, атрофированы в результате мутации. На подконтрольной территории объединяет вокруг себя невзрачных, узколобых, но злобных особей своего вида для коллективного управления, нападения, убийства и поедания или же выдавливания с контролируемого пространства индивидов всех остальных родственных видов. Ненасытен, большую часть бдения проводит в поисках наживы. Постоянно врёт. Агрессивен, но трусоват. Мстителен. Охотится стаей, даже если противник менее слабый и не может оказать сопротивление. Предпочитает нападать сзади, неожиданно. Прежде чем приступить к поглощению поверженной жертвы, любит её жестоко истязать и подолгу наблюдать за её страданиями. При этом даже от умирающей в муках жертвы требует проявления искренней любви к себе — болезненно самолюбив. При отсутствии страстных сердечных чувств у окружающих к своей особе испытывает душевные муки и плачет. Умело скрывает свои отрицательные черты. Вследствие мутации приобрёл способность менять свою окраску, выражение глаз и мордочки при цветовых и интеллектуальных изменениях в окружающей среде».

Прибежал с отснятым на митинге материалом в «пресс-центр» для «перегона» в Москву. Застал конец бурной ссоры Нугзара и Ани. Попытался их успокоить. Нугзар хлопнул дверью и убежал в свой офис на втором этаже в этом же здании.

Аня стала объяснять причину конфликта — не договорились, кто и где должен снимать, кто для какого эфира делает материал, кто будет вести прямое включение из Тбилиси и т. д. Мне было не интересно. Иногда легче понять истинную мотивацию целого общества, чем Ани или Нугзара.

— Как же я ненавижу эту страну! — выпалила Аня в сердцах.

— А страну-то за что?

Пытаюсь её успокоить.

— Анька, надо вам как-нибудь договориться. Мы же все из одной телекомпании. Отработаем, а потом хоть кровную месть

объявляйте друг другу.

Конюкова расплакалась и ушла. Меня отвёл в сторону Мамука.

— Я тебе поражаюсь, Эльхан. Нугзар только что жаловался на всех вас в Москву. А Аня за вас всех защищалась. Да он только и делает, что доносы на вас строчит. А ты его поддерживаешь…

— Да никого я не поддерживаю. Но нельзя же вот сейчас заниматься мелкими обидами, подставами!

Читаю в глазах Мамуки укор.

«Чего-то я не знаю. Недоговаривают они. Ладно. Это не важно. У меня другая цель в этой командировке».

Коллеги из «пресс-центра» на Руставелли. Единственное, что хотел, но не мог объяснить местным ребятам — об их большом заблуждении, дескать, весь мир занят их проблемами. Они действительно были уверены, что сейчас — и вообще, круглый год — всё руководство НТВ, как и весь телеканал — следит за разворачивающимися здесь, в «пресс-центре» страстями, обсуждает и переживает местные интриги, знает о них, живёт ими. Забавно было это слушать…

Человек так устроен — изучать, познавать, принимать мир, через своё зрение, своё мышление. Тем более — на Кавказе, где люди крайне политизированы и эгоцентричны…

Да в Москве многие даже не знают — есть ли метро в Тбилиси или нет.

Забавно ещё и то, что такое же восприятие — то, что весь мир помешан на проблемах их страны — у многих грузин. Забавно было это слушать…

Ладно. Человек вообще существо эгоцентричное. Общества эгоцентричны. Ведь уверены же жители США, что Бог — американец.

Ладно. Это не важно. У меня другие были цели в этой командировке. У меня. Меня… Забавно.

«Я уже давно делал на НТВ свои репортажи. Должность у меня была — продюсер-корреспондент. Но больше всего я хотел прямого эфира. Я уже «прямился»[114] для дневных новостей. Но хотелось настоящего, для новостей в прайм-тайм … Так мне говорить это или нет?»

Время 17:00. Ультиматум истёк. Лидеры оппозиции угрожают власти начать общегражданскую акцию неповиновения, а митинг в Тбилиси не прекращать. Всё! Теперь, чтобы не работать, у грузин будет красивый политический повод.

Начинал свою игру Михаил Саакашвили. Лидеры оппозиции хотели личной встречи с президентом. А он отправил к ним спикера парламента Нино Бурджанадзе, тогда игравшую на

стороне главы Грузии. Оппозиция согласилась, убеждая себя, что Бурджанадзе посредник между ними и президентом Грузии.

«Однозначно, м.дак. Вопрос не в этом. Вопрос в том — говорить или не говорить? Сказать или не сказать? Тоже мне — Гамлет, блин, а!»

На часах 18:00. Конфликт в Тбилиси пытаются решить из Москвы. Миткова на стороне Нугзара Кереселидзе, а «города» поддержали Аню Конюкову. Я не знал про масштаб разногласий, пока мне не позвонили из вечернего выпуска и не сообщили — в 19-часовых новостях, главном новостном выпуске, «включаться» буду я. События в Тбилиси — главная тема, и моё прямое включение будет идти в самом начале программы.

Решение о моей кандидатуре продавил Алексей Пивоваров, ведущий вечернего выпуска вместе с Лилией Гильдеевой.

«Я скажу это ***в прямом эфире! «Путин — м.дак!» На всю страну.***

С каким же удовольствием я это сделаю! Давно об этом мечтал. Лучшего не придумаешь. Здесь даже бежать никуда не надо. Пусть потом ищут. Ха!

Глупо? Может быть… Конечно, глупо. Глупо. Конечно, глупо! Весело и глупо. А то, что делает Путин — не глупо? Хорошо, хорошо, я глупый, хорошо! а все остальные — умные.

Вся страна больна этим путинизмом. Путин — это Иван Грозный в современном костюме, с дорогими часами. А после Грозного что предполагается? А? Правильно, хорошенький, но слабый Бориска Годунов. А потом смута — разруха».

Звонит Сапог, шеф-редактор бригады Пивоварова и Гильдеевой. Один из умнейших и уважаемых людей на НТВ, хоть и цензор. Сапог — это шутливое прозвище от его фамилии, Сапожников, безОбразное.

— Всё нормально, Эльхан? — спросил Сапог как всегда грустным голосом.

— Да, Саша. Готовлюсь.

— Давай пробежимся по тексту. Прочти мне — подкорректируем.

Я был готов к проверке — рассказал.

— Всё нормально, Эльхан. У тебя будет минута и 20 секунд. Постарайся не растекаться по теме. Сразу после твоего включения пойдёт репортаж Ани. Ты в конце включения сам и «подведи»[115] её репортаж.

«Минута и двадцать секунд… Мне столько и не понадобится, Саша».

Перед самым выпуском звонит Пиво.

— Ты готов?

— Да, Лёша, я готов! — а сам думаю о другом тексте.

— Постарайся, чтобы всё прошло хорошо. Таня [Миткова] была против твоего включения.

«Может, Миткова чувствует? Да нет. Не может быть! *Они* такого даже предположить не могут. *Они* думают, что карьера превыше всего».

«— Разве так можно? Нельзя же переходить на личности… — При чём тут переход на личности?! Мм.дак.дак он и всё тут!.. В противном случае придётся признать, что не Путин м.дак, а мы все м.даки, что всё это издевательство терпим. Чтобы не признавать себя м.даками, придётся объявить м.даком Путина».

Я вдруг представил, как Миткова будет злорадствовать после этого эфира: «Это всё он — Пивоваров! Это он настоял, чтобы дать прямой эфир этому неадекватному Мирзоеву. Это он его в прайм-тайм вывел», — будет говорить она.

Предательски заныло под ложечкой. Пиво я подставлю. Да, Миткова использует всю эту историю себе на пользу.

Площадь за моей спиной ждёт, чем закончится встреча лидеров оппозиции со спикером парламента Нино Бурджанадзе. Да вся Грузия ждёт. Они наивно думают, что этот человек добровольно отдаст власть. Это вам не Эдуард Амвросиевич.

«Миша — фандараст!»

«Прямо после вопроса ведущего: «Эльхан, что происходит сейчас на площади перед парламентом?», заорать на всю страну: «Путин — м.дак!» Выкрикнуть, одним духом. А потом повторить. И повторять, пока не выкинут из эфира.

Грузия — это, однозначно, самое удачное место».

Почти 19:00. Встреча закончилась. Цирк! Бурджанадзе выслушала требования оппозиции провести досрочные парламентские выборы весной следующего года и выпустить всех политических заключенных и сказала, что «она не обладает полномочиями, решение должен принять президент». Обещала передать Михаилу Саакашвили эти требования. Как будто он про них не знает.

Миша выиграл время.

Поднимаюсь на лайф-позицию. Ноги ватные, не слушаются. Руки дрожат. Сердце бьётся почему-то где-то в горле. Что я буду делать? Страшно! Никогда так не дрожал, даже тогда, когда мне в лицо направили пистолет и имитировали стрельбу… В голове всё перемешалось.

Площадь поредела, но ещё слышно пронзительно-отчаянное «Миша — фандараст!». А у меня в голове монотонный голос повторяет «Путин — м.дак!» — равномерно, настойчиво бьёт в

набат.

Выпуск новостей начался.

«Вот этот народ — не м.дак, потому что он хочет и может выйти на центральную площадь страны, здесь самоорганизоваться — да, самоорганизоваться, а не броситься громить пивные ларьки, лишь только увидев отсутствие вертухаев-карателей, вожаков-организаторов — и назвать диктатора — пусть, по их мнению! — фандорастом. Да, скоро его разгонят. А он опять выйдет, а не будет на кухнях сжимать кулачки».

Пиво читает «подводку». «Звук очень плохой», — мелькает у меня в голове. Мне кажется, что «подводка» очень длинная. «Зачем мне нужна эта пытка?»

Я уставился прямо в объектив камеры. Всё как в тумане — этот нарастающий шум с площади? или в моей голове? Оператор из-за камеры удивленно смотрит на меня…

Издалека слышу вопрос ведущего ко мне. Набираю в легкие воздух. И…

«Всегда удивлялся, почему никто до меня этого не сделал. Неужели в России нет таких ребят на телевидении. Ведь в разговорах все всё понимают. Это же протест одиночки. Превентивная экстремистская операция».

Что же такое случилось? Почему же все его испугались? А помните, какое чувство свободы было в 90-е? Да, было опасно, была неопределённость. Да, была разруха в стране. Правда о разрухе — мы про это знали. От нас эту правду не скрывали, как сейчас. Да, правда горчила. Но у обычного человека была уверенность в себе, в своих силах. Понимание, что всё зависит от него самого. Не могу забыть 90-е!

А эти споры в конце 99-го и весь 2000-й — что возвращение в прошлое, Back to USSR, больше не будет? Мол, мы уже прошли точку невозврата, мол, люди вдохнули воздух свободы. А теперь вокруг апатия и страх, бюрократическая броня, болото — хоть вой от отчаяния.

А как люди сами себя убеждали. Мол, Путин вышел из спецслужб, а они патриоты. Какие надежды связывали с его президентством. Так вот эти патриоты сделали хуже, чем либералы в 90-х. Как будто даже вертухай не может быть патриотом. Теоретически.

Иметь такую поддержку населения, такой шанс, вызванный «нефтяным дождём», и не реформировать страну, а заняться собственным обогащением и выстраиванием авторитарной системы… Ни одна структурная реформа не доведена до конца.

Всё, что сделано — это не реформы, это — имитация. Был шанс, был. Ни у кого таких благоприятных условий не было до него. И как называть такого человека?

Но я всё равно не понимаю — почему *его* всё ещё терпят? Вот! Я понял! Путин — это Нугзар, а вся Россия — это Гиви. Мы все у него в заложниках.

«Надо было сказать. Почему я это не сделал? Дурак я! Чтобы это изменило? Да ничего. Дурак я!»

Source URL: http://ostankino2013.com/putin-m.dak.html

День выборов

В тот выходной даже Владимир Кулистиков вышел на работу. Сидит у себя в кабинете, но часто выбегает оттуда и носится по коридорам. Волнуется, сволочь. Трясётся. Дрожит приобретёнными жировыми отложениями.

Небывалое дело — в коридорах на восьмом этаже стоят столы с едой. Я такое в первый раз вижу. Забота о сотрудниках? Ай да Кул! Ай да Отец родной.

Еды много. Но на пир не тянет. Не яства. В основном бутерброды с сыром и колбасой. Докторской. И редкий сервелат с жёлтыми кружочками жира. Сомнительные прохладительные напитки — разные «колы», «спрайты». Растворимый кофе, отдающий запахом грязных носков, которые надо бы бросить в костёр после настойчиво-продолжительных, но неудачных попыток их отстирать; да, в костёр, чтобы крысы в мусорном баке не задохнулись… А народ пьёт. Давится, но ест эту подозрительную колбасу, толпится перед столами. Боится, что не хватит. Отпихивает друг друга. Устроили тут «шведский стол»… Трудно соблюдать приличия, когда видишь халяву… Говорят, где-то видели сёмгу. Я не видел. Но люди верят. Я тоже. В глубине души. Все рады заботе. Светлые лица. Хозяин — хороший, хозяин иногда о рабах заботится. Нас всё-таки ценят!.. Особенно, в такие дни… Лучше бы «Отец родной» деньгами дал.

Часто понимаю, что схожу с ума. Столько поводов… Самое страшное, меня это не пугает. Exsistentia…

Сегодня День выборов. Очень важных. Парламентских. Воскресенье, 2 декабря 2007 года. Главное событие года. Путин проверяет, будет ли и дальше Россия его слушаться. *Финишная прямая.* Кремль готовится к передаче власти… Жалко. Заканчивается «год стабильности и предсказуемости». Ни крупных терактов. Ни кризиса. Ни реформ. Только колоссальные траты на нацпроекты — на то, что должны делать всегда и из бюджета.

У меня ответственный фронт. Работаю в штабе «Единой России». Надо быть там около пяти вечера. Будем «включаться» и т. д. «Освещать победу единоросов». Такое вот задание.

Когда выезжал из Останкино, застал начало 16-часового выпуска новостей с Андреем Ухаревым. «Все наблюдатели отмечают, что выборы проходят спокойно и без эксцессов», — утверждает наш телеканал устами ведущего. И сразу же вслед, чтобы закрепить: «В том, что нарушений нет, сходятся практически все независимые наблюдатели».

Зачем нам это нужно? Нам-то что это даёт? Коллеги, мы-то чего боимся?

Какие наблюдатели? Да нынешнее избирательное законодательство — это уже эксцесс. Главное — теперь не будет независимых депутатов-одномандатников. Это больше всего *их* раздражало. В Думу — только по партийным спискам. А ещё проходной барьер повышен с 5 до 7 процентов. Минимальный порог явки убрали — сколько бы ни пришло голосовать, признают выборы действительными. Любые блоки и партийные союзы запрещены. Наблюдатели за процессом голосования должны представлять какую-нибудь партию. Официальную. Только так. Одни запреты.

А главой ЦИК сделали Владимира Чурова. Бывший коллега Путина по работе в мэрии Питера. А так, конечно, всё спокойно. Эксцессов в масштабе страны нет…

Штаб «Единой России» в Переяславском переулке. На Садовом и на Третьем транспортном кольце — усиленные посты ДПС. Съезд на Банный переулок с проспекта Мира перекрыт. С противоположных сторон тоже — за несколько кварталов. Вокруг штаба оцепление из вэвэшников. Обычным людям не пройти — здесь партия для чиновников. Автобусы с ОМОНом. Три раза — на постах — показывал милиции удостоверение, чтобы пропустили. На входе в штаб проверяют по спискам — один раз до входа, и еще раз — уже внутри.

Металлоискатели.

Толпа коллег у дверей штаба пытается попасть внутрь. Многие не нашли свои имена среди аккредитованных — это в основном газетчики. Ругань. Отчаянные переговоры с кем-то по телефонам — со своим начальством? со знакомыми в ЕдРе? То мольбы, то угрозы. Обещают оторваться в своих статьях. Но *этим* не страшно: «Да пишите в ваших статейках что хотите!»

Главные среди коллег — мы, телевизионщики. ТВ — это «свои», особое пространство. «Ящик». Заглянул в список в руках толи ФСОшника, толи ФСБшника — нас, только с НТВ, почти человек пятнадцать аккредитовано.

Прохожу внутрь. Мне выписывают бейджик, и охрана предупреждает — не снимать. «Увидим без бейджика…» и погрозили пальцем. Думаю, станут стрелять. Все носят эти бейджики на шее, а я прицепил к ремню. Да, мелко, но протест. Не около сердца, но это тоже важный орган. Не могу за них голосовать сердцем.

Атмосфера в штабе сытная. Ощущение, что попал в клуб. Тусовка. Многие с алкогольными напитками в бокалах передвигаются по всему штабу, по всем этажам, в лифтах.

Вспышки фотокамер. Какие-то длинноногие модели. Чьи-то любовницы? А может жёны и дочери? Или избиратели? Или активистки? Народу тьма! Деятели культуры. Здравоохранения. Армии. МВД. ЖКХ. А также спорта. Тягачёв. Фетисов. Стоят рядом, беседуют. Улыбаются. Поглаживают друг дружку. А ведь говорят — враги… А это кто? Толи модный адвокат-активист, толи теле-звезда Павел Астахов. Пришёл на пир бесов, а везде божится, что верующий. Красиво божится. Модно. Отрепетировано.

Громко играет музыка — такая, как в супермаркете — позитивная, к чему-то побуждающая: ««Покупай! Покупай! Покупай!»

На одной из стен гостиницы «Москва» огромное-преогромное нарушение и эксцесс. Утром видел, когда ездил голосовать. Гигантский — на всю стену — баннер «Москва голосует за Путина». И ещё «Голосуй. № 10». Агитация за «Единую Россию» идёт в день выборов. Прямо под стенами Кремля. Под носом. А ведь «в том, что нарушений нет, сходятся практически все независимые наблюдатели». Какие, к чёртовой матери, наблюдатели! Я сам наблюдатель — вот наблюдаю баннеры и флаги «ЕдРа» по всей Москве в день голосования.

Они у меня требуют быть законопослушными, а сами нарушают закон. Открыто. Не прячась. Я что — тупой? Не могу связать две вещи? То есть они выйдут перед камеры — «Всё в порядке!», «Мы работаем для страны!», «Примат права и закона!» — и я поверю?! Я Путину и его шайке буду верить больше, чем своим глазам? Неужели?! А ведь кто-то верит…

Никакой интриги. В списке из нормальных — только «Яблоко». Не за «Гражданскую силу» же… Сколько пиарили этого клона то ли правых, то ли «яблочников». СПС-2. Партия-спойлер. «Спойлер». Теперь уже многие забыли про это слово. Термин из 90-ых.[116] Вот и программа у них хорошая придумана, красивые лозунги — «Интеграция России в Европейский Союз», «Независимая судебная власть», «Свобода слова и независимые СМИ», «Низкий уровень налогов и социальных расходов», «Незыблемость прав частной собственности» — а люди в этой партии не нравятся! От «Яблока» тоже никакой пользы — объективно, говорят, времена не те, они упрямые — ждут. Но ставлю галочку напротив номера 11. Я же должен что-то делать! Графу «Против всех» ведь тоже убрали…

Голосовал на Центральном Телеграфе. Я — бомж. Лицо без регистрации по месту проживания и даже по месту пребывания. На избирательном участке «Центральный Телеграф» могли голосовать как «приписанные к этому участку местные жители,

так и не имеющие регистрации по месту жительства в пределах страны» — я специально выяснял.

Хотели мне помешать *исполнить гражданский долг*. Какая-то дама, сотрудница участка, высокомерно спрашивает: «Зачем Вам это нужно?» А может по-другому: «Зачем *вам* это нужно?» Не стал уточнять. Наверное, всё-таки, *Вам*, то есть конкретно мне. Зачем *мне* это нужно? Я этот вопрос постоянно себе задаю. По разному поводу…

Народу много. Интересно, сколько здесь таких, как я — бомжей. Людей без регистрации. Мы же не виноваты, что страна, как лагерь, как зона особого режима. Такая философия у правителей. *Примат колхозно-крепостного права*… Говорю ей: «Мне надо!» Задумалась: «А Вы за кого?» Подыгрываю ей: «За Явлинского!» А она пренебрежительно так: «Видите, людей много. Зайдите позже!» Прямо как в обычном московском ЕИРЦе…

Повторяю: «Мне надо!» Отворачивается и уходит. Нет, теперь уж я буду голосовать. Сейчас! Обхожу её. Показываю удостоверение НТВ. Засуетилась. Разволновалась. Запотела возрастным потом. «Ах, ох. Простите. Так получилось…» «Вот, *пожалуйте* (!), Вам надо заявление написать и всё — сразу дадим бюллетень» И побежала мне дорогу расчищать… Вот зачем мне эта работа на НТВ нужна — чтобы иногда какие-то двери открывать, проблемы решать? Тьфу! Встречают по одёжке, провожают по ксиве. А эта… Бегает вокруг меня и всё продолжает оправдываться: «Извините. Сегодня, — говорит, — столько неадекватных здесь у нас». О! Откровенно! Меня она тоже приняла за неадекватного. Это хорошо! Не расслабляйтесь, суки. Я сам себя считаю неадекватным.

Вопрос вопросов — что заставило богоносца поднасрать? Я серьёзно. Мне важно. «Мне надо!» В самый неподходящий момент поднасрать. А мир ведь верил ему… Оказалось, всё как у всех, да к тому же «как всегда». Герои пропали, осталась масса, толпа. И это в России? Страна Андрея Платонова стала миром победивших Интернет-шариковых, «*воинствующих невежд*».

Демократичными в России можно назвать только выборы клички очередной президентской сучки-собачки.

У нас на журфаке МГУ группа была хорошая — ребята любознательные, неравнодушные. Ноющая рефлексия: «Как же так??», «Почему так??» Это сейчас сникли, ушли в себя. Эскапизм. А тогда было не «всё равно»… Да, так вот. Наш любимый преп, Анна Григорьевна Качкаева, известный телекритик, журналист, говорила: «Успокойтесь! Всё общество не может состоять из пассионариев. Тогда бы оно не вылезало бы из революций, катаклизмов. Иногда идеями кучки пассионариев загорается всё

общество. А потом снова успокаивается. Бывает, на долгие десятилетия». До сих пор помню её слова. Мы ей верили. Я — точно верил!

Хорошо, я согласен. Согласен на это самое «иногда». Но когда же оно наступит? Разве не сейчас — когда столько фальсификаций. Когда так издеваются над правом на голосование, на участие в жизни государства. Сколько ждать? Время же идёт. Ведь эти придурки, низшая раса, шудры, оказавшиеся в князьях, торгаши, проснувшиеся правителями, по-другому не понимают.

В пресс-центре штаба на четвёртом этаже несколько мониторов. Показывают разные телеканалы. Ваня Кудрявцев меня отвлёк. Спецкор телеканала «Вести 24».

Я ему:

— У вас Явлинского показывают. Хочу послушать. Про Кремль сейчас будет говорить.

Это такая циничная игра. «Вести 24» — спутниковый информационный телеканал, а «тарелку» не все могут себе позволить в стране. Ну, молодые, активные. Они всё равно докопаются до новости — в том же Интернете. Потому на этот телеканал приглашают многих ньюсмейкеров, которым на федеральные, общедоступные СМИ, дорога закрыта. Высказаться дают, но самое радикальное в эфир всё равно не выпускают. Их — молодых, активных — тоже надо контролировать.

Ваня махнул рукой.

— Да зачем тебе это нужно?

А у самого глаза грустные. Хороший журналист. Видел, как он работает: две недели наши съёмочные группы вместе таскались по Ирану — даже номер в гостиницах делили. А как сейчас — не знаю. Художник без аудитории — инвалид.

— Пойдём, выпьем! Там внизу наливают.

— Только Явлинского дослушаю.

Ваня вздыхает…

Вот кормили в штабе «Единой России» хорошо. Столы заставлены. Это вам не сыр с докторской. И дорогой алкоголь. Неограниченно. Вот это — пир. Яства. Не выборы, а праздник тела. Праздник для желудка. *Им* всё понятно — они уверены, что победят.

Бокал вина не помешает. Отлично! Вино отличное… Мне стало толи весело, толи меня мутит. Не от вина, а вообще…

А ещё стало жалко тех коллег-газетчиков, которые не смогли пробиться в штаб — а таких было много. Банкет-то ведь за счёт российских граждан, за счёт федерального бюджета.

Но первые лица «Единой России» и топовые гости партии

празднуют не здесь, не со всеми. *Избранные из избранных*. Представляю себе — что там на столах стоит. И сколько это стОит.

Пресс-сек Грызлова Константин Тарасов мне не нравится. Да, странный мальчик. Манерничает. Ха-ха-ха. Хи-хи-хи… Был же нормальным парнем, ещё какой-то год назад. А теперь ведёт себя как педик. Демонстративно ведёт себя как педик. И одет, как меньшинство. Система и Москва меняют человека не в лучшую сторону. Служба часто уродует людей — многие Чацкие со временем становятся Молчалиными… Да, бывает, что некоторые Молчалины искренне уверены, что они вообще-то Чацкие. Всякое бывает…

Вот, например, люди, знающие Грызлова близко, говорят, что человек он очень общительный. Простой, весёлый, «заводной апельсин» — так мне его вторую жизнь описали… А как на службу выходит — похож на жирного индюка, обиженного на всю деревню из-за того, что ему не дала соседская курица.

Вот он идёт. Надул губки. Важный чувачок. В белоснежном свитере — такой якобы *модный, современный политик*. Только встанет или сядет перед камерами — начинает снисходительно улыбаться во все свои коричневые зубы. Позитив демонстрирует.

Сколько же во мне злобы?! Нехорошо…

Но, послушайте, из него ведь так и прёт ненависть к одномандатной избирательной системе. Этот чиновник в белом свитере, этот Борис Вячеславович ненавидит её ещё с тех пор, как разгромно проиграл в первом же туре выборы в Питере в декабре 98-го в Законодательное Собрание города — как независимый кандидат[117]. Лозунг у него тогда был — «Контроль за властью!» Права, мол, простых граждан будет защищать. Компенсации вкладов из Сбербанка выбьет. Ну, защищай теперь, больной человек! Выбивай! Что тебе мешает? В голове только футбол и теннис. Так, ничего серьёзного. Просто убивает время. Пустой человек.

Один из коллег ошибся при обращении к нему — подумаешь, назвал его «Борис Владиславович». Так этот чуть не задохнулся. Усы дыбом встали. Лицо мгновенно сменилось ядовитой маской, на глазах постарело: «Ну, сколько можно?! Я не Владиславович! Запомните! Я — Вячеславович!» Обиделся? Да нет. Это ярость. «Надо готовиться перед вопросом для первых лиц страны! Понятно? Нет, я спрашиваю — понятно???» Вот так! И отвернулся, дёрнув тощей ляжкой! На остальные вопросы «газетчикам» сквозь зубы отвечает — камеры ведь не снимают. Недоволен. Дескать, Борю не признают. Борька вам всем покажет…

Кстати, а ещё Грызлов осенью 99-го возглавлял

предвыборный штаб Виктора Зубкова — тогда кандидата в губернаторы Ленинградской области, бывшего сослуживца Путина по работе в мэрии Питера.[118] Говорят, это задание Грызлов получил вместо Дмитрия Козака, бывшего вице-губернатора Санкт-Петербурга, которого одним из первых своих друзей Путин пристроил в Москве около себя — главой аппарата правительства. Сам Путин тогда уже был премьер-министром России. Вот как! Это же ещё та клика, компания единомышленников, камарилья. Да, а одноклассником у Бориса Грызлова был маленький мальчик Коля Патрушев — будущий директор ФСБ. А Виктор Иванов, бывший помощник президента Путина по кадровым вопросам, вопросам госслужбы и защиты прав граждан, а теперь директор ФСКН — бизнес-партнёром Бориса Вячеславовича в начале 90-х. А Анатолий Сердюков — неудачный зять Зубкова и такой же министр обороны России. Все пристроены!

Кстати, Зубков — будущий премьер-министр, а потом первый вице-премьер России — тогда выборы в губернаторы Ленобласти тоже проиграл. Они же ни на что сами не способны. Потому так и ненавидят выборы. Серые мышки. Бедный Зубков — он не понимает, что за него даже его родные с трудом голосуют. Зубковым никакого «Комбата» не нужно — у него из дома все тараканы сбежали от тоски. Ему надо следователем работать — нормальный рецидивист через десять минут общения расколется от пытки скукой. И т. д.

Наша работа в штабе — снимать всё, что происходит и «перегонять» в Останкино. Взял кассету, иду на перегон. «Тарелка» стоит на углу у Банного переулка. Метров за десять до неё мне снова стало дурно. Остановился. Стою. А мне нехорошо прямо физически. «Мне зачем это нужно? — спрашиваю себя. — Я что делаю в этой Системе? Почему им подыгрываю?»

Хотел сломать кассету. Разбить об асфальт. Растоптать, попрыгать на ней — на кусочки, в пыль её. Зачем?! Это журналистика?! Я для этого учился?!

Стою как дурак. Замер, зажав в руках эту кассету. Со стороны — у человека столбняк случился.

Вышел из «тарелки» один из наших инженеров. И с опаской смотрит на меня. Медленно подходит: «Ты что, Эльхан! Дай сюда!» Отдал ему кассету. Говорю ему, чтобы сам перемотал на начало и начинал «перегон». Кивнул. Спрашивает: «Тебе не по себе?» Говорю: «Понимаешь, это же не выборы»…

Парень расхохотался. Мне самому смешно… И жутко, противно. Смешно и противно. Пустота внутри. Смешно ровно до тех пор, когда понимаешь, что жизнь проходит. А то самое

«иногда» не наступает…

Не хочу быть публицистом. Хочу заниматься чистой журналистикой.

Потом говорю нашим «тарелочникам»: «Вы что здесь сидите? По одному идите в здание поесть». Столько денег на выборы выкинули. Наших денег.

А голосовать и терпеть серых мышей — не смешно?..

Мой близкий друг постоянно мне говорит: «Не забивай себе голову проблемами страны. Ты решай свои проблемы, а проблемы страны как-нибудь сами разрешатся». Иногда сам себе эту мантру повторяю. Не знаю. Может быть…

Но вот из-за такой вот апатии эти серые мыши и сидят над нами. Проблемы в государстве приводят к личным проблемам в жизни любого отдельного гражданина. Рано или поздно.

Другой мой друг Олег Пташкин тоже периодически пытает: «Тебе это надо?! Тебе надо защищать это быдло?! Слишком близко всё к сердцу принимаешь. Не парься!» Да я сам хочу «не париться». Не получается. Заноза какая-то. «Быдло» — это его любимое определение.

Смотрю 19-часовой выпуск новостей на НТВ. Ведущий Кирилл Поздняков доблестно декламирует: «По сути, речь идёт о выборе курса, которым пойдёт Россия». Это точно! Вернее, страна всё ещё идёт этим курсом. Неправильным — это же видно — и сама этот курс выбрала.

Прямое включение Андрея Черкасова из ЦИКа. Долго и подробно рассказывает, как «Владимир Чуров провёл сеанс космической связи с Международной космической станцией — там находится российский космонавт Юрий Маленченко. Он исполнил свой гражданский долг в безвоздушном пространстве».

Молодцы — забили эфирное время.

И снова гипнотизирующим рефреном: «Что касается международных наблюдателей, то они продолжают работу. Серьёзных претензий к ходу голосования пока не отмечено».

Кто врёт, тот проститутка.

Ведь есть вещи, не требующие доказательства. Парламентаризм, свобода слова, здоровая судебная система, свободная политическая, экономическая, идеологическая конкуренция. Гражданское общество. А не какая-то странная «управляемая демократия».

Говорят, путинская эпоха — возврат к тоталитаризму по-советски. Да? Но свободы слова сейчас больше. Реальной свободы слова. В широком смысле слова… Не услышит правды тот, кто не хочет её услышать. Кто её не ищет.

Неизвестно, что будет дальше и как поведёт себя ВВП и все

эти его друзья-скоморохи и что они будут делать дальше… Но какой ещё тоталитаризм в эпоху Интернета?! Мы же не в Северной Корее — там Интернет внутренний, такой Северокорейскийнет. А в России любой желающий может удовлетворить свою потребность в любой информации. Ведь может!

Не СМИ манипулируют обществом, а общественное мнение управляет СМИ. Масс-медиа могут лишь направить или усилить настроения в обществе. Это оборотная сторона демократии — приходится учитывать мнение большинства, даже если оно не право. Массы правят миром. А получается, что большинству в России свобода не нужна. Пока.

Массам нужна сейчас развлекуха. А у Путина карт-бланш от общества. *Мандат безразличия.* Нашего безразличия.

А ещё и нашим выбором. Фальсификации при подсчетах? 102 (!-?) процента проголосовавших в Мордовии? Бред? Но это же и вправду выбор страны, *выбор народа* — извиняюсь, выбор большинства — «курса, которым пойдёт Россия». Позиция «Моя хата с краю!» — не выбор? Молчание — не выбор? Отсутствие протеста и сопротивления — не выбор? Они любят Путина! Они любили МММ пятнадцать лет назад! Они любили Сталина семьдесят лет назад! *Они* — это не виртуальные россияне, которых можно назвать быдлом и успокоить себя. *Они* — это мы. *Они* — это вы. Все, кто молчим. Все, кто не протестует. Все, кто не сопротивляется. Этой *любви*. Странной любви — Путин нравится, а «Единая Россия» нет. А это не одно и то же? Новый русский вопрос: что делать, если Путин нравится, а за «Единую Россию» голосовать не хочется?

«Суверенная демократия»… «Управляемая демократия»… Дааа. Реформы сверху, модернизация из Кремля. В Европе тоже было нечто подобное. Например, в Австрийской (в будущем Австро-Венгерской) империи, осколку «Священной Римской империи». В самом начале 19 века. Называлось это «просвещенным абсолютизмом» — уверенная в собственной правоте и чистоте намерений монархия, официальное чиновничество, которое знало когда и кого казнить, а кого и чем миловать и очень нелюбившее, когда ему указывают на его ошибки. Для них реформы, *модернизация*, просвещение — было чем-то забавным, как новый необычный парижский соус, благородным как парусник и торжественным как венский вальс. И могло быть осуществлено только в рамках официальной идеологии — такая *косметическая модернизация*. И только под руководством самого этого официального чиновничества — *избранными из избранных* — потому что официальная идеология,

вся «Священная Римская империя», да и сама Истина ассоциировалась у них только с ними самими. Потому что про необходимость реформ они задумались, читая модные книги французских энциклопедистов после сытных обедов, а не после того, как уставшие, отчаявшиеся низы устроили им революцию. Как это произошло в соседней Франции.

Отношение к свободе слова и к СМИ у них тоже было соответствующим. Идеолога габсбургской бюрократии, Клемента фон Меттерниха — министра иностранных дел, а фактически — главу правительства Австрийской империи (в последствии канцлера) — любил австрийский обыватель, любили военные, и даже доморощенная богема. А сам он не любил любую критику, а также независимые, неугодные СМИ и успешно выдавливал её в нищее подполье (сейчас эту роль играет Интернет), а роль общественно-политических СМИ играла официальная и официозная пресса. Пётр Звездич-Ротенштерн, исследователь австрийской печати того времени, писал про это сто лет назад: «Беспечальное житьё вели исключительно издания и изданьица, ушедшие всецело в болтовню и сплетню на тему о театре, артистах и артистках, легко прохаживающиеся насчет искусства и литературы. Эти газеты, развлекавшие и забавлявшие, главным же образом отвлекавшие внимание от общественной и политической жизни, были в особом фаворе, и лукавый, мрачный Меттерних впоследствии на примере этих понижавших духовный уровень читателей изданий поучал своих коллег, германских министров, как нужно взяться за дело, чтобы умеючи держать население в стороне от насущных для него вопросов политической и общественной жизни». Как много похожего и родного, не так ли?

Серьёзный кризис из-за жестокого поражения австрийской армии от войск Наполеона и необходимость искать сближение с народом, заставили душителя Меттерниха благоговеть «к загнанной и поруганной прессе, в которой опять увидели незаменимого посредника между правительством и народом». А потом снова зажимать свободу слова и любые гражданские свободы — вплоть до революции 13 марта 1848 года «Весны народов», подавленной при помощи российских имперских войск. А потом снова зажимать — уже руками идеологических преемников Меттерниха — вплоть до военной катастрофы 1859 года, поражения от Франции и Сардинии. И только после этого закончились жестокие игры со «свободой» слова.

Это известные факты из истории журналистики. Об этом читают лекции студентам. Неужели, это всё надо заново доказывать?.. Я об этом дипломную писал в МГУ. У меня крыша

ещё с журфака едет. Хотел на последнем курсе повеситься… Любопытство мешает.

Демократия не может быть дешёвой. Мы стали заложниками собственных страхов — свалившихся на голову прекрасной *анархии* свобод и абсолютной ответственности из 90-х. «Свобода — это ответственность. Вот почему все её так боятся». Это по Бернарду Шоу.

Как же тепло в стойле! На душе тепло. Вне стойла ветер, холод, но там и свобода, свобода выбора. Но главное — там ответственность, необходимость ответственности. Эти люди отдали своё право на свободу, «кровавый путинский режим» ни у кого великой силой ничего не отбирал. Он вначале только попытался, только заикнулся. И люди бежали за ним, цеплялись за подол, плакали и умоляли забрать у них эту свободу. Не видели авторства взрывов в Москве и удачно совпавшего рейда в Дагестан из Чечни? Нет, намеренно делали вид, что не видят. Сами использовали, как повод, эти события, чтобы сдать, скинуть прекрасную *анархию* своих свобод. Потому что за тяжелые 90-ые они пришли в ужас перед свободой, панический ужас. Потому что ответственность, совесть — вещь индивидуальная. А какая в стойле ответственность? Только сильный может быть и хочет быть ответственным. «Я просто стоял и травку жевал, я здесь ни при чём». Какой с раба спрос о совести? Раб всю ответственность *за сталинизм*, лукавя, свалит на Сталина, обманывая себя в том, что он *к сталинизму* отношения не имеет. В том числе и потому что он ничего тогда не делал. И сейчас ничего не делает.

Когда-то придёт понимание, что надо самим отвечать за свою судьбу. Не просто «Выбрали президента — и пусть он сам всё решает. Мы же ему верим — посмотрите в его честные глаза». А постоянно следить за ним — каждый день, за каждым шагом — самому требовать ответа, самому принимать решения, самому держать ответ. И в то же время всем городом, всей областью, всем обществом. Потому что в политике, в выборе менеджера-чиновника понятия любовь, «честные глаза», «он мне нравится» — неприемлемы, политика — дама прагматичная. Человек — такое существо, ему дай абсолютную власть — и он станет монстром. Если мы не контролируем политика, политик начинает контролировать нас. А потом играть нами, нашими жизнями — мною, моей жизнью. И проблемы страны становятся моими проблемами…

Но когда? Неужели нужен внешний *пинок*. «Петух жареный». Наполеон. Поражение. Тогда одумаются? Но это же глупо…

Девятый час вечера. Ходил к нашей «тарелке». Появилось ещё два автобуса с ОМОНовцами. В самом штабе тусовщиков стало

поменьше. Лица единоросов напряжённые. Постоянно уходят куда-то совещаться. Ждут, наверное, чего-то. Говорят, все центральные площади Москвы блокированы милицией, вэвэшниками и ОМОНовцами. Но чего? Беспорядков??? Они с ума сошли? Какие беспорядки? Кто?

Ничего не произошло. Вышел самый-самый оптимистичный сценарий поствыборной ситуации. Оптимистичный для Кремля.

Уже час ночи. Выпуск новостей ведёт Алексей Пивоваров. Кондратьев «включается» из здания ЦИК. Come on, Владимир Петрович, объясните нам?

Как-то наш пожилой и умудрённый опытом зарубежных командировок — с советских времён: ещё при Андропове, ещё при Брежневе — корреспондент-обозреватель раздосадован результатами выборов… А? Нет, это он так иронизирует, *ёрничает.* Это не для тупых, эта такая насмешливость-месседж для людей, читавших «Литературную газету» в 70-80-х годах прошлого века — собирали вырезки из неё, подшивали, цитировали для единомышленников — в качестве альтернативного источника информации: «Тем не менее партия Явлинского всё равно не имеет шансов войти в новый парламент. И даже не набирает тех 3 процентов, которые позволили бы ей получить дотацию за выборы — на каждого избирателя из бюджета полагается 5 рублей». От человека читавшего ту ЛТ человеку читавшему ту ЛТ: видите, мол, я тоже голосовал за этих бездарей «яблочников». Ну, это такая старая *русская* самоирония интеллигентствующих. Столица, блин, университеты. Опыт. Погоны. Рапорты.

А под конец включения развлёк «Кроме того, появилась забавная информация. Одна семейная пара в Хакасии была так воодушевлена выборами, что решила назвать родившуюся девочку странным именем Выборина». И они с Пивоваровым посмеялись этому. Мило посмеялись. Весело так… У людей всё в порядке. Аппетит хороший. Сон здоровый. В сортир ходят регулярно. Холодная вода. Горячая. По утрам душ. Вечером перед сном полистают «Новую газету», а потом GQ послюнявят — а что?! Men's Health ещё. Отдых на море. Массаж лица. Медстраховка — фул-пакет. И ровный загар. *Готовят себя к высшему предназначению*. Люди берегут силы для того момента, когда пипл проснётся и скажет: «Дорогие наши! Бесценные! Не хотим больше хавать! Хотим правды услышать — расскажите! Разжуйте!» Этого они ждут! Когда быдло одумается и приползёт. Бить челом. И тогда они, начитанные, умные, красивые, сексуальные, загорелые начнут говорить правду, *учить народ* — что же теперь ему делать, как быть и кому дать. Сейчас? Самим?

А чё зря пальцем шевелить? Это же нелогично. Нецелесообразно. Не-мо-ти-ви-ро-ва-но! Не время пока. Когда люди будут достойны, вот тогда уж они… По-настоящему дадут… Такие тексты, такие комментарии будут… Хлёсткие, но ироничные. Ух… Ах!.. Фсс… Порыв. Манёвр. И снова порыв. Красивое словечко. Ассоциативный монтаж. Точный, но тонкий оборот. Это очень метафорично, хи, хи, хи, Владимир Петрович. Да, да, да! пора! время пришло! — и нельзя более терпеть, Татьяна…ой, ой, простите…Алексей…

Вашу мать!

Уважаю. Спасибо. Но истина дороже. Это вы поднасрали. Продукт. Приятного аппетита! *Пожалуйте!* Не ворочать нос. Ах, не нравится? Автоматчики партии.

Вашу мать!

В декабре 2003 году на последующей неделе после дня голосования в Государственную Думу четвёртого созыва я стал свидетелем одного разговора в «корреспондентской» на восьмом нтвшном этаже Останкино. Это были разгромные выборы для так называемых либеральных партий — «Яблоко» и СПС.[119] Обе утратили свои фракции в нижней палате парламента. Для многих в стране это стало… нет, не трагедией. Шоком.

Ну, например, для ведущих программы «Страна и мир» Антона Хрекова и Алексея Пивоварова.

— Ну, и что ты будешь делать с ними, а? — нервно говорил Антон, одновременно общаясь с кем-то по аське на эту же тему. — И что — им не стыдно?

— Да пошли они… До сих пор не могу прийти в себя!

— Они не понимают, что сделали, — продолжал ругаться Антон. — Ну, нельзя своей головой поработать?! И что теперь будет?

Лёша стоял, нависая над компьютером Хрекова и прислонившись к перегородке между столами сотрудников, и согласно кивал головой.

— Работаешь, работаешь. Для кого? Для кого?! Для этих?! — Антон брезгливо поморщился. — А мне это надо?!

— Ну, хотя бы «Яблоко» они могли поддержать?!

— Быдло! Быдло и есть!

— Да, это точно. Быдло! Десять лет прошли даром…

— Ради этого *населения* расстилаться я не собираюсь! Пусть сами учатся…

Такого тогда не ожидал от них услышать. Считал их умнее. А, может, смелее.

Удобная позиция — ждать. А сами? Делать… Сейчас… Хотя — да, Аня Политковская делала. Каждый день. А когда её убили

— что? мир перевернулся в стране? Я не о том, что она делала, а о том, что вообще что-то делала. И о том, что убили женщину-журналиста… Пришли — покричали и всё! Несколько десятков человек. А ту бедную девочку — Анастасию Бабурову убили за что? она же здесь причём? Если ещё Маркелов[120] знал, на что идёт. Отомстить надо, но он должен был знать — жена-вдова, двое детей сирот. Он — мужчина. А её за что? Бедная девочка, молодая — 25 лет, а выглядит на 19. Глаза ясные, безоблачные, наивные… Ей бы любить, ей бы быть любимой, стихи слушать. Сочинённые Им — ночью, между мыслями…ну, приземлёнными, простыми, естественными и мыслями святыми… Убивают молоденькую девушку, а миллионы мужчин, живущие с ней в одном городе продолжают — продолжаем! продолжаю! — считать себя мужчинами. Это же наш позор. Аппетит хороший. Сон здоровый. Холодная вода. Горячая. По утрам душ…

Сколько других людей делает — правозащитников, журналистов, особенно в провинции, даже некоторые чиновники… И что? Мы — мёртвое общество. Нет, не гражданское. Общество обитателей.

Приехал Никита Михалков.

Барин.

Но без шубы. Без кареты. Без борзых и даже без лакеев.

Оглушительно счастливый: «Дело в том, что в Думу пришли четыре державных партии. В их программах всё равно заложена основа опоры на национальные интересы страны. И в этом смысле зрелость нашего избирателя меня лично очень обнадёживает».

Не хочу материться адресным матом… А душа так просит.

В штабе «Единой России» слухи. Партия провалила эти выборы — Путин недоволен: цифры получаются меньше, чем ожидали. Несмотря, мол, на то, что президент лично возглавил список кандидатов-единороссов. Они, мол, существенно подпортили ему рейтинг. Ещё слухи с прогнозами — не сделает Путин «Единую Россию» «настоящей партией власти» — единой, главной. Ещё — значит, Путин не станет её возглавлять, когда уйдет с поста президента.

Странно. Сами рисуют цифры, и сами недовольны. Ничего не понимаю. Лидеры единороссов не выглядят напуганными. И даже расстроенными.

Да и фиг с ними. Это не важно. Это не важно!

Почти три часа утра. Нам дали отбой. Уставшие. Ноги не двигаются. Москва по ночам — это пустыня. А не какой-то «*тусовочный центр мира, который никогда не спит*». До Стакана доехали за шесть минут, но войти в здание не успели. Звонит руководство — срочно назад! Срочно! Летите!

Мне дали ещё одну группу операторов.

Приехали обратно. Переяславский переулок снова ожил: шум, гам. ДПС. ВВ. «Тарелочники» стали снова налаживать оборудование. Злые. Толи ФСОшники, толи ФСБшники тоже. Мой бейджик их уже не волнует.

Крупных единоросов не видно. Может, попрятались? Странно…

Мы хотели его увидеть. Очень! Но ожидание встречи с «национальным лидером» России не возбуждало. Это не предвкушение. Электричества в воздухе не было. Мы его ждали — чтобы записать его заявление, «проходку» и разбрестись по своим делам. Это как быт, необходимость. Секс с женой. А не праздник…

Ну, Путин — и что? Вот если бы объявили — в штаб «Единой России» едет Явлинский. Поздравить оппонентов. И в подарок станцует *им* танец живота… Ну или же — фантазирую — на Переяславском переулке скоро будет Усама бен Ладен. Даже без всяких танцев. Просто скажет — Рамзан Кадыров уговорил сдаться. Обещал амнистию. Или, мол, голосовал сегодня за Путина. Хотя тоже не люблю «Единую Россию» — терпеть не могу, Валлахи, мол. Да пусть просто молчит и смотрит в камеру. Чтобы тут началось!

У *них* интрига выдыхается. Детали и нюансы стали штампами. Ну, что там у них в чемоданчике — теракты, Доку Умаров, болтовня про «инновации и нанотехнологии», «враг у ворот», «Запад наступает», «Юг подползает», «мы — белые и пушистые», «Мир против нас! Мы хотим, чтобы все на колени встали, а они — против. Не дождётесь!», «церковь — за власть! власть — за церковь», «на место трагедии прибыл президент (а сейчас — и премьер)», «Сочи-2014»… Скучно. Рука тянется выключить «ящик». Сурков, где креатив? Легко дурить дилетантов, парень?

А, может, мы очень устали в ту ночь…

Коллеги кучкуются на четвёртом этаже — перед пресс-центром, внутри, в коридорах, в комнатах. Матерятся. Адресным матом. Про Путина. Меньше — про своё руководство. Такой антивластной критике позавидовали бы даже в среде лимоновцев и АКМ. Даже у кремлёвских корреспондентов — постоянно в президентском пуле — аргументация Касьянова. Не буду цитировать. Коллеги рассказывают — Путина называли Крысёнышем, когда тот работал в мэрии Питера. Маленький, закомплексованный человечек. Несколько раз слышал — цензурное «Урод!» Про Путина. Согласен.

В разговорах страна и бюрократия не такие, как в эфире.

Павел Зарубин — спецкор с телеканала «Россия» — рассказал историю. Пришёл в ФМС, показывает чиновнице свой общегражданский паспорт — а она ему: «Вы гражданство когда меняли?» Он: «Я не менял». Она: «Но у вас место рождения — Башкирия». И ещё: «Принесите справку, что Вы гражданин России» — а в руках у неё его российский паспорт. Смеёмся. Да, зато эта чинуша неграмотная власть имеет над тобой, Зарубин.

Не пойму — что же ты, Зарубин, им тогда служишь?

Подошёл ко мне Дима Писаренко. Разговорились. Признаётся, устал от профессии. Его уже «не цепляет». А он профи. На войнах работал. Ранен был. Пару раз чудом гибели избежал. К тому же журналист-дипломат. Ни одного снятого им ньюсмейкера не обидел. Ни одного начальника не оставил недовольным. А ещё написал книгу. Откровенно… Не всё, но многое.

У Димы внешность человека без нервов. А тоже туда же. В партию рефлексирующих. Ушёл осенью 2007-го с НТВ на «Вести 24». Продюсером и корреспондентом. Думал, репортёрский канал. Развернётся. «Потому что хотел драйва. Опять как раньше. Это же наркотик!» Наркотик для пассионариев…

Этот наркотик сейчас тяжелее всего достать. Героин есть, много — все борются с ним, а он везде, «в шаговой доступности». А этого наркотика нету! А ты думал?! А ты не понял?! Когда уходил с НТВ, тебя даже не просили остаться. Ты не понял?! Нет этого наркотика. Иногда, раз в год, маленькой дозой. Походи, попроси. В глаза заглядывай. Может, отправят в какой-нибудь Ирак. Афганистан. Сомали. Туда, где жизнь такая, как есть, где чувства, а не отношения. Где ненависть, а не игнор. Где естественна ярость, а не «да, я вспылил, я его ненавижу, но при определённых обстоятельствах…» Где восклицательные знаки, а не смайлики. Где тебе отрежут голову за идею, не созывая никаких пресух. И никакие омоновцы и усиленные наряды ДПС не помогут. Где даже проститутка тебе отдаётся до последней капли оргазма, потому что назавтра её могут закидать камнями, а сегодня — она из-за лепёшки или из-за страсти, или по любви. Жить там невозможно, но туда всегда тянет. Бедные *буржуи*, иностранцы — многие из них верят, что такое — жизнь — же осталось в России.

Да, журналисты из 2000-х — «потерянное поколение», «*лишние люди*». Из XXI века. И в профессии и в обществе. Exsistentia…

Уже половина шестого утра. Зря прождали. Ну, передумал Владимир Владимирович. Что? Столько народу ждёт. Сказал, не еду! Пошли вон! Мы и пошли вон — кто в редакции, кто по

домам. Я — в Стакан.

Молодец мужик. Что хочет, то и делает. Что хочет, то и делает со страной. Хочет на истребителе — садись, эх, прокачу. Хочет богатство — будь самым богатым человеком в стране, бери акциями «Газпрома». Хочет олимпийскую чемпионку — ложись, раздвигай ноги. Хочет воевать — дайте ему повоевать. Что? Военный преступник? Против человечества? Найдётся мечтатель Балтазар, который вырвет эти три проклятых волоска?! Явлинский не потянет. Увидим оскал крысёныша? Где Щелкунчик? Путиномания. Мне бы дали столько власти — я тоже бы обнаглел.

Ничего. Николаем I страна тоже болела. И Иваном Грозным тоже была заражена. Иван IV не был *грозным* изначально, он стал Грозным. Его массы сделали Грозным, хотели этого. И ведь княжество стало царством, *уважать* стали в мире, границы раздвинулись, и народ послушный был — недоволен был, *хирел*, но и тогда *безмолвствовал*.

А чем закончилось? Помните? Серым Борькой Годуновым и Смутой. Большой Кровью. Разрухой. Ну, да, конечно — зато Романовы пришли. А отставание. Общественно-политическое и технологическое — цивилизационное. Ещё сто лет дань платили крымчанам…

Всё-таки нас ценят. Ведь так кормили.

Кстати — в Останкино. Народу — единицы. На столах в коридорах восьмого этажа колбасы и сыра ещё много. Зацепило вот что — хлеба осталось мало. Кто-то на хлеб налегал. Бедные. И кофе всё выпили. Зажимали нос, жмурились, вытирали слёзы, но пили. Галя Шишкина из «Секретариата» говорит — бери еду с собой. А то, дескать, все уносят домой, уносят, «а *оно* не заканчивается». Оно? Точно — генно-модифицированное. Блин, ну лучше бы дал деньгами. Падла. Я бы купил натуральное. Я бы ещё одно дерево посадил.

Поеду домой зубы чистить.

В понедельник днём руководство НТВ поделилось с нами информацией про этот несостоявшийся ночной визит президента в штаб «Единой России». Мол, это такой прикол был со стороны единороссов. Мол, то, что он к ним поедет, было сделано для пиара партии. Каков креатив у парней, а!

Зря мы на Путина наговаривали. И я в том числе. Он, сволочь, так не поступил бы с нами… Отец родной.

Source URL: http://ostankino2013.com/den-vyborov.html

От Косова до Якутии

— Поехали вместе в Косово. Хочешь? В качестве продюсера.

Это звонил мне домой Вадим Фефилов, корреспондент НТВ. Разговор наш происходил вечером 1 декабря 2007 года.

— Как в Косово? Шутишь? А руководство? — я даже опешил. — Нет, я, конечно, хотел бы туда поехать, но кто даст? К тому же Холошевский…

Тогда решалось политическое будущее этого края. В Австрии только завершились переговоры между Белградом и Приштиной. Это был последний шанс сторон прийти к мирной договорённости. Неиспользованный. Сербы были готовы на максимальные уступки косовским албанцам — предоставить «самую широкую в мире автономию», лишь бы край остался в составе Сербии. А руководство провинции, где 90 процентов населения составляли этнические албанцы, стояло на полной независимости. Сербы делали отчаянную попытку — настаивали на обсуждении вопроса в Совете Безопасности ООН, понимая, что там вопрос не будет решён — Россия, которая единственная из держав поддерживала Белград, грозила использовать своё право «вето» и не дать Совбезу предоставить Косово независимость.

Приближалась роковая дата — 10 декабря. В этот день международные посредники — США, Россия и Евросоюз — должны были представить свой доклад о решении статуса Косова Генсеку ООН Пан Ги Муну. То есть к этой дате мировые державы должны были прийти к единому мнению, договориться между собой. Договориться никак не могли, позиции Москвы и Запада были противоположные. Западный проект по статусу Косова и будущего края — план представителя генсека ООН, бывшего президента Финляндии Мартти Ахтисаари предполагал предоставление независимости Косову, то есть был проалбанский.

Американцы и Евросоюз — не все страны, а в основном ведущие страны конфедерации — понимая, что через ООН из-за позиции России и, вполне вероятно Китая, документ не пройдёт, грозились поддержать одностороннее провозглашение независимости Косова. Выигравшие там в ноябре парламентские выборы радикальные националисты устами своего лидера, нового премьер-министра Хашима Тачи, обещали пойти на этот шаг 10 декабря, если державы не договорятся.

Проигрыш сербов стал бы ударом по международному праву и по поствоенному устройству мира с его основным принципом — территориальная целостность международных субъектов. Да, игра сверхдержав, в том числе и России, доказывает, что

международное право — это формальность. В столицах мировых держав считают естественным решать судьбу проживающих здесь — да и по всему миру — людей.

Но для России это был в тот момент наиважнейший вопрос международной политики. Не только из-за «братьев-сербов». «Независимое Косово» — это, в первую очередь, американский проект. Проводя стратегию «неоколониализма» США не боятся быть гибкими и идти даже на формальное признание политической независимости той или иной страны: для последующего экономического и политического закабаления формальная независимость государства не преграда. Москва же радикально поддерживала Белград — особенно крайне правые силы в сербском обществе — не только из прагматичных побуждений. Часто Кремль в международной политике просто следует известной под названием «Тактика Портоса» внешнеполитической логике — «Я дерусь… просто потому что я дерусь»: раз США против кого-то, *необходимо* этого «кого-то» поддержать. Поражение сербов — это был бы ещё и удар по имиджу России — имиджу надёжного союзника. Очередной удар. Позиция у Белграда и Москвы была проигрышная, что и показало будущее — Приштина (Парламент края) 17 февраля 2008 года односторонне объявила независимость от Сербии, Вашингтон и Брюссель её поддержали. А Россия была полностью выдавлена из региона.

Конечно, в регионе, где происходят такие важные для страны процессы, журналисты из России должны были быть «прописаны». Съёмочную группу НТВ — это я говорю как продюсер — туда надо было отправлять ещё «вчера». Но руководство медлило, хотя анонсировало для сотрудников — без объявления даты — командировку корреспондента Сергея Холошевского.

— Вадим, сам-то уверен, что ты поедешь?

— Нет. Но «итоговые»[121] согласны.

— А Миткова?

— С ней не говорил. Постараюсь убедить.

— Ну-ну. Попытайся.

Фефилов в последнее время работал в основном на воскресную итоговую программу «Сегодня», а на ежедневные новости материалов не делал. С «итоговыми» мало кто из авторов уже соглашался сотрудничать — «в результате упорных боёв» Миткова подмяла под себя эту программу, расставила там своих людей, и многие ребята, которые раньше делали контент выпуска интересным, разбежались по другим редакциям. Программа стала скучной, занудной, корреспондентов часто приходилось заставлять работать на неё. А Вадим с ними сработался.

— Да не пустит она тебя. Она хочет, чтобы Холошевский поехал.

И вдруг в понедельник выяснилось, что после долгих возражений Миткова всё же согласилась на нашу совместную поездку. Вадим убедил — мол, у нас несколько историй для большого репортажа для «итоговой», а также почти имеющаяся договоренность об эксклюзивном интервью с премьер-министром Косова Хашимом Тачи, лидером Демократической партии — кстати, в прошлом один из полевых командиров Армии освобождения Косова (УЧК) с позывным прозвищем «Змей». Это был аргумент. Правда, главный редактор возражала против моей поездки, задав Фефилову нелепый вопрос: «А продюсер тебе там зачем?», отчего коллегу, как он рассказывал, даже передёрнуло. Но Вадим снова отбился — мол, я и истории разрабатывал, и договорённость об эксклюзиве получал.

Вообще, Миткова отличалась тем, что была очень гибкой, могла мгновенно поменять характер боевых действий — любая тактика ради основной стратегии. Её бы в российский МИД. Если бы мы провалили командировку, то раструбила бы миру, что она это предвидела — ведь была против нашей поездки — значит, она хороший руководитель. Вероятность такого исхода была большой. А если бы у нас вдруг всё получилось — она бы сказала, что, мол, хотя и не ожидала, но ребята молодцы, а это должно было бы демонстрировать миру, что Миткова очень справедливый руководитель, опять же — хороший руководитель. Я уже с такой её тактикой сталкивался.

Пререкание Вадима с главным редактором было странным — он очень осторожен во взаимоотношениях с начальством. Тогда я причину не понял. А вот сама идея командировки мне нравилась. Первое. Извините, но плевать я хотел на эти все внутри-нтвшные интриги, потому что на кону были не миллионы, по крайней мере, для меня. Да и потом, тратить своё здоровье, эмоции, время на ненужные взаимные пакости, доносы, тем более когда все мы в одной команде, в одной компании… До сих пор не понимаю. Во-вторых. Мы с Фефиловым договорились — это было взаимное желание — сделать необычный для российского зрителя материал из Косова. Почти каждый, кто из наших коллег ездил в этот регион, работал стандартно, как под копирку: православные храмы разрушаются косовскими албанцами; единицы оставшихся священников, «противостоящие варварам», гуляют по развалинам церквей; ничего не предпринимающие, не контролирующие ситуацию международные миротворцы. А ещё косовский город Митровица, разделённый на два противостоящих друг другу сектора — сербский и албанский — везде колючая проволока,

оружие, напряжённые лица, ненависть. Главная информация, получаемая зрителем и формирующая его мнение, его точку зрения — две общины не могут ужиться вместе, албанцы — это звери, потому что убивают сербов, а миротворцы смотрят на это сквозь пальцы. Точка зрения — только сербская. Много лет одно и тоже. Словно там больше ничего нельзя снять. Кроме того, по «картинке» получается, что Косово — это в основном огромная сельская местность. Обычно, такая работа коллег — это не указание сверху, редакционного руководства. Это — личное.

Конечно, сербы родственная русским нация. Но репортёр-то может и должен показать и противоположный взгляд на проблему. Показать — а зритель пусть сам делает вывод. Сохраняла же информационный баланс британская BBC между «своими» и «врагами» во время войны Великобритании с Аргентиной за Мальвинские (Фолклендские) острова в 82-м году. Почти все англичане ругали телеканал за это, но материалы смотрели с интересом — *их* рейтинги не обманут — потому что очень любознательные англичане, наверное, не боялись смотреть правде — аргентинской правде, в том случае — в глаза. Кто это вообще такие — косовские албанцы. Обычные косовары, не их лидеры Ибрагим Ругова, Хашим Тачи и др., о которых российский зритель слышал. Чем живут, что хотят, почему воюют с сербами? Разве это не интересно? Вот и с Вадимом мы планировали сделать материал из Косова и о сербской, и об албанской стороне. Заявления политиков, борьба сверхдержав — это всё важно, но интересно — что это значит для жителей Края, для конкретных обычных людей.

Идея-то была. Но как её осуществить? Подготовка к такой командировке — это моя работа, работа продюсера, но не за сутки же — не было у меня никаких анонсированных Вадимом для Митковой историй в Косово, и договоренности об эксклюзиве с Хашимом Тачи у меня тоже не было. Я вообще знал тогда в Косово только одного человека.

Уже в самолете понял, почему Фефилов так упорно пробивал эту поездку. Неделю назад он и оператор Антон Передельский вернулись из командировки в Абхазию. Претензий к их творческой работе у руководства не было, но вот расходы превышали запланированные. В тот период на НТВ шла очередная борьба с воровством на низовом уровне, и финансовые службы телеканала крепко взялись за ребят, особенно *их* возмутила стоимость отеля в Сухуми — 150 долларов за сутки. Хотя парни мне рассказывали, что всё было по-честному — ни копейки не присвоили. Но, по логике, проверяющие были правы — ну, не может гестхаус в полуразрушенной Абхазии стоить

дороже, чем в Анталье, с её развитой туристической инфраструктурой. Да, не может. Как и номер в советской по духу гостинице «Космос» не может стоить дороже, чем в берлинских отелях. Но стоит же. Да и в Париже цены ниже, чем в Сочи. Это всё последствия «голландской болезни», плюс — совковый образ мыслей у предпринимателей-объектов идеологии эпохи потребления. Умом наши финансовые это понимать не хотели и замучили Вадима допросами. Вот он и решил убежать в Косово: во-первых, там он был бы подальше от проверок, во-вторых, надеялся сделать громкий материал для «итоговых», что будет аргументом в его пользу перед начальством в этой войне, по его словам, со «слишком оборзевшей» бухгалтерией. И оператор в этой командировке был тот же, что и в Абхазии — Антон Передельский, с прозвищем Передел.

Вот в таких вот условиях приходилось работать, вот такое переплетение личных и профессиональных интересов. Весь полет Фефилов думал не про Косово, а рассказывал мне про абхазскую командировку, возмущался нашими финансовыми службами и заставлял пить вместе с ним.

До Приштины, столицы Косова, мы добрались вечером во вторник. И сразу поняли, что нас здесь ждут проблемы. Встретились с одним бывшим членом правительства Косова, политиком Тураном Касапом в местном кабаке, недалеко от гостиницы «Гранд» (которую местные называли почему-то «Гранд-хотел»), где мы остановились. Накануне в телефонных разговорах он обещал нам здесь творческие «золотые горы». А тут на все наши просьбы отвечал «Нет, ничего не получается». Мол, российским журналистам здесь, в Косово, не доверяют. Долго извинялся перед нами, что подвёл нас, а потом ушёл.

Я был расстроен. А по ребятам такого не скажешь — они веселились.

— Чему вы радуетесь, я не понимаю?

— Ой, главное — мы уже далеко от Москвы, — расхохотался Вадим. — Слушай меня: сегодня давай отдохнем, а завтра приступим к работе.

Мы начали отдыхать прямо там же, с горя. Ребята познакомили меня со здешней ракией (водкой) — «линцурой», стали учить, как правильно её пить. «Линцура» — вкусный, но не слабый напиток — подавалась в маленьких рюмочках, и их надо опрокинуть внутрь себя, как можно больше и быстро — не закусывая. Это Вадим сам придумал.

И он, и Антон раньше уже были в Косово — по несколько раз. Пока я «учился», они меня предупредили — не говорить громко по-русски, вообще, излишне не афишировать, что мы из России.

«Могут и убить», — уточнил Вадим, и удержал мою руку, несущую в рот закуску. Проявлений албанского национализма ребята действительно очень опасались: потом несколько раз, когда я неосознанно при местных что-то громко произносил на великом и могучем, Вадим с Антоном начинали на меня шикать, оглядываясь с опаской по сторонам. Но в тот вечер, хотя мы и говорили тихо, и посетители кабака, и обслуживающий персонал, думаю, уже понимали — откуда мы приехали. Как-то они странно косились на нас и на наш столик, весь заставленный пустыми рюмочками.

К двум часам ночи вернулись в отель. Номера находились рядом, и мы ещё долго стояли, раскачиваясь из стороны в сторону, перед нашими дверями. Вадим рассказывал, как в июне 99-го года к нему ночью пришли в номер этой гостиницы и предупредили, чтобы «русские журналисты срочно уезжали» — утром в Приштину войдут американцы и отряды УЧК — и как он вместе с сербскими военными и беженцами выбирался из города в Белград. А когда через пару суток вернулся в Приштину — здесь всё было уже албанское.

— Понимаешь? Раньше здесь они были тише воды, ниже травы, — будил он постояльцев своим «шёпотом». — Они по-албански говорить боялись, музыку слушать не могли свою. Ими сербы правили! И *эти* делали то, что пожелает серб! Что скажет серб — то и выполнял албанец, блять… А теперь… ты смотри — весь город у них, блять. Сербов в Приштине почти не осталось.

Вадим пару минут делал неловкую попытку опереться о дверной косяк, но потом махнул рукой и продолжил про изменчивость мира.

— Сербы их здесь чморили нещадно…

И перешёл на шёпот, как ему казалось — так как, я был уверен, его можно было бы слышать, стоя в конце коридора:

— Там, на углу гостиницы, — кивнул он в сторону номера Передельского. — Можно было заказать «шиптарско месо»[122]. Знаешь, что это такое? Объяснить?..

Ночью снилась какая-то бессмыслица, но под утро прояснилось: мы, не помню с каким оператором, берём интервью у премьер-министра Хашима Тачи. Было это в Москве, как я понял — потому что интервью мы делали на Красной площади — и почему-то он отвечал нам по-русски.

На следующий день у нас были запланированы: официальная встреча в российском диппредставительстве в Приштине, официальные переговоры по телефону и одно неофициальное расследование.

Дипломатическое представительство России в Приштине

напоминало осаждённую крепость — как по предпринимаемым мерам безопасности, так и по психологическому настроению сотрудников. Нас хорошо приняли, просили обращаться за помощью, «если что». Кстати, дипломаты нас действительно не раз потом выручали — особенно атташе Владислав Курбатский и Андрей Дронов, глава представительства.

— Вам, наверное, местные храмы и оставшиеся православные священники Косова нужны? — спросил нас Андрей Дронов.

— Не совсем. Что у вас вообще сейчас здесь происходит?

— Ждём, что будет. Если албанцы сейчас не получат независимость, пойдут на беспорядки и погромы. Вот, мы тоже готовимся. Вы также будьте здесь осторожны — берегитесь провокаций.

Из объяснений дипломатов стало ясно, что функции диппредставительства свелись лишь к наблюдению, анализу ситуации. Почти никаких реальных рычагов влияния на Приштину не было.

— Если бы только от албанцев зависело — нас из Приштины выдавили бы давно. Американосы здесь всё контролируют. Обложили нас со всех сторон. Трудно нам.

Днём у меня состоялся разговор с Влорой Читаку, пресс-секретарём премьера Хашима Тачи. Мол, хотим интервью с ним в неформальной обстановке. Эта дама вначале удивилась, потом сама перезвонила и беспокойным голосом сообщила — премьер в курсе нашей просьбы. Думает.

С сербами тоже не всё гладко складывалось. Репортаж не собирался, даже переговоры шли с трудом. Крайняя подозрительность с обеих сторон: албанцы не доверяли нам, потому что мы съёмочная группа из России и не ожидали от нас объективности, а сербам было неприятно, что мы прилетели в Приштину и жили «у албанцев» — обычно все российские коллеги базировались в Белграде. Конечно, это странно звучит, но это так. Подозрительность, привычка вести двойную жизнь, недоверчивость — это всё присуще косоварам. Албанцы привыкли к этому, живя под жёстким управлением сербов. А и те, и другие имели старые исторические традиции подпольной жизни, находясь под турецким владычеством более пяти веков.

Хотя, внешних проявлений какой-либо агрессии я не видел. Много современно, опрятно одетых людей. Водили ещё не совсем как в Европе, но уже не как в Москве или Тегеране. Приштина — тихий провинциальный европейский городок. Особенно к нам хорошо относились в нашем отеле, где мы варварски уничтожали запасы алкоголя: сидели в фойе, недалеко от ресторана и заставляли бегать официантов за «линцурой». Это был наш

«штаб», там мы проводили встречи, даже телефонные переговоры оттуда вели. А переговоров и встреч было много. Все, кого мы просили о съёмках, хотели предварительно по несколько раз с нами увидеться, побеседовать, заглянуть в глаза.

Встречались в фойе или ресторане «Гранд-хотеля». Местным это нравилось. Приштинцы — пожилые, молодые — приходили в гостиницу попить местную ракию и кофе. Прямо как на праздник. Сидели за столиками часами, разговаривали и важно потягивали напитки. Говорят, что это традиция осталась ещё от сербов.

Начали наше расследование. Искали семью, друзей, знакомых Шабана Хоти. Он был албанцем, до войны работал профессором Приштинского университета, преподавал там русский язык и литературу. А когда Косово превратилось в «горячую точку», стал работать переводчиком у съёмочных групп из России, со многими журналистами был в очень близких отношениях. Фефилов также с ним дружил — по его словам. Албанские радикалы считали Хоти предателем, потому что тот якобы сотрудничал с сербской полицией. Правда, доказательств этому не было. 20 июля 98-го съёмочная группа РТР[123] (корреспондент — Олег Сафиуллин, оператор Александр Галанов и звукооператор Виктор Мамаев) вместе с Хоти попала в руки одного из отрядов УЧК, партизанившего недалеко от Приштины — между населёнными пунктами Коморан (за ним заканчивалась управляемая сербами территория) и Лапушник. Съёмочная группа на арендованной машине направилась в зону, контролируемую албанскими силами, чтобы сделать с ними интервью, «набрать картинку» и т. д. — но бойцы на КПК у Лапушника не пропустили российских журналистов и переводившего для них албанского профессора, потребовали развернуть машину и уезжать обратно в сторону сербских сил. Олег Сафиуллин, находившийся за рулём, так и сделал, но отъехав несколько сот метров, остановил машину — вышли, вытащили оборудование и начали снимать брошенный у дороги пассажирский автобус, изрешечённый пулями, разбитые дома, окрестности. После этого вышедшие из укрытия другие бойцы УЧК, которые, оказалось, наблюдали за всеми передвижениями съёмочной группы и были очень раздражены их действиями, задержали всех четверых и сопроводили в Лапушник. С профессором россиян разделили сразу же, и продержали в неведении несколько часов. Коллег-журналистов после допросов отпустили (кстати, переводил вопросы и ответы уже сильно избитый — одежда была вся в крови — и очень напуганный Хоти, которого специально приволокли обратно в комнату к россиянам), а профессора увезли в местный концентрационный лагерь и некоторое время содержали там. Предположительно

через пять дней — 26 июля — его расстреляли. В числе нескольких других заключённых — из-за начавшегося сербского наступления. Сокамерники по лагерю потом рассказывали, что к Хоти относились очень жестоко, постоянно пытали. Надзиратели УЧК, измываясь над этим пожилым человеком, кричали на него: «Ты и сейчас переводишь для русских журналистов?» Особенно им нравилось прыгать на нем и растаптывать. Останки профессора нашли в братской могиле у Беришских (Berisa) гор, у него были многочисленные переломы — черепа, рёбер, лопатки, позвоночника, бедра и голени. Четверых албанцев — троих надзирателей и начальника Лапушникского концлагеря — международный уголовный трибунал осудил за преступления против человечности — убийства, пытки, жестокое обращение, нарушение законов и обычаев войны. Остальные мучители Хоти наказания избежали.

Кстати, ни один из работавших и друживших с пожилым профессором — от безденежья вынужденно подавшимся к журналистам в переводчики — российских коллег не проявил активность в его поисках и освобождении. «Информационную войну» из-за албанца тоже никто не начал. Дипломатические рычаги использовать не стал. Видимо, для них он был всего лишь переводчик…[124]

Это своё мнение я откровенно высказал Вадиму. Вадиму из-за моего мнения стало грустно.

Кстати, Фефилов утверждал, что у него была похожая история до той июльской трагедии — в июне 98-го года, когда он работал корреспондентом и штатным комментатором телеканала РТР. Тогда их съёмочную группу (собственно его — Вадима Фефилова, оператора Владимира Рыбакова, звукооператора Вячеслава Колпачкова), а также корреспондента «Радио России» Юрия Архипова[125] задержало подразделение УЧК у населённого пункта Малишево, где находился один из командных центров армии косовских албанцев. Это были рядовые бойцы УЧК, видимо, по словам коллеги, люди необразованные и не очень интеллигентные. Нет, бить не стали, не грубили, но, проверив документы у россиян, приказали им следовать за их машиной по просёлочной дороге, по словам коллеги, «куда-то в лес» — возможно, к своему начальству. Помешал бойцам проезжавший мимо какой-то высокий чин УЧК — наверное, понял, к чему может привести задержание иностранных журналистов и потребовал их отпустить. Правда, отобрал фотоаппарат и кассеты. Вадим называл этот инцидент «захватом в плен». Возможно. Таких «пленений» у любого журналиста, побывавшего в зоне боевых действий, наберётся несколько десятков. А в Москве такое

«похищение» может случиться с человеком, забывшим дома паспорт. Или просто не понравившимся тому или иному сотруднику милиции. Даже с иностранным журналистом. Да, в Москве. Прямо в центре столицы…

Эти мысли я также неполиткорректно донёс до коллеги. Коллега обиделся.

Вот мы и хотели найти близких, друзей Шабана Хоти, чтобы рассказать его историю — показать, что война, может, закончилась, но её раны остались, последствия ещё не преодолены. Один мой источник, к которому я обращался — местный политик, а в прошлом боец Армии освобождения Косова, но с умеренными взглядами, посоветовал «прекратить поиски». Дескать, Хоти больше нет в живых, а люди, «реально его убившие, отдавшие приказ, очень серьёзные парни, сейчас на хороших должностях». Обычно это предупреждение только подстегнуло бы наше расследование, но не в этом случае, когда нам в короткие сроки необходимо было делать большой репортаж. История Хоти — это серьёзная работа, требующая времени и денег. Так работают в настоящем журналистском расследовании. На серьёзном телеканале.

Но мы всё-таки сделали попытку. В Приштинском университете попросили нас больше туда по этому вопросу не звонить. Городские номера семьи Хоти не отвечали. Попытались найти кабачок в центре Приштины, владелец которого дружил с ним. Вадим с Шабаном гуляли там за месяц до той июльской трагедии. Несколько часов мыкались в предполагаемом районе города, но Вадим так и не вспомнил то место. На этом наш детектив закончился.

В перерывах между нашими поисками ребята решали вопросы с Москвой. Фефилову постоянно звонили проверяющие по поводу Абхазии. Требовали у Вадима, чтобы он попросил владельца сухумского отеля прислать факс — подтвердить расходы съёмочной группы. В сухумском отеле, где номера стоили по 150 долларов в сутки, факса не было, как не было и Интернета. Да и вообще владелец не понимал, что от него хотят «эти москвичи». Потом всё же где-то нашёл аппарат. Мы все долго ему объясняли на какие кнопки нажимать.

С каждым часом эйфория у Фефилова уменьшалась.

— Ты пойми, всё очень серьезно, — пытался он убедить расслабившегося Антона. — Нас нагнут, когда мы в Москву вернёмся.

— Блин, вот они достали. Что они от нас хотят? Мы же не проели *эти* деньги?!

— Ты понимаешь, Антон, что ничто нас не спасёт? Никто не

спасёт!

Фефилов намекал на статус оператора — он был братом главного оператора НТВ Алексея Передельского. Вообще Антон хороший оператор, да и парень занимательный, весёлый. Но эта блатная иерархия на НТВ могла уничтожить любой интерес к работе. Учитывая его статус, операторская координация лоббировала его на хорошие командировки. Была определённая группа операторов, которая в Москве почти не задерживалась. А были операторы, которых в командировку можно было взять, только повоевав с руководством.

Снова звонит Москва. Мол, владелец указал неправильно цены — написал общую сумму, а надо — по каждому проживающему отдельно. Снова переговоры с Сухуми. Ещё один факс пошёл в Москву. Их фраза «Мы понимаем, у вас там [в Косово] какие-то дела ещё есть. Но факс — важнее», — нас потрясла.

— Может на другой телеканал уходить? — подавленным голосом спросил Антон.

— Куда? — возмутился Вадим. — Куда? Скажи?

— Может, на Первый?

— Везде одно и то же. Там хорошо, где нас нет. Лучше оставаться на НТВ.

— Наши там не жалуются. Особенно операторы, — Передел вспомнил об ушедших на «Первый канал» нтвшниках. — Говорят, работа размеренная: в девять пришёл, в шесть вечера ушёл. Никакой беготни — стабильность.

Снова звонят из Москвы. В факсе нет печати. В Сухуми сказали, что их отелю печать не нужна. Мол, Абхазия страна маленькая, все друг друга знают. Москва парировала — пусть местная налоговая служба пришлёт письмо, где поручится за этого владельца отеля. Вадим в отчаянии обхватил руками голову.

Я вдруг представил, о чём думают, прослушивающие наши телефоны местные — и не только местные — спецслужбы. Слушают нас и ломают голову — может, эти странные переговоры какая-то новая русская шифровка? И я расхохотался.

— Тебе смешно? — пытался изобразить обиду Передельский, но сам тоже смеялся.

— Да я больше всех вас рискую. Да меня Миткова с радостью сделает невыездным, если ничего у нас не получиться. Скажет — вот! продюсер виноват! не договорился. И Орлов обижен, что я через его голову поехал в Косово, — поделился я с ребятами информацией от коллег из Москвы.

— Надо сделать эту командировку хорошей, а то нас всех

нагнут, — как мантру в очередной раз повторил Вадим и сжал кулаки.

— Не бзди, Фефил — настоящее творчество рождается в муках.

— Хорошо! — рассмеялся Вадим шутке. — Сам придумал?

— Сам дошёл.

В четверг вечером в «Итоговой» проводят основную «летучку». О репортаже на этот выпуск в воскресенье не могло быть и речи. Единственное, что у нас было отснято — это интервью с Андреем Дроновым, главой диппредставительства России в Приштине. Даа, круто. Хорошо поработали! Понимание надвигающейся катастрофы было чётким, ярким, постоянным нашим чувством — словно какая-то пустота и, одновременно, тяжесть в груди. Это читалось во взгляде, было ясно из наших разговоров, хотя для человека со стороны мы, наверное, выглядели спокойными и весёлыми.

Но надо было что-то говорить Москве. Мы с Фефиловым были одни в моём номере, и он стал меня учить «работе».

— Надо позвонить Соповой, — у него заблестели глаза от возбуждения. — И спокойно с ней поговорить.

Татьяна Сопова — один из двух шеф-редакторов итоговой программы «Сегодня». Близкий человек Татьяны Митковой, знакома с ней была с факультета журналистики МГУ, где они вместе учились в одной группе, сидели рядом в аудитории. На НТВ все знали, что Миткова со студенческой скамьи была благодарна своей тёзке — Сопова писала за неё курсовые и рефераты, давала списывать на экзаменах. Пыталась работать шеф-редактором в вечерних новостях, но с молодыми и активными ребятами с «вечера», а особенно с ведущими Алексеем Пивоваровым и Антоном Хрековым, «человек Митковой» не сработалась. Потом главный редактор, подмяв под себя «Итоговые», назначила туда Сопову одним из двух (по одному на каждую неделю) шеф-редакторов. Именно с этого момента «Итоговые» стали бледными, неинтересными. Программу давно бы закрыли, но наличие воскресной итоговой информационной программы для федерального телеканала — а тем более, для такого телеканала как НТВ — это вопрос имиджа. Раньше, когда функции шеф-редактора программы исполнял Миша Сольев, он свой каждый день начинал с того, что, проснувшись, обзванивал все съёмочные группы, которые делали материал на «Итоговую», был в курсе всех деталей съёмочного процесса, готов был ради эфира перегрызться с руководством. Да, цинизма у Сольева хватало, но к своей работе он относился ответственно. А Сопова даже на «своей» неделе появлялась в редакции только с четверга,

когда бригада проводила первую большую «летучку». Зато наблюдая за нею, я понимал, как работала бюрократия советской журналистики.

— Она [Сопова] не любит, когда жалуешься, признаёшь свою слабость. Мол, вот — что-то не клеится, не получается, сорвалось, — эмоционально убеждал меня Вадим. — Я эту породу знаю. Совковая школа. Смотри…

Фефилов набрал телефон Соповой. И вдруг стал разговаривать каким-то спокойно-уставшим голосом. Выражение лица солидарно с голосом.

— Да, Таня, да. Работаем. У нас все предварительные договоренности подтвердились. Всё хорошо. Да, можем и на эту неделю успеть. Что? Основных героев на выходные снимаем. Что? Ну, ладно, как скажешь? Будем делать на следующее воскресенье.

— Говорит — снимайте спокойно, привезёте материал в Москву и там «собёрете» [смонтируете] репортаж. Понял?

— Не понял, Фефил. Это же не слабость, она же шеф-редактор: можно с ним проконсультироваться, посоветоваться? Это же нормальный принцип работы. Вот Миша Сольев…

— Забудь, Эльхан. Учись балансировать, играть. Выживать, блять. Если тебе дали делать сюжет, к которому приковано внимание, если тема сложная, важная для начальства, но ты не хочешь, чтобы он был откровенно сервильным — делай его запутанным. Чтобы из текста никто ничего не понял, напусти туману. И к тебе претензий не будет — ни у начальства, ни у твоей совести. Понял?

— Да. Теперь я всё понял. Сколько лет занимаюсь журналистикой, а основы только теперь понял.

— Ага, — отмахнулся он от моей вялой иронии. — Ну, тогда пошли вниз.

— Вадим, я больше не могу!

— Пошли, слабак.

Позже Передел нашёл нас в нашем «штабе» на первом этаже гостиницы. У него болела голова. Отказался подсесть к нам. Назвал «пьянью гидролизной» вначале Вадима, затем меня. Ушёл. Но вскоре вернулся, махнул рукой и сполз в кресло.

— Наливайте.

В тот вечер договорились больше не пить в Косово, пока не отснимем материал для репортажа.

И тут нам стало везти — наши многочисленные переговоры, встречи начали приносить результаты. Нашли бывшего бойца Армии освобождения Косова (UCK/ УЧК). Ветан Эльшани отрицал, но нам рассказывали, что он был полевым командиром одного из отрядов Армии. Теперь он капитан местной полиции,

живёт в центре Приштины в трофейной квартире. А в свободное время занимается наукой. Человек очень начитанный, образованный, внешне совсем не похож на устоявшийся образ «албанского террориста». Во время съёмок погас свет. Это было обычным явлением в Приштине. Всё электричество в Косово идёт через территорию Сербии. И Белград таким способом оказывал давление на власти Приштины, угрожая вообще начать энергетическую блокаду Края, если албанцы в одностороннем порядке объявят независимость. Разложив свою фронтовую карту Косова у себя на кухонном столе, Ветан при свете свечи показал нам боевой путь их отряда.

— Мы за пределы нашей области на западе Косова не выходили. В районах, населённых сербами, наш отряд не действовал. Защищали свои дома, семьи от сербской армии и иррегулярных, военизированных соединений. Сербы вели себя у нас, как Шаманов в Чечне, не делали отличие между вооружёнными людьми и мирным населением. В отряде у нас были такие же обычные сельские парни, как и я. А Белград нас называл террористами.

В местной полиции с албанцами служили и сербы. И Ветан рассказал, что у него с сербскими коллегами очень чёрствые отношения, потому что он воевал. Это очень важный момент. Я несколько раз слышал от косоваров — и сербы, и албанцы, не принимавшие участие в боевых действиях, спокойно ездили на территорию «противника», не опасаясь за свою жизнь. В когда-то известный своим горнолыжным курортом, а теперь запертый на границе с Македонией у красивейшего горного хребта Шар-ПлАнина (Malet e Sharrit) сербский анклав Брезовица (юго-восток Косова, муниципалитет Штрпце[126]) из Приштины нас возил таксист Сабит, который дружил со многими сербами ещё до войны; и после войны, рассказывал он, отношения с ними не испортились. Когда мы его оставляли и уходили куда-нибудь на съёмки, он спокойно общался с местными сербами. Было интересно наблюдать, как некоторые из них здоровались с ним, приветствуя троекратным поцелуем (как принято у многих народов на Балканах), как они угощали друг друга кофе, о чём-то беседовали, смеялись. Хотя Сабит был за независимость Косова от Сербии.

— Вот ты дружишь со многими из них, так? Почему же вы, албанцы, не можете вместе с ними жить? Почему вы хотите отделиться? — спросил я его однажды, когда он в очередной раз вёз нас из Брезовицы обратно в Приштину.

— Сербы — прекрасный народ: смелый, весёлый, трудолюбивый. Посмотри на их ухоженные поля и сады, на их

уютные деревушки, — кивнул он на проносившийся за окном машины пейзаж. — Но жить с ними невозможно! Очень неуживчивые! От них даже их братья черногорцы сбежали. Во всём конфликт найдут — с кем угодно.

Услышав объяснения Сабита, я подумал тогда, что никому не понравится, если в кабаке под пиво подают блюдо, в названии которого изощрённым дисфемизмом обыгрывается уничижение, оскорбление твоей национальности — например, блюдо «Мясо грузина в яблоках» или «Вам мясо чухонца хорошо прожаренное или с кровью?»

Получается, сербы провалили экзамен, не осилили тягости нации-государственника. Отсутствие или деформация традиции государственности приводит к катастрофическим ошибкам при закладке фундамента нового общества. Груз нации, решивший строить государство, очень тяжёл — приходится идти на самоограничение в правах титульной нации ради общего дела, брать ответственность на себя, уметь вести диалог внутри общества. И, конечно, крайняя тактичность в отношении к национальным, религиозным меньшинствам. Альтернатива диалогу — геноцид.

Потому не удивительно, что рэп-композиция местной группы «Etnoenji» — мы её тоже сняли — с претенциозным припевом «Я горд быть албанцем» стала неофициальным гимном для албанцев-косоваров. Дискриминация, ущемления прав, оскорбления — весь этот национал-снобизм — разбудили национальное самосознание (или шовинизм — кому как нравится), о крайне низком уровне которого ещё век-полтора назад писали албанские интеллектуалы из Косова — их единоплеменники тогда не ощущали себя нацией, одним организмом. А идея «Великой Албании» в то время была чрезвычайно наивной мечтой небольшой группы европеизированных интеллектуалов-романтиков — как минимум, не понимаемых массами их земляков.

Солист группы Генц Прелвукай, прекрасно образованный юноша — такой представитель молодого поколения косовских албанцев — и слышать не хотел о совместной жизни с сербами. А то, что в их клипе появляется карта «Великой Албании», куда включены земли не только Албании и Косова, но и соседних стран — его нисколько не смущало. Как и красно-чёрное знамя УЧК на обратной стороне Луны в финале клипа.

— Наши исторические земли не только в Албании и Косове, но и в Македонии, Хорватии, а ещё — в Прешевской долине Сербии. Мы молодые, но понимаем, что именно мы должны создавать новую идеологию албанского народа.

Никакой нации не может быть без своего Сталинграда. У косовских албанцев есть и свой Сергей Эйзенштейн — импозантный интеллектуал Милаим Зека, известный в Европе публицист и кинорежиссёр. Большую часть времени он жил в Швеции, в Косово приезжал редко, но для нас сделал изменение в своём расписании. Мы его встретили прямо в аэропорту и вместе поехали в местечко Нижний Преказ на родину Адема Яшари, о котором Зека снял фильм. 5 марта 98-го сербский спецназ окружил дом Яшари, которого власти считали криминальным авторитетом, а албанцы — своим Робин Гудом. Когда он отказался сдаться, армия расстреляла дом из миномётов и бронетранспортёров. Тогда вместе с Яшари погибло 56 человек, из них 46 человек носили фамилию Яшари — родители, жена, дети, другие родственники. Как утверждает Human Rights Watch, часть из них была просто напросто расстреляна уже после взятия дома.

— Сербы не дали выжить никому из семьи Адема Яшари, — рассказывал Милаим, показывая нам мемориальный надгробный комплекс.

Хорошая контр-террористическая операция, ничего не скажешь. Косовский Робин Гуд сразу стал символом национально-освободительной борьбы косоваров. После массового убийства в Преказе албанцы начали вооружённое восстание по всему краю. Сейчас многие знакомые сербы утверждают, что это была провокация американцев. Мол, они и бойню в Преказе спровоцировали, и, подсуетившись, сразу стали финансировать Армию освобождении Косова. Но стреляли-то по дому Яшари тогда не американские миномётчики и танкисты. И этнические чистки, ставшие поводом для бомбардировок НАТО, тоже не они проводили.

— В той бойне рождалась новая нация, нация косовских албанцев. Это наш Сталинград, отсюда пошло *наше* Косово, — пытался нам объяснить Милаим Зека у того самого дома, ставшего музеем — с изрешечёнными, обгоревшими и частично обрушенными стенами и крышей. — Лично я стал иначе смотреть на мир после Преказа.

— Но ведь Адем Яшари занимался криминалом, — мне хотелось увидеть реакцию главного косовского летописца.

— Нас, косовских албанцев, очень долго сербы считали людьми второго сорта. Мы были абсолютно не интегрированы в общественно-политическую жизнь. Например, я — для самореализации вынужден был уехать за рубеж, а некоторым уезжать было некуда, и они занимались, чем придётся… Сербы говорят, что Косово — это душа Сербии, колыбель их культуры,

тогда почему они вели себя здесь как на оккупированной территории? Каждый должен платить по счетам: и за кровь, и за шампанское. Может быть, когда-нибудь мы с ними встретимся в Евросоюзе.

Ещё один интересный человек, которого мы нашли — это Мисбах Качапоку. Этот добродушный толстячок был родом из Митровицы и владел маленьким баром в центре Приштины. В начале 90-х Мисбах учился в Гнесинке по классу фортепиано. Очень неплохо знает русский язык — это среди косовских албанцев редкость — и очень хорошо относится к русским и России. С ним я встретился предварительно до съёмки — он тоже удивился, что съёмочной группе из Москвы интересна албанская точка зрения. Мы били наедине в нашем «штабе» — Вадим и Антон приходили в себя после съёмок — и разговор у нас был откровенный.

— Россию, как родину моих друзей, как страну моей студенческой юности, обожаю, — Мисбах постепенно вспоминал все русские слова. — А Россию, как государство Путина, националистическую Россию, поддерживающую Милошевича, боюсь и не выношу. В начале 90-х русские были такие открытые миру, хотели измениться, а сейчас… Каждый день кого-то убивают из-за национальности. Как ты там живёшь, Эльхан?

— Ну, в России ещё не все националисты… Пока, — неуклюже пошутил я и засмеялся. — А ты почему уехал из Митровицы?

— Боюсь. У меня дом в сербской части города. Вот как уехал во время войны, так и не могу туда вернуться.

— А ты воевал?

— Я человек мирной профессии. Музыкант. Я и бар здесь открыл, чтобы играть на пианино и что-то зарабатывать. У меня часто выступают наши молодые музыканты.

— А независимость? Какое твоё мнение?

— Я понимаю, что одним объявлением независимости все наши социальные проблемы не решить. У нас сейчас страшная коррупция. Все наши политики в руках у американцев и парней из Евросоюза. Посольство США похоже на крепость, что-то они там усиленно строят. Вот. Ушли сербы — пришли американцы. Но они лучше сербов. С этими невозможно жить вместе. Потому у нас другого выхода нет — только независимость. Только надо быть трезвыми…

— То есть?

— Надо без иллюзий. Независимость — это труд. У нас ничего нет: нет промышленности, электричества. Мы за день не станем, как Запад. А люди ждут именно этого.

— А братья-албанцы из Албании… Может к ним? «Великая Албания»?

— Нет, нет, нет, — замахал руками Мисбах. — Они другие. Мы их недолюбливаем, я тебе откровенно говорю. Они не патриотичны. Даже свою Родину не очень любят. Потому что у них очень долго была диктатура.[127] С ними демократию не построишь.

— Может договориться с сербами?

— Нет, а они националисты. Не будут они с нами на равных разговаривать и жить. Я не могу представить, что у меня может быть совместный с сербами какой-либо проект.

— А вы, косовские албанцы, не националисты? Здесь тоже за лояльность к сербскому по голове не погладят. По-сербски говорить опасно.

— Сейчас нет. Это было раньше, после войны. Люди тогда были очень озлоблены. Тогда был риск. А сейчас нет.

— Играете в баре сербскую музыку?

— Ух, ты, — крякнул от неожиданности Мисбах. — Нет… Даже не думали об этом. У нас больше джаз, рок — западное.

— А если сербы-посетители попросят поставить их песню?..

Мисбах задумался.

— Думаю, проблем не будет. Вот ты спросил и я понял, что ни с друзьями, ни с родными мы по-сербски не говорим. Мы все им очень хорошо владеем, но… Словно, стираем их из памяти. Бессознательно.

— Зато говоришь по-русски.

— Ну, по-русски — это конечно. С удовольствием, — заулыбался Мисбах. — Только практики нет. Но Россию я люблю. Только вот националистов сейчас у вас много… Как ты можешь жить сейчас в России, Эльхан?..

Вот — *свой* человек. Закончил московский вуз, про Россию знает не только по рассказам, допустим, необъективным. Бери и работай с ним, обрабатывай. Как делают американцы и европейцы. Ведь мир уже изменился: геополитическая борьба в основном ведётся экономическим, культурным «оружием». А ещё через собственный пример эффективной — а значит привлекательной, чтобы перенять, воспроизвести у себя — общественно-политической системы, чётко работающего, *живого* — не только в тексте президентского послания Совету Федерации — гражданского общества. А не количеством танков и нестиранных портянок. И не агитками неудовлетворённого Михаила Леонтьева…

Может не к месту вспомнилось, но вот пример с футбольным Кубком Содружества. Такой потенциал для государственного

пиара. Да англичане этот турнир превратили бы в традицию, в инструмент культурного и политического влияния на множество стран, сделали бы из него новую Лигу Чемпионов, футбольное «Евровидение», а в России — команды посылают играть вторые составы, игры проводятся на искусственном поле с проплешинами, мячи отскакивают от потолка. Больше всего в этом турнире заинтересована московская милиция, которая собирается у стадиона клянчить денег у болельщиков команд из СНГ…

Контакты с сербами нам помогли наладить российские милиционеры, работающие в ооновской миссии в Косово. Особенно майор Алексей Козин, это опер ОМСН ГУВД по Ставропольскому краю, а ещё майор Владимир Белоногов из УВД Томской области и майор Сергей Маштаков из ГУВД по Алтайскому краю. В миссии они занимали различные посты, носили обычную российскую форму и оружие. «Картинка» с ними — «наши родные менты» в Косово — конечно, тоже впечатляла. Правоохранителей из России в Крае было около 40, а ещё 6 пограничников, и они в основном «курировали» территории с сербским населением Косова.

Главным среди наших милиционеров был Алексей Козин, официально — командир российского полицейского контингента в ооновской миссии в Косове (UNMIK). В начале — когда мы ему позвонили и встретились в нашем «штабе» — он тоже к нам настороженно отнёсся: удивился, откуда мы раздобыли его мобильный номер, хмуро отрезал, что «не имеет полномочий общаться с журналистами». Но после отмашки из Москвы, из МВД России, а особенно после нашей совместной пьянки — после его рабочего дня! — с Алексеем мы контакт наладили. Идею подсказал Фефилов:

— Для наших силовиков совместная выпивка — это святое. Многие проблемы решаются за столом, — делился Вадим любимым опытом.

Хотя милиционеры не соответствовали устоявшемуся стереотипу — хапуги-мента. Ребята они были уравновешенные, доброжелательные, знали иностранные языки. Работа у них была непростая — регион напряжённый, ни войны, ни мира, оружие, в том числе военная техника, изымалось у населения постоянно. За работой россиян их европейские коллеги пристально следили, но свои симпатии Алексей не скрывал:

— У сербов сейчас всё поставлено на карту. Им бы всех послать и начать воевать до последнего человека, — горячился майор за столом. — А этого нет. Не вижу этого желания здесь среди них. Смирились они с потерей Косова — сдались!

К братьям из России у сербов тоже были претензии: «предательство Ельцина» (как они говорили), пресловутый и жидкий «Бросок на Приштину» — «мы им поверили и остались». Это то, что я сам слышал от местных. После церемониально благодушно-ликующего приветствия с «настоящими славянами» — Антоном и Вадимом — оставшиеся со мной наедине сербы-косовары с жаром распекали всех бачушек[128]. Балканы…

Большинство сербов-косоваров, с которыми мы разговаривали, были недовольны также позицией Белграда. Иван Милославлиевич, владелец небольшого отеля горнолыжного курорта в общине Брезовица, запертом у красивейшего горного хребта Шар-ПлАнина (албанское название Malet e Sharrit — «пёстрые горы») сербском анклаве в Косово, не мог поверить, что в Сербии про них забыли:

— Белградский гидрометеоцентр перестал указывать наше местечко в общесербской метеосводке. Получается — мы уже не часть Сербии?! Получается — Белград сам нас сдал?! Там [в Сербии, нынешние власти — Э.М.] нами манипулируют! И мы им не нужны!

Косовские сербы радовались демонстрируемой Кремлём поддержке братьев-сербов. Не понимая, что это — медвежья услуга. Окончательно ссориться с Западом из-за сербов Москва не будет. А жёсткая риторика оказалась словоблудием.

Активизация и жёсткая риторика Москвы была выгодна, как ни странно, косовским албанцам, особенно, радикальной, националистической прослойке. В начале 2000-х США и Евросоюз стали играть роль модератора в переговорах между сербами и косовскими албанцами. В дипломатии и политике Белград, всё-таки, более искушён и опытен, чем Приштина. Да, основной западный пряник для Сербии — это скорое членство в ЕС. Об этой мечте постоянно заявляли победившие на последних выборах демократы. Даже в августе 2007 года министр иностранных дел Сербии Вук Еремич, молодой политик, одна из знаковых фигур сербских демократов, поблагодарил Россию за «принципиальное следование международным законам», однако сразу же сделал очень важное показательное уточнение: «Но ни у кого не должно быть абсолютно никаких сомнений в том, что стратегически Сербия нацеливается на членство в ЕС».

Но чтобы задобрить сербов Вашингтон и Брюссель готовы были и на большее — в том числе, пожертвовать и позициями косовских албанцев. Косовары обижались: мол, Запад их обманул. Однако разухабистые заявления и движения Москвы «оживили» как радикальную часть сербов, так и радикальные настроения в сербском обществе. И косовский вопрос превратился в

принципиальный бой между Западом и Россией — в «Косовскую битву II». Выиграли косовские албанцы. Радикализация позиции сербов, привела к обратной реакции западных стран. За Белградом «надувала щёки» Москва, а за Приштиной встала вся мощь обеспокоившегося Запада. Давно проверено, что заявления и жесты российских политиков вызывают за рубежом обеспокоенность и опасения, часто излишние, преувеличенные. Ну, сказал какой-то политик глупость, а потом пошёл дальше по своим делам, личным делам. А на Западе забегали, бросились вход в бомбоубежище откапывать, с чердака противогаз доставать.

Кремль извлёк из игры в «Косовскую битву II» выгоду, в первую очередь, идеологическую, для внутреннего пользования. Многие сербы забыли про 99-й, когда Москва, вначале обнадёжила сербов — тоже словоблудие — а потом оставила Белград одного перед всей мощью НАТО.

Познакомились с потрясающим человеком — полицейским из Болгарии Эмилем Лулкиным. Вот кто нам искренне помогал, без всяких указаний от своего руководства. Даже нарушая инструкции. Два дня Эмиль возил нас по сербским анклавам в своей служебной тойоте, хотя посторонних в свою машину сотрудник ооновской миссии не имеет право пускать. Говорил, что хочет нам помочь, обезопасить наши передвижения по Краю.

Однажды на обратном пути в Приштину, увидели развивающийся у дороги украинский жёлто-блакитный, оживились и попросили Эмиля остановиться. Это был базовый лагерь украинского миротворческого контингента в Косово «Бреза» (населенный пункт Брезовица, муниципалитет Штрпце). Вышли из машины, поздоровались с солдатами. Только разговорились, и вдруг — прибежали два украинских офицера. Получился этюд о внутренних разборках восточных славян.

— Ви хто? З Росії? [*Вы кто? Из России?*] — с тревожно-наступательным выражением лица атаковал нас один из них.

Другой за нами наблюдал, встав в напряжённую позу.

— Мы с НТВ, из Москвы. Видим — флаг Украины, — попытался я их успокоить. — Как у вас тут служба?

— А вам навіщо? Це наша територія! [*А вам зачем? Это наша территория!*] — первый нервно тронул пустую кобуру.

— Да просто, вы же не чужие нам люди.

— У вас вирішення на зйомки в Косово є? [*У вас разрешение на съёмки в Косово есть?*]

— Да всё у нас есть, — отозвался раздраженный Вадим. — Просто интересно, как тут братьям-украинцам живётся.

Тот другой офицер, продолжая хранить молчание, взглянул в

нашу аккредитацию, а потом стал демонстративно записывать данные Эмиля и номер его машины.

— А є вирішення — їх перевозити? [*А есть разрешение — их перевозить?*] — спросил теперь уже нашего болгарина разговорчивый первый офицер и сразу пообещал. — Ми повідомимо про тебе! [*Мы сообщим о тебе!*]

Как потом рассказал Эмиль, слово своё они сдержали.

— You must leave this area![129] — вдруг сообразил молчаливый второй украинец.

Это он именно нам — журналистам из России — сказал.

Уже в машине Вадима с Переделом прорвало.

— Блять, чирикают на свой мове: «Хто ви, хто ви?», уроды, — хмуро передразнивал «братьев» Вадим.

— Это же хохлы! Чё мы к ним полезли?! — то ли обижался, то ли возмущался Передел.

Да, два родственных народа, а говорят на разных языках. У каждой стороны свои претензии, свои булыжники за пазухой.

Все наши съёмки мы успели провести за три дня. Даже позвонила Влора Читаку, пресс-секретарь Хашима Тачи, и сказала, что премьер-министр согласен на встречу. Только нам необходимо прислать им официальное письмо телекомпании с просьбой об интервью — нормальная практика в нашей работе. Но Влора просила ещё и завизировать письмо в российском диппредставительстве в Приштине.

Вот это была интрига. Ведь телекомпания НТВ официально негосударственная структура, мы можем в своём письме назвать Хашима Тачи хоть премьером Косова, хоть президентом Межгалактической федерации, да хоть мэром Москвы — как ему будет приятно. А вот официальное диппредставительство не может — ведь даже выборы в Косово Россия не признаёт. Не знаю — почему аппарат Хашима Тачи шёл на эту пакость, и что он ожидал увидеть в нашем письме? И где потом использовать эту бумагу? Естественно, чтобы требуемая косовской стороной виза дипломатов стояла в письме, нам пришлось опустить в нём все регалии Тачи.

Вечером в воскресенье мы с Фефиловым подготовили текст для прямого включения. На следующий день наступала роковая дата — 10 декабря. Стало известно, что международные посредники — США, Россия и Евросоюз — так и не пришли к единому мнению о решении статуса Косова. Албанцы собирались утром провести марш по центральным улицам Приштины под лозунгом «Мы всё решаем сами». Опасения, что новые косовские власти объявят завтра независимость, были. Но мои источники в местном парламенте успокоили: «Наши западные друзья просят

ещё повременить».

Текст мы быстро набросали вместе. Решили несколькими историями, отснятыми для «Итоговой», пожертвовать для «прямого» и сюжетов для новостных выпусков. Обсудили — какой ещё материал, какие «истории» нам не хватают для нашего большого репортажа.

Пора было ложиться спать, завтра вставать в семь утра. И тут началось. Вадим предложил пойти вниз, в гостиничный ресторан.

— Зачем? У нас завтра важный день — целый день работаем на «новости».

— Ну, пошли. Пивка выпьем.

— Какое пиво? С ума сошёл?! Мы же слово дали!

— Душа просит, — он изобразил лицом тоскливое выражение.

— Бля, опять напьемся ведь, Фефил, — я начал сдавать позиции.

— Нет, нет только пиво. По бокалу. Не больше…

После третьего бокала пива — на каждого — в пустом ресторанном зале появилась съёмочная группа телеканала «Россия» во главе с Андреем Медведевым. Вадим был с ними знаком. Ребята поздоровались и подсели к нам. Коллеги только добрались в Приштину из Белграда, сказали, что приехали на пару-тройку дней. Завтра у них тоже запланированы были прямые включения из Косова.

— А вы давно здесь в Приштине? Что успели снять, с кем встречались? — прищурился корреспондент «России» и навалился на край стола килограммами массивного тела.

Фефилов толкнул меня ногой под столом.

— Да мы тоже на днях приехали, — напрягся он. — Присматривались. По знакомым местам прогулялись.

— Ну и как?

— Да все старые контакты не действуют. Никого из них не нашли.

— Блять, ну город стал абсолютно албанским, — замычал своим зычно-крикливым голосом Андрей. — Пизд. ц! Пиндосы всё к своим рукам прибрали.

Медведев раскованно и громко шутил, горячился и размахивал руками. Не знаю, может он всегда так себя ведёт? Я до того момента видел его лишь в эфире: ничего особого — такой аргумент голого как лом державного пафоса, газета «Правда» от 76-го года. Пресс-офицер. «А получает за это по ставке обозревателя — «восьмёрку»[130], не меньше», — потом раскрыл часть своих рефлексий Фефилов.

Да и развязность Медведева была какая-то странная. Взгляд

выдавал — мутноватый, серьёзный, дотошный.

— А что снимать здесь планируете? — не унимался Андрей.

— Да мы к завтрашнему дню готовимся. Включение у нас. А в среду уезжаем.

— А за отель как будете отчитываться?

— Всё как есть.

— Это почему же?

— Мы не можем в этот раз. У нас проверки на канале…

Финансовые службы разных телеканалов обменивались информацией, сверяли расходы «своих» съёмочных групп, отработавших в одинаковых командировках. И коллеги из разных СМИ, зная про это, старались согласовывать предоставляемые в «свои» бухгалтерии суммы.

— Пошли ко мне в номер. У меня настойка есть, — вдруг нашёлся Андрей. — Помнишь, Вадим?

Я пытался удержать Фефилова — ведь знал, что он остановиться не может. А завтра важный день. Но Вадим стал мне расписывать анонсированный напиток. Её состав я забыл. Помню только, что у Медведева аэрофобия, и, чтобы с ней справиться, он во время полётов, пьёт водку, настоянную на каких-то фруктах — он сам всё это делает. Я тоже пошёл — всё-таки, съёмочная группа должна быть вместе «и в горести, и в радости».

Настойка — большая бутылка — «пошла» нормально. Откуда-то взявшийся коньяк — упираясь.

— Я сам не пью. Это только для полётов, — отказался коллега с «России».

Там в номере Медведева у нас произошёл интересный и показательный разговор. Говорили о политике. И тут коллегам стало обидно за державу.

— У нас в России свои «косовские албанцы» есть. Дай им волю — Россию раздерут, — повернул Андрей разговор в опасное русло.

— Ты о нацменьшинствах? — переспросил Вадим и выразил мысль, которую я раньше от него не слышал: — Вот кому нельзя верить!

Я «завис» — сидел молча и не верил своим ушам.

— Это и есть настоящая «пятая колонна»! — протрубил Медведев.

А потом развернулся ко мне:

— Ты не думай, что я нацист какой-то. Наоборот, ко всем народам хорошо отношусь. К тем, кто по-настоящему служит России. Я в Казахстане часто бывал, мои корни оттуда. И среди казахов у меня много друзей. Но и они рады слабости России. Только и ждут этого…

— Ты посмотри, что в Якутии творится, а?! — закипел мой корреспондент НТВ.

— Да з. бали эти якуты. Пусть только попробуют! — поддержал ритм корреспондент «России».

— Националисты страшные. У них теперь лозунг: «Якутия для якутов». И это против нас — русских. Представляете?

Это говорил Вадим Фефилов о своей малой Родине — он родился и вырос в Ленске.

— Х.й они получат! Х. й, а не «Якутию для якутов», — рубил Андрей.

— Прямо так и против русских? — поинтересовался я у этих информированных людей. — И что — все якуты? И все такие националисты?

— Я серьёзно говорю. Ты думаешь, я преувеличиваю? Что я вру? Да эти якуты до нас, до русских, по тундре бегали. Какая у них цивилизация была? Какая культура, а? Сидели в своих юртах, оленей пасли, сушёное мясо жрали и всё! Вот всё, что они умели! У них своей истории не было. Ал-фа-ви-та! Алфавита своего не было. Только в XX веке появился на основе кириллицы. Понимаешь? Они читать и писать благодаря нам научились. А теперь против нас выступают. А?

Вадим разлил оставшийся коньяк по стаканам — я отказался, какой к черту коньяк после таких заявлений — и продолжил:

— Хорошо, что сейчас их за яйца взяли. А то в 90-е, при Николаеве[131], они вообще распоясались. Независимость объявить хотели, блять. Представляешь? Вчера оленей пасли, а тут — независимости захотели!..

— Вообще-то вопрос развития человечества не такой простой и однозначный. Техногенная цивилизация, т. н. культура, городская культура не делает человека лучше. Современный город, мегаполисы убивают настоящую культуру, систему ценностей…

Я говорил это, горячась, сбиваясь от эмоций. Но мысль, надеюсь, донёс.

— Сам-то веришь в это, Эльхан? Всё равно эти якуты оборзели.

— Ну, сила действия равна силе противодействия — всё объяснимо.

— Что ты имеешь в виду?

— Протестные настроения есть среди многих. Нетерпимости в обществе много. И не только среди национальных или религиозных меньшинств. Необходимо адаптировать людей, государство строить. Иначе все побегут и нерусские, и русские.

— Конечно! — передразнил Вадим. — Одни попробовали и

что?! Получили по рылу и спрятались в свои горы.

— Да, эти чехи не скоро придут в себя! — вставил Андрей. — Чичи[132] блять!

Мне в тот момент почему-то снова вспомнилась история с «шиптарско месо».

После последних заявлений коллег наша «дискуссия» перешла в незаслуживающую упоминания форму.

От Фефилова мне это было очень непривычно слышать. Я думаю, в нём тогда говорили эмоции. Ведь себя он называл всегда либералом, мол, «из электората партии «Яблоко»». А однажды, когда я, сомневаясь, в споре с ним сказал: «Может, мы ошибаемся — и Путин не такой уж и тиран» (говорит, ведь, убедительно — подлец, это же школа), Фефилов расхохотался, назвал его военным преступником и долго потом подтрунивал надо мной. А тут… Не знаю.

Мы тогда выпили много. Но в момент спора у меня была такая ясность в мыслях, словно и не пили. Да и Вадим не выглядел пьяным.

Но это ещё ничего. Вот Антон Гришин, работавший раньше спецкором на НТВ, однажды кричал в «корреспондентской», что надо сбросить ядерную бомбу на Чечню, чтобы «всю эту мразь там разом замочить».

Утром я проснулся с трудом, едва не проспал — ребята еле разбудили. Но мы всё успели в тот день. Физически было тяжело, но сделали и «включение», и два материала «перегнали» в Москву.

Днём надо было вернуться в гостиницу. Выспавшийся, свеженький Антон над нами подсмеивался. А мы с Вадимом плелись за ним, медленно переставляя ноги и держась друг за друга. Глядя на Фефилова, я понимал, что мне намного хуже. Вдруг перед нами возник Андрей Медведев.

— Что же вы, сволочи, вчера не сказали, что в горы к сербам собираетесь? — недовольно заявил коллега с «России».

— Ты о чём? — борясь с тошнотой, зашелестел губами Вадим.

— Мне из Москвы сейчас сообщили, что в эфире, у вас в материале, несколько историй есть — с сербами и какими-то албанцами. Вы как это утром успели снять?

— Мы вообще никуда не ездили. Ты видишь — в каком мы состоянии? Может, это кто-то другой? — слукавил Вадим.

Медведев глухо засопел и, не прощаясь, направился дальше.

— Он вчера что — хотел нас напоить? Ха! — Вадим с трудом изобразил лицом усмешку вслед *коллеги*, и мы поплелись дальше.

Мы сорвались — все оставшиеся дни в Косово превратились в длинную пьянку с перерывами на съёмки и короткий сон. Хотя

аппарат премьер-министра нас и подвёл с интервью с Хашимом Тачи — видимо, им не понравилось наше письмо, может, они рассчитывали, получив его, отпраздновать небольшую дипломатическую победу. Не знаю — Влора Читаку, эта бойкая девушка при Хашиме Тачи и один из его будущих министров, последующие дни не отвечала на звонки на «мобильник». Но, в целом, нам повезло: со столькими людьми познакомились, столько героев нашли для репортажа за несколько дней.

Вечер нашего предпоследнего дня в Приштине мы провели в кабачке у Мисбаха. Там собрались его друзья. Мы отсняли — как они уже праздновали независимость албанского Косова. После съёмки мы, помню, просто напивались. А потом ещё что-то пели и кричали с нашими новыми знакомыми. Уже под утро, когда было выпито огромное количество виски, текилы и «линцуры», я заметил, что Фефилов что-то бурно обсуждает с одним из друзей Мисбаха. Я думал, говорят по-сербски, прислушался, но нет — говорили по-немецки. Антон тоже слышал этот разговор. Наутро Вадим долго сомневался в наших словах — ведь немецкий он не знает.

Последний день. У нас остался подарочный шахматный набор — привезли, чтобы подарить Хашиму Тачи. Очень дорогой, массивный. На НТВ был специальный фонд подарков для иностранных лидеров. Решили перед отъездом отдать шахматы Эмилю Лулкину за его бескорыстную помощь. А заодно — вместе с ним пообедать. По пути, Эмиль показал нам место недалеко от нашей гостиницы, где в октябре 99-го убили его коллегу, американского полицейского из UNMIK Валентина Крумова, болгарина по происхождению.

— Шла группа каких-то подростков. Один албанец спросил у него: «Сколько время?». А Валентин, сам того не сознавая, ответил ему по-сербски. Тут албанцы, приняв его за серба, кинулись его избивать, потом выстрелили в голову. И это — прямо в центре Приштины.

Задумчивые мы доползли до небольшого кабака. Заказали каждому так нам понравившееся в этой командировке албанское блюдо — баранину с картошкой в горшочках. Ну, и конечно «линцуру».

— Эмиль, мы тебе хотим сделать подарок, — заплетающимся языком еле построил фразу Вадим и заулыбался. — Но говорить будет Эльхан, потому что мне что-то трудно.

Мы с Антоном переглянулись и засмеялись.

— Эмиль, спасибо тебе за помощь. Ты нам очень помог! — и дальше у меня получался тост: — Мы тебе желаем хорошей службы, ну, и наконец, благополучно закончить здесь работу и

вернуться к родным, в Бургас — к семье. Вот, мы знаем, что в Болгарии тоже демографический кризис. Так вот, чтобы у тебя было столько детей, сколько фигур в этих шахматах. Ну, конечно, чтобы ты их мог прокормить.

Долго пили за здоровье Эмиля — сам он, естественно, только слушал — его родных, коллег и ещё за что-то. Старались говорить тихо. Потому что хотя и был рабочий день, но в заведении было полно посетителей.

— Чё это так мало «линцуры» нам принесли, а? Радоваться надо. У нас командировка неплохо закончилась, — вдруг встрепенулся Вадим, а потом вдруг закричал на весь зал. — Эй, шефа! Шефа![133]

На какой-то миг весь зал затих. Нет, на несколько секунд. Потом сидящие вокруг албанцы сделала вид, что ничего не слышали.

— Ты что? Ты что делаешь? — съёжился Антон, сидевший спиной к залу.

Вадим, озираясь по сторонам, схватился ладонью за рот, а на его лице появилось выражение крайнего страха, которое вдруг сменилось на радостное.

— А! У Эмиля ведь есть пистолет! — нашёлся Вадим, не понимая, что сказал он это также громко, на весь зал.

Я посмотрел на оцепеневшего, ничего не понимающего Эмиля и расхохотался.

— Ты как себе это представляешь, Вадим? Мы спрячемся за спиной Эмиля, а он будет размахивать пистолетом перед толпой разъярённых албанцев? Стрелять по ним, да?

Наверное, наш бедный болгарский друг был рад, что мы уезжаем и не будем больше впутывать его в разные истории.

Из Приштины в Москву добирались через Вену. Фефилов в магазине duty-free купил бутылку виски «Jack Daniels» — по его словам, «на всех». Но Антону стало плохо от запаха алкоголя, сказал, что даже смотреть на нас не может — противно ему! — и забился в хвост полупустого самолёта спать. Я тоже уже не мог пить и весь полёт наблюдал за тянущим — большими глотками — прямо из горла Вадимом, удивляясь его физической способности впитывать алкоголь в таком количестве. На мои вопросы и комментарии по этому поводу коллега только хохотал во всё горло и на весь салон судна. Ещё больше были поражены одетые в красную униформу стюардессы Austrian Airlines — они продолжали улыбаться и нам тоже, но в широко раскрытых глазах у них было выражение ужаса. Даже один из пилотов специально пришёл посмотреть — шёл якобы мимо, но около наших кресел резко с любопытством повернулся в сторону Фефилова, сидящего

у иллюминатора.

До австрийской столицы обсуждали новость, которую услышали накануне, вначале не поверили, но сегодня утром уточнили: пока мы здесь снимали и напивались, Путин объявил преемником вице-премьера Дмитрия Медведева, решил за страну — кто станет будущим президентом России.[134] Вадим был очень возмущён — пил и возмущался.

— А давай останемся здесь в Вене, — предложил я, когда самолет начал снижаться.

— То есть? — вяло спросил Фефилов.

— Соберём пресс-конференцию, объявим голодовку. Мол, мы, журналисты из России, не хотим возвращаться на Родину: Путин — диктатор, в стране построил авторитарный режим, назначает сам себе преемника-президента, издевается над системой выборов… Ну и так далее — всё, что мы сейчас обсуждали. Тут же — в венском аэропорту: сядем на пол где-нибудь в углу, расставим вокруг наше телеоборудование, транспарант какой-нибудь напишем…

Вадим отрезвел сразу же. Застыл с почти опустошённой бутылкой в руках и задумался.

— Да, это стало бы новостью номер один в Европе. Все СМИ понабежали бы. Смешно придумал, — рассмеялся он.

— А я не шучу.

— То есть? — Вадим даже поставил бутылку на пол.

— Я не шучу! — твёрдо проговорил я.

Тут он посмотрел на меня так, словно увидел живого Адема Яшари. Ну, как до этого на Вадима смотрели стюардессы. Только не улыбался.

— Опасные вещи говорите, Эльхан! — выдал абсолютно трезвый Фефилов.

— Это было бы настоящим делом. Ну, Вадим? Мы вернём уважение к себе…

— Что?

— Ну, бл. ть, станем уважать себя. Мы сами. Понимаешь? Себя. Ну, Вадим? Да и ваш вопрос с финансовыми сразу снимается… А?

Он отвернулся и уставился в иллюминатор. Внизу жёлтыми и оранжевыми огнями кокетничала Вена.

— У меня в Москве остались близкие, родные.

— Ааа… Ну да, — задумался я. — Интересно, Антон согласится?

У меня в Москве тоже оставались близкие. Но это было уже слабостью — надо было тогда, в Тбилиси всё это делать. Этот свой протест.

Через несколько дней после воскресного эфира «Итоговой» в Останкино столкнулся с Митковой. Она издалека увидела меня заходящим в лифт и бросилась — почти побежала — чтобы успеть за мной.

— Эльхан, постой, постой.

Пропускаю её вперёд. Едем. Вдвоём — одни в лифте.

— Ой, Эльхан. Такой репортаж. Такой репортаж! Молодцы. Мо-лод-цы! *Всем* понравилось!

Я промолчал. Честное слово, не собирался вникать в эти митковские намёки и ужимки: кто эти *все?* а ей самой-то понравилось?

— Я в вас не ошиблась! — демонстрировала главный редактор радость и приветливость.

«Ну конечно. Ты наш Макиавелли в юбке».

— Вот видите, — ну, не мог я этого не сказать. — А Вы были против нашей поездки. Особенно — моего участия.

— Я? — поразилась Миткова. — Нееет. Кто это сказал?

Ничего не ответил, посмотрел ей в глаза — захлопала ресницами, взгляд не отвела. Однако, школа!

— Тяжело вам там было? — пугающе ласково спросила она, когда мы уже выходили на нашем, восьмом нтвшном, этаже.

— Очень. До сих пор голова болит.

Зато про интервью с Хашимом Тачи даже не заикнулась.

Это был мой предпоследний на НТВ разговор с Митковой.

Source URL: http://ostankino2013.com/ot-kosova-do-jakutii.html

Портрет Медведева

Ромку Соболя я застал в курилке на восьмом этаже напротив лифтов. Он как всегда недовольно со мной поздоровался.

Рома Соболь — вот это талант. Талант оставаться самокритичным к своей работе. Это на телевидении редкость. На первый взгляд, у него лицо всегда раздражительного, недовольного окружающей действительностью человека. Я бы даже сказал, какое-то неприятное лицо. Но если приглядеться, даже при первом общении, можно было обнаружить хорошо законспирированного шутника. Вот и сейчас видно, что из него польётся незлая ирония.

Посматривая куда-то в сторону, Рома язвительно спросил:

— Вернулись из Косова? Слышал, слышал, что вы там делали. Нашли там нормальных албанцев?

— Нашли. Мы их ещё и в эфире покажем.

— Мешаете работе пропагандистской машины, разрушаете стереотипы?

— Разрушаем. Саботируем.

— Предатели! — как будто зло подытожил Соболь.

Я засмеялся. Молча покурили.

— А ты что делаешь, Рома?

— Текст пишу про Медведева.

— Это про того, который кандидат?

— Про него самого. Для «итогов» [1].

Роман Соболь входил в крёмлевский пул журналистов. То есть вместе с коллегами из других центральных СМИ освещал деятельность президента: ездил с ним по стране, за рубеж, постоянно был на съёмках в Кремле. «Пуловские» также отрабатывали и с двумя путинскими вероятными преемниками — Дмитрием Медведевым и Сергеем Ивановым. От НТВ в числе «избранных» помимо Соболя были ещё Владимир Кондратьев, Володя Чернышев, Дмитрий Новиков, Андрей Черкасов и Никита Анисимов. Для кого-то статус кремлёвского журналиста может показаться престижным, но многие коллеги тяготились этой работой. Помимо, естественно, ответственности, был страх оказаться крайним — если что-то не понравится президентской администрации, например, неудобный — по их мнению — вопрос или неправильный, неточный — опять же, по их мнению — репортаж, то своё начальство с кремлёвскими спорить не будет (это вам не BBC!), возьмёт под козырек и накажет своего сотрудника. А может и уволить его, прогнать взашей — с волчьим билетом. И при этом, на НТВ руководство постоянно требовало от

«пуловских» интересные материалы из Кремля. А как их сделать — если видео- и вербальная информация кремлёвской администрацией распространялась одинаковая для всех и была дозирована, скупа? Над любым словом, шагом президента его команда долго думала и тоже, естественно, страховалась. Да и креативным мышлением там не были одарены. А если даже что-то с участием президента и произойдёт интересное, но не запланированное, неудобное, то это в эфир всё равно не выйдет. Вот пуловским и приходилось изощряться в закадровом тексте, придумывать красивые ассоциации, подтягивать какие-то фразеологические обороты, чтобы за ними скрыть скудное содержание.

Да и скучно там было. Большая часть времени — многие часы — проходила в пустых разговорах с коллегами и сотрудниками кремлёвской пресс-службы в ожидании первого лица. Часто — на открытом воздухе, а Россия — не Африка, в климатическом отношении. Нередко коллеги оставались без еды, ну и, пардон, туалета. Собирали «пуловских» очень рано утром, возможно, когда президент ещё спал. Потом их тщательно, словно видела в первый раз, грубо обыскивала и проверяла президентская охрана, явно получая от своей работы подозрительное наслаждение. С российскими журналистами охранники главы государства обращаются надменно, потому что, во-первых, не понимают — за что их кормят, а, во-вторых, считают их неспособными постоять за себя, а эта категория людей уважает только силу. На них даже не пожалуешься никуда, а возразишь этим лбам, заупрямишься — так себе дороже будет. Эти смелые ребята были корректны лишь с иностранными журналистами. Значит, их силу они себе представляли.

Да, всё зависело от прихотей первого лица страны. Дмитрий Новиков, специальный и кремлёвский корреспондент НТВ рассказывал, как их однажды несколько часов продержали на морозе в Кремле — у Путина была запланирована встреча с членами кабинета министров. Чиновники были уже на месте, а президент всё не ехал. Потом выяснилось, что Путину расхотелось в тот день ехать в Москву и, после долгих размышлений, он решил провести встречу у себя в загородной резиденции — ну, лень было человеку ехать на работу, что тут поделаешь? Наконец, кремлевский пул погрузили в автобусы и вслед за министерскими кортежами озябших журналистов отвезли к президенту. Эту историю Новиков в тот день рассказывал многим на НТВ. Подбегал в коридоре, отводил в сторону и быстро шёпотом красочно рассказывал, а потом несся дальше своей подпрыгивающей быстрой походкой к следующему

коллеге.

Работу в Кремле особенно не любили операторы. Через три месяца начинали умолять руководство их заменить, а добившись своего, просились хоть на самые грязные, в прямом смысле слова съёмки — пожары, ДТП, митинги, милицейские рейды. Но есть кремлёвские журналисты — честно, я их видел своими глазами! — которые гордились своим статусом, любили свой статус.

Рома нервно потушил сигарету и вытащил вторую из пачки. А я вдруг загорелся любопытством.

«Главное, виду не подавать».

— По сравнению с Путиным он выглядит очень даже ничего, — начал я провоцировать собеседника.

А он аж вздрогнул. Резко повернул голову в мою сторону и за весь наш разговор впервые пристально стал изучать моё лицо, пытаясь заглянуть в глаза. Во взгляде Ромы — он даже не скрывал этого — я прочел и удивление, и какое-то пренебрежение на грани брезгливости, и жалость. Наверное, так врач-онколог смотрит на больного раком, находящегося в последней стадии болезни, но не понимающего этого и интересующегося — когда же ему, наконец, можно будет выпить и объесться.

Чтобы не рассмеяться и не выдать себя, стал смотреть в сторону и продолжил:

— Даже очень ничего. Какой-то привлекательный что ли. Какой-то он эээммм… добрый. Вот! Добрый он!

— Ага, как же! Добрый, — он громко фыркнул, с шумом попытался затянуться — даже забыл, что не закурил ещё сигарету и, чертыхнувшись: — Он что — сок?

— Какой сок? — опешил я.

— Он что — сок, чтобы быть добрым?!

— Ну, как же, Ромка? Он же либерал! — теперь я уже говорил серьёзно. — Все так рады, что не Сергей Иванов стал преемником. Медведев не из спецслужб, молодой. Говорит о реформах, о диалоге с Западом.

Я перечислял эти аргументы где-то даже искренне. Очень хотелось верить.

— Высокомерный и закомплексованный! Весь в себе! — смотря в сторону, Рома со злостью в голосе выдыхал с сигаретным дымом свои определения: — Вообще, зациклен на своей внешности. С окружающими очень надменен. А к журналистам относится так, как будто их вообще не существует, словно они не люди. С постоянными капризами — то это ему не нравится, то другое. Хнычет, как маменькин сыночек.

Для меня это действительно было откровением.

Поражающим, обезоруживающим откровением.

— А на «картинке» он ничего… — произнес я вяло. — Но ведь в твоих репортажах, Ромка, — я вдруг вспомнил и удивился: — Из твоих репортажей мне он казался таким забавно-трогательным, чутким. И детей он любит.

— Ага. Любит! Дааа! Любит детей! Как же! — нараспев размазывал слова Рома, передразнивая, но я понял, что не меня. — А что ему ещё делать? Проблемы решать?!

— Подожди, подожди. Какие проблемы? Детей он любит?

И снова Рома посмотрел на меня как на дурачка.

— Не знаю. Может и любит… — подумал и добавил: — …в душЕ.

Кремлёвский корреспондент зло рассмеялся. Потом нахмурился и снова уставился в точку перед собой. Сигарета в его руке уже давно «умоляла», чтобы её стряхнули.

— Подстраивают всё ради «картинки». Всё! Абсолютно! — Рома почти кричал на меня. — Включат камеру — и он готов. Только на камеру работает. Понимаешь — только на камеру! Научился уже: сразу улыбка на лице, позитив. Настоящий телепродукт!

Рому Соболя я знал давно, но таким я его никогда не видел. Таким его было даже трудно представить.

— Ну, как же? Ну, он ведь ездит по стране, критикует начальников местных. Людей, то есть чиновников, гоняет. Я понимаю про нацпроекты, это показуха. Но как же детсады, медицинские объекты, критика…

— Ну, Эльхан. Не будь наивным. Ты что — первый день работаешь?! Все у них расписано! Ничего их не волнует кроме пиара! Пыль в глаза!

Работал я не первый день. Но надежда, что там, на верху, не всё так плохо — ну хотя бы там, на верху! — не хочет сдаваться. Не может быть, чтобы настолько цинично было. Но Ромке видней — он *их* вблизи видел.

— А что же ты тогда этим занимаешься, Ромка?

— Не знаю. Привык, — задумался «избранный». — Наверное.

И плюнул в направлении пепельницы.

— Ничего, у меня тоже есть в архиве кое-что на них, — и вдруг Рома запнулся и быстро стал оправдываться: — У нас у всех ведь есть…

«В архивах много чего есть», — подумал я и сразу почему-то вспомнил историю с Михаилом Касьяновым. Может, из-за ее показательности.

Однажды Михаил Касьянов — он тогда ещё не был, конечно же, в оппозиции, а был простым премьер-министром Российской

Федерации — появился на одном из официальных мероприятий с расстёгнутой ширинкой. Ну, так получилось — с кем из мужчин не бывало. Кстати, было видно только то, что ширинка расстёгнута, ничего эротического, даже цветовая гамма премьерского нижнего белья. Так вот. До того как премьеру сообщили о недоразумении, многие операторы успели эту сцену снять на камеру. Времени, видимо, у них было достаточно, чтобы сделать это — я видел два варианта. На одном была панорама с лица Касьянова, державшего в руках бокал вина и улыбающегося своей фирменной улыбкой — слащавой, широкой, но одними губами — вниз до ширинки, там камера на секунду задерживалась, акцентируя смешное и неловкое положение премьера, а потом возвращалась наверх, на его довольное и чему-то радующееся лицо. На втором — тоже самое, но тут премьер без бокала в руке, стоит и просто улыбается.

Про эти видеоматериалы многие коллеги мгновенно узнали, но в эфире эта «желтизна» не появлялась. Лишь когда Путин снял Касьянова и начал против него мягкое наступление, а потом и жёсткую травлю, видео с расстёгнутой ширинкой бывшего председателя правительства России центральные каналы показали всей стране. Кстати, показал в воскресном выпуске программы «Намедни» от 29 февраля 2004 года даже очень стильный человек, *«законодатель мод в современной российской тележурналистике»* Леонид Парфёнов — да, тот самый, который *«один из критериев состояния у нас свободы слова»*; репортаж делал Павел Лобков. Понимаю слабость последнего к подобным зрелищам, но почему *светило русской журналистики* пропустил в эфир такой подлый видео-эпизод с экс-премьерской ширинкой — вволю обсосав этот эпизод, подробно прокомментировав — вот вопрос!..

У всех коллег по личным архивам пылится много разного интересного материала. Даже покрепче видео с Касьяновым. Всему своё время!

— Ромка, неужели, ты это всё сейчас пойдёшь и напишешь? Всё, что сейчас мне тут говорил, а?

Коллега посмотрел на меня с подозрением. И догадался, что теперь я его точно разыгрываю.

— Ко-не-чно! Сейчас вот докурю и пойду — напишу, — в ответ стал язвить Рома. — А потом смонтирую. Кулистиков прочтёт текст сюжета, обрадуется, ещё и дополнит, а «итоговые» это всё покажут. Ко-не-чно!

Потом выбросил давно потухшую и вонявшую сигарету в пепельницу, тщательно застегнул пиджак, резко выпрямил спину, словно стряхнул с себя что-то мешающее, лишнее. И уже игривым

тоном Рома мне пообещал:

— В воскресенье увидишь в эфире. Только на НТВ!

Я расхохотался.

В то воскресенье, 16 декабря 2007 в эфире Итогового выпуска программы «Сегодня» был репортаж Ромки Соболя «Портрет Медведева». Я его здесь привожу, нагло не спросив разрешения у телеканала НТВ. Без купюр.

[Видеоряд: Роман Соболь в кадре. У него за спиной электронная карта России»]

Авторский текст: «За минувшие два года к фундаментальным юридическим и административным знаниям Дмитрия Медведева прибавились и практические знания географии нашей страны. Первому заместителю председателя правительства, курирующему национальные проекты, необходимо узнать обстановку на местах. Вот примерная схема рабочих поездок. Здесь отражены только крупные города. Невозможно вписать в экранное пространство названия всех населённых пунктов, посёлков и деревень от Сахалина до Калининграда, от Нового Уренгоя до Грозного».

Рамзан Кадыров, президент Чечни: «Мы ждали вас очень. Мы показываем какие у нас минусы».

Дмитрий Медведев: «Надо минусы показывать. Зачем мне отлакированная ситуация?»

[Видеоряд: Чечня, апрель 2007 года, Медведев посещает больницу в Грозном, осматривает машину «Скорой помощи»]

Закадровый текст: «Это кадры из Чеченской столицы. Центр города красив, но в республике ещё много следов войны. Дмитрий Медведев о своих поездках говорит так — цитата: «Я пока не оторвался от жизни и способен отличить, когда траву, как называется, покрасили перед моим приездом. Обмануть меня не очень-то легко», — конец цитаты. Трудно обмануть, если гость не ограничивается осмотром фасада, а действительно интересуется деталями».

[Видеоряд: «Архивные кадры — Медведев сидит на трибуне, его рукопожатие с членами правительства. Потом как Медведев идёт по длинному коридору. Фрагмент программы «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым»]

Закадровый текст: «Кандидат юридических наук, преподаватель Петербургского Госуниверситета, по собственному признанию, он не стремился на государственную службу. В 90-х, по совместительству, Медведев — эксперт комитета по внешним связям мэрии северной столицы. И тогдашний глава комитета Владимир Путин его знания оценил. Медведев переходит в аппарат правительства, потом в администрацию президента. В 2000-ом руководит предвыборным штабом Путина. Через три года

Медведев возглавляет президентскую администрацию, проводит её успешную реорганизацию. И вскоре Путин поручает Медведеву новый фронт работ. Первым вице- премьером, ответственным за нацпроекты. Возможно, это было решающим испытанием».

Дмитрий Медведев в программе Соловьева: «Я точно так же как и другие люди жил в тех квартирах, которые раньше давались советским гражданам. Сначала в коммунальной, а потом в малогабаритной в Петербурге, тогда ещё Ленинграде. Я точно так же ощущал на себе все прелести развития сельского хозяйства, когда невозможно было купить ни фруктов, ни овощей в течение года, кроме нескольких месяцев. И я точно так же как и все остальные ходил и хожу в поликлинику».

[Видеоряд: «Больница, врачи в белых халатах, палаты»]

Закадровый текст: «Ведущий кардиохирург Лео Бокерия уверен — без помощи государства наша медицина пока существовать не может. Страховки не покрывают расходы, операции дороги, доступны далеко не всем, оборудование устаревает. Проект «Здравоохранение» возрождает региональные центры и медицину первого звена. Это начало пути, но отдача уже чувствуется».

Лео Бокерия, директор Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева РАМН: «Высококвалифицированная помощь приблизилась к больному на месте. То есть не больной путешествует по огромной стране, а специализированная помощь приближается к нему».

[Видеоряд: «Дмитрий Медведев на заводе»]

Закадровый текст: «Труднее было с проектом «Доступное жильё». На этом рынке — высочайший спрос и, соответственно, высокие цены».

Дмитрий Медведев: «По-прежнему в цене квадратного метра сидит плата за бесконечные согласования, другие административные издержки чиновников, а также просто коррупционные сборы. Люди из своего кармана вынуждены рассчитываться за отсутствие реальной конкуренции и монополизм на строительных рынках».

[Видеоряд: «Стройки жилых зданий»]

Закадровый текст: «Доступность жилья всё ещё далекая цель, но три года назад лишь 9 % семей России могли купить квартиру на свои или в кредит, сегодня — уже 20 %. И, кажется, найден приемлемый для государства и бизнеса механизм развития».

Леонид Казинец, первый вице-президент Ассоциации строителей России: «Есть все условия. Мы понимаем, как

выделяются земельные участки, как работают строители, как выделяются финансы, как идут продажи, как защищены покупатели. Всё будет нормально. Нужно время, чтобы заложенный фундамент превратился в красивый дом».

[Видеоряд: «Архивные кадры — Дмитрий Медведев выходит из машины. Чинно расхаживает, проверяет. Осматривает новостройки. Медведев на ферме. Свинья кормит поросят, а Медведев гладит свинью. Потом разговаривает с детьми в автобусе»]

Закадровый текст: «Жилищный вопрос идёт в связке с демографическим и развитием села. Как привлечь в деревню молодых специалистов, построить им дом и разработать ясную систему финансирования сельхозпроизводства? Нужны доступные кредиты под разумные проценты. Вот, что чаще всего говорят первому вице-премьеру жители российской глубинки.

Проект образования бывшему вузовскому преподавателю Дмитрию Медведеву очевидно близок. Проблемы постсоветского обучения он проходил на собственном опыте».

Людмила Вербицкая, ректор Санкт-петербургского государственного университета: «В последние годы мы почувствовали такое внимание к образованию. Потому что для меня совершенно очевидно, что это ключевой вопрос. Ведь без кадров — настоящих, высококвалифицированных — не может развиваться ни одно направление. Все успехи с этим связаны».

[Видеоряд: «Архивные кадры — Тверская область, открытие нового компьютерного класса в сельской школе. Дмитрий Медведев заходит в класс»]

Закадровый текст: «Тверская область. В сельской школе открывают компьютерный класс. Подобное техническое вооружение перестало быть диковинкой, но здесь — последние новинки. А Дмитрий Медведев, оказывается, неплохо разбирается в нюансах интернета».

Дмитрий Медведев: «А сигнал у вас через тарелку или Wi-Fi? Это хорошо, что через тарелку. Значит, будет нормальная скорость подключения, и вы сможете использовать все необходимые ресурсы».

[Видеоряд: «Дмитрий Медведев в салоне автобуса. Крупным планом флаг «Газпрома». Медведев в деревне открывает газопровод, поджигает факел. Местные жители танцуют и поют»]

Закадровый текст: «Есть ещё один проект, сопоставимый с национальными — газификация страны. Держава, располагающая богатейшими природными запасами, на бытовом житейском

уровне этого газа была почти лишена. «Газпром» прокладывает новые сети, и Медведеву как председателю совета директоров компании часто доводится бывать на открытии таких участков».

Дмитрий Медведев: «Наличие газа в доме — это другая жизнь, более человеческая».

[Видеоряд: «Дмитрий Медведев с пожилой женщиной в её доме. Жарит яичницу на газовой плите. Потом кадры спартакиада «Счастливый рейс». Соревнования в бассейне»]

Закадровый текст: «Чтобы наглядно показать пожилой местной жительнице, чем её новая газовая плита лучше прежней дровяной, можно пожарить яичницу.

«Газпром» много вкладывает и в развитие детского спорта. На знаменитой спартакиаде «Счастливый рейс» Дмитрий Медведев — почётный гость».

Дмитрий Медведев: «С каждым годом, с каждым месяцем количество спортивных объектов, построенных при участии «Газпрома», становится всё больше и больше. Это создаёт другую среду для жизни».

[Видеоряд: «Дмитрий Медведев на футбольном матче «Россия — Англия». Обнимается с Виктором Зубковым после победы российской команды. Потом архивные кадры — Медведев на экономическом форуме в Давосе»]

Закадровый текст: «Политик высшего эшелона не может замыкаться только на внутренних проблемах страны. Иностранным экспертам запомнилась речь Медведева на экономическом форуме в Давосе. После неё на Западе появился такой ответ на вопрос: «Ху из мистер Медведев?» Медведев — патриот России нового типа, либеральных взглядов».

Дмитрий Медведев в Давосе: «Мы не заставляем кого-либо любить Россию. Но мы никому не позволим причинять России вред. Будем добиваться уважения как к гражданам России, так и к нашей стране в целом. Причём не силой, а ответственным поведением и успехами».

Александр Рар, руководитель программ СНГ и России Совета по внешней политике Германии: «На Западе видят в выдвижении Медведева определённый сигнал Путина. Россия хочет и будет продолжать политику открытости и стратегического партнёрства в отношениях с Европой и США».

Ариэль Коэн, ведущий эксперт по России, Евразии и международной энергетической безопасности Фонда «Наследие» (Heritage Foundation): «У господина Медведева не было карьеры в годы советской власти ни в органах госбезопасности, ни в партаппарате. Это то новое, что Медведев приносит на столь высокий пост».

[Видеоряд: «Архивные кадры — Медведев осматривает новый медицинский центр, Медведев в кабинете, Медведев идёт по длинному коридору, Медведев заходит в кабинет»]

Закадровый текст: «Сам Медведев сегодняшней своей задачей считает продолжение приоритетных программ. А гарантией успеха — сохранение того курса, который собственно и дал старт нацпроектам. И курс этот неразрывно связан с именем Путина, какой бы пост он не занял. Предложив возглавить ему кабинет министров в случае своей победы на выборах, Медведев демонстрирует важность сохранения команды, созданной Владимиром Путиным. Роман Соболь, телекомпания НТВ».

ЗАНАВЕС

Source URL: http://ostankino2013.com/portret-medvedeva.html

«Дорого и круто!»

Признаюсь, недооценивал я НТВ. Думал, сложившаяся на телеканале система взаимоотношений — между начальством и сотрудниками, между начальством и властью — самая абсурдная. Думал, что на НТВ самый невозможный бардак и отсутствие логики в системе. Да, оказывается, я ошибался. Не ценил руководство. Был неблагодарным. Родные вы наши…

Единственное, что меня оправдывает, это то, что я глупый. А глупые люди имеют особенность быть ещё немного и неблагодарными. Им бы в ногах ползать у благодетелей, а они своё мнение высказывают. Да, на НТВ руководство могло поступить низко. Например, уехать 31 декабря 2007 года на целых двадцать дней в Санкт-Мориц на *роскошный* горнолыжный курорт (не потому, что руководитель любит лыжи, он, вернее, она, лыжи ненавидит, но ведь там, в Санкт-Морице, собирается в это время политическая и финансовая элита страны — надо быть в тусовке, покрасоваться хотя бы в каком-нибудь баре в лыжном костюме — об этом открыто было заявлено коллегам на НТВ ещё за месяц), а перед этим сообщить своим «шестёркам» о том, что одному из сотрудников не подпишут контракт на следующий год. Думая, что за двадцать дней сотрудник созреет и приползёт каяться. Но за время отсутствия руководителя получается скандал, и отдохнувший, но обидевшийся руководитель подсылает к этому сотруднику других своих «шестёрок». Во-первых, с укором — мол, это же было недоразумение, и почему он не дождался руководителя, не приполз к нему, а, вернее, к ней и в тиши кабинета, глотая слёзы, или просто с печально-капитулянтским выражением лица не попытался уладить ситуацию (да пришлось бы просить, унижаться, но кому сейчас легко, такой уж теперь наш журналистский крест, какая уж тут гордость). А, во-вторых, с предложением — мол, ничуть не поздно, можно и сейчас организовать эту встречу… Но руководителю приходится обидеться ещё больше, потому что этот сотрудник посылает и «шестёрок», и руководителя… ну, например, обратно в Санкт-Мориц. Ну, ничего не могу поделать со своим характером.

Да, такое бывало на НТВ. Подло? Ну, да. Это серьёзная компания? Нет, так ведут себя маньячки-воспитательницы детсадов в каких-нибудь спившихся экс-шахтёрских городках, а не солидные топ-менеджеры, любящие дефилировать на высоких каблуках или в облегающих лыжных костюмах на фешенебельных новогодних тусовках. Но что поделаешь? Смертную казнь

отменили ведь.

Да, и, повторюсь, ошибался я. За несколько месяцев после НТВ мне пришлось побывать на почти всех ведущих российских телеканалах, увидеть их «кухню». Цирк на НТВ был не самым худшим цирком. В стране огромное количество людей якобы делает телевидение. С потухшими взглядами, спиваясь, прогуливая и имитируя работу, ощущая смысл собственной жизнедеятельности лишь в дни выдачи зарплаты, а также в редкие моменты облегчения от тяжести многочисленных комплексов неполноценности в виде эфирного результата, ну и, конечно же, раз в год — слушая выступление президента с посланием перед Федеральным Собранием РФ.

Но первое место в абсурдном мире российского телевидения занимает Первый. ОАО «Первый канал». По сравнению с ним НТВ — это эталон немецкой педантичности и британской деликатной объективности.

На главный телеканал страны я попал случайно. Во всём виноват мой бывший друг и коллега с НТВ Олег Пташкин, который придумал идею и концепт еженедельного мужского тележурнала «Большое событие» и попросил помочь показать его топ-менеджерам Первого канала.

Протекцию нам оказал Максим Шевченко, ведущий еженедельного политического ток-шоу на Первом канале «Судите сами», человек позиционирующий себя как думающий, весёлый и давний мой знакомый. Не знаю, почему-то он ко мне хорошо относился. Думаю, что теперь относится по-другому. Ну, так получилось. У него свой выбор — думать одно, говорить другое, а делать что-то непонятное…

Максим показал расписанный проект одному из заместителей Константина Эрнста, руководителю Студии специальных проектов «Первого канала» Наталье Никоновой. Дирекция эта курирует производство почти 80 процентов программ телеканала. Не знаю, какой пиар сделал мне Максим Шевченко, но по телефону эта дама сладким-сладким голоском попросила меня называть её «просто Наталья». Это и радовало, и удивляло: потому что почти все опрошенные мною другие коллеги с Первого выдали про Никонову близкое по смыслу определение — «закомплексованный монстр». Отгоняя противоречивые мысли в голове и путаясь в словах, я договорился с нею о встрече.

На улице был май 2008 года. Мы с Олегом сидели в кабинете у Никоновой на восьмом этаже Останкино — в АСК-1 по большим лифтам.

До мирового кризиса оставалось несколько месяцев, и о том, что *экономика* России скоро рухнет, подозревали только

маргинальные эксперты. А остальное население в тот день думало о другом. Весна была в самом разгаре. Даже в загаженном московском воздухе пахло любовью. За окном дрались обезумевшие от страсти самцы-воробьи. Две большие жирные мухи сцепились в объятиях на стене шкафа в вертикальном положении — тут, прямо в кабинете Никоновой — и трогательно тихо-тихо жужжали, что напоминало характерное постанывание. Эта сцена меня обрадовала, и я едва не расплакался — возможно, из-за приближающегося кризиса. Кризиса среднего возраста…

— Рада встречи с Вами, — с интересом оглядела меня Никонова и быстро переключилась на моего друга.

Олега она разглядывала в четыре раза дольше, чем меня. А потом удовлетворённо добавила, как я понял по смыслу, обращаясь ко мне:

— И рада, что Вы пришли не один.

— Ну, да. Он автор идеи, — улыбнулся я и хотел пошутить по поводу двусмысленности её замечания, но еле сдержался. Никонова не увидела моих усилий, потому что снова перешла на созерцание Олега.

Пока она это делала, я окончательно прогнал сложившийся у меня в голове образ. Причина, подумалось мне, нерепрезентативность проведённого мною опроса, и это радовало — никогда не был силён в социологии. Ну, как эта хрупкая женщина в огромном кресле могла соответствовать определению, которое про неё распространяли коллеги?

Невысокая блондинка, с тонкой бледной кожей, не лишённая привлекательности в возрасте… ну, старше меня. К тому же Никонова старательно молодилась. Я сидел ближе и видел: на ней была надета короткая юбка, а на недостающих до пола ногах — подростковые гетры тёмного цвета. Во время разговора она под столом поглаживала чёрную кожу своего большого кресла — то нежной, то беспокойно-судорожной лаской. Было понятно, чего ей не хватает в жизни…

Тон в беседе задавала Никонова. После её высокоинтеллектуального монолога: об «отсутствии свободы слова в России», но необходимости «всё же что-то делать, потому что жизнь продолжается», да и потому что «и так всё хорошо», и «кому это нужно — ихняя свобода слова», начался нормальный разговор.

Как я понял много позже, в тот майский день у этого так сказать теле-босса была особая цель, а также особое настроение, из-за которого она пыталась произвести на нас эффектное впечатление. Хотя… на Олега, мне кажется, она больше пыталась произвести эффектное впечатление. Периодически, пока

Никонова говорила свою речь, она замирала и засматривалась на него, что-то поправляя у себя под столом и поглядывая на свою большую чёрную сумку на столе.

— А что такое мужской тележурнал? — вдруг перешла она к главному.

— Всё, что интересует успешную динамичную мужскую аудиторию, — стал объяснять Олег. — Тренды-тенденции, китч, общеполезные открытия. С рабочим слоганом программы «тренды и бренды». Лучшие новинки и тенденции. С иронией, конфликтом, динамикой, но без бульварной похабщины и желтизны. Главное — корректность. С несколькими жанрами: и репортаж, и портрет, и расследование, и исследование. Тут в концепте проекта всё подробно расписано — о чём программа, и как её делать.

— А почему вы думаете, что нам, Первому каналу, это интересно?.. Нет, нет, сам по себе проект интересен — иначе, я бы не встречалась с вами, — медленно и чётко произнесла теленачальница, а потом сделала красивый, отработанный часами тренировок перед зеркалом жест, чтобы поправить волосы. — Но нам-то это зачем, а? Ыммм?

— Ведь у вас есть проблемы с аудиторией, не так ли? — спросил я в свою очередь.

— То есть? Это как же понимать? Какие проблемы?

— А, хорошо. Основная аудитория Первого канала — это женщины старше 40 лет.

— Ну да это «наши старушки», — благосклонно кивнула молодящаяся Никонова. — Это наша главная опора. И что? Чем они вам не нравятся?

— Ну, не самая интересная для серьёзной рекламы категория людей. Какой рекламодатель к вам идёт с радостью, а не из-под палки государства и «Видео Интернешнл»? Производители моющих средств, всяких йогуртов, гигиенических салфеток и других продуктов для домохозяек. Признайтесь, в основном Ваша аудитория — это люди, которые не имеют возможности выбора — выбора телепродукта. Ну, вынужденно смотрят телеканал — нет у них альтернативного источника. А вы впустую пользуетесь широтой покрытия территории страны сигналом вещания телеканала…

— И наверняка, вы же хотите привлечь к себе мужскую аудиторию, — дальше продолжил Олег. — В целом — социально и финансово активного зрителя.

— Ну, допустим… — задумалась Никонова. — Хотим. Хотим мужскую. Да, да.

— В России уже сейчас около трети аудитории в возрасте от

22 до 35 лет практически или вообще не смотрит телевизор, — завёлся Олег. — Неужели вы не думаете над тем, как вернуть себе этих людей?

Никонова немного успокоилась. Строить дальше из себя большого телепрофи получалось у неё плохо.

— Ладно, ладно, ребята. Но как сделать так, чтобы мужчины смотрели? Ну, давайте, расскажите. Да, телевидение создаёт иллюзию жизни. Мы придумываем реальность, изображаем жизнь такой, какой её нет, но какой она видится в мечтах населения (?-!). Что мы можем сделать — расскажите? Ну, чем отличается мужской тележурнал от остального нашего продукта?

— Ну, вот Вам пример НТВ, у которого в основном мужская аудитория…

— А как? Как на НТВ? Как это сделать? — перебила меня Никонова.

Вначале я подумал, что она нас проверяет, но оказалось — она и в правду этого не знала.

— Как же так? — удивлённо переглянулся со мной Олег. — Как? В выборе тем, в форме подачи, в закадровом наговоре, в фигуре и личности ведущего. Ну, и авторов, которые будут делать сюжеты-репортажи.

Никонова его не перебивала. Она смотрела ему в рот, сидя в своём огромном кресле прямо и положив руки на стол как школьница.

— В студийных декорациях, в конце концов. Здесь всё расписано. Проект выстрелит. Хотя это и дорогой проект. Дорогой и серьёзный.

Никонова от этих слов вздрогнула и пришла в себя.

— Да? Хм! — выдохнула она и откинулась на спинку кресла, выпятив вперёд грудную клетку.

И тут теленачальница с претензией выдала сакраментальную фразу, объясняющую парадигму самоидентификации руководства Первого канал в — и против — окружающей действительности:

— Да у нас здесь на Первом всё дорого и круто! Понимаете? Дорого и круто! Это же Первый канал!

Это она так возмущалась. Потому что она обиделась.

На несколько минут я выпал из беседы.

Оооо, даааааа! Это оно! Дорого и круто! Нет, на них нельзя смотреть без смеха! Это смысл жизни! Я хринею! Меня прёт от них! Я никогда не повешусь! Самый длинный сериал! Инвалиды душевные!

Добро пожаловать на Первый канал! Да! Да! Да! Главное — не реальность, «главное — как себя позиционировать». Понты правят миром! Чем больше блеска, тем сложнее приглядеться.

Чем больше шума, тем больше можно втихаря подворовать! Нет — нахапать!

«Дорого и круто!» — это как было на Евровидении в Москве. Это «самое дорогое за всю историю этого конкурса шоу» при отсутствии обычных удобств для конкурсантов. Ну и что, что для артистов не были даже запланированы помещения для репетиций, и они готовились к выступлениям прямо на улице. Зато были какие-то плавающие в аквариумах люди-дельфины и непонятная Жар-птица под потолком «Олимпийского». Зато «у нас самый грандиозный за всю историю Евровидения Евродом с уникальной барной стойкой», — тупо радовался Эрнст. Барная стойка — это самое главное на Евровидении. До сих пор все помнят московское Евровидение по этой барной стойке. Ну, не понимает этот Эрнст, что дурной тон это когда барная стойка и представляющая страну Анастасия Приходько, известная своими расистскими взглядами. Страны, принимавшие Евровидение до Москвы, умудрялись зарабатывать на этом конкурсе, а России это не нужно. Денег много. Страна богатая. На понты деньги найдутся…

«Дорого и круто!» — это современная Россия.

«Дорого и круто!» — это как было в Ванкувере, где провалили Олимпиаду, зато там было полно не имеющих отношения к спорту российских чиновников и членов их семей. Зато в официальном Русском доме был каждый день праздник: по вечерам все — гости и свои — пили и ели за счёт российского бюджета, а днём все вместе смеялись над российским спортом. «Дорого и круто» будет в Сочи, которая станет самой скандальной Олимпиадой. Потому что понты, пыль в глаза вызывают смех, а потом брезгливость у нормальных людей. «Дорого и круто!» — это бич нувориша. Он очень хочет выглядеть одним из элиты, «белой костью», а всё равно получается «Дорого и круто!» Получается китч! По «Дорого и круто!» легко определить вчерашнего спекулянта румынскими колготками, пытающегося сегодня выдать себя за топ-менеджера, аристократа в смокинге, заказавшего литр коктейля Minted и два граненых стакана. Поведение и образ мыслей сразу выдаёт — никакие дорогие тряпки не помогут скрыть лапти.

Проснитесь, ребята. Куда столько? Не будет пользы от суррогатного счастья. От этого, от такого не бывает пользы. Ваши дети всё это спустят на наркотики. Сожители разворуют. Болезни задушат. А лекарства дорогие! А врачи жадные! Закон Природы. Природа — лучший, совершенный мститель. И беспощадный. Сообщающиеся сосуды. Божья кара. Отрыжка Бастрыкина… И его тоже это ждёт!

Очнулся я от вскрика Никоновой.

— Хорошо! Хорошо! — она нетерпеливо прижалась к краю стола, положив на него часть грудной клетки. — Я по-другому задам вопрос. По-другому… Какую тему вы бы сделали на этой неделе, связанную с политикой? Вот представьте, что эфир у вашей программы в это воскресенье — чтобы вы сняли?

Олег на мгновение завис, и я ему помог:

— Например, историю губернатора Ставрополья Черногорова[135].

— А что в ней интересного? Она же уже устарела. История умерла…

— Вы ошибаетесь. Во-первых, в ближайшее время будет продолжение — Черногоров не такой человек, который сам уходит в отставку. Во-вторых, в этой истории есть всё: и политика, и предательница-жена, и бэнтли. Он, кстати, близкий к Путину политик.

— А как? — горячилась женщина. — Как сделать?

— Ну, как… Надо бы к нему отправить съёмочную группу. У него дома побывать. В гараже, где эти автомобили стоят, с ним интервью записать. Ну, такую живую «картинку» сделать. Он сейчас в таком состоянии, что согласится на любые съёмки. С бывшей и с нынешней женой о съёмках договориться. Ну и так далее. Но с конкретизированной «картинкой», историей. Пусть покажет свой гараж, пусть «докажет» на «картинке», что у него нет — если он так утверждает — этих бэнтли…

— Угу. Так! — задумалась Никонова и что-то стала записывать в блокноте у себя на столе. — А ещё? Ещё?

— Ну, основная сторона в этой истории должна быть представлена — третья.

— Кто?

— Ну, люди. Черногоров ведь не простой человек, он чиновник. Что сами жители Ставрополья думают. Надо подумать, как это показать, как выразить. Может обычную семью снять — как они следят за всеми перипетиями этой истории. Вообще, его многие мужчины там поддерживают. Он же харизматичный, мужик. Здоровый, крепкий. И ещё не известно — возможно он выиграет от этой семейной истории с женой, чем проиграет. Но, конечно, хорошо бы показать, что все эти *семейные* проблемы, их публичное обсуждение, возникли у Черногорова из-за его политических проблем — обязательно! И ещё — отталкиваться от реальности: они ведь, я имею в виду, помощников губернатора, пресс-службу — тоже что-то захотят сами пропихнуть, «продать» съёмочной группе: возможно, выход губернатора в народ или ещё что-то. Вот в этом может быть масса интересного, чтобы снять и

показать. Вообще, детали самое главное. Много деталей.

— Да?

— Да. А как же. Главное — побольше репортажности. Если ещё подумать, порыться, можно понять, как интересно рассказать эту историю.

Никонова промолчала тогда о том, что два месяца назад, в марте, съёмочная группа «В мире людей» — одной из программ возглавляемой ею Студии спецпроектов Первого канала — снимала историю семьи Черногорова; я потом это узнал. Материал получился неинтересный: по традиции Первого канала, очень предсказуемый и пресный, без деталей, одни «говорящие головы». Конфликт не передан, жизнь не показана, хотя съёмочную группу впустили в свою жизнь и губернатор, и его бывшая супруга… Потому неудивителен был интерес теле-начальницы к тому, что мы рассказывали об этой истории.

— А ведущий? Ведущий кто? — Никонова продолжала допрос со странной маниакальной возбуждённостью.

Ну, она спрашивает — я отвечаю:

— Не знаю… Например, Андрей Колесников. Почему бы и нет. Хороший журналист. Парень ироничный, с бэк-граундом. За такого надо побороться.

— Андрей? Ну, не знаю… — съёжилось у неё лицо в неприятную маску. — Я с ним вместе училась.

Видимо, Никонова что-то нехорошее вспоминала из далекого студенческого прошлого.

— Ну, что — Андрей?! Хм. Так себе журналист… Мне он… не очень…

А, может, она тайно ему завидовала.

— Или же Сергей Минаев, — назвал я ещё одну кандидатуру. — Его рекламодатели любят. Специалист по Product Placement. Мастер этого дела.

Мы с Олегом засмеялись. Никонова не поняла шутки. Видимо, не читала.

— Ну, не знаю, — затянула она. — Он мне тоже не нравится. Тоже мне — писатель. Такие люди сложные в управлении. Лезут со своим мнением.

Тут Олег заговорил резко.

— Ну, пока вы думаете — кто Вам нравится или не нравится, у вас получается телепродукт для… как Вы сказали? «наших старушек»? Это же телевидение прошлого!

— Да? — робко произнесла Никонова и испуганно съёжилась.

— Конечно! Вот у вас проект «Король ринга»…

— Ой, не надо про «Короля ринга», — она, соглашаясь, замахала руками и неожиданно перешла на шёпот: — Мы его не

понимаем. Никак не избавимся от этого ужаса. Просто это любимое детище Константина Львовича — а ему возражать… сами понимаете. Рейтинги всё ниже и ниже, а Константин Львович не может бросить это…

— Подождите, подождите, — грубо отрезал Олег. — Идея проекта отличная. Надо просто поменять его философию. Вы не понимаете, как это надо делать!

Я посмотрел на Никонову и еле-еле удержался от смеха. С какой нежностью и покорностью она смотрела на коллегу.

«Ну, нет же, женщина-монстр не смотрела бы так на человека, осадившего её прилюдно», — подумал я. Хотя, возможно, если Олег был бы девушкой, то Никонова вырвала бы ему все волосы на голове прямо при мне без всякого бокса.

— Надо сделать реальный боксёрский поединок с реальными людьми — обычные мужики, настоящие. А не ряженые — как в проекте вашего Константина Львовича. Участник программы — тот, кто пострадал от несправедливости, ему некуда жаловаться. И вот проект даёт любому россиянину шанс, возможность как мужчине вызвать на реальный боксёрский бой своего обидчика — хоть политика, хоть чиновника, хоть своего соседа. Получится народное шоу. Его будут смотреть и любить. Потому что настоящий русский человек всегда за поиск истины и восстановление справедливости в честном бою!

Никонова повела себя после этой поэтически-восторженной речи очень странно. Ничего больше не спрашивала, некоторое время сидела молча, и о чём-то думала. Подвижность грудной клетки говорила о большом волнении. Когда мы уходила, она встала проводить нас до дверей, оставаясь в состоянии близком к анабиозу.

В конце той неделе история с губернатором Александром Черногоровым получила продолжение. 16 мая президент Медведев отправил того в отставку — это было первое подобное решение нового президента. Узнав об этом глава Первого канала Константин Эрнст хвалил Наталью Никонову — за информационное чутьё: ведь на «летучке» с руководством глава Студии спецпроектов говорила о вероятности этой отставки и своих мыслях о съёмке этой истории. Хвалил Эрнст Никонову и за *её новые* идеи о программе «Король ринга»…

Через неделю после той встречи с Натальей Никоновой Олег уже работал на Первом канале, ещё через неделю — и я тоже… И это было большой глупостью. С нашей стороны. Нормальный человек там работать не может.

Всё-таки, это — женский телеканал. Телеканал, который делают несчастные женщины для несчастных женщин. Я понял,

что если собрать группу несчастных женщин в одном месте, они устроят ад как самим себе, так и окружающему миру. Почему-то несчастная женщина считает, что если она сделает что-нибудь плохое другому человеку — в первую очередь, конечно же, другой женщине — то ей от этого станет чуточку лучше.

Если на НТВ у сотрудников ещё остаются какие-то рефлексии, то тут люди живут и наслаждаются в жижице скандалов, интриг и *расследований.* «Без комплексов» — это не только название программы на Первом канале, это фирменный стиль канала, его лицо, его философия. Душа. Массовое помешательство. Человек здесь — ничто. Своё мнение — ничто. Сочувствие — ничто. Сочувствие — это слабость. Поражение. Сочувствие позволительно лишь в тактических целях — наигранное. Это мир жестокости. Периодическая публичная истерика и взаимное унижение здесь было нормой. Образом жизнедеятельности сотрудников телеканала. Почти каждая вторая здесь была маленькой начинающей Митковой. Нтвшники, ау, у вас там одна Татьяна Ростиславовна на всех, а тут такие бегают толпами. Мир Инь, обозлённой, взбесившейся — из-за дефицита настоящего Ян.

Здесь не было опоры в людях, вчерашние союзники и подруги детства могли прилюдно переругаться, а враги стать подругами — обниматься, поцеловаться при всех, но продолжать распространять друг про дружку грязные слухи, интриговать, пакостить. Сейчас объясню проще. Каждый, кто учился в обычной отечественной школе, наверняка наблюдал мир тех девочек, которых не любили родители — вечные ссоры, какие-то планы жестокой мести, бойкоты, травли, слёзы, краткосрочные и не поддающиеся логике союзы. Помните? Вот это сотрудницы Первого канала. Я эту карусель взаимоотношений не мог понять. Нет, конечно, в качестве эмпирического опыта это было интересно. Но цель, цель какая у этих вечных боевых действий? В этом не было логики. Всё-таки в интригах на НТВ была хотя бы какая-то логика. Мужская. Даже если интриги плели женщины. А тут даже мужчины одеваются как женщины, ведут себя как женщины, даже разговаривают как женщины.

На Первом канале главное не мозги, главное — это должность. Я понимаю, так во всей стране, и, даже, во всём мире — приблизительно. Но здесь всё было намного грубее, выпукло, категорично. Чем незначительнее занимаемая должность сотрудника, тем большим ничтожеством он сам себя считал. Сам! Безропотным, послушным, бесправным. Обычный начальничек здесь ощущает себя всесильным феодалом по отношению к нижестоящим. Все поклоняются правилу: «Я начальник — ты

дурак. Ты начальник, я — дурак». Такая особая «поза 69». Неглупых — по-настоящему неглупых — и даже одарённых людей здесь много. Но, попадая на Первый, приходя на работу, они теряют свои качества индивидуума, попадают в некий психологический ступор — первоканальный синдром, фатум, проклятие «позы 69».

Та же Никонова… Потом увидел её настоящее лицо. Может, самая острая фаза весны закончилась. А, может, она привыкла — ну, скажите, как же ещё относиться к нижестоящему по должности? Как к личности??? Неужели, кто-то может не принимать эти первоканальные правила игры, насмехаться над ними? Как это — подчинённый может иметь свою точку зрения? Вот она начальник — значит, должна передвигаться по Останкино в сопровождении пышной свиты из шести-семи своих любимиц — на инспекцию вкалывающих крепостных вместе с ними, и поесть в столовую, и даже в туалет вместе с ними. А ещё она может устраивать на синекуры своих многочисленных родственников, подружек, подружек подружек, бывших любовниц мужа и сына его проктолога. Так ей полагается. По должности. Но вот, попадая к своему начальству — Константина Эрнста и его Семье — сама превращается в крепостную, в ничтожество. Безропотное, послушное, бесправное. Ожидая часами приёма у дверей его кабинета, будет сидеть тихо-тихо, стараясь слиться с узорами обоев. А представ непосредственно пред Его очи, превращается в ручного бандерлога без собственного мнения. Сидит перед этим большим босом, сжимая в потеющих ладонях кипы бумаг с чужими идеями и свою большую чёрную сумку, с которой, видимо, она даже спать ложится ночью. Трясясь всем телом от страха, что не сможет выплатить свои бесчисленные кредиты, что подставит своих многочисленных родственников, подружек, подружек подружек, бывших любовниц мужа и сына его проктолога. Да и, вообще, начальство надо бояться. Так ей полагается. По должности!

Единственная счастливая женщина на Первом канале — условно, счастливая: не понимаю, в чём здесь счастье, но так считают многие — супруга Константина Эрнста Лариса Васильевна Синельщикова. Не люблю трогать чужих жён, но с этой потерявшей от власти голову женщиной с замашками барыни другая ситуация.

В чём заключалось её счастье? Её счастье крайне осязаемо — это несколько компаний, которыми она управляет. Помимо рекламного агентства ООО «Мандарин», это ООО «Зеленая Студия», «Новая компания», группа компаний «ВИД», группа компаний «Красный квадрат», ООО «Оранжевая Студия», ООО

«Красная Студия», Первое поле, «Синяя Студия», «Белая Студия», «ТехноСтайл», «Катапульта Продакшн». Это множество компаний производит до 80 процентов всего телеэфира Первого канала.[136] А Первый канал их покупает. По ценам, которые взбредут в *светлые* головы Константина Эрнста и Ларисы Синельщиковой. Такой вот высококреативный семейный бизнес.

Конечно, с точки зрения бизнеса естественно, когда бОльшую часть телевизионного продукта производят маленькие (или не очень) студиии-подрядчики, а большие телеканалы закупают у них готовые программы. Производственные компании более мобильны, а телеканалы сосредоточены собственно на вещании. Это мировая практика. Но не в российском случае. В России вокруг каждого крупного телеканала кормятся свои, близкие или полностью принадлежащие теле-боссу производящие компании и продюсерские центры. Компаниям со стороны, обычным журналистам или режиссёрам «с улицы» с их проектами вход закрыт. При смене руководства на том или ином телеканале сразу же меняется список избранных компаний. Это общероссийский бич, который исключает — и убивает — реальную конкуренцию и развитие на рынке производства телевизионных программ. Что и видно по эфиру.

Однако, у самой знаменитой «теле-семейки» всё это же получается ещё более пышно и грубо. То есть Эрнст и Синельщикова думают, что это выглядит «дорого и круто», но, в действительности — пышно и хамовато грубо. Мало того, что главы юрлиц — Эрнст и Синельщикова — муж и жена, так всё производство, оборудование, фактические адреса одни и те же. Правильно — всё, как в нормальной семье: в один котёл, всё перед глазами должно быть. Некоторые сотрудники Первого канала одновременно являются — юридически — сотрудниками и некоторых вышеперечисленных компаний, получают там зарплату, премии.

Например, знаменитая ООО «Зелёная Студия», в которой меня юридически оформили, в отличие от Олега, у которого действовал договор с ОАО «Первый канал» (он пришёл на телеканала на месяц раньше). Юридический адрес этой компании — город Москва, ул. Космонавтов, дом 18, корпус 3. За девять месяцев работы я там был всего пару раз — получить справку о доходах, зарплатную карту и т. д. Столько же — у гендиректора ООО «Зелёная Студия», кабинет которого, кстати, тоже находился в Останкино, в одной из комнат компании «ВИД». Фактическое место работы у меня было на Первом канале и фактические руководители — оттуда. При заключении договора меня долго убеждали, что это нормальная практика — в реальности работать

на Первом канале, но юридически быть оформленным в одной из «семейных» компаний телеканала. У компании два учредителя — она самая, Синельщикова, и опять же принадлежащая ей и мужу компания с необычным названием FLEXCOR TV HOLDINGS LIMITED, зарегистрированная на Кипре — город Лимассол, 3105, улица Архиепископа Макария III, 223, Авеню Корт, 2-й этаж. Не очень изящно, не правда ли? Сейчас многих сотрудников, у которых действуют бессрочные договоры с Первым каналом, заставляют уволиться и оформить трудовые отношения с этой ООО «Зелёная Студия» — шантаж, угрозы. Отбиваются единицы. Тоже не очень изящно получается…

Это же простейшая, классическая схема отмывания денег, коррупции и воровства, в которой может разобраться студент второго курса любого юрфака. Что самое необычное — про семейный бизнес Лужкова и Батуриной знает вся Москва. Но по наглости хищения Эрнст и Синельщикова переплюнут мэрскую семью. Это же телевизионный продукт, «высокое искусство», «оно бесценно», то есть можно пихнуть за несколько миллионов долларов. Это же не мешок цемента, который не продашь дороже 500 рублей, даже при самых изворотливых махинациях в документах.

Такие демонстративно примитивные схемы воровства возможны только при абсолютной поддержке сверху, при одобрении и поощрении Системы. А что?! ООО «Байкалфинансгруп» можно, а ООО «Красный квадрат» — нет?

Конечно, если бы Первый канал был бы частной компанией предприимчивой семейки Эрнста и Синельщиковой, все эти финансовые махинации можно было считать одной из форм управленческого мазохизма. Но ведь этот телеканал — крупнейший в России, с самой большой широтой покрытия территории страны сигналом вещания: потенциальная аудитория — 98,8 процентов населения. Контрольный пакет акций ОАО «Первый канал» (51 процентов) принадлежит государству: у Росимущества — 38,9, у ИТАР-ТАСС — 9,1, у ТТЦ — 3 процента акций. Правда, остальные 49 процентов акций у компаний ОРТ-КБ (24 процента), Растрком-2002 (14 процентов) и Эберлинк-2002 (11 процентов) — структур толи Романа Абрамовича, толи Владимира Путина. Председатель совета директоров ОАО «Первый канал» — руководитель аппарата правительства Путина Сергей Собянин. И телеканал входит в обнародованный в декабре 2008 года правительством Путина список системообразующих предприятий, которые могут рассчитывать на государственную поддержку в различной форме во время кризиса.

Блин, снова Путин. И это, кстати, не случайно.

Происходящее на главном телеканале страны — это результат, в том числе, и его креативных планов. «*Национальный лидер*» мечтает о российской общественно-политико-экономической модели по примеру японской: мол, «Единая Россия» как Либерально-демократическая партия Японии[137], высокие технологии — как в Японии, покупательная способность в России — как в Японии, производство — как в Японии, дороги — как в Японии, а российские госкорпорации — это знаменитые кэйрэцу. Ну, балдеет «национальный лидер» от всего японского — наполнит вечером ванну-джакузи у себя в подмосковной резиденции, смахнёт туда щепотку сушёных цветков сакуры, ляжет в неё и балдеет. Вот император кто — не понятно? Наверное, Путин, как главный дзюдоист России и большой поклонник сашими, ждёт, когда страна ему предложит эту уютную *должность*, это мягкое *кресло*. Но я не об этом. И не о распространении моды на харакири и других необычных японских обычаев, которые логично напрашиваются, если уж честно копировать опыт соседней страны. Сейчас я об институте японских кэйрэцу[138] — мечте идеологов российского госкапитализма. Об этих легендарных Mitsubishi, Mitsui, Fuyo, Dai-Ichi Kangyo, Sumitomo… Конечно. Сейчас. Семьи. Говорят же вам — это Япония и японцы, традиции, репутация крови, честь фамилии, культ долга перед Японией и императором, моральный кодекс Бусидо, сформулированный самой элитой. Опять же, гражданский институт харакири, традиция камикадзе. А не семейки, где детки от бессмысленности и пресыщенности ударяются в наркотики, а родители обмениваются супругами, устраивают коллективные *элитные* оргии, чтобы хоть какие-то чувства от половой жизни испытать. Они свою элиту в гражданскую войну не вырезали и не выгоняли за рубеж. Потому в России пока получаются лишь потешные семейки Лужкова-Батуриной, Эрнста-Синельщиковой, Михалковых, братьев Ковальчук и прочий балаган. Хотя бы одна из них на Sony тянет? Ну, не тянет. Какие из них дворяне?! какая ещё элита?! обычная дворня! Не пойдут, например, владельцы Fuyo на массовые увольнения сотрудников, что в Японии считается страшнейшим ударом по деловой репутации — массовых увольнений больше работников боятся сами японские работодатели. Разве опустится руководство Sumitomo, включающая в себя помимо высокотехнологичных производственных, ещё и компании, выпускающие стройматериалы, например Sumitomo Osaka Cement, до махинаций с ценами на цемент и асфальт. Понимаю, у России свой, особый путь. Пока у одних «Дорого и круто!», у прочих — голый шиш. У *них* жемчуга мелкие, у некоторых щи пустые, а у

третьих — и щей-то нет…

Японские семьи, традиции, японская социально-политическая модель? Конечно! Пока реальная традиция на российском ТВ — это программа «Поле чудес» и ночная порнушка на РЕН-ТВ каждую пятницу.

Люди! Даже ассирийская семья Каламановых, владеющая палаткой по чистке и ремонту обуви у дома 27 на Грузинском Валу дорожит традицией и репутацией семейного бизнеса больше, чем главный теле-клан страны. Вот дали Константину Львовичу и Ларисе Васильевне огромный телеканал. Творите — для истории, для вечности, для репутации фамилии, служите Отечеству. А у них ума хватает только на то, чтобы воровать, заказывая друг дружке безвкусные программки. Только китч, пышно оформленный. Фейерверк золотой пыли. Пшик — и всё! Где «уникальная барная стойка»? По какому адресу в Москве она теперь находится, а? Хочу на неё облокотиться… Эх, какие традиции, какая история, род? Семейная реликвия Анастасия Приходько — это Mitsubishi по-российски? Петь не умеет, себя вести не умеет, стареет на глазах, ездить тоже не умеет…

Наша с Олегом главная ошибка была в том, что мы считали — идём работать на государственный телеканал. Российской Федерации. Ну, я уж точно в это верил. А *они* думали, что мы пришли батрачить в их семейный бизнес.

Олегу обещали запустить с осени его проект «Большое событие». А до этого времени мы должны были себя показать в программе, «у которой ужасные рейтинги».

Вот мы наивные…

Source URL: http://ostankino2013.com/dorogo-i-kruto.html

Первый канал. В мире зверей

Те, кто работает на Первом канале, считают себя крайне креативными людьми.

Креатив — штука хорошая и нужная. Но тут креатив какой-то странный. Вернее, креативом на Первом называют странные действия и мысли. Наверное, это из-за масштаба. Ну, из-за ощущения каждого отдельного сотрудника, что он работает на главном и самом большом телеканале страны. Из-за ноющей мысли, что Первый канал у россиян на домашних пультах на кнопке под номером «1». Такая магия цифр. Зависимость от цифр. Ответственность, однако.

Потому каждый отдельный сотрудник тут боится всего обычного — простого и понятного. Естественного. Живого. Между собой коллеги с Первого канала это состояние формулируют так: «Нет, просто говорить нельзя, здесь простая мысль (простой заголовок, простая история) не пойдёт! *Так не делают!* Надо сказать (придумать название, придумать (!) историю) эээ… эдакое, чтобы, бл. ть, ну, как это, ну… ну, чтобы оно и вау…. ну и… ну… чтобы оооо!.. и чтобы все поняли — что это Первый!» А ещё любят повторять: «Ну, бл. ть, марку снижать же нельзя. Потому что Эрнст, бл. ть, в эфир не пропустит!» Всё, что не отвечает этим условиям, этим туманным инструкциям, они называют серым и банальным. Всё что отвечает — вдруг, неожиданно — креативным.

Вообще, работа на Первом канале плохо влияет на творчество. Мало того, она плохо влияет на мировоззрение. Вот приходит сотрудник Первого канала домой после работы, а дома — семья, ужин, дети, домашние питомцы. И вроде бы нужно просто нежно приобнять жену, поцеловать детей и всем вместе просто сесть за стол. Но он уже так не может. Он же привык к креативу. Он смотрит на свою скучную семью — как его скучная жена и скучные дети несут блюда из кухни, вздыхает от скучного вечера и начинает мечтать во весь потенциал своей фантазии. Вот бы сейчас у него в квартире начались какие-то «Гонки на выживание» — домашние идут из кухни в столовую, а в коридоре их ждут препятствия, испытания, барьеры, взбесившиеся быки и французы… А перед самой дверью в столовой на них бросается Владимир Познер — с журналом «Итоги» в руках, но имитирующий внешним видом и речью Дмитрия Нагиева. И вот когда домочадцы, наконец, уже доберутся до стола, окажется, что стола нет, да и не столовая комната это, а каток, на котором Иван Ургант и какие-то звёзды танцуют танец пресноводных

дельфинов. Или же из приготовленного женой салата — простого салата: огурцы с помидорами — почему-то должен выглядывать кусок любимой раковины вождя племени с острова Савайи в Океании; а этой раковиной тот любит прикрывать свои интимные места; а этот вождь ещё в 93-м году вцепился в волосы Майклу Муру — хотя, нет, не Майклу Муру, про Мура они не знают, без Интернета про него не вспомнят — вот, Майклу Джексону на «Закрытом показе» во время просмотра «Ирония судьбы -2», за то, что тот назвал Джоконду Джорджем Бушем.

Если не удалось скреативить вечером в семейном кругу — ужин не удался. А так как не каждый вечер им удаётся скреативить в семейном кругу, то выглядят они плохо — истощёнными, неудовлетворёнными, непризнанными.

Ну, а если у какой-нибудь сотрудницы Первого канала сын дёрнул за косичку дочку, тут всё предсказуемо — креативная мама соберёт родственниц, соседок, школьных подружек, а также учителей сына женского пола в гостиной, рассадит их на диванах и в креслах, а сына на табуретке перед всеми, и вся эта компания озабоченных амазонок из городских джунглей примется эмоционально обсуждать его асоциальный поступок — ну, как принято во время программы «Пусть говорят» — поступок, напоминающий поведение её *неблагодарного мужа, оставившего* эту креативную женщину *с двумя детьми*. Доводить ребёнка до слёз и истерик, делая из него потенциального пассивного гея-мазохиста. А ещё эта мамаша периодически будет надоедать в коридорах Останкино другим креативным коллегам женского пола и звёздам шоу-бизнеса с попытками выяснить их мнение о поведении *её сыночка*, да и вообще о манерах *современных мужчин*. Я серьёзно. И ведь ни один орган опёки и попечительства не лишит такую дуру родительских прав, никакой Павел Астахов не почешется. Потому что она ведь креативная сотрудница Первого канала…

Даже к тексту юридических документов здесь подходили *креативно*. Например, мой договор с ООО «Зелёная Студия» начинается такими словами: «Уважаемый Мирзоев Эльхан Ашраф оглы, Ваша работа с нами — это новый и неповторимый шанс, который предоставляет Вам возможность развить Ваши способности и осуществить карьерный рост. Мы уверены и в том, что Ваше решение работать в Зелён**ая** Студи**я** ООО (*так в тексте договора — Э.М.*) приведёт к плодотворному и взаимовыгодному сотрудничеству.

От имени Зелён**ая** Студи**я** ООО Генеральный директор компании рад предложить Вам заключить трудовой договор (контракт), который регулируется следующими условиями:..»

Не знаю, может, составлявший такой текст юрист подрабатывает в сетевой компании?

Не знаю.

Название программы, в которой нам с Олегом предстояло работать — «В мире людей» — это тоже результат мыслительного процесса сотрудницы Первого канала. Какой из них точно — неизвестно, но Наталья Никонова приписывала этот креатив себе.

Вначале программу хотели назвать проще и ближе к контенту — «Жесть». Откровенно и честно.

Ну, лавры трэшовых программ НТВ не дают успокоиться менеджменту Первого канала — собирают же урожай рейтингов тамошние «максимумы», «чсп» и всякие «русские сенсации». Вернее, этим программам специальные прикремлёвские же карманные компании приписывают урожаи рейтингов. Особенно — программе «Максимум», жемчужине нового нтвшного стиля. Три года Эрнст сидел, смотрел субботний праймовый эфир НТВ, наблюдал рейтинги (то есть оценку настоящего хозяина) программы и кусал кулачки, рыдал, злился. И, наконец, решился — запускает у себя на канале — в субботу, в прайм-тайм — такое же… ммм …такой же продукт. Тем более, трэш и юмор ниже пояса (на современном теле-языке: «ржач») — два наиболее поощряемые сейчас из Кремля телеформата.

Нужен ведущий. Думали, думали. Креативили и придумали. Ага — Божена Рынска она же Евгения Львовна Рынская — «светская львица», и, говорят, клон Ксении Собчак, но наивнее. Ну, такой вот креатив. А что? Получите!

Пока готовились к первому эфиру, случился скандал — несостоявшаяся ведущая, но «состоявшаяся светская львица» влюбилась (вернее, вступила в экономические отношения) в одного из бывших топ-менеджеров ЮКОСа, который сидит в Лондоне и вдруг стала агитировать в Интернете за другого бывшего топ-менеджера ЮКОСа, который сидит в России.

Пропал такой ценнейший специалист для Первого канала. Такое созвучие бы было… Как это ни сложно, пришлось думать ещё. После долгих и нудных коллективных ковыряний в носу придумали — трэш должен нести в массы кто-то, о ком эти массы хорошего мнения, от кого они не ожидали. Такая незапятнанная личность. Ностальгическая. Дроздов! «Дядя Коля». Точно — Николай Николаевич Дроздов, человек непосредственный, безобидный в жизни, а это всегда чувствуется по ту сторону телеэкрана — камеру не обманешь!

А название? Название, название… Эврика! Его программа как называлась? «В мире животных» — это же советский бренд! Вот и будет называться новая программа «В мире людей». Отлично!

Премию Наталье Никоновой. Никонова также утверждала, что лозунг программы — «В мире людей важно оставаться человеком» — тоже придумала она. Гордилась им. Это так же, как если сказать: «В уборной главное — стойкость и сострадание к самой себе». И за этот тупой ляп — тоже премия! А идея программы будет такой — ведущий Дроздов, как добрый дядя-модератор, озвучивает тему сюжета, потом в эфире идёт сам сюжет, а потом «дядя Коля» его комментирует.

Это они называют креативом. А? Да, да. Да! Креативно дальше некуда — по самые помидоры. Вот за что я люблю первоканальный креатив! Нет, не за самоуверенную нахрапистую тупость, но за открытое её демонстрирование всей стране. Искреннее. Бред? Но вот так вот там. Включаешь «ящик», находишь первую кнопку — и вот оно. Смейся до упаду — камеру не обманешь!

Говорят, Николай Дроздов последним услышал про этот креатив, а, услышав, взвыл и стал отбрыкиваться от предложения способом, подсмотренным им у кенийских зебр. У него, мол, и здоровье не позволяет — не подействовало! у него своя программа на другом телеканале — отменим, перекупим! да он не любит такие темы, не лежит, блин, душа — ха! а кому сейчас легко?! ну, и, в конце концов, у него конференции о дельфинах и амазонских ужах — ха! и хи-хи! И сотрудницы Первого канала упорно ему названивали, устраивали засады в подъезде, потом под надуманными причинами выманивали в Останкино и скопом набрасывались на своей территории. А когда в дело вмешался Эрнст и стал мягко угрожать, Николай Николаевич сдался, как раненый лев. Закон джунглей. Закон Системы. Эти современные теле-начальники… Разве этот вид доминирующих млекопитающих остановишь? Они всё равно пропихнут, протолкают — у них же задание, миссия, поджопник из Кремля.

Уже за это *их* стоит стерилизовать. Дроздов — это же ребёнок. Это же детство. Это же как фильм «Гостья из будущего» и пронзительная книжка «Звёздные приключения Нуми и Ники». Как батарейка «Смена». Мандарины на Новый год. Как гости дома каждое воскресенье. Наше детство. Светлое, чистое, наивное советское. Иллюзорное.

Единственное, что смог себе выбить Николай Николаевич — это приезжать в день записи программы, читать в студии «подводки» и «отводки»[139], которые за него писали редакторы, и быстро уносил ноги. Он даже сюжеты не смотрел — всё дело в монтаже, программа же шла не в прямом эфире. А многие до сих пор уверены, что комментарии Дроздова принадлежат самому Дроздову и, вообще, якобы он активно участвовал в подготовке

программы. Ну, конечно — темы выбирал, героям звонил, командировки пробивал, тексты правил, ругался с операторами. Конечно…

Программа шла уже полгода. Весь этот трэш: насилие в семье (как родители протыкали щипцами язык одному ребенку и насиловали другого); урны с прахом, потерянные в морге; про внебрачные связи погибшего артиста и политика Михаила Евдокимова; брошенную маму Данилко-Сердючки; про скандалы в жизни звёзд; про педофилов; про сексуальное рабство мужей-иностранцев — это, по мнению руководства, и есть мир людей. А комментарии ведущего, вообще, выглядели комично — например, показали историю о том, как муж бьёт жену, а Дроздов читает «в кадре» написанный для него такой текст: «Ой, ну что же делать? Как хочется попросить мамочку, чтобы она простила мужа. Но он тоже должен попросить прощения. И они снова станут большой дружной семьей. Давайте, ребята, давайте!»

Не получалось у Первого — «как на НТВ». Этот же мусор там делают опытнее и профессиональнее. Вот Наталья Никонова и понадеялась на нас.

Редакция программы «В мире людей» находилась на 13 этаже АСК-1. Схематично — это такой длинный коридор, в котором гипсокартонном соорудили четыре длинные и узкие, как гробы, сквозные комнаты.

Предмет, с которым у меня до сих пор ассоциируется наша редакция — это грязные *зассанные* диваны КЛИППАН. Когда-то они были нежно белого цвета и продавались в мебельном супермаркете ИКЕА. Потом на них натянули ярко красные чехлы, и они появились в студии программы «Пусть говорят». Целый теле-сезон их видела вся страна, на них сидели герои и гости программы, ругались, ссорились, подыгрывали, аплодировали, предавали, ёрзали, чесались, и чехлы почернели от грязи. Тогда их сняли, и диваны оказались в первоначальном нежно белом цвете на 13-м этаже АСК-1 в редакции программы «В мире людей». Теперь на них сидели во время «летучек» сотрудники Первого канала, придумывали идеи, креативили, ругались, ссорились, подыгрывали, предавали, ёрзали, чесались, а ещё, сидя на них, пили, а ещё их использовали в качестве пепельницы, бывало, что на них извергали избыточный для организма алкоголь. Иначе, как объяснить эту какофонию запахов — от желудочного сока до дорогих духов — исходившую от них? И откуда на них этот слой грязи и палитры цветов, в которой превалировал багровый? Много багрового. Огромные багровые пятна. Вначале я думал, что это кровь. Высохшая. Я думал, здесь кого-то резали. Успокоили старожилы Первого канала — это

вино. Вино странного запаха. Некоторое время, боясь испачкаться, я не мог заставить себя сидеть на них и стоял во время «летучек». Но я быстро привык.

В редакции программы «В мире людей» было ещё много необычных предметов. Один неработающий принтер, но старожилы помнили, что когда-то он работал. Про другой принтер такого никто не мог сказать. Ещё один их собрат иногда печатал — когда в нём была краска, но это было очень редко. Был ещё старый телевизор, который показывал только НТВ — плохо, но показывал — а остальные 2–3 канала можно было только слушать. Кулер, в котором за семь месяцев моей работы три раза была вода. Последние два месяца воды было много — несколько огромных бутылей воды, но сам кулер куда-то унесли, и, чтобы налить себе воды в стакан, нужна была помощь ещё одного человека. Факс, у которого иногда было хорошее настроение, и он соглашался отправить документ — хотя с потраченными на это усилиями легче было выиграть в лотерею «Золотой ключ». Техники Первого канала отказывались признать факс сломанным, потому что аппарат ежедневно исправно выдавал какие-то белые листы — на краску денег у редакции не было — видимо, присылаемые на Первый канал документы. На некоторых столах стояли старые мониторы без процессоров, и сотрудники конфликтовали из-за работающих компьютеров. Мебель тоже была старая, в основном неисправная. Один идеальный стул выбил для себя Олег Пташкин. А я, например, просидел девять месяцев на кресле, сиденье которого постоянно пыталось крутиться вокруг своей оси, но никак не хотело подниматься выше двадцати восьми сантиметров от пола — приходилось печатать на клавиатуре, положив локти на стол. Старый стул, малодушно и подло похищенный мною из соседней редакции «Малахов+», выпросили у меня девушки-коллеги. Но я быстро привык.

А ремонт… Грязно-серые стены, чёрный от сигаретной копоти потолок, деформированный глухой ламинат. Наверное, ремонт не делали здесь со времён основания на этой территории Останкинского кладбища. Но больше всего издёвки было в окнах — в их функциональности и в их символичности. В символичности их функциональности.

Окна. Огромные, тяжёлые, с массивными железными рамами. Дескать, такой символ открытости, ясности, света — свободы. Видимо, так задумывалось — чтобы смотрящие снаружи так думали… Так задумывалось. Но эти огромные, массивные «символы свободы» — лишь очередная витрина, они выполняли эстетическую функцию, для внешнего вида здания: в нашей

редакции (как и почти везде в Останкино) эти окна открывались лишь на небольшую узкую щель. И летом мы мучились от духоты, обливались потом, ругаясь, строя интриги друг против друга из-за единственного вентилятора. Зимой же помимо того, что в нашей редакции часто барахлило отопление, от этих огромных окон сильно дуло, а я сидел спиной к одному из них: когда было очень тяжело, заставлял себя думать о морозах во время блокады Ленинграда в Великую Отечественную. И это помогало.

Окна. Окна были покрыты слоем грязи и корками птичьих испражнений. Стёкла никогда никто не мыл. Окружающий мир сквозь них выглядел мутным и мрачным, тусклым и тоскливым. Если долго смотреть на мир через эти окна, душу начинают одолевать либо мизантропические, либо суицидальные настроения и мысли. Я старался в них не заглядывать…

Вообще, это было техническое помещение — весь 13-й этаж Останкино, в АСК-1, являлся техническим. Работать тут было запрещено — по всем документам. По всем документам, тут никто не работал. Но мы работали…

Наверное, так было задумано. Чтобы сотрудники сидели на сломанной и вонючей мебели, глядели по сторонам — на удручающее рабочее место, на эти серые стены, на неработающее оборудование… и креативили. От тоски. Потели летом, мёрзли зимой. Представляли себе лучшую жизнь. Мечтали. И креативили.

Кроме нас, спасать программу направили группу сотрудниц Первого канала — одну из бригад программы «Пусть говорят». Лучшую бригаду программы «Пусть говорят».

Это очень занимательные люди. Я, наконец-то, увидел их вживую. Мне удалось заглянуть в глаза людям, которые делали самый отвратительный продукт российского телевидения.

Место своей бывшей работы они называли ПГ [«пэгэ»] — от начальных букв в названии «Пусть говорят». Я их называл ОПГ. Им это нравилось. Оказалось, люди они неплохие, но исполнительные. Послушные. Это Ольга Ялунина, Елена Удалова, Юля Данилова и искусно втеревшийся в этот коллектив мальчик — Влад Каменовский. Во главе у них стояла Аида Ганеева — по моему определению, «лидер ОПГ». Её и назначили руководить редакцией программы, хотя эту должность Никонова обещала Олегу.

Это отчаянно исполнительный и послушный человек. Себя она считала очень креативной. Самой креативной в Останкино. Готова была объявить войну тому, кто с этим был не согласен. Говорила, что умеет «придумывать (?-!) самые интересные истории» — ну, она так воспринимала телевидение; так многие в

профессии воспринимают телевидение. Перед тем, как произнести слово «репортаж», она на секунду замирала и косила глазами, а потом выдыхала: «ррЭпортаж» — ну, правда, слово необычное, явление незнакомое, анормальное. Почему-то ассоциировалась у меня с образом Троцкого Л.Б. Речь у неё отрывистая. Женщина она нервная, легковозбудимая. По врождённой классификации — брюнетка.

А ещё своей обязанностью Аида считала следить за нами, «подозрительными нтвшниками». Её рабочий стол находился в ближайшей к выходу из редакции комнате: всё и все перед глазами — когда пришли, когда пошли покурить или поесть. Первый же лист, который я смог распечатать на редакционном принтере, она вырвала у меня из рук и с жадностью прочитала — ничего не поняла и устроила мне допрос…

В конце моего первого дня работы на Первом у нас с Олегом состоялся следующий диалог:

— Слушай, куда мы попали?

— Чё ты ноешь? Чё ты опять ноешь?

— Ты думаешь, нам здесь дадут работать?

— Ты что — дурак?

— В каком смысле?

— Слушай, — решил прервать цепь вопросительных предложений Олег. — Это же шанс! Если получится — мы будем делать здесь свою программу.

— Ты думаешь? Ты в это веришь?

— Конечно. Всё от нас зависит.

— То есть — от тебя и от меня?

Ладно. Я тоже хотел в это верить. Получится — отлично, не получится — будет опыт. Эмпирический. В этом уже был смысл.

Тем более, что на первой же «летучке» мне выпало делать тему про Великую Отечественную войну. Под названием «Завтра была война». Для эфира программы 21 июня. Такая тема.

— А ещё мы можем Пугачёву позвать?

Мы сидели с ней в комнате одни. Она активно исполняла должность начальницы.

— Позвать? Куда позвать?

— Ой, не позвать… Это я по привычке, — отмахнулась Аида и закурила сигаретку с ментолом. — То есть записать с ней интервью для этого… ррЭпортажа. Надо ей факс отправить. Официально, на бланке Первого.

— Чего? Пугачеву??? — засмеялся я. — Пугачева тут при чём, Аида?

— Ну, Аллу Борисовну Пугачеву, — удивилась она, и вдруг задумалась. — Ты, вообще, знаешь, кто такая Алла Пугачёва?

«Нет, я трудовой мигрант. Гастарбайтер. Я знаю, как подметать улицы и мешать цементный раствор», — подумал я, но вслух сказал другое:

— Какое она имеет отношение к Великой Отечественной войне?

Аида тяжело вздохнула и отвернулась к окну. Потом потушила сигаретку с ментолом и сразу закурила новую. Этой сценой она продемонстрировала свою мысль: «Эльхан, какой же ты тупой!» Но вслух сказала другое:

— Так! Уясни! — раздраженно, но, мне кажется, не теряя надежды, начала она мастер-класс. — У Первого канала есть свой стиль. Наши зрители хотят видеть в эфире звёзд. Они доверяют их мнению. Это авторитеты нашего общества.

— Ага. Так, так…

— А Пугачёва, — взмахнула она одной рукой, а другой поднесла сигаретку к тонким губам, и вдруг запнулась от переизбытка почти поэтического пафоса. — А Пугачёва… Это же… это же… безусловный авторитет среди наших сограждан! Это же Пу-га-чё-ва! Это же рей-ти-нг! Её вся страна обожает! Ты представляешь — сколько людей она привлечёт к твоему… ррэпортажу?!

Я слушал и думал — она шутит. Вот сейчас выскочат из соседней комнаты коллеги и станут надо мной смеяться. А я не смогу им доказать, что слушая Аиду, всего лишь подыгрывал ей.

На всякий случай я сделал паузу.

Она не шутила. Ничего не произошло.

К тому же, имя Пугачёвой Аида произносила с трепетом в голосе, заботой. Нежно. А по телу в этот момент пробегали еле заметные судороги восторга. Словно она держит в руках икону «Апостолы Пётр и Павел»[140]. Или собственноручно бальзамирует тело Владимира Ильича Ленина — прямо в Мавзолее.

Она не шутила. Это был атас!

— Какое она имеет отношение к Великой Отечественной войне?

Аида тяжело, откровенно вздохнула. Почти застонала.

— Ну, скажет что-то о войне! Главное — чтобы она что-то сказала! Ты понимаешь?? Пошли факс с просьбой о съёмке, понятно? А потом надо будет тебе поговорить с её помощником. Я дам тебе его телефон… Нет, нет, нет! Ты пошли факс. А с помощником я сама поговорю! Если нам повезёт, она согласится. Потом придумаем вопросы…

Позже я узнал — Пугачёву на Первом доставали все редакции по любой теме. Долго. Упрямо. А та упрямо отказывалась. Пугачева для этих людей — это эталон жизненного успеха. Этот

Брежнев попсы — их кумир. Авторитет. «Безусловный авторитет среди наших сограждан!» Ну и, конечно, Эрнст не воевал с Пугачевой… Знаменитость, с которой у Эрнста или его жены начиналась война (*обнародованная война до последней капли крови*), умирала для эфира Первого канала — вдруг, но также вдруг, неожиданно могла и воскреснуть — как только у неё начинался мир (*обнародованный мир до гробовой доски*) с этой семейкой… С Пугачёвой они не воевали. Ну, потому что для Эрнста и его жены Пугачева тоже эталон жизненного успеха. Кумир. Авторитет.

— Аида, я не буду звонить, писать смс, отправлять электронные и бумажные письма Пугачевой. Факс я тоже не собираюсь ей отправлять! И даже телеграмму.

— Как это? — она застыла и, наконец, посмотрела на меня.

— Да что это такое, а?! Какая нафиг Пугачева?!

Пока Аида сидела, застыв с широко открытыми глазами и наполняя комнату запахом ментола, я ретировался.

Звёзды — это для них главное. Это — боги! Навязанные, назначенные кумиры. *Звёзды* — по любой теме. Артистки, певички, юмористки. Артисты, певцы, юмористы, выглядящие и ведущие себя как артистки, певички, юмористки. Актёришки и актёрки. Обилие *звёзд*. На всех телеканалах-каналах. Искусственные, карманные, послушные. Всегда готовые. Свои!

В основном — бездарности. Редко — очень-очень редко — продавшиеся художники. И уже не художники. Их держат на крючке. Они нужны. Отвлечь. Увести в сторону. Иллюзия смысла. Иллюзия жизни. А когда надо — поддержать. Тех, кто их назначил. «Безусловным авторитетом». *Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.*

Часа через два после нашего разговора, мне снова пришлось столкнуться с Аидой — хотел курить, пришлось покинуть комнату.

Она сидела на том же диване и даже — в той же позе. И тут у нас произошла профессиональная дискуссия — почти научная.

— Эльхан, Эльхан, ты можешь объяснить… ну, как бы… что не так?

— Аида, это же так называемый «большой репортаж», тематический, так? Здесь должны быть реальные истории, много полевых съёмок. Живые истории людей, жизнь которых война изменила. Некоторые истории я уже нарыл. Я готов обсудить их.

— А Пугачёва? — обиженно попросила она.

Какое-то время мы молчали и смотрели в глаза друг другу.

— А она что — воевала? Или была интернирована? Или в концлагере сидела?

— Ну, почему ты так, а?! Это же шанс получить интервью со звёздами — с большими звёздами — для такой темы. Про войну. Они не откажут. Вот у нас в программе «Пусть говорят» мы делали однажды выпуск про Победу, 9 мая. Так согласились прийти даже такие люди, которые нас обычно посылают.

— Ну, так то ток-шоу, — сказал я, едва не добавив «ваше дебильное».

— А что? Нельзя для… ррЭпортажа записать звёзд. Это же — самое важное!

— То есть репортаж будет состоять из «говорящих голов» Пугачёвой, Киркорова, Валерии?.. С Игорем Крутым Эрнст ещё воюет?

— Ну, там всё сложно, — тяжело вздохнула Аида, расстроилась. — Сложно там… Ну, есть ещё другие звёзды. Надо обговорить каждую кандидатуру с руководством. Изменения у *них* постоянно происходят… Не стабильно всё… Потом можно добавить военную хронику. Жалостливую историю — бабушек-ветеранов каких-нибудь…

— Да, Аида! И получится ток-шоу «Пусть говорят» ваше деби… ээммм… ну, «Пусть говорят», только не в студии…

Дискуссия зашла в тупик. Мировоззренческий. Культурологический. Какое-то время мы снова молча изучали друг друга взглядами.

— Понимаешь, — неуверенно начала она. — У Первого канала есть свой стиль…

— Я понял! Я понял! — перебил я.

— Но звёзды должны быть! — отчаянно завопила Аида — успела выпалить.

— Ладно, ладно. Не звёзды, а знаменитые люди. Вот есть история Жореса Алфёрова. У него на войне погиб старший брат — Маркс, 1923 года рождения. Прошёл Сталинград, под Киевом погиб. В 41-ом 21 июня у брата был выпускной бал, а 22-го — их семью эвакуировали из-под Ленинграда в Москву. Здесь они жили в Метрополе. Есть у меня идея — снять его в этой же гостинице, где он не был с 41-го года. Походить с ним по коридорам, снять в том их номере, и, по ходу, записать «живое» интервью — в том числе и про войну. Алфёров — для всех пожилой человек, большой учёный, политик, но до сих пор называет брата уменьшительно-ласкательным Марксик. Мне кажется, получится яркая история: для него война это, в первую очередь, личная трагедия — потеря брата.

(Так и получилось — учёный с мировым именем, Нобелевский лауреат ходил по Метрополю, трогал ту мебель, удивлялся нынешним ценам — 1500 долларов в сутки — и с полными слёз

глазами рассказывал про то, как они тут жили, как играли с братом, как потом уже он с матерью отсылал на фронт самый ценный тогда детский дефицит — конфеты, прямо в письмах, разрезав их на пластины. И Маркс их получал — даже армейские цензоры, вскрывавшие письма, не трогали эти маленькие, но тёплые подарки из дома).

— А из мира кино будут люди?

— Из мира кино… Можно записать интервью с Владимиром Этушом, он сам воевал. А для таких людей война — это не государственнический пиар, не героический эпос к определённой дате. Попросим его рассказать о правде войны: о реальном военном быте, о страхе, об опыте жизненном, который дала война… А ещё — Алексея Владимировича Баталова. Во-первых, он снимался в фильмах про войну. А главное, он из того поколения, которое должно было бы пойти на фронт, если бы не победа в 45-м — Баталов родился в 1928 году. То есть мальчишки, почти ровесники того поколения — всего на несколько лет старше — они положили свою жизнь — и только потому жили все остальные. Для многих советских людей, актёров — это была данность, это не надо было объяснять. Как бы они могли создавать такие настоящие образы на экране?!

Аида выглядела довольной.

— Я с Баталовым, Этушем, Алфёровым разговаривал уже — они согласны на съёмки.

— Можешь ведь, когда захочешь, — заулыбалась эта девушка.

Но, мне показалось, что довольна она была только из-за того, что в «…ррЭпортаже» будут громкие имена.

— Понимаешь, Аида? И Алфёров, и Этуш, и Баталов — люди занятые, время и формат съёмок ограничен. Да и их столько раз про войну расспрашивали. Но есть и простые обычные люди, истории которых интересны и нисколько не менее значимы, чем история той или иной знаменитости. Не менее трагичны.

Есть три истории. Одна из них про школьных выпускников 41-го года. 21 июня у них был выпускной бал, а на следующий день началась война. Я предлагаю снять её с ветеранами, встретившими войну в Бресте. 22 июня они не просто услышали про войну, они её увидели. Для них Великая Отечественная — это не только кровь, смерть, ужас. Война у этих семнадцатилетних мальчишек отняла молодость, самые прекрасные годы. Со школьной парты — попали на войну. Я сейчас договариваюсь с белорусскими чиновниками, ветеранскими организациями — обещали помочь. Говорят, такие ветераны-выпускники 41-го есть…

Аида меня уже не слушала — думала о чём-то своём.

— Школьники? Школьники, — вдруг заговорила она. — Слушай, это же идея! Давай запишем для …ррЭпортажа интервью с Чериченко.

— Напомни, это кто?

— Ты что? Ирина Чериченко. Играла Искру Полякову в фильме Юрия Кары «Завтра была война».

— Я, честно, не очень хорошо помню фильм, а что — там про войну было что-то?

— Ну, как же?! Фильм назывался как? «Завтра была война», так?

— Но фильм же не про войну. Про предательство, там любовь, чистки 30-х, предвоенное поколение. Или я забыл что-то…

— Да нет же. Ну, название. Ассоциация. Фильм называется «Завтра была война» — и у нас… ррЭпортаж называется «Завтра была война». Там школьники — и у нас про школьников будет. Чериченко сейчас тоже в сериале про школьников снимается — «Ранетки» — очень мне нравится. Когда успеваю — смотрю. Ассоциация, связь. Понимаешь?.. Кроме того, у руководства планы, связанные с нею. Возможно, возможно… А это очень важно!..

На следующий день на «летучке», когда подошла моя очередь, рассказал ещё об одной истории.

— Вот бывший военнопленный Николай Лилеев из Питера. Попал в плен в самом начале войны. Работал на ферме у эстонской семьи Рооз, ел с ними за одним столом. Потом работал в Германии у немцев-крестьян Лауксов. После войны репатриирован в Союз. Отсидел 10 лет. После — нашёл ту эстонскую семью, а в 90-е разыскал ту семью немцев. Переписываются. Часто туда к ним ездит.

Есть ещё одна тяжёлая история. Про немца Хельмута Хейслера и советского солдата Николая Кузьменко. Оба были в плену. Хотя на фронте немец, рядовой связист, не сделал ни одного выстрела, после войны его дома встретили как героя — тех, кто прошёл плен, у них уважали. Сделал карьеру чиновника, защитил докторскую по философии. В Лейпциге большой дом, пенсия. А Кузьменко, несмотря на то, что в плен попал с тяжёлым ранением, прошёл через фильтрацию в НКВД. Всю жизнь был изгоем, работал грузчиком. Потом мизерная пенсия, развалившийся домик под Полтавой, нищета, залатанные калоши. Так вот этот немец Хельмут Хейслер случайно узнал про Кузьменко и два последних года отправлял ему часть своей пенсии. Стали друг с другом переписываться, всё хотели встретиться. Но вот совсем недавно оба умерли. Тоже друг за

другом…

Тут некоторые из ребят стали хохотать. Нет, это был гогот.

— Не понял? — разозлился я. — Что тут смешного?

— Ну, ты рыл эту историю, — понеслось со всех сторон. — А они, оказывается, умерли. Смешно получилось…

— Да, это очень весело. Всё понятно с вами. А об этих людях — есть эксклюзивная съёмка: их «синхроны», «картинка». Одни из коллег снимал и того, и другого — пытался организовать им встречу, переводил их письма. Просит за неё немного — 500 баксов. Это покроет его расходы на работу.

— Макаров не даст этих денег, — выпалила Аида. — Надо будет поговорить с Никоновой.

Андрей Макаров был тогда официальным главой ООО «Зелёная Студия», которая якобы производила программу «В мире людей», зицпредседатель — подписывал документы после визы Натальи Никоновой и других реальных руководителей.

— Посмотрим, — отмахнулся я. — Деньги — это не важно! Главное — история: трагедия двух бывших военнопленных, один жил в нищете, другой — в достатке, уважаемым членом общества. Мы и этого коллегу, Игорь Родионов его зовут, можем снять — расскажет, как помогал им общаться. Прямо на могиле Николая Кузьменко под Полтавой запишем «синхрон».

«Летучка» подходила к концу, ребята стали расходиться. И тут Аида меня задержала — у неё открылось второе дыхание.

— Что-то меня эта история не трогает. Слишком она простая.

Но, наткнувшись на мой удивлённый взгляд, продемонстрировала высший пилотаж креативного мышления «а-ля Первый канал». Придумывала на ходу:

— Плен, концлагерь, узники — это хорошо. Но нужна драма! *Серьёзные переживания!* Надо найти бывшего заключённого конкретного концлагеря — лучше женщину, такую старушку божий одуванчик. Потом поискать каких-нибудь бывших надзирателей из этого лагеря. Есть ведь среди них ещё живые?! Какого-нибудь такого немца, поджарого старичка. Возможно, с той узницей у них были хорошие отношения. А, возможно — возможно! — с этим бывшим фашистом у неё была любовь в концлагере. И надо, чтобы они встретились, поговорили, расплакались, поцеловались в кадре…

Теперь пришла моя очередь. Как же я смеялся! Ну, не мог остановиться. Такого я никогда не слышал, и, наверняка, не услышу. А она сидела с серьёзным видом и обстреливала меня яростными взглядами.

— Что такое? Что такое? Что такое? — застрочила она, а затем приняла угрожающую боевую позу.

— Хорошо, хорошо. Я поищу, Аида, — с трудом произнёс я. — А если найду такую узницу, а она скажет, что никаких положительных чувств к фашистам-надзирателям у неё не было?

Она не заметила сарказма.

— Это не важно! Женщина-узница и мужчина-надзиратель — немец. А мы их уговорим подыграть.

— А если не согласятся, а?

— Но это же… ррЭпортаж! Это же не в студии! Можно закадровым голосом об этом сказать. А их «на камеру» попросим походить, взявшись за руки…

— Аида, — с нежной улыбкой затаившегося Чикатило тихо позвал я.

— … они будут ходить, держаться за руки, оператор снимает красивый план сзади, они что-то говорят друг другу, он смотрит ей в глаза, она опускает голову, тут — крупные планы, потом можно какую-то аллею… да, точно аллея — они идут по ней, между деревьями, медленно удаляются, сентиментальная музыка…

— Ааиида, — затаившийся Чикатило призывно зашевелил бровями.

— Что? Почему? — вздрогнула она.

— Дорогая Аида, я понимаю — у тебя воображение есть, но простая жизнь всегда интереснее, чем сериал для женщин и программа «Пусть говорят».

Так в первый раз я обидел женщину с Первого канала.

Конечно же, я не видел Великую Отечественную войну. Меня ведь тогда не было. Меня, вообще, могло не быть из-за неё.

Мне про неё постоянно напоминают. Я сам постоянно думаю про неё. Многие полагают, что она для них не существует. Но и для них она не закончилась.

Для кого-то та война — повод для гордости. «Великая победа». А для меня — трагедия моей семьи. В первую очередь — трагедия моего деда с отцовской стороны. Отца папы. Призванного в Красную Армию через два дня после её начала — 24 июня 1941 года. Ровно через год — 24 июня 42-го — под Ростовом-на-Дону попал в плен. Окружение, тяжелое ранение — всю жизнь потом с парализованной рукой. Мой дедушка… Прошёл концлагеря: в Украине — под Кременчугом, в Германии, Австрии. Выжил. Освободили в предпоследний день войны английские войска. Предлагали эмигрировать… Потом репатриация в Советский Союз. И снова лагеря — теперь уже Родины — фильтрационные, потом спецпоселения — те же концлагеря. За что?! Уголовного дела ведь не было! А так надо было. И он всё равно выжил. Дошёл до родных.

И потом жил в нищете. Нищете. Изгой в советском «правильном обществе». Говорили, мол, «изменник Родины». Мог работать лишь угольщиком и сторожем. Ему не простили. В нищете! Он, сын состоятельного человека, моего прадеда — землевладельца, фермера (по нынешним меркам его состояние — несколько миллионов долларов), раскулаченного в 30-е. Это был мой дедушка. Молчаливый, замкнутый человек. Он не сдавался. Не ломался. Только в семье его понимали и любили. Потому что его ждали все годы. Потому что он вернулся. Лагеря, боли, препятствия, «пропал без вести», обман, угрозы. Всё в прошлом. Дошёл! Не сломался.

Это трагедия его брата. Который тоже был в плену. Им не повезло: они попали на войну в самом начале — в первые месяцы и годы той мясорубки. Когда с одной винтовкой на троих. Когда «Вперед, бл. ть!» — на пулеметы. Толпой, стадами гнали. Мол, так надо для Родины. Нет, в них не видели людей — *это* был пушечный фарш, не люди, а боевые единицы. Брату деда повезло — избежал «проверки» в советских лагерях, потому что бежал из плена — несколько раз — прятался, партизанил. Живым вернулся на родину под конец войны. Вот что для меня победа 9 мая!

Это трагедия моего народа — 300 тысяч выходцев из Азербайджанской ССР (десять процентов населения республики) погибло во время этой не нашей войны. От Бреста до Берлина. Через оборону Москвы и Ленинграда, через Сталинград, Курскую дугу, Прибалтику, Украину, Восточную Европу. Не наша война.

Нет, для меня Великая Отечественная точно не показуха с георгиевской лентой, от которой несёт пиаром кремлёвских менеджеров по рекламе — нет в этом души, сочувствия, личной памяти. Массовость, стадность — есть. Пустая показуха. Открытка. Одной рукой тратить деньги на пиар, на помпезный парад, а другой — давать деньги на поддержку скинхедовских, националистических группировок. Они могут. Для них память — это имидж-проект, с бизнес-планом, с расходной частью, доходной.

Для большей части советских людей война была болью, страданием. Сейчас это надо забыть, сейчас та мясорубка — это шоу, михалковский блокбастер, это «Покажи сиськи!»

«Имидж страны»… Репутация страны — в отношении общества к своим гражданам, вообще, и к заслуженным, в первую очередь.

Для блокбастера деньги найдутся. Для парада — тоже. Ведь это для «имиджа страны». Для современных политических целей. Чтобы собрать зарубежных гостей, показать подкрашенную технику, пусть убедятся — «Великая страна!» Всё ради теле-

картинки. А те, кто делал эту победу… Сколько из них до сих пор *валяются* в земле, не найдены их кости, никто не ищет, не хоронит. А сколько ветеранов доживает в домах престарелых: те, кто ещё ходит, дерутся в столовой за «добавку», за кости для бульона, тряся друг перед другом орденами и заслугами, а «неходячие» — брошены умирать, гния в испражнениях. Многим другим повезло немного больше — дети их держат в надежде получить квартиры, и старики ползут на поклон чинушам, унижаются. Почему не наоборот? Потому что и сейчас в них не видят людей. И сейчас они — пушечный фарш, боевые единицы. Для теле-картинки.

Ирина Чериченко перед съёмкой всё не могла понять — в чём идея интервью, цель. А что ей скажешь? Права.

— Ребята, объясните, а? Там про войну — пару строк в титрах в самом конце. Фильм к Великой Отечественной никакого отношения не имеет. Он о предвоенной эпохе, предвоенном поколении. Когда иллюзии разбиваются о реальность…

— Давайте сделаем так — Вы на вопрос о нынешнем поколении можете ответить? Сейчас Вы играете в сериале мать старшеклассницы. Что Вы думаете — как бы себя нынешние молодые повели, окажись они на месте тех? Ну, которые школу в 41-м заканчивали?

— Я понимаю — это важный вопрос. Самой это интересно. Но почему я? Ну, нелогично…

Мне было стыдно.

На командировку нам дали всего пять дней: Украина — Полтава, Ивано-Франковск, город Броды Львовской области, а потом Беларусь — Минск, Брест и обратно в Москву. Просил неделю — руководство посчитало, что слишком много.

Командировка начиналась весело. У Первого канала были проблемы с деньгами. Мне так объяснили. Руководство решало — как бы сэкономить. Хотя бы на гостинице. Предложили — можем ли мы с оператором снимать днём, а ночь проводить в пути: спать в автобусе, поезде, в крайнем случае — на вокзале. На полном серьёзе предлагали. Я возражал — мол, а мыться мы должны будем в Днепре, да? Как бездомные индусы в Ганге? Понимаю, командировки в «горячие точки» — там часто воды, чтобы зубы почистить, не найти. Но… «Это же Первый канал! Здесь на Первом всё дорого и круто!» А денег выделили — на прожиточный минимум.

Пока думали-решали, наступил крайний срок выезда в Украину — мы могли опоздать, провалить все договорённости. И тут руководство испугалось. На поезде — уже не успеем, билеты на самолёт остались самые дорогие. И в Киев с оператором

Максимом Дороховым летели бизнес-классом, билет в один конец — больше тысячи долларов. Вот всё у них так…

Официальный глава ООО «Зелёная Студия» Андрей Макаров вплоть до последнего дня не подписывал приказ о выдаче командировочных. Не потому, что не хотел, а потому, что так на Первом принято. Логика в этом организационном бардаке была. Ведь всё могло поменяться в самый последний момент, кардинально. Так что — зачем подписывать документы, выдавать командировочные, договариваться о точной дате, если всё может быть изменено. Или, вообще, отменено.

Платить украинскому коллеге за «исходник»[141] про Хельмута Хейслера и Николая Кузьменко Макаров тоже не торопился. В последний день мне об этом сообщили в бухгалтерии. Бросаю дела, бегу к нему в кабинет.

— В чём проблема, я не понимаю? Никонова же визу поставила.

— Нууу, — попытался этот скользкий человек поиграть в начальника. — Понимаете — это же дорого!

— 500 долларов за эксклюзив — это дорого?

— А ты можешь ещё с ним поторговаться, а? Мы, например, сюжеты заказываем в провинции за 50-100 баксов.

Я поднялся и собрался уходить.

— Понятно! Торговаться не собираюсь. Я могу сам из своего кармана заплатить.

О! Это на него подействовало. Видимо, для них это было анормально. Так человек не может говорить.

— Ну, что Вы?! Ну, что Вы?! Всё, всё, всё! Подписываю, подписываю. Вот — смотрите.

Детский сад… А, может, он перед новым сотрудником хотел выпендриться. Ну, комплексует человек: название должности громкое, секретарша, кабинет, водитель, представительские расходы, а в реальности — от него требуется только подписывать документы, выполнять поручения Никоновой и Синельщиковой…

Украина. Ивано-Франковск. 12 июня.

Ветеран 14-й гренадёрской дивизии «Галичина» пан Володимир Малкош в своей квартире рассказывает нам, что войну встретил за линией фронта — в Галиции. Достаёт из шкафа свой парадный китель и с гордостью показывает нам свои медали.

— Это медаль за участие в УПА. Эта медаль за Броды. Эта медаль за Норильское восстание. Когда умер Сталин мы подняли восстание — два месяца бунтовали. Потом заехали кавалеристы, техника и… — старик тяжело вздыхает. — Лагерь потом наш расформировали.

На свои 84 года он не выглядит. Подтянут. Старается держать

осанку. Да и парадная форма немецкой дивизии его стройнит. Очень доброжелательный, интеллигентный и искренне мягкий человек. Пока идём на встречу с его фронтовым товарищем, разговорились.

— Наша дивизия входила в состав элитных войсковых соединений Waffen-SS. Мы карательными операциями не занимались. Не путайте нас с полицейскими силами SS. Нас немцы целый год тренировали, прежде чем мы попали на фронт. А в дивизию я вступил добровольно — в 19 лет, это было весной 43-го.

— Зачем? Вы же могли отсидеться?

— Как это так — отсидеться, — ветеран удивляется — даже остановился — но потом доброжелательно улыбается: — Я же нужен был Украине.

Это пан Малкош говорит просто — словно о чём-то естественном.

— Мы считали, что от большевиков Украине больше зла, чем от немцев. Мы же видели! Знали, что они сделали с украинской интеллигенцией, с деревней. Проводили насильственную русификацию. Немцы с украинцами на оккупированной территории вели себя намного, намного грамотнее. В 43-м все уже понимали, что немцы уйдут, и с Красной Армией Украина останется один на один. А как воевать без оружия, без подготовки, без армии.

Летом 44-го пан Малкош попал в окружение под Бродами. Не смог вырваться с основными силами дивизии, скрылся в лесах. Вступил в УПА[142] (во фракцию бандеровцев). В начале 46-го был арестован и провёл в советских лагерях почти 23 года.

— Не жалеете? Вся молодость прошла ведь…

— Нисколько! Нисколько! Молодость прошла не зря… Для Украины — не зря!

Задумался.

— Никто нас в дивизию не гнал. Мы очень хотели там служить — сами. Надеялись, что обучимся, получим оружие, пройдём бои, закалимся, а потом из нас будут создавать первые боевые соединения независимой Украины. Только за этой целью туда шли. Очень много желающих было попасть в дивизию — конкурс был почти шесть человек на одно место. Как в университет.

И снова улыбается. Искренне, как ребёнок.

Это другое поколение. Сделаны, словно из стали. Не ломаются. Сейчас это называют — тупой нонконформизм, пытаются обосновать, объяснить меркантилизмом их действия. А это — просто другая порода. Не испорченная эпохой потребления

и кредитами, жалостью к самим себе.

Вот его боевой товарищ пан Михаил Мулык — так на несколько лет старше, скоро 90, сухощавый старичок в бейсболке и в смешном клетчатом пиджаке, а рукопожатие крепче, чем у молодых парней в Останкино. И сознание ясное: говорит «о той войне, о Сталине, о Гитлере, о лагерях» жёстко, почти всё — нецензурное. Не такой интеллигентный как пан Малкош, лихой казак. Глаза блестят, горячится — да какой он старик! А шутит по-настоящему — смешно, по-мужски.

Пока искали транспорт, прошли с ним пешком несколько километров. Потом вместе перекусили в забегаловке — по заказанным блюдам видно, что ветеран о диете не думает. Предлагаю выпить за встречу — пошутил. А пан Мулык парирует: «Только водку!»

— А не опасно для здоровья? — растерялся я.

— Да я что — баба? Что со мной станет?!

Продолжение мысли ветеран объяснил в непечатных выражениях.

Выпили. Осторожно спрашиваю о бывших противниках, ветеранах Красной Армии. Тут он отвечает твёрдо, но без крепких слов.

— Они делали то, что им приказывали. Им отвечать перед своей совестью. А я счастливый человек. Я увидел то, о чём всю жизнь мечтал, за что воевал, бил, пока мог врага, за что потом меня пытались ломать — мою независимую Украину. Вот она! Смотри!

Кстати, ветераны разговаривают с нами по-русски. Стараются нам всё объяснить. Без показного патриотизма. Ни разу нас не попрекнули нашим местом работы.

— Давай за твоих земляков-азербайджанцев, которые за нас — на нашей стороне — в УПА воевали, — предлагает пан Мулык. — Очень хорошие бойцы были, смелые… Мы это помним…

Выпили…

Часа через два мы уже недалеко от города Броды, в местности между сёлами Червоное и Ясеновцы Золочевского района Львовской области. Ухоженное кладбище на склоне холма — лес белых намогильных крестов. Рядом часовенка. Пантеон воинам. Вокруг тихо, поют птицы, рядом трасса на Львов. Здесь в июле 44-го дивизия «Галичина» вместе с остатками немецких войск из других дивизий попала в окружение 1-го Украинского фронта Красной Армии — это был знаменитый «Бродовский котёл» Львовско-Сандомирской операции.

Тут ветераны преобразились. Носятся по холму. Волнуются,

путаются то в русских, то в украинских словах. Рассказывал в основном пан Малкош, а его товарищ в основном кивал и кряхтел, чертыхался.

— Вот в этом месте мы прорывались из окружения. Здесь, на холмах была Красная Армия. А мы прямо у них на ладони — по этой низине, там раньше деревьев не было, всё простреливается — пробивались в сторону Карпат. Столько здесь наших полегло! Здесь были самые тяжёлые наши бои.

Ветераны утверждают, что для Сталина уничтожение дивизии «Галичина» было принципиальным вопросом. Соотношение сил было неравным. Из окружения вырвались лишь около трёх тысяч — из почти 15 тысяч солдат и офицеров украинцев.

— Вся низина была покрыта погибшими. Раненных было столько!.. Чтобы не попасть в плен, многие стрелялись. А кто попадал в плен — его уже красноармейцы расстреливали.

Пан Малкош был в крайнем волнении. Забегал между крестами, пытаясь прочесть надписи. Потом подбежал к нам, стал хватать за руки, показывать таблички на крестах. Этим ветеранам тоже важно, чтобы помнили.

— Где вместо надписи крестик — там немец лежит, где трезубец — там украинец. Здесь есть могилы и красноармейцев. Надо смотреть, надо смотреть — где похоронен красноармеец с солдатом дивизии «Галичина»… И там, в земле, они примирились.

Когда через час мы покидали это мемориальное кладбище, Пан Малкош вдруг стал виновато оправдываться. Как я понял — перед своими боевыми товарищами.

— Мы знали, на что идём, готовы были умереть. Мне ведь было всего 19 лет, когда я вступил в дивизию. И мы знали, чем война может кончиться. Мы не хотели сдаваться в плен… Ну, как кому повезло…

В паре километрах от этого памятного места — неухоженный мемориальный комплекс в честь воинам 1-го Украинского фронта. Потрескавшиеся плиты зарастают травой, отвалившиеся буквы, запущенность, забвение.

Здесь мы записываем интервью со Степаном Гелета, старшим лейтенантом Красной армии и полковником казачьих войск. Для него война закончилась в 44-ом в 18 лет — орден, медаль «За отвагу» и инвалидность на всю жизнь. Он живёт и работает в Ивано-Франковске — председатель совета областного отделения Всеукраинского объединения ветеранов. Наверное, поэтому для него та война — и Великая Отечественная, и братоубийственная.

— Политика у Сталина здесь тогда была неправильная. Раньше была пропаганда, нельзя было об этом говорить: в 39-ом

большевики получили Западную Украину по договорённости с фашистами, и сразу начались преследования, аресты украинских активистов. Их, кстати, в 41-ом массово расстреливали перед отступлением. Так вот — те, кто мог — удирали на запад. А немцы их подбирали. Создавали всякие диверсионные группы и т. д. Использовали всё это очень грамотно!

— Но Вы ведь воевали за Красную Армию. Вас-то немцы не смогли использовать.

— Воевал! Как все! Поймите, вначале войны немец не представлялся абсолютным злом. Люди не понимали этого. Почему четыре миллиона советских солдат сдались в плен немцам до декабря 41 года, а?! Как же так?!.. И только после того как увидели, что немец уничтожает всех, тогда народ поднялся и пошли против них… Но за Сталина не воевали.

— Для Вас ветераны «Галичина» враги?

— Сейчас — нет!

Всех трёх ветеранов привозим на гору Жбир у села Ясенов, что почти у города Броды. Летом 44-го несколько тысяч бойцов дивизии «Галичина» закрепились на ней, отрезав Красной Армии дорогу на Львов (сейчас это международная автотрасса М-06 Киев-Чоп). Колоссальные потери были у обеих сторон.

Поднимаемся на неё. Верх горы когда-то был изрыт окопами, воронками. Но хотя следы той войны уже почти исчезли — покрылись высокой травой, кустарниками, деревьями, но эта высота до сих пор представляет ценность — бои здесь и сейчас продолжаются. На самой вершине разбросаны обломки — остатки взорванного 8-метрового памятника воинам дивизии «Галичина». [143] Рядом — нетронутый крест, видимо, компромиссный для противоположных сторон.

Ветераны разошлись в разные стороны. Молча ходят, думают о чём-то, вспоминают. Мы тоже их не расспрашиваем.

Подошёл пан Малкош и, смешивая украинский с русским, стал взволнованно объяснять.

— Мы же не шли в Белоруссию, не шли в Польшу, в Россию. Мы защищали свою Родину. Свою Украину. Это разве трудно понять?

Подхожу к Степану Гелета. Он тоже переживает.

— Ходил здесь и представил себе, какая здесь была мясорубка.

Здесь, за гору Жбир он не воевал, но последний бой офицера 1-го Украинского фронта недалеко отсюда был не менее кровавым.

— Нас 11 раз поднимали в атаку. Почти все были уничтожены, погибли. Всё вокруг завалено трупами. Крики

раненых в ушах. Нигде в кино я такого не видел, чтобы было столько трупов. А я был тогда молоденький — паренёк.

К нам подходят ветераны «Галичины». Все трое стали переговариваться.

— Вот вы сейчас мирно общаетесь. А ведь тогда, окажись вы друг против друга, поступили бы по-другому, — толи спрашиваю, толи утверждаю. Сам понимаю, что глупый вопрос, но мне надо, чтобы они ответили.

— Я был в форме красноармейца, они — в немецкой. Конечно бы, стрелял. Они тоже бы стреляли!

— Да, мы тоже бы стреляли! — удивляется вопросу пан Мулык.

Пан Малкош озвучивает главную претензию ветеранов «Галичины» к противникам — не раз уже это слышал, много читал об этом.

— В бою, когда их в плен брали, мы над ними не издевались. Старались помочь. А они нас в плену расстреливали, раненных жестоко добивали.

— К немцам лучше относились, чем к нам! — вдруг возмущается и режет пан Мулык. — Как же так?!

— Было такое? — спрашиваю.

Ветеран Красной Армии отворачивается:

— Да, да. Было. Было такое.

Потом между собой соглашаются — им троим делить нечего. Накрываем стол, разливаем водку. Самое интересное — тосты разные: «За павших!», «За здоровье!», даже «За Родину!», но ни разу не прозвучало — «За победу!»

— Нет, у меня лично к ним сложное отношение, — говорит бывший разведчик Аркадий Бляхер. — Отрицательное!

14 июня. Беларусь. Брест.

Вечером после съёмок сидим в ресторане в знаменитой крепости с тремя ветеранами Великой Отечественной войны. Сегодня мы устроили им праздник — повели их на выпускной вечер в одной из школ города. Это была реконструкция — выпускные в Беларуси в тот год прошли в первых числах месяца, а руководство на Первом «так рано» не согласилось на командировку. Нам помогли белорусские чиновники: снова собрали школьников, устроили концерт, бал. Особенно помогли Александр Жук из обладминистрации и сотрудник белорусского МИДа Михаил Снопко — поняли мою просьбу и помогли.

— Было очень красиво, — признавался потом Аркадий Моисеевич. — Тогда в 41-м немного не так было. Не было таких причёсок, такой красивой одежды. Мне перешили костюм моего брата: был такой фасон — «чарльстон» — короткие облегающие

пиджаки и широкие брюки. Тогда последний крик моды для ребят.

На следующий день после выпускного вечера началась война, и он почти сразу попал на фронт. По сравнению с двумя другими ветеранами — Иваном Лялько и Борисом Карасёвым — Аркадию Бляхеру ещё повезло: для тех это вообще первый выпускной в жизни — в 41-м они не успели.

— Мы тогда танцевали танго, фокстрот, а ещё — румбу, — с горящими глазами он рассказывает им, словно хвастается как подросток перед друзьями. — А школьный вальс — обязательно! Мы его называли «огненный школьный вальс».

А я снова спрашиваю о наболевшем:

— Но вот ветераны из украинской дивизии «Галичина». У них же тоже своя правда была. Разве — нет?

Отвечают наперебой.

— Мы свой долг выполняли. А они?! Немца мы прогнали. Так, что у него пятки сверкали. А их главная вина — что носили немецкую форму. Это предательство!

Ветераны пьют мало — здоровье. Хотя держатся молодцом. Тоже — порода. Другое поколение.

Когда расстаёмся, Аркадий Бляхер вдруг повторяет мысль, которой можно описать судьбы всех прошедших ту мясорубку страшной войны — она убивала и калечила, и не только физически:

— Дааа. Тоска по молодости, которая прошла в окопах, на фронте, появилась после войны. Я в вуз поступил только в 27 лет. Везде опоздал. И это переносилось тяжелее, чем сама война.

А потом одинокий ветеран говорит мне ещё откровеннее:

— Это я вас благодарю. Старому человеку иногда нужно, чтобы о нём просто вспомнили. Не забывали. Сказали доброе слово.

Мне почему-то становится стыдно.

Моя война началась в Москве. В редакции программы были очень расстроены — я не оправдал их доверие.

Аида ходит и прячет глаза.

— Что такое? — спрашиваю. — Что не так?

И тут её прорвало:

— Вот у тебя была такая возможность! Почему они не подрались «на камеру», а?!

— Кто?

— Ну, эти. Украинцы и этот русский ветеран, а?..

Она имела в виду ветеранов дивизии «Галичина» и Степана Гелету.

— Там же не было даже прилично мата — в адрес друг друга.

— Да мата не было. И они не дрались.

— Почему? — бесилась Аида из-за отсутствия креатива на «картинке». — Вот Олег говорил, что ты опытный …ррЭпортЬёр. Что я теперь скажу Никоновой?! Что Никонова скажет Эрнсту?!

Я не только не знал, что она скажет Никоновой, я не знал, что сказать ей. Не мог же я материться.

И Олег туда же — разочарован. Отвёл меня в сторону и предъявляет.

— Это не конфликт! По канонам драматургии…

— Олег, не старайся, я знаю, что ты скажешь про *каноны драматургии*.

— Ну и где конфликт?! Мы Никоновой обещали…

— Да пошла она на…

— Нет, послушай. Ты меня подставил! Это всё хиловато!

— Олег, я перестану с тобой общаться. Ты чё на поводу у этих дур идёшь?..

Это «магия мундира», фокус-покус, превращение человека в Системе. Рубильник в голове переключается — и она начинает работать по-иному: мысли меняются, принципы меняются, совесть находит и соглашается, принимаешься оправдывать Систему, чувствуешь сопричастность Системе, её целям, подчиняешься её токам, энергии, отдаёшь ей даром свои силы, питаешь и поишь её своей кровью, соками — гипноз, активность сомнамбулы. Это состояние я хорошо знаю.

Подвожу его к монитору просмотрового плейера; показываю видео.

— Вот три старика. Прошли войну, за свои убеждения страдали и сейчас страдают. Войне и убеждениям отдали свою жизнь. Вот, смотри, стоят на этой горе Жбир, у этого поросшего травой окопа и говорят, что стреляли бы друг в друга. Понимаешь? Убили бы друг друга. Это не останскинские геи друг другу угрожают — эти убили бы, поверь, раз говорят. Вот в чём конфликт! И, самое важное, здесь они свою войну уже закрыли. То есть горячую форму войны. Они могут стоять рядом и говорить друг с другом. Даже пить друг с другом. Понимаешь, война была мясорубкой! Люди были в тяжёлых обстоятельствах — до сих пор они пытаются разобраться в своей жизни. Легко говорить, когда знаешь, как сложилась история. Время сейчас не для потешных драк, как в программе «Пусть говорят». И я не считаю себя судьёй кому-то. Надо быть корректными с чужой жизнью.

Говорил я сбивчиво, эмоционально. Но коллегу и друга, кажется, убедил.

— Ну, да, — говорит. — Ты прав, вообще-то.

А другой мой дедушка — отец матери — принципиально

уклонился от участия в войне, воспользовался своим правом на бронь. Потому что ненавидел советскую власть всю жизнь — подростком пережил казнь своей семьи. Это был такой акт устрашения, так начиналась советская власть в карабахских горах Азербайджана. Большевики мстили за своих погибших комиссаров, пришедших за несколько дней до этого устанавливать «власть советов» в горное карабахское селение Зарыслы — нагло, грубо, оскорбив моего прадеда. За что и поплатились мгновенно жизнью — старший брат деда одних застрелил, других добил кинжалом.

Дед жил двойной жизнью: сбежал в другие края, сменил фамилию, скрывал биографию и настоящий возраст, был членом Компартии — всегда носил партбилет при себе — даже сделал карьеру, а дома прятал дореволюционные книги, Коран, ругал власть, ненавидел её. Замкнутый человек с тяжёлым характером. Очень развитый, образованный человек. Не ломался. Всё ждал. И ненавидел! Мой дедушка… Думаю, он стал бы сотрудничать даже с самим дьяволом, а не только с немцами, лишь бы отомстить. Жил с этой ненавистью до глубокой старости. Только перед смертью открыл свою тайну детям…

А *эти* считают себя судьями…

Текст репортажа пытались переписывать по нескольку раз. Все, кому не лень. Даже муж Натальи Никоновой Игорь Борисович Цветков[144] — он исполнял роль (хотя занимал должность обычного редактора с колоссальной зарплатой) цензора в Студии спецпроектов, жена таскает его за собой по всем каналам как декоративную собачку.

Этот человек текст теле-сюжетов читал, как газетный. Не знал, что означает термин «синхрон». Один из прежних корреспондентов-редакторов программы «В мире людей» Инна Панкова рассказывала, что однажды, «правя» её текст Цветков наткнулся на синхрон-лайф[145], обрадовался поводу и важно надул щёки: «Почему эта ваша корреспондентка так неграмотно пишет? Она что — тупая?» — коллеги поймут…

Прибегает Аида с моим текстом. Напуганная, бледная.

— Цветков говорит, мол, надо пояснить в тексте, что такое 1-ый Украинский фронт. Ещё ему не нравится, что слова «отель» и «гостиница» использованы в соседних предложениях. А ещё, что надо пояснить слова этого Малкоша про Норильское восстание.

— Это же в «синхроне» — Малкош показывает свои медали, в том числе ту, которую получил за Норильское восстание…

— Ну, вот — Цветков спрашивает, что ещё за Норильское восстание. И я, кстати, тоже не слышала про такое. Это в 90-е было, при Ельцине, что ли?

— ????!!!!

«О Боже! С кем я делю Галактику?!»

— Да и, вообще, ему текст не нравится. Вот! Смотри!

Протягивает мне листы, исписанные красной *цензорской* ручкой. «Правки» — казенным стилем инструкций по пожарной безопасности, которые висят в коридорах Останкино.

— Я не понял! Так кто-то пишет ещё? «Весьма», «на данный момент», «стал лицом пенсионного возраста», «следует обратить внимание на враждебные факты», «и это наша братская Украина?!» Что за хрень?! Я сейчас пойду и набью ему морду. Где кабинет этого *мужа*?

Олег и Аида меня к нему не пустили.

— Не надо!!! — закричала девушка. — Не надо! Я сама!

— Что — сама?

— Я сама ему отнесу текст. Сама договорюсь…

Хотя я и бился за текст, но мне не важно было, что его переписывают. Главное, чтобы смысл не меняли. Главное, чтобы истории отснятых мною людей были в эфире.

21 июня несколько раз исправленный репортаж «Завтра была война» вышел в эфир без истории про украинскую дивизию «Галичина». Руководство нам передало, что перед эфиром запись программы пожелал посмотреть Константин Эрнст и вырезал этот эпизод, молвив: «Это хорошо, что наши сотрудники думают, как передать разные мнения. Но наш народ к этому ещё не готов!»

Упс! Приехали! «Наш народ к этому ещё не готов!» То есть он, Эрнст, знает и больше понимает, к чем народ готов и что ему нужно. Рассматривать всей страной визуализированные в «забавные картинки» тайные переживания самого Константина Львовича, но выдаваемые за пубертатные галлюцинации бывшего оператора порно-студии Валерии Игоревны Дудинской, скрывающейся под псевдонимом Валерия Гай Германика, народ готов — так Эрнст решил! К часовому теле-расследованию про плесень — готов, а к разным точкам зрения на главную войну XX века, честный рассказ про теракт в Норд-Осте, аварию «Курска» — не готов! Понятно? А я думал, что телевидение нужно обществу, чтобы поднимать социально острые темы. И чтобы общество посредством телевидения само решало и обсуждало: что ему — обществу — нужно, к чему оно — общество — готово, а от чего ему — обществу — надо отказываться.

Сколько лет Эрнст всё бегает в Кремль с идеей телеканала для детей, старше 10 лет, такой «Бибигон» для подростков. Вот разные «школы» для этого телеканала он и будет делать. Не получается у него пока. Но так жаждет — залить всю страну фонтаном своих женских гормонов. Утопить в родном креативе. В

горячке, вдохновлённый и одновременно озлобленный постоянством пассивных оргазмов. Воплями, спазмами, клятвами, потугами, проклятиями. Местью за свою тайну… Не успокоится. Не остановится. Сам не остановится.

В начале июля сотрудникам объявили, что программа «В мире людей» закрывается. Тягаться с НТВ не получалось: не свой стиль, *формат*. Да и накладно. Невыгодно. Ну, как на … ррЭпортажах наворуешь — это же сразу в эфире видно.

Хотя последние выпуски программы перетянули часть аудитории у «четвёртой кнопки». Даже побили московские показатели программы «Максимум». Это была заслуга Олега. Который выстраивал вёрстку программы, бился над выбором тем, продавливал идеи, убеждал в необходимости тех или иных командировок. Сам ездил снимать. Например, в Голландию — репортаж с родины Гуса Хиддинка и взял эксклюзивное интервью у матери главного тренера сборной России — единственный из всех российских телевизионщиков. Как всегда, на Первом, командировка состоялась в самый последний момент: ещё на первой «летучке» я настаивал, что надо делать про Гуса, отправлять съёмочную группу к нему домой в голландский городок Варссевельд, но на это тогда руководство не решилось — не верило! И согласилось только после победы сборной России над Голландией — Олегу подписали командировку за пять дней до следующего эфира программы, и я из Москвы продюсировал и координировал его по телефону.

Не понятно — что им нужно? Шут их знает, что им нужно. Хотя… Им нужно делать продукт за копейки, но чтобы ощущение было, что это масштабное, дорогое, *шикааарное* шоу — ну, чтобы на бумагах получалось «Дорого и круто!» — а бОльшую часть денег украсть. Вот такая у них *программа-максимум*. До сих пор нам с оператором Максимом Дороховым должны девять тысяч рублей за ту командировку в Украину и Беларусь — обещали, заставили писать кипу отчётов, но не заплатили. Мелочь, но неприятно…

Да, лучше ток-шоу — так им воровать легче.

Source URL: http://ostankino2013.com/pervyj-kanal-v-mire-zverej.html

Страна-Участок

— Как же я их ненавижу! Сидят как мышки и ждут, что я придумаю. Каждый день вызывают к себе и смотрят мне в рот, — в который уже раз рассказывал мне Олег. — У самих — никаких идей!

Всё лето 2008 года он ходил удручённый. По его словам, руководство Первого канала требовало от главы Студии спецпроектов Натальи Никоновой концепт новой правовой программы — ток-шоу для наступающего теле-сезона. А та бегала в кабинет к Эрнсту, клялась, заверяла — ну, вот-вот её вдохновение разродится шедевром, а потом вызывала Олега, выбранного ею в качестве литературного негра, и в окружении свиты из своих подружек принималась его пытать. То одно ей не нравилось, то другое: то проект слишком дорогим получался, то не подходил под запланированную ею ведущую — уж очень ей нравившуюся. Утром Никоновой хотелось одного, а уже к вечеру — абсолютно противоположного. Чего-то её душе было охота. Чего конкретно — она сама не могла ни выразить, ни понять. Это есть стандартная, предсказуемая судьба современного российского теле-начальника. Один из законов Системы.

Во всём виноват был Нургалиев. Да, генерал армии Нургалиев Рашид Гумарович. Министр внутренних дел. Любитель йоги, вегетарианец — ни рыба, ни мясо — реинкарнация Анастаса Микояна. Толи казах, толи татарин, толи Рашид, толи *Николай* (такое, говорят, он взял себе имя в православии — но могу ошибаться), толи всё же Рашид — сам не признаётся, подыгрывает.

Так вот. Пришёл Нургалиев летом того года к Эрнсту и потребовал: хочу, мол программу положительную про моё ведомство. Нужен, мол, на Первом канале пиар про «доблестную милицию». Реклама МВД, оплаченная из кармана налогоплательщика.

Да, это модно. Пиар перед налогоплательщиком за счёт налогоплательщика. Это занятие — почти единственное, что развивалось на телевизионном пространстве за последние десять лет. Особенно такие мероприятия обожают госчиновники. А различные начальники-силовики без этих мероприятий вообще чувствуют себя жалкими — голыми и беспризорными. Существование СМИ (особенно телевидения! это же «картинка»!) и кино (это же неограниченный простор для полёта мысли — плёнка всё стерпит!) стало спасением для власти. Зачем заниматься *реальным* делом, если можно, используя «ящик»,

убедить налогоплательщиков и остальные, неплатежеспособные массы в том, что оно — дело, какое-нибудь! — *реально* делается. Более того, в этом они — начальники — хотят убедить себя. Им самим это в первую очередь необходимо: телекартинке они начинают верить больше, чем шокирующим данным внутриведомственных проверок. Статистику телекартинка не меняет, но осадок-то — положительный — остаётся. Они — начальники — больные люди, им требуется медицинская помощь. Каждый из этих забавных потенциальных пациентов — из-за стечения обстоятельств они разгуливают на свободе — в блестящих погонах и орденах из ФССП, СКП, ФСБ, Минюста, Минобороны, ФСКН, МЧС, МВД мечтает, в идеале, иметь свой федеральный телеканал, а как минимум, требует присутствия положительного образа родного ведомства на действующих телеканалах, застолбить свой участок. А ещё мода — наберут в пресс-секретари молоденьких девушек сомнительной красоты: обгоревшие в соляриях, доведённые до физиогномистического абсурда стоматологами и пластическими хирургами куклы барби — ну, такой вкус у этих начальников (вообще, люди в погонах так беззащитны перед силой китча). И вот эти пластиковые женщины будут перед камерами читать заученный текст, мучая многочисленными дублями телеоператоров. Да и слова неважны — по идеи, зритель должен отвлекаться от смысла сказанного на внешность этих глянцевых пустышек. Представляете, как рефлексирует глава СВР, ведь его людям по законам жанра в эфир — не положено…

Посмотрите в окно — что-то кардинально изменилось за десять лет в вашем дворе, районе, округе, городе. Ну, кроме красивых иномарок, тряпок и бизнес-центров — а это не прогресс, это обман, это для того, чтобы вы шли искать денег и потребляли. Ведь потребление дает лишь ощущение прогресса, иллюзию красивой жизни, развития, но им не является. Я о реальном. Исчез ли разбитый асфальт, старые школы и детсады, а человеческие отношения стали лучше или стали хуже, циничнее? Может, построили что-то величественное в вашем городе? Может, милиция и спецслужбы стали работать лучше? Может, люди стали больше читать, больше ценить друг друга, больше дорожить Природой? А вот иллюзию лучшей жизни создать можно, показав её — лучшую жизнь — на телеэкране. Герои сериалов живут в не таких, других квартирах, чем люди из обычной жизни. Дети ходят в не такие, как в моём округе, школы. И я не видел хотя бы одно ОВД, лабораторию эксперта, рабочее место милиционера, напоминающие их экранные аналоги в сериале «Закон и порядок». Да, правоохранительные органы работают только в

программе «Петровка 38» и в выпусках новостей. В обычной жизни они работают, если им дать денег.

Вот ФСКН и ФССП. Их деятельность — это же наглядное пособие. По их медийной истории можно писать диссертацию «Основные тенденции развития российского телевидения (2000–2010 гг.)» Несколько лет назад ведомство, возглавляемое тогда другом президента, рекламировали все телеканалы с утра до вечера. Теперь рекламируют другое ведомство, тоже возглавляемое другом другого президента.

И думает Нургалиев — чем он, Рашид Гумарович, человек послушный, но тоже самолюбивый, хуже Виктора Черкесова или главы ФССП Николая Винниченко? Почему Минобороны можно, а МВД нельзя? Ведь создали этот «государственно-патриотический телеканал» «Звезда», который, якобы, «призван служить одним из инструментов сохранения национального наследия и патриотического воспитания новых поколений». Конечно. Сейчас. Армия за десять лет деградировала больше, чем в «лихие 90-е»: потеряла по всем видам вооружений — от авиации и танковых войск до стратегических ядерных сил [1], целенаправленно — потому что её власть боится больше, чем внешних врагов — превращена в сброд плохих парней, свалку железа, изъедена коррупцией, выдавливающей профессионалов и честных людей. И, естественно, с передавшейся от всего общества заразой неорабовладельческих взаимоотношений — дедовщиной среди солдат и иерархией виннеры-лузеры среди офицеров. А телеканал «Звезда» убеждает страну, что в армии всё хорошо. Понимаю, телеканал стоит дешевле, чем *настоящая* реформа, чем *реальные* дела. Вместо армии во время войны будет воевать этот телеканал, где воруют сквернее, нахальнее, чем в стройбатовской каптёрке? Как в августе 2008-го? Это была армия страны, претендующей на статус сверхдержавы? Даже зная о скором начале проверочного спектакля и сидя в Южной Осетии уже несколько месяцев, управляемая генералами-карьеристами эта армия оказалась неподготовленной к грамотным действиям и неповоротливой из-за старой ломающейся техники. Телеканал «Звезда»… Военный телеканал, а купить бронежилеты для своих сотрудников, выезжающих в «горячие точки», не хотят — нет денег. Зарплату не платят коллегам месяцами, людей обманывают и воруют чужие проекты — тоже, говорят, из-за безденежья. А для своего карманного аутсертинга гендиректор Григорий Кричевский деньги находит — устроил кормушку для себя, для друзей, бывших любовников и своих хозяев-генералов. Как «государственно-патриотическое», как «сохранение национального наследия» — всегда вот так вот получается: точно

воровать будут. Пиар называется. Пропаганда, блин…

Идея нового проекта у Олега была такая: люди, которые столкнулись либо с криминалом, с нарушением их прав, либо попали в сложную юридическую ситуацию, рассказывают в студии о своей проблеме, о своей истории. Тут же сидят эксперты: юристы, адвокаты, правозащитники, чиновники из силовых структур (представители милиции, СКП, ФСБ), психологи, которые дают им советы — как поступить, рассказывают о юридической перспективе вопроса.

Темы планировались самые разные: от квартирных краж, расторжения брака и штрафов ГИБДД до незаконного увольнения, киднеппинга и криминального покровительства («крышевания») бизнесменов. Это был нужный проект! Полезный! И, наверняка, стал бы популярным. Ведь в стране благоденствует не только правовой нигилизм, но и правовой беспредел. И цель программы — чтобы сидящий у телеэкрана зритель, наблюдая за чужой конкретной проблемой, не только узнал, как защитить свои права в похожей ситуации, но и понял — что свои права защищать можно и нужно.

Программа начинала свою жизнь с правонарушения — плагиата. Предложенное Олегом название «Право народа» Наталья Никонова заменила на «Участок». Может, чтобы закрепить именно за своей персоной авторские права — дескать, раз название придумала она, значит, и права на программу ей принадлежат. Обычная практика с наплевательским отношением к авторским правам. Может быть, из-за шедшего по Первому одноимённого сериала — тоска по Сергею Безрукову. Возможно, «участок» из-за слова «участковый». А, может, потому, что ей в голову пришёл очередной креативно-дебильный лозунг (например, «Пусть на ваших *участках* будет всегда спокойно!» или «Наша *участь* зависит от нас самих!») — он ей очень понравился и Никонова решила под него адаптировать название программы… Не знаю. Вероятно, что всё это вместе.

Также руководство было против т. н. профайлов — небольших видеоматериалов о каждом герое — раскрывающих конфликт, его историю. Их предполагалось демонстрировать перед самым обсуждением проблемы, сразу после представления героя зрителям. Начальство решило — это слишком дорого: надо содержать операторов, корреспондентов, оплачивать командировки — ведь многие потенциальные участники живут в регионах. Да и не понимали *они* — зачем это нужно. Вот ток-шоу, обсуждение в студии — это понятно, это как в повседневной жизни — любимое занятие. А профайл — «Это шо такое? Это как …ррЭпортаж?», иди и объясняй, что репортаж, как ведущий жанр

тележурналистики, незаменим в раскрытии проблемы, а репортажность — естественное состояние телевидения. Нет, это для них как маракуйя или джекфрут — понятно, что фрукт — и всё: как он выглядит? не опасен ли? Тяжело женской первоканальной душе постичь это.

Да, это наивно, но мы верили, что на Первом канале можно делать такой социальный, нужный людям проект. Не потому, что лично я такой честный — просто это интереснее, чем трэш и ржач: понимаешь, что не зря тратишь свою жизнь, да и много любопытного можно узнать.

— Лишь бы *они* не пытались превратить проект в очередное «Пусть говорят»? — в который раз делился я с коллегой сомнениями.

— Никонова мне обещала, что будет серьёзная программа. Подтянем сюда ребят нормальных — начальство согласно. Да и мы с тобой научимся ток-шоу делать.

Наступила осень, а проект всё не запускали…

Прошёл сентябрь…

Мировой кризис развязал руки российскому начальнику. На Первом началась первая волна массовых увольнений.

В начале октября в редакции случилась большая пьянка. Не помню конкретного повода, но глобальный повод напиться был. Страх не давал расслабиться некоторым коллегам даже под воздействием алкоголя.

— Нет, с нами ничего не случится! — с самого начала стала успокаивать Аида толи окружающих, толи себя, задав соответствующее настроение всему этому мероприятию. — Нет и ещё раз нет! Нас не могут закрыть. Ну, не могут нас сократить.

Выглядела она очень нервной — больше, чем обычно. Её слова окружающих не убеждали.

— Почему же?! — отозвался Влад Каменовский, единственный мальчик из её команды. — Даже бригады ПГ сократили. По максимуму почистили.

Раньше редакторский планктон Первого канала относился к проекту правовой программы, как к гадкому утёнку: пару раз в общей курилке про «Участок» я слышал мысль, что «там мутят какие-то нтвшники странные». Вот работать в программах «Пусть говорят», «Малахов+», «Розыгрыш», «Прожекторперисхилтон», «Модный приговор» и в остальном подобном теле-мусоре было престижно. В той же курилке их сотрудники могли часами с пафосом рассказывать о приглашённых на ту или иную программу «звёздах», высокомерно меряться друг перед другом именами из шоу-бизнеса и «Единой России». А ещё среди них было принято слегка поругать начальство и, красиво прикрыв

веки рукой и растягивая слова, выразить недовольство зарплатой и ограничениями в медицинской страховке — это они называли «иметь собственное мнение». Почему-то, каждая вторая курила сигареты с ментолом.

Всё изменилось осенью — руководство телеканала стало сокращать сотрудников выпускающих бригад своих любимых программ, и в нашу редакцию зачастило множество народа. Вместе с Аидой они — группами и тет-а-тет — шептались в комнате для «летучек». Но иногда оттуда доносились громкие крики и рыдающие звуки, и тогда можно было разобрать: «Помоги!», «Умоляю!», «Я тебя всегда любила!», но чаще всего — полное страдания «Прости!»

Несколько дней мысль о существовании высшей справедливости Аиду ласкала — это было видно по её весёлым глазкам. Но потом она стала нервничать.

— Нет! Нет! Нет! Мы нужны каналу — проект «Участок» будет! Да вы что?! — выкрикивала она на той пьянке, и неожиданно подняла руку на самое святое первоканальное: — Даже «Пусть говорят» могут закрыть, а «Участок» будет в эфире. Это же Нургалиев…

Тут она поставила бокал на стол и затрясла пальцем.

— …и Эрнст…

И снова затрясла пальцем.

— …между собой договорились. Это же Нургалиев, а не кто-нибудь!..

Такие лакейские потуги было смешно наблюдать. Вот эти люди, согласившиеся перегрызться за крохи с барского стола — раздавливая друг друга — не понимающие, что за свои права надо бороться, выступая общим фронтом, собрались делать правовое ток-шоу! Копаться в чужих историях, сопереживать чужим проблемам, советовать другим людям, понимать их?

Пьянка была испорчена — народ пил много, но не пьянел. Я уже собирался покинуть это собрание, но тут началась кульминация. Коллеги обратились к истории: воспоминания — самый эффективный бальзам в трудные периоды жизни.

— А помните — как мы делали «Пусть говорят»? — спровоцировала Ольга Ялунина.

И тут началось — два часа рассказов о славном прошлом: о том, как они «придумывали темы и истории», как находили и обзванивали героев, как заманивали их в Останкино — потому что на «Пусть говорят» у нормальных людей отрицательная реакция — якобы, для участия в несуществующих программах Первого канала, иногда — под видом интервью для других телеканалов. Как вели гостей из гримёрок, пряча от них сценарий

программы, как потом заталкивали их в студию — в лапы Андрею Малахову, как некоторые гости пытались вырваться оттуда и спастись бегством, а их волочили обратно — кого умоляя, кому угрожая. Как прятали «подсадных уток» среди массовки в студии, придумывали слова их «ролей». И т. д.

Всю эту грязь коллеги описывали восторженно, захлёбываясь от радости, от гордости, перебивая, перекрикивая друг друга — они получали удовольствие от той своей работы. А я-то прежде думал — люди, делающие подобный первоканальный эфир, ненавидят свою работу. Потому что стыдятся её…

И, конечно же, вспоминали приглашённых «звёзд» — о них коллеги рассказывали трясущимися от волнения голосами.

— Самый лучший — это Отар Кушанашвили! — вдруг призналась в любви Аида. — Какой же он молодчина! Как же удобно с ним работать! Как же я его люблю! Сколько раз такое было — созваниваешься, приглашаешь его на «Пусть говорят» — а он всегда готов прийти! на любую тему! Договариваешься, какие слова, какую позицию он будет защищать на программе. А потом уже перед записью, если выясняется, что не хватает сторонников противоположного мнения, так Отарик всегда готов помочь: всё, что нам нужно, скажет. А как красиво! Как ярко! Эмоции! Драматизм какой! Сколько раз мы его так просили! А ведь он уже настроился на другую роль!.. Да-да, ему можно сказать — мол, у нас нехватка противников этой темы; Скажешь: «Надо побольше крика в студии!» А он сразу: «Аидочка, нет проблем! Что надо — то и скажу! Любые ваши вопросики задам! Если нужно, кого нужно — облаю…» Помните, тему про девственность?! Да! Да! Да! Вот — настоящий профессионал!.. Помните?.. Ах, какие времена были!

После Кушанашвили я встал и ушёл к себе…

Драматизм.

Когда я заглянул в комнату через час, там оставались только Аида и Юля Данилова. Алкоголя почти не осталось, даже водки — а ведь не хотели её брать. Девушки сидели напротив друг друга и теряли контроль над собой, используя не самые интеллигентные выражения.

Аида, не замечая меня, делилась планами:

— Как только расплачусь с кредитом — съ. усь отсюда! И пусть Никонова от меня отстанет. Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

За следующие пять минут она рассказала почти всю биографию: муж толи бросил, толи его выгнали, маленький ребёнок, мать пилит, и огромный кредит на крохотную квартиру в Подмосковье — всё предсказуемо.

Собеседница стала её утешать. Девушка стала плакать. Истерика. Хотел вызвать «скорую».

— Я уже устала! — вдруг закричала Аида. — Я устала! Устала! Устала! Понимаешь, жизнь проходит, а праздник не наступает…

Мне стало неуютно. Я вышел из комнаты. Ребёнок, кредиты, одинокая жизнь, возраст… Праздник. Кто же на Первом ищет праздника?!.. Тут «скорая» не поможет.

Было уже поздно. Я собрался уходить. В комнате для «летучек» Аида сидела одна и курила сигарету с ментолом.

— Эльхан, садись! — приказала она.

Я подчинился — этот вечер был урожайным на впечатления, и я не хотел пропустить очередную порцию информации. Она выглядела абсолютно трезвой — опыт, всё же.

— Ты поступил очень непрофессионально, — со злостью посмотрела она на меня своими интересными чёрными глазками.

— Это когда же?

— А вот с Баталовым… Помнишь — летом?..

Хотя она уже не работала в программе «Пусть говорят», но мыслями и симпатиями была там, с нею. Весь выпуск этой программы от 11 июля того года был посвящён обсуждению идущего в эфире «Первого канала» сериала «Принцесса цирка». Туповатый, пахнущий латиноамериканским дешёвым мылом продукт — я выдержал всего одну минуту просмотра. Название украдено у знаменитой советской картины. Во имя рейтингов. В стиле «Первого канала». Ну, считают, что это креативно. Ну, мол, ассоциация. Ну, что «зрители на это клюют». Ладно. В эфире федерального канала обсуждать в *проблемной* программе сериал. Ладно. Ну, считают, что это есть пиар. Ладно. В таких выпусках «Пусть говорят» все должны только улыбаться, быть счастливы и хвалить продукт «Первого канала». Никаких конфликтов — без *драматизму!* Восхищаться должны все. Идеально — по мнению руководства телеканала — когда об их безвкусице говорят реально любимые, уважаемые в стране люди.

Так вот. Большое и *креативное* начальство захотело, чтобы поговорить на эту тему пришёл Алексей Баталов со своей женой и дочерью. У знаменитого актёра счастливая семейная жизнь с красавицей-цыганкой, потомственной цирковой наездницей Гитаной Леонтенко омрачена болезнью их ребёнка — очень талантливого человека, но инвалида детства. Какая реальная взаимосвязь с сериалом «Принцесса цирка»? Я не знаю. Я не знаю! Вот такая вот реальная взаимосвязь…

За несколько дней до выпуска Аида попросила меня договориться с Баталовым — мол, я незадолго до этого его

снимал для своего репортажа, и мне, по её словам, «будет проще его затащить на программу». Первому каналу очень хотелось обсосать эту тяжёлую семейную историю и — по тому, как мне было описано — цинично использовать человеческую беду ради рейтингов — и про этот сериал поговорить-попиарить, и про цирк поболтать, и трагедию этой талантливой семьи под микроскопом поразглядывать, на всю страну показать:

— Это такая тема! — чему-то радуясь объясняла мне Аида. — У нас будет эксклюзив! Если они (Баталов с женой и дочерью — Э.М.) придут, согласятся, это же будет такой повод к ним домой напроситься и там наснимать такое видео! Потом это можем не один раз использовать в эфире. Даже их не спрашивая. Это же эксклюзив!..

Мне было неприятно, но я попытался — вдруг Баталов и сам не против — и был очень рад, когда актёр сразу же отказался.

— Надо его дожать, — не успокоилась Аида. — Достать его надо! Звони! Звони, не переставая — тыщу долларов можешь ему обещать!

— Я не буду его больше беспокоить. Он очень деликатно просил: сказал, что на любую тему готов говорить, но только не на эту.

— Да не бойся ты! Он — безобидный! Этот Эрнсту не станет жаловаться. Ну, скажи ему что-нибудь, придумай…

От этих слов я тогда вскипел — еле-еле себя сдерживал.

— Не собираюсь ему звонить и всё! Не потому, что боюсь кого-то. И обманывать человека не буду. Если он не хочет, значит, ему это не нужно. Поставь себя на его место, пожалуйста, Аида.

Девушка не поняла:

— Ну, мы же ему целую тыщу долларов даём за участие, ну…

И вот теперь она вспомнила ту историю.

— Вы не знаете, как делать ток-шоу! — говорила Аида, слегка раскачиваясь, но не пьяная. — Это вам не …ррЭпортажи ваши! Правда, здесь на Первом много сейчас настоящих профи в ток-шоу. Ходят без работы…

Это было предупреждение.

В ноябре Олег привёл в редакцию двух ребят — Эльдара Басилия и Лёшу Федоренко. Не понимаю — как это ему удалось при перманентных увольнениях на Первом.

Журналисты они были опытные — работали на НТВ, Рен-ТВ, «Звезде» — и наших единомышленников в редакции стало больше. Вместе с идейно и интуитивно присоединившимся к нам редактором Викой Саваровской, мы могли уже считаться своеобразной оппозиционной фракцией. Дышать стало свободнее.

Происходило что-то непонятное. Каждая неделя для нас

начиналась со строгого предупреждения, что «Участок» запустят в ближайшие выходные. Мы собирались на «летучки» — по несколько раз в день — обсуждать темы для программы, потом бежали расписывать сценарные планы, обзванивать и приглашать героев, договариваться с экспертами (пару раз даже дошло до заказа билетов и номеров в гостинице для иногородних участников), и снова — на «летучки». А под конец недели всё отменялось.

Вначале мы возмущались, но потом привыкли к такому образу жизни — уже не верили, что программа когда-нибудь запустится, и иногда сотрудничали с другими редакциями Первого канала, чтобы оправдать затраты на нашу зарплату… Даже Аида и её команда, к тому времени переехавшие в другое помещение на 13-м этаже, перестали ходить на эти редакционные собрания, которые превращались для нас, оппозиционной фракции, в теоретические дискуссии, своеобразные эстетические споры, ярмарки идей. Мы их называли тренировками.

Дни шли.

— Олег, что это за тема такая — «Цыгане»? — удивилась на одной из «летучек» Вика Саваровская и спровоцировала бурное обсуждение.

У руководства Студии спецпроектов скопилась большая база тем для программы «Участок»: некоторые из них были разработаны до стадии сценарных планов (расписаны истории героев, подобраны подходящие к теме эксперты, и — детально — сформулированы вопросы к ним от ведущего программы и — приблизительно — то, что он будет говорить между эпизодами), а другие существовали только в виде заявок. Большую часть тем искала и находила наша редакция, но некоторые — спускались от начальства. Эти последние отличались однообразием и примитивностью — не знаю, кто их придумывал, но, в основном, они касались ограблений и повторялись: например, «Вы ехали в троллейбусе, а вас ограбили»; «В метро украли вашу сумочку»; «Вечером у подъезда хотят насильно отнять ваше имущество»; «Кто-то хочет напасть на вас в общественном транспорте» и т. д. Обычно мы посмеивались над болезненными страхами авторов этих тем, предполагая, что они — это начальство. Но не в тот день.

— Ну, это Никонова включила эту тему в список разрабатываемых, — стал объяснять Олег. — Цыгане — как криминальное сообщество.

— Чего??? — не поверили мы.

— Ну, так тут в пояснении написано. Тема — «Цыгане»: угроза, как уберечься от них, советы, ну, что делать, дескать, если

они живут рядом с вашим домом, как спасти своё имущество, куда жаловаться, как с ними бороться, «если милиция не реагирует».

Нет, мы не смеялись. Мы спорили, несколько дней — постоянно к этой теме возвращались. То, что нельзя целый народ обвинять в криминале — это мы даже не обсуждали. Каким способом и в какой обстановке известить руководство об уровне их мышления — вот из-за чего мы препирались.

— И эта дура предлагает на эту тему делать один из выпусков ток-шоу? На федеральном канале? На всю страну? Как же можно — так над людьми издеваться?! Мы не будем людей подставлять! — наивно возмущались мы.

Хотя чему удивляться? Никонова не имела представления о том, что такое презумпция невиновности — просила ей информационную справку об этом подготовить.

Иногда наши «летучки» посещала Аида.

Благодаря этой хрупкой на вид девушке руководство Студии спецпроектов оперативно получало информацию об оппозиционных настроениях в нашей «фракции». Умело интригуя, она настроила Никонову против нас — чему, кстати, мы, как минимум, не сопротивлялись.

— Неправильно вы работаете, — любила строить из себя жёсткого руководителя она. — Не понимаете вы ничего! Это же ток-шоу на Первом! В каждом выпуске «Участка» должны быть: скандал, какая-нибудь слезливая, сопливая история и, конечно же, пиар МВД. Вот, какие у вас темы, давайте пройдёмся? Что у тебя, Эльхан? Вот твоя разработка темы «Телефонный терроризм» — ну, нет здесь скандальности! Нужны какие-то звёзды сюда.

— То есть люди из шоу-бизнеса, которые признают, что звонили по телефону и «минировали» чужие концерты, так?

— А почему нет! Вот ты нашёл же человека — крупный бизнесмен, торговый комплекс которого однажды «заминировал» конкурент, владеющий соседним торговым центром. А теперь и он сам этим занимается — против соседа, а тот — против него…

— Ну, да, для них телефонный терроризм — инструмент экономической войны с конкурентом. Это серьёзные, состоятельные люди, но вот конкуренция у них — как у подростков. Они и сами тяготятся таким видом экономической борьбы. То есть эта история среди обычных актов «телефонного терроризма» будет нести дополнительную информационную нагрузку.

— Это хорошая история, но нужно, чтобы такое же, но из шоу-бизнеса. Скандал, понимаешь? Так, первая история — про обычного телефонного террориста. А вот третья — про Евгения

Новожилова, сотрудника радио «Свобода» — точно не подходит. Интриги тут нет.

— Ну, как же? Он как раз осуждён по 207 статье УК «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма». Его краснодарский телефон прослушивала местная ФСБ — и однажды, наконец, нашло повод посадить журналиста. Ему позвонила знакомая и в начале беседы поинтересовалась, как он себя чувствует — Новожилов до этого тяжело болел — а тот пошутил, мол, настроение очень плохое, хочется сесть в самолет и куда-нибудь врезаться. Ну, обычная шутка. А запись этой беседы использовали, чтобы его посадить, а ещё продержали в местной психбольнице…

— Нет, Эльхан, эта история не пойдёт. Это же ФСБ! Они всё делают правильно — раз они решили, значит, он виновен!

— Ну, вообще-то, суд решает…

— Нет, ФСБ решает! Причём тут суд?! Я где-то (!) слышала — в делах по терроризму арестовывает и судит (!) ФСБ. Ну, закон такой или указ особый — не важно…

— ??????

Моё лицо едва не приобрело форму вопросительного знака.

— Что такое? — резко дёрнулась девушка.

— Как это?! А суд? — произнёс я, но так хотелось задать ей другой вопрос: «Ты что — дура?!»

— Причём тут суд?! Тебе же говорят — терроризм, ФСБ…

На некоторое время я мысленно покинул «летучку», эту нашу редакцию, Останкино, город Москву, Евразию, а потом и Планету…

Очнулся, когда Аида завершала собрание.

— Ребята, давайте активнее! Я же знаю — вы можете работать! Переходите на серьёзное! Ведь есть такие потрясающие темы: секс-рабыни, похищения в сексуальное рабство, изнасилования. А кто будет заниматься придуманной мною темой «Вам предлагают стать киллером»? Эльхан, хочешь?

Я отрицательно замотал головой и снова мысленно покинул Останкино.

Некоторые темы вёл индивидуально один из сотрудников редакции, а некоторые — коллективно, вдвоём или втроём. Так было легче работать. Мне — точно. Я брал на себя более или менее серьёзный эпизод, а на всякую «желтизну» находился обычно кто-нибудь из команды Аиды.

Например, в теме «Проверка документов» я разрабатывал историю Валентина Полянского. Не был уверен, что она будет в эфире, но собирался приложить все усилия для этого.

Герой России, полковник ВДВ в отставке Валентин Полянский

отличился осенью 99-го в боях в районе Хасавюрта. Тогда он лично повёл в бой сводный батальон 119-го полка десантников, состоявший в основном из новобранцев, и овладел господствующей высотой у города — говорят, именно Полянский до того штурма произнёс перед своими солдатами мысль, ставшую позднее лозунгом: «Никто кроме нас это не сделает!» А поздно вечером 19 апреля 2008 года бывшего замкомандующего 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии избили сотрудники милиции. В вестибюле станции метро «Кожуховская» старшина УВД по охране Московского метрополитена Дмитрий Буглак попытался у него проверить документы, а офицер-десантник ответил отказом — как признавался потом Полянский, из-за грубого обращения. Героя России затолкали в комнату милиции и стали избивать — к сержанту присоединился его напарник. Когда правоохранители узнали, что их жертва офицер, да ещё и удостоен высшей воинской награды страны, стали материть Полянского, обвинять, что он «купил звезду». Избивали дубинкой и добавляли: «Ты у нас будешь не Валя, а Валечка». Потом приехало милицейское начальство, пыталось замять дело. Когда это не удалось, возбудили уголовное дело против… Валентина Полянского — якобы, он был пьян и сам избил милиционеров — по статье 318 УК (применение насилия в отношении представителя власти) и статье 319 (оскорбление представителя власти). Расследование вёл старший следователь по особо важным делам столичного управления СКП России Артём Пахомов.

Дело получилось громким. Милицейское начальство оправдывалось, избивавшие Героя России (результат — сотрясение мозга, многочисленные гематомы на лице и теле) сотрудники принесли извинения, но давление на Полянского продолжалось. В ноябре 2008 года Лефортовский суд Москвы прекратил уголовное дело в отношении Полянского в связи с примирением сторон и из-за отсутствия состава преступления.

Однако, на этом у полковника проблемы не закончились. В декабре 2008 года, когда я разрабатывал эту тему, Полянский рассказывал, что следственные органы продолжают его «доставать и ломать».

— Меня постоянно вызывают в прокуратуру. Конечно же, открыто мне это никто не говорит — но следователь делает всё, чтобы я потерял самообладание. Могут вызвать на утреннюю беседу-допрос, продержать в коридоре, а потом перенести встречу. Звонят периодически, в самое неожиданное время — чтобы, так понимаю, не расслаблялся. А главное — это как они со мной разговаривают: пытаются вывести из себя, провоцируют.

Иногда высокомерно, иногда ехидно улыбаясь. Настойчиво, творчески, как профессиональные психологи — с трудом себя контролирую.

Полянский говорил это хотя и уставшим голосом, но спокойно, был сдержан, как настоящий офицер. Не производил впечатления сломленного человека.

— Возможно, я был тогда несдержан, — объяснял он. — Вспылил. Сказал: «Преступников проверяйте, а я человек законопослушный». А они — сразу стали меня избивать. Понимаете, я для себя привилегий не хочу, но обида очень большая.

— Обида? На страну?

— Нет, не на Родину. Только не на Родину. На людей… Систему. На эту круговую поруку.

Полянский помолчал немного. Потом его прорвало.

— Думаете, я не мог бы один с ними справиться — если бы захотел?! Я боевой офицер, меня специально обучали уничтожать противников. Хоть голыми руками. Тем более, у меня было оружие на себе в тот вечер. Но я же не воспринимал тех сотрудников как врагов, как противников! Это моя милиция! И я хочу справедливого к себе отношения! Я хочу справедливости!

Правоохранительная машина не могла простить Полянскому публичность этой истории — публичность, на которую тот принципиально пошёл — это же такой удар по имиджу Системы: если уж при проверке документов милиция избивает Героя России, то что же могут сделать с обычным гражданином. Так хозяева этой Системы понимают принцип «честь мундира»: высунулся — дожать, сломать! Чтобы другие увидели и поняли! Чтобы другим неповадно было!

— Валентин Валентинович — боевой офицер, человек по-военному резкий, где-то эмоциональный, — рассказывал тогда мне адвокат Полянского Вячеслав Макаров. — Но он же Герой России! Это же должно что-то значить! К нему подходит сотрудник милиции и грубо требует документы. Сотрудник — при исполнении! Ну, представься, вежливо извинись за беспокойство, не забывай, что власть олицетворяешь. Я это говорю не только из-за произошедшего с моим подзащитным, нет, это же болезнь человека в форме.

Эта история не очень нравилась ни нашему начальству, ни пресс-службе МВД, с которой руководство Студия спецпроектов согласовывало все темы. Аида передавала, что глава пресс-службы МВД Валерий Грибакин [2], услышав про дело Полянского, закашлялся и протянул: «Ну, что вы туда лезете. Нашли, кого выбрать в качестве героя для своей программы. Это

же дело неоднозначное!» А потом добавил, что «этот военный слишком заигрался в публичность».

— Валерий Викторович (Грибакин — Э.М.) сказал, что на тему с этим Полянским он не придёт, — рассказав реакцию милицейского начальства, резюмировала Аида, и всё стало окончательно ясно.

Всё же лично я неправильно понял руководство «Активнее сотрудничайте с ментами!» Я же не против сотрудничества: у людей есть проблема, они обращаются на ТВ, почему же не контактировать, не сотрудничать с МВД, чтобы помочь пострадавшим, решить их проблемы. Если есть повод — то и с конкретных «силовиков» спросить. Но вот согласовывать каждый свой шаг с милицейскими пресс-службами… Чтобы какой-то генерал пришёл в студию и, поглаживая свой круглый живот — большой, но такой трогательно упругий и пушистый — щурился от блаженства и пиарился на всю страну, да? И чтобы я в этом участвовал? Ну, уж нет.

Последний раз с Валентином Полянским я разговаривал 30 декабря 2008 года. Ещё раз извинился, что запись программы переносится на конец января — я в это верил. И поздравил с наступающим Новым годом — пожелал ему, чтобы эта история для него поскорее закончилась победой.

— Спасибо вам, — стал он благодарить. — Спасибо, за то, что вашей программе это небезразлично, за ваш труд. Чем больше мы будем обсуждать проблемы нашего общества, тем скорее они будут решаться. Без вас, журналистов, это невозможно сделать…

В ночь на 3 января 2009 года Валентин Полянский покончил жизнь самоубийством из наградного пистолета. В оставленной им предсмертной записке он обвинил в своей смерти Артёма Пахомова — следователя, который курировал уголовное дело в отношении полковника.

И мир не перевернулся.

Уголовного преследования Артём Пахомов избежал. Более того, пошёл на повышение — стал заместителем руководителя Следственным отделом по расследованию преступлений на метрополитене, особо режимных объектах и в экологической сфере СУ СКП по Москве. Среди коллег этот *успешный* следователь-карьерист завоевал репутацию самодура — может кричать на подчинённых, издеваться над ними, унижать, а может, закатив скандал, кататься в истерике по полу и выпускать пену изо рта…

Мир не перевернулся.

Бывший адвокат Полянского Вячеслав Макаров даже спустя полтора года рассказывал мне, что дело намеренно развалили. И

особенно, указывал на «заслуги» следователя.

— Пахомов вёл себя неадекватно. Препятствовал мне в работе адвоката. Но главное — его грубое, недопустимое поведение в отношении Валентина Валентиновича. Было и психологическое давление, и применение физической силы. Почему для Пахомова это прошло безнаказанно? Я тоже хочу получить ответ на этот вопрос!

На мой вопрос: «Почему всё-таки Полянский пошёл на такой шаг, как самоубийство?», адвокат ответил после паузы, подбирая слова:

— Думаю, всё-таки из-за предвзятого, грубого отношения следствия к нему. Мало того, что милиционеры, его оскорбившие, нарушившие закон, не понесли наказание, так самому Полянскому пришлось оправдываться. Он говорил мне, что собирается покончить жизнь самоубийством. Конечно, я не мог поверить, не ожидал. Наверное, он думал, хоть так им отомстить что ли…

В январе 2009-го, сразу после новогодних праздников у нас была большая «летучка», общая. Тему «Проверка документов» стали обсуждать не сразу. Но как только Аида произнесла: «Эльхан, тебе придётся искать другого героя для этого эпизода в теме», вдруг половина собравшихся — больше не в силах себя сдерживать — захохотала.

— А что тут смешного? — удивился я.

Хохот стал ещё сильнее.

— Ну, как же? — еле произнесла Юля Данилова. — Да у тебя постоянно «герои» коньки отбрасывают. Вот как с теми твоими ветеранами. Опасный ты человек.

Это такой модный «профессиональный цинизм». Якобы, чем ты циничнее, тем профессиональнее. Мол, сочувствие — это удел идеалистов, а идеалистами бывают лишь стажёры и ещё неопытные студенты журфака.

Я был в растерянности. Оглядываюсь по сторонам — вся наша «оппозиция» сидит с вытянутыми, застывшими лицами. Из противоположного лагеря также не все смеялись. Но очень хорошо запомнил: больше всех — отважный мальчик Влад Каменовский.

— Ребята, он же Герой России! — тихо поразился я.

Смех прекратился — профессионалов не поняли.

Тогда я пережил сильное потрясение. Потом часто об этом задумывался. Поразительно, в этой гогочущей толпе, я — азербайджанец, кавказец, защищал Героя России. Это и есть полная девальвация ценностей в обществе. Даже государственнических ценностей. Потому что в

государственнической идеологии, на приверженность к которой в своей пропаганде намекает Кремль, основанием, ключевым элементом является воин, завоеватель, если говорить откровенно. Защиту государства он, страж, осуществляет, а не толстожопые бюрократы в погонах, не рафинированные дамочки или мягкотелые мальчики пидерастического склада души, представляющие интересы чокнутой пригламуренной части аудитории Первого канала.

Конечно, перед законом все равны, все. Но иногда… Исходя из заслуг. Нет, я не о том, что Путину или Эрнсту можно делать то, что нельзя другим, я не о блатных. Но вот гениальный поэт — Михаил Юрьевич Лермонтов. Современники признавались, что у него был скверный характер — задиристый, мелочный, бескомпромиссный. Для многих — такой пустой фрондёр и насмешник. И, кстати, большинство его с Николаем Мартыновым сослуживцев, общих друзей поддержали последнего — мол, поделом Лермонтову, этому несносному задире, выпросившему себе издёвками над «простодушным майором» смертельную пулю.

Некоторым простительно… Ладно, может и был Полянский навеселе, но он же — Герой страны. Так нет, его тоже надо затравить, дожать, сломать до конца. В представлении аппаратчиков и останкинских интриганов бить лежачего — это нормально. Даже если у него есть реальные, не придуманные заслуги. Более того, этот факт их ещё больше будет бесить — они-то знают, что сами не способны на такое.

Холодным утром в понедельник 22 декабря на «летучку» прибежала Аида. Одета она была не по-зимнему легко, похожа была на спринтера — в лёгких «балетках», тонкой футболке, волосы подобраны в тугой хвостик.

— Всё! Ура! Состояние «Готовность № 1»! Запись «Участка» — в этот четверг! Ура! Ура!

Мы сделали вид, что всё понимаем — как обычно. Правда, не особо скрывая, что делаем вид.

— Нет, вы не поняли, — вдруг она зло оглядела нас. — Я сказала — в этот четверг!

По ажиотажу начальства стало понятно, что на этот раз всё серьёзно. Планировалось записать сразу три выпуска: около часа дня тему «Похищения», в 16:00 — «Самооборона», а ещё позже, примерно в 18:00 — «Проверка документов». Мои истории были в первой и в третьей теме. Надо было обзвонить героев и их адвокатов, экспертов — получить подтверждения их участия, выписать всем пропуска. Для некоторых из них назначенная дата — 25 декабря — оказалась неудобной: предпраздничные дни, у многих планы, кто-то отсутствует в Москве. Начались уговоры,

объяснения, поиск других участников вместо тех, кто не сможет приехать.

Но работа шла — мы ведь так долго этого ждали, изголодались. Все три выпуска поручили нашей «оппозиции». Дескать, команда Аиды делала тогда другую программу — «Закрытый показ». Также прикрепили к нам Инну Панкову, бывшего редактора «Пусть говорят» — мол, «будет помогать». *Они* ждали провала, *они* были уверены — ток-шоу нам не по зубам…

Вечером в понедельник руководство решило, что в четверг будет запись ещё одной темы — «Увольнения». И, возможно, также и моя тема «Телефонный терроризм».

Во вторник утром — новые указания. Время записи тем может быть изменено. И, возможно, всё-таки их будет не четыре, а три.

Это разозлило — у нас ведь договорённости, люди изменили планы, пошли нам на встречу. Если ещё о переносе времени можно переговорить, то как объяснить — почему отменяется запись, к чему нужны были эти уговоры…

Днём через Олега начальники сообщают — записывать будут точно три темы, а не четыре. Но какие именно — пока сами толком толи не знают, толи ещё не решили. В редакции сложилась предреволюционная обстановка.

Вечером заявляется наша девушка. Довольная, счастливая.

— Надо сделать всё хорошо! Никонова будет присутствовать в четверг. А Эрнст…

Тут она почему-то аппетитно сглотнула слюну.

— …а Константин Львович не придёт, но потом, естественно, самолично ознакомится с записью программы. Смотрите у меня — не подведите *нас*!

Эта девушка, которой я не доверил бы даже поручение принести кассеты из видеотеки, уже считала себя большой начальницей. Видимо, ей дали понять это. Даже сигарету Аида теперь держала по-другому: медленно протягивает руку в сторону пепельницы и замирает, фиксирует руку в таком положении — ждёт, чтобы ей поднесли блюдце. А как стряхнёт пепел, благосклонно кивает. Пепельница рядом с нею, а она — опять за своё…

Спрашиваем, какие темы будут. И о точном времени записи каждой из них — ведь уже вечер вторника. Мол, что людям говорить.

Теперь нам демонстрировали роль оракула.

— Ещё не ясно. Ещё не решили там, — и указывает пальцем в потолок. — Думают!

Я уже не мог спокойно наблюдать этот хип-хоп.

— Почему, Аида? Почему утром одно, вечером — другое? То говорят — делайте четыре темы, а теперь — делайте три.

Недовольно выдохнула свой ментол, потом состроила брезгливую мину, но ответила:

— Пришлось бы первую запись начинать в 10 утра. А ведущая не может так рано приехать. Кстати! Я забыла сказать, ведущая — Анастасия Мельникова. Ну, та, которая из сериала про ментов. Да… Кто-нибудь займитесь бронированием билетов для неё из Питера, она сама не может. И о машине ей на вокзал договоритесь.

Она задумалась и добавила:

— Но, может, и не она будет ведущей. Посмотрим…

— Как так? Как это — она или не она? — хором заволновались коллеги. — Если не понравится — снова будем писать, снова этих героев приглашать? Что же это такое?!

— Вы же не даёте мне сказать! — закричала Аида. — Это будет запись, но не для эфира. *Мы* вчера так постановили (!) — это будет «пилот» [3], проба. Надо оценить ведущую — как она держится в студии, получится ли у неё вести ток-шоу или нет. Кроме того, проверим, как смотрится программа. Руководство потом изучит запись и решит…

Мы сидели молча — не могли поверить.

— Работать будем в студии программы «Пусть говорят», с их декорациями. Всё! — поднялась и стала уходить, но у выхода резко обернулась. — Смотрите — не подведите *нас*!

Может, от этого кому-то станет смешно, но мне не стыдно — ту ночь я не спал, не смог. Понимал, что не сдержу слова — не промолчу. Сколько раз ругал себя, пытался заставить. Дескать, особенно сейчас — во время кризиса…

Утром в среду коллеги тоже не выглядели отдохнувшими. Собрались: эмоции, риторические вопросы, мат. Даже Инна Панкова загорелась нашей оппозиционностью. Решили — надо поговорить с Никоновой. О чём будет разговор — не обсуждали, но всем было понятно.

Руководитель Студии спецпроектов перевела стрелки на Аиду — грубая игра. А та к нам не торопится, важные дела у неё. Ощущение, что ожидали нашего бунта — просчитывали.

Заявилась лишь вечером. Настроение у неё боевое — амплуа воспитательницы, растягивающей показательную казнь над группой детсадовцев за бойкот киселя и макарон с сыром. Видно — роль репетировала.

Села среди нас и ждёт.

Я начинаю:

— Слушай, Аида! Почему в вашей репетиции с ведущей

должны участвовать герои с реальными историями?..

И она закричала:

— Аааа! Аха! Вы специально ждали последнего дня! Ааа!

— Ты можешь понять — они реальные люди с реальными историями. Сейчас они должны бросить все свои дела и в студии *вам* подыгрывать?

— Мне плевать! Мне плевать! Я сказала — всех зовите! Сама Никонова будет на записи. А Эрнст потом смотреть будет. *Нам* плевать!

Олег сделал попытку.

— Но почему нельзя записать вместо героев каких-нибудь редакторов. Подыграют — это же репетиция, проверка.

— Нет! Нет! *Мы* так решили! Всё!

Он сделал вторую попытку:

— Но герои не придут, если будут знать, что это «пилот».

— А почему вы им должны говорить про пилот?! — ещё сильнее закричала она, разрушая связки. — Зачем говорить про пилот? Вы что… вы что… эээммм… б. яяяяять! Б. яяяяять! Говорите им, что будет реальная запись программы, а тут их уговорите! Дожмёте!

Я стал смеяться.

— Аида! Это обман и подстава!

— Плевать! Не учите меня работать. Я такие ток-шоу, знаете, сколько сделала?! Зови своих героев! Этих похитителей и своего военного, которого в метро избили. Как его?

— Валентин Полянский.

— Ну!

— Нет! Не собираюсь!

Она не ожидала этого. Опешила. Теперь она не наступала, а пыталась защищаться.

— Как это так?

— А так! Аида, это люди, а не мыши. У людей и так травмы из-за их дел и историй, а тут ещё мы над ними будем издеваться?

Лично я для себя решил ещё утром — обзвонил участников по моим историям и извинился за беспокойство. Было очень неприятно, но лучше оправдываться сейчас, чем после этого «пилота» бегать от них и от себя. Я уже настроился — знал, на что иду.

— Если вы такие честные, пригласите на эту подставу своего Грибакина. Позовёшь его, Аида? Скажешь ему, мол, запись реальной программы, а он придёт и увидит, что это постановка и комедия.

Аида побледнела: Валерий Грибакин — это не фуфло, Валерий Грибакин — это сила. С реальными рычагами.

— Зови Полянского! Слышишь? — произнёс её охрипший голос.

— Я не буду звать! Ни его, ни других. Всё!

— Как так?!

— Всё!

Она растерянно посмотрела по сторонам и вдруг яростно набросилась на Олега:

— *Мы* тебе доверяли! *Мы* думали, что ты не такой! А ты не справился со своими людьми! Олег, про «пилот» известно уже два (!) дня, а вы только сейчас мне говорите, что героев на него звать не будете…

Странно, Олег сник — опустил голову и слушает этот вой. И ребята молчат. Странно.

Потом она резко повернулась ко мне и сообщила неожиданную информацию, из которой стало ясно — проблема не в героях, не в «пилоте», не в том, как на Первом относятся к обычным людям, а, вероятно, в профессиональных и личных её комплексах. Возможно, в давних обидах.

— Вот, во время работы в Уфе, я ездила и снимала для НТВ …ррЭпортажы. Один раз, ну, и ещё один раз. И показали в эфире! Вот! Без стендапа, но показали…

— Что? То есть, Аида?

— Ну, — замялась девушка. — Я тоже знаю, что такое … ррЭпортаж! Вот!

— Ты это к чему? — не понял я чужую боль.

Тут она — допускаю, застыдившись — вскочила и побежала к выходу.

— Вы специально задерживали! Вы мне ответите! — кричала она на бегу. — Я вам всем покажу! Сама Никонова придёт, Эрнст потом смотреть будет…

Всё закончилось не так плохо, как могло бы. Я-то думал, без изощрённого мата и оскорблений не обойдётся — очень не люблю этого. Пронесло…

Спустя полчаса она перезванивает Олегу и требует переключить мобильный на громкую связь — чтобы мы все её слышали. Голос полный злорадства.

— *Мы* тут решили! Делаете завтра одну тему — «Самооборону». Это ваш последний шанс!

И дальше снова — про Никонову, Эрнста…

Тот четверг нам тяжело дался.

Тему «Самооборона» изначально вели Эльдар Басилия и Лёша Федоренко. Расписаны были три эпизода-истории. С основными героями для двух из них, а также с экспертами ребята договорились об участии в начале недели, когда ещё не знали про

«сюрприз» от начальства.

Накануне записи одному из героев мы успели объяснить, что запись в эфир не пойдёт. И он пошёл нам навстречу — согласился помочь.

Со вторым участником были проблемы. Предупредить Д.Д. мы не успели — было очень поздно, мобильный он не поднимал. А утром приехал в Останкино и стал отказываться — наотрез: боялся в студию «Пусть говорят» заходить, не хотел даже присесть на диванчике под этими буквами с названием программы — всё ругался, что его заманили к Андрею Малахову. Вот такая народная слава у этого ведущего…

Мы все перед ним извинялись — было очень стыдно, а Аида бегала около нас и злорадно над нами измывалась:

— Это — провал! Провал! Вы понимаете, что это — конец?!

А тот возьми и вдруг поменяй решение. Раз, говорит, Малахова не будет — согласен. После этого Аиду мы не видели — сидела рядом с Никоновой в аппаратной и оттуда наблюдала за записью.

Эпизод с Д.Д. получился самым интересным. В начале декабря он возвращался с матерью из магазина. В автобус, в котором они ехали, вошли трое мужчин навеселе. Увидели у них сумки с продуктами, и давай к ним приставать — мол мы, пролетарии, зарплату не получаем, а вы, буржуи, жируете. Стали пакеты в окно выкидывать, мать оскорбили и толкнули. А сын выхватил травматический пистолет и выстрелил в одного из тех трёх, утверждает, что случайно. Результат — ранение средней тяжести у хулигана (чудом, трагедия не произошла: пуля задела бровь и прошла по касательной) и уголовное дело против нашего героя — на тот момент шло следствие. Хотя сам он считал — применил оружие в целях самообороны, был уверен в этом — человек с юридическим образованием, работает в Минюсте. Он же, говорит, мать защищал, имущество. Но приглашённый эксперт (практикующий в подобных делах адвокат) не был согласен с Д. — мол, это превышение необходимых пределов самообороны. Получился бурный спор-дискуссия, но в рамках приличия. Ещё приглашённый психолог на примере поведения этого героя объяснял, почему обычно люди хватаются за оружие, почему в последнее время в России всё чаще и чаще люди пытаются нанести вред, а не уладить конфликт миром. А главное, если человек решил носить оружие — будь то бита, нож или «травматик» — он психологически готов его применить, и, наверняка, сделает это в конфликтной ситуации, а, может, доведёт конфликтную ситуацию до «горячего» развития. Потом герой благодарил нас за участие — говорил, узнал много нового

и полезного, понимает теперь слабые места своей юридической позиции во время следствия. Кстати, против Д.Д. возбудили уголовное дело по ст.111 («нанесение тяжкого вреда здоровью»), но дело до суда не дошло — даже через два года после той истории.

Ещё один участник, эксперт из оружейного магазина, рассказал о предпочтениях покупателей-россиян, тенденциях в продажах — объяснив причину — показал в студии, как пользоваться оружием. А роль последнего героя играл редактор Влад Каменовский — на эту уступку нам руководство согласилось. За основу была взята реальная история жителя Москвы В.К., который, спасая свою жизнь, застрелил четверых бандитов — завладел пистолетом одного из них, когда они обманом проникли к нему в квартиру. В.К. оправдал суд присяжных. Мы вели с ним переговоры, но на программу не приглашали — всё оттягивали время окончательной просьбы. И хорошо, что не позвали — после той истории прошло несколько лет, зачем зря травмировать человека, напоминая ему о пережитом стрессе. Вот если бы была настоящая запись программы…

«Программа» понравилась всем: даже обычно индифферентным к происходящему в студии режиссёрам эфира.

Когда мы всей командой возвращались в редакцию, у больших лифтов наткнулись на Никонову с Аидой.

— Такая тема! Аидочка, всё получилось отлично! Так было интересно! Ты — молодец! Ты справилась! — пела красная от возбуждения глава Студии спецпроектов.

Её подчинённая тяжело задышала и подняла глаза к потолку — продолжая одновременно улыбаться:

— Да, эту тему было тяжело делать! Тяжело, очень тяжело!..

Тут они увидели нас и резко отвернулись. Затихли.

Хотел прокричать какую-нибудь иронию — любую — но подъехал лифт, и барышни суетливо в нём скрылись…

Source URL: http://ostankino2013.com/strana-uchastok.html

Дети-Алкоголики-Скрипачи

10 февраля 2009 года на Первом канале вдруг забеспокоились о будущем страны. Я бы даже сказал — пришли в ужас от того, что ждёт Россию.

Обычный рабочий день близился к концу. Было уже половина седьмого, и коллеги размышляли вслух о том, как провести остаток вечера: кто собирался домой — к семье, кто в клуб — на приключения, а я планировал сесть за чтение зарубежных электронных газет или устроить какую-нибудь провокацию в Интернете.

И тут всё началось.

— Всем оставаться на местах! — раздался крик из соседей комнаты. — Сидеть!

Вопль был настолько угрожающе-повелительный, что я подумал — это захват заложников или рейдерское нападение на Останкино и почему-то малодушно посмотрел в окно у себя за спиной.

— Никуда не уходить. Я сказала сидеть и ждать указаний! Ещё вернусь!

Коллеги в нашей комнате хором выдохнули. Я тоже узнал тот голос — это была Аида — и принялся утешать Лёшу Федоренко, уронившего пластиковый стакан с кофе — видимо, тоже от нехороших мыслей.

Прошёл час — ничего не происходило. Олег набрал номер Аиды, но та сбросила звонок…

Спустя ещё полчаса коллеги отправили меня на разведку. На 12-м и 13-м этажах Останкино по беспорядочной траектории бегали девушки-редакторы Студии специальных проектов. Их было очень много. Никогда не думал, что их может быть столько. Даже днём их не такое множество. Хотя, возможно, днём они сидят в своих комнатах-редакциях, в многочисленных кафетериях телецентра и скрытно прожигают жизнь?..

Дамы просто бегали и кричали. Кричали междометия, что-то неразборчивое, а ещё слово «пи. дец» и его вариации. Забегали в какие-то комнаты, через мгновение оттуда выскакивали, кричали — и неслись в другие кабинеты. Некоторые бегали вдоль коридоров, просто — взад и вперёд. Одни мчались с какими-то бумагами в руках, другие, схватившись за голову — в прямом смысле слова. Были и такие, которые перемещались молча, но лица их тоже выражали неотвратимо наступающее что-то ужасное — вот-вот оно случится. Я попытался остановить одну из них и с важным видом расспросить о причине переполоха, но девушка

меня оттолкнула — руками в грудь — выкрикнула: «Пи. дец! Это пи. дец!» и понеслась дальше.

Видимо, так девушки пытались работать. В этом рвении и смятении они были так непосредственны, трогательно беззащитны. Расстегнутые на несколько пуговиц блузки, неуправляемые колебания конечностей, пыхтение и частое дыхание. Даже лёгкое хрипение. Крики, междометия, слова-вариации. Эх…

Отметив про себя, что некоторые из редакторов, очень даже ничего, вернулся к своим.

Аида появилась в начале одиннадцатого. Вошла и сразу опустилась на диван. Закуривает сигарету. Уставшая, издёрганная. Бледная, почти прозрачная. На мгновение мне стало её жалко — ребёнок с бабушкой дома, сидят одни в крохотной подмосковной квартире, на улице холодно, уже февраль 2009 года. А праздника всё ещё нет…

В комнате повисла тишина. Минут на десять. Сидим и внимательно слушаем, как она затягивает и выдыхает свой ментол.

— У вас важное задание. Оставьте все свои разработки, все остальные дела. В пятницу запись программы.

— «Участка»? — спрашиваем мы.

— Ну, нет! Нет! — раздражённо крикнула она и пророчески добавила: — Забудьте про «Участок»! Это новый проект. Особое задание! Приказали оттуда.

Я посмотрел за её указательным пальцем на грязный потолок, но ничего не понял.

— А что за проект? — спрашивает Олег.

Аида ушла от ответа.

— Ужас! Ничего не успеваем. Только вчера утром (!) нам сообщили об этом.

То есть эта суматоха продолжается уже два рабочих дня, а мы и не в курсе. Кофе тут пьём, планы строим.

Олег повторил вопрос.

— Понимаешь… — замялась девушка. — Тебе Никонова даст другое особое задание ещё по одной теме, а эта бригада поступает в распоряжение Елены Корчагиной. Только на время этого проекта.

— А что за проект? — теперь хором спрашиваем мы.

— Вам всё скажут! Сейчас же приступайте к работе.

И поднялась уходить. Но вдруг, посмотрев на наши спокойные лица, приняла своё привычное возбуждённое состояние.

— Это очень важное задание! Понимаете? Особое задание!

Смотрите — не подведите *нас*! Ну, идите же!

И мы пошли, всей гурьбой…

Елена Корчагина оказалась блондинкой. Натуральной — я разглядел — и хрупкой на вид. Возраста Натальи Никоновой. У неё был свой кабинет, и она считалась важным начальником. Когда мы вошли и расположились полукругом перед её столом, она слово в слово повторила фразу Аиды, только жалобнее.

— Ужас! — захлопала она накладными ресницами. — Ничего не успеваем. Только вчера утром нам сообщили об этом.

Мы удивленно переглянулись. Когда шли по коридору, заметил, что от хаотично бегающих редакторов осталась одна десятая часть. Сюда — в кабинет Корчагиной — постоянно кто-то забегал, а потом выбегал и кричал. Но вся эта суматоха на нас нисколько не подействовала. Мы спокойно, но с интересом ждали инструкций.

— Девушка, — начал я, и ресницы блондинки задрожали — я разглядел — и отозвались частым похлопыванием. — Девушка, нам кто-нибудь скажет, что тут происходит? Что делать-то надо?

Студии спецпроектов необходимо было подготовить две темы для ток-шоу «Общее дело»: про употребление алкоголя детьми и пьянство среди взрослых россиян. Программу и её название только придумали — специально для этих двух тем. Запись была назначена на пятницу 13 февраля, то есть на работу оставалось два дня. А два прошедших дня сотрудники Студии потратили на написание концепта программы — уместившийся на половине листа формата А4 текст — шрифт Arial, 16-й кегль. Концепт больше походил на декларацию со следующей выстраданной главной мыслью: «Посредством программы «Общее дело» показать всей России, что употребление алкоголя — это плохо».

Начальник-блондинка рассказала это и надула губки.

— Ну, что же такое, а? В голове одна каша, — захныкала она, словно у неё отвалились две стразы с джинсов — любимых, обтягивающих, с низкой посадкой. — Не знаю, что делать…

Это было странно, потому что Елена Корчагина являлась тогда шеф-редактором программы «Судите сами» с Максимом Шевченко. Вроде бы, постоянный эфир — еженедельно готовит такую серьёзную программу [1].

— Понимаете, гостей ток-шоу мы поделили на две группы, так? Эксперты со «звёздами» и участники с реальными историями. Первых мы пригласим, это мы сможем. А вот как найти реальных героев за такое короткое время? Вы же возьмётесь за это, а?

— Ну, сделаем, — протянули мы.

— Нет, нет, вы не поняли! — изумилась она нашему

хладнокровию. — Это задание спустили сверху. Из к…ля!

Последнее слово невозможно было расслышать — Корчагина произнесла его шёпотом.

— Откуда?

— Из Кремля, — тихо сказала она и заблестела глазками. — Очень важное задание!..

Люди, которые себя считают кремлёвскими идеологами, называют это красиво — «здоровой информационной политикой». Такая у них работа — давать указание как, в каком объёме, когда, а, главное, что необходимо показывать российскому телезрителю. Замечали, часто все телеканалы вдруг ватагой бросаются делать одни и те же темы: наркомания, насилие в семье, проблема вырубки российских лесов, приключения отечественных туристов в Турции и Египте, курение, педофилия. Все сразу, по всем телеканалам. Очень просто — теле-боссы получили очередные инструкции на еженедельных — обычно, по пятницам — собраниях в одном из кремлёвских кабинетов.

Вот и на этот раз также — поступило указание «максимально широко осветить и обсудить проблему алкоголизма в России». На одних телеканалах отбатрачили, сняв по документальному фильму, на НТВ подготовили тематические репортажи в программах «Сегодня», «Максимум» и в итоговой воскресной. А вот на Первом решили оригинально блеснуть в своём любимом формате — ток-шоу.

Кстати, иногда разрешают делать даже скользкие темы — про взятки, про мигалки, про привилегии чиновников, «про бедных и господ». Выпустить пар. В таких случаях, Рен-ТВ разрешён крикливо-резкий интеллигентствующий тон; ТВЦ подходят местечково-мещанские китчевые замашки; НТВ заслуживает банкетно-могильную шоу-стилистику; ну, а «России» полагается монументально-сдержанный спесивый пафос — мол, есть ещё люди в стране, которым за державу обидно. У всех своя, особая, роль. Вот у Первого чёткая роль есть, но окончательно-утверждённые манеры отсутствуют — Первый экспериментирует, у Первого винегрет, выдаваемый за постмодерн. Балаган-ТВ.

— *Он* сегодня каждый час названивал, — толи с трепетом, толи с гордостью произнесла Корчагина.

— Кто *он*? — забеспокоились мы.

Рот блондинки беззвучно задвигался. Не умею читать по губам, но разобрать было несложно: «Эрнст».

Коллеги переглянулись. А она продолжила.

— Мы и сами не в восторге от действий руководства. Мы же не ожидали… — но тут она запнулась, потом покраснела и стала озираться по сторонам. — Не могу всё говорить. Здесь даже у стен

есть уши. Понимаете, ну?

Минуты две все дружно разглядывали стены, чистый потолок, пространство под мебелью, вздыхали и одобряюще качали головой. Я ничего не понимал, и, чтобы не рассмеяться, громко зацокал языком и зашевелил бровями.

Потом договорились, что тему про пьянство среди взрослых будут делать Лёша Федоренко, Эльдар Басилия и Даша Остроумова, а самое сложное — истории про детей, употребляющих алкоголь — Вика Саваровская, Инна Панкова и я.

— Только держите меня в курсе, а, — жалостно попросила Корчагина. — Завтра днём успеете мне что-то показать?

— Думаем, да.

— Вот мой телефон. Звоните в любое время суток.

— Даже ночью? — не мог не спросить я — безусловный рефлекс такой.

— Конечно! Можно и ночью! — кокетливо заулыбалась блондинка. — Можно просто Лена.

Но тут она вздохнула в голос и едва не расплакалась.

— Я же всю ночь буду здесь работать. Столько работы — надо же подобрать экспертов, их обзвонить. Утвердить ВИПов. Там, у Никоновой, у Эрнста…

Даже когда мы выходили, Корчагина продолжала причитать.

— Это же каторга! Что же делать-то, а?..

Поднялись к себе в редакцию, переговорили недолго и решили начать рано утром. А сейчас — по домам, время — начало первого.

А по коридору 12-го этажа продолжали бегать редкие редакторы. Видимо, дописывали вторую половину листа с концептом.

Впереди меня ждали самые увлекательные дни на Первом канале, кульминация впечатлений от работы в Останкино…

Тема-то важная для общества. Страна ведь спивается от безнадёги. Люди перестали верить в будущее. Когда вокруг социальное неравенство и массовая нищета, отсутствие перспектив, чиновники заели, остаётся от бессилия либо податься в секты, за рубеж — за синей птицей, в свингеры, в дауншифтинг (иногда, внутренний, нефизический), к скинхедам, к террористам, к «лесным братьям», либо бежать за бутылкой. И дети будут пить — они же видят мир взрослых, видят несправедливость, неравенство, жестокость, насилие, цинизм, двуличие. И пытаются выжить в этом мире, с его правилами, с его посредственностью — как могут. Замкнутый круг. Ещё они видят светящийся праздник — например, в «ящике» — чему-то радующихся активных людей, довольных людей; ещё они

слышали про сказочно-богатую жизнь на Рублёвке, а ещё они, наивные, находятся в самой гуще бушующего мира потребления с его перевёрнутыми ценностями. Но к тому же они хотят быстрее стать взрослыми… А взрослые мечтают вернуться в детство, туда, где не было посредственности. Замкнутый круг. Бегство за праздником, которого не существует. Так устроен современный человек — ищет, хочет праздника — но выбирает болото.

— Нужен трэш! — влетая в комнату, прокричала мне Инна Панкова. — Говорят, чтобы делал ты.

— Какой трэш? С кем и что я должен делать? — не понял я.

— Никоновой нужен трэш! Говорит, нужна история покровавее — ну, чтобы напившиеся дети устроили какое-нибудь убийство, массовое изнасилование. Говорит, например, сын мать задушил.

— А перед этим изнасиловал? Так, что ли? Бутылкой, да?

Панкова смеётся.

Руководство общалось с нами посредством Инны. Если мы звонили напрямую — после первого короткого разговора сбрасывали звонки. Бедная девушка — разрывалась между нами и начальством. Схема была такая: либо Никонова-Аида-Корчагина-Панкова-мы, либо Никонова-Корчагина-Аида-Панкова-мы. Прямо футбольная тактика на ЧМ-2010.

— Аида говорит, что Никонова вспомнила про историю — несколько лет назад в Подмосковье пьяный внук убил бабушку. Хочет вот это.

— Почему мне поручили? Почему — я? Не хочу трэша!

Инна пожимает плечами и заразительно смеётся.

Принимаюсь размышлять про себя: начинаю подозревать, что цель у нашего руководства — не реальное общественное обсуждение важной для страны проблемы. Зачем им нужна кровь? Столько крови? Словно, их эта проблема не касается. Словно, они живут в благополучном гетто. Есть ведь повод сделать такую тему качественно, отнестись к ней серьёзно. А у них одно на уме — кровь и изнасилования. Называют это — интрига, крутая драматургия, «что-нибудь эдакое». Цель — пустая болтовня.

Всё же, раскапываю ту историю из Подмосковья. После смерти матери 12-летний мальчик В. жил вместе с 60-летней бабушкой в Ногинске. Потеря родителя стала причиной депрессии — ребёнок наше *правильное* общество не интересовал. А тот связался с компанией взрослых ребят, стал пить, ссориться с бабушкой. Вернулся однажды домой очень поздно — случился скандал, ссора, во время которой подросток бельевой веревкой задушил родственницу. Трагедия произошла полтора года назад, сейчас сироте уже 15 лет; находится в школе закрытого типа —

это единственная мера, которую можно применить к преступнику в его возрасте.

— Инна, передай руководству — администрация школы говорит, что на согласования уйдут недели две-три. А ещё лучше — не трогать ребёнка, травмировать его. И я с ними солидарен.

— Да, я тоже с ними солидарна, — задумывается Инна.

— Слушай, почему нельзя позвать обычных подростков — кто пил или пьёт алкоголь. Будет нормальное обсуждение. Без всякого трэша и криминала.

— Да я-то «за»! — начинает отчаянно кричать Панкова. — Я-то понимаю. Только иди — объясни *им*. Осталось полтора дня, и надо брать истории, которые есть, а *они* ломаются — это хотим, это не хотим.

Однозначно, хорошо быть начальником на Руси: давать указания всегда легче, чем выполнять эти указания. Можно требовать результата, ссыпать *гениальными* (но не сформулированными) *идеями* и *ценными инструкциями*, а потом удивляться неповоротливости подчинённых, которые не могут эти *гениальные идеи* воплотить в жизнь — вот, прямо сейчас! Но когда дело касается самих начальников — они, тут же, превращаются в бюрократов и трусов. И начинается: «Пришлите факс на официальном бланке»; «Кто дал вам мой мобильный?»; «Обращайтесь через пресс-службу»; «Спросите у моего секретаря»; «Откуда Вам известен этот пункт из моей биографии?» «Вы, вообще-то, кто?»; «А, вдруг, мои слова кому-то не понравятся?!»; «Надо обдумать ответ на Ваш вопрос» и т. д. Особенно, на телевидении… Сами-то теле-боссы — ой как боятся любой несанкционированной съёмки. Обычным фотоаппаратом напугать можно, сам проверял — драпают, как зайцы.

— Ладно, Инка. Только ради тебя. На прошлой неделе трагедия случилась в маленьком городке Бор Нижегородской области. Парень-подросток А.Г. дома с друзьями справлял своё 18-летие. К ним пришла другая группа подвыпивших — ребята и девушки. Пока до конца не выяснил, но, говорят, требовать деньги — около 500 рублей вымогали. Началась драка. Ну, именинник схватил отцовское ружьё и стал стрелять. Нескольких ранил — в том числе, две девушки в возрасте от 13 до 14 лет, а одна девочка К.Т., ей 13 лет, скончалась от ранения в грудь.

— Ужас! — произнесла Инна, а потом проговорилась. — Но Никоновой понравится…

— О да! Этой только такое и подавай. Я звонил следователю — он против. Ещё переговорю с родственниками подростков с обеих сторон. Если захотят — приедут, но донимать их не буду.

Кто виноват? Знакомый следователь связал со своим другом

из нижегородского ФСБ — вдруг, говорит, поможет. А тот рассказал, что Бор — город с отрицательной репутацией: «рассадник наркомании», много малолетних преступников, драки, хулиганство, а алкоголь — это забава. «А взрослые?» «Взрослые? — отвечает силовик, — Работа есть в городе, но зарплаты мизерные, основное развлечение — водка. Другие взрослые, в милицейских погонах начальников, «крышуют» местных бандитов. Рэкетиры и барыги — вот, кто в Боре успешные люди, которым молодёжь и подражает».

Забытый, брошенный провинциальный городок — сколько таких в России — жители которого вдруг понадобились Первому каналу и кремлёвским хозяевам для очередного спектакля. Так проблема алкоголизма и связанная с ним детская преступность не излечиваются. Вот если бы такие истории потрясали бы всё общество, которое принялось бы не только обсуждать, а начинать титанический труд гражданского контроля и участия. А так — работаем по принципу «Поговорили и забыли». И живём так же.

Часов в шесть вечера произошёл небольшой скандал. Всё, как положено на Первом: эмоции, отрицательные герои (*мы*), положительные герои (*они* — руководство), завязка (непрофессионализм сотрудников), кульминация (*их*, начальников, плохое настроение), развязка (угрозы).

Звонит Аида Инне. Требует собрать всех нас и переключить мобильный на громкую связь — видимо, ей такая форма общения понравилась.

— Почему?! — закричал телефон. — Почему вы не выполняете распоряжения Корчагиной? Вы не предоставили ей истории героев сегодня днём. Мне Никонова недовольная звонила.

Инна и Лёша пытаются ей объяснить, но та не слушает — голос продолжает увлечённо вещать.

Вообще-то, нашей блондинки днём не оказалось на работе — я случайно увидел её, скрытно пробирающуюся к своему кабинету лишь в четыре часа вечера. Ну, понятно, всю ночь сидела в Останкино и жаловалась на судьбу самой себе. Наверняка, про себя — чтобы стены не услышали.

Была раздосадована тем, что я её заметил — проткнула злыми глазками, вчера вечером уступчиво демонстрировавшими наивность и испуг. Эх, женщины… И вот — пожаловалась руководству. Может, стразы реально отвалились. Может, её команде не удаётся подобрать экспертов на программу. Это же так сложно — перелистать записные книжки, обзвонить и пригласить их. Каторга для опытных профессионалов Первого канала.

— Вы не оправдали доверия руководства! — заводилась Аида. — *Мы* на вас надеялись! А вы ведёте себя непрофессионально! Не-про-фесссио-наль-но!

Телефон закашлял и вдруг взвизгнул.

— Уволю! Всех!

Это заявление нам не понравилось.

— Извините, девочки и мальчики, этот вздор не собираюсь слушать, — впервые выругался я при женщинах-коллегах.

Даже самый интеллигентный среди нас — Лёша Федоренко — разозлился и стал перекрикивать Аиду. Телефон сразу испуганно затих. Помолчал какое-то время, а потом малодушно прервал связь.

Одиннадцать вечера. Видимо, Аида, наконец, пришла в себя. Снова звонит. Снова громкая связь. Речь была короткой.

— Корчагина снова вами недовольна! Никонова тоже недовольна! Вы не оправдали доверия руководства! Завтра быть здесь в 8 утра. Нет, нет, в 7 утра!

Быстро-быстро выпалила и отключилась.

И тут я догадался — интуитивно — что все три дамы сидят сейчас в одной комнате и сходят с ума.

Им что — делать больше нечего?

Сцена следующая.

День накануне записи. Четыре часа дня.

— Звонила Никонова, — кричит мне из соседней комнаты Инна. — Нужны дети-алкоголики-скрипачи…

Минут через пять едва-едва пришёл в себя.

— Ты что здесь смеёшься? — спрашивает появившаяся в дверях Инна. — Мне Корчагина когда сказала, я тоже не поверила. *Им действительно нужны такие герои — дети-алкоголики, играющие на скрипке. Так и сказали — дети-алкоголики-скрипачи.*

Мне стало не по себе, прямо дурно: как если бы узнал, что, на самом деле, я гомосексуалист.

— Зачем? — прохрипел я.

Лёша, рабочий стол которого находился прямо напротив моего, внимательно посмотрел мне в глаза. А потом с серьёзным видом произнёс фразу-мысль, которой можно прокомментировать любой первоканальный креатив.

— Слушай, Инна. Есть такой музыкальный инструмент — гобой. Дети-алкоголки-гобоисты им не подойдут?

— Лёша, Лёша, — замахала руками на него Панкова. — Если они догадаются про гобой, будет вообще пи. ец. Скажут — ищите! Ведь скажут же!

Лично я выпал из производственного процесса на целый час

— хохотал, представляя себе выстроившихся в ряд на записи программы субтильных, *измученных нарзаном* юных подростков, играющих трясущимися руками толи на скрипках, толи на гобоях…

Зачем? Зачем это им нужно? Нет, я понимаю, они думают — это такая интрига, сложная фабула, «история, несущая дополнительную смысловую нагрузку». Но я всё равно не понимаю — зачем? Зачем это им нужно?

В нашей жизни ничего не надо придумывать — следует только описывать действительность…

Помог Олег, хотя и не его была работа. Нашёл 18-летнего парня, который увлекается игрой на скрипке — сказал, что в подростковом возрасте попробовал: вино, потом пиво. Мол, как и все. Да, правильно, как и все.

Руководство недовольно — требует, чтобы были реальные алкоголики в прошлом, а, в идеале, в настоящем; мы таких даже не стали искать. С «кровавыми» историями тоже не получилось — герои наотрез отказывались. Видимо, я был максимально откровенным.

А вот детей, подростков с обычными, *распространёнными* историями на программу пришло много — таких искать недолго.

Наконец, пятница. Обе темы записывались в одной из студий на втором этаже АСК-1. Первая — про детей — в 17:00. Вторая — сразу после неё. Столпотворение началось с полудня.

Весь длиннющий коридор второго этажа был забит редакторами Студии спецпроектов. Я их уже видел. За прошедшие два дня успел даже соскучиться по этим забавным дамам. Только в отличие от той ночи, сегодня они были в своих лучших нарядах, с серьёзным макияжем и выше ростом — из-за каблуков. У одной девушки на голове были два больших банта, правда, она их потом сняла. Получалось, запись программы они воспринимали как выпускной школьный бал. Ну, или как свадьбу любимой подружки.

Дамы занимались своим любимым делом — бегали и кричали. Носились, грохоча каблуками, вдоль длинного коридора и кричали. Чем ближе время записи, тем выше скорости и громче крики. Однозначно, в этом хаосе уже была какая-то система. Потому что редакторы предпочитали бегать не в одиночестве, а парами, тройками. Кроме того, когда они бегали группой, то не кричали — неслись вперёд молча, как лошади в упряжке, наклонив голову, подталкивая друг дружку частями тела. Странно, но если, в этот момент группа натыкалась на препятствие — в виде других редакторов или элементов конструкции здания — пережившая столкновение девушка

почему-то неслась по другой ново-заданной траектории. При этом не теряла выражения осмысленности на лице, но начинала кричать на ходу.

Часто произносят слово «звезда» или ВИП. И ругаются. Всё это, естественно, на бегу. В переводе выглядит так:

— Звезда будет позже.

— Ваша звезда здесь?

— Их звезда подъехала.

— ВИПы нас подводят.

— Наша звезда в пробке.

— Полчаса назад эта звезда, очень плохая звезда, только выехала из дома. Представляешь, какая она дурная звезда?!

Видимо, по одному известному человеку закреплено за несколькими девушками.

А один раз редакторши, слившись в огромную толпу у больших лифтов и заревев «Побежали!», понеслись лавиной в нашу сторону по этому узкому — три метра в ширину — коридору. Перед глазами у меня возникла сцена с бычками из мультфильма «Маугли» — ну, в предыдущем с гибелью Шерхана эпизоде, ну, там где они в ущёлье сталкиваются — я очень испугался и юркнул в открытую дверь гримёрной.

Суть этой беготни так и осталась для меня тайной. Возможно, дамы считали, что работа не может быть без бега, криков и мата. Если ты это делаешь, значит, хорошо работаешь и не зря получаешь свою зарплату.

Пошёл встречать наших участников-подростков к центральному подъезду.

Перед постом милиции у входа толпится часть приглашённых участников, которыми занимались коллеги, исступленно *работающие* сейчас на втором этаже. В основном — люди немедийные, редакторы их называли «эксперты» и морщились.

— Ваши? — спрашивает у меня сержант.

— Нет. Да.

— Тааак!

— Да, да, наши.

— А почему не встречаете? Я их претензии должен слушать?! Мне за это не платят…

Перед рамкой металлодетектора вижу профессора Зураба Кекелидзе, замдиректора Научного центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского. Знаменитый врач-психиатр робко объясняет сотруднику милиции — мол, забыл дома паспорт; мол, предупреждал редакторов по телефону по пути в Останкино; мол, его должны были встретить. А сотрудник милиции не сдаётся — только надменно отмахивается

междометиями и вялой работой мышц лица.

Беру рядового за локоть:

— Это известный учёный и врач, доктор наук и профессор. Он к нам на ток-шоу приехал. И в списках его имя есть.

Удаётся уговорить «силовика». Перед этим выслушав от него пару десятков слов, из которых две трети — нецензурные. В переводе на литературный — претензии обоснованы.

— Что это за бардак у вас?! Вы что себе позволяете?! Встречайте своих гостей, как положено. Куда все это разбежались?! Учитесь работать!

У меня снова перед глазами мелькают грохочущее стадо каблуков. Тоже ругаюсь…

Наши «подростки» почти все в сборе. За час до записи Вика Саваровская просит заменить её — надо из комнаты для гостей проводить ребят в гримёрку.

В комнатке всего три девушки, еле успевают.

Минут через десять врывается редактор-амазонка, воплощение Зевса в юбке. Сразу приступает к боевым действиям.

— Это что такое, а? — заорала она. — У меня ВИПы без грима, бл. ть! А вы здесь со своими алкашами малолетними лезете, бл. ть.

Мне исключительно везёт на такие ситуации. Притягиваю я их, наверное.

Происходит неинтеллигентный диалог, но на «Вы».

— Девушка, не кричите. Не надо при детях.

— Не указывайте мне! Убирайте *этих* отсюда.

— Дети всё слышат, — почти шёпотом говорю ей, одновременно выдавливая даму в коридор. — Зачем Вы про них так, а?

— Молодой человек! — завизжала она голосом женщины, которую однажды резали без наркоза, и она не может про это забыть. — Если ещё раз сделаете мне замечание, то я… то я… я не знаю, что с Вами сделаю!

Мне становится интересно. И в этот момент вдалеке, в конце коридора появляется *Она*, Наталья Никонова — в сопровождении многочисленной свиты.

— А я Вам говорю, девушка, не кричите. Они — дети. Они важнее ваших «звёзд».

— Чтоооо! Уйдите отсюда! И забирайте этих пьяниц ваших мелких! Или я сейчас Вас… убью!

— А я вам еще раз говорю — не кричите, здесь дети.

Редактор-Зевс снова визжит, хватается за голову и бежит, не умолкая, в направлении Никоновой.

Может, у неё проблемы? Может, человек она хороший?

Просто, вот ей сейчас надо выполнить указание руководства. Может, они все неплохие люди. Но такие тут были правила и нравы…

Вот «звёзды», *ВИПы* для них важнее. А я думал — дети главные участники программы «Общее дело». При всём моём уважении к Дарье Донцовой, величайшей русской писательнице — и не только XX–XXI веков — Фёдору Достоевскому, Николаю Гоголю и Уолту Уитмену в одном лице, но дети важнее. Важнее, даже её великого творения романа «Белый конь на принце», и даже детектива «Лебединое озеро Ихтиандра» — этого венца русской прозы. Я не отрицаю, она, Донцова, близка к народу — ведь количество её произведений в каждом вагоне подмосковной электрички в утренний час-пик превышает число пассажиров, оплативших проезд в этом вагоне. А сколько женщин, особенно в провинции, черпают из её величайших творений философию социо-культурологического ориентирования! А тысячи тонн семечек, проданных в бумажных кулёчках из страниц её книг — каждый листик живёт своей жизнью, собирая энергию, теплоту человеческих рук. А сколько её «ироничных детективов» ждёт своей *минуты славы* в деревенских туалетах, а? Нет, признаю, Дарья Донцова — самый народный писатель. А Павел Астахов?.. Это же Дарья Донцова российской юриспруденции. Он хотя и спит, и ест, и отдыхает полноценно, и зарабатывает отлично, но иногда думает о маленьких россиянах. С трудом — но находит же! — время для таких занятий в сжатом графике — а ведь ему и программы на телевидении свои вести надо, и на ток-шоу всякие сходить, и книжки писать, и в судах деньги делать, и интервью раздавать, и на всех значимых тусовках появиться необходимо. Раз в год он задумывается даже о бедных малышах из Сомали, но ему неприятно в этом признаваться — ведь на этот счёт Павлу Алексеевичу инструкций из Кремля не поступало.

Они — великие люди. Я их современник, я дышал с ними одним воздухом, но… Их важно ввели в гримёрку — на место выгнанных подростков — они же должны отлично выглядеть перед камерами. И что?! То есть, да, я мог, воспользовавшись толкотнёй стащить использованный носовой платок Астахова, выклянчить ватный тампон, которым счищали макияж с шеи Донцовой, но… Но, блин, дети важнее…

Прямо на окончание того неинтеллигентного диалога попадает пробегавшая мимо Инна Панкова.

— Что случилось, Эльхан? — делает она круглые глаза. — Что ты ей сделал?

— Кто эта… ммм… мадам, а? — спрашиваю.

Говорит, перспективная большая шишка по имени Полина

Циторинская.

Потом, кстати, эту амазонку назначили шеф-редактором и руководителем «нашей» программы «Участок».

Стою и прихожу в себя. Мимо пробираются монтажёры с НТВ. Здороваемся. У них время позднего обеда — в конце коридора, прямо над 16-м подъездом, останкинская столовая.

Дима Кабанов, режиссёр программы «Сегодня» на НТВ, тоже идёт осторожно, почти прижавшись к стене — чтобы не попасть под каблуки редакторш. Увидел меня — обрадовался.

— Ты что тут делаешь? — спрашивает и вдруг с ужасом оглядывается. — Ты что — с ними?

И делает большие глаза.

— Нееет! Да нет! Гуляю просто, — торопливо придумываю и сразу путаюсь. — Просто жду знакомого… Поговорить с ней надо…

Солгал, потому что мне было очень стыдно.

Но я же не с ними, ведь?

Осталось минут двадцать до начала записи программы. Суматоха редакторш достигает кульминации.

Начинаю и сам паниковать. Сомнения одолевают. Подозреваю, что должна быть какая-то причина этой беготни, хоть какая-то логика. Сердце начинает колотиться так, словно носился вместе с этими девушками последние часы. Пару раз жёстко обругал себя за снобизм.

Принимаюсь разговаривать с самим собой: «Чего-то мы не сделали, парень! Что-то я не знаю!» Всё жду, вот-вот наступит провал. Не может быть всё так просто. Паникую ещё больше.

Больно кусая губы, решил подслушать диалог двух редакторов.

— Ну, помоги. Ну, помоги, — зовёт одна другую.

Диалог не получился. Вторая кивнула первой, и они вместе помчались дальше.

Бегу за ними. Нас обгоняет ещё одна девушка и останавливает тех первых двух. Слушаю с жадностью.

— Ну, помогите! Ну, помогите! — кричит и эта.

Нет, вот так: «Ну, помогиииииите! Ну, помогиииииите!» Выкрикивая это, дёргается и неприлично ёрзает бёдрами. Потом бросается прочь. Те две — за нею. И я — вслед. Но вдруг все трое скрываются в женском туалете. Моё преследование заканчивается.

Бросаюсь к другой группе девушек. Аналогичные призывы о помощи и похожие телодвижения. Так они встречались и кричали друг дружке, а потом вместе убегали.

Мне становится смешно. Хотел пошутить над ними, спросив:

«Девушки, вам от этого что — становится легче?» Но не решаюсь. А потом — снова накатили сомнения, страх, паника…

Время 16:50. Вижу Лёшу Федоренко, сидящего на стуле рядом со входом в студию.

— Слушай, друг, что-то здесь не то, — говорю ему.

И тут вижу вдалеке Корчагину, что-то истерично кричащую Инне Панковой, а та стоит, понурив голову, как нашкодивший ребёнок — мелко-мелко кивает и, мне кажется, тяжело сопит. Потом Корчагина поворачивается к оказавшейся у них за спиной Наталье Никоновой, тычет пальцем в Инну и в нашу с Лёшей сторону, хватается за свои светлые волосы, потом за сердце, трясёт головой — сгибается к земле, топчет ногой, размазывает на лице макияж. Руководитель Студии спецпроектов, прижимая к животу свою знаменитую чёрную сумку, отрывисто стреляет словами — словно лает — потом широко открывает рот и издаёт вопль. Честно! Честно, всё это в реальности было, только слов не расслышал — расстояние большое, но по изображаемой Корчагиной муке мученической понимаю, что требует для нас высшей меры наказания, а Никонова на это согласна.

Коллега бежит к нам. Мне становится тяжело дышать.

— Мы *рассадку* не сделали… — убивает меня Инна.

Во-первых, говорит она это трагичным тоном. Во-вторых, её слова для меня самого как сообщение о вторичной атомной бомбардировке Хиросимы. Что конкретно мы не сделали — это для меня не важно. Важен сам факт. Да, думаю, эта вещь и есть то самое, чего я не знал в ток-шоу. Вот она — тайна этого жанра! Причина всей этой суеты!

Внутри, в районе груди образуется и расширяется пустота — физически её чувствую. В голове включилась сирена с ярко-красной ослепляющей вспышкой: «Это провал! Это провал! Это провал!»

Медленно сползаю на стул рядом с Лёшей. Мечтаю, чтобы в этот самый момент случилось землетрясение, которое всё разрушит кругом и спасёт меня от позора. Закрыл глаза и думаю: «Парень, не успеем! Время упущено! В студии люди собрались, а мы их всех сейчас подставим. Нечего было выпендриваться над бедными девушками. Они-то бегали, делали эту самую, как её…»

— Что такое рассадка? — Лёша смотрит снизу вверх на Инну.

Голос у него спокойный — безмятежно-миролюбивый, как всегда — но тут прихожу в ярость. Хочу с ненавистью наорать на него: «Вам-то хорошо! До вашей записи ещё несколько часов! Вы-то успеете, сволочи! Почему мы оказались впереди вас, а?! Таким, как ты, всегда везёт — у тебя своя квартира в Москве и дача в Подмосковье!..» Мелькает сладкое желание его задушить…

— Нужно нарисовать схему того, как сидят наши участники-подростки, — слова Инны отвлекают меня от замысла этого преступления.

— Ну, а дальше? Рассадка, блин, что такое? — ору я на неё.

— Это и есть «рассадка»! — торопливо кричит Инна. — Схема того, как рассажены герои. Шпаргалка такая — ведущие подглядывают в неё и знают имя участника. Так они не нарушают сценарий…

— И всё??? — не верю я своим ушам.

— Ну, да!

— Постой! Как это? Просто на бумаге А4 — вдоль, так? В виде таблички, в клетках написаны имена, так? Крайний слева в первом ряду — такой-то, дальше — второго так зовут? Оба ряда, где сидят герои, так? Да? Да?

— Да! Да! Да! — кричит девушка.

Теперь она становится для меня желанным объектом тяжкого преступления.

— Инна! Бл. ть! Бл. ть! Бл. ть! Ну, ты даёшь, Инна! Вы с ума сошли? Я думал, это что-то, требующее изменений в сценарии — переписать его, думал, надо. Или связанное с героями — участники особые, о которых мы забыли. Или — с технической стороной записи программы. Ну, рассадка, блин. Сейчас сделаем…

Так и не понял причину той истерики двух блондинок. А ещё не понимаю повода к Вавилонскому столпотворению, устроенному *опытными* редакторшами Студии спецпроектов. Прошло уже почти два года с тех пор, а я так и остаюсь в неведении. Хоть одна из них объяснила бы.

Пока Инна с Лёшей делают эту самую «рассадку», заводим с Викой наших подростков в студию и рассаживаем на их местах.

За нами вваливается Никонова — снова в окружении любимиц и подружек, устроенных на хлебные должности на государственный телеканал. Вроде бы, успокоилась — ступает важно, высокомерно наблюдая окружающий мир. Образ королевы портит судорожно прижимаемая к телу та самая чёрная сумка (что у неё там такое? вот ещё одна не разгаданная мною тайна).

Постоянно кто-нибудь из свиты отбегает, носится по студии, а потом, подбежав к хозяйке, что-то нашептывает ей на ухо — с выразительной мимикой. Хорошие трудовые обязанности.

Ко мне подступает Надежда Дягилева, любимая фрейлина.

— Молодой человек! — это она мне, это их любимое обращение вместо имени. — Вы почему этих детей рядом посадили? Я считаю, эту девочку надо посадить во второй ряд.

— Почему?

— Ээмм… Ну, что Вы вопросы задаёте?! Эммм… Ну, так мне кажется. Я так считаю! Интуиция профессиональная!

«Ага, метафизическое. Необъяснимое. Непознанное. Вот, как они работают! Не потому ли они и бегают?» — мелькает мысль.

— У меня опыт! Уж поверьте — мы ток-шоу тут пачками делаем! — продолжает Дягилева.

— Вообще-то они — мама с дочкой. Им вместе говорить на программе. И будут сидеть рядом!

— Это мать? А похожа на ребёнка. Такая молодая.

Смотрю на её живот — беременна — и прощаю.

Но та подбегает к хозяйке и жалуется на меня. На что? Не знаю! Никонова делает движение в мою сторону, но натыкается на мой взгляд и замирает — молчит, давится, но молчит — резко отворачивается. Делает правильный выбор — с удовольствием отомстил бы за «рассадку», за то, что постарел за две минуты на два года.

Ну, точно — им делать нечего.

Появляются ведущие Пётр Толстой и Мария Шукшина. Он занимается экспертами и «звёздами»: представлять их, вопросы им задавать, микрофон подносить. А она — детьми.

Подхожу к ней. Тихо рассказываю про приглашённых мною мать с пьющей 15-летней дочкой: мол, она с мамой воюет, из дома ушла, и характер у обеих резкий — еле рядом посадили. Главное, корректнее задавать вопросы — чтобы не навредить, чтобы они окончательно не рассорились. Ну, как меня просил занимающийся ими психолог из реабилитационного центра для трудных подростков Марина Булгакова.

— Вот они где — в «рассадке», — показываю. — Вот, здесь.

— Эти? — находит Шукшина на схеме их имена, а потом показывает на них, сидящих в первом ряду в метре от нас. — Эти — неадекватные?

Я опешил.

— А что же вы неадекватных нашли, а? — брезгливо и громко бросает она. — Не было нормальных алкашей?!

Отворачиваюсь и отхожу. А ведь в кадре добрая, мягкая и пушистая… Актриса.

Дурдом, а не телеканал. Перевёрнутый мир. Перед начальством, перед «звёздами», *ВИПами* трусят, а обычные люди для них — пешки. Всего лишь пешки.

После всего увиденного и услышанного сама запись программы для меня потеряла интерес. Ну, чего от них ещё ожидать? Что они будут реально думать — а не только станут демонстрировать это при включённой телекамере — «о катастрофической алкоголизации молодого поколения»?!

Да и большая часть найденных нами детей-участников никому не понадобилась. В основном говорили так называемые эксперты и так называемые ВИПы. Дорывались до микрофона и начинали кричать, орать. Перебивая друг друга, торопясь, глотая слова, повторяясь. Не слушая друг друга; только бы сказать. Что-нибудь, но сказать! Понимаю, почему в России так любят поговорить, бесконечно обсуждать, переливать из пустого в порожнее. Россия — страна ток-шоу. От безнадёги. От бессилия. От абсолютного застоя. Люди хотят быть услышаны, выговориться. О своей боли. О горе. Поговорили — сымитировали деятельность — вроде бы полегчало. Ничего не изменилось, но полегчало. Вот и на той программе — поболтали и разошлись. Первый канал отработал барщину.

Да, самая нужная профессия в России — это психиатры и психотерапевты. Людям нужно — чтобы их выслушали. Самое распространённое вводное слово-вопрос — «Понимаешь?» Выслушали, посочувствовали, пожалели. Психиатры, психотерапевты… Профессия нужная, только неприбыльная — платить за то, чтобы их слушали, люди в России не будут. Если за деньги — мол, это без души. Да, просто выговориться. Друг другу. Нищие, богатые, здоровые, инвалиды, успешные, очень богатые, неудачники. Лучше всего — за бутылкой…

Source URL: http://ostankino2013.com/deti-alkogoliki-skripachi.html

Бунт на 6 000. Инструкция к применению

Я сам напросился — 2 марта 2009 года меня уволили с Первого канала. Это был понедельник.

По словам Олега, это произошло так.

Днём его вызвала к себе руководитель Студии спецпроектов. Наталья Никонова сидела, откинувшись на спинку своего огромного кресла — чёрного, кожаного; в окружении своей большой свиты: креативного продюсера «Зелёной Студии» и Первого канала Виктории Эль-Муалля и исполнительного продюсера «Зелёной Студии» и Первого канала Юлии (Гюльнары) Ильчинской[146].

Дамы собрались на праздник.

— Ты увооооолен! — протянула Никонова высокомерно, с наслаждением и стала следить за лицом коллеги.

— Хорошо, — спокойно сказал Олег. — Давайте приказ.

— Нет. Ты не понял! Ты увооооолен! — повторила дама и посмотрела на других дам. — С 5 марта. Ну, понимаешь, в стране… ээээ… в мире экономический кризис. Тяжело…

— Я всё понял. Давайте приказ.

Противоположный лагерь пришёл в замешательство — минуты на четыре-пять. Женщины смотрели друг на друга. Возможно, они ждали истерики от Олега.

— И ты ничего не хочешь сказать? — с подозрением и осторожно спросил теле-босс в большом кресле.

— Только я уволен? А ребята из нашей редакции?

— Ну. Ну, Мирзоев ещё. Ты… передай ему.

Олег собрал нашу «оппозицию» и передал.

— Ну, и отлично! — говорю я. — Это надо отметить. Наконец-то, мы с ними расстаёмся.

— Представляешь? — рассмеялся коллега. — Эти гениальные люди даже приказ неправильно составили. Написали — «в связи с истечением срока трудового договора», а он у меня заканчивается в июне. Мало того, датой подписания приказа указали 5 марта, а не сегодняшнее число[147].

На Первом канале всё делалось *гениально*, «с креативом». Даже увольнения сотрудников.

Как я уже говорил, у меня — в отличие от Олега, у которого действовал договор с ОАО «Первый канал» — трудовые отношения юридически оформлены были с ООО «Зелёная Студия», принадлежащей супруге Константина Эрнста Ларисе

Синельщиковой. Как и у большинства сотрудников редакций Студии спецпроектов телеканала. Такая схема давала возможность теленачальству не только воровать, перепродавая на бумаге друг дружке телепродукцию, но и снимало с главного СМИ страны все обвинения в массовых увольнениях. Дескать, это же не с Первого увольняют — это же другое юрлицо!

А массовые увольнения начались ещё осенью 2008 года. В первую очередь избавлялись от «технарей» — операторов, монтажёров, водителей — и сотрудников административных служб. Большинство этих коллег числились в компании «ТехноСтайл» и ещё в одном «юрлице» с названием, ассоциирующимся у меня с оргиями галлов и римских легионеров Юлия Цезаря — «Катапульта Продакшн». А также в других шарашкиных конторах, принадлежащих абсолютно конкретному физическому лицу — Синельщиковой Л.В.

Из уволенных до нас — осенью и зимой — никто не протестовал. В открытую. Возмущались — да. Возмущались…

Я предлагал помощь некоторым тем коллегам. А они только возмущались. Не стану же я вместо них в суд идти. Акции устраивать, если они сами против…

Однако, руководство Первого всё же опасалось эксцессов. Это видно по тому, как подошли к увольнению «творческих» сотрудников — редакторов, продюсеров.

Это была хитроумная, многоходовая операция. Ну, и конечно же, креативная. Это же Первый канал. Без креатива тут даже в булочную — за хлебом — не ходят.

Договоры с «Зелёной Студией» у всех заканчивались в конце 2008 года. 30 декабря на общем собрании с сотрудниками всех редакций руководитель Студии спецпроектов Первого канала Наталья Никонова объявила, что до лета будущего года никаких массовых увольнений не будет — мол, там и кризис должен закончиться. После этой высказанной вслух мысли все обрадовались — раздались искренние рукоплескания: коллеги стали друг друга поздравлять, шутить, а две экзальтированные редакторши стали плакать, причём одна из них — истерично.

Сидевший рядом со мной Олег больно ткнул локтём в бок и стал передразнивать:

— А ты говорил: «Они народ разгонят. Увидите! Прямо под Новый год!» Оливье, мол, у вас в горле застрянет. Панику сеял. Не сработали, Эльхан, твои логические конструкции…

Не разделял я проснувшиеся вокруг оптимистичные настроения. Во-первых, собрание проходило в студии «Пусть говорят». Это было слишком символично — как если в тюрьме Абу-Грейб вести беседы о пользе раздельного питания для

старородящих мамочек. Во-вторых, обычно надменная Никонова выглядела противоестественно смущённой. Сотрудники сидели там, где обычно рассажена массовка, а начальство — в центре студии, за небольшим столом, но Никонова постоянно вскакивала со стула — то, забыв о нас, суетливо озиралась, то натянуто улыбалась залу, нам, слащавой улыбкой.

— Мы сейчас не успеваем подготовить нормальные трудовые договоры на следующий год, — неубедительно оправдывалась начальница. — Сегодня подпишите месячный контракт — до конца января. А потом мы всё подготовим. Честное слово!

Третье, что вызывало подозрение — заявление о смене официального главы ООО «Зелёная Студия»: зиц-председателя Андрея Макарова на зиц-председательницу Ольгу Андрееву. Оба были тут же и тоже вели себя странно.

— Никакого кризиса нет! И скоро все это поймут! — стал намекать бывший гендиректор в прощальной речи.

Потом Макаров, как всегда одетый в стиль а-ля Гаврош — бунтующего, но, вообще, сытно питающегося «дворового пацанчика в душе»; ну, как выглядел в 90-е Гарик Сукачёв в своих клипах — как всегда коснулся своей любимой темы «о новых гаджетах». Но когда он ещё раз намекнул на что-то грядущее — что-то, с чем он не согласен и потому умывает руки, Никонова в панике прервала главу независимого юрлица, а тот уселся неподалёку и с очищенной совестью уставился в свой дорогой iPhone.

— Хороший мужик! — шёпотом заявил Олег и стал со всеми хлопать любителю техигрушек. Я не хлопал и делал всё, чтобы это видели окружающие — у меня потребительская аллергия на жанрово-стилизованную одежду из бутиков.

А вот новый гендиректор «Зелёной Студии» Ольга Андреева напоминала бухгалтера разваленной рейдерами животноводческой фермы из Подмосковья — внешним видом, образом мысли и даром речи. У неё дрожали руки, встать со стула не смогла и, после двух попыток, сидя произнесла короткий текст, из которого я разобрал — толи она смущена, толи ей стыдно, но она согласна что-то сделать, во всём «прислушиваясь к окружающим»…

Кстати, как выяснилось почти в тот же день, в прошлом Андреева была частным репетитором детей Ларисы Синельщиковой по английскому языку. Не знаю, удалось ли ей чему-то научить капризных отпрысков, но курьёзную телевизионную карьеру она сделала — появилась на Первом канале год назад, чтобы играть роль человека, ставящего по указанию Семьи нужные подписи. И вот эту вот дамочку

Константин Эрнст назначил потом телеакадемиком — ввёл в состав Академии Российского телевидения. Ещё раз! Она — Ольга Николаевна Андреева — ежегодно участвует в раздаче наград «ТЭФИ»! Хорошо!..

Плохоотрепетированный спектакль в студии «Пусть говорят» коллег не насторожил.

Действительно, в конце января уже нового 2009 года за два дня до окончания действия январского контракта всем сотрудникам «Зелёной Студии» раздали срочные договоры сроком до июня, коллеги их подписали и сдали в отдел кадров — на визирование руководством. Но обратно на руки их не получили. Но успокоились.

А 28 февраля почти сотне сотрудников Студии спецпроектов объявили об увольнении. Меня в тот день на работе не было — после записи программы «Общее дело» две недели пролежал дома — по диагнозу врачей, осложнения из-за нервного истощения — но коллеги описали, как это было.

От кабинета Ольги Андреевой в один конец останкинского коридора растянулась длиннющая очередь «вызванных на беседу»: они жались к стенке, друг к дружке, подавленные разговаривали шёпотом — некоторые рыдали — и, коротко упираясь, всё же послушно заходили к начальнице как в распростёртые объятия мясника на скотобойне. А вся противоположная часть коридора, то есть другой его конец, деятельно кипела жизнью — тут только разместили редакции Первого канала, работающие над подготовкой и проведением «Евровидения-2009», на ближайшие месяцы главного занятия и источника дохода всей семейки Эрнст-Синельщикова и родни: несли ящики с новеньким, ещё не распакованным оборудованием, дорогой техникой, коробки с документами, перетаскивали мебель и важно расхаживала свежая партия сотрудников. К новому зиц-председателю некоторые коллеги заходили целыми редакциями. Говорят, когда кто-то осмелился заметить Андреевой, что это же, мол, массовые увольнения, это же запрещено ТК, бывший репетитор английского языка изнеженных детей мадам Синельщиковой вздохнула тяжело, посмотрела в окно и сообщила: «Ну, чем вы себе голову забиваете?! Посмотрите в окно — какая погода! Весна приходит. Надо радоваться жизни!» Клялась, что она-то «на стороне увольняемых бедненьких» — её саму, дескать, заставляют. Вот, сами убедитесь. Включает громкую связь на телефоне и набирает бухгалтерию: вот, мол, я не скрываю — нам ведь бюджет урезали. А на том проводе сотрудница, пару раз удивленно поддакнув, под конец разговора — её же не предупредили — возьми и брякни: «Ольга

Николаевна, я те самые 400 тысяч Вам в сумочку положила. А завтра я ещё полож…» И тут будущий телеакадемик, густо покраснев, в панике принялась лихорадочно нажимать на кнопки телефона, чтобы отключить функцию…

Дата была выбрана специально. Ведь это был последний рабочий день месяца — коллег увольняли по истечению срока действия предыдущего январского договора. То есть задним числом. Чтобы они не успели оспорить решение работодателя в суде.[148] Такая креативная мысль начальства до меня сразу и не дошла — про эту норму ТК я знал, но трудовая книжка-то моя находилась в отделе кадров и копии приказа мне никто не выдавал. Я и успокоился.

Я успокоился, когда Олег в понедельник сообщил о нашем увольнении. Я был спокоен. Мне стало хорошо. Вдруг. Ведь я ухожу отсюда. Я их больше не увижу! Мне не придётся доказывать, что цыгане такие же люди, как я, Аида Ганеева, Наталья Никонова, Константин Эрнст, Игорь Сечин, Алексей Кудрин и даже — прости Господи! — Синельщикова Лариса Васильевна. Что Великая Отечественная — это далеко не михалковский взгляд на неё в виде порно-комедии с фейерверками. Что ансамбль детей-алкоголиков-скрипачей — явление, в природе несуществующее. Что носки не летают…

Но *гениальность* руководства Первого канала меня разбудила. Они тут придумали правила игры, удобные для себя. И заставляют меня — говорю за себя — жить по этим правилам. Они хотят отнять у меня право на мнение. Конечно! Главная их — людей, которым свалилась в руки власть — беда: они поверили, что люди бараны. «Пипл всё схавает»…

В тот же вечер 2 марта меня попросила зайти к ней Ольга Ванцова, заместитель гендиректора «Зелёной Студии».

Эта молодая девушка, к которой я хорошо относился, оказалась очень исполнительной.

— Ой, я так расстроена, Эльхан. Так расстроена! — щебетала почему-то радостная Ольга. — Таких сотрудников увольняют. О чём они думают?!

Потом некоторое время она со мной кокетничала. Это меня не насторожило.

И вдруг — вижу — тихо-тихо подталкивает какую-то бумагу.

— Это что? — спрашиваю.

Девушка замялась. Читаю шапку — «Договор об оказании услуг». Стоит дата — 30 января 2009 года, срок действия — до 28 февраля.

— Понимаешь, у тебя сумма за февраль крупная получается. Вы же дополнительную работу выполняли, так? Вот. Чтобы

компания эту сумму могла выплатить, надо тебе этот договор подписать.

Такое у меня в работе случалось, иногда так мне оформляли премии. Правда, не на Первом канале.

— Это формальность! Формальность! — гипнотизировала Ольга. — Ну, что ты его читаешь?

Что-то мне в её голосе не понравилось.

— Точно меня будут увольнять по тому договору, который мы подписывали в январе — до конца мая?

— Ну, конечно! Какой вопрос! Ты же весь февраль по нему работал. А это — так, формальность! Подпиши, пожалуйста! Ну, подпиши!

— Кстати, Ольга — где он? — продолжаю я её расспрашивать и подписываю документ. — Я его уже целый месяц не могу у тебя получить.

Тут Ванцова вырвала у меня из рук подписанные бумаги и изменилась.

— Извини, мне надо бежать. Столько дел! А за договором заходи через пару дней.

Так Ольга Ванцова в тот и на следующий день обманула ещё несколько коллег из «Зелёной Студии». Но её мне очень жалко.

Через два дня случайно сталкиваюсь с ней в коридоре и спрашиваю, где, мол, мой обещанный договор. И вдруг она преобразилась в злую, но чем-то удовлетворённую женщину.

— Всё! Тю-тю ваши договоры! Уничтожены они. А уволят вас задним числом — за февраль вам заплатят и всё! Что же вы все подписываете этот договор об оказании услуг, а?!

Я промолчал, а Ольга звонко рассмеялась и прежде, чем убежать, кинула в мою сторону:

— Какие же вы котята слепые. Одно удовольствие вас всех дурить!

Операция Первого канала прошла успешно — я лично разозлился. И открыл Трудовой кодекс. Вот с этого и началось освобождение.

Не мог понять, почему настолько *креативно* провели увольнение. Ну, сделайте это красиво. А ведь многие думают — это же Первый канал, здесь работают только суперпрофи.

Олег собрался идти в отдел кадров телеканала. Консультирую его.

— Скажи им, что тебе полагается по ТК компенсация за неиспользованный отпуск — за 21 день.

На всякий случай сам ему подсчитал. Минут через пятнадцать возвращается.

— Говорят, что *впервые слышат о компенсации за*

неиспользованный отпуск. Я им: «Посмотрите в Трудовом кодексе — статья 127». А они мне: «*У нас нету Трудового кодекса*».

— Может, они притворяются. Это же бред!

— Да нет. Действительно удивились. Сказали зайти позже — выяснят.

Выяснили. Поразились. Заплатили.

Захожу в отдел кадров «Зелёной Студии».

Девушки ведут себя подозрительно — заискивают, улыбаются. К чему бы это? Ааа… Пытаются уговорить меня подписать акт приёма-сдачи услуг к Договору об оказании услуг[149] — Ванцова забыла, поторопилась с откровениями. Отбиваюсь. Начинают умолять. Даже унижаются: «Ну, что Вам стоит, а? Ну, пожалуйста. Вы же хороший…» Сдерживал себя, но потом рассмеялся.

После того как отказываюсь, дамы меняются. Кому-то позвонили, что-то сообщили. И вдруг стали высокомерные. Злобные. Пасмурные. Два раза прозвучало злорадное: «Так тебе и надо!» Опять рассмеялся. Это рабское. Рабы. Рабы, которым надо перевыполнить указание хозяина.

Забираю трудовую книжку. Сотрудник отдела кадров Анастасия Багреева, пытаясь отвлечь внимание, протягивает Журнал учёта движений трудовых книжек.

— Вот тут надо поставить дату 29 января этого года. Вот, вот тут. Сейчас графу заполню.

Начинает вписывать мою фамилию. То есть они даже не фиксировали, что моя «трудовая» находится у них. Останавливаю её.

— Поставлю сегодняшнее число — 5 марта. И всё!

— Нет! Нет! — закрывает журнал своим телом. — Тогда не отдам трудовую.

— Конечно! — беру «трудовую» и ухожу.

— Ну, пожалуйста! — кричит вслед Багреева. — Ну, напиши: 29 января. Вернись, пожалуйста!

Чего они так стараются? Им-то что от этого?

Только вышел из отдела кадров, получил смс от Лёши Федоренко с таким текстом: «*Из книги апостола Иакова (5:1,3,4). «Послушайте вы, богачи! Скорбите и рыдайте, ибо на вас надвигаются несчастья. Вы скопили сокровища свои в эти дни последние! Работники, трудившиеся у вас на полях, собрали для вас урожай, вы же им не заплатили. И теперь они взывают громко, и вопли их достигли слуха Господа»*.

Да, коллег из Останкино было не узнать…

На этажах, где расположены редакции Студии спецпроектов, пробуждалась жизнь. Сомнения, напитавшись, подкрепившись

обидой на высокомерие начальства, перешли в робкие возражения, а потом и в громкую критику.

Некоторые сели писать жалобы в трудовую инспекцию. Почти все консультируются с юристами. Были и такие, кто готов к решению спора в суде, и даже озвучивает это не только «своим», но и некоторым второстепенным начальникам.

К нам с Олегом идут за советом. Говорят: «Вы же Трудовой кодекс читаете…» Перезнакомились со многими редакторами-коллегами. Выглядят как живые. Взгляд изменился, голос изменился, походка, осанка. Сила.

Инспекция, суды, жалобы — такое ещё месяц назад на Первом канале невозможно было представить. Но… Это не то. Чувствую, что не то…

Идея организовать протестную акцию на Первом канале пришла мне в голову утром на следующий день после общения с отделом кадров, когда я её — голову — намылил под душем. Сколько мыслей — хороших и не очень (в том числе и намерение опубликовать этот дневник) — появлялось у меня во время этого процесса, сколько тем для репортажей! Больше только перед сном.

Так вот, стою я под струями воды — и вдруг меня ошпарило. Точно — голодовка! Забаррикадироваться на рабочем месте в Стакане и объявить бессрочную голодовку. Всем уволенным — массовым протестом на массовое увольнение.

Я боялся. Очень. Боялся своих мыслей. Что кто-то о них догадается. Прочитает мою душу. Боялся даже думать об этой акции. Что разрывавшее меня внутри чувство станет известно окружающим…

Я чувствовал себя свободным. Чувствовал себя сильным перед Системой. Что хотя бы на короткое время могу оказаться на равных с Системой. Сделать ей больно. Отомстить ей за своё рабство. За своё малодушие.

Ни с чем несравнимое ощущение это чувство свободы.

Состояние — как после сна. Ты проснулся! Протёр глаза. Всё становится ясно. Начинаешь чувствовать — руки, ноги, всё тело и себя. Понимать себя. Верить себе. Вокруг даже словно становится светлее. Больше света. И воздуха.

Ты помнишь своё гипнотическое положение. Свой статус сомнамбулы. Помнишь, что с тобой делала — или пыталась делать — Система. И мстишь за её подлость. И за свое малодушие!! За будимого в тебе мистера Хайда.

Это тоже азарт. Это тоже как наркотик. Вернее, как чувство счастья. Эйфории. Я — человек! Мыслящий! Чувствующий! Живой! Раз борюсь — значит живой! Значит существую!

Это и ощущение силы. Реальной — необъяснимый прилив физической силы. И духа.

Особенно силы. Своей силы. Тем более, когда знаешь Систему изнутри. Знаешь все её слабые стороны. Слабости. А внутри у неё всё слабое. Болезненное. Прогнившее.

Первым, кому я предложил участвовать в акции, был Олег.

Сейчас-то понимаю — то, как это происходило, выглядело со стороны смешно.

Коллегу я застал в нашей редакции на 13-м. Взял его за руку и без объяснений отвёл в «курилку» на 10-ом этаже. Проверил, нет ли кого-нибудь на верхнем и нижнем этажах. Вынул сим-карту и батарейку из своего мобильного и ничего непонимающему Олегу указал сделать то же самое — мне знакомые ребята из спецслужб объясняли, что после этого подслушать телефон невозможно. Ну, паранойя! Ещё подстраховались — отошли от «мобильников» на несколько шагов. И только после этого шёпотом рассказал другу о своём плане.

Бедные мы. И глупые. Семьдесят лет нас запугивали тотальной слежкой в Советском Союзе. И десять лет — в новой России. Конспирация стала гражданской привычкой. Бестолковой.

Система-то внутри трухлявая. Её сила, мощь — это витрина. Это, в основном, из-за наших страхов…

Олег согласился сразу. Обрадовался. Глаза заблестели. Тоже проснулся.

А вот все остальные, кому мы предлагали присоединиться к нам, отказывались. Я лично такого — чтобы отказывались все — не ожидал! Говорили, что боялись. Мол, получат «волчий билет», не смогут потом найти работу в профессии, в Системе. Хорошо ещё, что не сдали.

Были и те, кто помог. Но пойти с нами побоялись. Ничего. Ничего. Не сразу. Не сразу. Хотя, может, не надо оправдывать их…

«Волчий билет». Я понимал, на что идём. Ещё в конце января мы с Олегом собирались уходить с Первого, но тогда нам продлили контракты до конца мая. Договорились о новом месте работы с нового телевизионного сезона, с осени.

Потом это мартовское увольнение. И тут у нас была возможность начать новый проект на другом телеканале — Олег придумал и предложил ему репортёрскую программу. Даже нашёл спонсоров для неё. Но мы всё же пошли на эту акцию протеста.

Понимали, что теперь у нас перспективы в телевизионной журналистике нет. Я лично отлично понимал! Да я и сейчас

считаю, что мы поступили правильно. Это же чувство свободы. Пленительное чувство. Ничего не может быть лучше! Это же как начать летать, осознать, что можешь летать, а тебя до этого долго заставляли ползать. Убеждали, обманывали, дескать, можешь только ползать. Разве освобождение не стоит какого-то «волчьего билета»?! «Чёрной метки» от Системы?!

Слабость Системы в том, что она уверена в своих силах, в своих рядах, но при этом бойцами у неё — рыхлый пугливый раб. А ведь раб в Системе, за Систему — лишь до того, пока она сильна.

Они думают — все башмачкины. Даже акакий акакиевич может в лоб дать. Даже среди сотни найдутся двое *глупых* рабов.

«Волчий билет»… Никогда не думал, что чувство свободы стоит так дёшево. Вся акция обошлась нам приблизительно в шесть (!) тысяч (6 000) рублей — на двоих.

Олег придумал транслировать акцию в Интернете в прямом эфире. Зарегистрировал сайт — **www.realrussia.tv.** Купили USB-модем Yota для беспроводного автономного подключения к Интернету. Тогда он стоил пять тысяч рублей, везде рекламировался (в том числе и главой государства), но оказался пустышкой — скорость низкая, постоянные сбои, цена за обслуживание высокая; но для той акции сгодился. Хотели использовать ещё и пару веб-камер, но не нашли дешёвых — мы-то были уверены, что всё оборудование после акции у нас арестуют. Решили ограничиться встроенной камерой со старого ноутбука. Во-первых, не жалко, во-вторых — камера с таким низким качеством передаст реалистично происходящее, создаст эффект непостановочного, неприглаженного, «живого» видео — «картинки», от которой зритель уже отвык.

Остальные расходы у нас были на воду — купили несколько бутылей (почти 30 литров воды) на тот случай, если голодовку нам всё же удалось бы провести, и акция продлилась бы несколько дней. Хотя Олег предполагал, что мы продержимся внутри здания всего несколько часов, я готов был к продолжительному протесту — настоял, чтобы коллега тоже взял с собой какие-нибудь тёплые вещи, одеяло. Сам ещё запасся и блоком сигарет.

Готовились основательно. Всё продумали. Необходимое для акции мы завезли в редакцию за несколько раз, чтобы не вызвать подозрение.

Я уже писал, что расположенная на 13-м этаже АСК-1 наша редакция схематично представляет собой длинный коридор, в котором гипсокартонном сооружены четыре длинные и узкие, как гробы, сквозные комнаты. Мы решили, что забаррикадируем

главную входную дверь и длинный коридор — самое узкое помещение в редакции — ведущий в единственную большую первую комнату, где обычно проводились наши «летучки». А ноутбук поставим на стол Аиды, стоящий в противоположной стороне от коридора, и веб-камера будет снимать как нас, так и этот забаррикадированный коридор.

— Если что, можем отступить в три следующие комнаты, — говорю я Олегу во время «рекогносцировки».

Решили начать акцию рано утром — когда начальство Первого канала ещё спит. Эрнст появляется в «Останкино» к часу дня, руководители рангом ниже — немного пораньше.

Заранее был подготовлен пресс-релиз для рассылки по СМИ, российским и зарубежным. Помимо информации о нарушениях ТК и голодовке, добавил в него и угрозу самосожжения — в случае применения силовых действий против нас.

Конечно, сжигать себя никто не собирался — в прямом смысле слова. И, кстати, большинство звонивших во время акции коллег очень хорошо понимали — это форма для привлечения внимания, ясный образ, символизирующий демонстративный, радикальный протест. Если уж быть нескромно откровенным — обобщённая ассоциация о крайней степени отчаяния, выраженная через действия конкретных людей («это уже свои, коллеги! знакомые нам коллеги») в конкретном, известном, но неожиданном (Останкино!) месте. И кто хотел, тогда понял. Кому надо было, тот нашёл. Лично для меня *самосожжение* — это тот самый «волчий билет», который меня с нетерпением ждал. Это чётко осознаваемый мною неминуемый разрыв с тем, что называют сейчас «профессией тележурналиста» — из Системы-то выбрасывают даже за одну только мысль о протесте. Да, я сжигал мосты! Я рвал с Системой! Но уж эту метафору я точно не думал, что кто-то разгадает.

Была ещё одна цель в озвучивании такой «угрозы». Понимал, что противоположному лагерю понадобится какой-нибудь негатив о нас. Однозначно — Система ведь не понимает диалога, сама мысль, что с кем-то надо что-то обсуждать на равных выводит её из себя. А багаж образов, как и сам *гениальный и креативный* мыслительный процесс «автоматчиков партии» — карманных «журналистов» и силовиков-«аналитиков» — до неприличия предсказуем, но до смешного бессовестен. Так вот. Угроза самосожжением — это та зацепка негатива, за которую могла ухватиться противоположная сторона. Достаточный для приготовления их информационного «яда» «ингредиент». Кому надо было, тот нашёл. И стал говорить и писать — вот, они готовы себя сжечь, они, мол, неадекватные. Нормально! К этому

мы были готовы. А то бы пришлось оправдываться, что у нас действительно нет с собой ни оружейного плутония, ни нигерийского героина с дагестанскими фальшивыми долларами. Ну, и, наконец, что шахидами мы не являемся, как и двойными агентами Ми-6, и в течении многих лет не делились с Лондоном гостайной — сведениями о «серых» схемах на Первом канале и НТВ.

Олег предлагал купить два специальных костюма из огнеупорной ткани — такие используют каскадёры во время съёмок спецтрюков в кино. Но они оказались дорогими; зато выяснили про спецодежду для сварщиков из брезента с огнезащитными свойствами — по 500 рублей каждый. Коллега говорит, наденем их во время акции: «для полноты образа — вдруг, гореть придётся».

Хорошо, что эта идея коллеги не прошла. Как представлю себе эту «картинку» во время онлайн-трансляции: какие-то два взрослых парня сидят напротив друг друга на странных грязных, *зассанных* диванах; оба в негнущихся брезентовых костюмах-комбинезонах; смотрят друг на друга, по сторонам озираются, в затылках чешутся — чего-то ждут…

Точно — был бы полный образ. И народ рассмешили бы. Сам до сих пор без смеха не могу вспоминать о том предложении. Ещё бы противогазы надели бы. Для конспирации. Или для защиты от газа, если вдруг «силовики» его используют. Вот, только по телефону в нём говорить трудно…

Смешно. Ну, мы же не каждый день акции протеста проводим. У нас профессия, вообще-то, другая.

Думаете, Система умнее? Да?

Мы с Олегом постоянно опасались, что наши приготовления заметят. Ведь по бумагам, официальным отчётам — «Останкино» защищено как ядерный реактор. Всё-таки, стратегический объект, режим, государственная охрана. Камеры везде развешаны. На каждом шагу. Одна — прямо над входом в нашу редакцию…

Нет, по бумагам они все работают, деньги ведь на них выделены. И потрачены…

А, оказалось, из всех этих камер слежения работает лишь десять процентов. В основном — в лифтах. Остальные — муляжи. Бутафория.

А мы боялись, что про акцию узнают. Когда таскали воду — боялись. Носили одеяла, одежду — боялись. Отворачивались от камер. Ходили по несколько раз. Эх, столько времени зря потеряли!

Стратегический объект. Система умнее. Конечно…

Акцию мы планировали провести 17 марта. До этого числа

нам должны были перечислить зарплату.

Да, ждали денег. Своих денег. Заработанных. Оплату нашего труда.

Удивительна логика руководства Первого канала — ведь, по ТК, полный расчёт, в том числе компенсацию за неиспользованный отпуск, я должен получить в день прекращения трудового договора[150] — то есть, по выбранной работодателем тактике, в конце января. И в то же время на т. н. зарплатную карту мне в середине февраля и марта переводят деньги на основе договора заключённого работодателя с банком на обслуживание в рамках зарплатного проекта.

Ну, увольняете задним числом — так сделайте это красиво! Чтобы я вам ещё и спасибо сказал. А тут…

Система умнее…

16 марта одновременно подали исковые заявления в Останкинский районный суд. И в тот же день разослали «письма счастья». Так мы назвали официальные заявления-жалобы — президенту Медведеву Д.А., Уполномоченному по правам человека Владимиру Лукину, председателю Комитета Госдумы по труду и социальной политике Андрею Исаеву, зампредседателя Комитета Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству Виктору Илюхину и зампредседателя Комиссии по трудовым отношениям и пенсионному обеспечению Общественной палаты Татьяне Алексеевой.

Пусть не говорят потом, что мы не воспользовались *их* институтами — бутафорией Системы.

Такой же бутафорией, как останкинские камеры слежения…

17 марта. Акцию пришлось перенести. В назначенный день утром мы не смогли попасть в редакцию — накануне сменили замки на входной двери. И в тот же день нам обоим отключили корпоративные телефоны.

Мы вдруг подумали, что нас, наконец-то, заподозрили. Но наши электронные пропуска в Останкино действовали.

Странно…

Походили по Останкино. Никто не смотрит на нас как на заговорщиков.

Ладно…

Кипение от обиды спало.

Бывшие коллеги из Студии спецпроектов Первого канала успокоились.

Смирились.

Снова испуг в глазах, усталость. Вялость. Прячут, отводят взгляд. Стыдливо здороваются и сразу убегают. Убегают те, кто

ещё дней десять назад клялся «идти до конца». Чем страшнее клялись, тем быстрее сейчас убегают.

Покорились.

Некоторые *договорились* — приняли кабальные условия начальства: их берут обратно на зарплату, составляющую 50, а у некоторых даже 30 процентов от прежней. И были такие, кто согласился. Говорят: «Что тут поделаешь?!» По глазам видно, считают — им ещё повезло.

Кипение спало.

У них.

— Олег, теперь мы с тобой сообщники. Официально тебе заявляю о начале моей голодовки!

Коллега смеётся.

— А я начинаю завтра утром, — предупреждает он. — Ладно, пошли. Уже одиннадцать вечера.

Ночь на 18 марта. Проникаем в редакцию. Пока шли по Останкино, чуть не нарвались на свиту Никоновой — едва разминулись. Не надо нам с ними встречаться.

Спрятались в нашем «закутке» — так мы называли маленькое техническое помещение, дверь в которую находится у комнаты для «летучек». До часа ночи прождали там — пока все не ушли, пока в соседних редакциях не затихли голоса. Подремали…

Выходим.

Начинаем строить наши баррикады.

Входную дверь блокируем двумя диванами, столами. Крайний диван упирается в выступ стены, так что дверь раскрыть невозможно. Но на всякий случай в замок забиваем клинышки.

Старый телевизор, упрямо и символично показывающий только НТВ, наконец-то пригодился для настоящего дела. Его и все тумбочки редакции используем в качестве балласта, утяжеляющего основные элементы баррикады — диваны.

— Давай включим «ящик» во время акции на полную громкость, — говорю Олегу. — Там, с наружи служба безопасности Первого канала начнёт дверь ломать, а с этой стороны НТВ кричит. Пусть слушают конкурентов — бесятся.

Олег не смеётся. Больше кряхтит и комично ругается.

Оставшееся пространство коридора — узкое горлышко перед большой комнатой — заполняем кучами опрокинутых кресел и перевернутыми стульями, ощетинившиеся железные ножки которых напоминают мне рожны, а сама конструкция — танковые ежи.

— Если они дверь даже поломают, то тут пройти не смогут, — зло подытоживает мой сообщник. — Ноги себе переломают!

Я представляю себе эту картину и остаюсь доволен — качеством защитного сооружения.

— Ага. Мы с тобой прямо как триста спартанцев! А этот коридор — наш Фермопильский проход.

— Ну, бить мы никого не будем, — смеётся коллега. — Зато успеем отойти в следующие комнаты.

— Если только они сразу не начнут слева ломать стену, чтобы зайти нам в тыл…

(О таком манёвре служба безопасности Первого канала подумала на следующее утро, но не смогла (!) найти план помещения!)

Потом в нашем «закутке» конструируем подобие туалета — это обрезанная сверху большая 19-литровая тара из-под воды. Там же — и моя «курилка».

К четырем утра все приготовления были закончены. Часа три с половиной надо было отдохнуть.

Олег спокоен и сразу засыпает на одном из двух оставшихся в большой комнате диванов. А я ещё полчаса ворочался — от происходящего волнуюсь больше, чем на войне.

Ровно в восемь утра Олег включил видео-трансляцию, а я отправил первое письмо. Минут за десять мы разослали наше заявление по всем известным нам электронным адресам коллег.

Сидим. Ждём.

Проходит четверть часа.

Странно, ничего не происходит. Телефоны молчат.

Ещё пять минут позади.

И тут всё началось. Вдруг.

Первым, помню, позвонил Дима Перминов — тогда продюсер информационных выпусков на радиостанции «СИТИ-FM», а несколько лет назад мы вместе работали на НТВ.

Следующие два с половиной часа прошли в многочисленных интервью — объясняли ситуацию с увольнением, подробно рассказывали о нашей акции, о «серых» схемах на российском телевидении. Телефоны не умолкали, звонки раздавались одновременно. На многие мы даже не успевали отвечать. Обратил внимание — после одного из разговоров обнаружил, что у меня 28 непринятых вызовов…

— Мне только что звонил какой-то мужик. Назвался Шубиным, сказал, что он глава Телецентра «Останкино»?

Было уже начало десятого утра, когда Олег попросил меня оторваться от общения с коллегами.

— И что он хотел? Интервью у тебя брал?

— Ага. Эксклюзивное, — в ответ сыронизировал он.

Потом посмотрел на дисплей своего мобильного.

— Вот снова он звонит. Это его номер. Включаю громкую связь. Слушай!

— Ну, ребята, ну что вы творите, а? — жалобно затянул ещё не проснувшийся голос, совсем непохожий на голос современного начальника. — Вы же меня подставляете! У вас конфликт с Первым каналом — Телецентр тут при чём?! А? Парни, слышите?

— Мы приносим извинения всем сотрудникам службы безопасности Останкино и местным милиционерам, а также всем работающим тут коллегам — за доставленные им беспокойства из-за нашего трудового спора с Первым каналом. Поверьте, мы не хотим создавать проблемы третьим лицам. И наша акция…

— Да вы уже мне столько проблем принесли! — перебил Олега голос с отчаянием. — Вы не понимаете! Вы не понимаете!

— Но это же наше рабочее место! Наша редакция!

— Вы не понимаете! Вы не понимаете! — продолжал повторять крайне взволнованный человек, и я вдруг представил, кто уже сегодня помимо нас доставил ему проблемы.

— Скажите честно — есть у вас бензин? А-то у меня тут…

— Да нет никакого бензина! — крикнул в трубку Олег. — Нет у нас бензина! Я же уже говорил Вам!

— Это хорошо. А-то у меня тут… — снова недоговорил Шубин. — Подождите меня, я сейчас еду в Останкино. Я уже скоро. Сядем — по-мужски всё обсудим.

— Мы, вообще-то, собираемся тут голодовку продолжать.

— Ну, ребята! Ну, ребята! Ну, я вас прошу — меня не подставляйте!

И тут глава ТТЦ вспомнил:

— А где вы сидите? Где у вас… это… голодовка?

— На своём рабочем месте. В нашей редакции.

— А где? — в отчаянии бас перешёл на малодушный дискант. — Где она, ваша редакция?

Я ушёл в другую комнату, принимая входящий вызов «мобильника».

— Говорит командир 5-го полка милиции УВО при ГУВД по городу Москве Поповичев, — заявляет брутальный добродушный голос этого боевого офицера.

— Я Вас знаю, Евгений Владимирович. Извиняемся перед Вами и Вашими коллегами, но у нас тоже есть права.

— Выходить будете?

— Нет.

— Ну, надо же выйти.

— Когда-нибудь мы отсюда конечно выйдем…

— А где вы сидите?

— В нашей редакции — на 13-м этаже.

Голос полковника милиции сказал «Мммм» и осёкся.

— В АСК-1, - на всякий случай добавил я.

Потом была пауза — полковник помолчал, и связь прервалась. Я знал этого офицера с хорошей стороны и уважал его. До осени того года.

Минут через десять ко мне дозвонился ещё один забавный человек.

— Эльхан, ты меня узнаёшь? Я Андрей Куницын. Мы с тобой на НТВ вместе работали. Помнишь?

— Не очень, — соврал я.

— Ну, ладно, — мягко и дружелюбно ответил мне тем же голос ведущего программы «Очная ставка». — А у вас точно бензина нет?

— Нет, бензина нет. И других горючих материалов тоже. Есть только зажигалка.

— А где вы проводите свою акцию? Я так понял на 13-м, но где — мы найти не можем.

— «Мы»?

— Ну, да. Я тут с оператором — хотим снять дверь вашей редакции.

— Да пожалуйста, — «поверил» я. — Комната № 13–18. Это же редакция программы «Участок». Я думал, все уже догадались.

И только после такого ориентирования наше месторасположение было обнаружено.

Минут через пять во входную дверь стали ломиться — громко стучали, дёргали за ручку, пытались сломать. Потом снаружи раздались два вопля. Мы тогда этого не знали, но, рассказывают, это был сам Константин Эрнст — не выспавшийся, рано покинувший постель, небритый, даже не принявший утренний душ. Ну, хоть раз пришёл вовремя на работу. Как обычный пролетарий.

Правда, мне верится с трудом. Но говорят. Говорят ведь.

Уже половина одиннадцатого. Олегу на мобильный постоянно названивает гендиректор ТТЦ Михаил Шубин.

— Эльхан, он утверждает, что из-за нашей забастовки Телецентр остановит работу, вещание прекратится на всю страну.

— Ну, и отлично! Вся страна нам спасибо скажет.

— Я не шучу. Этот Шубин говорит, что нас тогда посадят.

Тут у нас с сообщником происходит спор — ведь мы договорились, что все решения принимаем сообща.

— Дружище, ты действительно веришь, что они остановят работу Телецентра?!

Через мгновение сам едва не поверил подобному обману.

— Эльхан, это я, я, родной.

— Кто это? — не узнаю голос.

— Я, я — Андрей Куницын.

— Ааа. Говори.

— Я тебе по секрету хотел сказать. Здесь готовят силовую операцию.

— Ну и?

— Уже прибыли спецподразделения. Они уже здесь всё заняли. А на крыше видел снайперов. Так что вам, наверное, надо выходить. То есть не «наверное», а надо выходить. Мы на НТВ так за вас переживаем, дорогой.

Силовую операцию я предполагал. Но со снайперами меня удивили. Хотя от них всего можно ожидать.

— Алё, алё. Эльхан, ты пропал, — нарушает мои размышления ведущий программы «Очная ставка».

— Андрей, что же ты с телефона Поповичева мне звонишь?

— А это Евгений Владимирович дал позвонить. Вернее, посоветовал. То есть я у него телефон попросил. Понимаешь, началась эвакуация всего Телецентра.

В последнее не верится. Но снайперы не вылезают у меня из головы. У Ксеркса снайперов не было. Это нечестно.

И для этих главное — «картинка». В одиннадцать наша онлайн-трансляция прекращается — на нашем этаже отключили электричество. Батарейки у ноутбука Олега тоже старые, уже год не держат энергию. Им повезло, что у нас бюджет маленький. Мы же не Первый канал.

— А если штурм будет? — наталкиваюсь на вопрос коллеги.

— Ага. Как в Беслане, — ухожу я от неприятного мне ответа.

— А вдруг?

— Да не пойдут они на это!

Но в том, что выстраивает Олег, логика есть.

— Для нас что главное — чтобы мы сегодня вечером у себя дома были, а не в СИЗО. А наша акция уже дала результат — мы о своём протесте заявили. Мне из Госдумы депутат Николай Коломейцев звонил. Поддержал нас. Говорит, что в парламенте будут сегодня наш вопрос обсуждать. Потом. Сейчас левые молодёжные организации пикет провели перед Останкино — в знак солидарности с нами. Смотри, сколько коллег звонило! А сколько людей вдохновилось нашей акцией!

Из-за двери снова раздались крики. «Ну, ребята! Вы подставляете нас! Мы же ни при чём. Я обещаю как мужчина!» и пр. Это последние десять минут периодически надрывается наконец-то приехавший гендиректор Шубин.

— Михаил Маркович, ну, сейчас ответим! Ну! Потерпите, ну! — жёстко бросает Олег «Хозяину Останкино», обернувшись и

заглянув вглубь коридора.

Меня этот жест развеселил — в чём-то коллега прав. Потому что снаружи наступает послушная тишина.

— Ну, ладно. И на этом тебе спасибо!

— Чего? — не понял Олег. — Пошли!

— Ну, пошли…

И мы стали разбирать наши прекрасные качественные — непокорённые! — баррикады.

Весь тот день Первый канал хранил молчание. Да, целый день. Никаких комментариев. Руководство, пресс-служба отказываются общаться с журналистами — трубки бросают, грубят, обвиняют. «Первый канал произошедшее не комментирует!»

Начальство попряталось в кабинетах и проводит совещания. Бесконечные совещания. Что можно так долго обсуждать? Да они понять не могут. Мол, как это так? кто-то взбунтовался? это же рабы! они голоса не имеют! невозможно, чтобы кто-то из них по собственной воле какие-то акции проводил! не-воз-мож-но!!! что нам делать-то теперь, а? может, их с НТВ подговорили — ну, конкуренты нас так подставили? да нет! может, их западные спецслужбы наняли, а? сами? сами? не-воз-мож-но!!!

Сидят эти *начальники* друг напротив друга, ругаются, выясняют — как мы на Первый канал попали? кто нас туда привёл? Каждый себя выгораживает.

Коллеги рассказывают про первое тогда указание от начальства — запретили сотрудникам под страхом увольнения обсуждать нашу акцию. Даже с друзьями! Даже дома! Даже с женой — накрывшись одеялом! Я серьёзно — так и приказали: «Даже если дома спросят, молчите! Ни слова!»

Тем более с другими коллегами! Под страхом увольнения!

Какие же они трогательные существа эти начальники Первого канала.

Но это было во второй половине дня. А утром руководство напугал ещё и пикет левых молодёжных организаций перед Останкино.

Узнав про нашу акцию, активисты АКМ, «Обороны», «Трудовой России», «Левого фронта», НБП пришли к Телецентру нас поддержать — распечатав наше обращение в виде листовок, раздавали их собравшимся журналистам и посетителям Телецентра. Сами, мы к этим движениям не обращались. Многих из ребят мы знали по своей прошлой работе, и благодарны им за гражданскую позицию. Да вообще за помощь! Лично я многих знал по своей прошлой работе, по жизни — *друзей, коллег*. А после 18 марта многих узнал ещё лучше — кто, чего стоит…

И пока на самом большом СМИ страны играли в молчанку, Исполком «Левого фронта» оперативно распространил очень грамотный комментарий-обзор трудовой и хозяйственной политики на российских телеканалах, который заканчивался особенно импонирующим мне выводом: «Мы считаем, что в ситуации тотального произвола работодателей никакие обращения к высшим чиновникам не эффективны. Попранные трудовые права никто не отдаст. За них нужно только бороться, и бороться сообща…Чтобы выразить солидарность с товарищами по цеху, в отношении которых проявлен произвол, вообще достаточно личной активной позиции. Молчание побуждает работодателя к усилению гнёта. Решительный протест — заставляет его остановиться».

Да, пикетирующих было немного — они же собрались стихийно. Да, сотрудники милиции разогнали ребят уже через двадцать минут. Но как же они напугали этих забавных существ с Первого канала!

А в это время коридор десятого этажа Телецентра (АСК-1) было не узнать. Это территория руководителей Первого канала, среда их обитания. Обычно здесь тихо, чисто и воздух здесь особый — не влажный и не сухой — приятный, пропитан роскошными ароматами. У лифта стоит пост охраны службы безопасности — фильтрует проходящих, даже сотрудники телеканала не все могут сюда попасть. Потому что это не НТВ, здесь всё другое — и, например, у Константина Эрнста отдельный туалет, только для него (ну, ещё пару человек имеет туда доступ — но это личное), и это важное отличие между двумя российскими телеканалами.

Так вот. Обычно здесь тишь и благодать. Обычно люди здесь ходят только хорошо — дорого — одетые. Обычно улыбки здесь — как визитные карточки известных стоматологов, персональных. Обычно начальники передвигаются по этому коридору с важным видом, с достоинством, при ходьбе величественно раскачивая кто плечами, кто ещё чем. Даже какую-то бумажку обычно тут носят по-особому — *аристократично*: надо её держать в полусогнутой расслабленной руке, но при этом другую руку изящно вложить в карман брюк. И удивлённо смотреть по сторонам, потому что обычно бумажку несёт за небожителем специально нанятый для таких целей работник, который с полусогнутой спиной и глуповатой улыбкой на лице тихо, по-китайски, должен семенить за «хозяином».

А утром 18 марта тут всё вдруг изменилось.

По коридору бегали начальники, эти небожители — как заурядные малооплачиваемые редакторы. Невыспавшиеся, дурно

пахнущие без утреннего душа — примчались на работу непривычно рано, надев, что попало под руку, даже зубы не почистив. А теперь скакали из одного кабинета в другой и «проводили совещания». Грызлись друг с другом, орали на подчинённых, шарахались от звонков с незнакомых номеров. И «проводили совещания». Бесконечные совещания.

А когда услышали про пикет левых движений у Останкино, начался хаос и паника.

— Что??? Когда же? Уже идут? — кричали друг другу прибавившие в скоростях небожители, вылетая из одного и влетая в другой кабинет.

Они очень боялись. Они не хотели умирать. Они ждали штурма Останкино. Серьёзно!

— Около метро ВДНХ видели большую группу вооружённых людей. Скоро они будут здесь!

— Вот-вот нагрянут Касьянов (?-!) и Каспаров (?-!) со своими боевиками (?-!).

— Надо звонить в Кремль и просить подмоги!

— Уже стреляют? Жертв будет много!

— Штурм будет как в 93-м!

— А Белый дом ещё не взяли?

— Можно отступать через 16-й подъезд…

В это трудно поверить, но так и было — рассказывали видевшие этих людей коллеги. Паника и хаос продолжались всего двадцать минут. И ещё столько же начальники не могли успокоиться и поверить, что пикет у Останкино был стихийной акций, а не спланированным иностранными спецслужбами эпизодом начавшейся в России «цветной революции». И наша забастовка в редакции на 13-м этаже — не отвлекающий от эпицентра массовых беспорядков манёвр.

Когда Олег стал открывать дверь, какой-то человек с грузной фигурой быстро просунул в образовавшуюся щель какую-то бумажку.

Я вначале ничего не понял — в этот момент общался по телефону с одним из коллег. Оказалось, это и есть гендиректор ФГУП «ТТЦ «Останкино» Михаил Шубин, а бумажка — написанная от руки расписка в том, что он, как официальное лицо, не имеет к нам ни финансовых, ни юридических претензий за произошедшее. Об этом Олег с ним договорился.

— А Мирзоеву общение с журналистами важнее, чем с нами, да? — жалобно прокомментировал мой телефонный разговор человек, которому нравится, когда его за глаза называют «Хозяин Останкино». — Можно, Вы отключите пока мобильные, мы обсудим кое-что, а потом — сами решайте? Пожалуйста, а?

Выходим.

Рядом с Шубиным стоит главный останкинский милиционер — Евгений Поповичев. В форме. И ещё какие-то люди — в штатском. Коридор на 13-м этаже пуст, но в самом его конце, у лестничной площадки, столпились какие-то люди и с интересом смотрят в нашу сторону. Значит, эвакуацию здания, даже этажа не проводили. Или же проводили, но *как всегда*.

Но больше всего мне запомнился другой человек из встречающих. Обычный работяга, с простой внешностью россиянина, зарплата которого уже многие годы не намерена наполнять московскую продовольственную корзину. Ещё его вид говорил: дети у него взрослые, да к тому же не родные, жена вечно пилит; одна радость в жизни: бутылочка пива — вечером, и дачка — летом.

Его я увидел последним — он стоял позади всех. И когда мы направились к лифту, человек этот шёл впереди, но пятясь задом — сохраняя дистанцию в три метра, не сводя с нас пристального взгляда. Особо он уделял внимание мне — прямо в глаза впился. Помню эту сцену, словно смотрю замедленную съёмку.

На нём была куртка пожарного; специальная каска на голове. И ещё брандспойт в руках — массивный, блестящий. Крепко сжимал он этот металлический наконечник, направив в нашу с Олегом сторону, как обрез: на кого из нас двоих смотрел — на того и наводил. А вот другой железный конец шланга, подсоединённого к брандспойту, валялся у человека в ногах, волочился, одинокий, пустой, жалобный, за ним по полу.

Да. Лицо этого человека выражало крайний испуг. Но и крайнюю монументальную серьёзность — как у натурщика, с которого скульптор высекает памятник. И ещё одну мысль — «Ну, приказали, вот я и пошёл!» Однако в тоже время чувствовалось — со страха он готов совершить подвиг. Если скажут. Прикажут. С таким лицом и совершают героические поступки.

Наверное, он собирался тушить нас одним своим видом! От этой мысли мне стало смешно, я пытался это скрыть и так и не узнал, кем он был — может пожарный, а может особенный сотрудник ТТЦ. Даже имени его спросить не успел…

— Сегодня весна наступила. А вы тут…

Напротив нас сидел Поповичев и люди в штатском. Во главе огромного прямоугольного стола — Шубин. А мы — справа от него: я рядом с ним, Олег — подальше.

Здесь всё было большое.

Кабинет у гендиректора ФГУП «ТТЦ «Останкино» чрезвычайно просторный. Тут поместились бы три очень больших начальника или целый ньюсрум федерального телеканала.

И кресло у гендиректора ФГУП «ТТЦ «Останкино» огромное, пропорциональное помещению. Оказавшись в нём, Шубин стал вести себя соразмерно — потихоньку приходил в себя. Родные стены.

Принесли чай.

— Вот какая погода на улице, — повторил сообщение хозяин кабинета. — Солнышко! Тепло. Первый настоящий весенний день. А вы тут…

— А мы тут свои права защищаем! — начал я.

— Ну, ладно, ладно. Вот чаю выпейте. Печенье не хотите?

— У меня голодовка. А курить тут можно?

— Конечно. Конечно, — он заулыбался и кокетливо пододвинул ко мне пепельницу. — Вам можно.

Шубин чего-то он нас хотел и пытался с нами договориться по-хорошему.

— Мы же видим — вы нормальные парни. Давайте сделаем так — забудьте про вашу акцию! Про бензин, про самосожжение.

— То есть? — удивился Олег. — Мы же сказали, что бензина у нас нет.

— Да, да. Конечно. Я не об этом. Ммм… Это самое. Эээ… Вы же нас подставили! Мы — ТТЦ — посторонние в вашем споре с Первым каналом.

Тут Олег влез с этим человеком в ненужный спор. Стал рассказывать о том, как провели наше увольнение. О том, что мы были слишком неудобные работники — потому что имели и высказывали своё мнение. Что в стране главное — не желание работодателя, а установленные ТК процедуры и нормы трудовых взаимоотношений. А ТК — это закон! И закон разрешает нам защищать свои гражданские права. А наше рабочее место — редакция в Останкино, а не Чистопрудный бульвар или стадион «Динамо»…

Коллега, конечно, был прав. Но, думаю, это не заботило Шубина — человека с репутацией самодура и самодовольного хама. Правда, трусоватого. Настоящее олицетворение Системы. Хама с теми, кто, по его мнению, слабее. И раба того, кто сильнее — по его мнению, в его системе иерархических ориентиров. Шубина ненавидели его собственные сотрудники — настолько, что сливали нам негативную информацию о своём начальнике. Сами выясняли номера наших телефонов, звонили и помогали — когда осенью 2009 года у нас с ТТЦ началась тяжба. Лишь бы как-то отомстить своему шефу.

— Мне это неинтересно! — предсказуемо заскучал гендиректор «Останкино», когда Олег стал рассказывать о нормах ТК и ГК. — Я вас не понимаю. Как вы могли на такое пойти?!

Потом с надеждой посмотрел налево от себя — на Поповичева и штатских. Те молчали и с интересом нас разглядывали.

— Если все будут так протестовать из-за увольнения, то… — испугался и судорожно поёжился Шубин. — То… Это же… Вот, у меня тут были многочисленные увольнения. И что?! Протестовать им всем надо было, что ли?! Или вот у Евгения Владимировича (Поповичева — Э.М.) — уволенные у него милиционеры должны захватывать Останкино? Да, Евгений Владимирович?

Полковник не отвечал, и Олег помечтал вслух:

— Вот если бы все протестовали, то в России не было бы такого издевательства над Трудовым кодексом! Над законом!

— Я вас не понимаю! — повторил Шубин и задумался.

Он сомневался. Он не понимал!

Я повторяюсь, но главное, что тревожило тогда многих — на Первом канале, «силовиков», руководство ТТЦ, некоторых коллег — кто за нами стоит. В их системе координат — протесты, митинги, пикеты, голодовки могут быть только заказаны, оплачены своими или врагами. Вот, например, Михаил Шубин — он привык к другим способам жизнедеятельности. Обычный строитель, удачно втёрся в газпромовскую тусовку, которая его везде двигает — вот, сделал генеральным директором ФГУП «ТТЦ «Останкино. Вот это — да, успех. Это круто. Это умно. Благоразумно! «А этих ребят, — наверное, думал в тот момент удачливый тяжелодум, — или подговорили те, кто хочет моё место занять, на моём кресле сесть, или спецслужбы какие-то учения проводят! Но ведь не похожи! А чёрт его знает!»

— Я вас не понимаю! — повторил вслух Хозяин Останкино.

— Поверьте, на эту акцию мы пошли самостоятельно, — устал я от этих неприятных рефлексий. — Хотя… Можете верить, а можете — нет.

У начальника малодушно вздрогнули брови. Он осторожно стал подбирать к нам ключи. Начал с пряника.

— А вы знаете, кому вы обязаны мирным разрешением конфликта, а? Вот, — показал он рукой на сидевшего напротив полковника. — Это он удержал службу безопасности Первого канала от штурма!

— А они готовили штурм? — сыронизировал я — больше над собой, потому что вспомнил про «снайперов на крыше Останкино» и про свою нетвёрдость.

— Да, они хотели выломать дверь кувалдой.

— Ну, это у них не получилось бы, — засмеялся Олег. — Не прошли бы!

— А давайте вы не будете смеяться! — резко выпалил Шубин.

— А давайте вы, наконец, прямо скажете, что вы хотите от нас! — ещё резче и грубее отбился я.

Это тоже была проверка. Первая. Шубин пропустил выпад.

— Хорошо! Хорошо! — он миролюбиво поднял руки, раскрыв ладони без мозолей. — Давайте так. Про эту акцию — молчок! Никому!

— Как так?

— Ну, будут спрашивать, а вы говорите: «Никаких комментариев!» Не было, мол, ничего такого. Шутка чья-то. Ну, не комментируем и всё тут!

— И?

— И уладьте ваши разногласия с Первым каналом полюбовно. Извинитесь. Покайтесь!

— Что?

— Покайтесь!

— Но с нами никто не хочет разговаривать! — возмущенно выкрикнул Олег. — Эрнст не будет этого делать! Договариваться с нами! Как же!

Шубин уселся удобнее в кресле, приподнял подбородок и толкнул речь:

— Константин Львович Эрнст не такой человек! Многие о нём плохо думают. А он ведь такой… хороший. Прекрасный журналист! Прекрасный начальник! Один из лучших менеджеров в России. И очень добрый! Я думаю, ему тоже не нужна шумиха. Видимо, его подставили какие-то его подчинённые. Потому что сам Константин Львович Эрнст — справедливый! Вот и я думаю, он попытается с вами решить этот спор.

— Я в этом сомневаюсь, — прокомментировал я как последнюю мысль, так и всю речь Шубина.

— Так вы не согласны?

— Я не буду врать, если будут спрашивать о моей начавшейся акции.

И тут гендиректор ТТЦ попытался использовать кнут. А я устроил вторую проверку «Хозяину Останкино».

— Обещайте, что будете молчать!

— Если дам слово — должен буду сдержать. Такого слова я не дам!

— Вот, я вижу, что Эльхан не согласен, а с Олегом можно говорить серьёзно! — стал играть непутёвый дипломат-геополитик Шубин. — Эльхан, можешь вернуться! Иди, возвращайся туда — опять баррикадируйся и протестуй. Пусть с тобой служба безопасности разбирается…

— Мы с Вами уже на ты? — мягко спросил я, продолжая свою проверку.

И Шубин взорвался. Я дождался, наконец, когда он покажет своё лицо бурбона.

— Да вы меня не знаете! Если со мной захотите воевать, вам мало не покажется! Меня называют «Бульдозер». Я — Бульдозер! Потому что я всех крушу! Всех, кто у меня на пути стоит!..

«Да, Кристина Орбакайте тоже заявляла, что она когда-то была ёжиком — «хороший зверёк, но с иголочками», — подумал я. Но потом, ещё раз взглянув на Шубина и прочитав на лице главы ТТЦ невербально передаваемую им информацию, почему-то вспомнил про «Бульдозерную выставку» 74-го года в лесопарке Беляево — перед глазами промелькнула много раз описываемая картина «Бульдозер тащит повисшего на ковше художника Оскара Рабина». Что же им так эта машина нравится, а?..

— Послушайте, — позвал я его кротко — почти нежно.

А Шубин продолжал кричать — зычно, гордо. Под влиянием профессиональных, строительных реминисценций. Напоминая дурного прораба, который пытается впихнуть заказчику — мешая мольбу с угрозой — халтурный ремонт.

Тут подошла моя очередь.

— Послушайте! — теперь уже кричал я на него. — Вы слушаете, что Вам говорят?! Или Вы привыкли только к монологам?!

— Ой, ой, извините, извините, — вдруг, неожиданно, сломался «Бульдозер». — Да, да, да. У меня очень плохая привычка — я иногда заговариваюсь. Да, извините, не привык слушать людей. Мне это все говорят.

— Вы что — хотите нас испугать тут?! У меня есть право на протест. На голодовку. На суд, прокуратуру. На закон! Или Вы думаете это не для меня, а только для Вас?

Шубин быстро поменял условия — бульдозер превратился в шпаклёвку.

— Ладно! Ладно! — стал он тараторить. — Хорошо! Вы не будете говорить о том, что было внутри — про бензин, про баррикады. И лично я не буду иметь к вам никаких претензий. Поймите, то, что происходило в редакции — это же касается и ТТЦ. Получается — что два человека могут спокойно пройти в Останкино и устроить тут… Ну, сами понимаете…

— А если вы слово не сдержите? — поверил ему Олег.

— Во-первых, я же дал вам расписку. А во-вторых, я же мужчина! Я даю вам мужское слово. Мы же все мужики тут. Это вам не Первый канал. Вы там, наверное, таких мужиков не видели, как тут.

Почему-то Олег в ответ сказал следующее:

— А вы таких как мы ребят на Первом видели?! Да там одни

п.д. расты или п.д. раствующие.

Эту мысль одобрили все. Даже противоположная сторона стола оживилась и закивала. А у одного из них лицо стало таким, словно он хотел выкрикнуть: «Я знаю! Я это знаю!»

— Ну, что — договорились? — оживился Шубин. — Эльхан, Вы согласны? Только о бензине и баррикадах?..

— Мне это не очень мешает. Не трагедия. Я свою акцию буду продолжать. Через суд, прокуратуру. Как и мою голодовку.

— На здоровье. Дома! У себя дома! Сколько хотите — голодайте. На здоровье!

Ещё у нас забрали наши электронные пропуска в Останкино, и когда мы уходили, Шубин мстительно заскрежетал зубами: «Пока я тут гендиректор, вы в Останкино не пройдёте! Я даю вам слово!» — показав, тем самым, что он не доволен результатами «переговоров». Что он обижен…

В местном отделении милиции — оно находится на первом этаже Останкино, между 16-м и 17-м подъездами — ещё должны были взять у нас формальные объяснительные и составить опись вещей. Когда мы ехали в лифте и шли по коридору командир 5-го полка милиции УВО при ГУВД по городу Москве Евгений Поповичев откровенно поделился с нами своими мыслями о *моральном облике* и *профессиональных качествах* гендиректора ФГУП «ТТЦ «Останкино» Михаила Шубина — крепко так сказал, прямолинейно. Однако мнение и слова первого не помешали ему через несколько месяцев помочь второму сочинить кляузу на нас в Головинский районный суд Москвы.

Ворвавшаяся Аида Ганеева бросилась к Олегу с намерением — об этом говорил язык её тела — повиснуть у него на шее. Но, натолкнувшись на враждебный взгляд, резко остановилась перед ним и исполнила роль обиженной девушки.

— Ну, Олежка! Ну, Олежка! — захныкала она. — Ну, что это такое! Мы так волновались все! А я как волновалась!

Коллега отвернулся и стал спокойно собирать вещи в сумку.

Я внимательно посмотрел на неё. Мне стало не по себе. Испуганная, бескровная. Худая. Круги под глазами. Напоминает бледную поганку. А дома ребёнок, горы грязной посуды…

— Я верю! — не оборачиваясь, сухо ответил ей Олег.

Аида стала кусать губы и искать варианты. Потом вдруг подпрыгнула — реально подпрыгнула! — и принялась лихорадочно бегать по комнатке, где мы ждали, пока милиционеры оформят необходимые бумаги и отпустят нас.

— Давайте поговорим, а? Ну давайте, а? Олег! Эльхан! Эльхан! Ну? А?

— Послушай, Аида. Лично я с вами не собираюсь общаться.

Мне хватило прошедших месяцев.

— А Никонова?

— Что Никонова? — переспросил Олег.

— Она тоже хочет. Хочет с вами пообщаться.

— Пусть хочет. Если Олег согласен, пусть общается. А я не собираюсь.

Девушка выскочила из комнаты.

Но через две минуты прибежала обратно. С Натальей Никоновой.

Последний раз главу Студии спецпроектов Первого канала я видел в прошлую пятницу в кафе на 11-м этаже Останкино — она была как всегда в окружении свиты и, конечно же, со своей большой чёрной сумкой. Походила на лидера, вожака школьной банды рэппэров из Алабамы. Победительница! Виннер! Надменно посмотрела на меня, сверкнула недобро глазами на сидевшего рядом со мной сотрудника Студии спецпроектов и не ответила ему на приветствие.

Даа. Сейчас она напоминала — по хаотичным, резким телодвижениям — потревоженную и выгнанную из шкафа моль.

Но черная сумка была при ней. Что там она носит с собой? диктофоны? скрытую камеру? секретные файлы? компромат на Кремль? план ЦРУ по свержению Уго Чавеса? Тайна Натальи Никоновой! Тайна большой чёрной сумки!..

— Я не буду с ней разговаривать! — ответил я Олегу на наполнившие комнату стоны.

— Ну, почему? Ну, почему? — громко заныла Никонова. — Ну, почему вы такие… а?

Схватилась за сердце. Руки ломает. Некоторые женщины, когда им нужно, становятся неплохими актрисами.

— Олег, ну, скажите ему. Ну, Олег, пожалуйста.

— Я не жду конструктивного диалога с Вами, — повернулся я к ней. — Согласен на встречу при юристах. Наши юристы и ваши юристы.

— Будут юристы! Будут! Но давайте сейчас побеседуем. Пожалуйста! Умоляю вас!

— А с Вами — о чём говорить? Вы же не хотели общаться. Забыли? Даже об увольнении мне сообщили через третьих лиц…

— Да! Да! Я была неправа! Я раскаиваюсь. Но сейчас — давайте побеседуем. У нас будет сейчас… эээ… юрист.

Олег тронул меня за руку.

— Ну, давай, послушаем, что она хочет? — повёл себя грубо с женщиной Олег — но та заслужила. — Посмотрим, что их юрист скажет о бездарно и нагло провёденном ими увольнении. Ну?

И стал грозить пальцем бывшей начальнице.

— Только предметный разговор! Без эмоций!

— Будет! — засверкала топ-менеджер Первого канала. — Будет только предметный диалог! Обещаю! Я клянусь! Поклянусь, чем хотите!

— Смотрите! — поверили мы.

— Может, — заискивающе заулыбалась Никонова, коротким прыжком оказавшись в сантиметрах от нас. — Может, пойдём в мой кабинет, а? А?

— Нет! — остановился я. — Туда не пойду!

Олег резко повернулся к Никоновой и посмотрел на неё — я не увидел как, но та, что-то прочитав у него на лице, отскочила к стене, съёжилась, сумку притянула к груди, а ближайшую к агрессору ногу поджала под себя.

Мне стало жалко женщину.

— Пошли в «Макс»! — отрезал грубо коллега.

— Да, да, конечно… — зашептала Никонова. — Как вы скажите…

И понеслась перед нами по длинному коридору, показывая дорогу — как будто мы не знаем, где «Макс» — то смешно подпрыгивала, то семенила ножками.

В главном останкинском кафе к нам присоединяется какой-то странный парень субтильного телосложения. Просто возник откуда-то — вдруг! может, где-то прятался? Да и сам он какой-то суетливо-подвижный, какой-то дёрганный — нервный.

Смотрю на его лицо. Лицо тоже странное. Уставший, нет, убитый взгляд. Помню, я тогда изумился: либо парень, возможно, чем-то болен или не занимается спортом; либо его грандиозным размышлениям постоянно мешают и надоедают окружающие, простые смертные, со своими проблемами земными — хоть вешайся; либо ему просто очень надо было в туалет, а его потянули сюда — на переговоры. Ну, ладно, думаю — это же просто юрист.

Садимся вчетвером за свободный столик. Они — напротив нас. Это их выбор.

Обстановка, кстати, не самая лучшая для разговора без эмоций. Потому что помимо вышибленной из привычного образа Никоновой и болезненного субтильного паренька-*юриста* противоположная сторона представлена ещё и сотрудником Службы безопасности Первого канала — очень активным сухощавеньким человеком небольшого роста и пожилого возраста с внешним видом дачника-пенсионера, находящегося в перманентном состоянии войны до победного конца с соседями такого же социального статуса. Он, как я понял, был приставлен как защищать Никонову с *юристом*, так и наблюдать за нами с

Олегом. Потом спрашивал у него имя и должность — очень он мне запомнился — но тот не выдал тайну, не раскололся. Я, почему-то, был уверен, что именно ему могла прийти мысль ломать забаррикадированную нами дверь редакции кувалдой.

Так вот, этот беспокойный человечек сел за соседний столик и на протяжении всего нашего разговора взглядом держал на мушке нас двоих, показывая, непрерывно прыгающей мимикой на лице, что, «в случае опасности», либо проворно пустится наутёк, либо выхватит какое-то оружие, хотя таковое при нём не наблюдалось. Кроме того, «дачник-пенсионер» постоянно куда-то звонил и разговаривал с телефонной трубкой как по рации — держа её перед лицом…

Начинается «предметный диалог».

— Олег, зачем нужен был этот заказной спектакль? — бросается в бой Никонова и, одновременно красноречиво кивнув своему субтильному коллеге, продолжает: — Почему вы подставили Первый канал? Мы же с такой теплотой к вам относились! Любили вас, берегли!

Клюнувший на приманку Олег возмущается. Начинается спор между ними.

— А почему вы считаете несправедливым ваше увольнение? — спрашивает меня *юрист*.

Теперь уж я даю себя обмануть — проглотил приманку. Начал ему объяснять. Как уволили задним числом; как специально ждали целый месяц, и только после этого объявили о решении руководства — чтобы сотрудники не могли его обжаловать в суде; как конкретно меня обманули с Договором об оказании услуг на февраль — хотя, мол, он регулирует гражданско-правовые, а не трудовые отношения; да и трудовую книжку мне выдали только 5 марта, а копию приказа — так её, вообще, 12 марта…

Рассказываю. Всё рассказываю, рассказываю. И, вдруг, понимаю — как-то неестественно ведёт себя собеседник. Щурится, вглядывается мне в лицо. И отвечает ненормально.

— Можно же было провести это увольнение в рамках закона — по действующему и сейчас срочному договору. Заплатив компенсацию.

А *юрист* на это:

— Заплатив компенсацию…

О! Ладно. Ещё одну проверку устраиваю.

— Вы как юрист понимаете — если суд будет объективным, то удовлетворит мой иск. Мне все Ваши коллеги говорили. По-вашему, Вы грамотную стратегию подсказали руководству канала?

Замолкаю, и тут он:

— Руководству канала?..

Вот! Снова! И ещё косится на меня.

— Как-то Вы странно меня слушаете? Что это Вы окончание каждое моей фразы повторяете?

Субтильный тип с убитым взглядом закашлялся. И аппетитно чмокнул губами. С важным видом. Как я понял, таким способом, он уходил от ответа.

Жду. Молчит.

— Вы кто? Вы юрист?

А тот обречённо вздохнул — громко вздохнул, с эмоцией. Так что Олег с Никоновой, вздрогнув, прекратили спорить. Притихли даже за соседними столиками.

И тут с неожиданным возмущением, с обидой бросает:

— Нет!

— Извините меня. А Вы кто??? — повторяю вопрос.

Толи больной, толи нелюбящий спорт парень смотрит на Никонову — многозначительно гордо. А та — на него, с надеждой, с восхищением, а потом сразу — на нас, с победоносным выражением лица. Ну, как Пётр I на брошенную любимую палатку Карла XII — вот, мол, что врагов империи ждёт.

— Я психотерапевт! — пропел неприятный субтильный тип и аппетитно чмокнул во второй раз.

— И?

Тот снова к Никоновой — кидается взглядом, теперь паническим. Мне начинают надоедать эти сценки — нервы.

— Я не понимаю! Причём тут психотерапевт?! Причём тут психиатр?! Вы сказали — будет юрист!

Тут не выдерживает и вмешивается руководитель студии спецпроектов Первого канала. Пока кукушка хвалила петуха, последний не сводил глаз с потолка у нас за спиной и благосклонно кивал головой. Руки у него были под столом, но, уверен, когда Никонова говорила, он загибал пальцы.

— Андрей Владимирович Курпатов очень умный человек, очень разносторонний человек. Он теле-продюсер, телеведущий, шоу-мен. А ещё Андрей Владимирович — учёный, известный специалист в области психологии, психотерапии и сексопатологии. Автор, кажется, 20 книг…

Тут резко раздался недовольный предостерегающий кашель рекламируемого — почти угрожающий.

— …множества книг и научных трудов, — быстро, не сбиваясь с ритма, поправилась Никонова и посмотрела на субтильного парня с обожанием. — У него куча (!) бестселлеров для простых людей! А ещё у него есть дар!

Ничего не понимаю. Переглядываюсь с Олегом.

— Неужели Вы не знаете?! — растерялась женщина.

— Нет! — обидел я доктора, который перестаёт кивать и бледнеет.

— Как так? Ну, на Первом канале — ток-шоу «Доктор Курпатов».

Она расставляет руки ромашкой и изображает улыбку а-ля Макдоналдс. И торопливо, глотая буквы, добавляет:

— Очень популярное было среди нашей аудитории! Очень интересное!

— Может быть. Такие вещи не смотрю, — отвечаю, едва не добавив: «Буду я на такую хрень время тратить».

— Я тоже не видел! — подаёт голос Олег.

«Автор множества книг и научных трудов» смотрит на нас как на больных.

— Какое отношение это имеет к нам?

Никонова раздражённо ставит таинственную чёрную сумку перед собой на стол — почти швыряет. И раскалывается.

— Андрей Владимирович Курпатов — генеральный директор ООО «Красный квадрат»! В эту группу компаний входит и ООО «Зелёная Студия»! Вот! То есть юридически — он Ваш начальник, Эльхан! Вот!

— Ну, наконец-то! — выдыхаем мы.

Я-то подумал, психотерапевта-психиатра прислали из-за заявленной нами угрозы самосожжением. А, оказалось, это *их* свой штатный психиатр-психотерапевт. Вот, кто, получается, моё начальство! Очень серьёзная компания Первый канал. Очень серьёзный «предметный разговор» у нас выходит.

— Кроме того, — продолжает обиженная Никонова о самом любимом. — Редакция ток-шоу «Доктор Курпатов» находилась в ваших комнатах — до вас.

— В нашей редакции?

— Да! Да! До вас.

«О небо! Благодарю тебя!» — едва не вскричал я. Ведь, последний в жизни день моего пребывания в Стакане — это было понятно — наконец-то раскроет главную тайну Студии спецпроектов самого большого и важного телеканала страны. Судьба щедро поднесла мне шанс.

— Аааа! Так это с Вас начались издевательства над диванами! — обрадовался я ответу на мучавший девять месяцев вопрос.

— Какие? Какие диваны? — не поняли оба топ-менеджера.

— Ну, эти грязные диваны в нашей редакции — залитые вином и физиологическими выделениями! Это вы их до такого

положения довели?

Доктор Курпатов вздрогнул. Может, вспомнил, как это было?

А Никонова сконфузилась и покраснела.

— Ну, Эльхан! Ну, что Вы такое говорите! — заныла она. — Ну, что Вы — нормальные диваны. Прекрасные белые диваны!

И вдруг переходит на крик:

— Нет! Нет! Нет! Редакция отличная! У вас были все возможности для реализации! А вы сделали такую глупость! Да, Олег, Вы же себе всю карьеру загубили! Всё будущее уничтожили!

По её мотанию головой получалось, что последние два предложения-мысли адресованы были коллеге. Как я понял, моё будущее Никонова считает априори неинтересным. Хотя, она права — с ними я стану ещё более неадекватным.

— Конечно! — выходит из себя Олег. — Все условия для работы! Да у нас был минимум необходимого. Всё на коленках делали. Экономили на спичках! Куда-то все эти условия пропадали, не дойдя до нас. Дорого и круто!

— Нет! Нет! Вы выполняете заказ! Не верю! Не верю! Не верю!

Истерика бывшей начальницы взрывает Олега.

— Как вы понять не можете?! Люди не рабы! Не стадо баранов! Вы вышвыриваете людей, работников, словно это мусор, хлам. Отдали бумажку, дали, извините, пинка — до свидания! И ТК для вас — хлам! Потому что привыкли к покорности некоторых коллег. Привыкли! Привыкли! Чего вы добились? На нас с Эльханом сэкономили по паре сотен тысяч. И на других также! И не важно — какая репутация у федерального телеканала. Государственного! С бюджетной финансовой подпиткой! Лицо страны! Вам не хватает от ваших остальных дел?! Можно было бы встретиться с сотрудниками, извиниться, уволить по закону — простое человеческое и правовое отношение! Так нет! А вот мы вам ответили — и вы сразу: ой, кто-то их на это подбил! Будто мы дети и сами не можем понять, что права надо защищать! Не просить! А защищать! Защищать!

Никонова сидела в страхе, съёжившись, схватив со стола и крепко прижав к верхней части грудной клетки свою сумку, от которой я не отрывал в надежде взгляда — большую, чёрную, таинственную сумку.

Женщину спас доктор. Он снова предупредительно громко вздохнул, акцентировав наше внимание на выражение его лица — лица средневекового страдальца, замученного пытками. Потом медленно повернул голову к Олегу, и, уже не скрывая своё образование, излил, едва не добавив в конце мысли слово «пациент»:

— Вы *слишком* перевозбуждены сейчас!..

Потом откинулся на спинку стула и сказал толи как почти психолог, толи как почти поэт.

— Обуздайте своё эго!

Слово «эго» он произнёс громко, нараспев. Получилось «эййй-гоооууу».

Мне стало смешно. А у Олега заблестели глаза — контекстуальное «пациент» ему не понравилось, я его характер знаю. И он быстро — за три выдоха — ответил длинной фразой-издевательством.

— Исходя из принципов социально-когнитивного поведения субъекта, который как сам воздействует на среду, так и испытывает обратное влияние, моё сублимированное *эго* нисколько не настроено враждебно к окружающему миру и в частности к Вам. Думаю, Вы допускаете простейшую фундаментальную ошибку атрибуции, и причина, в первую очередь — в диссонировании выбранной Вами модели общения с собеседниками, то есть с нами, недооценке обусловленности ситуационных влияний, а также в Вашей проблеме адекватного восприятия окружающей действительности и собственного организма.

Лицо Курпатова вытянулось и стало продолговатым — сделало попытку понять услышанное, но быстро утомилось. Может, он излишне привык к телевизионным ток-шоу с подсадными пациентами-артистами, которые с восторгом смотрят ему в рот, только потому, что он провозглашен «известным специалистом в области психологии, психотерапии и сексопатологии»?.. Не знаю — не хочу тоже допускать фундаментальную ошибку атрибуции…

Никонова же, с надеждой следившая за этим лицом психиатра, тоскливо посмотрела на стол и ещё сильнее прижала к груди свою сумку.

— А Вы что — увлекаетесь психологией? — расстроился доктор.

— Увлекаетесь, возможно, Вы. А я её изучал, — ещё больше огорчил его Олег. — Хотите об этом поговорить?

После этого Курпатов, обиженный, молчал оставшиеся несколько минут разговора.

Теперь я уже хохотал. А ведь психотерапевт ещё хорошо отделался — мог, ведь, получить профессиональный джеб от коллеги.

Начальству больше нечего было сказать. Руководителю Студии спецпроектов Первого канала оставалось вцепиться за последнюю соломинку.

— Нет, вы меня не убедили, — уставшим голосом, опустив глаза, зашуршала она. — Все-таки, продались кому-то. Чей-то заказ выполняли.

Курпатов не реагировал, и я сам помог даме.

— Послушайте, я лично и не собирался Вас переубеждать. Если Вы так считаете, продолжайте на здоровье. Прощайте!

Поднимаюсь и ухожу. Беспокойный пенсионер-дачник из Службы безопасности Первого канал, что-то прокричав в телефонную трубку, бросается за мной. Преследовал до комнаты милиции, оставаясь на безопасном для себя расстоянии в десять метров…

Догадываюсь, почему Наталье Никоновой нужен был тот «предметный диалог» и почему наша бывшая начальница вначале пугливо заискивала, потом, успокоившись, в Максе перешла в смелую атаку.

Видимо, руководителя Студии спецпроектов, обычную *жалкую крепостную начальницу*, прижали к стенке настоящие хозяева Первого канала — Константин Эрнст с женой, и та выбила себе последний шанс — санкцию на встречу с нами, на которую захватила этого субтильного Курпатова. А Курпатова главная теле-семейка России обожает, боготворит и доверяет ему. Он их и от хронических неврозов с подростковыми фантазиями *лечит*, и воровать — как зиц-председатель группы компаний «Красный квадрат» — помогает.[151] Вот, он и убедил их, что мы и вправду неадекватные.

Такая была у нас встреча с руководством. Серьёзная встреча! А ведь многие думают — это же Первый канал, здесь работают только суперпрофи!

До посиделок с Никоновой и Курпатовым в «Максе», произошла ещё одна короткая сценка, когда нас наспех, с наскока, попыталась завербовать местная останкинская ФСБ — мол, давайте, ребята вместе, сообща копать под Эрнста и Шубина.

Но это не интересно.

Потому что мы отказались.

К часам четырём вечера мы были в Госдуме, куда нас пригласил депутат-коммунист Николай Коломейцев, член Комитета ГД по труду и социальной политике.

Ещё утром он увидел в Интернете наше обращение, связался по телефону с Олегом — нормальная реакция настоящего выборного представителя. Его заинтересовала распространённая нами информация, и на пленарном заседании парламента депутат предложил своим коллегам вмешаться в ситуацию — поручить Комитету по информационной политике, информационным технологиям и связи и Комитету по

безопасности запросить у руководства Первого канала и в Генеральной прокуратуре информацию о причинах нашего досрочного увольнения, а также «о правомерности создания на канале с очень большим бюджетным вливанием, аффелированных с руководством семейных структур».

Предложение депутата-коммуниста не прошло — за проголосовал 61 народный избранник (46 — из КПРФ, 15 — из ЛДПР), а против — 312 (311 — из «Единой России», 1 — из ЛДПР). «Справедливая Россия» — всей фракцией — в голосовании не участвовала, как и 4 депутата из «Единой России», 11 — из КПРФ и 24 — из ЛДПР.

Мы приехали как раз до этого голосования и успели послушать выступления депутатов перед ним. Мне особенно запомнились слова Валерия Комиссарова, счастливо перепрыгнувшего из кресла ведущего пахабного ток-шоу «Моя семья» в нежное кресло депутата «Единой России» — сейчас он председатель Комитета ГД по информационной политике, информационным технологиям и связи. Единорос утверждал, что инициатива Коломейцева «выглядит как часть какой-то продуманной кампании по дискредитации Первого канала», который «не получает никаких бюджетных средств в принципе» (!). Мол, на основании того, что Первый канал «по юридическому статусу является акционерным обществом и согласно Бюджетному кодексу не должен получать бюджетные средства». Это мнение Комиссарова о крупнейшем в России СМИ, которое принадлежит не Эрнсту, а государству. О телеканале, который всё-таки получает деньги налогоплательщиков.

От предшественника-учителя Андрея Малахова мне с Олегом также досталось — мол, наша акция «выглядит как шантаж, как угроза самосожжения на стратегическом объекте». Да и, вообще, нам, мол, надлежит благодарить руководство Первого канал за «чудеса толерантности», потому что статья 29 закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании», пункт «а», «предусматривает принудительную госпитализацию в том случае, если лицо представляет непосредственную опасность для себя и окружающих». А вот добрые дяди и тёти нас пожалели, видите ли.

Эти слова могли бы обидеть. Могли бы…

Но как обижаться на главу комитета парламента, который, мобилизовав весь свой актив, носится по зданию Госдумы и агитирует среди коллег за своего бывшего и нынешнего хозяина — Константина Эрнста?!

Вспоминаю звонок знакомого парламентария П. немногим ранее.

— Эльхан, тут Комиссаров с Резником ко всем подбегают, презентацию вам устраивают. Говорят, что ты и твой друг — наркоманы. А ещё, что вы — психи. И всех в Останкино избивали, когда там работали.

— Резник — это который Борис[152]? — спрашиваю я П.

— Да, да — зам Комиссарова. Говорят, что вы разворовали Первый канал. И что вам заплатили за эту акцию буржуи (иностранцы — Э.М.).

Вместе смеёмся.

— Вы не спрашивали, что лично я украл? Может, сам не догадываюсь. Поищу дома…

П. снова смеётся. А потом резко замолкает.

— Здесь сейчас будет голосование по вашу душу…

Пауза. Я тоже молчу.

«Друг или раб?», — спрашиваю я мысленно.

— Я твой друг, Эльхан… — догадывается П. — Ты же знаешь!

Не отвечаю. Жду.

— Но ты понимаешь? Я же из «Единой России»…

«Так друг или раб?»

— Но я на твоей стороне. Держитесь там, парни!..

«Все-таки не друг. Раб».

— Извини, Эльхан. Мне пора.

Вдруг неожиданно для себя спрашиваю про Николая Коломейцева.

— О! Простой ростовский парень! — оживает П. — Если в Думе осталось пять-шесть честных людей, то Коля Коломейцев — один из них! Слышишь меня? Он — честный парень!

Ничего не говоря, не прощаясь, заканчиваю этот разговор.

Да у меня и не было иллюзий…

У Николая Коломейцева с депутатом Олегом Шеиным[153] одна приёмная на двоих. Там познакомились с Андреем Демидовым — он помощник депутата Шеина, а также замдиректора общественной организации Институт «Коллективное действие» и активист движения «Альтернативы». Вот человек, которого мы с Олегом ещё утром не знали, но он нам очень помог — услышав про нашу акцию, распространил информацию о ней по всем доступным ему каналам. Не остался равнодушным, не стал успокаивать себя модным набором мыслей: «От меня ничего не зависит!», «Мир не изменить!», «Их не прошибёшь!», «Мы заложники времени» и т. д.

— Эрнст сегодня несколько раз звонил Миронову и Левичеву[154], - смеясь, рассказывает Андрей. — Вначале дерзил, потом стал просить — почему, дескать, я, помощник депутата Шеина содействую вам: «Возможно ли ограничить его

активность?» А те корректно просили Шеина надавить на меня.

— И что он? — спрашиваю я.

— Попросил меня «оставаться в рамках допустимого», «не переусердствовать».

— Ну, а ты? — решил уточнить я.

— Продолжаю делать то, что должен делать! — уточнил Андрей.

И снова смеётся.

Это, и вправду, смешно. Волнующийся, потеющий Эрнст бросил все дела и обзванивает депутатов, главных редакторов газет, радио. Смешно.

Некоторые с ним соглашаются, сами заискивают; другие его — Константина Эрнста — посылают.

Смешно…

Многие неизвестные мне до того дня люди очень помогли. Было много звонков. Со всей России. Из Владивостока, из Хакасии, из Воронежа. Со всей страны. Незнакомые люди… Просто, чтобы поддержать.

Часто не называли имён. Всё равно — спасибо. Как, например, пожилой мужчина — сказал, что работает небольшим начальником в МЭРТе. Как женщина из ВЦИОМа: «Вы оба, как Давид против Голиафа. Но не испугались». Всё равно — спасибо. Всем им — низкий поклон. Правда, не считаю Эрнста Голиафом. И Систему таковой не считаю. Всё ещё проще, чем в той истории в Библии…

Коллеги. По-разному…

Были те, кто работает якобы в оппозиционных СМИ — по телефону говорили одно, в газете писали другое. Якобы оппозиционные. Коллеги-коммерсанты. Новые такие коммерсанты…

Им тоже спасибо. За показанную позицию, обнаруженную. Позицию-позу.

Были и такие, как обозреватель «Газеты. Ru» Наталия Геворкян — первая, кто разгадал нашу метафору. Оказалась смелее, чем некоторые мужчины. Или как Андрей Шилов, тогда работавший собкором НТВ в Германии. И много других коллег. Спасибо.

Были коллеги, которые звонили с неопределяемых или незнакомых номеров и поддерживали. Были такие, которые поддерживали, но просили об их звонках никому не говорить. А некоторые только ставили высокие оценки фотографиям в «Одноклассниках». Всё равно — спасибо.

Да, нашлись и те, кто злорадствовал. Их было много. Говорили: «Ну, это же не 90-е! Нельзя так глупо поступать! Сейчас

по голове дадут! И поделом!» Говорили между собой…

Понимаю, вся их смелость осталась в 90-е.

Несколько коллег устроили *«справедливый коллективный товарищеский суд»*. Дескать, «Теперь они могут поставить на работе журналиста жирный крест». Словно, мы сами это заранее не понимали. Другие посвятили нам «стихи». За это тоже спасибо! За позицию-позу.

Хорошо, ребята. Если два недалеких парня, которые едва не предстали перед всем миром в негнущихся брезентовых костюмах-комбинезонах, за 6 (шесть!) тысяч рублей так напугали Систему, разворошили хотя бы на миг главное в России тёплое семейное теле-гнёздышко, то я представляю, что сделают такие светлые головки как ваши. Представляю и жду этого. Жду. Жду. Жду уже почти два года. И ничего. Тишина.

Если раньше работодатели держали коллег на годовых срочных договорах, постоянно незаконно[155] перезаключая их, то сейчас сроки действия контрактов вообще сокращены. Например, не на год, а на полгода, три месяца. Я видел срочный трудовой договор сотрудника НТВ, который за 2010 год был перезаключён шесть (!) раз — то есть каждые два месяца.

Более того. Сотрудников, работающих по бессрочным или же срочным трудовым договорам, заставляют писать заявления об увольнении по собственному желанию, а затем заключают с ними договоры об оказании услуг. Но ТК (ч. 4 ст. 11) требует, чтобы трудовые отношения были урегулированы на основании норм трудового законодательства. А получается — люди ходят на работу, выполняют определенную деятельность, у них редакционные удостоверения того или иного известного СМИ и т. д., но юридически (!) — они безработные! Юридически — они не сотрудники! Закон считает, что у них гражданско-правовые отношения, а не трудовые. Что у них сдельная работа. Без пенсионных отчислений, социальных выплат и т. д. Обычный российский работодатель не может о таком даже мечтать — такие нарушающие ТК договоры об оказании услуг рискуют заключать только с трудовыми мигрантами. А вот боссам СМИ так поступать даже с гражданами страны можно!

Можно?

А я всё жду, жду.

Можно!

Но даже эти *вшивые* договоры по оказанию услуг заключают не с федеральным телеканалом, а через аутсорсинговые схемы — с «карманной» производящей конторой. Если на Первом канале это *группа компаний* «Красный квадрат» и ООО «Зеленая Студия», то на НТВ — принадлежащая гендиректору НТВ Владимиру

Кулистикову (управляется через его первого зама Олега Адамова) ООО «ППК»[156], куда поголовно силой загоняют штатных сотрудников телеканала.

Ну, что, ребята и девчата? *Братья и сёстры*. Ещё вчера вы верили, что тоже элита, что вас уважают. Теперь зарплаты равняются ставкам обычных охранников.

Такой новый *тренд*. Такой вот ответ российских работодателей экономическому кризису. Всё, до чего они додумались. Я не могу говорить о точных цифрах — мне их не показывают! — но коллеги из финансовых служб НТВ утверждают, что чистая прибыль телеканала за *кризисный* 2009 год больше, чем в предыдущие *богатые, сытые* годы. А зарплаты сильно понизились. А ведь люди уволены. А ведь многие программы закрылись.

Хорошо, ребята?

Хорошо, ребята!

Кушайте!

На здоровье!

Наша отчаянная акция остановила массовые увольнения на Первом канале. Несколько десятков людей — почти полторы сотни — избежали нашей участи. Потом, месяца через три, процесс возобновился. Начальство успокоилось. Потому что все продолжали молчать. Сила действия равна силе противодействия.

С такими можно!

Голодовка привела к тому, что через восемь дней у меня начались проблемы со здоровьем. Пришлось её прекратить.

Но мне было приятно. Да, было приятно — никогда не думал, что продержусь без еды так долго. Всегда удивлялся, как люди подолгу выдерживают без пищи во время протестных акций. А тут понял — если есть идея, если она важна, если она мучает, гложет, то появляются и силы её реализовать.

В день окончания голодовки у меня выкрали чудесным образом портфель с документами — судебными. И начались остальные странности…

Source URL: http://ostankino2013.com/bunt-na-6000-instrukcija-k-primeneniju.html

— А Вас зовут Олег?

— Да. Олег.

— Кажется, Вы работали на Первом? Пташкин Ваша фамилия.

— Да.

— Слышал про Вас с Мирзоевым. Такая нашумевшая история.

— Вот как?

— Да, читал я Ваши документы судебные.

— ??

— У тебя, Олег, всё ясно. Дело твое выигрышное.

— А Вы, однако, человек информированный.

— Так получилось. Так вот. Выиграешь ты дело. А твоему товарищу ничего не светит.

— Как так не светит?

— Ну, очень он агрессивный. Конфликтный. Слишком настойчив. Не думаю, что он найдет здесь себе применение.

— Где здесь?

— В России. Пусть ищет себе работу в другом месте.

— Я не понимаю Вас. Он нормальный парень. Очень хороший журналист. И трудовые права у него несправедливо нарушены. Закон нарушен.

— А мы так не считаем.

— А Вы кто собственно?

Этот разговор с Олегом завёл какой-то незнакомец из очереди, когда он ждал приёма терапевта в коридоре городской поликлиники № 108 на Смольной в апреле 2009-го. Воланд возник рядом с ним вдруг, неожиданно — хорошо одетый, возраста 45–55 лет, с незапоминающимся лицом — серым, невзрачным. Почему-то коллега определил его «фэпсом».

— Считайте меня доброжелателем. Ну, другом.

— Другом?

— Да. А Мирзоеву лучше заняться традиционной сферой — пусть фруктами торгует, овец пашет, арбузы выращивает…

Кстати, почти этим я сейчас и занимаюсь — вот, расписываю этот дневник.

Кстати, почему-то Олег, передавая мне пожелание незнакомца, радостно смеялся. Ему это выражение понравилось. Так друзья превращаются в коллег.

— Суд он выиграет, закон, видите ли, нарушен… Конечно! Нечего ему здесь права качать. А ты, Олег — ты будь благоразумен.

— Я так и не могу понять — кто Вы?

— Доброжелатель я. Доброжелатель. Будь благоразумен!

И когда Олег на секунду отвернулся, Воланд внезапно исчез. Коллега был очень напуган этой историей — позабыл о приёме у терапевта и побежал звонить мне.

Сколько раз можно повторять: «Никогда не разговаривайте с неизвестными».

А, может, это ему привиделось?..

Всё, что происходило дальше, тоже походило на чертовщину.

Дорохина…

Дорохина…

Это одна из тех фамилий, которые я никогда не забуду. Храню в сердце её образ.

Дорохина Екатерина Михайловна. Федеральный судья Останкинского районного суда города Москвы. За ней закреплена улица Академика Королёва (дом 12 и 19) и улица Космонавтов. [157]

Наверное, это сделано специально. Из-за Телецентра. Из-за Первого канала.

А, может, так получилось…

Ну, значит, с судьёй не повезло не только мне, но и всем, кто имеет отношение к улицам Академика Королёва и Космонавтов. А также улицам: 1, 2, 3-я Мытищинская, Староалексеевская, Касаткина, Кибальчича, Константинова, Церковная Горка; переулкам: Кулаков, Графский, Зубарев, Кучин, 1-й Рижский (д.2, к.1 и к.2, д.3, д.6, к.1 и к.2, д.8); проездам: Мытищинский, Дроболитейный; Проспекту Мира (чётные дома с 98/13-186); площадям: Шарля Де Голля и Академика Люльки.

Это успокаивает…

Думаете, а сама Екатерина Михайловна считает, что ей повезло в жизни?..

Не уверен — ну, она постоянно жаловалась.

Хотя выглядит довольным самим собой человеком…

Она — худая блондинка. Крашенная. Кстати, неудачно. Химическую завивку с её жидкими волосам сотворили тоже неважно. Ну, неважно.

Так вот — образ судьи Дорохиной. Ну, какой она мне запомнилась.

Было 1 июня. Останкинский суд. Зал заседаний. Слушается дело по моему исковому заявлению.

В небольшой комнатушке — *зал* заседаний — жарко, воздух наэлектризован. Мы с моим представителем Владиславом Симоновым и юрист ООО «Зелёная Студия» Вячеслав Мирончук спорим — перебивая друг друга, обмениваясь колкостями, насмешками. Увлеклись. Противоположная сторона сдалась, уже

не защищается, пищит неюридическими междометиями.

Вдруг я осёкся — странно, Дорохина молчит, не обрывает. Поворачиваю голову в её сторону. И замираю — судьи нет.

Нет, физически она присутствовала. Сидела на пьедестале за судейской *партой.* Но вот мыслями…

Она смотрела в окно. С блаженным выражением лица. С вдохновённым. Замерев. Как поэт, трепещущий, боящийся своим дыханием спугнуть витающую рядом рифму. А летние солнечные зайчики играли, разбрызгавшись вокруг неё. На её мантии. На руках. На лице. И на её жидких волосах с дурацкой химией — отчего они, волосы, казались бесцветными, прозрачными, невидимыми.

Уверен, судья тосковала. Об отпуске. О море солёном. О песочке белом. О пряном запахе и вкусе мужского пота. О загорелых мускулистых брюнетах, которые не говорят по-русски и не отличают настоящих блондинок от крашенных. Уверен — ведь в перерыве заседания она жаловалась, что устала, что у неё «куча дел, которые невозможно рассмотреть», что ей всё и все надоели, что ей, «в конце концов, тоже полагается отдых»…

Вот почему в тот день судья Дорохина задумала месть.

Во-первых, нами был заявлен ей отвод — протестовали против того, чтобы разбирательство дела судья проводила единолично[158]; чем уже испортили настроение даме, и она отклонила ходатайство. Во-вторых, наша просьба о вызове свидетелей. В этом Дорохина не могла нам отказать, хотя зло проанонсировала результат суда: «Смотрите! Могли уже сегодня закончить дело».

У неё ведь свои дела. Она ведь торопилась. Её ждали мускулистые брюнеты. В шортах — возможно, в белых — обнажающих накаченные ноги. Волнующе волосатые ноги. А тут мы со своим Трудовым кодексом Российской Федерации. С Конституцией. С исканиями справедливого суда…

А? Да, да, думал о том, что я параноик. Думал.

Но судье Дорохиной действительно не везло.

Например, с репутацией…

За помощью в подготовке к судебным разбирательствам мы с Олегом обращались ко многим юристам. Большинство из них советовали нам просить Владимира Ивановича Миронова. Бывшего судью Мосгорсуда, доктора юридических наук, эксперта Комиссии по правам человека при президенте России, члена Независимого экспертно-правового совета и Научно-консультативного совета при Генеральной прокуратуре — главный специалист по Трудовому кодексу в стране, автор основной специальной литературы в этой области. «Мастодонт

трудового законодательства». Так его все называли.

Так вот. Мы с ним встретились. Было начало апреля.

Легендарный юрист и учёный выслушал нас. Расспросил о деталях. А потом сразу: «А к кому попало дело?» И объясняет. Мол, такая вот судебная система в стране — важно не только само дело, обстоятельства, но и кто будет его рассматривать. Вернее, второе — важнее.

Называем. Миронов при нас звонит практикующим коллегам — мол, Дорохина, что это за специалист и человек из Останкинского суда. А ему со смехом: «Кто? Дорохина? Ужасный судья». И дальше: «Ужасный судья»…

Помню, я тогда удивился: «А что имели в виду, говоря — ужасный судья?» Миронов засмеялся. Махнул рукой: «И так всё понятно. Не повезло вам, ребята!»

Не повезло.

И не только нам…

Предварительное заседание 27 апреля 2009 года — подготовка дела по моему иску к судебному разбирательству. В первый раз тогда Её увидел.

Только сели, и тут в зал вторгается незнакомая женщина и, размахивая над головой какой-то бумагой, начинает предъявлять претензии к Дорохиной, сначала тихо, но настойчиво, а потом всё громче и скандальнее. Мол, её подпись на повестке подделали, мол, ничего ей не присылали, а она — Она — провела «по этой фальшивке» заседание и вынесла «незаконное судебное решение». Женщина переходит на крик: «Вот, смотрите, здесь же видно — будто специально обводили ручкой». Дорохина отбивается аналогичным способом и шумом: «Ничего не знаю! Ничего не знаю! У меня куча дел! Куча дел! Я не должна за всем этим следить! Уходите вон!»

Не повезло…

Сотрудницы канцелярии Останкинского суда по гражданским делам всегда заняты. Спешат. Торопят. Холодно общаются.

Часто туда ходил. После первого раза меня запомнили. Изменились.

Спросили тогда: «Кто у Вас судья?» Назвал Её имя. Нейтрально, без эмоций.

А они — вдруг — смотрят на меня, как на сироту. Заговорили с сочувствием. Стали помогать мне всем коллективом. Одна девушка даже предложила чаю. Отказался. А она ещё раз: «Вы не стыдитесь».

Меня это вначале очень встревожило — к чему бы это? в судах люди грубоваты, высокомерны.

Потом понял…

Стоявший рядом со мной у окна канцелярии какой-то парень в бейсболке сдаёт своё судебное дело в архив и вдруг, услышав Её имя, протянул категоричным голосом:

— Оооо! Дорооооохина! С Дорохиной бесполезно связываться!

Сразу даже не сообразил, что он ко мне обращается.

— И у Вас она была? — наконец догадываюсь я.

— Да. Да. Это непробиваемый судья, — собеседник видит у меня в руках заявление с просьбой разрешить фотосъёмку дела и спрашивает с сочувствием. — Вы тоже проиграли у неё?

— Угу. Но сейчас обжалую в Мосгорсуде.

— Бесполезно!

— Я на Верховный (Верховный Суд России — Э.М.) надеюсь.

— Это другое дело! Я вот тоже до Верховного дойду! — и вдруг раскрывает душу наболевшим. — Это же надо такого судью держать на работе! Только у нас власти на это способны. *Им* такие и нужны!

Парень прощается и собирается уходить.

— Желаю Вам удачи! — говорю ему вслед. — Ни пуха ни пера!

— Спасибо. К чёрту! — улыбается он и внезапно, рассмеявшись, останавливается. — К Дорохиной! К Дорохиной!

Я понимал этого человека…

А тут ещё сотрудницы канцелярии Останкинского суда — долго не могут найти нужный мне документ (определение об отводе состава суда) в моём деле. Безуспешно перелистывают папку. Одна ищет, другая у неё над головой стоит.

— Вы уверены, что этот документ был в деле? — спрашивает та, что стоит и смотрит недоверчиво на сидящую коллегу. — А то у этой всё может быть.

— Я же сам видел это определение в деле, — удивляюсь и смотрю на искавшую девушку. — Куда же Вы могли его деть.

Обе расхохотались.

— Да нет. Не её имела в виду, — объясняет сотрудница и показывает большим пальцем в сторону кабинета судьи Дорохиной. — Я имела в виду *эту. Она* спокойно может документ к делу не приобщить. Для *неё* это нормально.

Определение они потом нашли. Но как явен был авторитет этого судьи среди Её же коллег в Останкинском суде. И им не повезло…

Вот такой вот федеральный судья Останкинского районного суда города Москвы Екатерина Михайловна Дорохина.

Но у неё есть логика.

Своя.

Необычная…

Во время слушаний дела нашего коллеги с Первого канала Эльдара Басилия — он тоже судился с «Зелёной Студией» — судья Дорохина, бедная, уставшая, очень возмущённая, воскликнула: «Неужели вы не понимаете?! Ну, не хочет работодатель вас всех видеть на работе! Ну, не нужны вы ему!»

У неё такая логика.

Судейская.

Беспристрастная.

Правовая.

Кстати, тоже неудачная.

Противоположная сторона — ООО «Зелёная Студия» и Первый канал — тоже готовилась. Бурно.

Однажды в начале апреля раздаётся звонок. На мобильном высвечивается номер отдела кадров. Голос незнакомой девушки. Страстный голос.

— Господин Мирзоев, скажите, пожалуйста, номер Вашей трудовой книжки?

Это она меня просит. Льстиво. «Господин». Вот как!

— Зачем?

Спрашиваю, а самому смешно. Понимаю, зачем им нужно.

— Ну, нам надо. Ну, скажите, пожалуйста, — начинает она меня умолять.

— Девушка, это Вас Анастасия Багреева (сотрудник отдела кадров «Зелёной Студии» — Э.М., наш куратор) попросила? Что же она сама не позвонила?

— Нет. Нет. Не она. Она…ээ…ммм. Болеет она. Нету её *тута*.

— Я не могу сказать номер. Извините.

— Ну, пожалуйста! Ну, пожалуйста! Ну, пожалуйста!

Вот за что я люблю эту даму! За что? За что я люблю Систему? Ну, как… За *Её* тупость.

Подозреваю, что номер трудовой книжки отделу кадров нужен для записи в Книге учётов трудовых книжек, в которой я отказался ставить подпись. А *эти* тогда не успели даже графу с моими данными заполнить. Только сейчас спохватились.

— Ну, что вам стоит, а? Нас ведь ругать за это будут! — голос кадровички захлёбывается от волнения и страсти.

— Девушка, Вы хоть понимаете, о чём меня просите?! Вы собираетесь подделать документ во вред мне, и меня же просите вам в этом способствовать.

— Ну, нас начальство накажет. Вам нас не жалко? А? Ну, почему Вы такой?! Вам ведь уже всё равно…

— Девушка, передайте Багреевой — пусть не старается: у меня аудиозапись от 6 марта, где она по телефону признаётся,

что лишь накануне выдала мне трудовую…

— Ну, почему Вы такой?!

Первый канал! Бизнес-империя Эрнста и Синельщиковой! Стратегия защиты.

Бред!

Бред!

Бред!

Вечером мне стало известно, что номер моей трудовой подчинённые мадам Синельщиковой в тот день пытались узнать и в отделе кадров на НТВ. Звонила туда *больная* Багреева. Несколько раз звонила. Но там не сказали.

И что? Подделали.

Получили документы из суда, среди которых была и копия моей трудовой книжки, и подделали. Как и подпись под актом приёма-сдачи услуг к Договору об оказании услуг.

Люди без комплексов.

Подделали, кстати, плохо.

Некачественно.

Ну, хотя бы это сделайте красиво, а?

Да и акт сам изготовлен такой — обхохочешься. В *документе* — ни о сделанной работе, ни о сроках… Ну, было же время — сделайте *нормально*. Все равно же подделываете.

Даже судья Дорохина — даже Она — увидев результат творчества, сказала на предварительном заседании представителю противника: «Я же вижу — это не его подпись!» А потом задумалась на полминуты и почему-то добавила: «Даже я это вижу!» И приобщила к делу распечатку всех диктофонных записей моих переговоров с рабами-исполнителями воли главного теле-клана страны.

И что?

И что?

Решение-то не в мою пользу.

Судья тоже без комплексов.

А что? Если Эрнсту и Синельщиковой можно, почему Дорохиной нельзя?

Не повезло.

— Как так можно? Как они не боятся подделывать подписи под документами и приносить их в суд? Это же уголовное преступление!

Спрашиваю, поражённый, у своего представителя Владислава Симонова. А он машет рукой:

— А ты не знал? Работодатель и не такие вещи делает. А суды им помогают. Сам не видишь?

И объясняет, что юристу ООО «Зелёная Студия» Вячеславу

Мирончуку трудно предъявить претензии — скажет, мол, с меня спрос небольшой, мол, дали документы, а я и принёс. Хотя я уверен, он-то, Мирончук, всё знает.

Исполнитель.

Послушный.

Покорный раб.

А Влад — отличный юрист. Один из лучших учеников Владимира Миронова. Говорит, правда на моей стороне. Но к возможности положительного результата суда скептически относится.

Я всё упрекал себя, что сделал большую ошибку, когда подписывал ту бумажку — Договор об оказании услуг. Ну, не подозревал о западне. А Влад говорит — юридически доказать недействительность этого «документа» несложно; тем более, что оформляя в таком виде трудовые взаимоотношения с работником, работодатель обманывает не только его, но и государство. Примет ли эти доводы судья — вот в чём вопрос. Закон — игрушка в руках *своих* судей.

Судей-исполнителей.

Послушных.

Покорных рабов.

Рабов в мантиях.

Раб потому так держится за свою мантию, кресло или ещё за какой-нибудь атрибут власти, чтобы за ним скрыть свою рабскую душонку…

Ещё наши с Олегом интересы в судах согласился представлять Олег Бабич, заместитель председателя Федерации профсоюзов России. Честный парень. Добрая душа…

Продолжаю, как дурак, считать, что Система логична.

Говорю на судебном заседании 29 июня 2009 года: «Я же не против увольнения — это нормальная практика в экономической жизни общества. Но пусть сокращают по закону. По обговорённым правилам».

А Дорохина на это смеётся.

Смешно.

Смешно.

Трудовой кодекс! А ей смешно!

Противоположная сторона — послушный юрист ООО «Зелёная Студия» — настаивает на том, что сроки обращения в суд мною пропущены: «Вот, его собственноручная подпись в Журнале учёта движений трудовых книжек от 29 января 2009 года». И ещё, якобы, приказом о прекращении договора я был ознакомлен тогда же.

Парируем — что подпись не моя, а копию приказа об

увольнении я получил на руки (а тут главное — факт получения работником копии приказа на руки) лишь в марте. Вот подпись *доброго* гендиректора и будущего телеакадемика Ольги Андреевой на документе, дата — 6 марта 2009 года. «Не отрицаете», — спрашиваем. «Не отрицаю! Но сроки пропущены!» А что ему ещё говорить.

Но даже имея фору и море времени, команда мадам Синельщиковой не смогла организовать *идеальное* массовое увольнение — избавиться от своих сотрудников *красиво*. По закону, работодатель должен предупредить работника о прекращении срока действия трудового договора заранее.[159] В моём случае — не позже 26 января (если договор заканчивается 29 января). А они сделали это 27 января.

Да, ошиблись — неправильно посчитали. Всего на день. И всё! А что делать?! Мы же заметили. Случайно — но заметили. Даже мы. А они-то — *профессионалы*…

Ну, хорошо. Ошибиться в дате — с кем не бывает. Но вот ещё большая глупость. Это недействительное уведомление (от 27 января) — за подписью гендиректора Андрея Макарова, который на тот момент нефактически, но юридически ещё оставался генеральным директором[160]. А вот приказ об увольнении от 29 января подписан Ольгой Андреевой, которая ещё не имела на то полномочий — запись о смене гендиректора ООО «Зелёная Студия» была внесена в ЕГРЮЛ лишь 9 февраля 2009 года. Всё дело в том, что приказ этот подготовлен лишь в марте, только подписан задним числом — в записанном мною на диктофон 6 марта телефонном разговоре сотрудник отдела кадров Анастасия Багреева признаётся, что приказ от 29 (!) января ещё «на подписи у Андреевой».

Очень *красиво*!

Ну, как им ещё помочь, чтобы они хотя бы что-то сделали нормально? Не *профессионально*. А хотя бы нормально…

Получается — раз увольнение было проведено с нарушениями, договор фактически превращался в бессрочный[161]. Так по закону.

Этот поворот разбирательства очень возмутил судью Дорохину. Разозлилась, кричит на представителя противоположной стороны:

— Почему вы так всё сделали?! Почему вы так всё сделали?!

Только потом понял — ей ведь надо было за что-то зацепиться в своём решении. Этому рабу в судейской мантии надо было соблюсти внешние приличия.

Доказываем, что Договор об оказании услуг — недействителен. Что мои трудовые отношения с «Зелёной

Студией» неправомерно[162] регулировать договором гражданско-правового характера. Предоставляю выписку из банка: вот, если бы мой срочный договор прекратился бы в январе, то в день увольнения я должен был получить все причитающиеся мне выплаты — полный расчёт: всю зарплату, компенсацию за неиспользованный отпуск — а, получается, я продолжал получать через банк зарплату и аванс и в феврале, и в марте.

Приглашённые в качестве свидетелей коллеги — Эльдар Басилия, Вика Саваровская и Олег Пташкин — подтверждают, что весь февраль моя работа была такой же, как и в предыдущие месяцы: те же обязанности, та же редакция, тот же распорядок рабочего дня. Что Договор об оказании услуг я подписал задним числом — не только мне предлагали, не только меня уговаривали. А ещё, что об увольнении мне сообщили лишь 2, а трудовую книжку выдали — 5 марта.

Когда Вика стала рассказывать о подписанных со всеми сотрудниками Студии спецпроектов Первого канала срочных договорах до конца мая, которые «куда-то пропали», Дорохина замахала руками и стала обрывать девушку:

— Я всё поняла! Что тут непонятного? Мне всё понятно!..

В перерыве судебного заседания к нашей группе подбирается — тихими шажками, заискивающе улыбаясь — представитель противника Вячеслав Мирончук.

У юриста «Зелёной Студии» приступ душевного страдания. Хочет этой болью поделиться с окружающими.

— Представляете? Что творится сейчас в Студии спецпроектов! Такой дурдом! Всех заставляют писать заявление об увольнении с Первого канала и оформлять отношения с «Зелёной Студией». Новая стратегия Синельщиковой, Никоновой и Курпатова. Такой дурдом!..

Ребята ему верят. Жалеют его:

— А Вы что же? Не можете объяснить начальству, что это глупо. Ничего не говорите им?

— Говорим, — краснеет и вздыхает Мирончук, как невеста, рекламирующая перед сватами свои достоинства. — Но вы представляете, *коллеги*?! Представляете?!

Резко встаю и ухожу.

Олег Бабич подходит ко мне и берёт за локоть.

— Ты чего? Уймись, Эльхан!

— Кулаки чешутся. Не могу слушать этого придурка. Тут одно говорит, а там — на заседании — противоположное. Эту «Зелёную Студию» защищает. Пусть скажет, что срочные договоры до июня — мой и остальных ребят — хранятся у него в кабинете в Останкино. Что об увольнении я узнал лишь 2 марта. Что он

также участвовал в подделке моей подписи под документами, которые он сейчас приволок в суд. Что же он здесь, в коридоре, своё начальство ругает?!

Говорю я это громко. Юрист с приступом душевного страдания всё слышит.

— Ну, что ты?! — говорит миролюбиво и тихо Бабич. — Ведь свою работу делает. Подневольный человек. Ему говорят — он и выполняет.

Может, у них — у юристов — такая профессиональная солидарность. Но я этого не понимаю…

— Его — что? Заставляют? — огрызаюсь я. — Может, его в заложники взяли?

— Ну, что он поделает?! — не сдаётся мой представитель. — Нормальный ведь парень…

Возможно. Возможно, они все неплохие люди. Дома, в тёплых тапочках. Во время декламаций. В разговорах о морали на интеренет-форумах. И судя по их слёзам за бутылкой.

Не понимаю. Не могу понять.

От меня тоже требовали «выполнять свою работу». На НТВ, на Первом канале.

А ему — почему можно?

Исполнитель.

Послушный.

Покорный раб.

От холопа до холуя всего маленький шажок.

Сколько других людей не продаёт свою совесть. Вот Владимир Миронов, бывший судья Мосгорсуда. Ведь пошёл против Системы. Не испугался поддержать своего друга и коллегу Сергея Пашина. Этого популярного — любимого подсудимыми и коллегами-юристами — судью, известного на всём постсоветском пространстве яркого и молодого учёного-правоведа[163], исповедующего гуманистический принцип в отправлении правосудия, выдавили из Мосгорсуда — «королевства» Зои Корневой и «царства» Ольги Егоровой[164]. Не простили таланта и вольнодумства: ведь Пашин — судья-Чацкий, живой, наш современник, пишущий пробирающие ознобом стихи о своей профессии.

В мае 1998 году Зоя Корнева через карманную Квалификационную коллегию судей Москвы лишила полномочий судьи Сергея Пашина — за отказ подчиняться московской вертикали судебной власти. Последний это решение обжаловал в Верховном суде и выиграл. Во многом — благодаря выступлению своего коллеги Владимира Миронова на судебном заседании, который рассказал о процветающей в Мосгорсуде «корневщине»:

выдавливании непокорных и самостоятельных судей, зависимости их от воли королевы-председателя и прокуратуры, о телефонном праве и клановости, об установках Корневой минимизировать количество оправдательных приговоров, так как они дискредитируют следствие, поощрении ею низкопоклонства, сплетен, доносительства и т. д.

Так вот, спустя четыре часа после этого выступления Владимира Миронова в поддержку коллеги председатель Мосгорсуда начала процедуру лишения его судейских полномочий. Не прошло и месяца, как Московская квалификационная коллегия судей избавилась от главного практикующего специалиста в стране по трудовому праву — «по состоянию здоровья». Главным цепным псом, бегающим по московским больницам в поисках компромата для Корневой на неугодного судью, была Ольга Егорова, тогда председатель коллегии по гражданским делам Мосгорсуда. Спустя два года, когда бывший заместитель «королевы московской» сама стала — вначале «преемницей московской», а потом и «царицей», за своим коллегой последовал и Сергей Пашин. Наступали Путинские времена — независимость, человечность, вольномыслие обесценились.

И ведь Владимир Миронов знал, на что идёт. А ведь тогда, в 98-м, он был без пяти минут судьёй Верховного суда — с пожизненными привилегиями, властью, сытностью, покровительством и теплом Системы.

Знал!

Но не побоялся!

Вот это поступок!

Наверное, потому что ни один порядочный человек не мог остаться равнодушным, когда на такого судью — на человека — как Сергей Пашин устраивали травлю…

Много людей в стране знает про интимные приключения Ксении Собчак? Да пол России.

А про историю Миронова? Единицы. Вот в чём проблема страны.

Единицы!

«В стране мёртвых единицы оставшихся в живых». А страна про них не знает!

Почему я должен равняться не на них?!

Владислав Симонов.

Андрей Демидов.

Олег Бабич.

Николай Коломейцев.

Коллеги, звонившие, помогавшие.

Александр Жбанков из журнала «Трудовые споры» — сам нашёл номер, звонил, помогал.

Ребята из «Левого фронта». Особенно Сергей и Настя Удальцовы из АКМ…

Теперь я был благодарен таким людям. Мир держится на них — по крайней мере, мой мир. Их встречаешь там, где не ожидал.

А таких, как юрист ООО «Зелёная Студия» Вячеслав Мирончук я не понимаю.

Не могу понять…

Врата Закона открыты…

Ведь открыты!

Судья Дорохина «удаляется для вынесения судебного решения». Лучше бы она по-настоящему удалилась — нажимаешь клавишу «Delete», и нет её. Нажимаешь ещё — и нет остальных, таких же рабов-исполнителей в мантиях…

«В иске отказать». Прекрасно!

Решение суда повторяет формулировки — почти слово в слово — позицию ответчика — ООО «Зелёная Студия», конторки мадам Синельщиковой. Прекрасно!

Лучше — в открытую. Бутафория Системы. «Ужасный судья».

Никакой правовой оценки доказательств[165] — ни одному из моих доводов, ни аудиозаписи телефонных переговоров, ни показаниям свидетелей, ни заключению Независимого экспертно-правового совета за авторством главного специалиста в стране по трудовому праву Владимира Миронова, специальную литературу которого прячет на коленях под столом любой разбирающий трудовой спор судья. Даже заключение представителя Останкинской межрайонной прокуратуры прокурора Ольги Тимофеевой, заявившей на судебном заседании, что все предъявленные в моём иске требования подлежат удовлетворению, судья Екатерина Михайловна Дорохина не заметила в своём решении. Федеральный судья Останкинского районного суда города Москвы снова торопилась — встряхнула каракулем, вернее, каракулями *гидролизной* химии, защебетала: «Всё! Мне пора! Всем до свидания! Мне пора!» и поскакала пить чай с шоколадками…

Срок для обращения в суд, мол, пропущен.[166] Трудовую книжку выдают мне 5 марта! Копию приказа об увольнении от 29 января руководство подписывает лишь 6 марта! И мы это доказали! А вот, оказывается, «истечение срока исковой давности… является основанием к вынесению судом решения об отказе иска». Прекрасно!

«Именем Российской Федерации»…

Дальше — хуже. Это уже не сон. Одна чертовщина.

А как по-другому это назвать?..

Останкинская прокуратура недовольна. И.о. заместителя межрайонного прокурора г. Москвы Ковалёв Александр Сергеевич в Мосгорсуд вносит кассационное представление на решение Останкинского суда — мол, оно, решение, «вынесено с нарушением норм процессуального права» и, потому, должно быть отменено и направлено на новое рассмотрение. Это 29 июля.

Но через три дня — 3 августа — тот же Ковалёв А.С. неожиданно отзывает своё кассационное представление. Почему? Не знаю. Видимо, за три дня всё понял — ему всё объяснили.

По закону — судья Дорохина должна *отреагировать* на это представление и на его отзыв — вынести определение. И она делает это — в тот же день 3 августа.

Вообще-то, я имею отношение к этому делу. А узнаю и про кассационное представление, и про его отзыв, и про определение суда — случайно. Мне рассказали об этом работники суда. Оказывается, отзыв представления — был прислан не 3 августа. И определение Дорохина вынесла не в тот же день. Всё это сделано было позже (между 13 и 15 августа), задним числом подписали документы — надо было *успеть* «по бумагам» до 6 августа, когда было назначено заседание в Мосгорсуде по моей кассационной жалобе…

Почему Эрнсту и Синельщиковой можно, а Останкинскому суду и районной прокуратуре нельзя? А? Им тоже можно подписывать документы задним числом. Доказательств у меня нет. Только слова сотрудников канцелярии. Поделились по секрету.

Федеральный судья Останкинского районного суда города Москвы — женщина шустрая. Не спорю. Но она ведь была в начале августа в отпуске. Ну, мужской пот, загорелые волосатые ноги, песочек белый и так далее. Как она — даже Она — могла на расстоянии подписывать документы, выносить определения? Физически? Да и неудобно ей. В объятиях. Мужских. Ног…

Красиво?

Прекрасно!

Приходит письмо из Федеральной службы по труду и занятости — Государственной инспекции труда в г. Москве. От 30 июля.

Главный государственный инспектор труда Борисов Олег Геннадьевич — красавец!

Это второе письмо. В первый раз оттуда написали ещё 14 апреля — в ответ на наше обращение в сопровождении с депутатским запросом Николая Коломейцева от 18 марта. То есть меньше, чем через месяц. Тогда Борисов О.Г. нашёл нарушения —

в оформлении как трудовых взаимоотношений у Олега с Первым каналом, так и его увольнения. А в моём случае главный государственный инспектор труда Олег Борисов поступил хитро — мол, в обращении отсутствует фактический адрес ООО «Зелёная Студия». Это неправда!

Тогда я связывался с этим господином, отослал ему письма (со всеми координатами, со всеми контактами) по почте — и по обычной, и по электронной — которые он долго не мог получить. Говорил ему, готов сам подъехать — доставить…

И вот, спустя четыре месяца, отвечает. Мол, нарушения только в том, что со мной «в день увольнения 29 января» не произвели полный расчёт. И всё! Всё! То есть, «Ваш трудовой спор с ООО «Зелёная Студия» по вопросу увольнения разрешён судом». «Проверкой установлено». Не прошло и месяца, а Борисов О.Г. успел всё проверить. Оперативно! Ждал, ждал, а как решение суда появилось — и тут он бац! ответ на обращение.

И ещё ссылается на закон, подлец! Мол, в соответствии со ст.13 ГПК России «вступившие в законную силу судебные постановления… являются обязательными для всех без исключения органов госвласти», а госинспекция — опять же, в соответствии со ст. 357 ТК — «не вправе выдавать работодателю предписание по тем вопросам, которые разрешены в судебном порядке». То есть парень хотел бы и помочь, да вот закон ему руки связывает.

Звоню ему:

— Очень оперативно Вы сработали! — говорю.

Закашлялся бедненький.

— Только Вы ошиблись. Поторопились. В законную силу решение вступит только после Мосгорсуда. А не сейчас.

— Ах да, да. Но всё равно. Вы понимаете…

Перебиваю его — еле злость прячу.

— Считаете, что правильно поступили? Так, как Вам положено по занимаемой должности?

— Ну, Вы понимаете… — замялся он и неожиданно, торопясь, выдал откровенное: — Не всё от меня зависит. Как начальство даёт указания, так и поступаю. А у Вас такая ситуация… Вы же понимаете…

— Нет! — почти кричу ему. — Не понимаю!

Не могу понять.

Писал отдельное обращения в прокуратуру о нарушениях на ОАО «Первый канал» и в «Зелёной Студии» — с трудовым законодательством, с массовыми увольнениями, о подделке начальством документов, о семейном бизнесе Эрнста и Синельщиковой с серыми схемами аутсорсинга — а это

мошенничество группой лиц, тяжкое преступление. И в Останкинскую межрайонную прокуратуру, и в Прокуратуру г. Москвы, и в Генеральную прокуратуру. Открыто — высылал копии писем на адрес Первого канала. Мне скрывать нечего…

Карающий меч оказался деревянным — «…выявленные нарушения устранены, исполнительный продюсер ООО «Зелёная Студия» Ильчинская Г.Г. привлечена к дисциплинарной ответственности». И это пишет заместитель прокурора Москвы В.П.Юдин — человек с мелкой бесцветной подписью.

Никакой настоящей правовой реакции. Ни разу никто не обратился за дополнительной информацией.

Более того. Все структуры, в которые мы с Олегом обращались по поводу серых схем на главном телеканале страны, занимались отписками — в том числе, и из «Администрации Президента Российской Федерации». Прокатили вниз — по всем инстанциям. Своих не бросаем. Броня.

А *им* это неинтересно.

Даже ФАС[167] стало неинтересно. Не сразу. Вдруг.

Оттуда сами позвонили. Ещё в марте. Сразу после нашей акции в Останкино. Пригласили. Приехали. Поговорили.

Поговорили…

Вернее, мы рассказывали, а они, в основном, слушали. Слушали и записывали. Переспрашивали. Поражались. Воровству. Очень интересно им всё это было.

Михаил Мамаев — замначальника Управления по борьбе с картелями. И Любовь Дорофеева — сотрудник правового отдела этого Управления.

Нарисовали им все известные нам схемы, которые используют на Первом канале. Всё расписали. Часа три там потеряли. И всё!

Потом ещё звонили и просили дополнительную информацию. Интересно им было…

И всё!

Где уголовное дело? Нет — где уголовн***ые*** дел***а***?

Ничего не изменилось.

Стало ещё хуже…

Бедная Счётная Палата — какая же она у нас слепая. Может, ей бюджет увеличить, а? ну, денег дать на расширение штата, а? Столько родственников пристроить надо людям… Свежая кровь, всё-таки…

Да, за время «переписки» с надзорными органами узнал главное — что российский чиновник любит больше всего. Он любит писать.

Нет, не Захар Прилепин писатель. Это он, обычный

российский чинушка — писатель. Принципиальный писатель. Ему спокойнее, удобнее, *приятнее* написать отписку, чем поднять пятую точку и пойти сделать что-то. Даже если ему тяжело, *с трудом превозмогая муки слова* — сядет и напишет. *Мастера эпистолярного жанра.* Письма Онегина и Татьяны.

Столько денег ежегодно тратят на письма. Целый бюджет небольшой африканской страны.

А ещё, выходит, каждый российский чинушка — это большой философ. Гегель. Георг Вильгельм Фридрих. В душЕ. В тепле. Кабинетном. «Всякая действительность разумна». Философ, потому что мыслит, надеется — со временем всё разрешится само собой. Да, пока ничего не происходит. Пока. Но он мыслит и надеется…

Россия — это страна-мечта. Мечта для чинуш.

Они думают — я пишу, прошу их, выпрашиваю у них что-то. Благодарностей от меня ждут…

Нееееет! Я требую!

Подлецы, работайте!

Думаете, вы надо мною издеваетесь? Это я над вами издеваюсь. Мне нужны ваши имена, фамилии, отчества.

Чтобы ваши дети и внуки стыдились вас…

Мне писали *отовсюду. Они* писали.

Из «Администрации Президента Российской Федерации». Главный советник департамента аналитического и организационного обеспечения «В. Юрин» скромно — коротко — ответил. Обращение, мол, рассмотрено, не волнуйтесь, и отправлено в Государственную инспекцию труда в г. Москве. Там всё заглохло.

Из «Аппарата уполномоченного по правам человека в Российской Федерации». Из конторки либерала, социалиста, гуманиста-*беспогонника* Лукина Владимира Петровича. Замначальника отдела защиты трудовых прав человека Т.И. Цупор. Назвал меня уважаемым и послал в суд.

И там всё заглохло.

Тоже сослался на закон.

Закон!

Закон у них — это закон Системы.

Закон = Система!

Вот из Комитета Госдумы по труду и социальной политике пришёл более-менее *нормальный* ответ. Я писал председателю Комитета Андрею Исаеву. А ответил его 1-й зам — Ильдар Габрахманов. 16 апреля 2009 года. На двух листах. Суть в одном абзаце: «под давлением со стороны работодателя… подписали гражданско-правовой договор об оказании услуг… в

действительности находились на тот момент в трудовых отношениях… что воспрепятствовало реализации Вами трудовых прав при увольнении…» Всё! Не могу сказать «спасибо». Мне говорят: «О, да это же единорос! Это же аргумент! Показатель!» А мне этого мало. Они — наёмные менеджеры. Тем более, далее по тексту — снова ссылки на закон! И результата нет. Комитет Госдумы по труду и социальной политике! Тишина…

А из Общественной палаты даже не ответили. Я писал зампредседателя Комиссии по трудовым отношениям и пенсионному обеспечению Татьяне Алексеевой. Олеговне. Даже отписку не прислала. Ну, да — их же закон не обязывает. Ни полномочий, ни ответственности. Одна бутафория.

Им это неинтересно!

6 августа. Мосгорсуд.

Судебная коллегия по гражданским делам. Председатель Жбанова Татьяна Ивановна. И ещё две — Васильева Ирина Владимировна и Кирова Татьяна Владимировна. Целая «тройка». *Троица* — сами, наверное, так считают. Наделены властью — судить и миловать. Важные дамочки. Дородные. Пухленькие. Довольные. Осознают свою миссию. Свою роль.

Начинают. Проверяют, кто явился. Состав суда объявлен. Выясняют — есть ли ходатайства.

Мы с Олегом Бабичем — Влада в тот день с нами нет, сказал, что уверен в результате на этой стадии — просим выслушать свидетеля.

Тут врывается прокурор Макирова Елена Эдуардовна, должность — старший помощник прокурора Прокуратуры города Москвы. Опаздывает. Запыхается. Видимо, занята была. Чем-то важным. Женщина с внешностью, от которой *тащатся* сотрудники прокуратуры и другие «силовики». Непристойные каблуки, волосы крашеные, высокая *объёмистая* причёска, большая грудь, самодовольное выражение лица — всё по форме.

Вячеслав Мирончук, юрист «Зелёной Студии» возражает против допроса свидетеля. Прокурор с высокой *объёмистой* причёской тоже. Суду этого достаточно — «отказать в заявленном ходатайстве». «Посовещавшись на месте».

Дают слово мне. Повторяю доводы из кассации — мол, в решении суда первой инстанции никакой правовой оценки, судья скопировала в документ тексты законов. И далее. Про «трудовую». Про копию приказа. Про аудиозапись телефонных переговоров. Про свидетелей, которые подтверждали мою работу в феврале. Про подделку подписи в Журнале учёта движений трудовых книжек… Про всё то, что федеральный судья Останкинского районного суда города Москвы Екатерина

Дорохина *не заметила* — «именем Российской Федерации»…

Председательствующая Татьяна Жбанова удивляется:

— Неужели вы не говорили это в Останкинском суде?

— Говорили.

Вся тройка смотрит друг на дружку. Не верят. Или делают вид, что не верят.

— Вы заявляли в суде первой инстанции о сроке — о том, что копию приказа получили лишь в марте, о «трудовой»?

— Да, да, говорили! — отвечаем вместе с Олегом Бабичем.

Дополняю:

— Дорохина сама согласилась, что подпись не похожа на мою. В деле есть распечатка аудиозаписи переговоров с кадровиками «Зелёной Студии». И диск тоже — можем послушать сейчас.

Дамы удивлены. Нет, действительно удивлены. Переглядываются. Что-то друг дружке шепчут. Хмурятся. О! Поняли. Что-то поняли.

А Олег толкает меня в бок: «Неужели отменят решение суда, удовлетворят кассацию». И сам верит. Я уже не верю. Это было бы честно, справедливо, хорошо! — но не верю!

Заключение прокурора Макировой Елены Эдуардовны: «Постановленное решение Останкинского районного суда считаю законным и обоснованным… судом правильно оценены обстоятельства дела… оснований для отмены не имеется…»

Садится. Смотрю ей в глаза. Отводит. Прячет. Паникует. Стыдно. А, может, нет? Не стыдно? Думает — ещё один наивный. То есть я. Придурок. Дурак.

Коллегия поднимается. Шуршат мантиями. Звук похож на заговорщический шёпот. Или это шелест денег. Такая ассоциация.

Уходят в комнату для совещания. Недолго отсутствуют. Для звонка время хватит. Для звонка и короткого разговора. Короткой быстрой инструкции. Быстрого суда. Расправы. Рядовой. Рутины. Или для того, чтобы чай попить. Горячий. Ароматный. Нет — в пакетиках. Прочистить глотку. «Тайна совещательной комнаты». Бутафория Системы.

Выносят определение — «кассационную жалобу оставить без удовлетворения».

Правовое заключение НЭПС даже не заметили. А ведь это — самостоятельное доказательство[168]. «Судебная коллегия не находит основания к отмене решения суда, постановленного в соответствии с действующим законодательством и фактическими обстоятельствами дела». Ну, *нету! нету* нарушений норм материального и процессуального права, законопослушные граждане! *Нету*!

Удивлялись, удивлялись — а у самих доводы один в один повторяют решение Дорохиной — просто её текст переписали. Не стали лишний пот из себя выдавливать.

За что им налоги платил?! На каблуки и краску для волос Макировой?! Или эти сытые, толстокожие, толстощекие хари кормил?! А не треснут?

Но я их запомнил.

Прекрасно!

Не забуду!

Идём дальше. Обжалуем в президиум Мосгорсуда. А там — неожиданно — затребовали дело из Останкинского суда. Для проверки.

Когда говорю об этом Владу, удивляется:

— Странно. Эта надзорная инстанция обычно штампует решения на автомате. Может, они хотят затянуть? Ведь, когда затребуют дело — максимальный месячный срок рассмотрения заявления увеличивается в два раза.

Приходит очередной ответ из Прокуратуры г. Москвы от 17 ноября, куда было перенаправлено ещё одно обращение в Генеральную прокуратуру в сопровождении с депутатским запросом Николая Коломейцева. Отписка-издевательство. «Прокуратура города не имеет возможности…» Это как? Оказывается, из-за того, что президиум Мосгорсуда затребовал дело для проверки в порядке надзора…

Бедная прокуратура. Так пыталась, старалась «проверить достоверность» информации о массовых увольнениях, о подделке начальством документов, о мошенническом семейном бизнесе Эрнста и Синельщиковой с серыми схемами аутсорсинга… И тут дело затребовали.

Рассказал Владу. Смеётся:

— Вот тебе и одно из объяснений того, зачем президиум Мосгорсуда затребовал дело для «проверки».

Нет, это сон. Или не сон. Сон! Сон! Чертовщина. Диво. Необъяснимое… Сны я люблю. Сны у меня красочные — в сочных цветах. Как советские шизофреники. А это… Нет, в целом, интересно. Забавно даже.

*****

— Олег, слушайте меня! Я недоволен!

— То есть? Что это значит?

— Вы с Мирзоевым не сдержали слова. Обо всём везде рассказываете. На пресс-конференциях выступаете…

— И что? Это наше право…

— Ты поговори. Поговори. Дальше. Вот — тут появились. Я же сказал — чтобы в Останкино вас не видел!

— Послушайте! Это решение суда. И тут — моё рабочее место!

— Я вам говорил — со мной не связывайтесь?! Со мной — мной! мной! Я! — воевать?! Говорил — мало не покажется?!

— Это что — угрозы?..

— Я сказал!

Такой *разговор* произошёл у моего коллеги Олега Пташкина с гендиректором ТТЦ Михаилом Шубиным в кабинете последнего через два месяца после нашей акции в Телецентре.

18 мая 2009 года Останкинский районный суд удовлетворил иск Олега к ОАО «Первый канал» — восстановил его на работе в ранее занимаемой должности. Более того, признал трудовой договор заключенным на неопределенный срок. А также взыскал с телекомпании в пользу коллеги символическую компенсацию морального вреда — 5000 рублей.

Дело Олега было очень простое: для Влада Симонова и Олега Бабича — лёгкая прогулка. При непредвзятом судействе. Даже под председательством Екатерины Михайловны Дорохиной[169]. Да и представитель Первого канала Радоминова Наталья (заместитель руководителя юридической службы ОАО «Первый канал») признала в суде, что при увольнении было допущено нарушение трудового законодательства. И лишь протестовала, чтобы договор признавали бессрочным, ссылаясь на «Перечень профессий и должностей творческих работников» — мол, Олег просто обычный редактор, мол, в названии его должности «… ***приставка «шеф» определяет положение в иерархии***» [170].

А, может, московская судебная машина таким решением надавила на зазнавшегося Константина Эрнста. А тот, уловив сигнал, быстренько побежал к председателю Мосгорсуда Ольге Егоровой на поклон, *челом бить* — организовал последней пиар-компанию: масса интервью с главным московским судьёй в эфире «Первого канала», а теперь ещё и целый телевизионный цикл «Московское дело» (первая серия была полностью посвящена великому прошлому Ольги Александровны). А, может, главу Первого канала ещё кто-то таким *кнутом* дрессировал и воспитывал — нельзя, дескать, отбиваться от коллектива. А тот понял. Быстренько сделал *правильный* вывод.

Нет, это не бред. Я не параноик. Дело-то у Олега было очень простое. Очень! Но 23 июня Мосгорсуд отменил решение суда первой инстанции. Тоже — «тройка». Председательствующая та же — Жбанова Татьяна Ивановна. И ещё две: одна тоже «моя» — Кирова Татьяна Владимировна и Фомина Марина Валерьевна…

Почему?

Потому что «*решение является законным в том случае, когда*

оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права».

Хорошо. Никто не спорит — судья должен шевелить мозгами во время процесса и при принятии решения. Но тут другое…

По мнению «тройки» — не проблема, что в Перечне нет должности шеф-редактор. Плохо, мол, что суд первой инстанции «исходил из того, что Перечень является исчерпывающим, и не подлежит расширенному толкованию». Профессия шеф-редактор — творческая? Творческая! Значит — работодатель может заключать срочный трудовой договор.

Хороша логика. Я тоже так могу. Профессия сантехника — творческая? Конечно. Да в моей управляющей компании одни творческие люди работают…

Да и «представитель ответчика» (то есть Первого канала) истец (то есть Олег) участвовал в создании «различных программ, которые не носят постоянного характера» — по мнению судей. Да, философы. Программы, которые мы делали на Первом, до сих пор идут. Но судьи правы — ничто не вечно, ничто не постоянно. В том числе и они. И их токование закона.

Тут другое.

Тут право вертеть дышлом, куда захочется…

Но это было позже. А тогда, в мае, коллега решил громко прийти на работу в Останкино. Когда милицейская охрана его внутрь не пропустила[171] — мол, такая команда от «Хозяина», Олег обратился к судебным приставам. Распространив информацию об этом в СМИ.

Возможно, коллега излишне шумно возвращался на своё рабочее место. Возможно. Но я его понимаю. Он же думал, «суд восторжествовал», «можно, всё же, правды добиться — защитить свои права законным путём». Не справился с переполнявшими его эмоциями. Я его понимаю.

Вот Шубин этого не понял. Шубин был в ярости. Его «Хозяина Стакана» так опозорил какой-то там плебей. Он ведь обещал: «Пока я тут гендиректор, вы в Останкино не пройдёте! Я даю вам слово!» А тут…

И когда на той встрече коллега попытался возражать: мол, договаривались, что про бензин, про баррикады ни слова — мы уговор соблюдаем. Но прославленный самодур и хам нашего времени продолжает упорно считать себя строительной техникой.

— Сейчас предполагается не диалог, а монолог. Мой монолог!

Видимо, «Бульдозер» не мог забыть, как в ходе нашей прошлой встречи ему однажды указали — повадки, к которым он привык, непозволительны во взаимоотношениях нормального человеческого общества. Оскорбился. Затаил обиду.

— Теперь ждите! Всё! — рычал Шубин в спину Олегу. — Я вас закапаю! Я сказал!

И стал мстить.

Это он делал с удовольствием.

И так, как заведено в его среде обитания.

Головинский районный суд — ещё одно забавное местечко в столице России. А судья Куприянова — Елена Львовна — ещё один уникальный персонаж судебной машины. Винтик Системы.

Как можно отсылать судебные повестки таким специальным способом, чтобы они доходили до адресата после сообщаемых в них дат? В лучшем случае — в день судебных заседаний? Доставляют утром повестку, идёшь на почту, и узнаёшь — о! сегодня суд! уже был! начался два часа назад!

Не понимаю. От канцелярии Головинского суда до моего почтового ящика — десять-пятнадцать минут на общественном транспорте.

Заполняя извещение на почте о получении письма с повесткой, вместе с датой старался ставить и время её получения.

Не понимаю.

Я же не телепат…

О том, что юрлицо ФГУП «ТТЦ «Останкино»» 3 июля 2009 года предъявило мне и Олегу иск, узнаю лишь в конце августа — судья Куприянова с подачи юристов-профессионалов Шубина упрямо отсылает мне повестки в соседнее с моим домом здание. Адрес перепутали. Это только начало. Хорошо, соседи меня знают — сообщили.

В Останкинском — хотя бы с отправлением повесток было нормально.

Суть жалобы такова.

Дескать, Телецентр понёс убытки из-за нашей акции, названной в иске «угрозой террористического акта на стратегическом объекте» и ещё — «чрезвычайной ситуацией 18 марта 2009 года».

Мол, из-за опасности возникновения пожара «были предприняты неотложные меры для обеспечения безопасности». Какие конкретно — из иска не совсем понятно. Исключая информацию о том, что были эвакуированы сотрудники 12 и 13 этажей АСК-1. Остальное — абстракция: «привлечены группы немедленного реагирования, спецтранспорт», сообщено в пожарную часть, «предприняты меры по проверке поступившей

информации», но, главное, сотрудники 5 полка милиции УВО при ГУВД по г. Москве были «*дополнительно задействованы для охраны*» — «офицеры и младший начальствующий состав в количестве 125 человек, вызванных по тревоге».

С 2002 года между Телецентром и 5 полком милиции УВО при ГУВД по г. Москве действует договор на организацию охраны объекта. То есть сотрудники милиции, которые охраняют здание, на проходных документы проверяют, иногда берут взятки — бутылкой пива или сторублёвкой — чтобы впустить на «стратегический объект» людей без документов, не только из госбюджета зарплату получают, им ещё платит и Останкино. Более того. По уговору между двумя юрлицами, «привлечение допсил» оплачивается отдельно.

И вот в июне командир 5 полка Евгений Владимирович Поповичев вдруг пишет письмо главе Телецентра Михаилу Шубину — «В связи с угрозой террористического акта 18 марта 2009 года… незаконной акции протеста гражданами Пташкиным О.П. и Мирзоевым Э.А… были привлечены дополнительные силы и средства… прошу произвести оплату… в сумме 111755, 10 руб.» Мол, 944 рубля 95 копеек — каждому офицеру (их, дескать, был 31 человек) и по 877 рублей 25 копеек каждому из 94 обычных милиционеров.

В июне!

А точнее — 29 июня.

Через три месяца!

Три!

Ещё раз. Получается, 102 с половиной дня и 103 ночи. Так? То есть 102 с половиной дня, вычитая выходные и майские праздники, Поповичев жил обычной жизнью боевого офицера: по утрам ходил на работу, стараясь не нарушать по дороге строевой шаг; днём обязательно ел первое и пил компот; каждый вечер отдавал приказ супруге погладить китель, и 103 ночи спал превосходно — как всегда в профессиональной позе «Смирно!», лёжа прямо и вытянув руки по швам, в трусах окраски брутального хаки — лишь иногда сладко шевеля пятками и пальцами ног в носках любимого нежно-зелёного цвета.

102 с половиной дня и 103 ночи!

И вдруг: его осенило! «Угроза теракта, бляха-муха, на стратегическом объекте… чрезвычайная ситуация… возникновения пожара… в количестве 125 человек… для локализации места правонарушения… для обеспечения нормальной хозяйственной деятельности предприятия и защите *(!)* граждан *от преступных посягательств (!)… дополнительно задействованы для охраны…*» Так? Не оперативно!

Но через два дня Телецентр — какая оперативность! — платит. Ещё через два подаёт на нас иск. Мы, вот, заплатили — теперь вы, Пташкин и Мирзоев, платите нам.

Через три месяца…

А потом два дня и ещё два дня…

То есть после того майского разговора Олега с Шубиным…

Так: разговор Олега с Шубиным — письмо Поповичева Шубину — Шубин платит — Шубин подаёт иск.

Хороша тактика! Между собой что-то подписали. Деньги друг дружке перевели. Два доказательства — это письмо Поповичева и чек об оплате. Платите, Мирзоев и Пташкин!

Хорошая тактика в стратегии нападения. Или обвинения. «… *От преступных посягательств…*» Какая тонкая игра!

Но на судью аргумент действует…

Письмо Поповичева и иск Шубина писал один человек. Стилистика одинаковая. Ляпы тоже. Как юридические, так и грамматические.

А что им парится-то?! Так сойдёт!

Следующий персонаж.

Федеральный судья Головинского районного суда города Москвы Куприянова Е.Л.

Она — другая.

Отличается от Дорохиной.

Эта не дрыгает всем телом, словно испытывает — во время судебного заседания или прямо в обычном общении — многократный, непрерывный женский оргазм как Дорохина Е.М.

Бледная.

Тусклая.

Бесстрастная…

Тупая — жуть! Извините, но скажу прямо — тупая!

Да, тупая — почему я должен искать корректные синонимы. Надо взять решение суда и почитать. Или прийти на её заседания и наслаждаться — на любое…

Пытается выдать свою тупость за бесстрастность.

Нет, не снежная королева. Ощущение, что сделана из сена. Тупой, набитый сеном судья. Прекрасно!

И высокомерная.

Человек, постигший истину.

Не пользуется туалетом.

Объективно познала действительность.

Она не в поисках. Уже нашла. Даже не искала. Знает.

Святую истину.

Абсолют.

Зачем ей оргазм.

Чувства.

Она в экстазе уже от самой себя.

Только взглянет в зеркало — и всё…

Это — болезнь. Эпидемия. С Дорохиной её роднила лишь удовлетворенность собственной персоной. Своим наличием, присутствием на этом свете. И занимаемым на Земле местом. Площадью во Вселенной. Понты — раб!

Это — болезнь!

Чем больше человек пытается изображать собой величие, восхищаться собственной *исторической* личностью, чем больше важничает, *пыжится,* тем слабее, значит, внутренний стержень. Тем мельче душонка. Тем больше у него внутри соломы.

Они — больные.

Что значит *«сотрудники милиции дополнительно задействованы для охраны»?*

Это что? И как? Кто-то может мне, невежде, объяснить? Или показать? Ну, продемонстрировать, изобразить телом это действие?..

Ожидал ли я, что суд будет напоминать цирк? Ожидал.

Вообще, зачем ходить в цирк? Билеты покупать. Деньги тратить. А?

Предлагаю переименовать Останкинский и Головинский суды в Останкинский и Головинский районные цирки г. Москвы. Как и тысячи остальных по всей стране.

Головинский районный цирк г. Москвы.

Представитель Телецентра Светлана Бесфамильная утверждает, что при нас были обнаружены «муляжи канистры» с бензином.

В суд приходил и сам командир 5 полка милиции УВО при ГУВД по г. Москве Евгений Поповичев. Тоже поёт про канистры. И ему не стыдно? До суда лезет здороваться за руку, а потом поёт — на заседании. И ему не стыдно?

Замначальника Управления безопасности ТТЦ Александру Потапову — тем более. Он — свидетель Телецентра. Хорош свидетель — сотрудник Телецентра свидетельствует в пользу Телецентра. Тоже говорит о «муляже канистры». А танк они не обнаружили там — в комнате № 13–18 — под моим рабочим столом, например.

Когда меня спрашивают, говорю Поповичеву, что бутыль с отрезанным верхом, которую полковник упорно называет «канистрой» — это был наш туалет. Правда, мы им не успели воспользоваться. Там же, поясняю, была и моя «курилка».

Тут вскакивает представитель истца Бесфамильная.

— Ааа! Ваша честь, — кричит девушка судье. — Они там

курили! А в «Останкино» курить нельзя! Вы слышали это! Вы слышали!

— Во-первых, не «они», а только я, — поправляю её. — Во-вторых, курил — и что? В Останкино многие на рабочем месте курят. Даже Эрнст.

Это я просто к слову сказал — не знаю, даже курит ли этот тип или нет.

— Ну, это же Эрнст! — пугается девушка и забивается в свой угол. — Но ему ведь можно! Он же… это… Первый канал! Ему ведь можно!

Прилежная девушка. Нас с Олегом этой фразой рассмешила. Очень — громко. Некоторые рабы хотя бы стараются скрыть своё рабство. А другие — довольны своим статусом. Согласны на него. Рады своей несвободе. Премного благодарны. Эта девушка — из последних. Боевая девица. Старается.

Остальным не смешно. Удивленно на нас смотрят.

— А, может, закон для всех един? — *зачем-то* кричит *ей* Олег. — И для Эрнста тоже?

Вмешивается судья Куприянова:

— Так! Всем успокоиться! Успокоиться!

Этот окрик звучит символично.

И двусмысленно.

И неприлично тоже.

И бесстыдно тоже.

Стыдно!

Стыдно!

Стыдно, господин Потапов. Александр Викторович. Стыдно, будучи заместителем начальника Управления безопасности Телецентра, признавать, что бОльшая часть останкинских камер слежения не работают. То есть играют декоративную роль. Элементы декора здания. Стыдно это публично заявлять и, к тому же, иметь здоровый внешний вид. Как можно работать в структуре, где так относятся к собственной профессиональной специализации?

Главе Телецентра уже не стыдно. Давно.

«Бульдозер» в суде не появился. Пришлось бы ему про расписку признаваться. В том, что официально заявил — не имеет к нам ни финансовых, ни юридических претензий за произошедшее 18 марта.

Сам же её написал. Сам нам выдал: «…гарантирую отсутствие уголовных и финансовых претензий со стороны ТТЦ и других органов…»

Его же никто не душил, не заставлял её писать. Не просил никто! Сам!

Если бы имел мужество пришёл бы. Рассказал бы про разговор с Олегом в мае — после чего и появился этот иск. Имей мужество признаться, что весь этот суд — банальная месть.

Интересно, помнит про свои слова у себя в кабинете?

«Я даю вам мужское слово. Во-первых, я же дал вам расписку. А во-вторых, я же мужчина!»

Помнит? Мужчина?

«Мы же все мужики тут. Это вам не Первый канал!»

Сам добровольно писал. По собственной воле говорил.

А ещё бы официально разъяснил — почему на 13-м этаже Телецентра (АСК-1) находятся рабочие места, редакции, кабинеты; почему он сдаёт эту площадь в аренду Первому каналу. Это же технический этаж. Там запрещено работать — разрешено использовать исключительно для обслуживания, для обеспечения жизнедеятельности здания.

Страшно, урод?

Судья Куприянова скучает. Даже не слушает, что происходит в зале. Постоянно что-то чертит на бумажке перед собой. Вялой ручкой. Иногда, «проснувшись», начинает часто-часто кивать головой — противоположной стороне. Например, услышав словосочетание «муляжи канистры».

Думаю, если бы *противник* заявил — дескать, 18 марта в нашей редакции в «закутке» — в маленьком техническом помещении у комнаты для «летучек» — «при нас» была обнаружена группа боевиков из организации «Тигры Освобождения Тамил-Илама», она не удивилась бы. И продолжила бы апатично что-то чертить или рисовать на бумажке.

Как же тяжело человеку заниматься нелюбимым делом!..

Здесь всё — абсурд! Даже наша защита. Они цепляются к юридическим нюансам? И мы будем делать то же самое. Был такой совет нам от юристов: «Всё отрицайте». Не признаём ни про баррикады, ни про угрозу самосожжения.

Ни про заявление для прессы.

Была, дескать, обычная голодовка на рабочем месте. Акция протеста.

Это наша защита.

Командир Евгений Владимирович Поповичев кокетничает с нами. Как барышня. А сам дал согласие на привлечение 5 полка милиции УВО при ГУВД по г. Москве к суду в качестве третьего лица.

В перерыве судебного заседания улыбается нам, шутит. Заводит разговор. Советы даёт. *Утешает.*

Старается.

Не могу понять…

Нет, он не Иуда — не тянет. Это такая модная современная привычка — неспособность ни на настоящую, прямую, *добротную* подлость, ни на абсолютную, твёрдую порядочность. *«Коли уж подличать, так уж подличать до конца, лишь бы выиграть».* Пуговица. Бижутерия. Производственный брак.

Как я ошибался. Думал, настоящий офицер! А оказался сапог сапогом — готовым чтобы его использовали. Да хотя бы в качестве сапога. На грязную портянку.

Но! *доволен самим собой*. А как же! Упивается собой в Системе…

Утром, до начала заседания это было. >Полковник сделал движение в мою сторону. Но я кивнул стоящему рядом с ним юристу 5 полка и отвернулся.

А Олег здоровается. Протягивает ему руку.

Много чести.

За руку.

С человеком, согласившимся отдать честь.

Много чести.

— Ну, что? — поддеваю его в перерыве. — Вы уже дружите с Шубиным? Испарились Ваши с ним мировоззренческие разногласия. Дружба навеки? Иерархическая гармония? Служба?

Но таких разве проймешь?

А, может, полковник милиции не понял — о чём я. Сапог сапогом.

На грязную портянку.

На судебном заседании спрашиваю — что означает *«сотрудники милиции дополнительно задействованы для охраны»?* А Поповичев — мол, это о том, что его подчинённые просто задержались на смене-дежурстве. И в ответ на мой наводящий вопрос сам добавляет — мол, это такая работа у милиции — обычно не оплачиваемая — да и армии, говорит, никто не станет платить за её собственную работу. За рядовую, естественную деятельность.

Потом этот субъект признаёт — знал, что бензина у нас не было. Но, отвечая на своевременный вопрос-предостережение Куприяновой, начинает путаться — оказывается, 125 сотрудников пытались спасти наши с Олегом жизни, потому что «они точно готовились совершить самосожжение».

Ладно. Что с него взять…

Интересный вопрос. Если всё, что происходило 18 марта — это, как сказано в иске, «угроза террористического акта», *«преступные посягательства»* и «незаконная акция протеста граждан Пташкина О.П. и Мирзоева», почему же нас не привлекли

ни к одному из видов ответственности — ни к административной, ни уголовной? В таком случае и можно было бы выдвигать материальные или гражданские претензии.

Не было ни акта правонарушения, ни даже акта осмотра помещения! Ну, этот-то, последний, могли сделать?!

Вопрос!

Противоположной стороне.

Молчат.

И представитель ФГУП «ТТЦ «Останкино»» Светлана Бесфамильная.

И командир 5 полка милиции УВО при ГУВД по г. Москве Евгений Поповичев.

И замначальника Управления безопасности ТТЦ Александр Потапов.

И федеральный судья Головинского районного суда города Москвы Елена Куприянова на этот вопрос недовольно покашливает. Вяло. Чахло. Но недовольство обозначено.

Бедные. Никак не могут доказать — как были «*дополнительно задействованы*» эти 125 сотрудников. Столько милиционеров-то в Останкино одновременно никогда не присутствует. Никто такого количества не заметил. Приглашённые нами свидетели — не видели.

По рассказам противоположной стороны получается, что весь Телецентр прекратил работу. Все въезды и выезды были перекрыты. На каждом этаже находились вооружённые автоматами подчинённые Поповичева.

В конце концов, выясняется, что людей даже с одного этажа — с 13-го — не смогли нормально эвакуировать. Свидетели подтверждают.

Вот что они будут делать, если реальная угроза Телецентру будет?

По их версии «режим ЧС» продолжался пять с половиной часов. И это очень важно доказать противоположной стороне. Потому что сумма убытков в 111755, 10 рублей рассчитана из этого времени. Стоимость часа услуг одного милиционера — 159 рублей 50 копеек, офицера — 171 рубль 81 копейка.

Но это цифра — 5, 5 часов — ну, никак не складывалась.

В 8:30 местное руководство узнало про акцию. Ещё полчаса все ковыряли в носу и чесали затылки — это нормальная, естественная реакция любых «силовиков». Потом они приступают к тому, что в рапортах называется «предприняты меры по проверке поступившей информации». Как рассказывали коллеги из Останкино, 18 марта это выглядело так: несколько милиционеров носились по Телецентру, выбегали на улицу —

говорят, один из них минут двадцать что-то искал в Останкинском пруду, а потом стал бегать вокруг него — и приставали к сотрудникам, к прохожим со следующими вопросами: «Людей с бензином не видели?», «Из ваших коллег, друзей или близких кто-то голодовку объявлял?», «Почему ты на меня так странно посмотрел?», «А у вас в комнате есть запас воды?», «Ты поддерживаешь Лимонова[172]! Я тебя знаю!», «Вы тоже пришли на демонстрацию?», «Идите домой. Останкино гореть будет!», «А вы можете мне помочь посмотреть на (!) интернет, а?»

Один знакомый милиционер рассказывал, что несколько его сослуживцев собрались в местном отделении перед радио и телевизором — мол, вдруг там скажут, в каком месте Телецентра мы с Олегом находимся…

Как всегда при кризисе, в тот день рынок услуг в Останкино пережил скачок цен. Одного приехавшего из-за нашей акции к Телецентру фотокорреспондента столичной газеты сотрудник милиции на входе не соглашался впускать без пропуска менее чем за 300 рублей. Другому повезло — ему проникновение в здание стоило 200 рублей, хотя сначала стражи порядка просили 500.

Приблизительно, в половине десятого руководство местной милиции и службы безопасности посетило отчаяние. И лишь в 9:55 утра «силовики» решили звонить пожарным.

Мы никого не заставляли — противоположная сторона сама (!) принесла в суд официальное заключение из МЧС — подписан начальником 6 отряда ФПС России по г. Москве Сыченко С.Б. Мол, сообщение поступило в 9:55, а «отмена вызова произошла в 11:11 по результатам проверки помещения». То есть час и шестнадцать минут!

Даже если считать так называемый «режим ЧС» с 8:00, то до 11:11 — всего три часа и одиннадцать минут.

Сами принесли этот документ в суд. Сами!

Как они считали?

К половине двенадцатого 18 марта Телецентр работал уже в нормальном режиме, в нашей редакции появились сотрудники. Ещё через два часа мы уже пили с Олегом чай дома — коллега ещё и обедал. А…

А 125 сотрудников милиции продолжали «перемещаться по Телецентру», оставаясь в статусе «*дополнительно задействованных для охраны*». Но так, что никто их не заметил, скрытно от всех — как ниндзя. 5 полк — одни японцы…

Я понимал, что проиграем. У них есть цель — продавят. Меня возмущает — почему так топорно. Безалаберно.

Ладно, другой документ. «Справка по результатам служебной проверки» от 18 марта. Подписана начальником Управления безопасности Телецентра Леонтьевым А.В. Утверждена самим Шубиным М.М. Чёрным по белому: «В 11:30 режим чрезвычайной ситуации был снят».

Откуда берутся пять с половиной часов? Могли так и 30 часов написать. Или 50. Или сразу три месяца. Три!

Сами принесли документ!

Наверное, всё дело в том, что они тупые!

Всё просто!

В этом же документе от пожарных ещё одна интересная цифра. «Всего по данному вызову было задействовано 2 единицы техники, 12 человек личного состава», — пишет начальник 6 отряда ФПС России по г. Москве Сыченко С.Б.

Прекрасно!

То есть, получается, что пожарных была дюжина, а милиционеров, почему-то более чем в десять раз больше?

Это логично?

Говорим с Олегом это на суде. Спрашиваем противников. Они просто молчат. Просто не отвечают.

Судья Куприянова сонно смотрит на наших оппонентов, потом на нас, вздыхает и снова погружается в живопись…

Ну, ведь сами же принесли этот документ в суд. Мы же никого не заставляли.

Сами!

Всё просто!

Это ещё ничего. Они сами (!) приобщили к делу два документа-приложения к тому самому письму командира 5 полка милиции. Один — расчёт стоимости услуг за подписью подчинённой Поповичева, но без даты. А другой — по ошибке, вместо счёта на услуги милицейской охраны — тот же документ, но за подписью самого Шубина.

То есть глава Телецентра сам придумал, какую сумму нам предъявить. Так и представляю: сидит «Бульдозер» в большом кабинете, нежно чешет свой живот — соразмерно помещению огромный; круглый и рыхлый — напевает-мычит теноровую арию из оперы Жоржа Бизе «Искатели жемчуга», стонет от удовольствия, высунув язык изо рта. О! — подсчитал, придумал — эврика!

Потом отправил документ Поповичеву, чтобы тот, подписав, прислал обратно ему. А тот согласился.

Хорошо, но к делу зачем это подкладывать? Самим!

Ну, будьте внимательными! Пожалуйста! Что за неуважение!

К нам!

К суду-цирку!

И где документ об объявлении режима ЧС? Где?

Если два юрлица в переписке между собой используют это словосочетание, это не доказательство.

Даже в своём официальном заключении пожарные избегают этого термина.

Спрашиваю у Поповичева во время перерыва:

— Что это пожарные не подали иск на нас? Не захотели в этом фарсе участвовать? В отличие от Вас, да?

Полковник милиции скрывается и больше в здании суда не появляется.

Боевой офицер.

Сапог сапогом!

Пауза в заседании.

Представитель Светлана Бесфамильная подкрадывается ко мне.

А эта что от меня хочет?

Продолжает спор. Мне с ней неинтересно. Говорю то, что о ней думаю. Не забываю её хозяина.

— Пусть Шубин не думает, что этот фарс я лично забуду и ему прощу.

Прилежная девушка встаёт в позу.

— Почему Вы на меня кричите? Что я Вам сделала?

Я не кричал. А вот её плач слышен в конце длинного коридора.

— Просто благодарю Вас за Вашу позицию.

Не успокаивается. Жалоба повторяется. Сейчас зальётся слезами — изображает это лицом.

— То есть? — не понимаю её. — Я Вас должен обласкать?!

Боевая девица Бесфамильная Светлана Викторовна встаёт в другую позу.

Эта что от меня хочет?

Пусть не ждёт от меня нежности.

Пусть не ждут от меня корректности.

Тут происходит самое интересное.

Мне звонят сразу несколько сотрудников Телецентра — подчинённые Михаила Шубина. Некоторых я знаю, других — нет.

Мысль у всех одна. Мол, Поповичев выставил счёт, Шубин совершил оплату, ссылаясь на дополнительное соглашение № 13 к договору на организацию охраны Останкино между двумя юрлицами — привлечение допсил оплачивается отдельно. Так? «Так», — говорю. А они все одно и то же: чрезвычайные ситуации в Телецентре объявляются раз в два-три месяца, но никогда дополнительные услуги не оплачивались.

Никогда!

Говорят — такая оплата была впервые.

В нашем случае!

Говорят — на этом настоял сам Шубин.

Надавил на Поповичева.

Говорят — сам высчитывал и думал, иск на какую сумму нам предъявить.

А до этого — ни разу!

Звонящие подтверждают мои предположения. Это уже не подозрения.

Правда, оправдывают командира 5 полка милиции УВО при ГУВД по г. Москве…

— Спасибо за помощь, — говорю каждому из звонящих.

Удивляюсь, но благодарю.

А они всё говорят. Говорят.

И это не первый слив негатива. Сами выясняют номер моего телефона и звонят.

— Да достал этот урод! — догадываются о мучащем меня вопросе. — Лишь бы вы выиграли дело. Пусть *Ему* будет ещё хуже. Побесится пусть. Достал уже!

Вот сила ненависти!

Мурашки по телу.

Лишь бы как-то отомстить своему шефу.

«Достал уже!»

Шубин доиграется — подчинённые либо его сдадут, либо отравят.

Либо заколют.

Либо придушат.

Во время сна.

В его огромном кресле.

Как средневекового деспота…

Говорю об этой новой информации на суде после перерыва.

Бесфамильная ахает. Всплеснула руками:

— Ваша честь… Ваша честь…

Ну? Ты тоже знала? Ну? Ничего. Просто: «Ваша честь! Ваша честь!» То есть так она к Куприяновой взывает.

А судья не слышит. Что-то выводит на бумажке перед собой. Отвлечённо. Ни на нас, ни на неё — ни на кого не обращает внимания. Скучно ей с нами. Тут. Продолжает своё занятие. Интересное…

Иногда смотрит на присутствующих непонимающим взглядом. Несколько раз прикрывает глаза. На пару минут. Правосудие *дремлет*. Порой пробуждается и кричит. В нашу сторону. В основном — на меня. «Ответчик Мирзоев отвечайте!»

Говорит плеоназмом. Олег перебивает Бесфамильную — иронизирует, острит. Ну, трудно сдержаться. А Куприянова на меня: «Ответчик Мирзоев, что у Вас там творится?» И снова погружается в дремоту-мечты. И продолжает что-то рисовать у себя.

У меня желание — подбежать к ней и вырвать листок. И показать всем. Как минимум — если удастся — просто заглянуть в него. И громко поведать всем. «*Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом*». Может, она — художник. Что-то доброе рисует — сердечное. Ну, сердечки. Пронзённые стрелами. Ну, не стиральную же машину. А, может, нас? В карикатурном виде? Шаржики? Для альбома?.. Нет, не похожа она на художника. Слишком сухая, вялая, апатичная. Думаю, в крестики-нолики играет. Увлечённо играет. Это ей интересно.

Вот вопрос у меня. Оплатил Телецентр. Так? Это дошло до милиционеров? *«Дополнительно задействованных для охраны…»* А?

Оказывается, не дошло.

Звоню знакомому сотруднику 5 полка: «Вам что-то оплачивали за т. н. допработу 18 марта?» Говорит: «Мне — ничего».

Удивляюсь:

— Ну, вот — по их документам — заплатили в июле. Летом была какая-то надбавка? Премия? Там немного. Но всё же.

— Нет! Мы бы заметили! Немного!

— Ну, хотя бы в августе?

А он:

— Давай, я тут у коллег поспрашиваю и перезвоню.

Проходит больше часа. Никому ничего не платили. У кого знакомый ни спрашивал, не знают.

И выпытывает:

— Народ интересуется — когда ждать премии, Эльхан? Ну, когда? Что им говорить?

Это он — у меня. По телу растекается злорадное чувство удовлетворения — теперь они начнут доставать своё начальство: «Это вы у Поповичева потребуйте».

Весело! «Нам ничего не оплачивали!»

А где деньги?

ТТЦ ведь заплатил…

Сообщество странных людей.

Сотрудники российских судов.

Судьи, секретари…

А ещё те, кто работают в канцеляриях, архивах, экспедициях.

Почему среди них так много женщин?

Особенно секретари. Из этой среды обычно и назначают судей. Таких, как Дорохина, Куприянова. Федеральных судей. Наделяют властью.

Это же особый подвид женщин. Хамство. Высокомерие. Тупость. Напряжённые лица, сжатые кулачки, тонкие натуженные губы.

Что вы хотите от женщины, которая носит кожаные штаны — в Головинском суде таких много; *крик* местной *моды*. Может её никто не любил? Если женщина носит кожаные штаны — то либо её никто не любит, либо её любит какой-нибудь поклонник рока, который тоже носит кожаные штаны. Смотришь — вот идут две пары кожаных штанов. Либо же она феминистка и обозлена на весь мир, потому что её никто не любит.

Почему эти секретари суда так меняются в рабочее время? Я вот дружил с одной, скажем, девушкой. Она работала в одном московском суде. Нежная женщина. Осипа Мандельштама любила. Вернее, читала. Думала, что любила…

Но нежная женщина. А вот на работе превращалась в стерву. Не пойму — почему так? Говорила, ей нравится быть ею. Стервою. Спорил с нею. Ругался. Прекратил с ней дружить. Ну, общаться.

А недавно узнал — назначили её судьёй.

Дааа.

Да, она кроме Мандельштама ничего не знала. Рассказывал ей много о литературе. А она не понимала. Например, про Пер Гюнта, про Сольвейг. Героев гения-норвежца Генрика Ибсена. Рассказывал ей, это история о трагедии современных людей — без внутреннего стержня, приспособленцев, поповичевых, мирончуков. Это о нашей жизни. О том, что в погоне за призрачными ценностями, ложными ориентирами человек грешит, ошибается, делает преступления. Готов на них. Согласен на них.

Ради призрачных ценностей.

Но главное — теряет себя, становится серой мышкой. Винтиком. Слабым. Хрупким. Губит зря свою страстность.

И о том, что у каждого должен быть шанс на прощение. Счастье, если тебя ждёт своя Сольвейг. Объяснял ей, что это гуманистическое произведение. Очень гуманистическое…

А она, как баран, на меня смотрит. Не понимает. Говорит: «Ну и дурак Пер Гюнт, что изъедал себя — будь доволен собой или будь собой». Даже не стала задумываться: «Конечно, восхищайся собой. Дурак он, — говорит, — и Ибсен твой дурак! Конечно, что спрашивать?! Что он парился?! Будь доволен! Кайфуй!» И ещё: «Не парься! А эта Сольвейг — дура, что столько

лет ждала этого парня. Не парься!» И мне: «Не парься, Эльхан! Не пойму я тебя!»

Гуманизм. А стала судьёй. Говорит, Мандельштам — настоящий еврейский поэт, потому, дескать, и люблю его. А сама своего отчества стыдилась.

Прекратил с ней дружить. Ну, общаться.

Зато стала судьёй.

Специализируется на уголовных делах.

Наделили правом казнить и миловать…

И тут, в Головинском районном суде-цирке, секретарь Куприяновой Моисеева Лидия Евгеньевна. Сама себя наделила полномочиями ментора — поучать, высказывать суждения.

Пришёл к ней, требую решение — мотивировочное — суда выдать на руки. Почему, говорю, так долго не готово. Спокойно разговариваю, не улыбаюсь — за что?! — не рассыпаюсь в комплементах. Спокойно. Своим правом хочу воспользоваться — получить на руки полное решение суда.

А она мне:

— Идите к себе в горы и там права качайте!

Вот!

По лицу вижу, по её манерам — будущий судья.

Хорошо начинает карьеру.

Кстати, не хамила. Могла ведь сказать не «Идите…», а «Убирайтесь…». И на «вы». И «права качайте». Права! То есть не отказывает полностью мне в реализации моих прав. Хотя бы где-то.

А ещё в горах воздух чистый. Заботится девушка о моём здоровье. Спасибо.

А могла просто обматерить. Или словом бранным, *нетолерантным* обозвать.

Могла!

Но не сказала.

Надо было за это ей сказать спасибо.

Был не прав!

10 ноября 2009 года. Головинский районный цирк города Москвы.

Вторая часть Мерлезонского балета. Вторая и последняя. День вынесения решения.

Представитель Телецентра Светлана Бесфамильная грустная-грустная. Это нас взбодрило. И обмануло.

— Что же вы так плохо подготовились? — спрашивает у неё Олег.

С тоской смотрит на нас.

И вздыхает:

— Ну… Вот так вот…

Но мы ошиблись.

Так сойдёт!

«Именем Российской Федерации».

Бесфамильная вскрикивает от радости. Не ожидала.

Как им не стыдно?! Не понимаю. Они думают — что жить будут 10 лет? 20? 30? Всего? А их дети? Внуки? Правнуки? Праправнуки?

А? Это я наивный?

«Решение суда… изготовлено…» Очень мне эта фраза нравится — «решение изготовлено». *Изготовлено*.

Как и в случае с Останкинским судом и тут решение повторяет логическую формулировку противоположной стороны. Правда, там — слово в слово, а тут только саму логику.

Прекрасно!

Безграмотное решение. Куприянова переписала статьи законов, а мотивы принятия решения не описывает, анализа доказательств нет. Села, недолго поковырялась в мозгах и переписала статьи законов. Дополнение к аргументам Шубина.

Логика Куприяновой.

Ни факта причинения вреда, ни факта противоправности — документально закреплённого — наших действий, ни, тем более, причинно-следственную связь между ними противник не смог доказать. Даже размер понесённых убытков им не удалось грамотно подтвердить. А ведь всё это — главное условие привлечение к имущественной ответственности ответчика.

Более того, доказательств, подтверждающих привлечение дополнительных сил охраны в количестве 125 человек, ведь не было? Не было! А показания наших свидетелей, заявлявших в суде, что такого количества в Останкино никто не видел в тот день — тем более пять с половиной часов — Куприянова оставила без внимания. В её интерпретации, Лёша Федоренко и Эльдар Басилия свидетельствовали против нас. Зачем так писать, если в протоколе судебного заседания их показания звучат по-другому.

Оказывается, мы сами (!) виноваты — мол, что не смогли (!) доказать (!), что этих 125 сотрудников не было. Мы! А не противоположная сторона[173]. Они не обосновали, мы не смогли опровергнуть. По её словам. Так сойдёт!

Мало ли о чём могут договориться Телецентр и 5 полк. Если два лица (возможно и физических) сговорились об оплате — одно другому — некой сумму. Сделали, обмыли. Потом бегут в суд и предъявляют претензии третьему лицу — это же не означает, что их чеки и платёжные квитанции есть доказательство?! Что иск доказан?! Если так — отправлю моему коллеге Олегу

официальное письмо, требуя оплатить долг Кремля мне, а он пусть, оплатив, идёт в суд и, размахивая чеками и квитанциями, предъявляет иск главному зданию в стране о «возмещении убытков».

Так? Куприянова, так?

«Именем Российской Федерации».

В прямом смысле — безграмотный текст. Как можно так коверкать русский язык?! Строить такие предложения?! У того, кто *это* писал, проблемы с согласованием даже простейших словосочетаний.

«Предпринять действия связанные с самосожжением» — таких наборов слов в тексте много. Фраза-родственник глубокомысленной конструкции — «*дополнительно задействованы для охраны*».

Так сойдёт!

Благодаря логике судьи Куприяновой превращаюсь в бывшего сотрудника ОАО «Первый канал». Не фактически, а юридически. По решению суда. Так написано в этом документе. Хотя в протоколе есть — я это не говорил.

Пусть теперь Константин Эрнст обжалует этот вывод. Не обжалует — его вина. Это тоже логика судьи Куприяновой. Во время судебного разбирательства заявила нам, что, мол, сообщения газет, радио — это тоже доказательства; мол, если мы не обжаловали их — значит, с этой информацией согласны. Вот цитата: «А вы почему не пошли в суд и не опротестовали информацию про вас из этой статьи? Значит, согласны с этим!» Логика! Теперь то, что в газетах написано — имеет силу закона, превращается в полноценное доказательство. Вот! Напишут в какой-нибудь африканской газете — «Путин — крокодил!» — а тот не побежит в местный, туземный суд, значит, всё-таки, придётся поправку в Конституцию России вносить. Куприянова сказала!

Правда, и тут безграмотно сформулировала: «…установлено судом… Пташкин О.П. и Мирзоев Э.А. являлись ***сотрудниками спецпроектов*** ОАО «Первый канал»». Не знаю. Думаю, и так сойдёт!

Перечитываю судебное решение — ну, не может Система быть такой тупой.

Может, Куприянова специально такой текст нацарапала, чтобы мы в кассации выиграли.

Если судья после вынесения решения прячет глаза, исподтишка виновато заглядывая тебе в глаза, значит, рефлексирует, понимает, что приготовила пакость. Хотя от этого не легче.

Нет, всё же, послушно взяла под козырек. Потому что если Куприянова такое решение выносила, исходя из своей логики, используя свои мозги, то это вообще… ну, не знаю… только мат на душе… ну, такой тупой ведь нельзя быть.

Только мат.

Слово «тупая» — тут самое корректное.

Это решение мы с Олегом обжаловали в Мосгорсуде. Но я туда не стал ходить. О первом заседании — 9 декабря — я узнал лишь на следующий день. Случайно звонил в канцелярию и узнал, а повестку-извещение Куприянова прислала лишь спустя неделю. А на следующие заседания — 19 января и 9 февраля 2010 года — я махнул рукой.

Не собираюсь играть в игры Системы по её правилам. Там тоже цирк был бы.

Но Михаил Шубин — молодец, герой! Победил при субъективном судействе. Даже несмотря на бездарную подготовку его высокооплачиваемыми юристами. Зато используя мощные ресурсы. Продавили.

Прекрасно!

* * *

17 ноября 2009 года. Наконец результат из Мосгорсуда…

Определение судьи Галины Тихенко: «рассмотрев надзорную жалобу… по иску Мирзоева Э.А. к ООО «Зелёная студия»… для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции… отказать».

Шемякин суд.

«…оценка доказательств в полномочия суда надзорной инстанции не входит».

Чтобы это понять, судье Тихенко Г.А. понадобилось 56 дней.

«Иная точка зрения суда надзорной инстанции на то, как должно было быть разрешено дело, не может являться поводом для отмены или изменения судебного постановления нижестоящего суда».

Выжали два месяца.

Время отняли.

— Одна надежда — на Верховный Суд! — говорит мой представитель Влад Симонов.

Верит. Звучит как «Высший Суд!»

Загораюсь его верой. Ещё сильнее загораюсь.

Вот на Верховный — я надеялся. Очень. С самого начала. Московским судам не верю. Под управлением председателя

Мосгорсуда Ольги Егоровой они с их дрязгами, капризами, отсутствием логики мне напоминают Первый канал.

1 декабря. Улица Поварская, дом 15. В приёмной Верховного Суда Российской Федерации.

Сотрудники, принимая у меня надзорную жалобу — в Судебную коллегию по гражданским делам — перелистывают прилагаемые к ней материалы. Видят правовое заключение НЭПС за подписью Владимира Миронова. И между двумя из них происходит следующий короткий, но интересный диалог:

— НЭПС? — задумчиво рассматривая документ, спрашивает один из них, словно сам себя. — Миронов?

— Миронов? — спрашивает другая.

— Да. Знакомая фамилия — Миронов В.И.

— Аааа. Да это же тот Миронов, который Пашина[174] дружбан. Был тут такой, ну? Ну?

Заулыбались друг дружке.

Довольные.

Чем-то очень довольны.

Хороши сотрудники Верховного Суда Российской Федерации.

И используемый им слог хорош!

«Дружбан».

И от меня не ждите высокого стиля!

По вашу душу…

В Верховном Суде ставят рекорды. Определение готово через 10 дней. На двух листах. Сотрудница канцелярии в восторге: «Представляете, с каким исключительным вниманием Ваша надзорная жалоба рассмотрена — за такой срок судья успел». И что мне — радоваться?

Чему?

«…оснований для пересмотра судебных постановлений в порядке надзора по доводам надзорной жалобы, изученным по материалам, приложенным к ней, не установлено», — определила судья Верховного Суда Гуляева Г.А.

Этому?

Отказалась передавать надзорную жалобу для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда. Не нашла «существенных нарушений норм материального права, повлиявших на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов».

Индульгенция Дорохиной Екатерине Михайловне.

Никакого анализа.

Ну, хотя бы одного обстоятельства — про реальное прекращение трудовых отношений между мной и любимым

детищем Константина Эрнста ООО «Зелёная Студия» лишь в марте 2009 года. Про гражданско-правовой договор, которым были фактически оформлены трудовые отношения. Про Договор об оказании услуг.

Или хотя бы факта перезаключения срочного трудового договора, что в моём случае запрещено законодательством.

Ничего.

Даже судья Тихенко Г.А. больше пота из себя выдавила.

Хороша надзорная инстанция.

Ведь столько нарушений.

Индульгенция.

А заключение Владимира Миронова «*дружбана Пашина*» рекордсменка Гуляева Г.А. не заметила. Читать-то прочла — наверняка. Но в определении не отметила. А ведь это — самостоятельное доказательство по делу, требующее исследования и правовой оценки[175].

Может, судья Верховного Суда Гуляева Галина Александровна слепая?..

Тогда бы я её простил.

А так…

На двух листах.

Точнее — на полутора.

Надежда не умирает. 18 января 2010 года пишем ещё одно письмо — надзорную жалобу заместителю председателя Верховного Суда Нечаеву Василию Ивановичу. Но отвечает другой зам — Соловьёв. Владимир Николаевич.

На одной странице.

Всего 21 строка текста.

Конвейер.

Спасибо.

Кратко и талантливо.

Талант, востребованный Системой.

Не стал этот господин утруждаться излишней вознёй в своих раскормленных мозгах.

«Суд надзорной инстанции не наделён правом оценивать представленные сторонами доказательства».

А для чего тогда Верховный Суд?! Для чего вас сюда собрали?!

Чтобы с величавым видом плыть по коридорам этого большого и массивного здания, дрожа розовым салом? Чтобы наслаждаться зрелищем доставки собственного тела — неуклюжего, тестом свисающего с заднего сиденья, но боготворимого — с места *службы* до загородного дома? Чтобы, ублажая свои рыхлые туши, сытно жить за счёт моих налогов и не

париться? Плыть, наслаждаться и сытно жить, осознавая, что сделали *верный* выбор? Что совесть!? главное — возможность вот так величаво плыть, наслаждаться и жить? Так?

Не отстираетесь, ребята!

С моим представителем Владиславом Симоновым мы также обращались и в Конституционный Суд России с просьбой о проверке двух обстоятельств.

Во-первых, о, якобы, пропуске мною сроков обращения в суд.

По Трудовому кодексу (часть 1 статьи 392), по спорам об увольнении работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение одного месяца «со дня *вручения* ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки». Но суды первой (Останкинский районный суд г. Москвы) и второй (Московский городской суд) инстанций — решили по своему: мол, срок моего обращения в суд (16 марта 2009 года) пропущен, так как было достаточно того, что я, дескать, был *осведомлён* об окончании действия срочного трудового договора 27 января 2009 года. Даже без вручения копии приказа — а копия приказа была подписана руководителем лишь 6 марта 2009 года. Я уж не говорю о получении мною трудовой книжки только 5 марта 2009 года.

Получается, что великие московские судьи мадам Дорохина Е.М. и «тройка» из Мосгорсуда Жбанова Т.И., Васильева И.В. и Кирова Т.В. решили по новому прочесть закон, «*правовую норму дополнили новым обстоятельством*» — взяли на себя функцию законодателя.

Я понимаю, что этим дамам всё равно — они-то на всё готовы! — но это запрещено Конституцией[176].

Да, слепые судебные надзорные инстанции не заметили в выполнении Останкинским и Мосгорсудом несвойственных им функций «существенных нарушений норм материального права, повлиявших на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов».

Во-вторых, факт незаконного состава суда первой инстанции.

Конституция страны (часть 5 статьи 32) провозглашает право граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия, то есть включение обычных, не являющихся профессиональными судьями, граждан в состав суда[177]. Это может гарантировать как независимое и беспристрастное рассмотрение гражданских дел, так и права граждан на участие в управлении делами государства. Ведь есть такая возможность (реализовывать право на участие в отправлении правосудия) у обычных граждан, например, в арбитражных судах— по

экономическим спорам, а также в уголовном процессе — суд присяжных.

Раньше это право могло было быть реализовано и в гражданском процессе — институт народных заседателей. Однако, по новому ГПК России (часть 1 статьи 7 и часть 1 статьи 14) исключается формирование состава суда по гражданским делам с участием непрофессиональных, общественных судей — на что и сослалась судья Дорохина, отклоняя наше ходатайство об отводе незаконному составу суда 1 июня 2009 года.

Вот эти два обстоятельства — неверное толкование части 1 статьи 392 ТК и соответствие части 1 статьи 7 и части 1 статьи 14 ГПК Конституции — мы просили проверить в нашем обращении в Конституционный Суд России.

Но…

Мало ли что мы хотели…

Конституционный Суд Российской Федерации не хотел работать…

На первое наше обращение от 5 октября 2009 года ответили из секретариата.

Главный консультант Управления конституционных основ частного права Ильин Антон Валерьевич считает, что мои конституционные права не нарушены. Мы о том, что суды первой и второй инстанции неверно истолковали закон (мол, *уведомить* работника — это не значит *вручить* ему копию приказа), а он разъясняет, почему в ТК срок обращения в суд по делам об увольнении установлен в один месяц.

А «гарантирующая гражданам право на участие в отправлении правосудия статья 32 (часть 5) Конституции Российской Федерации не устанавливает, однако, что за ними закрепляется возможность реализации названного права при осуществлении всех видов судопроизводства…»

Гениально!

То есть Конституция — Основной закон страны! — гарантирует, но не устанавливает и не закрепляет?

Мол, «соответствующее регулирование отнесено к компетенции законодателя, который определяет и особенности форм участия граждан в судопроизводстве, что не может рассматриваться как нарушение Ваших конституционных прав и свобод».

Исполнитель Ильин А.В., даже я знаю, что Конституция выше любых законов — не должны ей противоречить! Смотреть часть 1 статьи 15 Конституции Российской Федерации!

Ну, как это Вам объяснить…

Ну, представьте, это как Вы взяли под козырёк после окрика

Вашего начальника — вот так и законы страны перед Конституцией. Понимаете? Это и есть настоящая вертикаль власти. Допустимая. Вертикаль власти закона.

Тем более, сам Конституционный Суд не раз приходил к выводу[178], что «требования части 5 статьи 32 Конституции России при отправлении правосудия в суде общей юрисдикции нарушаются ввиду отсутствия механизма участия граждан в отправлении правосудия». Это очевидно.

Ааа.

Понимаю.

Решили отмахнуться.

Пишем второе обращение — 18 января 2010 года.

Владимир Миронов оказал нам честь — подготовил ещё одно заключение НЭПС. В рекомендациях — возможность заявить отвод и составу Конституционного Суда России, «состоящего исключительно из чиновников судебной власти». Таково его верное определение.

Прав.

Отповедь.

Прав известный правовед.

«Независимость судебной ветви власти»…

Так вот.

После этого до *них* дошло.

Это *ведомство* собирается всей гурьбой и выносит ироничное определение.

Об отказе.

От 25 февраля 2010 года.

Демонстративно всей гурьбой.

Хором.

«Конституционный Суд в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнёва, В.Г.Стрекозова, В.Г.Ярославцева»

«*установил*»

До *них* дошло.

Только со второго раза.

Что мы говорим не о месячном сроке обращения в суд, а о неправильном применении закона Останкинским районным и Московским городским судами — части 1 статьи 392 ТК.

Дошло.

Однако.

«Однако разрешение этого вопроса к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации… не относится».

Вот…

Всей этой перечисленной гурьбой.

Кучей.

Поют хором — без комплексов.

Не их, мол, это дело. А чем они там — в Питере занимаются?! Может по музеям ходят? Ну, хотя бы — по музеям.

Индульгенция.

Всем деталям Системы.

Деталькам Системы.

И далее — слово в слово как в предыдущем ответе.

«Гарантирующая гражданам право на участие в отправлении правосудия статья 32 (часть 5) Конституции Российской Федерации не устанавливает, однако, что за ними закрепляется возможность реализации названного права при осуществлении всех видов судопроизводства…»

Скопировали результат мозговой возни.

Копошения в сером веществе.

Высохшем от сидячей работы.

Исполнителей.

Инерция…

Барахтанье…

Прав известный правовед.

Какие же они судьи, они — чинуши.

Деталькам Системы от деталек Системы.

Судьи нашего времени.

«Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит».

Отмахнулись.

Они — личности?

Останкинский районный суд.

Московский городской суд.

Верховный суд.

Конституционный Суд.

Конторки.

Принципы — как в ЖЭКе.

Хуже.

Эти бюрократы выносят решения, прикрываясь «именем Российской Федерации». Могут эти чинушки вызывать уважение, могут быть для меня авторитетом?! Эта судебная власть?!

А чем они хуже? Если Эрнсту можно, почему Егоровой нельзя? Почему Зорькину нельзя?

Нет, я теперь ничему не удивляюсь.

Если увижу своими глазами… нет, даже если услышу, что

Президиум Верховного Суда или обе палаты Конституционного Суда — эти сытые, самодовольные чинушы, забывшие, что судья не подчинённый, не покорный раб административной вертикали власти, а основа гражданского общества — устраивают коллективные сеансы (в полном составе — одной гурьбой) мастурбирования, «облачившись в мантии» и разложив перед собой жалобы наивных граждан, я не удивлюсь.

Не удивлюсь.

Как не удивляюсь рассказам нынешних работников Мосгорсуда и знакомых следователей о коллективных пьянках судей, о половых актах одних судей с другими судьями, следователей прокуратуры с судьями[179] — прямо в своих кабинетах, в канцелярии, в *залах* заседания — тому, что некоторые судьи любят, напившись, бегать голышом по коридорам главного московского суда…

«Именем Российской Федерации».

«В стране мёртвых единицы оставшихся в живых».

Владимир Миронов.

Влад Симонов.

Андрей Демидов.

Олег Бабич.

Николай Коломеец.

Мои честные коллеги.

Александр Жбанков из журнала «Трудовые споры».

Ребята из «Левого фронта», Серёжа и Настя Удальцовы из АКМ…

«Именем Российской Федерации».

Для меня вот они — Россия, гражданское общество. Вообще — граждане.

Нет, в России есть свобода. Свобода выбора. И каждый её делает сам.

А я-то себя пилил — считал, всё дело в злополучном договоре об оказании услуг. Оказалось — зря. Всё равно бы проиграл.

Эти суды — как игра с жуликами-напёрсточниками…

Только вот…

Не понимаю, почему должен играть в их игры. Почему меня приглашают в эту игру…

Больше всего это злит.

Их уверенность, что я должен быть согласен на придуманные ими правила. Что я соглашусь.

Не собираюсь петь хором.

И ходить строем.

Память свежа.

Только вот…

Только я должен был всё это пройти.

Чтобы осознать.

Моё право — это не кость, которую я должен выпрашивать, и мне её могут бросить или не соизволят бросить.

Нет.

Моё право — это процедуры, которыми я могу воспользоваться.

Если не могу ими воспользоваться, значит — я этих прав лишён.

По каким-то причинам.

Конкретно — я.

Конкретно какие-то другие лица — этого права-привилегии не лишены.

А права или есть или их нет.

Я не прошу.

И никому, извините, не советую — просить.

Умолять.

Надо брать.

И всё.

Нет! Доказывать, что я не верблюд?! Ну, уж нет! Я не верблюд. Уже не верблюд. Это было на два статуса раньше. Это вы должны доказывать. Мне.

Да, считайте меня больным!

Почему я должен подстраиваться под Систему? Пусть Система подстраивается под меня!

Врата Закона открыты для меня. Я не собираюсь ждать разрешения. Пусть у входа — на скамеечке — другие сидят.

Мне самому себе это даже не надо объяснять.

Турникет.

Хрупкий.

Европейский Суд по правам человека.

Вот, куда мне остаётся податься.

«Подтверждаю получение Вашего формуляра жалобы».

Номер досье — 8315/10.

«Суд приступит к рассмотрению вопроса о соответствии данной жалобы критериям приемлемости, как только это будет возможным».

Да хоть десять лет ждать — неважно.

С 5 мая 1998 года Россия присоединилась к Конвенции по правам человека (Конвенция о защите прав человека и основных свобод). Пункт 1 статьи 6 Конвенции гарантирует каждому в случае спора о его гражданских правах и обязанностях возможность на справедливое разбирательство дела независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Я был лишён этого права. Российская Федерация (точнее суды, самонадеянно выступающие от её имени) не предоставила мне возможности сформировать состав суда по моему гражданскому делу с участием граждан, то есть на основании закона, а именно — части 5 статьи 32 Конституции России.

Пусть не чинуши, а представители гражданского общества «вершат правосудие».

У Верховного Суда был шанс исправить ошибку?

И у Конституционного — тоже был?

Что?

Наивный я?

Опять???

Потому что верю в справедливость в Европейском Суде?

Пусть!

Это мои *алюминиевые огурцы.*

На брезентовом поле.

Мой алюминиевый огурец.

Отвечать за свои действия… Пусть они тоже отвечают за свои действия. У Мести, у Памяти срока давности нет. Кавказское культурологическое. Моё пантеистическое. Моё тенгрианское. Природа. Не винтиком! Лучше лузером! У меня есть другие возможности — например, всё это описать. Система ведь не привыкла к диалогу, не способна к нему… В Европейском Суде — выиграю. Это будет даже в меньшей степени моя победа. Это будет победа российских славных юристов-реформаторов. Проигрыш — мой. Формальный. Я не проиграю. Уже выиграл. Вся Система сейчас работает как Первый канал. Как гидролизные блондинки. Я не проигрываю только потому, что это написано на чьей-то бумажке. Я уже выиграл. Свой волчий билет. Мне повезло. Волчий билет не может стоить дёшево. Мне повезло — я *это* всё увидел. Сам. Своими глазами. Ощутил. Почувствовал. Своими чувствами. Испытал. Испытываю. Это уже не сон. Не хочу жить для статистики. S.k.m. Это свобода. Третья стадия. Силы. После сна. Просыпаешься. Хорошо. Система — дура, я порвал с нею! «SUSMARAM» Они не знают. Несмелые. Слепые. Лёня Вонючка. «Эх ты, бедняга!» Гырар

Кармл……

2009–2010 гг.

Source URL: http://ostankino2013.com/moja-borba-sudi-nashego-vremeni.html

Обратная связь: info.yourruler@gmail.com
Яндекс-кошелек автора410011206809019

New subscriptions: libertaddigital.com, Abuse.ch — The Swiss Security Blog, La Repubblica — MicroMega. Subscribe today at sendtoreader.com/subscriptions!

Wed, Apr 10th, 2013, via SendToReader

notes

Примечания

1

Громов А. А. — пресс-секретарь президента России (2000–2008 гг.). С 2008 года — замруководителя Администрации президента России.

2

На телевизионным жаргоне-сленге «картинкой» называют как отснятое видео (отснятое видео еще называют «исходником», то есть исходное, изначальное видеоизображение), видеоряд, так и телевизионное изображение («телекартинка», то есть та «картинка», которая идёт в эфир). «Телекартинка» обычно сопровождается текстом. «Картинка» — ключевое понятие ТВ-жизни. Живёт в голове любого телевизионщика в виде сакрального образа. Почти икона.

3

«Героями» на телевидении называют всех интервьюируемых, участников авторского материала.

4

Оригинал фразы, услышанной мною от одной корреспондентки-мстительницы на НТВ при просмотре ею видеоматериала для своего репортажа.

5

В авторском закадровом тексте.

6

Красивое литературное отступление о том, что по ночам лягушка превращалась в Василису Прекрасную, а в конце сказок в Василису премудрую — по-моему, обычная «разъяснительная работа» политтехнологов прошлого. Просто дополнили в текст под давлением своих лапотных глебов павловских. Для «правильной расстановки акцентов» в сказке.

Михаил Ковальчук — директор Российского научного центра «Курчатовский институт».

8

Зелимхан Яндарбиев — один из главных идеологов независимости Чечни, исполнял обязанности президента Ичкерии в 1996-97 гг. С 2003го года жил в Катаре, имел статус беженца без права на ведение политической деятельности. 13 февраля 2004 года в результате теракта его автомобиль был взорван в столице эмирата Дохе. Сам Яндарбиев погиб, а его 13-летний сын Давуд, также (!) находившийся в машине, получил тяжелые ранения. Это был настоящий террористический акт — информация о том, что экс-президент Ичкерии был причастен к событиям на Дубровке, являлась очередной кремлёвской лапшой. 19 февраля местные власти арестовали первого секретаря посольства России в Катаре Александра Фетисова и сотрудников российских спецслужб под официальными именами Анатолий Белашков и Василий Богачев. Фетисова вскоре отпустили — он обладал дипломатической неприкосновенностью, но объявили персоной нон грата, и дипломат уже в марте вернулся на родину. А Белашкова и Богачева катарский суд 30 июня приговорил к пожизненному заключению по обвинению в убийстве Яндарбиева, а также в незаконном ввозе оружия и террористической деятельности. Однако в декабре 2004 года после активных, но тайных переговоров между Доху и Москвой обоих контрразведчиков выдали России для «отбывания наказания на родине». Агентов-террористов в Москве встречали с почестями, официально их старательно называли разведчиками. Где осуждённые находятся сейчас, скрывается российскими спецслужбами. Кремль принял беспрецедентные меры, чтобы история с тем терактом поскорее была забыта как гражданами страны, так и за рубежом.

9

На федеральных каналах многие программы из-за разницы в часовых поясах выходят в прямом эфире два раза: днём — на Дальний Восток, Сибирь и Урал, а потом уже вечером, снова в прямом эфире — на европейскую часть страны.

10

Информационно-*развлекательная* программа «Страна и мир» выходила на НТВ с февраля 2003 года. Её концепт и название придумал Парфёнов. Наконец в январе 2005-го название изменили на «Сегодня в 22:00». В первую очередь, чтобы убрать имя опального нтвэшника из титров в конце программы.

11

Газета «Коммерсант».

12

Алексей Громов — пресс-секретарь президента Путина.

13

Алексей Венедиктов — главред «Эха Москвы».

погромы

15

Елена Савина — тогда шеф-редактор вечернего выпуска программы «Сегодня с Михаилом Осокиным», которая публично — в интервью интернет-изданию Newsru.com — определила увольнение Парфёнова как «квинтэссенцию кремлёвской глупости и пошлости».

16

Программу «Личный вклад» вёл сам замгендиректора НТВ по информационному вещанию Александр Герасимов. Выходила по субботам, позиционировала себя как информационно-аналитическая, хотя таковой не являлась. Делали её очень скверно — плохой штат продюсеров, редакторов, корреспондентов. Даже сам Герасимов не очень выкладывался, работал спустя рукава, но почему-то был уверен, что программа победит своего конкурента на НТВ — «Намедни». Одна из причин увольнения Парфёнова — замгендиректора НТВ убирал с телеканала своего соперника, которого не мог победить в честной, профессиональной, «войне». Герасимов был выдавлен с телеканала новым гендиректором Владимиром Кулистиковым тем же летом 2004 года — вместе с ним с НТВ исчезла и его скучная программа.

17

Николай Сенкевич, проработавший гендиректором НТВ с января 2003 года по июль 2004 года — приёмный сын Юрия Александровича Сенкевича, советского учёного-медика и телеведущего. Назначение нового теленачальника в январе 2003 года неоднозначно восприняли многие коллеги, особенно на НТВ. В программе «Намедни» (эфир от 26 января) этому событию в жизни российского телевидения был посвящён целый сюжет; автор Павел Лобков. Основная внушаемая идея материала — телевизионщик и журналист из Сенкевича-младшего, мягко говоря, никакой, да и медик он не понятно какой — то ли пульмонолог, то ли проктолог. Вдоволь постебавшиеся над своим новым руководителем авторы зацепили и Сенкевича-старшего: в стендапе смотрящий на зрителя в ректоскоп (стальная трубка для исследования прямой кишки) Лобков невежливо повторяет фразу «*Хватит смотреть* на мир глазами *Сенкевича!»,* сказанную Михаилом Жванецким абсолютно для другого места, в другом контексте.

Говорят, Сенкевича-младшего абсолютно не задел сюжет — в той части, которая касалась именно его самого, даже повеселил, но очень-очень оскорбила навязываемая ассоциация с родным ему человеком — тогда ещё живым. И новый гендиректор НТВ затаил справедливую обиду.

Да, и вообще, на НТВ многие были уверены в главной причине неприязни Парфёнова к Сенкевичу — освободившееся кресло Бориса Йордана надеялся занять он сам. Ведь ему обещали. Вот и всё!

18

В самый пик конфликта из-за силового захвата НТВ со стороны «Газпрома» Леонид Парфёнов перешёл в лагерь побеждающей стороны — в ночь на 6 апреля 2001 года в прямом эфире заявил, что покидает телеканал. Борьба *собственников* за НТВ тогда сопровождалась взаимными публичными обвинениями с обращением к эпистолярному жанру, и Парфёнов, следуя моде, донёс своё решение об уходе до Евгения Киселёва и всей России, использовав газету «Коммерсант» (№ 62 от 7 апреля). «Ухожу в никуда» — заявил он тогда, однако сразу после силового захвата НТВ, то есть менее, чем через 10 дней Леонид Парфёнов спокойненько вернулся — 16 апреля вошёл в созданный «Газпром-Медиа» редсовет телеканала и продолжил работать над своими проектами.

19

Виртуальная «Премия Дарвина» — посмертно присуждается тем, кто наиболее глупым способом покончил жизнь, не оставив потомства, или каким-то способом лишил себя репродуктивной способности. Дескать, тем самым, улучшил популяцию людей и вообще помог эволюции, не внеся в неё своего вклада.

20

Infotainment (от англ. information «информация» + intertainment «развлечение») — жанр журналистики, синтезировавший методы информационных, развлекательных и кинематографических жанров. Программа «Намедни» стала первой попыткой внедрения чистого инфотейнмента на российском ТВ, хотя сам Парфёнов утверждал, что это слово ему не нравится. Кстати, заслугу в том, что в России узнали про Infotainment — что это такое, как его делать и чем он прекрасен — приписывал себе Коля Картозия. Сам от него слышал — дескать, благодаря его научным статьям для журфака МГУ. Ну, это его мнение.

21

Воспользовавшись летом, ЦИК «*пропихнул*» через послушную Думу (прилежанием отличились депутаты из «Единой России» и ЛДПР) подготовленные в Кремле поправки в конституционный закон «О референдуме», которые фактически отняли у граждан и несвязанных с властью общественно-политических сил возможность инициирования плебисцита — то есть де-факто введя в стране действующий до сих пор мораторий на референдумы — в частности, например, со стороны коммунистов, которые планировали начать тем летом общероссийский опрос о проталкиваемом Кремлём законе о монетизации льгот, а также о национализации основных отраслей промышленности, повышении зарплат и пенсий, снижении тарифов на услуги ЖКХ и т. д. И теперь ЦИК готовился, называя происходящее «совершенствованием избирательной системы», к ещё более масштабному наступлению на выборное законодательство — в первую очередь на формирование самого российского парламента. Именно председатель Центризбиркома Александр Вешняков в начале августа раскрыл желание Кремля заменить смешанную систему выборов в Думу на исключительно пропорциональную (ранее половина нижней палаты парламента — 225 депутатов — выбиралась по партспискам, а другая — т. н. одномандатники — по одномандатным округам), чтобы, тем самым, загнать депутатов в партийные «клетки» и блокировать возможность избираться через мажоритарные округа для неподконтрольных, независимых политиков. Также в нагрузку к этому намерению шли и другие нововведения для усиления т. н. «административного ресурса» Кремля: запрет избирательных блоков, снижение количества максимально допустимых недостоверных подписей в поддержку кандидата с 25 до 5 процентов, внедрение практики голосования по почте и т. д.

22

Дмитрий Гаев — тогда глава московского метрополитена.

23

За независимое (вернее, относительно независимое) освещение событий во время захвата заложников в театральном центре на Дубровке Владимир Путин устроил телекомпании НТВ публичный разнос, а гендиректор НТВ Борис Йордан был отправлен в отставку. Но кремлёвские источники утверждали, что главная причина отставки Йордана, всё же, другая — выпуск в прямом эфире телеканала ток-шоу «Свобода слова» во время «Норд-Оста». В программе родственники заложников, не сдерживая эмоции, говорили всё, что думают о действиях власти и президента страны. Говорят, Путин был в ярости после просмотра этого ток-шоу и «обещал наказать Йордана».

24

Потом проходила информация, что одна из этих девушек участвовала в захвате бесланской школы. Информацию несколько раз то опровергали, то подтверждали. Потом, уже в апреле 2005 года, официально — устами заместителя Генпрокурора России Николая Шепеля — ещё более всех запутали: мол, погибшими в Беслане двумя девушками-террористками были Марьям Табурова (та самая, которую обвиняли во взрыве на Каширском шоссе) и… Роза Нагаева. Но если сравнить фотографии этих обеих девушек и убитых в Беслане террористок (они есть в Интернете), понятно, что это разные люди.

25

13 сентября 1999 года прогремел взрыв в доме 6/3 по Каширскому шоссе. Погибли 124 человека, в том числе 13 детей.

26

13 сентября 2004 года на расширенном заседании правительства президент Путин объявил о способах и мерах, которыми власть будет бороться с терроризмом, главными из которых почему-то оказались следующие — отмена выборности губернаторов; отмена смешанной и введение пропорциональной системы выборов в Госдуму; создание Общественной Палаты; воссоздание Федеральной комиссии по Северному Кавказу под руководством полпреда в ЮФО; создание «общенациональных партий» и другие далекие от «борьбы» с терроризмом и мало на неё повлиявшие схемы.

27

Августовские теракты 2004 года — на автобусной остановке на Каширском шоссе в Москве, на самолётах Ту-134 в Тульской области и ТУ-154 в Ростовской области и сентябрьская драма в Беслане.

28

13 сентября 2004 года, в годовщину теракта на Каширском шоссе в Москве (13 сентября 1999 года), президент Путин на расширенном заседании правительства поставил страну перед фактом «суверенной демократии»: главные способы и меры, которыми власть теперь планировала бороться с терроризмом, почему-то оказались следующие — отмена выборности губернаторов; отмена смешанной и введение пропорциональной системы выборов в Госдуму; создание эрзаца законодательной власти — Общественной Палаты; воссоздание Федеральной комиссии по Северному Кавказу под руководством полпреда в ЮФО; формирование «общенациональных партий» и другие далекие от «борьбы» с терроризмом и мало на неё повлиявшие схемы.

29

Копипейст (или копипаст) — от английских слов copy (копировать) и paste (вставить). Новое обозначение старого явления — плагиата, воровства. Копирование чужого текста или части текста и использование его как своего, с косметическими исправлениями или часто даже без них.

30

Стендап — (проф.) от англ. stand-up, появление репортера в кадре — смотрит в камеру и обращается к зрителю.

31

Салот Сар — бывший премьер-министр Кампучии (Камбоджи), бывший лидер «красных кхмеров». Более известен по прозвищам «Товарищ-87» и «Пол Пот». Очень обаятельный человек.

32

«Исходник» — (жарг.) от «исходный материал», то есть исходная «картинка», изначальное видеоизображение, рабочий материал; включая полное интервью с ньюсмейкерами. Отличается от «телекартинки», «картинки» в эфире — потому что более объективен, ближе к реальному событию, ещё не прошёл этап авторской обработки. Качество «исходника» зависит от профессионализма, предвзятости, личных видов, мировоззрения, настроения, смелости, совести съёмочной группы. Обобщая: «исходник» — это видеоряд, передающий субъективный взгляд съёмочной группы на событие.

33

«Кор» — (жарг.) сокращённое от корреспондент.

34

Громов А. А. — пресс-секретарь президента России (2000–2008 гг.). С 2008 года — замруководителя Администрации президента России.

35

Федеральный закон № 122 о внесении изменений в законодательные акты РФ и признании утратившими силу некоторых законодательных актов РФ в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

36

2 августа 2004 года группа активистов НБП, протестуя против пакета законов о «монетизации льгот» (отмене льгот), проникла в здание Министерства здравоохранения и социального развития по адресу Рахмановский переулок, 3/25, захватила три кабинета, в том числе и кабинет главы ведомства Михаила Зурабова. Нацболы стали выбрасывать из окон здания листовки и портреты вождей страны — естественно, пострадал и Владимир Путин. Вся акция продлилась час, потом активистов блокировал милицейский спецназ и доставил в ближайший отдел. На следующий день всех задержанных отпустили, но через сутки власть решила жестоко отомстить неравнодушным к происходящему в стране людям — семерых нацболов снова разыскали и быстро состряпали уголовное дело. Суд прошёл с нарушениями — некоторых осуждённых конвой избивал прямо в перерывах процесса, доказательства защиты председательствующей Еленой Сташиной не принимались. 20 декабря того же года Тверской суд Москвы приговорил Максима Громова, Кирилла Кленова, Анатолия Глоба-Михайленко, Сергея Ежова, Григория Тишина, Олега Беспалова и Анатолия Коршунского к пяти годам лишения свободы каждого. После апелляции сроки были пересмотрены — до двух с половиной и трёх лет.

«Пресуха» — (жарг.) пресс-конференция, брифинг.

38

Григорий Пасько — российский журналист, писатель, политический заключённый. Вёл журналистские расследования на тему экологического загрязнения — например, его видеоматериал о сливе в Японское море радиоактивных отходов, оставшихся после ремонта атомных подводных лодок, был показан в Японии и вызвал международный скандал. В 1997 году сотрудники отдела УФСБ по Тихоокеанскому флоту арестовали журналиста и предъявили ему обвинения в шпионаже и раскрытии гостайны. Суд Пасько выиграл, но военная коллегия Верховного суда РФ направила дело на новое рассмотрение. 25 декабря 2001 года суд Тихоокеанского флота признал журналиста виновным в шпионаже в пользу Японии, приговор — четыре года колонии строгого режима.

Игорь Сутягин — учёный-физик, заведующий сектором военно-технической и военно-экономической политики Института США и Канады РАН. Одна из первых жертв волны шпиономании в путинской России. Арестован в октябре 1999 года, обвинён в государственной измене. Калужский областной суд вернул дело в прокуратуру — из-за огромного количества нарушений УПК и некачественного следствия. Это был ещё 2001 год. 7 апреля 2004 года уже Мосгорсуд приговорил Сутягина к 15 годам лишения свободы в колонии строгого режима.

39

«ПКФ» — (жарг.) брифинг, пресс-конференция от соответствующего аббревиатурного обозначения.

40

И тем и другим Левон Чахмахчян оставался до лета 2006 года, когда, оказывая посреднические услуги Счетной палате России, попытался «похитить мошенническим путем» 1,5 миллиона долларов у авиакомпании «Трансаэро». За что был приговорён к девяти годам лишения свободы в колонии общего режима. Перешёл дорогу конкурентам.

41

Николай Бордюжа — генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

42

По определению Госсекретаря страны Осмонакуна Ибраимова, главного идеолога власти. Как его называли киргизы, «первый лжец Киргизии».

43

Дом правительства Киргизской Республики, а также Президентский дворец.

44

Министра обороны РФ Анатолия Сердюкова, большого специалиста в стульях, диванах, шкафах, столах, спальных гарнитурах (в 1984–1993 гг. Сердюков работал в магазине № 3 «Ленмебельторга» на улице Мориса Тореза, 38–40 — занимал должности заместителя заведующего, потом завсекцией и замдиректора; в дальнейшем жизнь будущего министра, оставшегося в душе завхозом, также была тесным образом связана с предметами интерьера — даже после начала его политической карьеры с приходом к власти его старого клиента Путина В.В) в армии называют «Маршалом Табуреткиным» и ненавидят больше, чем Доку Умарова.

Ведь чтобы понять душу, психологию народа, надо проникнуть в его сны: в народный эпос, сказки, поэзию — так советовал русский философ начала XX века Борис Вышеславцев в исследовании «Русский национальный характер».

Герхард Шрёдер — тогда федеральный канцлер ФРГ.

47

КИ («ка-и») — президент Путин имеет в виду бывший Краснознаменный институт КГБ СССР имени Ю.В. Андропова. Сейчас — Академия внешней разведки СВР.

48

В тот день в Мещанском суде закончилось разбирательство по объединенному уголовному делу против экс-главы ЮКОСа Михаила Ходорковского, главы МФО МЕНАТЕП Платона Лебедева и бывшего гендиректора АОЗТ «Волна» Андрея Крайнова. Ходорковский выступил с последним словом.

49

«Домина», «Саб», «фэйсфак» — терминология из субкультуры БДСМ.

50

В то утро 11 апреля 2005 года президент Владимир Путин участвовал в открытии российского павильона на международной промышленной ярмарке «Ганновер-2005». А накануне, вместе с канцлером Германии Герхардом Шрёдером ужинал в ресторане Gastwirtschaft Fritz Wichmann в компании десяти глав российских и немецких печатных СМИ. Произнесённая за столом речь — о Джордже Буше-младшем, праздновании 60-летия Победы в Москве, пакте Молотова-Риббентропа, оранжевых революциях, нелюбви к Украине и т. д. — и стала главной целью визита президента России.

51

Ходынская катастрофа — давка, происшедшая на рассвете 18 (30) мая 1896 года на Ходынском поле в Москве во время народных гуляний по случаю коронации императора Николая II. Там планировались разнообразная увеселительная программа, а также раздача бесплатной еды, выпивки и подарков: как описывал едва не погибший в этой давке журналист Владимир Гиляровский «узелков с колбасой, пряниками, орехами, пирогов с мясом и дичью и коронационных кружек» — дешёвых эмалированных кружек с гербом. Давка началась, когда по полумиллионной толпе пронёсся слух — буфетчики раздают подарки только «своим». Результат — несколько тысяч погибших и раненных.

Николай II не отменил праздничный обед в Петровском путевом дворце (прямо напротив Ходынского поля), а также вечерние торжества в Кремлёвском дворце, а затем и пышный бал — мол, несчастье не должно портить радости коронации.

52

Суслов Михаил Андреевич — для тех, кто забыл, один из главных советских политических фигур, идеолог КПСС, «серый кардинал» режима.

53

Людмила Алексеева — председатель Московской Хельсинской группы, авторитетный российский правозащитник и общественный деятель.

Т.н. «Закон об НПО (неправительственных организациях)» — поправки, регламентирующие деятельность неправительственных организаций, в некоторые законы («Об общественных объединениях», «О некоммерческих организациях», «О ЗАТО»), а также ГК РФ. Утверждён Путиным 10 января 2006 года. Закон беспрецедентно ужесточил госконтроль за неправительственными и некоммерческими организациями, особенно филиалами и представительствами иностранных, а также получающих зарубежные гранты российскими правозащитными и экологическими НПО, обязал их к фактической перерегистрации и довёл до юридического абсурда их деятельность на территории страны. Например, органы госрегистрации — простые и бескорыстные российские чинуши — получили право для ***внесудебных*** репрессий в их отношении: закрывать, проверять, вмешиваться в работу, отказывать в регистрации. В принципе, не самый репрессивный документ; но ведь при исправно работающей судебной системе, любой закон — что дышло…

55

Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) — академик, филолог, историк, известный специалист русского летописания.

56

«…рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, и лицам, руководящим этими событиями, — оценку религиозного мыслителя, чающего водворения Царства Божия в земной юдоли, — рукою летописца управляли политические страсти и мирские интересы; если летописец был монахом, то тем большую свободу давал он своей пристрастной оценке, когда она совпадала с интересами родной обители и печерского стада, её населявшего. Отдельные монастыри, в силу разнообразных политических и экономических условий, стояли в ближайших отношениях к тому или иному князю; многие из монастырей были связаны с известным князем уже при самом своём основании (ср. Изяславов монастырь св. Димитрия, Всеволодов монастырь св. Михаила); такие монастыри становились и вотчинными архивами, и политическими канцеляриями князя. Не избег общей участи и Печерский монастырь. Правда, высокие подвижнические идеалы, жившие здесь в XI в., не так легко мирились с раболепием и угодничеством перед сильными мира» (Шахматов А. А. «Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания». Петроград, 1916, с. 16).

Один из редких коллег, кто посмел бороться с «Иваном Ивановичем» — судебный обозреватель, корреспондент газеты «Коммерсантъ» Екатерина Заподинская. В своих репортажах о процессе она постоянно писала о методах работы «рыжеволосого офицера ФСБ, отвечающего за пропуск в суд журналистов». В результате всесильный «пристав», запретил впускать Заподинскую не только в зал заседаний, но даже в здание Мещанского суда. Правозащитники, адвокаты Лебедева и Ходорковского пытались провести её на «открытый процесс», но оказались бессильны.

Даже эта показательная ситуация с журналистом не стала поводом для бойкота процесса со стороны коллег.

Газета «Коммерсантъ» пригрозила обратиться в прокуратуру с заявлением о возбуждении уголовного дела по статье 144 части 2 УК («Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, совершенное лицом с использованием своего служебного положения») в отношении «Ивана Ивановича» — «после установления его личности». Правда, одной только этой публичной угрозой редакция и ограничилась.

58

Знаменитая афера, самая крупная в 2004 году. ООО «Байкалфинансгруп» — подставная компания ОАО «Роснефть». Была зарегистрирована 6 декабря 2004 года, а уже через две недели — 19 декабря 2004 г. — с лёгкостью победила в аукционе Российского фонда федерального имущества и купила по заниженной цене в 9,35 миллиарда долларов США 43 обыкновенные акции (76,79 процента от уставного капитала акций) нефтедобывающей компании «Юганскнефтегаз» (на неё тогда приходилась одна десятая часть добываемой в стране нефти), крупнейшего актива НК «ЮКОС». К торгам была допущена еще одна компания, «Газпром нефть», которая не сделала ни одной ставки. Задаток для участия в аукционе — 1,7 миллиарда долларов США — новозарегистрированная компания ООО «Байкалфинансгруп» за несколько дней с лёгкостью взяла в кредит у Сбербанка России.

Уставной капитал ООО «Байкалфинансгруп» — 10 000 рублей, юрадрес в городе Твери, где офиса компании журналисты не обнаружили, гендиректор — Давлетгареева Валентина Александровна, жительница тверской деревни Дмитровское.

Уже 22 декабря 2004 года — через три дня после аукциона — «Роснефть» приобрела «Байкалфинансгруп», по некоторым данным — всего за 10 000 рублей. Оставшуюся часть суммы за акции «Юганскнефтегаз» — 7,65 миллиарда долларов США (после вычета суммы задатка в аукционе) — «Роснефть» погасила, по одной версии, за счёт заёмных средств. Полную информацию об обстоятельствах и источниках финансирования контролируемая Путиным государственная компания так и не раскрыла, но по неофициальным данным, ей пришлось брать деньги у азиатских банков на очень невыгодных условиях. По другой версии, «Роснефть» купила актив ЮКОСа, заплатив государству «на бумаге».

Если сравнить эту историю с приватизацией структурами МЕНАТЕП 20 процентов акций ОАО «Апатит», то последняя проходила на порядок элегантнее, прозрачнее и суммы там были не такие колоссальные, а Андрей Крайнов, в отличии от неуловимой Валентины Давлетгареевой, имел номер телефона, отвечал на звонки и приходил на встречи.

59

По мнению Генпрокуратуры, Андрей Крайнов, будучи сотрудником МФО «МЕНАТЕП» (начальником отдела по инвестиционным проектам), был назначен гендиректором акционерного общества закрытого типа «Волна», которое 1 июля 1994 г. на инвестиционном конкурсе фонда имущества Мурманской области незаконно завладело 20 процентами акций (415 тысяч 803 обыкновенные акции) ОАО «Апатит» за 415 миллионов 803 тысячи неденоминированных рублей. Обещанные инвестиции в предприятие не были осуществлены, и постановлением апелляционной инстанции Арбитражный суд города Москвы 12 февраля 1998 г. отменил сделку и обязал «Волну» вернуть акции государству. По мнению Генпрокуратуры, решение суда не было исполнено, а акции «Апатита» переоформлены в собственность «*подставных, подконтрольных организованной группе* (Ходорковского, Лебедева, Крайнова и др.) *коммерческих организаций*». Так как Крайнов сотрудничал со следствием и в связи с «*частичным признанием им вины* (дескать, в завладении акций участвовал как подчинённый, однако финансовой прибыли с этого не имел)» и «*наличии признаков раскаяния*», обвинение просило суд приговорить его к пяти с половиной годам условно.

Также Крайнов, как замгендиректора ТОО «Эмитент», а также как учредитель ТОО «Эмитент» и ТОО «Аваль» (по мнению суда — это «подставные компании», аффелированные с МФО «МЕНАТЕП») обвинялся «в совершении мошенничества и причинении имущественного ущерба собственнику» в Волгоградской области в 97-м году — в составе «организованной группы» участвовал в разработке и осуществлении «схемы мошеннического завладения бюджетными средствами».

60

Генрих Падва — известный юрист, адвокат, координатор группы защитников М. Ходорковского.

Кондратьев имел в виду съёмочную группу прежде незаподозренного в информационной активности на этом суде муниципального телеканала «Столица», которую «Иван Иванович» решил пустить в тот день на процесс. Помимо них, в зал смогли пройти и коллеги с телеканала «Россия», а также не больше пяти журналистов газет и информационных агентств.

62

Лайф (от англ. life жизнь) — «картинка» с живым звуком, интершумом, имеющим эмоциональное содержание. Иногда со словами «героя» — такими, какими говорят в жизни — последний вид ещё называют синхрон-лайф.

63

Первый заместитель руководителя администрации президента России Владислав Сурков с 87-го по 97-й годы работал подчинённым М.Ходорковского, входил в его команду — начинал в Фонде молодежной инициативы при Фрунзенском райкоме ВЛКСМ, потом был одним из топ-менеджеров «МЕНАТЕП». Последняя должность — руководитель Департамента по связям с общественностью ЗАО «Роспром». Именно за *преступления* в эти годы судили Ходорковского и Лебедева в Мещанском суде.

Павлу Зайцеву, который вёл осенью 2000 года знаменитое дело мебельных гигантов «Альянс-96» и «Альянс-95» с их брендовыми торговыми центрами «Три кита» и «Гранд» (к реализации в этих салонах контрабандной мебели, а также к организации преступного сообщества и отмыванию денег были причастны высокопоставленные силовики — в том числе, из ФСБ и Генпрокуратуры России) Генпрокуратура предъявила обвинение в превышении должностных полномочий, и суд, с третьей попытки (дело у разговорчивой Кудешкиной забрали и передали другому судье — Сергею Маркову), приговорил его к двум годам условно с испытательным сроком на один год. Это была тоже показательная акция — для несогласных и несговорчивых следователей и таможенников, превратившихся в жертв криминальных интриг государственных ведомств, бизнесменов и покровительствующих им очень высокопоставленных чиновников.

Дело в отношении бизнесменов-силовиков-контрабандистов перешло под контроль Генпрокуратуры и через полгода было прекращено — «за отсутствием состава преступления». Лишь в 2006 году были арестованы мелкие сошки этого преступного сообщества. Исполнители. Более того, только четверо из них получили реальные сроки в 2010 году. И только за контрабанду мебели.

Все судебные инстанции России (Мосгорсуд и Верховный суд) верноподданно поддержали решение ККС Москвы о досрочном прекращении полномочий Кудешкиной. Зато в 2009 году Страсбургский суд (ЕСПЧ) признал, что с судьёй показательно расправились, а также подтвердил, что в отношении неё была нарушена 10-я статья Конвенции по правам человека (Конвенция о защите прав человека и основных свобод — страна присоединилась к ней 5 мая 1998 года) и обязал Российскую Федерацию выплатить бывшему судье компенсацию в размере 10 тысяч евро. 10-я статья Конвенции гарантирует каждому право свободно выражать своё мнение — в том числе, «свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ».

Несмотря на постановление ЕСПЧ Мосгорсуд и Верховный суд отказались пересмотреть дело Ольги Кудешкиной.

На момент описываемого времени.

67

2 августа 2004 года группа активистов НБП, протестуя против пакета законов о «монетизации льгот» (отмене льгот), проникла в здание Министерства здравоохранения и социального развития по адресу Рахмановский переулок, 3/25, захватила три кабинета, в том числе и кабинет главы ведомства Михаила Зурабова. Нацболы стали выбрасывать из окон здания листовки и портреты вождей страны — естественно, пострадал и Владимир Путин. Вся акция продлилась час, потом активистов блокировал милицейский спецназ и доставил в ближайший отдел. На следующий день всех задержанных отпустили, но через сутки власть решила жестоко отомстить неравнодушным к происходящему в стране людям — семерых нацболов снова разыскали и быстро состряпали уголовное дело. Суд прошёл с нарушениями — некоторых осуждённых конвой избивал прямо в перерывах процесса, доказательства защиты председательствующей Еленой Сташиной не принимались. 20 декабря того же года Тверской суд Москвы приговорил Максима Громова, Кирилла Кленова, Анатолия Глоба-Михайленко, Сергея Ежова, Григория Тишина, Олега Беспалова и Анатолия Коршунского к пяти годам лишения свободы каждого. После апелляции сроки были пересмотрены — до двух с половиной и трёх лет.

Обвинение просило суд приговорить Михаила Ходорковского и Платона Лебедева к десяти годам лишения свободы каждого с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. 31 мая 2005 года Мещанский районный суд признал Ходорковского и Лебедева виновными по шести статьям УК (мошенничество, приобретение права на чужое имущество путем обмана, неисполнение решения арбитражного суда, присвоение, растрата и хищение чужого имущества, уклонение от уплаты налогов с физических лиц и организаций, подделка официальных документов) и назначил каждому из них наказание в виде лишения свободы сроком на 9 лет ИК общего режима. Также суд удовлетворил гражданский иск Федеральной налоговой службы к обвиняемым о возмещении имущественного вреда в размере 17 395 449 282 рублей. Приговор Мещанского суда вступил в силу 22 сентября 2005 года — коллегия Мосгорсуда отклонила кассационную жалобу адвокатов Михаила Ходорковского. Кассационным определением 9-летний срок экс-главе ЮКОСа был снижен до 8 лет.

Андрей Крайнов был осужден на пять лет условно.

69

События в Андижане произошли в ночь на 13 мая (это была пятница) 2005 года. Всё началось из-за суда — над 23 местными предпринимателями, жертвами обычного передела собственности и государственного рэкета. Для идеологического обоснования своих действий власти обвиняли бизнесменов в причастности к деятельности и поддержке запрещенных радикальных организаций. Недовольные несправедливым ходом суда, а также продолжавшимися арестами, похищениями и пытками родственников подсудимых (так власти оказывали давление на последних), их друзья, сторонники, а также сочувствующие из оппозиционеров захватили в ночь на 13 мая здание СИЗО, выпустив всех обвиняемых и несколько сотен остальных находившихся там заключённых, а потом и здание областной администрации, перед которым начался стихийный многотысячный митинг — люди стали выдвигать политические требования (отставка президента и правительства). После этого власти начали штурм захваченных зданий и разгон митинга, используя военную технику, что привело к колоссальным жертвам.

Подавляющая часть погибших — зеваки, местные жители; безоружные люди. Правительственные войска расстреливали и кареты «Скорой помощи». Почти у всех погибших на теле имелись следы от контрольных выстрелов. По официальной версии, в результате «подавления террористической акции» погибли 187 человек (60 мирных граждан, 32 силовика, остальные террористы-экстремисты). А по данным правозащитников, около тысячи человек, почти все — мирные жители. «Хьюман Райтс Вотч» назвала эти события «массовым убийством». До сих пор власти Узбекистана препятствуют проведению независимого расследования событий ночи 13 мая.

Западные страны осудили, а Пекин и Москва (использовав события для геополитического давления на Каримова) поддержали официальный Ташкент. Например, глава МИД России Сергей Лавров отметился следующей умной мыслью: «У нас есть информация, что к событиям в Узбекистане имеет отношение ряд исламских экстремистов, структуры Исламского движения Узбекистана, остатки талибов и некоторые чеченские террористы».

Это сообщение министра я читал стоя.

Интересно, что гениального заявления господина Лаврова о причастности к Андижанским событиям «некоторых чеченских террористов», этих вездесущих неуловимых парней, тогда ещё не существовало — оно родилось на свет только 2 июня, спустя почти три недели после человеческой мясорубки 13 мая. Всё это время между Москвой и Ташкентом шёл бурный геополитический торг.

Например, известная история рабочих из Грузии Александра Паритова (он был из Аджарии) и Дамира (фамилию его никто не помнит), работавших на стройплощадке ДОН-Строя «Новая Остоженка» в 2003–2004 гг. Своих коллег-каменщиков сагитировал устроившийся на стройку активист СКМ (Союз коммунистической молодежи) и РРП (Революционная рабочая партия — Рабочая демократия) Григорий Сивачёв — распространять листовки с призывами начать забастовку в начале февраля. Всех троих в январе 2004 года вычислила служба безопасности. Москвича Сивачёва просто уволили, а приезжих рабочих 31 января увезли из общежития ДОН-Строя «Аспект» (в Строгино) охранники компании. Сивачёву еще долго звонила мать одного из рабочих — Дамира — просила помочь найти сына, сообщить какую-то информацию о нём. В ОВД «Строгино» отказались принимать заявление ребят из РРП о пропаже их товарищей. Когда спустя полгода недалеко от общежития, ближе к МКАДу были найдены два обожжённых тела, рабочие активисты предположили, что они принадлежат Александру Паритову и Дамиру. Дело быстро в милиции закрыли, тела объявили «бесхозными» (так в милиции определили) — я обращался по этому поводу в ОВД спустя несколько лет, но мне всячески отказывались давать информацию, письмо проигнорировали.

Например, Анна Попова, маляр на стройке «Дома на Мосфильмовской». Вступила в РРП через члена исполкома партии Галину Дмитриеву. Во время распространения листовок в общежитии была задержана охранниками и пропала без вести — 16 мая 2003 года. Позже Дмитриевой, также работавшей на этой стройплощадке и задержанной охранниками, их руководитель — контролирующий дисциплину среди рабочих компании ДОН-Строй — Виктор Петрович Жильцов во время допроса угрожал убить её также, как и Попову — показывал предсмертные фотографии избитой девушки, утверждал, что и сам принимал участие, когда ей переломали позвоночник и прятали труп.

72

Специально для останкинских небожителей: все трое — средневековые поэты. Франческо Петрарка — итальянский поэт-гуманист; Франсуа Вийон — французский поэт-лирик; бунтарь и мистик Имадеддин Насими — азербайджанский поэт-хуруфит (суфийско-пантеистическое религиозно-философско-социальное движение богоборцев — Бог в каждом человеке, «Я есмь бог!»).

73

«Проходка» (жарг.) — видео, на котором корреспондент с «героем» беседуют, часто вместе прогуливаясь — отсюда и название. Дескать, вот автор, погрузился самостоятельно в событие, в «историю».

Имел в виду — солнце садится.

Николай Картозия тогда курировал программу «Профессия — репортёр».

76

Тупое созвучие с бестолковым фильмом «Не грози южному централу, попивая сок у себя в квартале» про жизнь афроамериканцев в негритянском гетто Лос-Анджелеса.

После событий на НТВ, Зимин ушёл с *«командой Евгения Киселёва»* на ТВ-6 (для них Борис Березовский зачистил телеканал от журналистов его создававших — не церемонясь), потом на ТВС (работая там, Илья стал лауреатом «ТЭФИ-2002» в номинации «Лучший репортёр»). После закрытия ТВС «в интересах телезрителей» (формулировка Минпечати, отключившего телеканал от эфира 22 июня 2003 года), вернулся на НТВ — как и многие другие разочаровавшиеся «раскольники».

78

Многоцелевой подводный крейсер «Северодвинск» — предполагается, станет самым мощным атомным судном ВМФ России. Вооружён 32 крылатыми ракетами.

79

В ночь на 26 февраля 2006 года Илья Зимин был убит в своей съёмной квартире на улице Академика Королёва. Смерть наступила в результате тяжёлой черепно-мозговой травмы, которую Илья получил во время драки с молодым парнем — познакомился с ним накануне вечером, пригласил домой и стал домогаться. Обвиняемый в убийстве Игорь Вельчев скрылся у себя на родине и в декабре 2007 года был оправдан судом города Окница (Молдавия).

Тут разговор об обязательствах Кипра, как члена Евросоюза с 2004 года. Как и во всех странах ЕС, местные банки должны сообщать властям об операциях, превышающих установленную сумму. Также по официальным соглашениям между Москвой и Никосией, Кипр оказывает правовую помощь и информационную поддержку Генпрокуратуре, налоговым органам, а также органам финмониторинга. Однако, раскрывать информацию о бенефициариях власти Кипра обязаны только по решению местного суда. Но это официально.

81

СОРМ — то есть пресловутая Система технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий. СОРМ-1 — для работы в области телефонной связи, СОРМ-2 — в области Интернета. В деятельности этих систем самое важное — больше работает их образ и имидж, чем сами системы. Тем более, что свою леность и бесхребетность легко оправдывать утверждением о тотальной слежке и прикрываться помешанностью на ней. Это моё мнение не имеет отношение к переписке с Андреем Багги.

То есть Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), руководимая тогда Виктором Зубковым. Идеальное место с идеальной средой для любителей бюрократических и репрессивных извращений — мечта бесхозного силовика и, вообще, российского чиновничества, ярмо на шее бюджета страны. Громких политических, принципиальных антикоррупционных дел за свою историю не имела, заказных и показательных — в достатке. С сентября 2007 года это болотце выведено из под ведения Минфина и перешло под «крышу» Правительства РФ, председателем которого тогда же был назначен Зубков.

83

Zivaniye/Zivania — национальный алкогольный напиток киприотов, кипрское «виски».

84

Знаменитый английский футбольный клуб, как и исторический район Лондона, называется Chelsea.

Фонд этот организационно является общественным юрлицом, но фактически главной пиар-структурой Семьи, правящей в Баку: да, занимается социальными проектами (вернее, и социальными проектами тоже), но преподносит их как дар, а не как свою обязанность, как свой долг — дескать, вот вам шуба с барского плеча, благодарите, неблагодарные. Как аккумулируется колоссальный бюджет этой общественной организации, неизвестно — финансовая жизнь Фонда тайна — но это предсказуемо: его главой является супруга президента Азербайджана Мехрибан Алиева. Да и в Баку все неофициально подтвердят — *добровольные* взносы бизнесменов и чиновников.

86

Михаил Петрович Погодин (1800-75) — публицист, писатель, историк, академик Петербургской АН, главный редактор журнала «Москвитянин», «Московский вестник». Один из рупоров казённой идеологии «официальной народности» в эпоху Николая I, идейного прапрапрапрадедушки Владимира Путина.

87

Burj Dubai (Burj Khalifa) — самый высокий — 828 метров — небоскрёб в мире.

88

Эту, а также главу «Путин — м. дк!» я написал до смерти Ани Конюковой (Аня умерла 22 августа 2010 года). Как написал, так и оставляю. Менять ничего не стал. Считаю это нечестным.

89

Авлабар, Мейдан — старые районы Тбилиси.

90

Зелимхан Яндарбиев — один из главных идеологов независимости Чечни, исполнял обязанности президента Ичкерии в 1996-97 гг. С 2003го года жил в Катаре, имел статус беженца без права на ведение политической деятельности. 13 февраля 2004 года в результате теракта его автомобиль был взорван в столице эмирата Дохе. Сам Яндарбиев погиб, а его 13-летний сын Давуд, также (!) находившийся в машине, получил тяжёлые ранения. Это был настоящий террористический акт — информация о том, что экс-президент Ичкерии был причастен к событиям на Дубровке, являлась очередной кремлевской лапшой.

19 февраля местные власти арестовали первого секретаря посольства России в Катаре Александра Фетисова и сотрудников российских спецслужб под официальными именами Анатолий Белашков и Василий Богачев. Фетисова вскоре отпустили — он обладал дипломатической неприкосновенностью, но объявили персоной нон грата, и дипломат уже в марте вернулся на родину. А Белашкова и Богачева катарский суд 30 июня приговорил к пожизненному заключению по обвинению в убийстве Яндарбиева, а также в незаконном ввозе оружия и террористической деятельности. Однако в декабре 2004 года после активных, но тайных переговоров между Доху и Москвой, постоянно переходившими в угрозы и давления, обоих контрразведчиков выдали России для «отбывания наказания на родине». «На родине» агенты-террористы удостоились почестей и ласки. Где осуждённые находятся сейчас, скрывается российскими спецслужбами. Кремль принял беспрецедентные меры, чтобы история с тем терактом поскорее была забыта как гражданами страны, так и за рубежом.

91

26 февраля 2004 года в «Шереметьево-2» сотрудники ФСБ незаконно похитили и увезли в Лефортово двух граждан этой страны, которые следовали в сербский Нови-Сад на лицензионный турнир Олимпиады, стартовавший через два дня. Один из них мой земляк Ибад Ахмедов, известный борец греко-римского стиля, член сборной Катара, а другой — представитель совета Национальной федерации борьбы Катара Насер Ибрахим Мидахи. Личного тренера Ахмедова, Александра Дубровского, также задержанного и незаконно допрошенного в аэропорту, почти сразу отпустили и он на следующий день улетел в Доху.

(турец.) Мы думали — сейчас стрелять по нам начнут.

93

Муров Е. А. — глава ФСО (Федеральной службы охраны). Золотов В.В. — глава СБП РФ (Служба безопасности президента).

Необходимый самой Украине объём импорта — приблизительно 55–58 миллиарда кубометров ежегодно. Кроме этого, через Украину в страны ЕС прокачивается около 110–130 миллиардов кубометров российско-среднеазиатского газа ежегодно. До газового конфликта конца 2005 — начала 2006 гг. Газпром платил Украине 1,09 долларов за транзит одной тысячи кубометров газа на 100 км.

95

Последняя компрессорная станция перед российско-украинской границей — на входе в газотранспортную систему Украины.

Помимо этой есть и другие детали, диссонирующие с активно распространяемыми прикремлёвскими комментаторами и ньюсмейкерами позициями:

пени за просрочку оплаты за предоставленные услуги платит Заказчик (!), а не Исполнитель услуг («Нафтагаз») — так прописано в этом документе — и сумма штрафа не такая огромная, которая получается по схеме модных ребят из «Газпрома» (статья 10.5.);

по контракту, транзитная ставка не «вечна», как утверждает группа поддержки газовой империи, а обговаривается ежегодно в межправительственных протоколах (статья 8.1.).

Однако, в соглашении прописано и право «Газпрома», при невыполнении «Нафтогазом Украины» своих платёжных обязательств, «сокращать поставки российского природного газа за услуги по транзиту на неоплаченную сумму по этим обязательствам» (статья 13.3). Хотя, как эта теория будет реализовываться при техническом (структура ГТС Украины) и цивилизационном (большая восточнославянская любовь) противоречиях, авторы документа не подумали.

(Текст контракта можно найти на сайте Верховной Рады Украины).

В ОАО «Белтрансгаз» входят почти семь с половиной тысяч километров магистральных газопроводов и газопроводов-отводов, три подземные хранилища газа вместимостью более одного миллиарда кубометров и несколько компрессорных станций. Проектная пропускная способность — 51 миллиард кубометров газа в год. Больше половины транспортировавшегося тогда через Беларусь в Европу российского газа шла по трубам этой компании — около 19 миллиардов кубометров. Остальная часть — по принадлежащему России (вернее ОАО «Газпром») газопроводу «Ямал-Европа».

В доказательство Александр Лукашенко приводил пример с чешской газотранспортной компанией Transgas, газопроводная сеть которой в два раза меньше белорусской. В 2002 году 96,99 процентов акций этой компании за 4,1 миллиарда Евро купил немецкий концерн RWE. И будь Лукашенко поумнее или посмелее — пустил бы на белорусский рынок иностранцев, и «Белтрансгаз» купили бы и за 5, и за 10, и за 15 миллиардов долларов. Да, для этого надо перестать быть диктатором: любишь медок — люби и холодок!

выпуск — тут: новостная бригада.

100

Владимир Иосифович Хавин — архитектор, руководитель авторского коллектива мастерской № 12 ОАО «Моспрект», проектировавшего это здание.

101

Алексей Миллер — председатель правления ОАО «Газпрома». Друг В.В. Путина.

Агентство телевизионных новостей (АТН) — информационная служба Белтелерадиокомпании.

103

В долларовом эквиваленте средний размер пенсий — 176 долларов в Беларуси и 204 доллара в России (2009 год).

А по мнению президента Туркменистана Ниязова наценка «посредников» составляла 600 процентов.

Газопровод Корпедже — Курт-Куи (планируемая максимальная проектная мощность до 14 миллиардов кубометров). А с декабря 2000 года заработал обеспечивающий потребность приграничного населения Ирана в провинции Хорасан газопровод Артык — Лютфабад (мощность около 1 миллиарда кубометров в год). На конец 2009 года Туркменистан продавал своему южному соседу около 8 миллиардов кубометров газа в год, а в переспективе — до 20 миллиардов.

106

Доля транпортируемого танкерами-газовозами сжиженного природного газа в мировой торговле газом хотя и растёт, но пока около 30 процентов. Доля СПГ в российском экспорте голубого топлива — меньше девяти процентов.

107

Азербайджан построил Южно-кавказский газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум: пропускная способность — 9 миллиардов кубометров газа в год (с возможностью увеличения мощности до 20 миллиардов), загружен на 75 процентов.

Ашхабад, переиграв Москву, построил газопровод в Китай через Узбекистан и Казахстан с проектной пропускной способностью в 40 миллиардов кубометров в год. Официально открыт 14 декабря 2009 года.

Особо часто употребляемый «аргумент» — видимо вождь нацистской Германии выбран для придания убедительности. Очень интересна судьба рождения этой «активки». По легенде, фюрер упомянул про армян 22 августа 1939 года в Оберзальцберге перед вторжением в Польшу — выступая на совещании с немецким генералитетом, призвал их к жёсткости и бесчувственности при нападении на соседнюю страну, чтобы «завоевать жизненное пространство» для восьмидесятимиллионного немецкого народа, а потом, обнадёживая своих силовиков историческим примером, якобы добавил: «Кто, после всего, помнит сегодня об уничтожении армян?» 24 ноября 1945 года The Times в статье «Nazi Germany's Road to War» («Путь к войне нацистской Германии») — в анонимной, неподписанной статье! — утверждает, что это выступление Гитлера (со словами об армянах) будет представлено в качестве доказательства на проходящем в то время процессе в Нюрнберге. И опля! — миф готов, «активка» стала жить своей жизнью.

Адольф Гитлер, конечно, был сволочью, но про армян не говорил. Неподписавшийся репортер поторопился напечатать жаренный факт в газете. Стенограмма Нюрнбергского процесса от 26 ноября 1945 года: судом зафиксировано в качестве доказательства два документа о той речи Гитлера в Оберзальцберге. 1. Найденный в архивах командующего Верховным Главнокомандованием ВС официальный меморандум этой встречи, где были зафиксированы все сказанные в тот день (не только по поводу готовившегося вторжения в Польшу) фюрером слова. 2. Подробный отчет об этой встрече, который вёл главнокомандующий ВМФ нацистов Герман Бём. В обоих документах нет ничего про ту цитату про армян. Про Польшу — есть, «уничтожение всех её живых сил», «война на истощение» — есть. А вот про армян — нет. Даже в представленных в Нюрнбергском суде, но не зафиксированных в протоколе процесса в качестве ещё одного доказательства дневниковых записях начальника штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта генерала Франца Гальдера, детально описавшего то выступление Гитлера в Оберзальцберге 22 августа 1939 г., нет той пресловутой цитаты. Документ, содержащий цитату про армян был отклонён судом в качестве доказательства из-за его «сомнительного происхождения». То есть это была подделка (есть много версий того, кто подделал этот «документ», изобилующий

эпитетами и выводами, отсутствующими в других документах и приписываемыми Гитлеру: от финансово-мотивированного американского журналиста Луи Лохнера (Ludwig Paul «Louis» Lochner) ещё в 1942 году до спецлаборатории ФБР). Но «активка» живёт!

Эта встреча нацистского руководства перед нападением на Польшу изучена и описана известным историком по Второй мировой войне Уильямом Лоуренсом Ширером, работавшим журналистом на Нюрнбергском процессе. Также миф подробно и доступно растолкован для *глухих* американским исследователем и учёным Хитом Уард Лоури (исследование «Политическая информация и мнения»). В конце концов, стенограммы Нюрнбергского процесса в открытом доступе! Но «активка» продолжает жить!

109

3 января 2007 года Минск ввёл таможенную пошлину — 45 долларов за тонну российской нефти, транспортируемой по белорусским нефтепроводам, а также приступил к отбору нефти из нефтепровода «Дружба». Компания «Транснефть» остановила транзит в Европу. Началась первая российско-белорусская «нефтяная война», закончившаяся 11 января уступками с белорусской стороны — отказом от пошлины. Но окружающие страны сделали выводы.

110

Непотопляемость Мерабишвили в Грузии многие объясняют наличием у последнего компромата на президента Саакашвили.

111

Биджо, бичо (груз.) — парень, друг.

112

«Революция роз» в ноябре 2003 года — в результате массовых протестов из-за фальсификации на парламентских выборах 2 ноября президент Эдуард Шеварнадзе сложил полномочия и покинул страну, к власти пришла оппозиция во главе с Михаилом Саакашвили.

113

Мцхета — центр грузинского православия и считается первой столицей Грузии — древней Иберии-Картли.

114

«Прямиться», «включаться», «эфирить» — (жарг.) работать «в кадре» во время прямого включения, в прямом эфире с места события.

115

«Подводка» — слова телеведущего (редко корреспондента), которыми он подводит, анонсирует сюжет, репортаж, сюжет — вообще, авторский материал. «Подвести» — сказать «подводку».

116

Спойлер — от английского to spoil («гадить», «мешать»). На выборах — кандидат, оттягивающий на себя голоса избирателей другого кандидата, через дублирование его названия или предвыборной программы.

117

Как и будущий полпред Георгий Полтавченко, Грызлов тогда баллотировался от 43-го избирательного округа Приморского района — за него проголосовали всего 1014 избирателей (3,67 процента всех голосов). Полтавченко, кстати, возглавлявший тогда Управление федеральной службы налоговой полиции по Санкт-Петербургу получил 8,35 процентов. Победил в этом округе «яблочник» Валерий Назаров, опередивший во втором туре коммуниста Геннадия Канатникова.

Виктор Зубков те выборы тоже проиграл — 8,64 процентов голосов избирателей. Не помогла должность замминистра России по налогам и сборам и помощь бывшего сослуживца и нового хозяина — Путина. Губернатором выбрали и.о. главы области Валерия Сердюкова.

За список «Яблоко» проголосовало 4,3, а за список СПС — 3,97 процента избирателей. 5-ти процентный барьер при пропорциональных выборах половины депутатов (другая половина избиралась по одномандатным округам) преодолели списки четырёх партий — «Единой России», КПРФ, ЛДПР и «Родины». Всё это официальные данные.

120

Станислава Маркелова и Анастасию Бабурову убили 19 января 2009 года в центре Москвы — на улице Пречистенка, у дома 1 («Белые палаты на Пречистенке»).

Маркелов — известный адвокат, занимался громкими делами: защищал семью Эльзы Кунгаевой (потерпевшая сторона по делу полковника Юрия Буданова); интересы ряда потерпевших по «делу» теракта на Дубровке, а также потерпевших во время массового избиения милицией жителей Благовещенска. Ещё представлял интересы профсоюзов в иске к «РЖД» и избитого журналиста Михаила Бекетова, конфликтовавшего с администрацией города Химки. У него остались жена и двое детей.

Анастасия Бабурова — журналист, внештатный сотрудник «Новой газеты», активист анархо-экологического движения.

Их убили, когда они шли с пресс-конференции Станислава Маркелова в Независимом пресс-центре.

В России и за рубежом прошли акции памяти, не массовые митинги. Российские антифашисты основали Комитет 19 января. Международная неправительственная организация Комитет защиты журналистов обратилась к президенту Медведеву с просьбой открыто осудить двойное убийство «в самых жёстких выражениях». Президент Медведев не сделал даже этого. Премьер Путин тоже. Общество тоже.

121

Итоговый воскресный выпуск программы «Сегодня» с Кириллом Поздняковым.

122

Шиптар — одно из самоназваний албанцев. Однако сербское «Шиптар» — это обычно пренебрежительное обозначение соседнего народа (Албанац, Албанци — официальное, литературное их наименование в сербском языке). А «Шиптарско месо» получается — мясо албанца, албанцев. Так обычно называют блюдо из зажаренного свиного бедра (ляжки), и, вообще, из жареной свинины. Есть две версии, объясняющие это определение. Корректная: дескать, мусульмане-албанцы свинину не употребляют, потому легко определить «своего» — если ест блюдо из такого мясо, значит серб, если нет, значит «чужой» — албанец, шиптар. И распространенная: оскорбительно называя албанцев именем этого млекопитающего и, тем самым, помещая их в один ряд с ним, одновременно предполагать, по ассоциативной связи, их уничтожение, истребление, ликвидацию путём поглощения в виде пищи — как представители последующего звена представителей предыдущего звена трофической (пищевой) цепочки. Последнего варианта придерживались несколько опрошенных мною сербов в Косово и с различных сербских патриотических Интернет-ресурсов, а также мои коллеги в той командировке — Вадим и Антон.

123

Сейчас телеканал «Россия».

124

Много лет спустя в Москве Олег Сафиуллин признавался близким друзьям, что на агрессию — как по отношению к ним, так и, особенно, к Шабану Хоти — албанцев могла спровоцировать найденная у съёмочной группы карта-схема жилого сектора Приштины, которую от руки очень профессионально (рукой специально обученного штабного офицера) нарисовал карандашом малознакомый сербский офицер. Последний подсел к съёмочной группе в каком-то кабаке ещё в Белграде и просил передать деньги оставшимся в Приштине его родственникам по адресу на рисунке. Олег почему-то оставил эту схему в своих вещах, которые обыскали бойцы УЧК. Поражённые косовары, и так считавшие, что все русские предвзято относятся к конфликту и несправедливо поддерживают сербов, были уверены, что им в руки попали разведчики, выдающие себя за журналистов, и работающий на них предатель-албанец.

125

Юрий Архипов из «Радио России» в 97-м году вместе с коллегами (Николай Мамулашвили и Лев Зельцер — также «Радио России» и Николай Загнойко — «ИТАР-ТАСС») провёл в плену в Чечне больше трёх месяцев (с 4 марта по 6 июня). В написанной об этом книге «Плен» Архипов также упоминает и про Шабана Хоти, которого нашёл и пригласил работать в июне 1998 года именно он. То есть, получается, сотрудничество профессора-албанца с российскими журналистами в качестве переводчика продолжалось всего лишь около двух месяцев.

126

Община Штрпце — по численности второй после Митровицы регион компактного проживания сербов в Косово: из почти 14 тысячи местного населения две трети — сербы и черногорцы, одна треть албанцы. Община на юге граничит с Македонией — с той территорией страны, где преимущественно живут македонские албанцы.

127

С 47-го по 85 гг. Народная Республика Албания управлялась жёсткой рукой Энвера Халил Ходжи (1-й секретарь ЦК Албанской партии труда), большого почитателя Иосифа Сталина и его «сталинской модели» внутриполитического устройства — с чистками среди оппозиции и репрессиями против недовольных властью Ходжи, с однопартийной системой и вождизмом, с идеологией осаждённой крепости.

128

Бачушка, бачушки — так сербы пока ещё благожелательно и дружески называют русских.

(англ.) Вы должны покинуть эту территорию.

130

Восемь тысяч долларов.

131

Михаил Николаев — первый президент (с 1991 по 2002 гг.) Республики Саха (Якутия). Не знаю, что сепаратистского нашёл Вадим в его деятельности — возможно, способствование формальному провозглашению Декларации о государственном суверенитете и принятию Конституции Республики? В вопросе появления письменности у якутов коллега также всё перепутал.

132

Чехи — (жарг.) чеченцы, иногда уничижительное, иногда нейтральное выражение; чичи, чичики — они же, но это всегда оскорбительное обозначение.

133

ШефА — (сербс.) обращение к официанту.

134

10 декабря 2007 года руководители «Единой России», «Справедливой России», Аграрной партии и партии «Гражданская сила» на встрече с Путиным «предложили» в качестве кандидата в президенты на выборах 2008 года первого вице-премьера Дмитрия Медведева. Президент, не слишком скрывая, что это его собственная идея, согласился.

135

Александр Черногоров — губернатор Ставропольского края в 1996–2008 гг. Посредственный политик и хозяйственник, но удачливый карьерист. В 96-м избран главой края от КПРФ на волне протестных антиельцинских настроений. Потом перешёл в партию власти.

На парламентских — в местный парламент — выборах в марте 2007 года возглавляемый им региональный партийный список «Единой России» проиграл «эсеровскому». И Черногорова исключили из «Единой России». Перед самыми выборами его бывшая жена Ирина Щукина-Черногорова опубликовала в местной прессе статьи — о заграничных поездках губернатора, о его неуравновешенном характере, о страсти к бильярду и дорогим киям, о личном парке автомобилей Bentley и о том, что не платит алименты на ребенка.

В апреле 2008 года Черногоров заявил, что хочет уйти в отставку, но сам пытался всеми способами удержаться на своём посту.

Занимательно, что из среды сотрудников этих сомнительных теле-конторок Константин Львович Эрнст и Лариса Васильевна Синельщикова наплодили кучу новых телеакадемиков, членов Академии Российского телевидения — тех, кто назначает, «определяет» победителей национальной телевизионной премии «ТЭФИ». Но занимательнее то, что остальные телеакадемики проглотили и проглатывают этот процесс появления новых «коллег».

137

ЛДПЯ — консервативная партия, с 55-го года находилась у власти. Почти все лидеры ЛДПЯ одновременно возглавляли кабинет министров страны, являлись фактически главой государства. Долгое время безумно импонировала «кремлёвским интеллектуалам». Очень важно, но не учитывается прикремлёвскими экспертами — ЛДПЯ прошла путь реальной политической борьбы, а не была создана сверху, искусственно. Партия была образована путём слияния в 1955 году двух оппозиционных партий — Либеральной партии и Демократической партии Японии. В 2009 году ЛДПЯ, проиграв выборы, ушла в оппозицию — и любовь российских бюрократов прошла.

138

Кэйрэцу — современный институт японских корпораций. Кэйрэцу возникли в результате структурной и политической эволюции из корпораций-монополий дзайбацу, предыдущей модели организации бизнеса в Японии — где в основе компаний была одна семья, обычно близкая к власти, бюрократическая фамилия — но сохранили главные принципы их философии.

139

«Подводка» — слова телеведущего (редко корреспондента), которыми он подводит, анонсирует сюжет, репортаж — вообще, авторский материал. «Отводка» — текст, которыми ведущий резюмирует, «закрывает», авторский материал.

140

Древнейшая славянская икона, середина XI века. Великий Новгород.

141

«Исходник» — (жарг.) от «исходный материал», то есть исходная «картинка», изначальное видеоизображение, рабочий материал; включая полное интервью с ньюсмейкерами.

142

Украинская повстанческая армия (УПА) — боевое формирование Организации украинских националистов (ОУН).

143

В декабре 1991 Студенческим братством Львовщины на горе Жбир был установлен памятник бойцам дивизии «Галичина», но почти сразу же, в январе 1992 года, представители Львовского гарнизона его взорвали.

144

Цветков Игорь Борисович — человек с неизвестной телебиографией; информации про него очень мало. Как только осенью 2009 года Наталья Никонова была назначена генеральным продюсером «5 канала» (ОАО «Телерадиокомпания «Петербург — Пятый канал»), там же непыльную должность получил её муж — стал главным редактором телеканала. Таким же забавным способом этот удивительный человек был введён в состав Академии Российского телевидения. С 2011 года телеакадемик Игорь Борисович Цветков получил должность главного специалиста Службы специальных линейных проектов Дирекции главных продюсеров телеканала «Россия». Принимаю — возможно, это случайность, что именно в это время руководителем, главным продюсером Службы специальных линейных проектов Дирекции главных продюсеров телеканала «Россия» стала его супруга Наталья Никонова.

145

Лайф (от англ. life жизнь) — «картинка» с живым звуком, интершумом, имеющим эмоциональное содержание. Иногда со словами «героя» — такими, какими говорят в жизни — последний вид ещё называют синхрон-лайф.

146

Когда Наталья Никонова получила должность генерального продюсера ОАО «Телерадиокомпания «Петербург», обе девушки стали работать ещё и там — Ильчинская Гюльнара исполнительным продюсером Дирекции по управлению и контролю за производством, Виктория Эль-Муалля замом генпродюсера. А потом ещё и превратились в телеакадемиков, членов Академии Российского телевидения. Так решил Константин Эрнст — как в случае с самой Никоновой, так и по поводу её свиты.

147

Статья 79 (ч. 1) Трудового кодекса России обязывает работодателя предупредить работника о прекращении трудового договора в связи с истечением срока его действия не менее чем за три календарных дня до увольнения.

148

Статья 392 Трудового кодекса России ограничивает работнику право обращения в суд по спорам об увольнении — сроком в один месяц со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки. Если срок пропущен по уважительной причине, то он может быть восстановлен судом.

149

Акт приема-сдачи работ (услуг) является приложением к договору возмездного оказания услуг (договору подряда), это документальное оформление результатов работы, услуг. Без этого акта подписанный договор неполноценен.

150

Ст. 84.1 и ст. 140 Трудового кодекса России.

151

Из Андрея Курпатова телесемейка слепила потом ещё одного «карманного» телеакадемика, члена Академии Российского телевидения.

152

Борис Резник — член фракции «Единая Россия», заместитель председателя Комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи. Получил в 1981 году объясняющее его интеллектуальный уровень образование — Хабаровская высшая партийная школа.

153

Олег Шеин — депутат Госдумы (партия «Справедливая Россия»), заместитель председателя Комитета по труду и социальной политике. Известный профсоюзный активист, сопредседатель профсоюза «Защита труда».

154

Сергей Миронов — председатель партии «Справедливая Россия». Николай Левичев — глава фракции этой партии в Госдуме пятого созыва.

155

Заключение с работником срочного трудового договора вместо бессрочного трудового договора незаконно! По Трудовому кодексу России (ч. 2 ст. 58) срочный трудовой договор может быть заключен лишь при условии невозможности установления трудовых отношений на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения.

Постоянная пролонгация, перезаключение срочного трудового договора также запрещено законом! ТК (ч. 1 ст. 338) допускает возможность перезаключения срочного трудового договора на новый срок лишь применительно к работникам, направляемым на работу в дипломатическое представительство России за границей.

156

Юридический адрес у ООО «ППК» в официальных бумагах — г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д.3, стр.2. Хотя по выписке из ЕГРЮЛ — г. Москва, Береговой проезд, д.4, к.3, стр.5. ИНН 7715703847. Уставной капитал — 10 тысяч рублей. Генеральный директор — Свенцицкий Александр Трофимович. Типичный зиц-председатель — добродушный старичок, «божий одуванчик». Отдел кадров ООО «ППК» расположен в Телецентре на площади, принадлежащей НТВ. В основном, в эту контору загоняются сотрудники телекомпании, работающие вне Дирекции информационного вещания НТВ («новости») — от программы «Утро на НТВ» до «Ты не поверишь!» и «Авиаторы».

157

На улице Академика Королёва находится ФГУП «ТТЦ «Останкино» — дом 12 (АСК-1) и дом 19 (АСК-3). Юридический адрес ООО «Зелёная Студия» — ул. Космонавтов, д.18, корпус 3.

Мы считали, что состав суда был сформирован не на основании закона, так как в нём отсутствовал представитель гражданского общества — т. н. общественный судья — как того требует Конституция страны (часть 5 статьи 32 которой провозглашает право граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия, а судебная защита, в свою очередь, предполагает реализацию этого права при формировании состава суда по рассмотрению и разрешению в том числе и гражданских дел). Надеется на независимый и беспристрастный суд, на котором единолично председательствует Екатерина Михайловна Дорохина, я не посоветовал бы даже врагу.

159

По статье 79 (ч. 1) Трудового кодекса России — не менее чем за три (!) календарных дня.

160

По закону «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», новый руководитель считается де-юре вступившим в должность (а прежний — уволенным) лишь с момента внесения надлежащей записи в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ).

161

По ст. 58 (ч. 4) Трудового кодекса России, если ни одна из сторон не потребовала расторжения срочного трудового договора в связи с истечением срока его действия и работник продолжает работу после истечения срока действия трудового договора, условие о его срочном характере утрачивает силу и такой договор считается заключенным на неопределенный срок.

162

По Трудовому кодексу России (ст. 11, ч. 4), трудовые отношения должны быть урегулированы только на основании норм трудового законодательства.

163

Сергей Анатольевич Пашин — один из основных авторов первой судебной реформы в России, разработчик законов «О Конституционном Суде РСФСР» (1991 г.), «О статусе судей», а также участвовал в разработке Гражданско-процессуального и Уголовно-процессуального кодексов. Зачинатель суда присяжных в современной России.

164

Зоя Ивановна Корнева — председатель Мосгорсуда до 99-го года, просидела в этом кресле около 13 лет. Её *величали* «Зой-Ванной, королевой московской», а возглавляемый ею орган стали именовать Мосгорштампом. Очень важно, что начало правления Корневой пришлось на самый идеалистичный период Перестройки, и уже в этом очень важном назначении крылась циничная подлость и двуличие той т. н. «новой эпохи» Горбачёва.

Ольга Александровна Егорова — нынешний глава Мосгорсуда и любимая ученица Корневой, обожает, когда её в лицо (и за спиной, конечно, тоже) называют Царицей. Вот такой вот дурдом!

165

Гражданско-процессуальный кодекс России (ч. 4 ст. 67, ч. 4 ст. 198) обязывает суд отразить в своём решении результаты оценки представленных по делу доказательств.

166

В суд — Останкинский районный суд — мы с Олегом подали одновременно 16 марта, за два дня до нашей акции в Телецентре.

167

Федеральная антимонопольная служба.

168

В соответствии со ст. 55, 71, 188, 358 ГПК России самостоятельные доказательства по делу — в том числе и правовые заключения, составленные после вынесения решения судом первой инстанции — должны быть исследованы судом кассационной инстанции и получить оценку.

169

Олег был уволен приказом от 5 марта 2009, как было записано в трудовой книжке, «в связи с истечением срока трудового договора», хотя последний срочный договор коллеги был заключён до 1 июня 2009 года. Влад Симонов и Олег Бабич без труда доказали — объяснили — Дорохиной, что перезаключения трудового договора на новый срок нарушают законодательство.

170

Перечень профессий и должностей творческих работников (утверждён постановлением Правительства РФ от 28 апреля 2007 г. № 252), с которыми работодатель может заключать ***срочный*** трудовой договор (ст. 59 ТК).

171

Наши с Олегом фотографии несколько месяцев висели на постах охраны всех 17 подъездов Останкино — распоряжение главы ТТЦ Михаила Шубина.

Эдуард Лимонов — лидер НБП, писатель.

173

В соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК России, бремя доказывания юридически значимых обстоятельств, доказанность которых позволяет применить меры имущественной ответственности, лежит на заявителе, истце. То есть каждая сторона обязана сама доказывать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений.

174

Сергей Анатольевич Пашин — бывший федеральный судья. См. выше.

175

На это указывает сразу несколько статей ГПК РФ — 55, 67, 68, 71, 188.

176

По статье 10 Основного закона России, ветви власти разделены. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Механизм такого участия в законах не прописан — раньше данное право могло было быть реализовано и в гражданском процессе (институт народных заседателей), но по новому ГПК (часть 1 статьи 7 и часть 1 статьи 14), формирование состава суда по гражданским делам с участием непрофессиональных, общественных судей исключено. Но ведь такое право гарантировано Основным законом страны — и оно обеспечивается, например, в арбитражном процессе (арбитражные заседатели), а также в уголовном процессе (присяжные заседатели).

178

Определения Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 года № 258-О и от 18 июля 2006 года № 327-О.

179

Половой акт сотрудника прокуратуры или СКП (в роли доминирующего самца) с судьёй (в роли подчиняющейся самки) — это ярко и символично передаёт положение, позицию и статус судебной системы в стране.